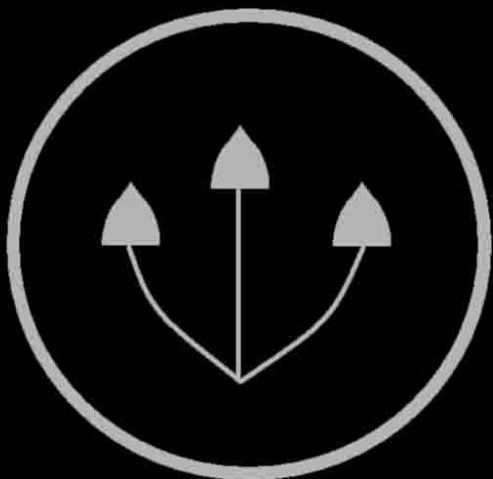

СКАЗКИ ТЕМНОГО ЛЕСА

MUSHROOM ELVES PRESS
2007

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПАРТИИ И КОАЛИЦИИ**

**DJONNY “СКАЗКИ ТЕМНОГО ЛЕСА”
MUSHROOM ELVES PRESS, 2007,
452 с. иллюстрированное издание**

"Свыше полутысячи смешных и жутких, удивительных и кровавых историй, произошедших в среде питерских ролевиков в период с 1991 по 2000 год. Всё, про что бы Вы хотели узнать - история РИ глазами подонков, глумление над людьми, попойки и употребление наркотиков, секты и самоубийства, погромы и провокации, облавы и противодействие властей - всё здесь.

Это "темная история" Питерской ролевой тусовки - весело, жестко и совсем не так, как теперь принято. Почти от самого начала до рубежа тысячелетий, в живом изложении от создателей большинства этих историй - Грибных Эльфов".

Серия “Библиотека Грибных Эльфов”

© DJONNY, 2007

© рисунки в тексте и рисунок обложки JET A. D.

Автор разрешает воспроизводить эту книгу в любой форме и любыми средствами (электронными и механическими, включая фотокопирование, магнитную запись или иные средства копирования или сохранения информации) для целей, не связанных с извлечением прибыли.

Вступление, разъясняющее замысел и суть.

*“Планом творческим своим
Поделись-ка ты с другим,
Как своим делились планом
Братья-сказочники Гримм”.*

Холодной была осень 93-го. Такой холодной, что я нацепил зимнюю шапку и надел шинель, собираясь на первую в своей жизни ролевую игру. Мне было шестнадцать, а играть я умел только в дурака, три палки, вкладыши, бутылочку и сифу. Эти простые игры все знают, но слухи - а их силу познал каждый - уже донесли до меня кое-что про другие.

Долетавшая до меня в те далекие времена молва утверждала однозначно - волшебный мир есть! Он огромен и прекрасен, а добро и зло в нем представлено ярче, чем в повседневной жизни: зло - не только наркоманами и уголовниками, а добро как-то ещё, помимо отвлеченных понятий. Эти вещи там не смешиваются, как это происходит обычно - зло практически абсолютно, а добро и подавно: увидишь, так ни с чем не перепутаешь! Как будто огромная река властно разделила весь этот мир на два лагеря - на западном берегу покоится предвечный свет, а восточный от начала веков затемнён.

Вышло так, что мы побывали в этом мире, вдоволь наплавались по этой реке, досыта пили и ели на обоих её берегах. Мы кое-чего повидали такого, о чём вам больше никто не расскажет - ни охотники, ни даже опытные рыбаки. Человеческий разум блекнет перед силой подлинных чудес, и не всякая летопись сможет вместить происходящее. Мне немного жаль, ведь рассказ о событиях - лишь слабая тень, и никто не в силах облечь живую реальность в слова. Существует только одно противоядие, то, что способно снова превратить нашу летопись в непосредственный поток впечатлений, заставить картинки двигаться, а ноты звучать - ваше воображение.

Так всегда - сказки и истории, как дым, вечно сопровождают пламя, что подчас вспыхивает и окружает дела людей. Многое из того, что случилось, тонет в этом дыму, ясности нет, а все услышанное вами ранее - только неверный отзвук, эхо действительных событий. Ведь память - как художник, и каждому она рисует свои картины.

Я не советую вам судить о подлинности тех обстоятельств, про которые здесь дальше пойдет речь. Может быть, это блажь, навеянная кому-то во время вечернего сна пакистанской шалой, в сути своей - ложь, измышления и неправда. Может быть - летопись отдаленных событий, искаженных глумливым разумом летописца. А может быть, вам станет доступна память прошедших дней, пусть даже это будет чужая память. Ведь если двое смотрят на один и тот же пляж, один - через розовые очки, а другой - в коллиматорный прицел, у этих двоих будут немного разные впечатления.

То, о чем мы хотим рассказать - история людей и мнений, а мы сами - только фокус, линза восприятия, через которую в этой истории преломляется волшебный и удивительный мир. Этот мир - люди, и далеко не каждый из них мечтал попасть на страницы этой книги. Но нам их несколько не жаль, ведь о том и сказ - про наши отношения с другими людьми. Про то, что было только между ними и нами. Некоторые из этих людей нам дороги, и мы скажем о них с уважением, еще кое-кто не нашел нашей дружбы, кто-то претерпел от нас унижения, кому-то дали пизды, а были и такие, от кого нам самим пришлось опиздюлиться.

Все эти люди так или иначе существуют: может быть, они есть, может - были, а может, как считают буддисты школы Читтаматра, всё это существует лишь как образы нашего ума. И если кому-то не понравится наш рассказ из-за того, что про него там плохо сказано - так впредь ему будет наука. В следующей жизни старайтесь быть лучше, тогда и в сказках о вас скажут хорошо.

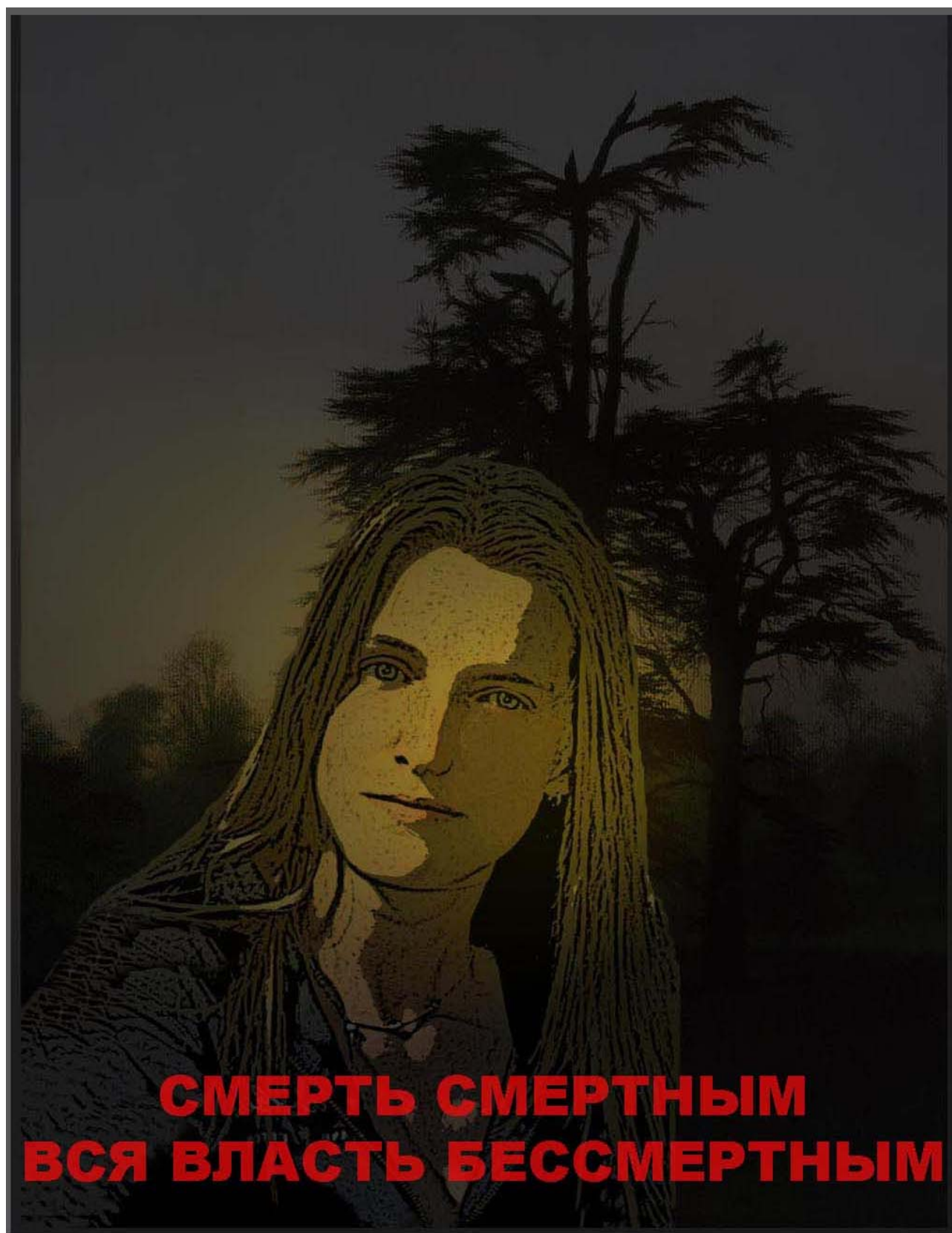
Так что написанное ниже, а равно и выше, распространяется на правах волшебных сказок. Это следует понимать так - если пишут: “Алеша Попович половцев побил, а их скарб отнял”, то не спрашивают потом: где именно и на территории какого отдела это произошло? И если пишут про сказочных существ, что они ни в чем - ни в питье, ни в наркотиках - себе не отказывают, так это ещё не значит, что сказочные существа призывают употреблять наркотики именно тебя. Нет. Они призывают: если взялся за подвиги, убедись, блядь, что ты в сказке!

Мы предупреждаем: сказки бывают добрые и злые, и какими покажутся вам наши сказки - не знаем. Мы уже начали и дальше собираемся использовать матную речь, ни хуя не побоимся описать сцены насилия, употребление наркотиков и половой акт. Герои сказочных сцен, которые мы собираемся обрисовать, могут высказывать разные, в том числе почитающиеся кем-то неправильными мнения или взгляды. Ни за какую хуйню, которую учинят и о которой сообщат на страницах этой книги сказочные существа, редколлегия не отвечает, если сказочные существа вас к чему-то призывают - не ведитесь, если вам кажется, что этот материал содержит запрещенную пропаганду - завязывайте его читать. Не давайте этого детям и сами не увлекайтесь.

Помните основное правило: будь осторожен со сказками, они учат хорошему и плохому, а чему именно - сразу определить трудно. Так что лучше ничему у сказок не учиться, а уж если чему выучился - не жалуйся и на сказки потом не кивай. Вот пример: решил дядя Толя прославиться по примеру папы Карло. А правильного способа не знал, и все сделал неправильно. И хотя сына у него теперь зовут Буратино Анатольевич, сам он не очень-то этому рад.

Между 1991 и 1993. Рассвет над Лориеном.

История Инвалида.

Вот как Солнцеликий¹ учил о тех строках, что предваряют в некоторых книгах основной текст: “Эпиграфы служат книге тем же способом, каким соль служит пище. Ведь когда человек ест, про соль он не думает - вкус блюда куда интересней! Но без соли это был бы совсем другой вкус”. “Honey of Tales”.

Началось всё в 91-ом, когда мой друг Костян стал заходить в бардовский клуб “Восток”, что возле Владимирской. Там играли песенки и пили портвейн, то есть имел место культурный очаг, под водочку и со струнным аккомпанементом. Среди тамошней публики выделялся один инвалид с сухой ногой и на костылях, отрекомендовавшийся Филом. Он ещё добавлял, бывало:

- Не просто Фил, а Фил - трехногий эльф.

Вот он и понарасказывал моему другу такого, что Костян пришёл в кружок, где мы с ним занимались биологией, и спросил меня:

- Толкиена читал?

Мой друг чуть ниже среднего роста, зато заметно крепче меня. Спортшкола и правильные товарищи по двору - вот те факторы, которые изначально сформировали его мнение и взгляд на вещи. Характерной его чертой я назвал бы непримиримость - он из тех, кто старательно ищет повода для ссоры. Нельзя сказать, чтобы это всегда шло ему на пользу - к четырнадцати годам у него на голове было как раз четырнадцать шрамов. Но даже те, кому повезло выйти из схватки с ним победителями, не могли похвастать, что эта победа досталась им легко.

- Толкиена? - автоматически переспросил я, а затем добавил: - Нет.

Мы сидели в каптерке павильона Росси, что стоит на улице зодчего с таким же именем. Эта улица через сто метров от павильона упирается в Невский проспект и универмаг “Елисеевский”.

- Надо прочитать, - объяснил мне Костян. - Если читаем быстро, то впишемся в тему, о которой можно только мечтать. Вся жизнь по-другому пойдет.

- Но это точно? - спросил его я. - Неохота зря ничего читать.

- Инвалид клянётся, - ответил мне Костян, - что всё так и есть. Он, собственно, должен сейчас зайти.

- В чём тема-то? - перебил его я.

- Ну, - задумался мой друг, - так и не скажешь. Наверде как ездят люди в лес, там делятся на коллективы и дерутся.

- Охуеть, - удивился я, - а зачем в лес-то ехать? Вон, у меня в районе - зайди в Болото или в Листву². И пизды получишь, и часы снимут. И не надо ехать в лес.

- Ты не понял, - терпеливо объяснял мне Костян, - ни про какие “пизды” речь не идет. Поедем с тобой...

- Ты ебнулся, друже, - остановил его я, - нам двоим там голову снимут, в лесу. И до больницы ты, когда тебе опять башку разобьют, уже не доедешь. Не ездят на такое вдвоем.

- Ты меня, - разъярился мой друг, - будешь слушать, дебил? Это такая специальная тема. Но пока мы понять этого не можем, потому что инвалид сказал - сначала надо прочитать Толкиена.

- Что читать-то, - смирился я, - и где взять?

- “Властелин колец”, в районной библиотеке должен быть.

- Забито, - согласился я, - веди, показывай своего инвалида.

¹ Здесь и далее слова Солнцеликого цитируется по: Arshaib Vahattab nu Babertzim “Honey of Tales”.

² В те времена была хорошая традиция - дворы имели собственные названия.

Мы вышли в парк через заднюю дверь, оставив позади всё - зал, где препарируют лягушек, стеллажи с книгами и ряды парт. Там остались наши прошлые увлечения - моя орнитология и гидробиология Костяна. Двери распахнулись, и я увидел занесенные снегом ступеньки, а на них - щуплого человека, опирающегося на пару костылей. Он кутался в светлую болоньевую куртку и курил, ожидая, пока мы выйдем. Со страху мне показалось, что инвалид старше нас лет на пять.

- Фил, трехногий эльф, - представился он мне.

- Ваня, - отрекомендовался я.

- Ну давай, - предложил ему Костян, - рассказывай.

- Тут вот в чем дело... - начал инвалид, ловко усаживаясь прямо на край мраморного парапета.

Выходило по его словам следующее - что я усвоил скорее тезисно, нежели целиком. Во-первых, существует книга Толкиена "Властелин Колец". Возле этой книги инвалид кружил долго, но, так как книги я еще не читал, то понял про неё мало. Второе - есть люди, которые уже читали эту книгу, например, инвалид. Это мне показалось правдоподобным. Дальше инвалид сообщил: такие люди устраивают мероприятия, называющиеся "хоббитские игры", тема эта новая, ей едва ли несколько лет.

Суть темы в следующем: каждый выбирает себе роль по душе (но не любую, а из представленных в произведениях Толкиена), а затем где-то в лесу отстаивает свои интересы с помощью мечей, топоров, щитов и копий. Всё это нужно сделать самим, с помощью разнообразных подручных средств. Бои там, разъяснил инвалид, как бы понарошку - мечи и остальная снасть деревянные, бьют вполсилы, так что смертоубийства вроде бы нет. Но, и на это инвалид особенно напирал, совсем неумехам там делать тоже нечего. Нужно, объяснил он, уметь всем этим драться.

- Знаете, как фехтовать? - под конец спросил он.

В школьном возрасте из-за непрерывного и весьма насыщенного общения со злонамеренно настроенными сверстниками обостряется наблюдательность. Становится ясна необходимость наличия внимания к собеседнику. Я был достаточно внимателен, и мне показалось: задав свой провокационный вопрос, инвалид заранее приготовился услышать удивленное "нет". Но вышла лажа.

- Так знаете, или нет? - на всякий случай переспросил Фил, заметив некоторое наше недоумение, выразившееся в том, что я устался на Костяна, а он - на меня.

- Умеем, - решительно ответил Костян.

- Ясное дело, - поддержал его я.

Тут дело было в чём: многие родители берут за правило отягощать детей всевозможными секциями и кружками. Нынче мы с Костяном посещали биологический кружок, а незадолго до этого занимались фехтованием - я три года саблей в "Мушкетёре", а Костян четыре года рапирой в секции при ДТЮ. Так что мы полагали, что знаем, как фехтовать. Об этом мы прямо заявили инвалиду.

- Что, - рассмеялся он, - спортивное фехтование? Это полное уродство, с дракой палками не имеет ничего общего.

Я был с инвалидом совершенно согласен, только не понимал - зачем он нам про это рассказывает? У нас в секции тренер лупил всех, кого ни попадя, спортивной саблей, а по некоторым дням - палкой. Разница между этими вещами была очевидна мне с детства, я даже полагал себя в этом вопросе компетентнее инвалида. Он ведь сам спросил: знаем ли мы, как фехтовать? Почему не спросил тогда: знаем ли мы, как драться палками?

Мы бы тут же ответили ему, что за павильоном у нас припрятаны сухие колья толщиной в руку, примерно по полтора метра длиной. Иногда кто-то привязывал их к деревьям, а мы отвязывали и прятали за павильоном. В погожие дни мы выходили с ними и колотили друг друга ради веселья и для пущей радости жизни. Инвалид был полностью прав - со спортивным фехтованием здесь мало общего.

- Так бы сразу и сказал, - заявил ему я, - что нужно будет палками драться. Это мы тоже умеем.

Наша дерзость, похоже, разозлила инвалида.

- Ничего вы не умеете. Вот, - Фил встал и поднял костыли, - смотрите.

Он начал размахивать костылями вокруг себя, крутить ими, приседать на одной ноге и делать еще много всякого, от чего я лично был в шоке. До того нелепо и странно, если не сказать - глумно всё это выглядело. Но инвалид, похоже, был другого мнения.

- Возьмите ваши палки, - предложил он нам, - и нападайте на меня.

Мы с Костяном переглянулись.

- Ты уверен, - спросил Костян, - что этого хочешь?

- А! - воскликнул Фил. - Так вы решились?

Он остался ждать, пока мы сходим за колями. Когда я доставал из нычки колы, мне пришло в голову спросить:

- Слушай, Костян, так что, реально нужно будет дуплить его колями?

- Хочешь быть в теме? - строго спросил меня мой друг.

- Ну...- задумался я, представляя, как множество незнакомых людей дуплят в лесу такими вот колями меня самого, - я не уверен. Хотя наверное...

- Не ссы, - мои сомнения Костян истолковал по-своему. - Что мы, с инвалидом не справимся?

Фил занял позицию на ступенях павильона. Угрожающе выставив костыли, он стоял на обледеневших камнях и смотрел, как мы подходим - с одной и другой стороны. Я должен был атаковать первым, с целью отвлечь внимание, и выполнил это так: подскочив, несколько раз ткнул наудачу в инвалида колом. Фил извернулся, принял кол в костыли и мои удары отбил, но упустил время и за Костей недоглядел.

С устрашающей силой ударил мой друг, а своей целью выбрал единственную ногу, на которой стоял Фил. Бил он из-за плеча, по широкой дуге, и удар вышел хороший - размашистый и в то же время резкий, как в крокете.

- О! - только и смог сказать я, когда Фил, взмахнув напоследок костылями, обрушился спиной вниз со ступеней.

- Ну, подходим мы? - спросил Костян, подходя к лежащему. - Нормально?

- Что вы делаете, сволочи, - захрипел Фил, - что же вы делаете?

- А что? - спросил его я. - Что не так?

- И когда мы поедem на игру, - добавил Костя, - скоро?

- Никогда, - ответил нам Фил, - вы не умеете драться. Поняли меня, никогда!

Он кое-как поднялся, подобрал костыли и, хромя на обе ноги, поплелся к выходу из парка.

- Но подожди, - пытался увещевать его Костян, - мы же...

- Нет уж, - не оборачиваясь процедил Фил, - это не для вас. Обойдемся.

- Брось ты его, - посоветовал я, - ну его. Сказал же, обойдутся без нас.

- Это мы ещё посмотрим! - ответил мне мой друг, и по его голосу я понял, что он не слишком доволен. - Это надо же!

Он повернулся ко мне.

- Всё ты, блядь, виноват!

- Ни хуя себе, - удивился я. - Чем же это я провинился?

- А кто, - спросил меня Костян, - кто предложил дуплить его колями?

- Я тебе скажу, кто, - отозвался я, глядя на Фила, почти добравшегося до ворот. - Вон кто. Он и предложил.

- Ладно, - признал Костян, - проехали.

- А как же Толкиен? - спросил я. - Теперь, наверное, не надо читать?

- Как знаешь, - ответил мне Костян, - но я думаю, надо. Не один же этот инвалид, подвернется еще кто-нибудь. Будем ждать.

Старуха и её макраме.

“Прежде чем стать эльфом, следует перестать быть человеком. Без наркотиков эта задача совершенно неразрешима”. Elvenpath.

Прошла пара лет, но не нашлось никого, кто бы пожелал нам помочь. Сказки остались сказками, слухи слухами, а ролевые игры были также далеки от нас, как луна. Но луну мы видели часто, а игры продолжали быть скрыты от нас. Наш первоначальный интерес не угас - как костер, пищей которому служили чужие слова, он продолжал тлеть, ожидая своего часа. Временами, пробираясь в помещение секции фехтования за новой партией эспадонов и рапир вместо сломанных, я думал - когда же уже? Но время шло, и мы, следом за ним, не стояли на месте.

Толкиена мы прочитали, и это сказалось, но было и ещё кое-что: в озере наших интересов открылся ключ, вот только воды в нём не было. Мы начали запой, которому суждено было длиться всю ближайшую десятилетку - и этанол вобрал в себя, преломил и растворил всё, чего мы касались. Алкоголь стал для нас другом и защитником, ибо подлинно сказано: “Всё - ты, и ничего без тебя”.

Спиртное вошло в нашу жизнь стремительно и мощно - словно распахнулись ворота рая, отпустившие на волю бешеный ветер и ослепительный свет. Еще вчера мы были просто увлекающимися детьми, но с сегодняшнего дня начали стремительно взрослеть. Начав пить, мы больше не останавливались, подобно стартовавшей стреле, для которой немислимо повернуться вспять и снова вернуться на тетиву.

Я до сих пор помню свой первый глоток спиртного - огненное причастие, навсегда изменившее трогательный мир моего детства. Словно кровь братства³, обещающая бессмертие, алкоголь стер наши прошлые жизни, взамен подарив нам по новой. Пройдя рубеж, мы стали смотреть на мир совсем другими глазами, впервые соприкоснувшись с новым для себя чувством - нестерпимой жаждой спиртного. А самые первые наши “алкогольные опыты” были такие.

Под Питером есть такой лагерь - “Зеркальный”⁴, второй по значению пионерский лагерь в стране после знаменитого “Артека”. Это чудное место с обширными собственными традициями, где помимо “красных” смен вздумали проводить еще и “зеленые”. На несколько таких смен ездили я и мой друг Костян, а также наши коллеги по биологическому кружку - Рыпаленко и Пушкарев. Это были так называемые “зимние смены”, когда счастливые дети не только живут, но и “учатся” в лагере. На самой первой смене мы были еще слишком маленькие, чтобы воткнуться в расклад, но

³ Имеется в виду “становление” - глоток крови вампира, возносящий выпившего его в “вечную жизнь по ту сторону ночи”.

⁴ Лагерь пионерского и комсомольского актива “Зеркальный”. Расположен на берегу озера Зеркальное в Ленинградской области, в пяти километрах от одноименной станции Приморского направления. Второй по стране (после знаменитого Артека) лагерь по подготовке детского и юношеского комсостава - активистов пионерской и (в будущем) комсомольской организации. (Часть “пионерских” традиций сохранилась здесь даже после августовского путча, когда Пионерская Организация в нашей стране перестала существовать). В Зеркальном проводились два типа смен - “красные” и “зеленые”. “Красная смена” проводится для так называемого “актива” - избранных членов пионерской организации, направленных в Зеркальный местечковыми Советами Дружин за “особые заслуги”. Там их учили чтить заветы партии и помыкать сверстниками, причем проходило все это в удушающей атмосфере бесконечных собраний, “линеек” и “Ленинских маршей”. “Красная смена” давала великолепную подготовку в плане психологии управления, учила правильно мотивировать товарищей и зубами рвать для себя высокое место в будущей “взрослой жизни”. Те, кто с умом прошел через “красную смену”, становились в ходе этого такими суками, что могли особенно не беспокоиться о собственном будущем. Зеркальный не зря считается “вторым лагерем по стране” - механизмы научения и контроля были поставлены там просто на недостижимую высоту. В противоположность этому “зеленая смена” организовывалась не Пионерской Организацией, а отделом биологии городского Дворца Творчества Юных. Прибывшие на нее дети позиционировались перед руководством лагеря как “молодые ученые”, из-за чего никаких линеек на “зеленой смене” в помине не было. “Зеленая смена” - рай по сравнению с “красной”, проникнутой жесткой дисциплиной и на всю голову “уставной”.

на следующий год Рыпаленко привез с собой пять банок сахарной браги. Именно она и заставила нас “проснуться и открыть глаза”.

В Зеркальном даже “зеленая смена” не свободна от подозрительных зомбирующих традиций. Важнейшая из них - так называемое “вечернее отрядное дело”, когда вожатый собирает отряд в темной рекреации и начинает усиленно промывать детям мозг. Сначала все садятся кружочком, а потом вожатый зажигает в центре свечку и начинает “гнать”:

- Эта свеча символизирует сияющую, чистую душу зеркаленка! - со значением говорит он. - Глубоко вдохните и как бы вберите в себя ее свет! Чувствуете, как он наполняет все ваше тело? Свеча горит сегодня не просто так - она хочет помочь вам рассказать отряду о себе, о своих надеждах, волнениях и тревогах. Выйди вперед, Пушкарев, и скажи нам ...

Пока мы были маленькие и не пили, мы велись на это говно, но возвращенная на “теплаке” брага быстро расставила все по своим местам. Первый же стакан этой пенящей жидкости освободил наш разум, сделав глаза и уши свободными. Брага потушила неверный свет “зеркальской души”, подарив нам весь мир взамен этого мутного светоча. Вместо него в наших душах вспыхнули пары алкоголя - синее пламя ада, в свете которого рассказы вожатых мгновенно потеряли всякую силу.

- Ребята, на отрядное дело! - прогнусавил в один из таких дней местный “шнырь”⁵, осторожно заглядывая в двери нашей комнаты. - Только вас и ждем, все давно уже собрались!

Комната у нас была одна на четверых - пружинные кровати и несколько тумбочек, доверху набитых банками с брагой. Лично мне хватало тогда трехсот грамм, чтобы упиться “в говно”, а поллитрой я мог довести себя уже до “полного отрубона”. Поэтому слова “шныря” не произвели на нас особого впечатления - мне неожиданно стало похуй не то что на “отрядное дело”, а и на самих вожатых и на весь этот ебучий отряд. И, видно, не мне одному.

- Пошел отсюда! - прикрикнул на “шныря” Костян. - Пока мы не встали и не дали тебе пизды!

- Ах вот как! - рассердился “шнырь”. - Ну я вам ...

Но что “он нам”, “шнырь” придумать так и не смог. Мы легко дали бы ему пизды, и “шнырь” неожиданно для себя очень хорошо это понял. Так что пришлось ему убираться ни с чем, а у нас появился опыт отстаивания собственных прав с помощью “угрозы пиздюлей”. Впоследствии нам это очень и очень пригодилось. Но в тот раз дело на этом не кончилось.

В Зеркальном у вожатых не принято самим врываться в комнаты к детям и орать⁶. И если уж кому-нибудь дали поручение привести ребят на “отрядное дело”, то за неявку “взъебут” в первую очередь нерадивого посыльного. “Шнырь” это знал, потому и принялся нас “заебывать” - открывать дверь на несколько секунд и орать:

- Вы что, блин, не слышали? На отрядное дело!

На третий раз терпение у Костяна истощилось. Вынув из-под подушки финку, он хлестко метнул ее в назойливого “шныря”. Метать ножики мой друг умел с детства, так что “шныря” спасло только то, что он вовремя закрыл дверь. Нож пробил тонкую филенку и застрял в фанере аккуратно на уровне его лица.

На эту смену с ножами приехала вся наша четверка, а у Костяна была с собой еще и цепь с амбарным замком, пропущенная через ручку от велосипедного насоса. Вскоре нам очень пригодился этот нехитрый инвентарь.

Через два дня меня поймал возле нашей двери какой-то хмырь, года на три меня старше. Это был активист из “красных”, которого хитроумные вожатые попросили “повлиять” на дерзких нарушителей лагерного режима.

- Ну, ты! - заявило мне это хуйло. - Знаешь, я могу ударить тебя ногой вот сюда!

С этими словами он прикоснулся пальцами к моей голове и сделал “страшное лицо”.

⁵ Шнырь (зерк. жарг.) - помощник вожатого.

⁶ Считается, что вожатый - это учитель и друг, так что избивать ребенка вожатые станут только в самом крайнем случае. Обычно до этого стараются не доводить - дают ответственностью и моралью, но на пьяных детей эти методы действуют не слишком хорошо.

- Все понял?! - переспросил он. - А?!

- Хуй на! - спокойно ответил я, так как был всего в шаге от дверей нашей комнаты. - Сейчас мы с тобою поговорим!

Тут я трижды постучал каблуком в дверь, как у нас было условлено.

- Что ты ... - взбеленился мой собеседник, но ему не дали как следует развить свою мысль.

Высыпавшие из комнаты товарищи окружили активиста плотным кольцом, уперев ему в бока лезвия длинных ножей.

- Ну что, сука? - спросил у нашего "гостя" Костян. - Будешь еще нас заебывать?

Товарищи по двору успели привить Костяну правильные понятия, так что на людей с "красной смены" он смотрел теперь как на конченную мразь.

- Ага! - обрадовался я, взяв у Рыпаленко из рук мой собственный нож и поворачиваясь к активисту. - Знаешь, я могу ткнуть тебя ножом вот сюда! И сюда тоже!

С этими словами мы принялись приставлять ему ножки к различным частям тела. Активист вяло сопротивлялся, но без особого успеха, так как своего ножа у него не было.

- Не дергайся, а то мы тебя зарежем! - сурово заявил Костян. - Стой спокойно, или тебе пиздец!

Зарезать мы бы его, конечно, не зарезали, но активисту неоткуда было об этом узнать. Пришлось ему позорно терпеть унижения от малолеток, благодаря чему мы записали в свои "дневники" еще одно правило: "старше тот, кто с ножом". Так что на время все успокоилось, пока мы с товарищами не придумали ограбить в нашем отряде "сладкое место".

"Сладкое место" - немаловажная вещь для каждого зеркаленка. Это шкаф посреди коридора, куда вожатые складывают отнятую у детей еду - килограммы конфет, мешки пряников и многое другое. По традиции, все это богатство распределяется между членами отряда в равных долях, да вот беда - мы больше не считали наших сверстников "своим отрядом".

Поэтому ближайшей же ночью мы "выставили сладкий шкаф" - выгребли все подчистую, оставив на полках лишь мешок каменного овсяного печенья, валяющийся там еще с прошлой смены. Кому-то это может показаться мелочью, но в масштабах Зеркального ограбления "сладкого места" - это наихудшее ЧП. Хуже будет, если только в старших отрядах запалят на ёбле какую-нибудь неосторожную девочку.

- Произошла трагедия! - толковал на утренней внеплановой линейке один из вожатых. - Кто-то предал своих товарищей и украл всю еду из отрядного "сладкого места"! Есть единственный способ исправить эту беду - выйти вперед и прямо сказать отряду о своей ошибке! Мы даем этому человеку время подумать, а до этой поры весь отряд будет стоять и ...

Что это за "и", мы так и не узнали. Потому что Костян тут же шагнул вперед и уверенным голосом заявил:

- Я уверен, что в нашем отряде "крыс" нет! Как вы вообще могли на нас подумать?

Несмотря на собственные рассуждения по поводу "актива", Костян занимал в своей школе должность командира отряда. А следовательно, умел говорить с администрацией как бы "от лица всего коллектива".

- И товарищи со мною согласны! - вещал Костян особенным "пионерским голосом", от которого лично у меня слезы наворачивались на глаза. - Я абсолютно уверен, что это сделали ребята из другого отряда!

Такая постановка вопроса сделала задуманный вожатыми "моральный прессинг" невозможным. Вряд ли нам удалось их обмануть, но знать наверняка они не могли, а одних подозрений было явно недостаточно. Так что им ничего не оставалось, кроме как согласиться с Костяном. Ведь в противном случае они бы противопоставили себя "отряду в целом", что для вожатых Зеркального совершенно недопустимо.

На следующую ночь словам Костяна вышло самое что ни на есть конкретное подтверждение. Неизвестные хулиганы ограбили за одну ночь еще четыре "сладких места", причем все - в нашем корпусе. Так что шмон наутро был уже на весь лагерь.

- Некоторые зеркалята стали не такими, как были прежде! - причитала на линейке одна старая мегера из администрации. - Но мы верим, что изменились не все! Я обращаюсь к тем, кто это сделал - осталась ли у вас хоть капля совести?! Пусть самый смелый из вас выйдет вперед и скажет, почему он это сделал! Он не понесет никакого наказания, а мы вместе с другими ребятами будем думать: как помочь этому человеку? Что мы можем для него сделать?

Не могу сказать, чтобы тогда мне было легко все это слушать. Это сейчас я могу врать, глядя прямо в лицо следователю, а тогда совесть еще имела надо мной власть. Слова старой суки падали, словно гранитные глыбы, сгибая мои плечи и вбивая в горло предательский ком. Еще немного, и я бы сломался - но тут дух, что сидит на дне бутылки с брагой, заговорил со мной, зашептал мне прямо в левое ухо:

- Воспрянь духом, тебя же просто разводят! - в услышанном мной голосе чувствовалась уверенность и жестокая сила. - Ты отпил от меня, поэтому я убью твою совесть и заберу твой страх! Посмотри, чего ты боялся!

При первых же звуках этого голоса словно судорога прошла по моему телу - один краткий миг, и я полностью изменился. Цепкая совесть разжала холодные когти, с плеч упал многотонный груз, а голос старой мегеры стал просто далеким, ничего не значащим карканьем.

- У нее ничего на тебя нет, она просто тянет время, - твердил голос. - Пока вожатые шмонают все палаты подряд! Но ведь ты к этому готов?!

Разумеется, я был к этому готов. Еще бы нет - все награбленное мы еще вчера спрятали в общей сушилке, а целую кучу фантиков и горсть самых невкусных конфет подбросили в соседний отряд. Так что голос был прав - беспокоиться было не о чем. Когда я понял это, во мне родилось собственное понимание чести - сильное чувство, испытав которое, человек никогда больше не станет самого себя предавать.

На следующий год меня в Зеркальный уже не взяли. Тогда я и мой школьный товарищ Саулин приехали туда как бы на выходные, чтобы тайно гостить в палате у “прорвавшегося” на эту смену Костяна. К тому времени мой одноклассник Ордынский уже побудил меня завязать с брагой и взяться за спирт. Так что мы взяли с собой две литровых бутылки спирта “Royal”, здорово переоценив таким образом свои юные силы.

За три дня, что мы провели в главном корпусе, мы довели администрацию лагеря не то что “до слез”, а скорее уже “до поноса”. Две бутылки “Рояля” для детского коллектива подобны атомной бомбе: и шума много, и убивает наповал. Нас всерьез начали ловить, так что нам с Саулом пришлось бежать из корпуса и скрываться на территории лагеря.

Стояла лютая зима, и, чтобы не подохнуть, мы с Саулом прорубили топорами стену в летний спортзал, забрались внутрь и взялись за обустройство “нашего нового быта”. Спортзал находится метрах в четырехстах от главного корпуса, по дороге к озеру - прямоугольное строение посреди привольного соснового леса.

Первым делом мы с Саулиным навалили матов поверх батутной ямы, чтобы получилось некое подобие медвежьей берлоги. В ней можно было жечь костер без опасения, что его свет случайно заметят. Топили мы в основном паркетом и шведскими стенками, а срать ходили прямо на другой конец огромного зала.

Иногда мы пробирались в корпус, чтобы взять еду, собранную для нас Костяном, или спиздить возле столовой бак горячего “утреннего кофе”⁷. Все это мы сопровождали такими попойками, что Костяну под конец тоже пришлось бежать из отряда и перебираться на жительство в спортзал.

Однажды местный сторож учуял тянущийся из спортзала дымок, отомкнул навесной замок и ворвался в помещение. Спорим, что он и представить себе не мог, какая картина откроется его престарелым глазам.

Огромный зал был пустынен - если не считать нашей “берлоги”, от которой на десяток метров тянуло удушливой гарью. Батутная яма была завалена огромным количеством матов, большая часть из которых к этому времени уже прогорела. Паркет вокруг был сорван, обнажая желтые доски, на которых опочили сорванные со стен и изуродованные до неузнаваемости остатки “шведских стенок”. Валялось несколько пустых баков из-под “кофе” и целая куча битой посуды. Дальний угол зала больше напоминал общественный туалет - до такой степени мы все там загадили. А больше сторож не увидел ничего, так как мы к этому времени уже успели вылезти через дырку в противоположной стене.

Но перед тем, как окончательно покинуть Зеркальный, мы задумали и осуществили еще кое-что. В лагере есть несколько высокочтимых традиций, причем одна из них связана с расколотым пополам валуном, торчащим из воды у самого берега озера. Этот валун называется “Разбитое Сердце”, и местные легенды сообщают о нем вот что: “Тот зеркаленок, который найдет на поверхности Разбитого Сердца “теплое место”, сможет загадать желание, которое в будущем непременно исполнится”. Причем “теплое место” следует искать не как-нибудь, а ползая по камню и прижимаясь к нему собственной щекой.

Приближался пересменок - нынче целые отряды зеркалят перли на берег озера, чтобы облепить торчащий из-под льда исполинский камень. Так что мы с Саулом и Костяном задумали недоброе. Обпившись холодного чаю, мы заняли позицию на берегу озера, совсем неподалеку от Разбитого Сердца. И как только очередной отряд показывался из-за спортзала, мы прыгали на камень и живо “обоссывали” обе его базальтовые половинки.

Спрятавшись на берегу, мы с наслаждением наблюдали, как зеркалята прижимаются к камню лицом, силясь отыскать на нем заветное “теплое место”. Сегодня у многих это выходило на удивление легко, так как мы старательно подогревали поверхность камня своими струями. Но были и такие, кто быстро воткнулся в не совсем приятный расклад и тут же пожаловался вожатым. Так что в конце концов пришлось нам из Зеркального бежать.

⁷ На самом деле это никакой не кофе, а “кофейный напиток” из обжаренного ячменя.

Нужно было спешить, и в ход пошли не только алкоголь, но и транквилизаторы. Особенно транквилизаторы. Мы приобретали их за гроши у одной старухи на площади Мира, перед аптекой. Бабка торговала для виду нитками из картонной коробки, но под ними - димедрол в бумажных пачках, реланиум в лафетках и иногда - красные торпедки с тареном. У старухи была полным-полна коробочка - почти все “зепамаы” (нитразепам, диазепам и феназепам), корректоры (паркопан “второй”, “пятый” и циклодол), а иногда попадались и антифобийные средства навроде сигнопама. Временами, в хороший день, могло повезти, и старуха вынимала из коробки бодрящий сиднокарб. Маленькие круглые друзья стали нашими постоянными спутниками, и определился даже основной, рабочий метод: бутылка лимонада 0,5 на единицу “Красной Шапочки”⁸ плюс шесть таблеток феназепама; циклодол или паркопан добавлять по вкусу.

Кто не пробовал подобный коктейль, может и не знать всех его прелестей. Но тот кто пробовал, знает: после него в голове остается лишь тяжелый сумрак беспамятства, рассеченный на части вспышками каких-то странных, ни с чем не сообразных событий. Эти эпизоды - как дурной сон: то ты тонешь в пузырящемся, ставшем вдруг жидком полу (димедрол), то ловишь в циклодоле вылетающий из ванны таз с бельем, то гуляешь у себя перед домом с собакой, которую никто кроме тебя почему-то не видит.

Один из первых случаев нашего соприкосновения с миром токсикомании был ознаменован наступлением эры тотального ужаса. Это был, конечно, не такой ужас, как, скажем, в “Звездных Войнах”. Там всё было покруче - когда створ шахты реактора старые пидарасы из звездосмертостроительного КБ имени товарища Вейдера вывели в приёмную Императора. Но вышло, на мой взгляд, немногим хуже.

Между второй и третьей парой в нашей расчудесной школе по всеобщему располугу был перерыв на обед. Учились мы в отдельном крыле, соединяющем главное здание ДТЮ⁹ с театрально-концертным комплексом, по принятой аббревиатуре - ТКК. В подвале последнего располагалась столовая, куда мы ходили каждый божий день, только вот бога не вспоминали.

Однажды по пути в столовую мы встретили нашего одноклассника Богдана. С лицом, несущим печать неземного блаженства, он развалился на кушетке в коридоре. В нашем классе Богдан был на передовой, причем сразу по двум направлениям: вряд ли кто лучше него умел налаживать отношения со сверстницами, и он был первый, кто на себе опробовал инъекционную наркоманию. Так что на кушетке перед нами лежал, вне всяких сомнений, весьма уважаемый человек.

- Что это с тобой? - спросили мы, видя (так как имели уже некоторый опыт) что дело нечисто.

- Старуха на Мира, - заплетающимся языком ответил Богдан, - таблетки...

- Что? - удивился я, но Костян, как человек более практичный, спросил:

- Где именно и какие?

Богдан объяснил нам, где именно и какие таблетки. Сидя за чашкой кофе и наблюдая, как все вокруг жрут какие-то витамины, которые целыми пачками скармливало нам школьное руководство, мне пришла в голову свежая мысль:

- Слушай, - предложил я, - пришло время организовать фонд. Мы же, - я обвел рукой зал, - можем глотать всё это прямо здесь, ничего не стеснясь.

- Почему это? - удивился мой друг.

- Витамины! - объяснил я. - Никто ничего не заметит. Никому и в голову не придёт.

⁸ Жаргонное название для стеклоочистительной жидкости, в состав которой входит около восьмидесяти процентов этилового спирта. Жидкость названа так потому, что фурик объемом 0,33 с этой жидкостью запечатан пластиковой пробкой красного цвета, откуда и пошло такое название - “Красная Шапочка”.

⁹ ДТЮ - Дворец Творчества Юных.

Святая наивность! Не понимал я тогда, что невозможно будет не заметить всего того ужаса, феерического и противоправного кошмара, который вскоре начнется. Потому что на собранные с одноклассников деньги мы приобрели у старухи столько таблеток, что разноцветные лафетки полностью закрыли дно Богдановского школьного рюкзака.

Я нашёл нужным выступить с речью:

- Мы, - сказал я, оглядывая класс, - вступаем в новую эру. На хуй нам учиться, если неподалёку есть такая старуха. Налетай, товарищи!

Нас в классе было восемнадцать человек, и среди них нашлись только двое предателей, вернее - предательниц, отказавшихся проглотить горсть белесых колёс и окутаться сумраком, порождающим глобальное непонимание, галлюцинации и чудовищ.

Это было чудное дело, доселе виданное только в сказках. Как будто по взмаху волшебной палочки адского Незнайки целый класс превратился вдруг в ползающих по полу, галлюцинирующих и блюющих животных. Каждый показал себя во всей красе, но описать это я не в силах - сумрак встал надо мной, и я ушел прямо с урока дорогой видений, тёмной тропой.

Трое суток волшебная сила таблеток носила меня по городу, как сухой лист. Я забирался на чердак, чтобы лечь там и лишиться сознания, а приходил в себя в сыром и темном подвале. В ужасе выбирался на свет и не мог понять, где нахожусь. Но я всё равно шёл, а когда не мог идти - полз, разговаривая по пути с какими-то странными существами.

Как я и говорил, всё это не осталось незамеченным. Более того, обстоятельства, наши извечные друзья, совпали так, что это оказалось не только замечено, но и было истолковано самым угрожающим образом. Некоторое время назад мы с Костяном, маясь бездельем и не зная, чем бы себя занять, измыслили вот какую шутку. На листке бумаги мы написали: "В 10 Б классе открыт набор в тоталитарную секту. Секта пропагандирует употребление наркотиков, алкоголя и создана с целью последующего суицида (самоубийства) членов секты. Желаящие записаться могут обращаться в 10 Б класс". Полторы недели это объявление, не замеченное никем, провисело на доске возле кабинета директора, словно часовая мина, ожидающая своего времени.

Оно наступило, и наш директор, Николай Фёдорович, обнаружил эту записку аккуратно под занавес: вроде бы впору посмеяться, да только не хочется. Не уехали еще от школы машины скорой помощи, развозя по больницам притравленных чудесным коктейлем учеников. Было сделано предварительное врачебное заключение, базирующееся на найденных на полу лафетках: отравление элениумом, феназепамом и циклодолом.

Встал вопрос - кто за это ответит? Первым кандидатом оказалась наша классная руководительница, но она в эти дни приболела и не знала, что интересы класса стремительно изменяются - с биологии на токсикоманию.

Тут наши покровители предприняли еще одну манифестацию, подлинно явив свою мощь. Приболев на несколько дней и маясь температурой, наша классная в школе отсутствовала, а вечером приняла на ночь две таблетки элениума. Как следствие этого, на следующий день первые две пары она проспала. Телефон у неё был выключен, и когда наутро она явилась в школу, её встретил Никфёд - с побелевшим лицом и трясущимися руками.

- Где вы были, - спросил он. - Вы знаете, что случилось?

- Ах, - отмахнулась наша классная, ещё не владеющая ситуацией, - я проспала. Это всё, - решила оправдаться она, - элениум, Николай Фёдорович.

Это заявление почти что добило старика.

На берегах Куивиэнен¹⁰.

“В детстве у меня был плюшевый мишка, толстенький, с печальными и добрыми глазами. Я очень любил его, он был моим другом и товарищем для всех моих игр. Мне казалось, что я слышу его шепоток, что я понимаю его с полуслова, даже выражение его глаз могло о многом мне рассказать. Как-то с утра я взял деревянное ружьё, посадил мишку на табурет и прицелился. Бах, бах! Мишка остался сидеть, но, когда я подошёл, глаза-бусины уже погасли. С тех пор я не дружу с плюшевыми медведями, зато у меня появились другие достоинства”. рр.

Мы не забывали о необходимости культурного развития, поэтому посещали некоторые концерты. С нами вместе клубился еще один наш одноклассник, бывший герпетолог из Клуба Биологов по прозвищу Слон - человек редких возможностей, любопытных взглядов и схожих с нашими увлечений.

Высокого роста и мощной комплекции, рыжий как пламя, Слон души не чаял в сгинувшей в бездне времени культуре викингов. И старался, по мере сил, соответствовать этому образу - благо природа наделила его нечувствительностью к боли, физической силой и крепкой, всем на удивление, башкой. Лучше всего его характеризует несколько более поздняя история, рассказанная нам Эйвом. О самом рассказчике речь пойдет потом, а история - вот:

“В Лисино Корпус дело было. Это огромная деревня, на тысячу, а то и больше домов, где мы были на практике от Лесотехнической академии, то есть на лесоповале. И я решил приготовить поест. Пошел на кухню, она у нас стояла отдельно, в таком маленьком дворике, а Слон, не знаю уж из каких соображений, ходил за мною и все донимал. Он тогда был моим соседом по комнате, в одной палате с ним жили. Он, да еще Боря-казак.

И как я уже говорил, собрались готовить есть, “супокашу” решили сделать. Я собрал все продукты, что были в комнате, и пошел готовить. Там была тушенка, лук, картошка, макароны - все, что угодно, было. Сытное, наваристое такое, блядь, жранье, которое получилось на удивление вкусным. Много специй было, такая острая, хорошая вкуснятина. А может, конечно, с голодухи показалось все это.

Но готовить невозможно. Потому что в дверях стоит Слон и матюгами меня поносит. То я делаю не так, это не этак. Вот я ему и говорю: “Слон, иди сам готовь, если такой умный”. А он и говорит: “Я, говорит, не умею”. Я ему тогда: “Тогда какого хуя? Сиди и не пизди!” Но он не успокаивается! Уже на личности перешел: “Ты просто гондон и пес!” А я, говорит, викинг. В общем довел меня, довел до иступления. А рядом стоит чей-то чайник кипящий, я его схватил и в Слона метнул - а он ему ровно в грудь! Крышка отлетела, его кипятком всего - ш-ш-ш-ш... И пока он в ступоре стоял, не орал даже (чайник реально кипел), я понял - нужно что-то делать. Потому что в маленькой комнатке, где есть только плиты и посуда, воевать невозможно - Слон серьезно крупнее меня.

Бросился я на него, пока он был в шоке, оттолкнул в сторону и выскочил во двор. А рядом стоит поленница с дровами березовыми. Он схватил одно из поленьев и давай за мной бегать. Вот мы круги по полянке вокруг нашего общежития и нарезали. Я бегал, бегал, бегал, бегал, а потом думаю: чего это я от него бегу? От козла этого, блядь, который бегать не умеет? И давай над ним издеваться: остановлюсь, рожи ему покорчу. Слон, говорю, ты козел, лох и дешевое чмо! И довел его, собственно, до того, что он схватил полено за два конца, заревел и об лоб себе сломал.

Вот тогда я и думаю - ну его на хуй. Понял, что если бы он меня догнал, мне бы тут же пришел пиздец. Очень вряд ли, чтобы он меня ударил слабее, чем себя. Убежал я в деревню, далеко, где-то час там отсиживался, а потом в магазин пошел, купил коньячка и вернулся мириться. Вот и помирились”.

¹⁰ Куивиэнен (эльф.) - воды пробуждения, легендарная прародина эльфов.

**НА ОЩУПЬ БЬЮТ
ЭЛЬФИЙСКИЕ СТРЕЛКИ**

Неподалеку от станции Рощино протекает река Линдуловка, на берегах которой раскинулась знаменитая корабельная роща. Она образована вековыми лиственницами - очень живописное место, куда мы с товарищами по молодости ездили пить. Однажды по осени со Слоном вышел в Линдуловской роще вот какой случай.

Нажравшись по своему обыкновению “в говно”, Слон упал и лежал без движения, не подавая ни малейших признаков жизни. Желая над ним подшутить, мы сорвали с него свитер и рубаху, после чего оттащили на берег Линдуловки и бросили в заполненную водой яму примерно полметра глубиной. Собравшись кругом, мы стали смотреть, как Слон лежит на дне, раскинув руки и почти совсем не дыша.

Постепенно правая половина лица у Слона начала наливаясь синевой, а другая - наоборот, принялась стремительно краснеть. Из носа и рта у Слона поплыли вверх крохотные пузыри, а кожа на груди потемнела и покрылась какими-то пятнами. Так что через минуту Слон больше напоминал лежалый труп, нежели обычного человека.

В это время на тропинке вдоль реки появилась школьная учительница с целым выводком малолетних детей. Слышно было, как она назидает своим ученикам:

- Эту рощу заложил еще Петр Первый, основатель нашего великого города. А вон то дерево...

Притаившись в кустах, мы во все глаза наблюдали за этой чудесной процессией. Через несколько десятков метров учительница и дети поравнялись с затопленной ямой, а еще через несколько шагов одна из девочек испуганно закричала:

- Елена Георгиевна, там утопленник!

- Что? - удивленно переспросила учительница, но уже в следующую секунду тон ее голоса изменился. - Дети, немедленно отойдите от ямы!

Вопреки собственным словам, сама учительница подошла к яме практически вплотную, а большинство детей сгрудилось рядом с ней. Тут Слон, до этого лежавший совершенно спокойно, наконец-то почувствовал себя не слишком хорошо. Рот его неожиданно раскрылся, исторгнув наружу исполинский пузырь, а сам Слон вдруг вскочил на ноги и бросился из ямы.

Это была ужасающая картина. Только что все было спокойно, утопленник с посиневшим лицом мирно лежал на дне ямы - и вот грянул взрыв! Полетела во все стороны вода и палые листья, а над рекой и рощей повис многоголосый крик перепуганных насмерть детей. Надо отдать должное реакции учительницы - она побежала первая и бежала лучше всех, далеко опередив собственных нерасторопных питомцев.

В те времена всю концертную тему (то есть когда и куда пойти) курировал наш коллега по Клубу Биологов, анархист по убеждениям, алисоман и яростный сатанист, меж людьми известный как Антон Крейзи. Это был мой порубежник - обитатель недалёких дворов, житель Болота. В его комнате висел огромный красный флаг с надписью “Алиса”, макет револьвера и стальной шар на цепи. Он отличался обширностью связей - знал всех, кого только возможно: музыкантов, людей Системы¹¹, анархистов и торговцев наркотиками. Мы были знакомы с ним ещё по клубу биологов (он занимался ихтиологией), где и сдружились на почве вспыхнувшего у меня увлечения наркотиками и сатанизмом.

Я, поскольку воспитывался в христианской семье, к четырнадцати годам уже достиг некоторой упертости в вопросах веры, части церковного догмата полагал непреложными и от сатанизма был, мягко говоря, далек. Так что с того, объяснил мне Крейзи - сатанистами не рождаются. Его власть

¹¹ Имеется в виду Система Хиппи.

над умами в те годы была велика, и за небольшое время я сбросил ярмо Белой Веры. Но в полной мере осуществиться замыслу моего друга не было дано.

Сам он в те годы держался проальбигойских¹² взглядов - бог христиан был для него воплощением принципа власти и началом зла, а принцип света воплощала в себе сущность по имени Люцифер. Вот здесь у нас и случились первые разногласия.

Я полагал так: коли уж я отверг старую веру (начисто и по всем правилам - в А.Н. Лавре молитву наоборот читал, бога хулил и все дела его проклял), так мне теперь прямая дорога в Ад. По словам же Крейзи выходило, что теперь меня примет подлинный свет. Это вызвало у меня оттенки неудовольствия - к чему всё это? А как же Ад?

Поэтому я сформировал собственные взгляды на ситуацию. По ним выходило вот как: коли уж я бога отверг, то ни учиться, ни работать мне больше не надо. Начало света мне остоебенило еще в христианстве, подменять понятия (Бога на Люцифера) я не позволю, а лучше буду пить водку и употреблять наркотики, так как это и есть прямая дорога в Ад.

Исследовав свои новые взгляды, я оказался ими вполне доволен. Выходило так, что в Аду окажется в результате вся наша компания. А это значит - и после смерти я не буду скучать. Я проконсультировался с некоторыми нашими товарищами, в частности, со Слоном, и нашёл понимание - Слон терпеть не мог христиан за то, что они, по его мнению, устроили против культуры викингов в Норвегии и других скандинавских странах. Мы сформировали свою конфессию, весьма отличную от альбигойских взглядов Крейзи.

Мы решили для себя так: есть или нет Сатана, нам до этого дела нет. Лично я вовсе не затем бросил бога, чтобы служить теперь Сатане. Так что вера наша будет самого насущного толка, а для этого надо пить водку и разучить побольше сатанинских песен, чтобы их орать, таких например:

В Ад, в Ад - лифт на эшафот

Триста тысяч грязных мертвецов везёт.

Кровь, кровь, я выпью твою кровь -

Я видал в гробу тебя и всю твою любовь!

Этот текст “Коррозии металла” и множество ему подобных и стали нашей “азбукой сатаниста” - структурой настолько плотной, что из-за неё не виден был сам Сатана. Узнав про такие наши взгляды, Крейзи пришел в ужас, но такова была его доля - всё оказалось предрешиено, и сделать было уже ничего нельзя.

Крейзи позвонил мне в один из осенних вечеров 93-го, и разговор наш проходил так:

- Алло, Джонни?

- Ну, - ответил я, - чего тебе?

- На игру поедешь?

- На какую еще игру? - не понял сначала я, а потом сообразил. - Да ты что, правда?

- Точно, я всё пробил. Тебе понадобится старая клюшка и пластмассовый круг от детской пирамидки, усек? Есть у тебя такая пирамидка?

- Найдется, - признал я, - но зачем?

- Надеваешь на клюшку круг, получается как бы гарда. Еще понадобятся водка и таблетки, а конопля у меня есть. Решаемо?

¹² Альбигойцы (катары) - еретическое по отношению к Римско-Католической Церкви религиозное течение в средневековой Франции. В основе эти взгляды перекликаются с более ранним манихейством, воплощающим в себе дуалистический подход. И. Христа эти взгляды полагают смертным пророком, а бога христиан - воплощением принципа власти и началом зла.

- Еще бы, - признал я, - конечно, решаемо. Имеется феназепам в лафетках по пятьдесят штук, а водку найдём. Когда едем?
- Заходи ко мне завтра вечером, и двинем на Финбан. Стрелка в девять у паровоза, поедem оттуда.
- Это куда же? - поинтересовался я.
- Станция Заходское, военный полигон, окрестности Грачиного озера.
- Охуенно, - только и мог сказать я, - сбылась моя мечта. А, это, кем мы едем?
- Эльфами Лориена, - был мне ответ, - кем же ещё?

Я тут же перезвонил Костяну и изложил ситуацию. Он сообщил мне, что прямо завтра поехать не сможет, а приедет к нам в субботу с утра. До Слона я не дозвонился, он уехал на дачу, и тогда я отправился подготавливаться к завтрашней поездке: искать клюшку и пирамидку, собирать рюкзак и кланяться у родителей деньги на поездку (то есть на водку).

Нам повезло с воспитанием. Клуб Биологов и особенно наш кружок “Эфа” регулярно организовывали экспедиции и походы, так что я не видел, в отличие от многих других моих сверстников, проблемы в том, чтобы немного пожить в лесу. А мы не так уж давно расстались с нашей вотчиной - то есть вылетели из кружка и из Клуба с таким шорохом и треском, что нас потом едва приняли в биокласс. Это случилось совсем недавно, в мае этого года, и у этого есть своя предыстория.

Клуб Биологов традиционно, в течение многих лет устраивал в лесах под Лугой грандиозное мероприятие - Зеленую Олимпиаду. Суть здесь в следующем: ещё лежал снег, ещё темными были холодные вечера, а в павильоне Росси уже собирались члены Клуба со всех потоков и направлений. Начинались конкурсы и зачёты, длившиеся почти целый месяц.

Нужно было отличиться, чтобы попасть в число тех, кто зачислялся в полевой состав и уезжал в мае на берега реки Ящеры. Там на белых скалах разбивали лагерь, и начиналась сама Олимпиада: зверская череда маршрутов и лесных приключений. И было одно правило, имевшее силу традиции - нужно было пройти через всё это только один раз, чтобы заслужить вечное право ездить на Зеленую Олимпиаду.

Но эта весна стала особенной для нас - мне, Крейзи и Костяну, а также ещё нескольким нашим товарищам неожиданно в этом праве отказали. Теперь уже не узнать, в чём тут было дело, но нам объявили: вместо Олимпиады на Первомай мы должны готовиться к поступлению в биокласс. То есть, говоря проще, нас не возьмут.

Это было ударом, но мы выдержали его. В тот вечер, выходя из Дворца, у нас были невеселые лица - рушился наш мир, но на его обломках создавался новый. Такой, в котором нас больше нельзя будет куда-нибудь не взять.

- Что же это творится? - спросил Крейзи. - Нас предали люди, которым мы верили.
- Что теперь говорить, - ответил Костян, - мы в пролёте.
- Нет уж, - заявил Крейзи, - этому не бывать. Мы поедem, но поедem на другую Олимпиаду.
- На какую это? - спросил я.
- На альтернативную Зеленую Олимпиаду! - пояснил мой друг. - Просто возьмем и поедem!
- Да ну, - оживились мы, - интересно!
- Предкам ни слова, - предупредил Антон, - пусть думают, что всё путем. Надо подготовиться по-нашему, вы меня поняли?
- Чего уж не понять? - ответили мы. - Всё сделаем.
- Мы назовём это Альтернативой, - резюмировал Крейзи, - и так выразим наш протест против этой несправедливости.

Мы стартовали в тридцатых числах апреля, тихо и без лишнего шороха, всемером. Нам составили компанию другие члены Клуба, угодившие в штрафные списки: Ордынский, Рыпаленко и Пушкарев, а также юная девушка по имени Жанна. Мы выехали налегке, имея с собой всё для выражения социального протеста: Красную Шапочку, коноплю и феназепам.

Мы встали лагерем напротив белых скал, на которых располагалась базовая стоянка Олимпиады - через реку от традиционных мест. Там остались наши знакомые и друзья, но река властно отделила нас от привычного мира - мягко, но в то же время неотвратно. Так мы впервые поняли прелесть обособленной диспозиции: когда мы все здесь, а они все - где-нибудь там.

У нас была старая брезентовая палатка, которую мы поставили вкривь и вкось, потому что некому больше было проверять правильность её постановки. Наш берег оказался богат дровами, мы развели костёр и на исходе дня наполнили банку из-под бобов лимонадом и “Красной Шапочкой”. Тогда Крейзи запустил по кругу лафетку с феназепамом, а Ордынский - несколько косяков.

Тут и выяснилось, что среди нас есть жадина - причем себе во вред. Феназепам бывает в двух типах лафеток: по десять колес и “пятидесятница”. У нас было две лафетки по пятьдесят, и все съели по шесть - все, но не Костян. Сразу этого не заметили, а когда заметили, было поздно. Костя съел двадцать четыре колеса, запил все это из банки, выкурил косяка и ушел темной тропой. Есть по двадцать четыре колеса не очень полезно, скорее - наоборот, так что трудно сказать, где тогда пролегал путь моего друга. Впрочем, всем было на это насрать, и больше всех - самому Костяну.

Я сам съел шесть и, лежа у огня, наблюдал, как темнота падает на мир, как меняются предметы и как сам я меняюсь. Волшебная сила тех мест вошла в меня, прорвав завесу воспитания и привычного ума, и никогда уже я не был прежним. И таблетки здесь ни при чём, хотя тогда я думал иначе. Теперь дороги памяти перепутались и, как сказано в Сильмариллионе, “к Куивизнен нет возврата”. Так что мне почти не запомнилась та ночь, и следующий день, и много последующих.

Любой, кто ест такие таблетки, скажет вам: они забирают память, оставляя лишь самое необычное. Несколько дней как бы сжимаются до пары часов, наполненных удивительными вещами. Мы нарушили все возможные условности и как следует выразили свой протест - трахали Жанну на виду всего детского коллектива Олимпиады, со смесью восхищения и ужаса наблюдавшего за нами с противоположного берега в орнитологические бинокли. Всё это было проделано прямо на травке - на прибрежной поляне, прекрасно просматривающейся со скал.

Надо отдать должное - не все предались этому блуду. Исключением оказался Пушкарев. Он сидел чуть поодаль, уткнувшись лицом в брошюру о вреде наркотиков и алкоголя. Эту брошюру Пушкарев привез с собой из дома и время от времени цитировал, привлекая внимание коллектива к наиболее ярким местам.

- Первая стадия алкоголизма наступает, - вещал Пушкарев, - если человек начинает употреблять свыше пятидесяти грамм чистого этанола в неделю. Начиная принимать по сто пятьдесят грамм, больной вступает во вторую стадию...

Иногда Пушкарев отвлекался, опрокидывал в себя полкружки спиртового раствора и оглядывал открывающуюся перед ним панораму. Жанна лежала среди подснежников совершенно обнаженная, а вокруг нее собрались товарищи, чтобы по очереди засвидетельствовать леди свое почтение.

- Ого-го! - поощрял нас Пушкарев. - Так её!

Что было потом, я не помню, следующая вспышка сознания была уже на том берегу. В себя я пришёл, глядя, как Крейзи перелезает через реку по упавшему со скал бревну. Он лез довольно споро, пока гнилая кора не отстала от ствола и не провернулась под ним. После этого Крейзи уже не лез по бревну, а висел под ним. Потом кора лопнула, и Антон рухнул в грязь под бревном, у самого берега. Глядя на него, я смеялся так, что сам упал в ту же самую грязь. Так мы и прибыли в базовый лагерь Олимпиады - в грязи и на четвереньках, распевая песни:

- Травка зеленеет, - надрывался я, - солнышко блестит!

- Ласточка с весною, - не отставал Антон, - в сени к нам летит!

- Ааа! - уже вместе орали мы. - Ебанулась об дрова!

Наше появление вызвало сначала насмешки, а потом панику и фурор.

- Ну что, - спрашивали мы каждого, почти никого не узнавая, - предатели, не ждали?

Уже и этого вполне бы хватило, чтобы вылететь и из Клуба, и из кружка, но на этом дело не кончилось. Многим стало интересно, что с нами такое - а мы ничего не стеснялись и не видели причин скрывать положение вещей.

- Это ещё что, - заявил Антон, - а вот Костян сожрал двадцать четыре таблетки! Двадцать четыре, слышите, пёсьи морды?

Про такое дело услышал один из наших бывших руководителей - Андрей Алексеевич. Обеспокоившись не на шутку, он решил перебраться на наш берег и проверить здоровье Костяна. Но как только Лексеич перелез по бревну и вышел к нашей стоянке, его встретил Ордынский, пьяный "в говно".

- О! - искренне обрадовался он. - Андрей Алексеевич! Пейте!

С этими словами Ордынский протянул Лексеичу жестяную банку из-под бобов, наполненную раствором Красной Шапочки.

- Пейте, пейте, Андрей Алексеевич!

Он предлагал это пойло настолько искренне и дружелюбно, что Лексеич едва нашел в себе силы отказаться. Вместо этого он откинул брезент и полез в палатку, где лежал Костян. Но как только он сунулся внутрь, Костян очнулся от забытья и подал голос:

- Жанна?! Иди-ка сюда!

- Какая я тебе Жанна? - отозвался Лексеич, но толку не было.

- Жанна? - повторял Костян, словно в бреду. - Жанна, это ты?

Ничего другого от него добиться было нельзя. Окружающей действительности Костя не понимал, целиком пребывая в плену назойливых галлюцинаций. Иногда ему мерещилась Жанна, и тогда он начинал ворочаться и кричать. Но подчас волны феназепама уносили моего друга слишком далеко. Тело Костяна расслаблялось, лицо делалось белое - в такие минуты он почти не дышал. Впоследствии Костян описывал субъективное впечатление от этого опыта так:

- Мне казалось, что я еду на эскалаторе в метро. Вроде как еду домой, но когда уже нужно сойти с эскалатора, вижу впереди себя знак "кирпич". И так мне делается странно, что просто слов нет. Доезжаю до него, хочу прикоснуться - ан нет, снова еду на эскалаторе. А впереди этот знак. И так, представляете себе, раз за разом!

Впечатления с той стороны.

*“Хуево думать, будто бы основные качества эльфов - это сладкие песни, бессмертие и неувядающая красота. Это слишком поверхностный взгляд, как в случае с луковицей, от которой в расчет берут одну только шелуху. Тогда как сама луковица, способная вышибить злые слезы у неподготовленных граждан - это эльфийский менталитет”. **Elvenpath.***

Осенью 93-го мы приехали в Заходское втроём: я, Крейзи и его знакомый Джеф, музыкант из группы “Негодяи”. Была пятница, а нашей целью были Региональные Хоббитские Игры, иначе говоря - “РХИ 93”. У меня осталось сумбурное представление от стрелки на вокзале и от поездки на электричке - множество незнакомых людей и Крейзи, то и дело о чем-то с ними шушукующийся.

Потом нам показали дорогу, и мы пошли по ней через лес - долго, мимо озера и еще дальше, в сторону военного полигона. От станции до Грачиного километров восемь, но мы одолели их, пробавляясь по пути 72-м портвейном и папиросками с коноплём.

Солнце село, пока мы еще ехали, и наступила ночь - темная и холодная. Всё, чего она коснулась, тут же померкло, словно подернувшись темным пологом. Лес стал сумрачным сводом, темнота скрыла воды озера, и только одинокий свет костра, что мы разглядели на берегу, боролся с силой этой ночи. Пламя металось, ледяной ветер дул, казалось, со всех сторон, швыряя на установленное неподалеку типи¹³ шелестящий ворох облетающей листвы.

- Когда создавался этот мир, - услышали мы сквозь матерчатые стенки хриплый и, как мне показалось, совершенно пропитой женский голос, - я уже училась на третьей ступени школы.

И ещё один голос, надломленный и резкий, вторил ему:

- Ты не всё знаешь, Лора. Поверь мне, не всё.

- Какого хуя? - шепотом спросил я у Крейзи. - О чём это они?

- Почему я знаю, - отозвался Антон, подходя ближе, - сейчас выясним. - Эй вы там, в шатре!

На секунду всё смолкло, а потом женский голос спросил:

- Ну кто там ещё? Кто такие?

- Мы эльфы, - спокойно ответил Крейзи. - Эльфы из Лориена.

- Да? - раздался тот же голос, а следом за ним из типи появилась толстая баба, кутающаяся в грязное одеяло.

Глядя на неё, я пришёл в ужас - лицо оплывшее и как будто рябое, над верхней губой торчат усики, а глаза маленькие и злые. Без шуток, за всю свою жизнь я не видел ещё такой страшной бабищи.

- Я Лора, - представилась она, - и буду Галадриелью. Сейчас мы в Рохане, Лориен расположен чуть дальше, но стоянки там ещё нет. А вы правда эльфы? Как вас зовут?

- Меня - Крейзи, - представился Антон, - а вот это Джонни и Джеф.

- Это не эльфийские имена, - возразила Лора, - это...

- Много ты понимаешь, - перебил её Крейзи, - в эльфийских именах.

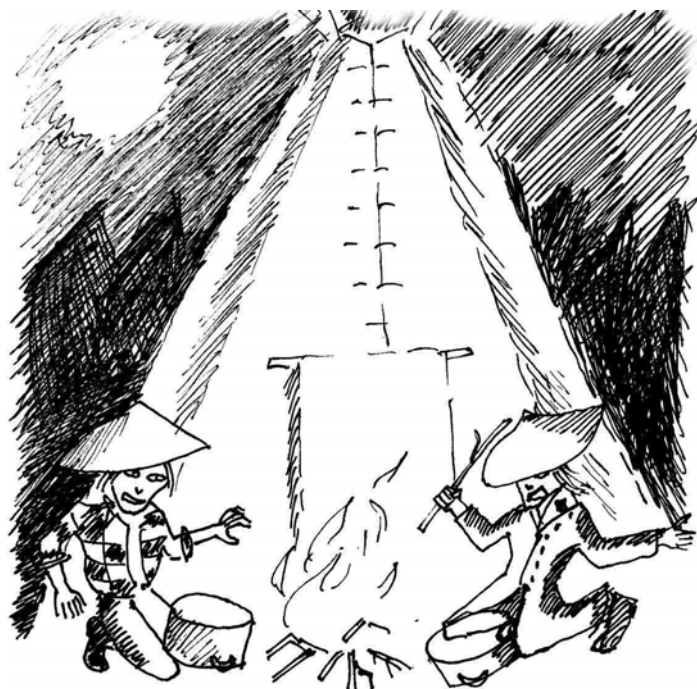
- Много, - ничуть не смутясь ответила Лора, - я всё про это знаю. Садитесь на бревно, я вам кое-что расскажу. Вы ведь первый раз на игре?

Мы уселись кружочком, и я мог наблюдать, как играет свет на наших темных фигурах. Крейзи кутался в черную морскую шинель, у меня шинель была метростроевская, а Джеф щеголял в ватнике. Лица у всех были потерянные, не такой встречи мы ждали от нашей первой игры - во всяком случае мы с Крейзи. Джефу было на всё это глубоко насрать.

¹³ Шатер из ткани, натянутый на каркас из жердей - традиционное жилище индейцев, которое часто показывают в соответствующих фильмах. В центре шатра делают очаг, а в верхней его части - отверстие для дыма, так что обитатели типи могут в любую погоду тусоваться в сухости и у огня.

- Здесь непростое место, - пристально глядя на нас, сообщила Лора, - хоровод сил. Дороги сходятся и расходятся, миры проникают друг в друга. Опасно заплутать ночью в этих местах.
- Военные? - нашёл нужным уточнить Джеф, не уловивший сути. - Или что?
- Нет, - терпеливо объясняла нам Лора, продолжая гнуть свою линию, - хоровод сил. Дороги сходятся и расходятся...
- Я слушал её и не мог понять - то ли она сумасшедшая, то ли издевается над нами.
- Как же насчет игры, - решил поинтересоваться я, - насчёт игры-то как?
- Так я вам и говорю, - удивилась Лора, - здесь, в хороводе сил...
- Так, - сказал я Крейзи тихонько, - с нею не договориться.
- Подожди, - перебил меня мой друг, - послушаем, чего она еще скажет.
- Угу, - перебил его я, - всю ночь будем слушать. Эй, Лора, можно у тебя переночевать?
- Нет, - быстро ответила Лора, - у нас очень мало места, сами еле помещаемся.
- “Сами” - это кто? - уточнил я.
- Я и Этцель, - ответила Лора. - Но вы можете переночевать у костра. Есть у вас выпить?
- Нет, - так же быстро ответил я, - денег не было.
- Не успели купить, - подтвердил Джеф.
- А больше ничего нет? - допытывалась Лора.
- Чего, например? - спросил Крейзи.
- Ну, не знаю? - Лора наморщила лоб и стала ещё страшнее.
- Нет, - отрезал Крейзи, - этого тоже нет.
- Ладно, - сказала Лора, внезапно утратив к нам интерес, - я пойду спать. А вы не шумите, поняли?
- Конечно, Лора, - ответил Антон. - Как ты могла подумать?
- Лора поднялась и ушла в типи, слышно было как она, ворочаясь, устраивается на ночлег.
- Пацаны, - тихо предложил я, когда всё стихло, - давай-ка накатим!
- Давай, - легко согласился Джеф. - И скушаем по чуть-чуть таблеток.
- И покурим, - вставил своё слово Крейзи, а потом добавил: - Парни, вот ведь здорово! Мы же на игре!
- Похоже на то, - согласился я, - только вот эта баба меня смущает. Что-то тут нечисто.
- Забей, - отмахнулся Крейзи, - хуйня это всё!
- Давайте-ка лучше споем, - высказался Джеф, - песню. “Маму”.
- О! - поддержали мы. - Конечно, давай.

Костёр метался, раздуваемый ледяным ветром, тени плясали, а мы сидели в кругу желтого света, взяв под руку что придется - поленья, крышки и котелки. Сначала вступил ритм - тихий перестук, а потом Джеф начал:

- Не бей меня, мама, - заунывно запел он, растягивая слова, и мы подхватили:

- Железным молотком по голове. Не бей меня, мама, железным молотком по голове. Не бей меня, мама...

Песня лилась - мне казалось, что горло само выводит нехитрую мелодию. Слова повторялись и повторялись, пока в голове не осталось ни одной мысли - только ритм и речитатив, раз за разом, и еще раз, и еще. Постепенно мы впадали в раж - менялись лица, голоса становился громче, стук усиливался - и песня продолжалась. Бывало, мы пели её по два часа и больше, без перерыва - только смачивали водкой горло, постепенно проваливаясь в подобное трансу состояние, ни черта не видя и не замечая вокруг себя. Но достичь таких глубин сегодня мы не успели, наше внимание привлёк какой-то посторонний звук. Кто-то кричал и матерился из типи, призывая нас заткнуться и перестать стучать.

- Эй, в Рохане, - умолкнув на время, спросил Крейзи, - чего орёте?

- Вы знаете, - спросил в ответ надломленный голос, причем на повышенных тонах, - сколько сейчас времени?

- Сколько? - нимало не смутившись, переспросил Крейзи.

- Три часа ночи, - был ответ.

- Так хуй ли вы не спите? - удивился Крейзи, и мне хорошо было видно, до чего он доволен.

В типи на секунду умолкли, а затем вход распахнулся, и оттуда выкатился человек. Он действительно выкатился - кувырком, в одних трусах и светлой рубашке, босой, длинноволосый и вооруженный деревянным мечом. Ему было за двадцать или около того (нам, по крайней мере, он показался вполне взрослым), но меня больше смутил не возраст, а лицо незнакомца. Глаза его были выпучены, рот искривлен, а на лице читался только один вопрос: "Кто посмел?". Перекатившись, он замер - с мечом, поднятым над головой.

- Ну что, уроды, - шурясь на свет, крикнул Этцель (а это был он), - что теперь?

- Действительно, что? - спросил Джеф, подбирая топор.

- Да, чего тебе? - я взял вагу и встал. - Чего ты хочешь?

Тут я заметил еще одну странность: меч у Этцеля был деревянный, но у самой гарды располагались какие-то металлические кольца. В них Этцель просунул пальцы - так, будто держал рапиру с пистолетной рукояткой.

- Что это у тебя, - заинтересовался я, - что это такое?

- Испанский хват, - пояснил Этцель, потихоньку втыкая в не совсем удачный для него расклад. - Ладно, я вижу, вы успокоились?

- И ты успокойся, - предложил ему Крейзи. - Ляг и поспи. Мы пока больше не будем петь - пойдем, пройдемся.

- Куда это? - возмутился я. - На какой хуй...

- Пойдем, пройдемся, - повторил Крейзи, подмигивая.

- Ладно, - согласился я, - мы уходим.

Этцель не стал ждать, пока мы уйдём. Он залез обратно в типи, и слышно было, как он говорит Лоре:

- Всё. Эти щенки всё поняли. Они уходят.

Мы подождали минут десять, в полной тишине. За это время Крейзи приколотил папироску, мы курнули, и появилось самое главное, что необходимо для хорошей шутки - настроение.

- Не бей меня мама, - завели мы заново свою шарманку, когда услышали из типи первый, еще робкий храп, - железным молотком по голове!

- Ну, ебанный в рот, - взвыли из типи, - вы что, не поняли? Вам пиздец!

Орал Этцель громко, но мы уже не беспокоились, так как знали - он совсем не страшный. Мы даже сделали ставки: я и Крейзи надеялись, что Этцель повторит свой фокус с кувыркком, а Джеф в это не верил. Зря: Этцель повторил свой маневр почти в точности, только меч теперь держал не над головой, а направив параллельно земле в нашу сторону.

- Ну, чего тебе снова? - опять спросил Джеф, показывая ему топор.

- Не спится? - участливо поинтересовался Крейзи. - Но ты не беспокойся, мы правда сейчас уйдем.

- Да, точно, - подтвердил я. - Уже уходим.

Этцель подождал недолго, но в типи всё же залез.

- Уходят они, - доложил он Лоре. - А иначе бы им пиздец.

А у нас назрела проблема: как бы усыкаться над ним так, чтобы не подпортить себе следующий заход. Этцель долго не хотел засыпать. Пришлось приколачивать дважды и распить бутылку портвейна, прежде чем из типи снова послышался храп.

- Не бей меня мама... - затагнули мы снова, и когда из типи снова понесся мат, теперь и Лорин тоже, Крейзи поманил нас в сторону от костра:

- Хорошего понемножку, - посоветовал он, - а то как бы не переусердствовать. Люди мы здесь новые, абы не вышло чего. Потом освоимся и продолжим. Двинули, взаправду пройдемся.

Мы отошли от костра и почесали вокруг озера. Чтобы это сделать, нам пришлось пройти мимо бетонной будки, установленной с тайной военной целью неподалеку от берега.

- Смотри-ка, блядь, - показал я на эту будку, - и правда, военная хуйня.

- То-то я понять не мог, - ответил мне Джеф, - чего они заладили: полигон да полигон. А выходит, так оно и есть.

- Поэтому, - разъяснил нам Крейзи, - и называется: "игровой полигон".

- Это точно? - решил уточнить я, но тут меня перебили.

- Тихо вы, - сказал Джеф, - смотрите.

В темноте мимо будки в нашу сторону двигалось человек пять народу. Ни кто это такие, ни во что они были одеты - в темноте да под таблетками я не сумел разобрать. Когда мы сблизились, один из незнакомцев окликнул нас:

- Эй, вы кто такие? - на голос мне показалось, что говоривший будет здорово постарше меня.

- Сами-то вы кто? - это был единственный своевременный ответ, пришедший мне в голову.

- Я - Величество Эльдарион! - был мне ответ. - А вот вас я что-то не узнаю!

- Мы эльфы из Лориена, - уверенно ответил Крейзи, а затем спросил сам: - Тут ещё эльфы есть?

- Вам надо к Трандуилу, - посоветовал Эльдарион, - сдастся мне, вам там будет в самый раз. Это дальше по берегу, мимо Морадана и за него еще метров пятьсот.

- Мимо чего? - удивился Крейзи, но наша встреча уже закончилась: игнорируя все дальнейшие вопросы, Величество Эльдарион со своею свитою удалился.

- Что это может быть такое - Морадан? - выразил Крейзи наши общие сомнения.

- Не "что", - рассудил я, так как внимательно читал Толкиена и особенно приложения, толкующие заковыристую эльфийскую речь, - а скорее "кто". "Морадан" с эльфийского будет - чёрный человек, "мор" - черный, "адан" - человек. По аналогии с дунаданом...

- Заткнись в пизду, - перебил меня Крейзи, раздосадованный моей нотацией. - Я знаю, как переводится "дунадан".

- Как это мы будем, - вклинился в нашу беседу Джеф, - искать ночью в лесу чёрного человека?

- Сказал же тебе Величество Эльдарион, - возмутился я, - это дальше по берегу, пятьсот метров!
 - Так пошли, - начал поторапливать нас Крейзи, - хуй ли встали? Страсть как хочу посмотреть на этого Морадана!

Мы двинули дальше и вскорости выбрали на поляну. Сначала мы решили: права была Лора, когда разъясняла нам про хоровод сил! Вроде бы шли мы прямо, никуда не сворачивали, а вышли обратно к Лориному типи. Только потом, рассмотрев всё хорошенько, мы поняли - типи это другое.

- Откуда у них эти шатры? - спросил я, но меня перебил Крейзи.

Приблизившись к входу, он осторожно отодвинул полог и тихо спросил:

- Здесь Морадан?

Ему никто не ответил, и тогда Антон спросил, уже громче:

- Морадан здесь?

Опять тишина была ему ответом, и тогда, не выдержав, Крейзи спросил уже во весь голос:

- Так есть у вас Морадан или нет?

- Ну что вам надо? - донесся из шатра сонный голос. - Посреди ночи?!

- Мы только хотели узнать, - объяснил Крейзи, умевший, если надо, проявить настойчивость, - где здесь Морадан?

- Я Морадан, - ответил голос. - Что вам нужно?

Услышав это Крейзи, одержимый маниакальной идеей рассмотреть Морадана, откинул полог и ступил внутрь шатра.

- Аккуратнее, - послышался тот же голос, теперь недовольный. - Вы наступили мне на руку.

- Ой, простите, - ответил Крейзи, шагая в сторону в полной темноте, но в следующую секунду споткнулся и выругался: - Твою мать, я опять на что-то наступил!

- Да что же это! - донеслось из шатра. - Уберите ноги с моей головы!

- Извините, - ещё раз повторил Крейзи, - я только хотел посмотреть на Морадана. Мы уже уходим!

С этими словами Крейзи появился из-под полога.

- Ну, - тихо спросил его я, - ты видел его? Он правда чёрный?

- Там темно, - неуверенно ответил Крейзи, - я не разглядел.

- Пошли отсюда, - не выдержал Джеф, - пошли хоть куда-нибудь. Хоть к Трындице этому, хоть куда еще. Я уже сыт по горло вашим Мораданом!

- Почему это нашим? - возмутились мы. - С какого это перепоя он наш?

- Пошли, - не стал спорить Джеф.

Величество Эльдарион не обманул: чуть дальше по берегу мы увидели свет большого костра. Лес расступился, и мы вышли на поляну. Не было видно ни шатра, ни палатки - только огромный костер посреди круга деревьев. Возле него расположился какой-то мужик в ватнике, штанах от спецовки и кирзовых сапогах. У него был самый что ни на есть рабоче-крестьянский вид - папироса, щетина и рваная, похожая на рыбацкую шапка.

- Где здесь царь Трандуил? - высокопарно осведомился Крейзи. И, предвзято все возможные вопросы, добавил:

- Мы эльфы из Лориена!

- А он вам на кой? - спросил мужик.

- Не твоего ума дело! - я тоже решил поучаствовать в беседе. - Нужен он нам, вот и всё.

- Как это не моего ума дело? - удивился мужик. - Ведь я и есть Трандуил, царь эльфов Лихолесья!

- Ты, это, - усомнился Антон, разглядывая его наряд, - не очень-то похож!

- Вы зато прямо как только что из Лориена! - возразил нам мужик, а потом повернулся к Крейзи и спросил: - Шинель-то нешто морская?

- Так ты что, действительно Трандуил? - осведомился я.
- Ну, - отозвался мужик. - Так что решайте, ко мне у вас дело или нет. Но имейте в виду, другого Трандуила вам здесь все равно не найти.
- Что же, - согласились мы, - значит дело наше к тебе.
- Так в чём же оно?
- А вот в чём, - тут мы достали коноплю и портвейн. - Должно нам, как эльфам с эльфами, всё обсудить. Испить чашу здравура и покурить Лист Долгой Долины.
- Понимаю, - оживился Трандуил, потянув из-за дерева пятилитровую канистру. - Вот, у меня припасен на такой случай спирт - чистый, как слезы Варды.
- Это хорошо, - похвалил его Крейзи, - что мы друг друга понимаем. Я - Крейзи, а это - Джонни и Джеф.

На этом месте мы замерли и посмотрели на Трандуила с некоторым сомнением.

- Отличные имена, - одобрил Трандуил, - сразу видно, что эльфийские. Присаживайтесь к костру, я сейчас нашарю закусочки...

Он достал чистую тряпицу и накрыл на ней закусить - чем бог послал. Мы разлили спирту, выпили, и тогда Крейзи пустил по кругу косяк.

- Сами откуда будете? - поинтересовался Трандуил, когда первые условности были исполнены.
- Из Лориена, - автоматически ответил Крейзи, а я, не разобравшись поначалу в ходе этой беседы, решил уточнить: - С Московского района.
- А я с Горьковской, а по увлечениям - кузнец, - ответил Транд, демонстрируя в доказательство самодельный арбалет, собранный им из дерева, стальных уголков, троса, шестерни и рессоры. - Лупит с чудовищной силой арматурными прутьями. Похуй, в принципе, как попадет. Равноебуче - что боком, что остриём.
- Вещь, - признали мы, мгновенно проникнувшись к Трандуилу не только приятнью, но и уважением.
- А вот объясни нам, - обратился к нему я, - мы встали в Рохане, и там есть одна баба, Лора. Так она про странные вещи толкует...
- Лора? - рассмеялся Трандуил. - Она ебнутая, не берите в ум. Давайте лучше выпьем!
- За что? - спросил Джеф.
- Как за что? - удивился Трандуил, поправляя свою дырявую шапку. - За эльфов, конечно. А Elbereth!

Тут он поднял вверх железную кружку.

- Gilthoniel!¹⁴ - откликнулись мы, в точности повторяя его жест.

Я запрокинул голову и влил в себя спирт. В горло хлынул жидкий огонь, и вскоре всё смешалось - свет и темнота, земля и озеро, небо и лес. Треща поленьями, горел костер, в котором плавилась, рассыпаясь на янтарные искры, моя прошлая жизнь. Черным дымом отлетали от меня школьные годы, мир людей обугливался по краям, постепенно истаивая и рассыпаясь узором холодного пепла. Я помню ещё, как, засыпая у огня, спросил Трандуила:

- Так мы что, действительно на игре? То есть на самом деле?
- Какие сомнения? - успокоил меня Трандуил. - Я царь Лихолесья, вы - эльфы из Лориэна. Всё на мази, так что спи спокойно.

Вот я и уснул.

¹⁴ А Elbereth Gilthoniel (эльф.) - "О, Звездная Королева, возжигательница звезд!"

Утро пришло неожиданно быстро. Казалось, я только закрыл глаза - и вот уже и оно. Щурясь, я вгляделся в огромный мир: вышло солнце, в просветах между деревьями показалась мерцающая водная гладь. Утренний ветер доносил оттуда легкий плеск и стойкий запах купорося.

Это, как объяснил нам царь Трандуил, связано с тем, что военные положили на дно озера бетонные плиты и иногда используют их для обустройства танковых учений. Танки прут под водой в герметизации, только воздухозаборники видны. Мы не сразу поняли, при чём тут купорос, и тогда царь дополнительно объяснил: химией военные озеро травят, чтобы погубить водоросли и достичь особенной прозрачности и чистоты воды.

- Наверное, Костян уже приехал! - услышал я голос Крейзи. - Нам нужно к себе, в Лориен.

- Ну что же! - отозвался Трандуил. - Доброй дороги!

- Увидимся! - пробормотал я, поднимаясь на ноги. - До новых встреч!

Мы отправились в обратный путь. При дневном свете побережье озера выглядело куда как лучше - сосновый бор, рассеченный на части языками вересковых пустошей, кое-где спускающимися к самой воде. По пути мы обменялись мнениями:

- Хороший мужик у них царем, - заявил я.

- Факт, - согласился Крейзи, - их величество квенту¹⁵ сечет.

Когда мы пришли обратно к Лориному типи, то первым делом заметили Костяна - с мрачным видом он сидел у едва тлеющего костра.

- Утро доброе, - вежливо произнес Крейзи.

- Угу! - ответил Костян. - Только не для всех!

Он откинулся на бревне и рассказал нам, что случилось с ним по дороге. Оказывается, уже на выходе из электрички он начал пить водку, а чуть позже заполировал все это дело пивком. Неподалеку от Большого Красноперского Костя повстречал какого-то заезжего грибника - тот завтракал бутербродами, расположившись у поворота на полигон. Костя попросил его поделиться закуской, но мужик ему отказал. Тут Костя снова предложил ему поделиться, но мужик взбеленился и послал его на хуй. Тогда Костян подобрал толстую палку и несколько раз огрел ею сидящего у обочины мужика. Воспользовавшись возникшим замешательством, Костян подхватил с земли сверток с бутербродами, отбежал в сторону и был таков.

- Вот ведь сука! - объяснил нам своё поведение Костя, доставая бутерброды из пропитавшегося жиром газетного свертка. - Нарушает закон тайги, едой не делится! Вот я...

- Охуенный поступок! - поддержал Костяна Джеф. - Смотри - и с селедкой, и с огурцами.

- И с колбасой! - показал Костян. - Повезло!

- А есть у тебя... - с надеждой спросил я, но Костян предупредил мой вопрос, достав из рюкзака пол-литровую бутылку водки.

- Конечно, есть!

Мы достали кружки, разлили водку и уселись вокруг костра.

- Ну, с добрым утром! - предложил я.

- За приезд! - согласился Костян, но нам даже выпить спокойно не дали.

- Вы эльфы из Лориена? - раздался пронзительный, трескучий голос у нас за спиной.

Я повернулся, и перед моим взглядом предстал среднего роста мужик, замотанный в обрывки темно-синей занавески. Он кутался в неё так плотно, что из-под неё виднелись лишь мятые серые брюки и короткие резиновые сапоги, а над ней - грязная, неухоженная борода. Эта борода в буквальном смысле потрясла наше воображение. Потом, вспоминая её, мы подолгу спорили: действительно ли в ней застряли окурки, или между засохшими соплями сиротливо ютились только одинокие остатки макарон.

¹⁵ Квента (эльф.) - история. Здесь применяется как жаргонное, в значении "тема".

- Меня зовут Эрик, - при этих словах борода немного разошлась, пропуская наружу трескучее сипение.

Мы сидели молча, продолжая сосредоточенно разглядывать странного незнакомца. За гигантской бородой виднелось сморщенное лицо, укутанное жидкими прядями невымытых волос. А в глазах, прячущихся за квадратными стеклами, читались надменность и самодовольное ожидание. Это не слишком вязалось с общим впечатлением - в остальном Эрик походил на выжившего из ума бомжа, с ног до головы завернутого в синюю занавеску.

- Это что за чмо? - тихо спросил Костян, еще не полностью оправившийся от случая с бутербродами. Но уже в следующую секунду он собрался с силами и возвысил голос.

- Ну-ка ты, иди отсюда на хуй!

- Я Эрик! - снова послышалось из-под бороды. - И собираюсь дать вам наставления в искусстве отыгрыша ваших ролей. Сам я играю роль назгула. Это значит, что мне придется много кричать, а когда назгул кричит - это внушает людям ужас.

Эрик собрался с силами, приложил руки к груди и сделал лицо, которое сам он, видимо, полагал страшным. Потом его борода снова чуть-чуть разошлась и послышался тонкий, скрипучий звук, отдаленно напоминающий вопль кошки, которой наступили на хвост.

- Аш назг, - пискляво взвыл Эрик, в упор глядя на нас.

Весь этот кошмар - голос Эрика, выражение его лица и встопорщенная борода - оказался превыше слабых сил нашего разума. Это напоминало истерику: мы смеялись и никак не могли остановиться. Вроде бы всё, ты уже успокоился, но нет - одного взгляда на бескрайнее пространство бороды хватало, чтобы та же истерика случилась опять.

- Попробуйте крикнуть сами! - рассердился Эрик. - Вот попробуйте!

- Хорошо, - согласился Крейзи. - Сейчас попробуем.

Мы собрались с силами, выпили по стопке и встали напротив Эрика.

- Ну, - сказал Эрик, - давайте! Только вы должны кричать на эльфийском.

- Ладно, только сначала я попробую крикнуть один, - ответил Крейзи.

Он подмигнул нам и приготовился кричать. Мы с Костяном в это время обошли Эрика и встали у него по бокам, немного позади.

- А Elbereth!- крикнул Крейзи, и, по-моему, хорошо крикнул.

Но на лице Эрика мы заранее прочли так называемое "предварительное неодобрение". Поэтому, как только он открыл рот, еще один крик, разящий, как предвечный свет Амана, ворвался ему сразу в оба уха. Такой звук рождается сначала в животе, потом выходит из глотки, раздирая её и только тогда, свободный и немилосердный, расходится над местностью, порождая множественное грозное эхо.

- GILTHONIE-E-EL! - заорали мы с Костяном Эрику в оба уха, так, как привыкли кричать на концертах - не жалея глотки, изо всех сил.

Этот крик сразил Эрика. Подпрыгнув на месте, он закрутился волчком и, прежде, чем сумел что-либо осознать, оказался в нескольких метрах от нас, согнувшись и прижимая руки к ушам.

- Имя Владычицы непереносимо для прислужников тьмы, - важно сказал Крейзи, показывая на Эрика пальцем. - И это подлинное тому подтверждение!

Эрику, видимо, показалось достаточно таких объяснений. Он завернулся поплотнее в свою занавеску, выпятил грудь так, чтобы мы видели, и пошел прочь. Всем своим видом он старался показать: до полной победы над ним еще далеко!

- Мы еще встретимся! - бросил он через плечо, отойдя от костра на пару метров.

- Будем ждать, - крикнул я ему вслед, а меня поддержал Крейзи: - С нетерпением!

1994. Полуденный зной.

**НЕ БУДЬ БЕСПЕЧНЫМ
ПОМНИ, ЧТО ЖИВЕШЬ ВЕЧНО**

Человек с багровым взглядом.

Вот как Солнцеликий в своё время учил о той пользе, которую человек может извлечь из книг: “Наблюдайте за поступками. Они - как огненный ключ от врат бездны, вспыхивают лишь на миг, а потом гаснут, погружаясь в темные глубины человеческого ума. Такой ключ нельзя потерять, он всегда наготове - и совсем не занимает голову. В будущем найдется великое множество дверей, к которым он подойдет”. “Honey of Tales”.

Сезон¹⁶ девяносто четвертого начался для нас, как обычно, Первوماем. Ради поддержания традиции отмечать его решили в Лужских лесах, на берегах реки Ящеры. Установилось и традиционное название - Первوماй под Лугой стали называть “Альтернативой¹⁷”.

В этот раз нас собралась приличная банда, к которой присоединились наши новые знакомые - Лёлик, известный как Рыжий Волк, и его сотоварищи Альбо и Трейс. У нашей совместной поездки была своя предыстория.

Возле Невского проспекта, неподалёку от ДЛТ есть заведение, в те времена называвшееся в народе “Домом Природы”. Это невысокое здание старого фонда, где, помимо прочего безобразия, о котором ещё пойдет речь¹⁸, проводились некие подозрительные сходки, “совещания ролевиков”. В более поздние времена там даже вывешивали календарь игр на будущий сезон, а нынче чуть ли не каждую неделю устраивали в актовом зале профильные мероприятия.

Одну из таких сходок посетил мой друг Костян, которого мы теперь иначе как “Строри¹⁹” не называли. Спасибо за это надо сказать следующим гражданам: Перумову, измыслившему такое вот гномье имя, и Крейзи, с чьей легкой руки это имя пристало к Костяну. Надо отметить, что оно пришлось ему как нельзя более впору, так как мой друг обладал всеми качествами указанного книжного персонажа - ленью, вспыльчивостью и тягой к спиртному. За небольшое время мы привыкли и теперь, когда я слышу “Строри”, то про Перумова и его книгу больше не вспоминаю.

По воле случая Строри оказался этой зимой в Доме Природы и попал на нечто вроде конференции по вопросам регулирования правил на ролевых играх. Наверное, это была одна из первых подобных конференций - не первая, конечно, но всё же. Выступала на этом собрании, сообщил нам Костян, одна плоскомордая баба с выпученными глазами - кривая, как будто перенесла в детстве церебральный паралич. Руки у неё, добавил Костян, были по локоть закрыты хипповскими феньками, а толковала она про совсем уж странные вещи. Темой её доклада были “проблема дезадаптантов и недопустимость применения на играх боевой магии”. Окружающие называли эту бабу Княжна.

На играх, утверждала Княжна, есть некоторое количество людей, как бы заигравшихся и утративших связь с объективной реальностью. Таких людей, заявила Княжна, совсем нельзя на игры пускать. И без них хватает проблем: например, некоторые ролевики прибегают на играх к запрещенным жестам, имеющим отношение к подлинной магии!

Кто в это не верит, продолжала Княжна, пусть имеет в виду - стоит ей (тут Княжна пристально посмотрела в зал) повелительно вскинуть руку, как стоящий перед ней человек мгновенно

¹⁶ Имеется в виду сезон поездок в лес - в нашей традиции это с 1 мая по 25 октября.

¹⁷ Альтернативная Зеленая Олимпиада.

¹⁸ Об этом расскажет Юра Орк в главе “Случай с проверяющим”.

¹⁹ Персонаж из дилогии Н. Перумова “Кольцо Тьмы” по прозвищу Маленький Гном - пьяница и хулиган.

окажется под её полным контролем! Отсюда вывод: такие жесты нужно однозначно запретить, а если не удастся, то хотя бы ограничить их применение!

На этом месте Стори, до этого следивший за этой манифестацией очень внимательно, не выдержал. Не сложилось у него рассуждения Княжны про “дезадаптантов” с её последними словами. Неясно было, кого она, рассуждающая здесь про колдовство, подразумевает под “утратившими связь с объективной реальностью”. Поэтому Стори решил задать вопрос.

- Княжна, - спросил он, поднимаясь со своего места, - а любой человек может вот так вот попасть под контроль?

Княжна, не уловившая подвоха, ответила: дескать, да, любой. Тогда Стори посмотрел на неё и опять спрашивает:

- И для этого тебе достаточно просто поднять руку?

Все собравшиеся замерли, ожидая ответа. Так что если Княжна что-то и заподозрила - один хуй, соскакивать было поздно. Поэтому она просто ответила со сцены: “Да”. Тут Стори и говорит:

- Давайте-ка это проверим! Предположим, Княжна, что я сейчас подойду и вьёбу поперек твоей плоской рожи доской! Вот мы и увидим - сможешь ли ты взять меня под контроль?

Ну, понятное дело, времена были дремучие, Стори никто еще толком не знал, так что нашлись у Княжны защитники. Стори нам описал их так: волосатые, прикинутые как хиппи, причем у каждого на пальце приметный перстенок с поделочным камнем.

Проповедовал от них некто Майкл, и по его словам выходило вот что: своими неосторожными словами Стори нанес ихнему магистру (Княжне) суровую обиду. При этом он (Стори) не знал, что Княжна - наставник Magic School, то есть Школы Магии, а Майкл - её любимый ученик. Поэтому, ему (Стори) теперь пиздец, по-любому. Сначала ему навешают так, а затем и ему, и его корефанам объявляют магическую войну.

Стори, как человек практичный, привык решать проблемы по мере их поступления. Для обуздания верноподданнического порыва он продемонстрировал Княжновским ученикам выкидной нож в раскрытом виде. Это погасило начинающийся конфликт, и осталась только одна проблема - магическая война. С этим он и прибыл к нам, то есть на квартиру к Крейзи. Поначалу мы не знали, что и думать. Дело это было для нас ох как новое!

Действительно, легко сказать - магическая война. Мысли наши вращались между различными вариантами: отрезать у Княжны волосы и сжечь, чтобы лишить её колдовской силы (предложил Крейзи), нанести руны на стилет и ткнуть им Княжну (это придумал я), или отпиздить Княжну, приговаривая: “Черный туман - Вельзевул, Пан, Ариман” - дескать, это наверняка ей повредит (Слон).

На этом заседании присутствовал ещё один человек - некто Лелик по прозвищу Рыжий Волк. Третьего дня он откинулся из тюрьмы, где оказался за угон, и теперь слушал о наших трудностях с превеликим интересом. Он был старинный Крейзин знакомец, так как, бывало, лазил по ночам в окно к старшей сестре одной из Крейзиных одноклассниц. Старшую сестру, к которой Лелик лазил в окно, зовут Вельдой, а её сестру - Рыжая.

Лелик был среднего роста, а комплекцией напоминал треугольник (вершиной вниз). Как и наш Стори, он все время выискивал, кто норовит обидеть маленького, самым маленьким при этом полагая себя. Он тусовался с двумя своими приятелями, Альбо и Трейсом, разделяя с ними общие увлечения - восточные единоборства в стиле “уличный мордобой”.

Так вот, Рыжий, услышав о наших планах, весьма их раскритиковал. Как же так, сказал он нам, разве так можно? Ополчиться на убогую бабу, а учеников её оставить в покое? Это, сказал нам Рыжий, не дело! Следует, объяснил он нам, магическую войну провести так: договориться, как принято между людьми, о встрече, и на ней выяснить, чья магия окажется крепче. А чтобы не сплеховать, нужно взять с собой охуенно волшебные жезлы, предпочтительнее всего - обрезки арматуры. И если нам самим страшно выступить против Княжны и её прихвостней, то он, Альбо и Трейс нам с радостью помогут.

Стори, мгновенно проникнувшийся к Рыжему симпатией, диктуемой внешней похожестью и некоторым сходством натуры, сочинил по этому поводу такие строфы:

*Разойдись пошире, братцы
Что-то стало мало места!
Все мы маги неебаться
Из крутого теста!*

Организовать “магическую войну” поручили Крейзи, но у наших оппонентов такого мудрого советчика, как Рыжий, не оказалось. Магическую войну они понимали неправильно, так что от встречи на пустыре за СКК имени В.И. Ленина отказались. Впрочем, мы особенно и не настаивали. В конце концов, это не нам прилюдно угрожали въехать поперек плоской рожи доской.

По пути на вокзал Крейзи проезжал через центр города по делам, связанным с приобретением наркотиков. В переходе между станциями “Невский Проспект” и “Гостиный двор” он обнаружил двух молоденьких скрипачей. Это были юноша и девушка, подлинные уличные музыканты - в светлых рубашечках, черных сюртуках и аккуратных маленьких шляпках. Они виртуозно орудовали смычками, наполняя мраморную трубу перехода нежным пением скрипок.

- Эй, скрипачи! - с ходу предложил им Крейзи. - Поехали с нами! Отдохнем в лесу, плану покурим?

- А куда? - спросил юноша-скрипач. - Это не очень далеко?

- Совсем недалеко! - уверенно ответил Крейзи. - На реку Ящеру!

Скрипачи долго думать не стали, взяли и поехали. Они еще не знали, что тропа, которая тянется вдоль реки, проходит в одном месте по склону крутизной градусов шестьдесят. Слева от этой тропы - обрыв, что-то около четырех метров, а под ним река и прибрежная жидкая грязь. В этом месте, как назло, нет деревьев, а склон такой, что пройти вовсе не просто. Именно там девушка-скрипачка поскользнулась, проехала на брюхе несколько метров и упала прямо в жидкую грязь под обрывом. Стоя там, по пояс в воде и грязи, она принялась звать своего возлюбленного. Второй скрипач, её суженый, услышал крик и подошел к краю обрыва. Там между ними состоялся вот какой диалог:

- Дорогая, - начал скрипач, - это из-за меня ты упала в этот обрыв!

- Нет, дорогой, - отвечала ему снизу скрипачка, - не вини себя.

- Как же мне себя не винить, когда ты упала? - продолжал скрипач, понемногу приближаясь к краю и заглядывая вниз.

- Нет, дорогой, - гнула своё скрипачка, - ты вовсе не виноват!

- Но дорогая... - начал было скрипач, но договорить не успел.

Земля выскользнула у него из-под ног, и он сверзся с обрыва прямо любимой на голову - так, что оба они на время скрылись под водой. С тех пор это место так и называется - “Скрипачи”.

Миновав “Скрипачи”, мы прошли еще немного и расположились на прошлогоднем месте. Нависающие скалы создают здесь нечто навроде естественной стены, река петляет, а на её излучине есть лужайка, густо поросшая ландышами.

У нас была только одна брезентовая палатка, та же самая, что и в прошлый раз. Мы поставили её с краю поляны, а сами расположились вокруг главной драгоценности - “рюкзака с лимонами”, который привёз с собой Гоблин. Сам Гоблин уселся возле этого рюкзака и теперь один за другим доставал оттуда “стеклянные лимончики” - поллитровые бутылки “Цитрона”.

При взгляде на этого человека у меня рождались самые противоречивые чувства. Двухметрового роста, ладно сложенный, Гоблин напомнил мне изображения ангелов на старинных иконах, тех,

чьи крылья давно почернели от сырости и нечестивых молитв. Словно фиал, до краев наполненный жгучим огнем и отравленным дымом, Гоблин был переполнен самой черной ересью - от корней волос до потаенных глубин своей сумрачной, заблудшей души.

Мы познакомились с ним в прошлом сезоне - после РХИ-93 была еще одна игра, теперь на Финском заливе. Нам повезло, мы снова оказались эльфами, но “мастера” придали нам также и кое-что новое - “главного” для нашего коллектива на все время игры. Нам не больно-то это понравилось, но “главным” оказался Гоблин, отрекомендовавшийся вот как:

- Я врач-нарколог, и советую вам употреблять морадол²⁰. Перорально, по две ампулы на чашку чая.

- И чего будет? - спросил я.

- Заебись будет! - со знанием дела ответил Гоблин. - По себе знаю!

Понятно, что после этих слов мы прониклись к нему уважением. Чтобы не ударить в грязь лицом, Крейзи взялся объяснять нашему новому знакомому про галлюциногенные грибы, о которых он не так давно слышал. По его словам выходило, что такие грибы - это псилоцибиновые поганки²¹, в изобилии растущие на поросших травой полях. Это отечественный аналог грибов, о которых идет речь в книгах Карлоса Кастанеды, уверенно заявил Крейзи, и мы сами сможем их отыскать! Нужно только не лениться и смотреть между кочками.

Стоит добавить, что на тот момент Крейзи еще не знал ни как выглядят эти грибы, ни где именно их нужно искать. Поэтому мы собрали превеликое множество всевозможных поганок и съели их прямо на месте, испытывая к грибам теплое чувство и самое искреннее доверие. Гоблин, наблюдая за нашими действиями, смеялся, а иногда - когда интересы игры того требовали - кричал, подзывая нас, далеко разбредшихся по полю:

- Эй! Эльфы!

Но увидев, как мы набиваем поганками рты, Гоблин стал кричать уже по другому:

- Эй, грибные эльфы! - орал он. - Грибные эльфы!

Если бы он только знал, сколько немолкнущих отзвуков, какое могучее эхо породит его крик! Имя пристало, и все чаще на вопрос “Кто вы такие?” мы начали отвечать:

- Мы - Грибные Эльфы!

Так рождаются подлинные имена - их не придумывают, они приходят извне и пристаю́т намертво. Так, что потом и ломом не отдерешь.

С первой Альтернативы прошёл всего год, но за этот год всё разительно изменилось. Вместо смрадной “Красной Шапочки” у нас был с собой лимонный “Цитрон”, а заместо остоебенивших транквилизаторов - целая кружка конопли. Мы встали двумя лагерями: мы на том же самом месте, а чуть дальше по берегу, в шалаше - Крейзины хорошие знакомые, музыканты из группы “КС”. Среди них был Крейзин друг детства Кирпич и его коллеги: клавишник Паша, гитарист Кузя и солист Джеф. Им не впервой было ночевать в этом шалаше, прошлым летом кое с кем из них здесь вышла презанятнейшая история. Вот она.

В минувшем году, обожравшись феназепамы, я, Крейзи, Паша и Кирпич построили этот шалаш из сучьев, лапника и другого говна. Но жить в нем не стали, так как там роились целые полчища комарья. Вместо этого мы сгрудились у костра, прячась в едком дыму от назойливых кровососов. Причем все сидели на земле, а Паша - на единственном оказавшемся рядом пенёчке. Меня это задело, и я решил Пашу убить.

С этой целью я взял топор, с которым предпочитаю в лесу не расставаться, обошёл пень сзади и изо всех сил ударил Пашу по голове. Если бы не Крейзи, который успел схватить Пашу за руку и

²⁰ Морадол - опиатный анальгетик, еще одно название - буторфанол.

²¹ *Psilocybe semilanceata*.

выдернуть из-под топора, тому бы прямо на месте пришел пиздец. Но Крейзи испортил мне шутку - топор со звоном вошел в сырое дерево, а Паша не пострадал. Но я человек, когда надо, настойчивый.

В одно мгновение высвободив лезвие из пня, я замахнулся заново. Тут Паша понял, что дело нечисто, а так как своего топора у него не было, бросился бежать. Я помчался вдогонку и настиг Пашу у речного обрыва, где, уцепившись корнями за отвесный склон, росло одинокое дерево. Спасаясь, Паша спрятался за него, а чтобы удержаться, ему пришлось обхватить ствол обеими руками. Тогда я подбежал вплотную и ударил его топором по рукам. Паша заметил приближающийся лезвие и успел разжать руки, но не удержался на краю, упал с обрыва и весь намок.

Через пару часов Паша вместе с Кирпичом решили мне отомстить. Выждав, когда я притомлюсь, они схватили меня и потащили к тому же обрыву. Они волокли меня за ноги, повернувшись спинами к реке - что и навело меня на одну дельную мысль. Подождав, пока мы не окажемся на самом краю, я согнул ноги, а затем резко выпрямил их, толкая Кирпича и Пашу изо всех сил. Получилось довольно хорошо - Паша и Кирпич упали в воду, а я остался на берегу.

Для Кирпича это имело следующие последствия: он решил просушить одежду. Развесив всё - штаны, футболку, обувь, даже трусы - вокруг костра, он съел платформу феназепама и ушел спать в шалаш. Выждав полчаса, Крейзи сбросил в огонь футболку Кирпича и стал его звать:

- Проснись, Кирпич! Твоя футболка горит!

Кирпич, услышав это, вышел из шатра покачиваясь, с заметным трудом. Реальность он осознавал слабо, поэтому, осмотрев всё с преувеличенной тщательностью, сам сбросил в костёр оставшиеся вещи, развернулся на месте и снова ушел спать. На следующее утро Кирпич, до волдырей искусанный комарами, на четвереньках выбрался из шатра и поделился с нами приснившимся ему кошмаром:

- Представляете себе, друзья - мне приснилось, что я сжёл все свои вещи! Всё, полностью, даже трусы!

Именно в этом шатре КС встали и на этот раз. Вечер был хорош - багровый закат лег на белые скалы, но к ночи зарядил дождь, постепенно превратившийся в настоящий ливень. На нашей стоянке часть народу забилась в палатку - столько, что она превратилась в раздутый от человеческих тел огромный мокрый мешок, в самом верху которого лежал Гоблин. Оставшиеся на улице были заняты делом - пели "маму", бегая вокруг "мешка с лимонами" так, чтобы каждый круг пробегать по палатке. Праздник был в самом разгаре, когда к нам на стоянку прибежал Кирпич.

Он был бледен и весь дрожал. По его словам выходило следующее: они сидели в шалаше и жгли свечу, когда перед входом неожиданно появился высокий человек в плаще с малиновым подбоем. При взгляде на него Кирпича будто приморозило к месту - в окружающей тьме глаза ночного гостя лучились красным, словно драгоценные камни. Незнакомец пристально посмотрел на них, взмахнул рукой - и тогда шалаш вспыхнул! Он, то есть Кирпич, спасся, а вот что с остальными, ему неизвестно.

Возглавлять спасательную экспедицию вызвался Рыжий Волк. Мы нашли остатки шалаша, выгоревшего дотла несмотря на ливень, а потом и самих КС, прячущихся под корнями упавшего дерева, в глинистой яме. Они подтвердили слова Кирпича, правда, с оговоркой: человек с багровым взглядом пришёл к ним после того, как они съели по лафетке феназепама. Для этого, признались они, и было решено встать отдельно.

Подделом, сказал тогда Рыжий Волк - такая жадность отвратительна даже Сатане. Но факт налицо - шалаш сгорел дотла, а человека с багровым взглядом мы в тех краях больше не видели.

Волшебные Грибы.

“Нежелательно становиться грибом, постигающим таинственную эльфийскую мудрость. Намного предпочтительнее доля эльфов, вкушающих мудрость таинственного гриба”. Новый микологический словарь.

Большую часть лета мы провели в лесу, мотаясь с одной игры на другую. Сезон, открывшийся для нас Альтернативой, меньше чем через неделю был продолжен “Конаном-94”, который устраивали в Заходском Берри и компания. Там нас ожидала удивительная и весьма многообещающая встреча.

Началось с того, что я поехал туда вечером в пятницу, тогда как остальные товарищи собирались подъехать в субботу с утра. По дороге я разговорился с одним пассажиром - чернявым типом сумрачного вида, притулившимся в моем вагоне возле окна. Всю дорогу он толковал мне загадочные вещи: есть, сообщил мне этот господин, множество других миров, и есть странники, путешествующие по этим мирам.

Хорошо, подумал я тогда, коли так! Но мой попутчик на этом не успокоился. Таких странников, продолжал наседать он, великое множество, большинство его друзей - такие странники, как и он сам. Вот это показалось мне уже менее вероятным. Но необходимой компетенцией для поддержания подобной беседы я еще не обладал.

Так что в ответ на слова чернявого я все больше кивал, а сам слушал его речи да мотал на ус. Выходило вот что: далеко не все в этом мире люди. Есть и такие, кто просто воплощен в людские тела, например, сам рассказчик, отрекомендовавшийся Ингваром. Не тратя время на объяснения (что еще за миры и откуда они взялись), Ингвар сразу же перешел к интересующим его аспектам этих явлений.

Сначала он подробно обрисовал передо мною, какое он сам “могущественное существо”, а затем принялся информировать вкратце, разъясняя, какие “существа” ходят у него в друзьях. Говорил он красочно, послушаешь такое минут пять - и может сделаться страшно! Все бы хорошо, но “господин воплощенец” по ходу рассказа усердно подпивал, так что ближе к Заходскому начал вести себя совсем уже неприлично.

- Только посмотри на них! - декламировал Ингвар надломленным голосом, оборачиваясь и показывая рукою в вагон. В его тоне сквозило плохо скрываемое презрение, даже брезгливость. - Это бездушное быдло, твари, обладающие только остаточным разумом! А теперь посмотри на меня! Видишь разницу?

Разница была налицо. Она была столь огромна, что я уже начал подумывать - не отпиздят ли пассажиры электропоезда заодно с Ингваром и меня? Это могло случиться, так как Ингвар говорил достаточно громко. Его слова могли быть слышны половине вагона.

- Люди - это сброд, в котором нет ни капли благородной крови, - ничуть не стесняясь, продолжал Ингвар свою пылкую речь. - Они заслуживают лишь мучительной смерти, только кто согласится им её дать? Я считаю ...

Я очень надеялся, что на платформе Ингвар успокоится - пошагает, подышит воздухом, но не тут-то было. Ингвар твердил свое, словно испорченный автомат:

- Я здесь ненадолго, - маслянисто поблескивая глазами сообщил он. - Вскоре мне придется оставить это тело, чтобы уйти по черной дороге в другой мир...

- Тогда лучше всего прямо здесь и оставить, - посоветовал я. - У озера наверняка нету хорошего места.

- Для чего нету места? - не понял Ингвар, увлеченный рассказом, но потом “догнал” и одернул меня:

- Ты не так меня понял. Не настолько скоро!

Увидав, что насчет “дороги” не прокатило, Ингвар решил выведать у меня про мои собственные убеждения.

- Во что ты веришь? - поинтересовался он. - А?

В это время мы переходили через речку Серебристую в месте, которое называется между здешними обитателями “первый мост”. Майская ночь бросила на небосвод россыпь призрачных звезд, они встали над дорогой, словно бдительные, неусыпные часовые. Я смотрел на них и не мог придумать причины, по которой Ингвару следовало бы знать, во что я верю. Но и отмалчиваться не хотелось.

- Верю, - начал я, - в разницу между людьми. Верю, что существует возможность с первого раза понять, кого встретил - гондона или настоящего человека. Верю, что обладающее силой волшебное существо никогда не перепутаешь с каким-нибудь пидарасом!

Я выпалил все это на едином дыхании, а затем умолк и принялся наблюдать, какой эффект произвели на Ингвара мои слова. Поскольку он не выказал возмущения, даже наоборот, то остается возможность, что он принял сказанное мною за комплимент. Выходит, что мы друг друга не поняли.

Я оказался по-своему прав - насчет возможности встретить хороших людей. На берегу Малого Красноперского, на стоянке, которую другие её обитатели позже называли Утехой, я обнаружил совершенно неожиданную компанию. Утеха - лужайка между двух озер, отгороженная кипой кустов от так называемой “турнирной поляны”. Кусты выросли на старом финском фундаменте, а чуть поодаль сохранился настоящий каменный погреб, в народе получивший громкое название “Бункер”.

Именно здесь расположился мой сосед по двору Кримсон вместе со своими товарищами: Романом, Саней и ВПД. И расположились, по всей видимости, давно. Повсюду были разбросаны пустые пакеты из-под мяса для шашлыка, стояли кругом пластиковые канистры с разливным пивом, отдельно лежали несколько металлических фляг, полных (как потом оказалось) водки и спирту. В этом виден был стиль, в котором любит путешествовать брат Кримсон, но тогда я об этом еще ничего не знал. Мы познакомились недавно - этой зимой, во время концерта, на который нас “пригласил” Крейзи.

Это был концерт Аукциона, на разогреве к которому должны были выступать друзья Крейзи из группы КС. Так вот, Крейзи пригласил нас на концерт в один ДК, но, разумеется, ни проходов, ни денег на билеты у нас не было. КС нам в этом ничем помочь не могли, так что пришлось разбираться с этим самим. Обстоятельства были сложные: вход в ДК, эдакий тамбур, был перегорожен стеклянными дверями, одна из которых была открыта, а за нею - человек десять охраны, здоровенные взрослые лбы. Всё пространство перед этой дверью было забито кучей пункеров, не попавших на концерт из-за неурядиц с билетами или деньгами. Так что это было то ещё приглашение.

Изучив ситуацию всесторонне, Крейзи отправился мутить народ. Его кое-как знали, и через некоторое время была готова штурмовая группа - человек тридцать панков. Они решились разбить кирпичами стеклянные двери, в надежде прорваться затем в зал через цепь охраны. Мы же, в том числе и Крейзи, имели совсем другие намерения - обойдя здание по кругу, мы обступили дверь черного хода, запертую изнутри. Это были двойные двери, очень массивные, так что сломать их было непростой задачей. Тут-то судьба и свела нас с Кримсоном²², Ромой и ВПД (что расшифровывается как “Вечно Пьяный Друг”).

С их помощью мы притащили с соседней стройки пятиметровую железную трубу. Общими усилиями вколотив её в щель между дверями, мы приналегли на оставшееся “плечо” и отломили

²² От англ. Crimson - “малиновый”.

двери с петель. Это прошло незамеченным потому, что “штурмовая группа” отвлекла на себя охрану. Ворвавшиеся в холл пункера разбили стекла и пошли на прорыв, но были встречены охраной и жестоко избиты дубинками. Не прорвался никто - оказалось, что холл отгорожен от остального зала еще одними запертыми дверями.

Нам повезло больше. Только один пролёт отделяет запасной выход от лестничной площадки, на которой расположены двери в концертный зал. Мы успели прорваться, и за нами вписалось ещё около ста человек - пока охрана не опомнилась, и эту лазейку не перекрыли.

По пути домой мы обнаружили, что Кримсон и Рома живут совсем неподалеку от меня. Мы оказались практически соседями: если снести школу во дворе, то окна Кримсона оказались бы почти напротив моих. Кримсон оказался подонок что надо, наш человек. Еще в начальных классах, пока остальные дети втыкали про Ленина и октябрят, Кримсон неожиданно “пробудился”. Понял, как это здорово - быть пионером.

- На половину уроков можешь не ходить, а тебе никто и слова дурного не скажет! - уверенно заявлял он. - Можешь ничего не учить, а все оценки будут в лучшем виде! Разве это плохо - помыкать сверстниками? Я всем сердцем пионер!

За короткое время как школьное, так и районное руководство вынуждено было отметить организаторские способности и пыл “пионера Кримсона”. Прошло немного времени, и Кримсон отправился на “красную” смену в лагерь “Зеркальный” - несмотря на то, что не раз был замечен в фарцовке и в мошенничестве с талонами на еду. В “Зеркальном” Кримсон дополнительно развил свои качества пионерского вожака: научился распоряжаться чужим временем и “петь сладкие песни”. Так что по возвращении из лагеря он принялся с новыми силами продвигаться вперед, ожесточенно расталкивая локтями других пионеров.

У Кримсона были большие планы, но его подвела перестройка - как только Советский Союз исчез, от школьного Совета Дружины и следа не осталось. Увидав такое, Кримсон выбросил свой шелковый галстук в мусорное ведро, а все силы направил на приобретение денег. Пользуясь “активистским” опытом, Кримсон принялся материализовывать финансы прямо из воздуха, а извлеченные средства тратил на организацию грандиозных попок у себя в логове.

Окна в своей комнате Кримсон замазал черной нитроэмалью, а на пол установил огромные колонки. Через них он день и ночь крутил свою любимую музыку: “RHCP”, “DM”, “Front 242” и много чего еще. Музыка была одной его страстью, а другой были старые автомобили: прямо под окнами у Кримсона стоял принадлежащий ему “Ford 20m” цвета благородного меда. Соседи зря считали его мошенником - Кримсон просто любил, чтобы у него всегда были деньги.

Увидав посреди поляны Кримсона, я сначала не поверил своим глазам. Мы виделись в городе достаточно часто, но про игры речь у нас еще ни разу не заходила. Может, подумалось мне, парни просто выехали в лес “на шашлыки”? Но я тут же отказался от этих мыслей, заметив некоторое количество щитов и дубинок, в беспорядке разбросанных возле костра. Тогда я вышел вперед и осведомился:

- Эй, сосед! Какими судьбами?

- О-о-о! - обрадовался Кримсон, критически оглядывая мое собственное “снаряжение”. - Не ожидал тебя здесь увидеть. Остальные ваши тоже в теме?

- Угу, - ответил я. - Подтянутся в субботу, к середине дня.

- А как зовется ваша команда? - поинтересовался Кримсон.

- Грибные Эльфы, - ответил я. - А ваша?

- Арнорская Дружина, - ответил Кримсон. - Мне кажется, что за такую встречу надо накатить! Вздрогнули?

Пили мы тогда разбавленный спирт - из маленьких железных стаканчиков, под горячие шашлыки. Постепенно волны тепла разлились по моему телу, забирая сознание и память, а вокруг

меня, слово мираж в токах горячего воздуха, воплощался в реальность волшебный и удивительный мир. Ночь разбросала по весеннему лесу сумасшедшие краски, невероятная легкость и эйфория охватили меня. Подобрал с земли полутораметровый кол, я вышел на середину поляны и принялся звать к себе Кримсона. Мне очень хотелось проверить на деле, что он за человек. А на тот момент я знал только один способ, по-настоящему заслуживающий доверия.

- Не хочешь размяться, сосед?

- Почему бы нет? - спокойно кивнул Кримсон, а затем взял похожий кол и вышел на середину поляны. - Держись, сосед!

Волшебная это вещь - этанол. Время под ним замедляется, превращаясь в тугую паутину размазанных, тягучих минут. В этом киселе вязнут тяжелые колья - размеренно взлетают и опускаются, встречаясь в воздухе с глухим стуком, болезненно отдающимся в руках. Иногда чары спадают, и тогда становится понятна настоящая скорость ударов: темный росчерк посреди чуть более светлого неба. Стоит на секунду отвлечься, пропустить хоть одно хлесткое касание - и по телу липкой, сковывающей движения волной начинает распространяться слабость и предательское оцепенение.

- И-эх! - Колья сшибались в воздухе с оглушительным треском, натыкались друг на друга, разыскивая единственную лазейку. - Эх, сука! И-эх!

За минуту такого боя можно изуродовать друг друга до неузнаваемости - в кровь разбить голову, излохматить дрекольем руки и ноги. И только очень пьяный человек, который искренне дружит с водкой, способен заниматься этим ради собственного удовольствия. Этанол дает человеку власть над страхом и болью - так, что они вынуждены прятаться в самом дальнем уголке тела, словно испуганные шавки у себя в конуре.

- Эй, люди! - неожиданно донеслось до нас. - Вы что это делаете?

Мы опустили колья и развернулись на голос. Какой-то незнакомый парень стоял на краю поляны и таращился на нас во все глаза.

- Эй! - решительно заявил он. - Здесь игра! Так что завязывайте драться и помиритесь между собой!

Мы с Кримсоном переглянулись. Взмыленные, в кровоподтеках и синяках, перепачканные землею и кровью, мы являли собой то еще зрелище. Боевой раж начал отпускать, я еле стоял на ногах, но все же нашел в себе силы заявить о своей позиции.

- Чего это нам мириться, - спросил я, - когда мы и не ссорились? А, сосед?

- Точно! - поддержал меня Кримсон, а затем повернулся к незнакомцу и веско произнес:

- Шел бы ты отсюда на хуй, не видишь - мы заняты!

В августе Крейзи решил устроить собственную ролевую игру - в сорока километрах от станции Грузино. Мы приехали туда вместе с парнями из Арнорской Дружины и встали лагерем у озера, на пригорке. Узкая полоска пляжа вплотную прилегает здесь к "окультуренной" лесополосе, изрезанной дорожками и заваленной разным мусором, отходами и хламом. Дикой природы здесь практически нет, потому что по соседству расположено огромное садоводство.

Мы выпили водки и принялись дожидаться остальных. В их числе оказался и сам Крейзи - он гостил в это время в близлежащем дачном поселке у своей девушки, которую звали Иришка. Крейзи познакомился с ней сравнительно недавно, прогуливаясь без определенных целей по Невскому андеграунду, сиречь по "Теплой трубе"²³. Двигаясь через подземный переход, Крейзи заметил юную незнакомку, в точности отвечающую его собственным идеалам красоты - высокую и стройную, с длинными светлыми волосами. По словам Крейзи, она производила впечатление едва распустившегося цветка - совершенно беззащитного и от этого только еще более

²³ Подземный переход, соединенный с вестибюлем станции "Невский Проспект".

очаровательного. Понятно, что Крейзи не стал терять времени даром, и вскорости к нашей компании добавился еще один человек.

Самым первым у нас на стоянке появился брат Гоблин. Его на руках притащила Вельда, с которой он в ту пору сожительствовал - причем волоочь Гоблина ей помогала сестра. Гоблин был пьян в говно. Вельда сообщила нам, что они добирались от станции в кузове грузового автомобиля, а когда пришло время вылезать, неожиданно встретили на шоссе еще одних “приглашенных”. Это были наши новые знакомые по игровой тусовке - Морадан и Ааз, а с ними костяк их будущей сборной (которая со следующего года станет известна как “Хирд”).

Крейзино приглашение на игру Морадан принял далеко не сразу. Поначалу он долго выспрашивал: в каком формате будет проводиться мероприятие? Будут ли на нем те, кто собирается употреблять наркотики или пить? И много ли таких будет? Такие вопросы Морадан задавал неспроста.

В те годы Морадан и его сотоварищи жестко держались политики “двойного не” - то есть не пили и не употребляли. Соответственно и общаться они старались с непьющими и не употребляющими людьми - а таких в тусовке было не так уж и много. Пока все бухали, дули коноплю и жрали транквилизаторы, Морадан и его товарищи устраивали маневры и тренировки. Так и в этот раз - они совсем уже было собрались маневрировать, но вид Гоблина быстро их “отрезвил”.

Морадан заметил Гоблина, когда тот висел перегнувшись через борт грузовика и блевал. Завидев Ааза, стоящего неподалеку, Гоблин принялся булькать и сипеть, иногда выкликая блеющим голосом:

- Аазь, у тебя маззь езь?

Затем он опять блевал, а когда немного успокаивался, снова принимался блеять:

- Аазь, у тебя езь маззь?

Увидав такое дело, Морадан спросил у сопровождающей Гоблина Вельды:

- Как ты думаешь, там все такие?

Вельда, к тому моменту уже сама пьяная “в три пизды”, на вопрос Морадана ответила так:

- Конечно же, нет! Гоблин только что приехал, даже из машины еще не выходил! Так что не надо его сравнивать, он пока еще трезвый! Иди к озеру, если хочешь увидеть настоящий пиздец!

Услыхав про такое, Морадан плюнул в сердцах, развернулся на месте и уехал маневрировать куда-то в другое место - а куда именно, про то мне неизвестно. Ну да и (честно будет об этом сказать) не сильно-то мы о нем горевали.

Пока все слушали эту историю, выяснилось, что мы в лесу не одни. Как только стемнело по-настоящему, ветер донес с побережья песни и брань, а через несколько минут распелись так, что стало можно различить слова:

Я буду до-о-олго гнать вело-осипед!

В густых лугах его останавлию!

Манера исполнения была совершенно дикая - будто бы не человек кричит, а воеет прохудившаяся медная труба. Голос поднимался с побережья и хлестал по окрестностям, словно ременная плеть. Затем исполнитель на секунду умолкал, и ему вторили другие - словно многоголосое пьяное эхо:

Я так хочу, чтобы сделала минет

Та девушка, которую люблю!

Затем к нам долетали отголоски целого взрыва хохота, а потом тот же голос начинал выводить следующую строчку:

Она возьмет, не поднимая глаз ...

- Местные! - уверенно произнес Рома. - Слышите, как орут? Сто пудов, это гопники из садоводства!

- Может, и так, - кивнул я, оглядывая окружающую темную перспективу. - Кому еще тут быть? Между тем одна песня смолкла, и на берегу тут же затянули следующую. Когда ветер шел от воды, звук доносился к нам с такой силой, что я думал - мне шапку с головы оторвет.

*Крутится-вертится старая мельница
Бьетса о камни вода! ЛА-ЛА-ЛА!*

По ходу куплета голос набирал обороты, поднимался вверх, а затем с воем пикировал на пляж, словно тяжелый бомбардировщик. В самой нижней точке он детонировал о прибрежные камни, и тогда над озером ухало:

*Старая мельница, все перемелется
Кромка щита никогда!*

- Слышали, вроде про щиты что-то? - встрепнулся я. - Какие же это гопники?

Тут Стори встал и принялся оглядываться по сторонам.

- Видите их костер? - наконец спросил он, указывая пальцем куда-то в сторону берега. - Во-он там, между деревьями. Может сходим, посмотрим? Хоть узнаем наверняка, кто это?

Через несколько минут мы вышли к другому костру. Несколько деревянных ящиков горели в яме на берегу, отбрасывая по сторонам неверный круг желтого, мерцающего света. Перед самым огнем на землю было постелено несколько газетных листов, на которых красовались овощи и зелень, вареные яйца и разнообразные бутерброды. Посередине, на тщательно расчищенном месте, высилась литровая бутылка водки в окружении шести металлических кружек.

Владельцы всего этого расположились неподалеку, на самой границе света и тени. Нам не видно было лиц - лишь темные, смазанные фигуры. При таком освещении взгляд способен ухватить лишь разрозненные детали: тут свет упал на край строительной робы, там - выхватил рыбацкую шапочку из темноты.

Собравшиеся были вооружены колотушками из бука и щитами-ромашками, на которых я разглядел в свете костра три руны Киртара²⁴. Мне показалось, что они обозначают русскую абривиатуру "Г.Ж.Г.", поэтому я некоторое время думал, а потом решил выступить с предположением:

- "Г.Ж.Г." значит "Гномы Железных Гор"?

- Ага, но тебе это пусть голову не ебет, - подтвердил один из хозяев стоянки. - Называем мы себя иначе - "Синие Гномы"!

- Зачем же тогда эти руны? - я показал пальцем. - Почему "Г.Ж.Г."?

- Пусть тебе это голову не ебет, - повторил тот же голос. - Сначала мы думали одно, а потом передумали. Теперь мы - Синие Гномы!

Говоривший не обманул - по сравнению с почтенными гномами даже синька не показалась бы достаточно синей. Собравшиеся были пьяны не то что "в говно", а в три, а может, и в четыре "пизды". И у них было собственное представление о том, какими должны быть гномьи имена.

- Лучшие гномьи имена заканчиваются на "-ин", - рассуждал один из присутствующих, представившийся нам Бариним. - "Дарин", "Двалин", "Оин" и так далее - "Сталин", "Филин" ...

²⁴ Киртар Даэрона - эльфийское руническое письмо.

Сталином и Филином звали еще двоих из их коллектива.

- Или на “-и”, - вторил ему четвертый из присутствующих, по имени Хули. - Например - Хули и Фери.

Фери, услышав свое имя, кивнул. После этого повисла тишина, во время которой все уставились на последнего из обитателей этой стоянки, который пока еще никак не представился. Заметив эти взгляды, он встал со своего места и вышел вперед.

- Меня зовут Доцент, - сообщил он. - Вот мое имя!

- Как же так? - спросил я. - Что это за гномье имя, да еще с таким окончанием - “цент”?

- Приколи лучше, какое у тебя самого имя? - нисколько не смутился Доцент. - Посмотрим еще, у кого оно более правильное!

- Меня зовут Джонни, - ответил я, а потом посмотрел на Хули и добавил:

- И это эльфийское имя, на какую бы букву оно не заканчивалось!

- С моим именем такая же хуйня, - объяснил Доцент. - Только оно гномье!

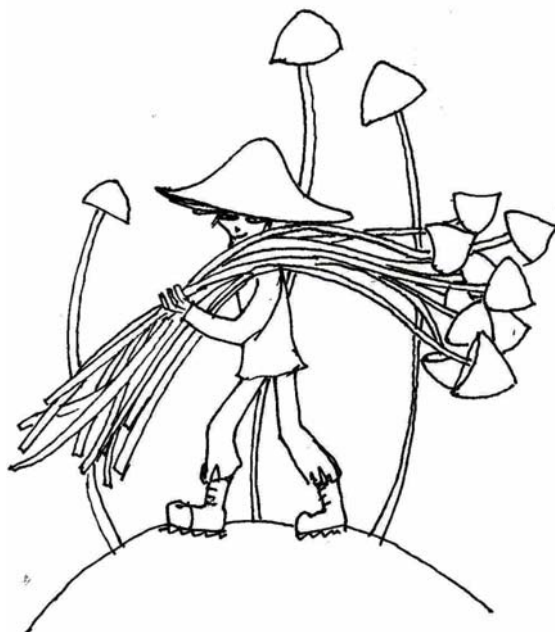
Ближе к середине ночи объявился Крейзи, и у него была для всех нас добрая весть. Каким-то образом он узнал, где и как растут настоящие псилоцибиновые поганки. Крейзи сделал запас этих грибов, около тысячи штук, и теперь был готов “раздать вводные” для своей игры. Это был его “сюрприз игрокам”, а так как он был единственным “мастером”, спорить никто не стал.

- Подходите по очереди! - предложил Крейзи. - По одному!

Когда пришла моя очередь, Крейзи запустил руку в газетный сверток, а затем быстро вынул её и положил что-то мне на ладонь. То, что он мне дал, было холодным и влажным и в то же самое время каким-то образом будоражащим. Через мою руку словно пропустили электрический ток. Я поднес её поближе к лицу и увидел - у меня на ладони лежит целый ком свежих грибов.

- Съешь это, - предложил мне Крейзи. - И твоя жизнь изменится.

Без лишних уговоров я сунул грибной ком в рот и принялся жевать.

Мне особенно запомнилась эта ночь. Лес превратился в бесконечный покров темноты, разорванной посередине застывшей вспышкой нашего костра. Желтый свет, падая на открытые участки кожи, превращался в жар, который плавил руки и лицо, а когда я поворачивался к озеру, то видел на отмели голую фигуру Гоблина. Он блевал, стоя на четвереньках в воде, у самого берега.

Нечто, обитающее в грибах, вошло в нас, и в ту ночь вокруг меня не было обычных людей. Реальность текла, словно краски на стекле - а из-под шерстяных шапок, из-под скрывающих лица прядей на меня смотрели нечеловеческие глаза. Их взгляды лучились, будто юное солнце, и были так же текучи, как нагретая ртуть. Поначалу я удивлялся, покуда не понял - нынче ночью у меня точно такой же взгляд.

За пару часов до рассвета мы подобрали своё снаряжение и спустились в глубокую яму, которую обнаружили в прибрежной лесополосе. Со всех сторон яму окружали кусты, а все дно у неё было завалено старыми железяками и битым стеклом. Практически ни черта не было видно - но этого и не нужно, потому что грибы дарят волшебную четкость ночного восприятия. Ту, что за пределами привычных органов чувств.

В этой яме мы устроили массовую потасовку, в кровь измолотив друг друга дубинками и обрезками труб. Боли никто не чувствовал - вместо этого пришла пьянящая радость и душевный подъем, подобный наполняющему тело холодному ветру. Это стало как будто отправной точкой, и если вы спросите: “Откуда вы вышли?”, то я отвечу без колебания: “Из этой ямы!”.

Утро растопило ледяную броню анестезии, и тогда многие стали жалеть о проявленном безрассудстве. Но крепкий алкоголь исцеляет быстро, к обеду он поставил на ноги даже тех, кто был совсем плох. Лучший удар этой ночью нанес Кримсон, осушив своего товарища Рому секирой по яйцам. Секира, о которой идет речь - “бабочка” весом около четырех килограмм, изготовленная из мощного бруса и толстенной резины с беговых дорожек. У меня вся спина и плечи оказались в синяках, кое-кому разбили башку - но серьёзных травм на этот раз не было.

Так как все задачи игры были успешно достигнуты, мы стали собираться по домам. Из этих мест до станции Грузино ходит рейсовый автобус, но мы - я, Слон и Барин - на него опоздали. Все наши товарищи уехали на этом автобусе, искренне над нами глумясь, а нам пришлось идти сорок километров пешком. За время пути мы со Слоном успели присмотреться к новому попутчику.

Невысокого роста, поменьше даже нашего Стори, Барин оказался широкоплечим и очень подвижным. По его словам, раньше он занимался мотокроссом, но на последних соревнованиях засмотрелся на двух девок, как назло рассевшихся в первом ряду. Из-за них Барин не справился с управлением - сам чуть не убится и совершенно “убил” мотоцикл.

Увидав, что любовь к женщинам встала ему поперек спортивной карьеры, Барин недолго колебался. Сразу же по выходу из больницы он послал своего тренера на хуй, чему немало способствовала такая причина: тренер требовал, чтобы Барин за свой счет починил принадлежащий секции мотоцикл.

Обучался Барин в путяге, по специальности “столяр-кранодеревщик” - в той же самой, где числилось большинство его товарищей по “Г.Ж.Г.”, а жил на Приморской. По дороге Барин успел немного рассказать про обычаи, бытующие у него “на родине”.

- Воткнитесь, - втолковывал нам Барин, - в новую для себя игру! Называется она “Жу-жу-жу”. Три человека подходят к четвертому и говорят: “Ну, как - сыграем сегодня в Жу-жу-жу?” Предполагается, что до этого человек в “Жу-жу-жу” никогда не играл. Тогда ему объясняют правила: чувак, мы вместе берем твою куртку зубами за края, а потом начинаем двигаться по кругу, повторяя - “Жу-жу-жу”. Все очень просто, нужно только не рассмеяться. Кто засмеется, выбывает из игры, потом выбывает следующий - пока не останется только один игрок!

- Хуйня какая-то, - заявил Слон. - Чего в этом интересного?

- Ха! - ответил Барин. - Тут есть один секрет! Секите тему - четверо стоят, вцепившись зубами в куртку, но только один из них занят тем, что старается не рассмеяться. А остальные в это время ссут на него, прикрываясь его же курткой!

Я представил себе такую картину - и у меня начало складываться к “Жу-жу-жу” положительное отношение. При удачном раскладе интересная может получиться игра.

- Реально, были случаи, - продолжал объяснять Барин, - когда трое уже отпустили куртку, а четвертый еще не понимает, что его обоссали! Держит куртку в зубах, да еще кричит при этом: “Жу-жу-жу! Я победил!” Ну не охуенная ли игра?

Обычаи у Барина во дворе царили самые суровые. Уже в шестом классе он начал по-настоящему пить - крутил “БФ”²⁵ или ставил вместе с другими малолетками брагу “на теплаке”²⁶. Там же он попробовал дышать “моментом” - короче, делал все, что обычно делают юные воины, без особой цели скитающиеся по темным подвалам и заколоченным чердакам. Он быстро завоевал уважение сверстников и даже кое-кого из взрослых полным отсутствием страха и принципиально непримиримой позицией. Задевать себя Барин не позволял никому, а чтобы компенсировать небольшой рост, носил с собой целый арсенал разнообразных средств уничтожения. Даже сейчас у него с собой были:

Браслет из напульсника с бритвами (1), армейский ремень с пряжкой, залитой свинцом (2), цепь, просунутая под ремень (3), заточка из отвертки в сапоге (4), эбонитовые нунчаки (5), устройство для распыления аэрозоля “Military Attack” (6), кастет (7) и выкидной нож без стопора (8)

Некоторые из Бариновских друзей детства за свои “подвиги” проводили лето в спецлагерях (навряде печально знаменитой ЛТО “Каравелла”²⁷), но Барина подобный отдых вовсе не привлекал. Вместо этого он подался на игры, и уже за одно лето успел немало где побывать. Так что когда речь у нас зашла про Морадана и про его вчерашний визит, Барин остановился, словно чего-то припоминая, а потом говорит:

- Морадан? Тут с ним вышел вот какой случай! У фонтана дело было ...

В Заходском по пути к основным территориям можно увидеть остатки старого финского фонтана. Как-то раз, когда Барин приехал туда вместе со Сталином и Фери, их встретил возле этого фонтана какой-то невысокий человек, в очках и с бородкою.

- Ребята, - доброжелательно спросил он, - вы приехали на игру?

Сталин, шедший спереди, поставил на землю полиэтиленовые пакеты с водкой, оправил ватник и говорит:

- Да.

- Как же вас зовут? - спросил незнакомец.

- Андрей, Саша, Саша, - по очереди представились друзья, предпочитавшие в беседе с посторонними использовать свои человеческие имена.

Тогда незнакомец шагнул вперед, протянул руку и говорит:

- Меня зовут Морадан.

Тут Сталин, еще плохо разбиравшийся в реалиях волшебного мира, допустил ошибку.

- Морадан, - задумчиво переспросил он. - Татарин, что ли?

²⁵ Люди, незнакомые с этим обычаем, должны узнать больше об этом “подлинно народном способе питья”. В водно-спиртовой раствор клея “БФ” погружают карандаш, зажатый в головку дрели, после чего начинают не слишком быстро крутить ручку (в случае с электродрелью - дают малые обороты). Соплеобразная клеящая фракция постепенно “наматывается” на карандаш, а оставшийся раствор после нескольких таких процедур можно будет выпить без особенного вреда.

²⁶ В смысле - в подвале, где проходят трубы центрального отопления.

²⁷ Лагерь Труда и Отдыха “Каравелла”, куда ссылают на лето особенно беспокойных “детей” - токсиков, гопстопщиков, щипачей и т.д. Обычаи там царят дикие, так что в этой книге мы не будем касаться всего этого говна.

Замок на берегу.

“Ученый-монархист Карл Линней создал собственную классификацию, в которой поделил всех живых существ на три огромные Царства. Линней написал, что это Царство Животных, Царство Растений и Царство Грибов.

С критикой этого тезиса выступили недавно уполномоченные представители Грибного Царства. “Мы требуем, - заявили они, - чтобы во всех учебниках слова Линнея были изменены! Пусть животные и растения определяются сами, а мы заявляем прямо - над грибами нет царя! И не будет!” **Новый микологический словарь.**

Осенью того же года Морадан пригласил всю нашу компанию в Кавголово, на своеобразные “маневры”. Это был прообраз современных “бугуртов”, которые как раз из таких мероприятий и вышли. Маневры отличалось от привычных игр того времени тем, что индивидуальных ролей на таком мероприятии не предусматривалось, а приглашение на них получали только сплоченные коллективы. Вся тема служила следующим целям: обкатке командной техники боя и тестированию новейших средств вооружения и защиты. В Питере всю эту тему придумал и воплотил в жизнь Морадан.

Читателю следует понимать, что в то время на играх было туго со снаряжением, а многие воинские ухватки, нынче ставшие расхожими, еще не были изобретены. Это была эпоха становления будущих техник, время, когда река единого метода достигла своего устья и разбилась на обособленные рукава. Ниже мы попробуем набросать для вас примерную карту этих потоков.

01. Применяющееся вооружение и техника боя.

Первой на ролевые игры проникла симуляция (макет) самого обычного меча. Прошли годы, но это оружие до сих пор лидирует по своей популярности - его наличие стало отличительной чертой, по которой нетрудно будет узнать встретившегося ролевика. С подобным реквизитом согласились большинство игроков, а разногласия возникали только по такому вопросу: “Что же делать с этим мечом?”

Некоторые “игроки”, подобные Эрику, использовали меч в качестве важного дополнения к собственному костюму. Они научились кривляться с ним различными способами, но реальной опасности при этом не представляли. В вечной заботе о том, чтобы на игре “никого не ушибли”, Эрик разработал систему тренировок, при которой боец приучается умышленно задерживать свою руку. Для этого приходится тормозить клинок, начиная с середины ударной траектории, из-за чего из динамики пропадает самое главное - хлесткость. При длительной практике вырабатывается мышечная память, и нанести по-настоящему хороший удар становится практически невозможно.

Но не все смотрели на мир подобно косорукому Эрику. Люди из Берриной тусовки ввели в обращение пластиковое вооружение (дефицитный на тот момент текстолит, считавшийся меж людьми признаком определенного положения) и взяли на себя труд научиться работать такими клинками. Они сплели воедино спортивное фехтование и сабельный бой, породив красивую и в то же время достаточно гуманную технику. Требуемый профессионализм и хорошей реакции, их стиль быстро стал подлинным украшением боев между одиночками и небольшими группами игроков.

Вторым подходом был завезенный из столицы “навал”²⁸. Его разработали и воплотили в жизнь специалисты из московского “Города Мастеров”, а импортировал его в наш город жадный до

²⁸ Следует понимать, что названия приводящихся техник условны. Тому, кто хочет узнать оригинальные названия (если они есть), следует обратиться к тем людям, которые все это придумали.

всего нового Морадан. “Навал” ему очень понравился, и он взял его как базовый метод для своего будущего Хирда.

Чтобы вам было понятно, “навал” - это щитники, рвущие в бою дистанцию, словно спортсмены дзюдо. Это липнущая к телу противника плоскость, из-за которой наносит бесконечные удары короткое жало - профессиональный атрибут подлинных мастеров щитового боя. Впоследствии, при эскалации командного противостояния и общем ужесточении боёв, люди Хирда усовершенствовали “навал” - взяли клинки потяжелее и добавили амплитудные удары. Это и стало, на мой взгляд, основой современной техники правильного боя для щитов с классическим хватом²⁹.

Это были два первоочередных способа. За ними следуют еще два, имевшие несколько более ограниченное хождение. Первый из них - это метод “пары”, то есть бой двумя клинками одновременно. Ограниченно “пара” использовалась в Кошатнике³⁰ и у нас, но только в коллективе у Эйва этот метод достиг своего сияющего великолепия.

“Пара” - это обоерукие люди,двигающиеся в бою, словно облака текучего дыма. Это мгновенные связи и комбинации разнонаправленных ударов, бесконечное марево танцующих в воздухе клинков. Это - подлинный blade dance, самая красивая и одна из самых эффективных техник мечевого боя. И в то же время одна из самых сложных.

В коллективе у Эйва так обучали основам этого мастерства. Небольшую картонку кидают у дерева, а на нее, спиной к стволу, встает человек. В руках у него зажаты пара черенков от лопат, а трое его товарищей обступают дерево и начинают изо всех сил колошматить его другими тремя черенками. Стартовое время - минута, потом участники меняются местами, и все начинается опять. Через несколько занятий покрытое синяками тело начинает опережать в своих движениях разум - и тогда деревянные черенки неожиданно оживают. Человек все еще находится на картонке, но попасть по нему становится непростым делом - его берегут от бед призрачные, смазанные сумасшедшим движением клинки.

Следующий способ, разработанный в нашей собственной банде - метод “лоризновских копий”, иначе говоря, бой тяжелыми кольями. Он сочетает в себе как тычковую, так и ударную технику, с огромным количеством подлых ударов обратной стороной кола. Это совершенно не похоже на общепринятую систему боя копьем и больше напоминает использование алебарды, принятое в исторической реконструкции. Такой бой - словно горная река, расшвыривающая посреди прибрежных скал оглушенных и перешибленных её бурным течением пловцов. Использование кольев имеет еще один существенный плюс: их можно вырезать на месте, что освобождает от необходимости волочить “военный скарб” из города и обратно.

Были и другие способы: бой с помощью меча и даги, бой топором, кистенем, глефой и т.д. Эти методы не нашли командного применения, выражая предпочтения отдельных умельцев. Некоторые из них вознесли свое любимое оружие на недостижимую высоту, украсив таким образом немало боев. На общем небосклоне их труд полыхнул подобно холодным и чистым зарницам, породив бесконечное количество отсветов - небольших “традиций”, “техник” и “школ”. Их слишком много, чтобы о каждой из них говорить, так что будет лучше, если их основоположники на время сложат оружие и сами возьмутся за перо.

02. Средства защиты.

Индустрия средств защиты на ролевых играх находилась в то время в зачаточном состоянии. Это можно сравнить с беременностью: сейчас доспехи уже “родились” и вполне себе “подросли”, а

²⁹ Речь о Питерской тусовке тех лет, о “региональных обстоятельствах”. В других городах - другие умельцы, собственная история и традиции.

³⁰ Коллектив, откуда пришел к нам брат Гоблин.

тогда ихнюю маму еще даже ебать не начали. Рынка брони не было, так как желающие изготавливали снаряжение под себя и никому его не продавали.

Реконструкторская снасть на игры еще не проникла, а собственных удачных решений было не так уж и много. Из-за этого подавляющее большинство доспехов тех лет было собрано из алюминиевых пластин, кровельного железа, жести и другого гнилого говна. Те, у кого руки были на месте, умудрялись сделать кое-что приличное, но это было скорее приятное исключение, нежели распространенная практика.

Но война продолжалась, оставляя участникам глубокие ссадины и обширные синяки, так что необходимость защитных мер становилась ясна все большему количеству игроков. В то время на передовой спорили две системы - принятый у Морадана “экспериментальный метод” и наш собственный “метод анестезии”.

В рамках первого метода Морадан ввел в обращение металлические пластины, наклепывая их внахлест на куски толстого линолеума. Одетое на ватник, это подобие средневековой бригаантины дает неплохую защиту. В современном мире такой доспех вызовет только насмешки, но для того времени это являлось передовой разработкой, существенно усилившей одоспешенность Хирда и его военную мощь. С той же целью люди Хирда применяли шлемы из толстой кожи и металлических полос, усиленные наручи и т.д. - эксперимент шёл, и процесс поиска в мастерской у Морадана не стоял на месте.

Мы предпочитали другой путь. Надев ватники и толстые рукавицы, мы “заливали глаза”, а после игры отлеживались. Защиты окромя водки мы не признавали, почитая это зазорным, а идти в бой трезвыми полагали для себя невозможным. По пьяни тебе похуй на разбитую башку - что свою, что чужую, а сломанные пальцы воспринимаются как потешное приключение. Вид крови бодрит, а обычные синяки - те вообще проходят мимо внимания сознательного ума.

За те годы, что я провел на играх, я ни разу не дрался трезвым, и то же самое могу сказать о своих товарищах. Мы не могли понять: разве людям в здравом уме может прийти в голову такая мысль - дуплить друг друга кольями? У Морадана все было не так, сказывалось еще одно различие - разница в подходах.

03. Разный подход.

Подход к тому, что сейчас называют “боевкой”, поначалу был один и тот же для всех - то есть не было никакого. Но семена различий, обусловленных личными предпочтениями участников, упали на благодатную почву, так что вскоре поверхность земли вспороли совершенно непохожие друг на друга ростки.

Наиболее консервативной группой оказались сторонники одиночных боёв и “игрового фехтования”. Среди них были как законченные ничтожества, для которых клинок был только “продолжением их возвышенного и мрачного образа”, так и подлинники мастера своего дела. Федя Дружинин умудрился текстолитовой шпагой перерубить сырую ель толщиной в руку, вдохнув таким образом в термин “игровое фехтование” новую жизнь.

Факт налицо: были те, кто обожал подраться - и те, кто совсем этого не хотел. Косорукие сторонники “театралки” стремились к возвышенным целям и вскоре добились своего, дискредитировав образ толкиениста в глазах большинства обывателей. Из-за этой публики само слово “ролевик” ассоциируется теперь с разной блядью - с инфантильными юношами и жирными хиппи, неспособными за себя постоять. Впоследствии это обернулось для всего движения множеством бед, когда эта скверная брага растеклась по округе и начала вонять.

Но и те, кто хотел сражаться, испытывали трудности, определяя формат будущих мероприятий. Сторонники одиночных боёв сверкнули, подобно падающим звёздам, и растворились в горниле

грядущих массовых битв. Простая логика - “принцип бандинга³¹” - заставила людей тянуться друг к другу. Даже могучие воины в одиночку не справляются со сплоченными коллективами, так что героизм одиночных сражений постепенно уходит в прошлое. И посреди призраков игр бывшего - кинжалов, плащей и шпаг - штормовой волной поднимаются новые принципы.

В нашем городе одними из первых, кто принял подобную логику, были наш коллектив и Хирд Морадана. Другие, тот же Кошатник и компания Берри, хоть и тусовались вместе, могли взять для игры совершенно разные роли, рассыпаться и действовать парами или поодиночке. Но наша банда (как и Хирд) имели на этот счет другое мнение. Мы не гонялись за важными назначениями и индивидуальными ролями, предпочитая записываться разбойниками (мы), или войсковыми группами (Хирд) - просто ради того, чтобы друг с другом повоевать. Но у нас были разные взгляды на то, как это следует делать.

Водка и адреналин господствовали на нашей стороне поля, побелевшие пальцы до судороги сжимали тяжелые колья. В такой момент человека охватывает боевое усердие - ноги подбрасывают тело вверх и, не слушая голову, уносят его вперед. Поверх всех мыслей лежит плотное покрывало этаноловой анестезии, а адреналин выступает здесь в роли огненного стрекала, методично погружающего в готовый взорваться мозг гипнотический приказ: “Бей первым! Бей сильней!”. Полагаться в таком бою следует только на интуицию и инициативу - превыше всего опасаясь оказаться неподалеку от собственных озверевших товарищей.

На стороне Хирда держались совсем иного подхода: там не пили перед боем водку, потому что им этого было не надо. Другая начинка вступала в дело - размеренно бились об оковку тяжелые щитоломы, угрожающе неторопливой была поступь сомкнутого строя. Каждый человек знал свое место, позволяя военной машине Хирда работать с мертвящей неумолимостью механического жнеца. В таком подходе другой кураж, система тренировок и наличие внутренней дисциплины позволяли руководству Хирда жестко координировать порядок ведения боевых действий.

Как “потенциальные противники” мы были необходимы друг другу, но это же привело к формированию взаимной ненависти. Времена были дремучие, разница в мировоззрении давала о себе знать, а ведущаяся обеими сторонами пропаганда лишь подливала масла в этот огонь. Начнем с того, что у Морадана подобрались люди неупотребляющие и малопьющие, а у нас - сильно пьющие и употребляющие все подряд. Затем - у Морадана попадались люди верующие, а мы ходили в бой с куплетом из разлюбезной “Коррозии”:

*Огненной водой наполняй стакан,
Вместе с Сатаной выйди за меня!
Эй, ты, зверю дай - водки, чтоб взорвали рай!
Русской водкой нас встречай, водка дьявол - водки дай!*

Были ли мы на самом деле сатанистами - этого теперь даже я не знаю. Но Морадан был в то время полностью в этом уверен и терпеть нас за это не мог. Ну да и мы его поповские замашки охуенно недолюбливали.

Мало того - в Хирде было централизованное управление, он административно делился на четыре “центурии”. Внутри каждой из них были введены офицерские должности и собственная система рангов, а над всем этим царствовал в вежливой и непреклонной форме сам Морадан.

У нас ничего подобного не было. Главенствовать над собой мы никому не позволяли, управлять и координировать было нечего. Все бухали как проклятые, свято веря в одно - это и есть свобода! Мы полагали, что живем не затем, чтобы какой-нибудь Морадан нам указывал, как нам себя вести и с кем воевать. Любого, кто пожелал бы возвыситься над товарищами и выдвинуться на “офицерскую должность”, отпиздили бы так, что ему бы это до самой старости вспоминалось.

³¹ Грубо говоря - усиление каждого юнита за счёт объединения всех юнитов в банду.

Кроме того, в Хирде был введен распорядок дня: подъемы, тренировки и строевая подготовка, только в армии лишняя, а в щитовом бою - первейшая вещь. Им грела душу возможность вместе заниматься такими вещами, а вот мы ни хуя этого не понимали. Лучше всех по этому поводу высказался Барин на совещании братьев по поводу таких “тренировок”:

- Все эти “тренировки” - сплошная потеря времени и выебон. Чего нам тренировать? Возьми в руки предмет и ебашь, как тебе самому удобнее - а ебашить по себе не давай! Это еще с доисторических времен пошло, когда первая обезьяна подняла палку и начала дуплить ею других обезьян. Так вот она перед этим и часа не тренировалась!

Причин для взаимной ненависти было предостаточно - что с одной, что с другой стороны. Хирд в целом воплощал в себе всё, что мы ненавидели в этой жизни: Белую Веру, иерархическую систему, дисциплину и трезвость. У людей Хирда были свои претензии - они считали нас безбожниками и распиздяями, алкоголиками и торчками. Даже не знаю, что из этого им больше не нравилось, но могу сказать, за что мы сами их особенно не любили.

Они, как сообщала разведка, принимали пищу по три раза в день, а кроме этого у них был еще и полдник с конфетами. Сами мы ели в ту пору мало, добро, если пару раз за игру перекусишь какой-нибудь дряни. Так что ихний трехразовый рацион был нам словно серпом по яйцам. Правда, у них на стоянке практически не пили (про наркотики и не говорю), так что никто из нас не променял бы ту помойку, в которой мы жили, на их военный лагерь, благоустроенный на римский манер.

Квинтэссенцией всего того ужаса, который творился в Хирде, для нас являлся Морадан. Его личность не давала нам покоя, а имя быстро стало нарицательным. Мы верили, что Морадан никогда не спит, ест только рис, и что он родился уже с бородой и в очках.

Теперь, по здравому рассуждению, очевидно: в Хирде был свой Морадан, а у нас - свой, причем ихнему Морадану до нашего далеко. Это ужасно, но это компенсируется тем, во что, по слухам, верили в отношении нас и нашего образа жизни в Хирде. Мы даже придумали карточную игру, называющуюся “Морадан”, до такой степени нас занимала личность этого человека. Произошло это так.

В августе этого года мы совершали водный поход: я, Стори, наша одноклассница Кенди и Слон. Местом для путешествий мы выбрали северное побережье Ладоги, а средством - байдарку, старый трехместный “салют”. Кенди, как девушка небольшая, поместилась в грузовой отсек, мы расселись по остальным и вполне сносно путешествовали на этом гнилом уёбище, где была сломана “рыба³²”, а вместо трех стрингеров пришлось вставить палки. Шкура у этой “байды” была такая гнилая, что её можно было проткнуть пальцем, так что она больше заслуживала названия с ударением на последнюю букву - байда.

Пока мы готовились к этому путешествию, Стори, обуреваемый гастрономической похотью, потребовал создать фонд, из которого будут совершены закупки продовольствия для осуществления пятиразового (!) питания во время этой экспедиции. Фонд был создан, причем большинство денег в него внес сам Стори, но ничего путевого из этого не вышло, так как осуществлять закупку питания было поручено Слону.

Слон, завладев капиталами, поступил по-товарищески щедро. Пригласив меня к себе на квартиру, с которой как раз выехали на дачу его слонородственники, он устроил на эти средства пьянку, длящуюся ровно семь дней. Это поглотило основные фонды, а на остатки мы купили десять килограммов риса, два кило соли, пятьдесят пачек “Беломора” и канистру спирта. Спирт мы подготовили особым образом - смешали в скороварке со специально подготовленным сиропом из меда и специй, получив крепкий ликер, который назвали в честь Светлой Владычицы - “Элберетовка”.

³² Центральная несущая конструкция в байдарке, к которой крепятся остальные детали.

Это удивительный и волшебный напиток стал нашим традиционным командным рецептом. Чтобы его приготовить, необходимо взять мед (примерно две жмени, т.е. пригоршни), лучше всего гречишный или липовый, и положить его в кастрюльку, куда уже налито немного (чуть меньше полулитра) холодной воды. Под кастрюлькой зажигают небольшой огонь, и так мед томят, пока он не разойдется в воде весь, без остатка. Туда же кидают порезанные на четыре части два апельсина, пять разбитых на части грецких орехов, семь хуйнюшек гвоздики.

Когда кидают гвоздику, говорят: “ A Elbereth Gilthoniel!”, взывая к светлой Владычице - тогда Элберетовка получится особенно нажористой и хорошей. Если этого обычая избегать, удачи в этом деле не будет, а по пьяни обязательно случится какая-нибудь хуйня. Мускатным орехом с силой проводят по терке над смесью один раз. Мятую (а если есть, то лучше мелиссу) добавляют последней, несколько листочков. Сироп томят еще минут пять-десять, а потом процеживают и заливают в скороварку.

Если скороварки нет, берут простую кастрюльку, которую ставят на паровую баню. В таком случае шов между стенками кастрюльки и крышкой нужно будет заделать тестом. Туда же льют спирт из расчета литр спирта на пол-литра приготовленного сиропа. Затем крышку скороварки (кастрюльки) закрывают и ставят смесь на малый огонь, на пять-десять минут.

После этого скороварку (кастрюльку), не открывая, ставят в ледяную воду и держат, пока она полностью не остынет. Тогда крышку снимают и скороварку (кастрюльку) ставят в холодильник открытой еще на один час, чтобы отошел свободный спирт, после чего Элберетовка к употреблению готова. Её пьют маленькими стопочками.

Не следует затыкать клапан скороварки посторонними предметами (проволокой или спичками), опасаясь, что через него выйдут спиртовые пары. Из-за этого может произойти взрыв скороварки, и тогда спиртовые пары выйдут все сразу, воспламенятся и будет еще один взрыв - как это произошло однажды дома у Слона.

Мы разлили Элберетовку по литровым флягам, упаковали папиросы, рис и отправились на Ладогу. Строри о случившемся изменении раскладки мы ничего не сказали. Это привело к тому, что на полуострове Монтасари, где у нас случился один из первых ночлегов, Строри предложил нам достать провизию для приготовления ужина. Слон залез в свой мешок и достал рис. Строри удовлетворенно кивнул - запас риса ему показался достаточным, и стал побуждать Слона достать ещё что-нибудь. Слон, как это умеет делать только он, с каменным лицом достал литр Элберетовки. Строри похвалил и это, и снова предложил достать что-нибудь еще. Тогда Слон достал ещё литр. Строри немного опешил, но списал все на непонятливость Слона, и показал жестом: ещё! Тут Слон принялся доставать ещё и ещё, пока Строри не понял - его затее с пятиразовым питанием пришел пиздец.

В результате мы были вынуждены прибегнуть к краже со стоянок в небезызвестном заливе “Кочерга”. Осуществляли мы это так: в предрассветные часы приставали на своём корыте к чужим стоянкам и жировали прямо у них за накрытыми с вечера столами. Иногда нам приходилось вскрывать палатки и тащить провизию прямо из-под носа у спящих. Кончилось это тем, что после особенно дерзкой вылазки (мы выставили на консервы и водку команду гребного катамарана из двенадцати взрослых мужиков) нам надо было убираться из Кочерги, но сделать этого из-за штормовой погоды не удалось.

Наутро нас вычислили в скалах. В начале переговоров поимщики залили газом Слона, но вернуть награбленное не сумели, так как все добро у нас было разумно припрятано. Мы ушли в полные отказники, мужики покричали еще немного, позапугивали нас безвременной смертью и убралась восвояси.

Переживая шторм и пожирая чужие консервы, мы придумали новую карточную игру и назвали её “Морадан”. Это модифицированный японский дурак с оригинальными правилами, а ставки у нас обычно были такие: проигравший три раза подряд на пятнадцать минут превращается в Морадана. Для наглядности на него надевают бороду из газеты и проволочные очки, причем ему запрещается

пить, курить и ругаться матом, а купаться он может только на мелководе. Проигравший два раза при уже имеющемся Морадане как бы поступает в Хирд: пересаживается к Морадану по правую руку и должен ему прислуживать и так далее.

Еще по пути в Кавголово, в вестибюле станции Девяткино мы были несколько удивлены странным пополнением в Морадановских рядах. Человеком нам не то что незнакомым, а у которого и лица-то было не разглядеть. Основной состав мы уже неплохо знали - Морадана, Ааза, Леголаса, Костомира, Стинга и Берегонда. Новый же ихний коллега показался нам несколько странным - в комке российской армии, в берцах и при этом в железной маске во всё лицо.

По своему обычаю, на выходе их электрички Морадан устроил построение. Тогда мы с Бариним пошли и встали с левого края, надеясь, что Морадан нас не заметит. Морадан, конечно, выпалил нас в момент и из строя изгнал, но мы успели перекинуться с его людьми парой слов. Узнали, что новенького зовут Даин, и что он вроде как взрослый уже мужик, спортсмен, недавно демобилизовавшийся со службы в рядах вооруженных сил³³.

- Ни хуя себе пополнение! - удивился я.

- Прорвемся, - успокоил меня Барин. - Не ссы!

Местом для проведения маневров Морадан выбрал побережье озера - продуваемую со всех сторон полоску пляжа около пятидесяти метров шириной. Мы залезли в старую кабинку для переодевания и принялись там бухать, спрятавшись от холодного осеннего ветра. Вокруг простирался мокрый песок, с одной стороны раскинулось озеро, а с другой к нашей кабинке примыкали кусты шиповника и редколесье. В кабинку нас набилось человек пятнадцать: Крейзи приколачивал косяки, Рыжий достал украденную где-то бутылку виски, нашлась и водочка. Дело подготовки к сражению пошло.

Тут надо заметить, что эта игра была прообразом современных бугуртов - но только прообразом, а еще не бугуртом. Ради приличия Морадан составил общую квенту, по которой наша кабинка стала волшебным замком, из которого мы выдвинули Крейзи на должность эльфийского короля. Морадан сделался гномьим царем, его стоянка превратилась в гномий замок и т.д. Несложно, а, значит, грамотно организованное мероприятие.

В какой-то момент, когда мы всю готовились к сражению, сидя буквально друг на друге в этой кабинке, снаружи раздался голос, который вещал:

- Эльфы! Повелитель Морадан приказывает вам сложить оружие!

- Наконец-то! - заметил Крейзи, утомившийся ждать. - Пришли залупу кидать! Поднимите-ка меня, я выступлю с речью!

Его приподняли за ноги так, что он выпятил над краем кабинки свою верхнюю треть, а за ним вылезли посмотреть на посольство остальные, кроме самых ленивых. Это был один человек, мосластая дылда в немецкой каске и со щитом, на котором было накарябано: Donald McLaot.

- Эльфы, - на автомате продолжал он, - повелитель Морадан...

Но затем он вгляделся повнимательнее в наши лица и замолчал. Когда через много лет Маклауд пересказывал нам эту историю, он сообщил вот что:

- Это была моя первая игра. Морадан меня здорово настропалил, когда посылал с этим посольством, так что я, можно сказать, всерьез ожидал увидеть эльфов. А когда разглядел, как лезут из кабинки рожи одна другой гнуснее, все с обрезками труб да с дубинками, у меня в голове как будто что-то перещелкнуло. Словно я опять оказался у себя во дворе. Стою и думаю - какую хуйню несусь тут перед пацанами?

- Я вам как эльфийский король ... - Крейзи, вывесившись из кабинки, начал было держать ответную речь, но несколько товарищей, не слушая его, выскочили из купальни и бросились с

³³ На самом деле Даин терся на играх уже довольно давно - с 1992 года, под именем Радбуг. А вот куда он уезжал, почему решил косить под новенького и сменить имя - этого я вам сказать не могу. Не наша кухня.

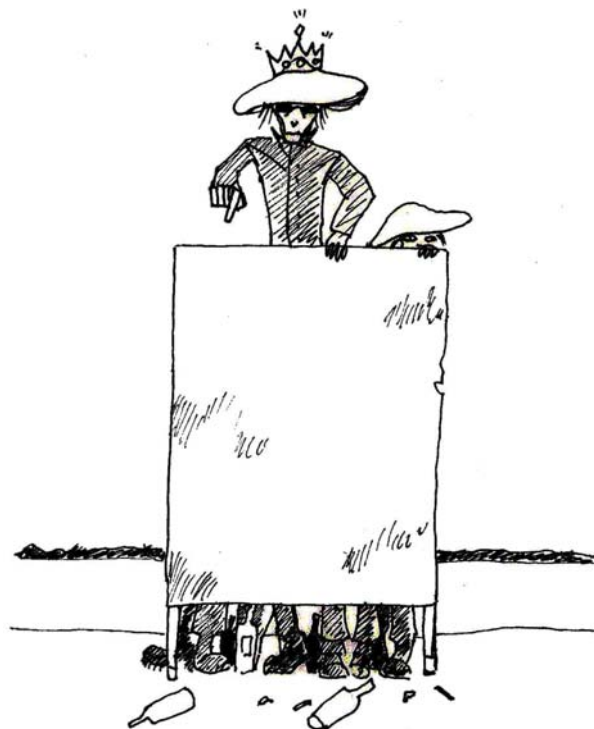

оружием в сторону посла. Крейзи попытался остановить их, и поэтому вместо высокопарной речи у него вышло:

- Я вам как эльфийский король... блядь!

Маклауд, впоследствии комментируя эти обстоятельства, сообщил:

- Когда я увидел, как вылезает такое хуйло и кричит: “Я вам как эльфийский король, блядь...”, а из купальни в это время бегут ко мне еще четверо - я всё понял. Въехал, как подставил меня Морадан с этим ебучим посольством!

В последовавшем за этим общем бою мне была удача, и я пробил у Дональда на башке немецкую каску своим мечом, который называется “Производственная Травма” и сделан из расплющенного обрезка железной трубы. Это удалось потому, что каска у него была несколько траченная временем, но все равно - это было почетно, хороший удар. В ответ на это люди Хирда заманили Слона в заросли шиповника и взяли его там щитами в коробочку - тоже хорошо развлеклись. Но купальню мы удержали.

Следующий бой произошёл на лесной дороге, на пути к стоянке Хирда. В те времена я возил на игры щит (выполненный из авиационного дюрала толщиной четыре миллиметра, размерами восемьдесят на шестьдесят, со скошенными углами и окованный по краю железной полосой), который взял с собой и на этот раз. Мы наступали по дороге на строй Хирда, и я оказался как раз напротив Даина - всего в метре от блестящей поверхности его боевой маски. Я и моргнуть не успел, как он срезал меня нижней подсечкой - так, что ноги у меня оказались вдруг гораздо выше головы. Из-за этого я оказался в придорожной канаве, где провел некоторое время - немного контуженный, с душой, полной унижения и гнева.

Ну, блядь, думал я, выплевывая набившиеся в рот песок и опавшие листья - не врали, действительно спортсмен! Тогда я обратился за помощью к братьям, чтобы раз и навсегда доказать: трое наркоманов стоят профессионала. Мы составили следующий план: они насядут со щитами на этого типа, в нужный момент немножечко раздвинутся в стороны - и тогда я въебу ему по маске металлическим уголком своего щита.

Удача была на нашей стороне, получилось даже лучше, чем мы хотели, и через несколько минут мой щит впечатался аккурат Даину в маску. Да только вот незадача: это оказалась не железная, как мы думали, гномья боевая маска, а из папье-маше, покрытого сверху металлической фольгой. Нехорошо получилось, но мы в этом были не виноваты. Даин дядька толковый, но его идея с маской была, надо признать, просто полным фуфлом.

Адская Кузница.

*“Затащив за астероид
Трахнул Лору гуманоид.
И теперь она болеет
Инопланетной гонорей”. “Веселые четверостишья”.*

Наша дружба с царём Трандуилом оказалась кстати. Посреди близящейся зимней стужи у нас появился приют - дачный участок в Красном Селе, дом неподалеку от церкви. Там у царя Трандуила была организована подпольная кузница по производству всевозможного холодняка: кинжалов, стилетов и страшных зазубренных ножей. В его доме знали законы гостеприимства, так что здесь подобралась презанятнейшая компания.

Помогал царю во всех его начинаниях некто Энт - здоровенный и немного заторможенный детина, двух метров ростом, чуточку за сто килограмм. Он отличался добродушием и неторопливостью: хороший собутыльник, но плохой собеседник. При этом он был наделен чудовищной силой, так что Трандуил приспособил его в качестве молотобойца.

В доме Трандуила всегда были дамы. В первую очередь следует упомянуть Лору - царь Трандуил в своей неизъяснимой щедрости дарил приют нескольким униженным и оскорбленным, убогим и лишенным разума существам. Иногда там тусовались ещё две не менее страшные бабы - владыка Лихолесья питал некоторую слабость ко всему отвратительному. Звали этих девиц Лайн и Эсгаль, но они сами себя женщинами не считали.

Они стояли на позиции разработанной в Кошатнике “теории инкарнаций”, из которой следует: “Земля - мир сосланных королей и принцев из множества других, никому не ведомых реальностей, воплощенных здесь по чьему-то злему умыслу или ошибке в человеческие тела”. Вот, считали Эсгаль и Лайн, в их случае ошибка перешла все допустимые ГОСТы и нормативы, и их двоих, по природе своей то ли бесполох, то ли мужского пола (всем было похуй на их нытьё про инкарнации, почти никто их не слушал) существ упаковало в тела двух девок - страшных, как атомная война.

Они были квинтэссенцией зарождающегося на играх движения вырожденцев и трансвеститов - девочек, которые хотят быть мальчиками и тому подобных. Так как пассажиров смежного звена (то есть мальчиков, которые хотят стать девочками) рядом с ними не терлось, их какое-то время терпели. В основе своих взглядов они были порождениями волшебного мира, уродливыми и странными, но все же обладали неким шармом. Временами на них было любопытно взглянуть, как на редких насекомых.

Лора же, в отличие от них, в основу своих взглядов положила надменность. Здесь она превзошла многих: о человечестве в целом говорила с огромным презрением, слово “люди” считала

ругательным и вместо него употребляла термин “джаки³⁴”, всегда стараясь это максимально подчеркнуть. Плохо здесь не то, что она проявляла такую надменность или дурно относилась к окружающим - вовсе нет. Скверно то, что надменность её была ни на чем не основана, а именно это и отличает надменность от вполне обоснованного и оправданного чувства собственного достоинства.

Лора не знала в этом никакой меры, противопоставляя себя “человечеству вообще”. Выводя своё происхождение от стихийных сил, Лора пользовалась любой возможностью, чтобы выказать своё презрение к обычаям жизни на нашей планете. Местная одежда для неё не годилась, так что она кутала свои жирные тела в самошивные тряпки, прикрывая получившееся уродство множеством амулетов. Со временем она всех убедила. Глядя на неё, любой мог сказать с уверенностью: это кто угодно, только не человек!

Лора была не единственной, кто пал жертвой собственной надменности и пагубных заблуждений. Весьма поучительна в этом смысле история Таниса Полуэльфа - того, что тусовался в стае Ги́ла и Тэ́ла. Этот Танис отличался, мягко говоря, некоторыми странностями.

Усатый и темноволосый, физически развитый, соразмерный и лишенный внутреннего уродства, Танис казался нам практически нормальным человеком. Но ему не пошла на руку излишняя мнительность и любовь к дешевому понту. Однажды по дороге в Каннельярви (где по воззрениям тех лет находилось одно из самых важных и почитаемых мистических мест³⁵) Танис услышал доносящийся как бы со стороны противоестественный голос.

- Танис, время! - вещал он.

Танис пришёл в возбуждение и сверхъестественный ужас. Еще бы, ведь на то время ему грезилось, будто он - наследник трона своего батюшки, который правил “где-то не здесь” существенными областями. И вот он, Танис, сосланный на Землю лживыми регентами, узурпировавшими его трон, слышит наконец-то воочию повелительный зов! Но для того, чтобы попасть домой, Танису придется воспользоваться Колесом Рождения и Смерти, то есть закончить “эту жизнь”.

Это очень трогательно - миг, когда осознанное существо прерывает своё воплощение. Рвутся тонкие связи, всё нужно бросить - дом, корифанов, дурные привычки - и отправляться править иными мирами вместе с движением инкарнационного колеса. Бабе своей нужно в такой момент сказать: “Прощай, я никогда тебя на самом деле не любил! Ты не та, что мне нужна, моя возлюбленная ждет меня у подножия трона!” После этого можно выпить двести грамм водки и готовиться в путь.

В такие моменты человек движется в чудовищном фокусе сгустившейся иллюзии. Все те обстоятельства, над которыми вы сейчас уссыкаетесь, для него живая реальность, а испытываемые им чувства подобны порывам бури, рвущей на части плоть его материалистических убеждений.

Это тот наркотик, употребление которого оправдывает увлечение “теорией инкарнаций”, астральными путешествиями и другими мирами. От них самих не много толку, но они позволяют всерьёз “закутаться в плоть сказок”, очаровывают глубиной и серьёзностью происходящего.

³⁴ Термин этот употребляла Лора, и ни за его написание, ни за значение редколлегия ответственности не несёт. Его этимология вызывает сомнения. Лора употребляла этот термин в подчеркнуто пренебрежительном значении слова “толпа”.

³⁵ Общим тогдашним полигонам (Заходское и Каннельярви) приписывались сверхъестественные свойства: Хоровод Сил располагался у Грачиного, а дороги, проникающие через миры - в Каннельярви. Там можно было встретить тонкие тела путешествующих по мирам существ, побеседовать с ними, а если повезет - самому где-нибудь побывать. Современному ролевику я не советую искать удачи в этих местах. Круг лет сменился, и тамошнее волшебство уже не то, что было прежде.

Подобный опыт наделяет человека переживаниями такой мощи, что это становится подобным воздействию некоторых психотомиметиков - таких, как PSP.

Некоторые именно так и делают: совмещают такие сессии с употреблением грибов или кислоты. Это имеет двоякий эффект. С одной стороны, такое сочетание действует сильнее и опаснее, а с другой - вы придете в себя, когда прекратится воздействие или закончится препарат. Упаси вас бог закататься в плоть сказок на трезвую голову - не наступит тогда тот момент, когда вы вновь, сами по себе, осознаете объективную (т.е. разделяемую большинством населения) реальность.

Эти методы ведут к появлению обособленных групп, чей взгляд на природу окружающей действительности существенно отличается от общепринятого. Они были основой целого направления игр - скрытым потоком, в котором кроется секрет всего волшебства. Поэтому в атмосфере большинства игр прошлого можно было заметить отпечаток легкого сумасшествия, всегда несущего один и тот же характерный мистический след.

Здоровых на голову людей было немного: на квартире у Морадана, где тогда собирались Аладан, Арвен, Грейс и Моргил, в Берриной тусовке и у Паши Назгула, которого теперь все зовут Паша Оружейник. Вокруг же раскинулся волшебный и удивительный мир.

В Кошатнике пили, выборочно жрали колеса и распускали самую мрачную и тяжелую ересь, которая многих коснулась. У Княжны в Magic School верили, что Княжна - перевоплощение последнего магистра Тамплиеров и тоже жрали колеса, а также курили коноплю и гашиш. Лустберг и Гущин обосновались в “Заповеднике” (Дом Природы), и там Дымка варила им “винт³⁶”. Воодушевленные парой кубиков, они распускали слухи, будто Лустберг - мистический тюремщик этого мира, потомок Сногхая - мифологической (со слов Лустберга) полухимеры, полудракона.

Там же обосновалась принадлежащая Эрику Школа Игрока. В рамках неё такие люди, как Даркил, проводили семинары типа “Школа мимики”. Представьте себе незнакомого человека, который “в лицах” объясняет вам, какие рожи следует корчить применительно к различным случаям. Все, кто там побывал, твердят в один голос: глядя на это, несложно сойти с ума. Никто из моих знакомых не в силах поверить, что идея подобного семинара могла прийти в голову неупотребляющему человеку.

Не лучше обстояли дела на тусовке у Кота-фотографа, организовавшего на своей квартире в Купчино порностудию. Под предлогом съемки обнаженной женской натуры Кот-Фотограф (вожатый пионерлагеря, которому было тогда что-то около тридцати пяти) приглашал к себе различных аппетитных малолеток, подпаивал их и склонял к соитию. Многих из них он действительно фотографировал, но не это главное. У себя на квартире Кот-Фотограф развёл рассадник мракобесия, ереси и колдовства, с уклоном в биоэнергетику. Оттуда вышли такие его ученики как Ника и Паук, о которых речь пойдёт позже.

Пых и его товарищи - Фиш, Мейджик, Капитан Пауэр, Якудза и Папа Хаэрсон тоже не любили жить в отрыве от иномировых событий, а значит, были воинами вполне в духе того времени. Обхуявившись паркопану, они усаживались за мистическую войну с “астральными домами”, не дававшими им на то суровое время покоя. Собираясь в общагах в конце Бухарестской, напротив клуба “Экстрим”, они осуществляли эту свою деятельность, ничего не стесняясь. Мейджик открыто заявлял в то время, что не научится ходить по воде, пока не бросит курить, но курить не бросал. Некоторые перевирают эту историю, утверждая - “Мейджик говорил, что не бросит курить, пока не научится ходить по воде”, но это неправда.

³⁶ Метамфетамин, синтезируемый кустарным способом.

Времена были настолько дикие, что даже Олюшку (которую все тогда называли Гу) и Мондора, людей в целом здравомыслящих, видели в те смутные годы на занятиях у Княжны. Из всего этого вам может стать ясно, какие господствовали взгляды и почему у Таниса были все основания вполне серьёзно отнестись к произошедшему с ним на дороге.

- Танис, время! - настаивал голос, и Танис поспешил объявить спутникам о своей неминуемой смерти.

Воодушевленный открывающимися перед ним перспективами, Танис осветил эту историю достаточно широко. При каждом удобном случае он подробно пересказывал историю своего “падения”, дополнительно поясняя: ждать теперь осталось недолго. Пройдет совсем немного времени, и он “вознесется”, а его “здешнее тело” умрет. Вскоре он добился того, что его стали поторапливать:

- Когда же уже, а, Танис? - спрашивали мы у него. - Не опоздаешь на коронацию?

Барин, особенно раздосадованный назойливостью Полуэльфа, как-то раз заявил:

- Достал меня этот Танис Полупенис! Сколько можно динамить?

Имя прилипло, и иначе чем “Полупенис” мы Таниса больше не называли.

Вместе с друзьями Таниса тусовалась одна девушка по прозвищу Белка, она запомнилась нам как милая и разумная девушка. Но была и еще одна Белка, о которой мы хотели бы вам рассказать - та, что терлась временами возле царя Трандуила. Это была совсем другая Белка - до того глупая, что не переносила даже слова “наркотики”.

Она считала, что это очень страшное дело. Если мы начинали курить в комнате коноплю, она тут же завязывала рот и нос платком, чем очень нас умиляла. Прикиньте: вы курите коноплю, а кто-нибудь сидит перед вами с завязанным в платочек лицом. Это ли не рай на земле, как обещают Свидетели?

Совпало так, что в один из дней вместе с Белкой появился прыщавый подросток - круглолицый, с бегающим взглядом маленьких жадных глаз. Этого типа звали Никки-пионер, но ему суждено было, как и многим другим, сменить своё имя³⁷.

Он отличался непереносимыми качествами - нес без перерыва душнейшую, очень и очень нутужную хуйню. Знаете, бывают люди, которым так и хочется сказать: заткни свой поганый рот! Никки-пионер был как раз из таких. Раз, нажравшись крепкого грога, он уснул, и с ним произошел вот какой случай.

На даче у Транда места немного. Кроватей не хватало даже хорошим людям, не говоря уже про Никки-пионера. Он лег на пол, но его немного подвинули, так что получилось вот как: Никки лежит под диваном, из-под которого торчит лишь его голова. Барин приспособил эту голову, чтобы ставить на неё ноги, а так как Никки во сне недоволен и злобно отпездывался, дал её обладателю кличку на будущее - “Злая Голова”.

В тот раз нам удалось выкрасть из холодильника у царя Трандуила шмат сала и целый литр спирта. Всё выпив и съев, мы задумались: на кого же свалить пропажу? Свой выбор мы остановили на Голове, объявив разгневанному Трандуилу, что видели Никки, хлещущего спирт и закусывающего украденным салом. Нам удалось отмазаться, причем так удачно, что позднее Крейзи отразил этот случай в немеркнущих строфах:

³⁷ Многие называли себя не так, как мы их поименовали. Пример этому - трансформация Никки-пионера в Злую Голову. Никки-пионер никогда не называл себя - Злая Голова, но большинство людей того времени благодаря нашим усилиям запомнили его именно как Злую Голову.

*А где же сала килограмм, и спирта две бутылки где?
С вопросом этим, милый друг, ты обращайся к Голове!
Да, Голова всё сало съела, и спирт весь выпила до дна!
Да как же подлая сумела? Да как же подлая смогла?*

Днем Трандуил не любил сидеть без дела - он мутил из проволоки четырехгранные стилеты-саи и толкал их на тусовке по пятнадцать рублей. Многие мои товарищи ходили с такими стилетами, а Гоблин даже заказал у Трандуила “большой широкий нож”. Это чудовище особенно меня впечатлило.

Тогда были дремучие времена, и для тех, кто не имел отношения к какому-либо заводу, нелегко было раздобыть стальное оружие. Практически не было мастеров, предлагающих свои услуги открыто, так что любая железка ценилась, и ценилась весьма высоко. По просьбе Гоблина Транд сделал тесак длиною в полметра: у гарды он был в три пальца, а потом расширялся ромбом до последней трети своей длины, где был шириной почти в полторы ладони. Себе Трандуил выковал скандинавский меч-селедку (так, во всяком случае, он его называл) и ходил с ним, спрятав под ватник, на остановку к ларьку.

Так он поступал потому, что у нас не сложились отношения с местным населением - обитатели Красного Села совершенно нас не понимали. Больше всех в этом виноват Кримсон, из-за него у нас постоянно случались какие-то ссоры.

По ночному времени мы надевали ватники и строительные каски, брали кто арматуру, а кто и топоры, и отправлялись на остановку. Из темного и замерзшего садоводства наша компания поднималась на дорогу, под мигающий свет нескольких фонарей. Там стоял ларек, к которому мы приходили за данью, но не с самого ларька, а с беспечных ночных покупателей. Мы просили немногого - бутылку водочки или несколько бутылок пивка, так что нам редко отказывали.

В один из таких разов к ларьку подошел мужчина с собачкой. После недолгих уговоров он раскошелился на бутылку водки и на пиво для каждого из нас, а заодно приобрел бутылку пива себе и чупа-чупс для своей любимой собаки. Он развернул конфету и кинул её псу - здоровенной таксе, чем неосторожно привлек внимание Кримсона. Поставив своё пиво на землю, Кримсон бросился на собаку, вырвал чупа-чупс у неё из пасти и сожрал, не вставая с земли. Мужик увидел это и побежал - бросив на остановке собаку и пиво.

Такие случаи привели к тому, что какие-то здоровяки, лет на пять-шесть нас постарше, приехали на двух машинах к ларьку в одну из таких ночей. Ни в какие переговоры они вступать не стали, а сразу же бросились к нам. Увидав их, мы бросили все дела и поспешили к оврагу, где по низине течёт незамерзающий ручей. В кирзаках мы легко его преодолели, а вот нашим поимщикам, обутым в кроссовки, это показалось не с руки. Что и послужило причиной нашего чудесного избавления.

Второй случай с Кримсоном был вот какой. Мы возвращались от ларька через парк, когда один незнакомец, пьяный в говно, подошёл прямо к нам.

- Я ухажу, - начал он неподобающим для общения с посторонними тоном, - служить в морскую пехоту. И нуждаюсь в средствах на это дело!

- Сначала отслужи, - предложил ему Кримсон, - а потом охуевай! Пехота, блядь!

- Ах вот как? - незнакомец принялся внимательно осматривать нашу компанию, а когда смог сфокусировать взгляд, осведомился у Кримсона:

- Тебя как зовут?

- Дима, - ответил Кримсон, - а что?

- Знаешь что, Дима? - ответил незнакомец. - Я здесь ни к кому больше претензий не имею! Но вот тебе, Дима - тебе пиздец!

С этими словами он бросился на Кримсона, пинаясь и размахивая кулаками. Но Кримсон не сплеховал - встретил его порыв, как положено. Схватив незнакомца за горло, он опрокинул его на землю и несколько раз ударил головой об корни стоящего рядом дерева, а затем добавил еще - округлым камнем, который я сразу же ему подал.

Все эти случаи не укрепили нашей дружбы с обитателями поселка, из-за чего царь Трандуил брал с собой по ночам к ларьку упомянутый меч из рессорной стали длиной один метр, заточенный с обеих сторон. Как-то раз сотрудники милиции, проезжая мимо ларька на своем тарантасе, увидели на обочине подозрительного мужичка. В ватнике, из-под которого на несколько ладоней высовывается конец блестящего жала, и с авосечкой, полной палёной водки. Они погнались за Трандом, он стал уходить, но в конце концов его положили-таки на землю под автомат.

К счастью, о произошедшем с Трандом вовремя узнали, так что успели до обыска на даче притопить в ручье два ящика стилетов, ящик кинжалов и Гоблиновский "большой широкий нож". Как видите, трудностей хватало с избытком, так что в убежище царила порой беспокойная атмосфера.

Посреди всеобщего праздника случались подчас безобразные вещи. Строри, ловко орудуя мусорным баком, выставил Богдану челюсть, а Гоблин взялся её вправлять. Видя, как Гоблин грядёт - с засученными рукавами, из-под которых торчат огромные волосатые руки, пьяный и страшный - Богдан с мычанием и стоном, ухватившись обеими руками, вправил себе челюсть сам.

Тот же Строри, прогневавшись на Энта, совершил достойное упоминания в сагах деяние. Вырвав из земли молодую яблоню, он ударил ей Энта, но промахнулся и снес корневищем ворота при въезде на участок, полностью отломив обе хилые створки с петель.

В другой раз Гоблин, метая абразивный круг в одну заезжую девку по имени Строря (за то что она как бы в насмешку над нашим Строри назвалась таким именем), промазал и пришел в огромную ярость.

- Хорошей девушке, - пророчески произнес он тогда, - бутылка в зубах не помешает!

С этими словами он метнул пузырь из-под водки, который попал девке горлышком в рот, враз выщелкнув ей передние зубы. Все очень осуждали Гоблина за этот поступок, но на него это мало

повлияло. Он сделал ещё и худшее, из-за чего потом, уже на партийных собраниях, братья частенько говорили:

- Ну что, вопросов больше нет? Может, обсудим тогда моральный облик брата Гоблина?

Выпив полтора литра водки, Гоблин вступил с Лорой в плотскую связь, чем обрек свою бессмертную душу на страшные муки. Даже пройдя Путём Чёрного Колеса, суждено душе его в череде будущих воплощений слышать такой вот упрёк: “Вот, глядите - это тот, кто трахнул Лору несколько жизней назад!”.

Сам Гоблин объяснил свой поступок так:

- Трусливые ничтожества! - обратился он к нам. - Ни у кого из вас не хватило бы ни твердости, ни силы духа для того, чтобы подобное совершить.

В этом он был абсолютно прав - особенно насчёт твердости. Однажды мы увидели Лору, выходящую из озера обнаженной. После этого некоторые товарищи выражали сомнения в целесообразности отношений между полами и интересовались принципами celibата.

Никто из нас, святая правда, не смог бы сделать и половины того, что замыслил и исполнил тогда брат Гоблин!

В другой раз причиной конфликта стал Крейзи. Как-то поутру мы мирно сидели себе на даче, но служители белого бога не дали нам покоя. Неподалеку от дома Трандуила располагается местная церковь, и вдруг в ней принялись служить заутреню и лупить в колокола. Гулкий звук поповского звонка властно проникал сквозь тонкие стены Трандуилова замка, угрожая вторым пришествием и ставя под сомнение само существование царства Сатаны. Крейзи не пожелал этого терпеть.

- Ну-ка, братья, - предложил он, - хватайте лопаты и ломы!

Мы побросали все игрушки - водку, кости и карты - и начали собираться на борьбу против засилья монотеистической церкви.

- Вам в школе разве не говорили, что бога нет? - успокаивал нас Трандуил. - Так хуй ли вы мечетесь?

Но мы не стали его слушать. Нацепив ватники и вооружившись ломом, мы ворвались в помещение местной церкви как раз к началу утренней службы. В маленький зал набились битком какие-то мерзостные старухи и прочая, весьма угодная белому богу публика. Чадили желтые свечи, жирный дым поднимался к куполу церкви, а над всем этим господствовала восковая фигура Распятого Бога. С его места, наверное, хорошо было видно, как втягиваются в храм один за другим сумрачные посетители, вооруженные лопатами и ломом.

Когда мы вошли, на время всё стихло. Люди начали оборачиваться, и даже поп замолчал, до того удивительно и необычно ему стало. В наступившей тишине, нарушаемой только тихим дыханием и треском свечей, Крейзи вышел на середину зала и с силой ударил в пол окончанием своего лома, словно друидическим посохом.

- Да пребудет здесь Сатана, - заявил он, обводя помещение широким жестом левой руки.

После этого он повернулся, и мы также, в полной тишине, скрылись из церкви. Когда мы вернулись, Трандуил принялся расспрашивать о наших успехах.

- Заебись, - отозвался Крейзи. - Храм осквернен по всем правилам, равноебуче теперь - что он есть, что его нет. После меня и папа римский не переосвятит.

- А как же колокола? - ехидно поинтересовался Трандуил.

- Спи спокойно, - ответил ему я. - Из них теперь в Аду котлы сделают и младенцев станут варить. Раньше они звонили: бог свят, бог свят! А теперь, слышишь: сразу в ад, прямо в ад!

1995. День на исходе.

Как Добрая Голова сошла с ума.

Почтенный Абу-л-Азиз Абдуррашид ибн-Меджид, который впервые перевел “Мед сказок” Солнцеликого, приобрел свой экземпляр книги у досточтимого Джохара бин Шихабуддина аль-Шамси. На развороте рукой благословенного Абу-л-Сейида Бейдуллы ибн Камаледдина была выведена такая надпись: “Я встретил эту книгу в обычной лавке, среди великого множества других книг. Я был рассеян, ленив и чувствовал себя попавшим в штиль мореходом. Но вдруг словно молодой ветер наполнил паруса моих кораблей!” “Honey of Tales”.

Той же зимой много нехорошего случилось с другой Головой - Алексом по прозвищу Добрая Голова. Головами мы называем тех, кто подобно Никки-пионеру (Злой Голове) имеет привычку душить собеседника долгими и занудными разговорами. Добрая Голова - это наш со Строри и Слоном одноклассник, очкарик с лошадиным лицом. В детстве ему заколотили в мозг несколько гвоздей, и это плохо на нем сказалось: парализовало его умственные способности. К тому времени он уже совершенно сошел с ума на почве колдовства, и вот почему.

Кругом тогда бесновалось неизъяснимое - то Княжна с учениками возьмется разгонять над Каннельярви тучи, то появится на дороге в Заходском причудливая вязь рун. Поэтому мы затеяли небольшое исследование, чтобы проникнуть в самую суть колдовских методов, обширно применявшихся в те времена. Большинство этих “знаний” распространялось первоначально через Дом Природы Княжной, но и кроме неё хватало народных просветителей. Беседуя с практикующими, мы срисовали так называемые “техники” и в качестве эксперимента применили их к Доброй Голове.

Из-за этого с Алексом вышла беда, но рассказать об этом будет непросто. Чтобы понять соль этой шутки, надо иметь хотя бы общее представление о взглядах ролевиков на мистику, распространенных в те времена.

Все тогдашнее колдовство можно условно разделить на четыре типа - в нашей собственной оригинальной классификации, располагающей практикующих снизу вверх, сообразно величине и пагубности их заблуждений. В нынешнее просвещенное время многим будет трудно поверить даже в то, что бывают люди с такими заблуждениями, но пусть это вас не смущает. Большинство из тех магов, о которых здесь пойдет речь, еще ходят по этой земле, а их заблуждения с годами едва ли рассеялись. Поэтому мы представляем принятую на то время “методологию” и “техники” в их изначальных вариантах, просто снабженные небольшими комментариями.

“Первая ступень - это вера в ауру, экстрасенсорику и биополя, которую практикуют колдуны самого низшего пошиба, тусовавшиеся в те времена преимущественно у Казанского собора. Среди этой прослойки, как и среди тусовавшихся там же сорокоманов, было множество бионергетов - всех мастей и со всех областей. Такие люди верят, что тело человека окружено электромагнитным полем. Это основа их убеждений, а выводы отсюда такие: биополем можно научиться пользоваться, и тогда о-го-го! В нашей системе такие практикующие классифицированы как “ебанашки”.

Стандартный портрет “ебанашки” такой - лицо сосредоточенное, глаза полуприкрыты, зрачки расширены. Его мозг занят сложной работой: галлюцинирует вокруг прохожих разноцветные ауры. Чтобы стать таким колдуном, немного надо: верить, что биополе есть, и что человек, если напряжется, сможет его увидеть. Для этого экстрасенсы с Казани выполняли следующую тренировку: сидели в темноте и смотрели друг на друга, пока не появятся какие-нибудь искажения перспективы или цвета. Этого достаточно, считали они, это и есть биополе.

После этого они приступали к более сложной практике - представляли разные нелепые вещи и одновременно верили, что видят проявления биополя. Следует пытаться увидеть, учили они, как вокруг твоих рук возникает свечение, определенным образом закрученное. Нужно эманировать из черепа сверкающий луч и тянуть из окружающих энергию, а уж из этого истекает все дальнейшее разнообразие биоэнергетических методов.

Энергеты даже самого низшего пошиба владели искусством “заряжать” своим полем предметы. У Казани было полно людей, увешанных десятками “заряженных” фенек на все случаи жизни. Многие обладали амулетами для исцеления и энергетического вампиризма, кое-кто - для причинения болезней и смерти, а некоторые - даже для вызывания к остановке автобуса, троллейбуса и трамвая. Сам я слышал про заряженные феньки вот какую историю.

Некоему Графу, раз оказавшемуся у Казанского собора, одно мудро демонстрировало бисерную феньку, уверяя, что в ней находится аж восемь мощных энергетических “зарядов”.

- Вот, смотри! - наседало на Графа это хуйло. - Фенечка заряжена!

- У меня самого есть такая фенечка, - ответил Граф, доставая из кармана газовый пистолет и приставляя его к голове собеседника. - Приколись, и она реально заряжена!

Такие колдуны (с фенечкой вместо пистолета) располагаются в самом низу иерархической лестницы, а чтобы шагнуть на следующую ступеньку, им нужно подняться до изучения различных чакр. Раньше для этого шли к Княжне либо пользовались брошюрами сектантского издания “Раокриом”. В них было все: биополе, каналы и чакры, а молодым энергетам оставалось только уверовать - раз там пишут про биополе, то и остальное тоже правда.

Кое-кому это открыло дорогу в мир колдовских книг, в леса лживых брошюр, в дебри кабалистики и на страницы “Практической Магии” Папюса. Подлинно, там описаны вещи заметно покруче самого омуденного биополя! Энергетический вампиризм не решает, когда на горизонте сознания появляются боги и демоны, а Ключики Соломона³⁸ стоят сотни “заряженных” фенечек, хотя все еще уступают в конкретике газовому пистолету.

Практикующих, отважившихся на этот шаг, тут же уносит мутный поток противоречивых сведений о магии и колдунах. Фокусы с биополем уже не кажутся значительными, и тогда практикующий переходит в следующий класс - из энергета становится магом и начинает видеть астрал. Это чуть более сложная практика, и благодаря ней некоторые переходят на вторую ступень и называются теперь “убанами”.

Астрал - это тонкий уровень вибрации материи, низший из энергетических планов бытия. На уровне астрала располагаются аура и биополе. В свете открывшихся знаний они приобретают новое значение и становятся проявлениями способностей “астрального тела”. Соответственно изменяются и требования к практикующему: ему теперь нужно верить в астральное тело.

Этот уровень невозможен без предыдущих заслуг. Новый человек, когда ему скажут про астральное тело, усомнится - легче уж было бы поверить в электромагнитное поле. А у бывшего энергета вера в биополе как бы по волшебству станет верой в астральное тело. Происходит это так:

- Видишь ты своё биополе? - спрашивают ученика.

- Вижу, - привычно отвечает он.

- Так это не биополе, а астральное тело!

Практикующим магам система предлагает несколько вариантов для самоопределения, но выбор зависит не от их мистической силы, а от природной смекалки. Варианты такие: стать чьим-то учеником, практиковать самому и создать собственную группу из нескольких учеников. Часто маг вынужден пройти все эти стадии, как например, небезызвестный Паук.

Среднего роста, сутулый и с тусклым астральным телом, Паук никогда не был среди первых учеников. Его не любили и смеялись над ним за бегающий взгляд, за мелко трясущиеся руки и за огромный кадык. Так как у его Учителя (Кота-Фотографа) его притесняли, то Паук бежал и предался частной практике. Чтобы посмотреть на него, нужно было идти в Эриковскую Школу Игрока, которая переехала на тот момент в здание Лесотехнической Академии.

³⁸ Ключики Соломона - наставление по иудаистскому культовому ритуализму для подчинения планетарных и зодиакальных духов, изготовления пантаклей и амулетов.

Паук был очень старательным учеником и умел “видеть и чувствовать”, а без этого умения немисливо никакое серьёзное колдовство. Глянув на человека, он мог легко разглядеть его ауру. Если у Паука это сразу не получалось, он мог просто представить себе ауру вокруг человека, а уж только потом на самом деле её увидеть. Затем он приступал к подготовительным мерам: чертил в воздухе пентаграммы, визуализировал пламенный след и постепенно ощущал, как его окутывает непроницаемая защита.

Это важный момент на всех уровнях практики: чтобы совсем ебнуться на голову, вы должны не только видеть волшебство, но и все время его ощущать. Это несложно, а наибольшее распространение получил следующий метод: представьте в своих ладонях светящийся шар, тяжелый и теплый. Этот шар будет постепенно разгораться, а вместе с этим будет увеличиваться и ощущаемое вами тепло. Паук так делал, и со временем смог чувствовать все - взгляды и мысли людей, чужое биополе и удаленные мистические атаки.

Именно эта натренированная цепочка и сыграла с Пауком злую шутку. Так как, по его убеждениям, все вокруг были колдуны и желали ему зла, то представлял Паук всегда одно и то же: впивающиеся в его тело стрелы энергетических ударов, тяжелый гнет рун и нервную паутину проклятий. В практике “вижу-чувствую” Паук был столь многоопытен, что большую часть этих представлений сумел превратить в собственные соматические заболевания. Это трудный путь, но по истечении некоторого времени мы видели Паука уже с двумя собственными учениками.

На этой ступени остается большинство, а те немногие, кому удастся пройти дальше, пользуются для начала “теорией инкарнаций”. Чтобы сделать этот шаг, необходимо пройти сначала через цепь последовательных рассуждений.

Логика здесь такая: сначала надо поверить, что астральное тело - это душа, то есть еще раз произвести подмену понятий. Так как благодаря заслуге веры в астральное тело мы приходим теперь к вере в бессмертную душу, то для блага дела лучше верить, что эта душа перевоплощается из тела в тело, что и называется “инкарнацией”. Многие практикующие поступают именно так, но одного этого недостаточно. Необходимо сделать выводы, которые напрашиваются сами собой - раз душа перевоплощается, значит, были и прошлые жизни. Будет легко разобрать эту ситуацию на примере небезызвестной Княжны.

Чтобы припомнить прошлые воплощения, поучала она, надо рассуждать так: память прошлых жизней есть, но она погребена под “сегодняшней памятью” и лишь чуть-чуть топорщится из-под неё. Нужно только отделить подлинное от наносного. Сама Княжна проделывала это так: усаживалась поудобнее и представляла себе одну из своих прошлых жизней. По её словам, именно этот процесс активизирует инкарнационную память, и сквозь схематичность воображения начинают проступать яркие и живые образы из прошлых жизней.

Упражняясь в этом систематически, Княжна припомнила немало различных воплощений, а затем выбрала из них те, что пришлись ей больше всего по вкусу. Оказалось, что последний Великий Магистр ордена Тамплиеров и Княжна - одно и то же лицо. Княжна утверждала, что эти знания открылись ей во время нескольких припадков, до которых её довела инкарнационная память, возбужденная подобными практиками.

Это, конечно, издержки, но суть передана верно. Колдун может вспоминать все, что пожелает, а провериться здесь можно вот как: если вспоминаются воплощения значительные, жизни властителя и мага - тогда все в порядке. Такой практик сможет припомнить присущее только ему оригинальные методики, а истоки его силы будут располагаться во времени так далеко, что станет удобно объяснять её временное отсутствие. Достигший этого места автоматически выходит на новый уровень и из “убана” становится “ебанатом”.

Тут многих подкосил недостаток воображения. Некоторые вспоминали всё более отдаленные жизни на Земле, в собственном представлении продолжая оставаться людьми. Но нашлись и такие, как Лора - им открылось, что они в прошлой жизни воплощались в мирах, где никаких людей нет. Главный вывод отсюда такой: хотя такие сущности и воплощены нынче в тела людей, но на самом деле они вовсе не люди!

С этого можно прилично охуеть, особенно если насмотреться на это вживую. Не во всякой секте доходят до того, чтобы отрицать своё человеческое происхождение, да еще на столь мутной и нелепой основе. По своему подходу такие практикующие приблизились к инопланетянам - наша планета для них чужая, людей они ненавидят и презирают, а местные понятия не ставят ни в хуй. Вот это и есть та самая четвертая ступень³⁹ - “законченные ебанаты”.

Истинную разницу между этими четырьмя типами практикующих можно проиллюстрировать только путем кратких “срезов сознания” одного и того же человека, с учетом некоторых изменений восприятия при переходе со ступени на ступень.

Нулевая, т.е. не практикующий человек: Я встал сегодня утром и мне нужно в институт.

Первая, то есть “ебанашка”: Я сегодня утром встал с необычайно ярким биополем. Сегодня же наведу на Анну Валентиновну мигрень.

Вторая, т. е. “уебан”: Я встал сегодня утром и сначала проверил охранный круг. Он выдержал, но немного чужого колдовства все же прошло и промяло мне астральное тело. Ничего, я все поправлю - у меня в институте открыт источник силы.

Третья, т. е. “ебанат”: Сегодня с утра вспоминал свою позапрошлую жизнь. Печальная история, сегодня расскажу своему другу-перерожденцу в институте. Он давно живет, помнит, как дело было.

Четвертая, т. е. “законченный ебанат”: Дракон, которым я был в позапрошлой жизни, проснулся и ворочается во мне. Но остальные пока что спят. Не знаю, пойдет ли кто-нибудь из нас сегодня в институт?

³⁹ Тут надо сделать одно замечание, разъясняющее исключения из этих четырех типов практикующих. Исключения из первого типа мне неизвестны, все биоэнергеты в моем понимании - совершеннейшие ебанашки. Второй тип исключения имеет, так как среди практикующих магию могут оказаться достойные люди. Кое-где мистическая модель господствует над целыми областями, и шаман эвенков или африканский бакор вовсе не уебаны, хотя и верят в колдовство, охранные круги и тонкое тело. Но шамана у эвенков, я слышал, охраняют два кольца автоматчиков, а в советское время к ним не гнушались ездить с подарками академики и особы. Во всех случаях, когда сомневаетесь и не можете решить, рассуждайте просто - в самой магии нет ничего глумного, но бывают на редкость глумные колдуны. Так и определяют: если колдун - ничтожество, то и взгляды его - хуйня, а если шамана уважают, то посылают к нему академика, который с большим старанием записывает его взгляды. Так всегда - по священнику судят о боге и т.д. Из третьего класса исключений больше, чем самих подпадающих под правило. Неверно думать, что все, принявшие благородную истину о существовании перерождений, уебаны - полмиллиарда индуистов и двести миллионов буддистов. Уебанами здесь считаются только те, кто начисляет себе перерождения безо всякого стыда и совести, воплощаясь только властителями и колдунами, а обычными людьми - никогда.

Из последнего класса исключения тоже есть. Существуют те, кто, держась за убеждения о нечеловеческом происхождении, все же не преисполнились надменности, по телу нашей планеты ступают без отвращения, с людьми вежливы и блюдут свой разум в естественности и чистоте. Категория различения здесь та же самая - убеждения побоку, а смотрим мы на последствия и носителя убеждений. Пользуясь этим способом, вы никогда не перепутаете законченного ебаната и хорошего человека с нестандартным мышлением.

Это метод последовательного вовлечения в мракобесие и колдовство - от электромагнитного поля до прошлых жизней. Он формирует у своих последователей клиническую картину, характерную для состояния психоза: галлюцинации во всех системах восприятия, возникновение бреда о существовании особых способностей, появление бреда мистического преследования и тому подобные колдовские “феномены”.

Метод этот придумали и пустили в дело еще в Доме Природы, откуда растеклась по тогдашней тусовке большая часть сектантского мракобесия. Заради этого Лустберг на пару с Княжной распустили слух, будто бы они начинают практику привлечения молодежи к “культуре хиппи”, как бы включающей в себя дополнительно биоэнергетику и мистицизм. Не дохуя кто к ним пошел, до такой степени они изоврались про биополя и “глубинную экологию”, но все равно нашлись те, кого эта программа лишила остатков ума.

Желая доказать крайнюю опасность подобного подхода, мы поставили над Алексом Доброй Головой маленький эксперимент. Мы решили постепенно сообщить ему открывшиеся нам “мистические знания”, как бы инфицировав его разум той ересью, что бесновалась вокруг. Начали мы с пророчества, так как это один из лучших путей, чтобы захватить внимание и парализовать волю.

Я подбросил на пол возле туалета латунное кольцо, а Стори позвал Алекса курить и по дороге говорит ему:

- Алекс, я сегодня видел тебя во сне. Ты держал на ладони золотое кольцо, вот я во сне и подумал - наверное, у тебя теперь вся жизнь переменится.

Алекс, так как ему в детстве повредили мозг, нашел возможным отнестись к сказанному серьезно. Пока он думал, ему под ноги как раз подвернулось кольцо. Теперь важно было не дать ему опомниться.

- Ебанный в рот! - воскликнул Стори, увидав находку. - Вот это да! Джонни, иди к нам, посмотри! Я подошел.

- Ой, что это? Словно аура вокруг кольца... Где вы его взяли?

- Алекс нашел, - ответил Стори. - А мне нынче сон снился, будто Алекс стоит и держит на ладони кольцо. Не веришь? Спроси у Алекса!

Я посмотрел на Алекса - он стоял в точности как у Стори во сне, рассматривая находку.

- А что за аура? - спросил он.

Мы переглянулись.

- Закрой глаза, - предложил я Алексу. - Ауру поначалу трудно увидеть с открытыми глазами. Закрой глаза и посмотри на кольцо. Видишь свечение вокруг него? Постарайся увидеть.

Алекс сначала глядел на нас с недоверием, но так как Стори сам закрыл глаза, а я был совершенно серьезен, то он зажмурился, глубоко вздохнул и принялся “смотреть”. Его лицо осунулось от усердия, но он продолжал пялиться внутренним взором на вытянутую ладонь.

- Ой, - вдруг сказал он. - Я как будто что-то вижу.

- Что? - как можно серьезнее спросил я.

- Как будто что-то светится вокруг кольца...

- Каким цветом? - тут же спросил я.

- Желтым, - ответил Алекс.

- Он увидел, - потрясенно объявил Стори. - Сам, с первого раза разглядел правильный цвет! Алекс, а у тебя сильное биополе?

Дальше все пошло как по накатанной колее. Мы не видели причин затягивать с продвижением Алекса по ступеням, и всего через два месяца Добрая Голова уже полностью освоил чакры. Раз у Стори дома из-за этого случился немалый курьез.

Стори потехи ради принялся передавать Алексу различные “техники”. Он придумывал для Алекса самые глумотворные затеи, выдавая их под видом практического колдовства. Однажды он задумал обучить Алекса эманировать энергетические мечи из паховой чакры.

Для этого надо сначала представить себе во всех подробностях паховую чакру, её рдеющий красный свет, ощутить её силу. Затем следует взяться ладонями за рукоятки мечей, выступающие из этой чакры и начинать с радостным усердием тянуть мечи на себя. Чем большее усилие прилагаешь, чем сильнее напрягаешь все мышцы, тем ярче будут сверкающие багровые клинки. Неудивительно, что после череды таких объяснений наступил день, когда Алекс решил продемонстрировать своё новое оружие. К сожалению, случилось это в присутствии Строриной мамы.

Встав с дивана, Алекс привлек к себе внимание всех, находившихся в комнате. Он присел, немного расставив колени, прижал руки к паху и сделал страшное лицо. Затем он широко открыл рот и начал кричать, с огромным усилием разводя руки. Выглядело это так, будто бы он рвет сам у себя яйца. Все были просто в ужасе, а особенно Строрина мама. Строри тогда едва нашел в себе силы, чтобы раскритиковать Алекса.

- Левый меч, - осудил он его, - немного тускловат.

В следующие пару месяцев Алекс вспоминал под нашим руководством прошлые жизни. Мы скармливали ему информацию по чуть-чуть, в форме намеков, как бы возбуждая его любопытство. Поэтому Алекс имел привычку звонить то мне, то Строри и задавать массу уточняющих вопросов.

- Алло, Джонни? - однажды услышал я. - А кем я был одиннадцать воплощений назад?

- Колдуном, - мгновенно ответил я, так как уже приобрел способность врать не задумываясь. - Ты жил в Индии, примерно в 2340 г. до н.э. От той твоей жизни в хрониках Акаши⁴⁰ осталось множество сведений. Ты написал девять книг по индуистскому мистицизму и считался одним из крупнейших духовных учителей...

- А... - трубка некоторое время молчала, а потом я услышал: - А у меня будто бы треугольные стигматы проявились на руке.

Мы еще немного побеседовали, а потом я сослался на дела и закончил разговор. Трубку я вешать не стал, а просто сбросил короткие гудки и тут же набрал Строрин номер. Я знал, что времени у меня немного: Голова выкурит сигарету, глотнет чаю и тут же примется названивать ему.

- Внимательно, - услышал я Строрин голос и как мог быстрее сообщил основное:

- Одиннадцатая инкарнация, Индия, 2340 до н.э., был известным колдуном. И вот еще что - нынче на Голове вскочили треугольные стигматы.

Алекс покурил, выпил чаю и действительно перезвонил Строри.

- Алло, Строри? Я хочу спросить...

- Слушай, Алекс, - перебил его Строри, - мне опять про тебя сон приснился. Будто ты раньше жил в Индии и был там известным магом ...

- Да? - спросил Алекс. - А давно это было?

- Да больше четырех тысяч лет назад. И знаешь, что главное? Я про этого мага не только во сне видел, я про него читал. Говорят, что в своей одиннадцатой инкарнации он полностью восстановит свои память и силу, а перед этим ему будет знак. На его коже выступит печать в виде треугольника.

Голова слушал все это и охуевал. Под конец мы его доконали: он начал бредить, якобы у него снизу и сверху кровати расположены какие-то астральные выходы и входы. Ведут они в верхний и нижний огненный мир, а через Алексовскую кровать проходит тонкий астральный мост между этими областями. Обитатели нижнего мира, серебряные драконы, по уверениям Алекса, так и падают из нижнего огненного в верхний огненный мир. Алекс дошел до того, что однажды пожаловался Строри:

- Ох, ну и утомили меня эти серебряные драконы! Убиваю их, убиваю - а им числа нет!

⁴⁰ Хроники Акаши (мист.) - по мнению некоторых колдунов практикующим доступны астральные отпечатки давно произошедших событий.

Так как говорил все это Алекс на полном серьёзе, то мы сочли эксперимент успешно завершённым. Очевидно стало, что если всерьёз прислушиваться к тому, о чем толкует Княжна и её приспешники, недолго стать ебнутым и напрочь лишиться ума. Мы даже хотели низвести Алекса обратно к материальному, но Голова о подобном и слушать не пожелал.

- Что вы говорите? - подозрительно спросил он. - Не было инкарнации в Индии?

Алекс всерьёз решил, что мы ему завидуем. По его мнению, за время обучения он стал гораздо сильнее, чем мы оба вместе взятые. Благодаря нашим рассказам о его воплощениях, в которых он был не меньше, чем царем-колдуном или великим брамином, Алекс преисполнился такой надменности, что до него стало не докричаться. В то, что насчет магии мы немного приврали, Алекс не поверил - решил, что мы боимся его дальше учить. Разубедить его так и не удалось.

Обитатели Холмов.

Вот что Солнцеликий сказал о тех узлах, что возникают, когда воины смешивают свою кровь: "Такое братство подобно следу раскаленного железа, запечатленному в сердце. Поначалу заметна только боль от ожога - просто сильное чувство. Но со временем шрамы рубцуются, и проступает несмываемое тавро, печать в глубинах ума. Именно это и называется подлинными узлами крови". "Honey of Tales".

В начале этого сезона состоялся "Конан-95" Берриного производства, который был ознаменован новомодным начинанием - грандиозной стройкой. В рамках этого была возведена деревянная крепость на отдаленном, расположенном в стороне от остального полигона высоком холме, где край вересковой пустоши смыкается с лесом. Посреди холма возвышалось Майское Дерево, увитое разноцветными лентами и украшенное бумажными цветами, а вокруг раскинулись укрепления - деревянная башня с воротами и штурмовая стена⁴¹. Остальную часть крепости обнесли П-образными конструкциями из массивных бревен.

Мы не участвовали в стройке и потому были весьма впечатлены, когда всё это увидели. Мы до сих пор не знаем, кто строил эту крепость. Но, пользуясь редким случаем, хотим выразить этим людям свою благодарность. Запасенными вашими усилиями бревнами мы топили костры пять долгих лет. На самом "Конане-95" крепость не пригодилась - игру смыло, но уже в следующие выходные мы были в Заходском и поселились на Холме.

Здесь стратегически хорошее место - возвышенность посреди небольшой пустоши, со всех сторон окруженной лесом. Холм стоит несколько на отшибе от игрового полигона, в стороне от побережья озер, где царят грибники и тучи комарья, а ночной ветер несёт липкий туман и наполнен призраками. Мимо Холма идет старая финская дорога, которой обычно не пользуются, так как она труднопроходима - её пересекают два глубоких ручья. Один из них петляет по лесу, огибая Холм с северной стороны.

Этот ручей струится в каменном ложе, придающем воде особенное звучание. В сумраке, под густым пологом еловых лап его течение рождает музыку - как будто слышится медленный, тяжелый напев. Этот ручей называется Горюнец, приток Серебристой.

В его верхнем течении расположена еще одна крепость, на естественном острове - Замок Паши Назгула. Ручей расходится здесь двумя рукавами, образуя небольшой островок. Русло в этом месте еще финны заточили в плен тесаного камня, а вот деревянные стены по краю островка возвел не так давно Паша Назгул (в миру учитель труда). Паша возвел не только стены - в Замке Назгула были надвратная башня и подъемный мост, а также внутренние помещения. Он имел огромные фортификационные достоинства и всего один недостаток. Второе название Замка Паши Назгула - Комариный Ад.

⁴¹ Штурмовая стена (рол. сленг) - участок крепостной стены с воротами, применяющийся для осуществления штурма. Его строят из бревен, а остальная "стена" существует только условно - в виде веревок или "п" или "х"-образных конструкций.

К самому Нимедийскому Холму по старой финской дороге попасть нельзя. С неё нужно будет свернуть на вересковую пустошь, в неприметном месте войти в чашобу и форсировать ручей. Только тогда узкая тропка выведет тебя через бурелом и чашу кустарника к каменистому подножию, круто переходящему в заросшую молодым вереском песчаную шапку.

Когда мы только обнаружили Нимедию, тут любило останавливаться множество игрового народа. Обдумав всё хорошенько, мы решили положить конец этому безобразию. Собрал свои пожитки, мы, в числе прочих, поселились на Холме.

Мы были очень беспокойными соседями. Во второй половине дня мы выходили из леса, где спали каждый в отдельности, спрятавшись от остальных. Всем было дурно, жажда и комары выгоняли нас из-под нависающих еловых лап, где мы обычно прятались. Так что каждый преследовал только одну цель - восполнить потерю жидкости и опохмелиться, чтобы стало хоть чуточку легче.

После этого мы принимались мутить себе завтрак. Каждый старался украсть, выманить или отнять у окружающих какую-нибудь еду. Часто из-за этого вспыхивали спонтанные драки, во время которых продукты рвали друг у друга и у посторонних прямо изо рта. При этом каждый исповедовал следующие три основополагающих принципа:

1. *Есть лучше одному - и по сердцу, и по уму.*

2. *Лучше взять своё, чем съедят твоё.*

3. *Что не съедено - мы оставляем другим,
картошку и масло коровье.
Вот только отправим всё и обоссим -
Кушайте на здоровье!*

Поступали все в полном соответствии с этими мудрыми правилами. Никакого общего питания не было, кушали то порознь, то парами, изредка объединяясь с целью продовольственного обмана и грабежа. Открыто лежащие на земле и в палатках продукты сразу же разворовывались, а те, что продолжали лежать, никто из нас уже не решился бы взять. Они заведомо были или фаршмачные, или притравленные, а может быть - и то, и другое.

Необходимость оберегать себя от всевозможного западла диктовала в те времена пить только проточную воду или алкоголь (с которым по общей договоренности никогда плохо не поступали), а есть лишь те консервы, которые ты сам только что открыл. Учитывая приобретенный опыт, мы разработали комбинацию, позже получившую название “насрать под кашу”. Суть её в следующем.

На какую-нибудь стоянку (здесь следует быть разборчивым, не все этого заслуживают) в предобеденный час приходит человек, который в вежливой и открытой форме просит накормить его миской каши или макарон. Этот тип готов всемерно помогать - он носит воду и дрова, помогает с котлом и всеми силами старается заслужить доверие, что при этом способе вовсе не трудно. Его задача - перехватить котёл в тот момент, когда его нужно будет сливать. Мотивируя, дескать, незачем разводить грязь у самого костра, он относит котел к ближайшим кустам, где:

(1) Сливают воду.

(2) Кладет себе полную миску.

(3) Приподняв макароны или кашу в котле специальной досочкой (лопаточкой), кидает туда говно с доски, припрятанной в тех же кустах.

После этого он аккуратно перемешивает все это костровой ложкой и спокойно возвращает котел. Затем он берет свою миску и принимает решение: уйти или дожидаться развязки. В последнем случае он сможет сделать больше - когда донесутся первые, поначалу ещё робкие возгласы

недопонимания. В тот момент, когда первые пострадавшие будут с недоверием нюхать пищу, поднося ложки к самому носу, ему следует ходить меж ними, отрицая очевидное и побуждая пробовать пищу на личном примере (то есть пробуя по ложечке из своей миски с улыбающимся, что будет нетрудно, и очень довольным лицом).

Если проявить смекалку, то получится, будто человек, чтобы убедиться в происходящем, самолично пробует ложечку каши с говном. В такой момент вы, если отважитесь, сможете задать ему вопрос (но это нужно будет сделать быстро, пока он не успел опомниться):

- Как на ваш вкус, хватает говна?

Перед сном, то есть ближе к утру, мы вспоминали совершенное за день, спрятавшись друг от друга в ельнике или в окрестных кустах. На самой стоянке у Нимедийской крепости оставались спать только чужаки или умалишенные, потому что там действовал принцип: “Здесь либо спят, либо глумятся над спящими!”. Прикорнувший у костра нарушал “технику безопасности” - свод неписаных правил, касающихся организации места для личного отдыха:

1. Если ты одет для сна - тебе палатка не нужна.
2. Ботинки на ночь снимает тот, кто поутру с ними встречи не ждёт.
3. Скрой вечерние пути - там ложись, где тебя не найти.
4. Помни - товарищ хитер и жесток. Уходит на север - гляди на восток.
5. Твои вещи ложатся спать вместе с тобой - или ты голым поедешь домой.

Применительно к имуществу были приняты самые суровые законы: любая оставленная без внимания или украденная у хозяина вещь могла быть уничтожена. Мудрые воины прятали личные вещи в нычках и тщательно следили, чтобы их схроны не выпалили. Это здорово пригодилось нам позднее - когда у нас появилось что и от кого прятать.

С этим связана особая традиция: когда идешь проведать свою нычку, уходить с Холма нужно в ложном направлении. Некоторые, правда, жульнически этим манкировали: Строри долгое время владел удобной нычкой, расположенной в том же самом направлении, куда он каждый вечер вполне открыто ходил.

Ещё лучше, чем к чужой собственности, мы относились друг к другу. На этой Альтернативе Крейзи решил съесть баночку тушенки, для чего удалился в нашу единственную палатку - но Строри и Кримсон были начеку. Вооружившись топорами, они споро завалили на палатку средних размеров вяз. Крейзи, решивший сначала раскуриться, а уж потом взяться за еду, слышал стук топоров, но не придал ему большого значения.

Он как раз примеривался к банке с ножом, когда заметил, что стало как будто темнее. Тут же сквозь матерчатые стенки послышался шум, который создает падающая крона. Крейзи успел выкатиться, его только чуть-чуть накрыло ветвями - а вот тушенка погибла. Ствол вяза, разорвав пополам материал нашей последней палатки, полностью расплющил банку, превратив её в сочащийся жиром металлический блин.

Однажды Строри заметил, как я прилёг на пенку возле костра. Я дремал, лежа на животе и потеряв всяческую осторожность, за что и был наказан. Зайдя сбоку, Строри метнул финку и попал мне в бедро. При этом он очень веселился и звал друзей сыграть с ним “в ножички на новом поле”. Я вдоволь посмеялся над ним в другой раз, когда возле нашей школы меня вдруг осенила победоносная мысль.

- Костян, давай-ка я прокачу тебя на воротах! - предложил я.

Костян, расслабившийся от выпитого и благодушный, согласился. Он залез на ворота, а я встал с обратной стороны и начал толкать. Ноги мои упирались в асфальт, мышцы вздулись, но я все же сумел вполне прилично разогнать чугунную створку. Вспрыгнув на неё в последний момент, я прижался к решетке и смотрел прямо в лицо Костяну - пока пробег не кончился и створка на полном ходу не врезалась в кирпичную стену. Костян въехал в ситуацию слишком поздно, только

когда почувствовал приближающуюся стену своею спиной. Он еще успел убрать одну руку, но вторая, попавшая между стеной и створкой, сломалась, как спичка.

В нужное время это замечено не было. В тот же день, пьяный в сопли и со сломанной рукой, Костян сумел забраться через форточку в Крейзину квартиру. Нашего друга тогда не было дома, а мы рассчитывали продолжить банкет. Лишь на второй день, глядя на свою скрюченную и почерневшую руку, Костян понял, как обстояли дела.

Случались и честные поединки. За три года до этого Стори во время сессии по фехтованию на школьном дворе пробил мне обрезком заточенной рапиры ребро. Вышло это так.

Был морозный вечер, мы вышли в парк за павильоном Росси и достали снасть - обрезанные на четверть и заточенные напильником клинки. Мы встали в позицию друг напротив друга, и я атаковал первым. Из третьей сабельной я сделал батман влево, сбил Сторин клинок и начал глубокий выпад, целясь по верхнему сектору. Стори в то же самое время прокрутил финт, вернул клинок на горизонталь и уколол - только целился в корпус. Мы столкнулись, как противоположные вектора.

После этой встречи моя заточка осталась у Стори в шарфе - прошла левее, лишь немного зацепив горло. Я же остался лежать на школьном дворе, с удивлением глядя, как вокруг меня по снегу медленно расплывается багровое пятно. Рапира увязла в ребрах, но крови всё равно вытекло приличное количество. У меня кружилась голова, и весь остаток вечера я чувствовал себя скверно.

Полным выражением наших чувств была игра в “камушки”. Чтобы сыграть в неё, товарищи вставали в широкий круг, на расстоянии примерно двух-трех метров друг от друга. У каждого было с собой по два камня размерами чуть меньше кулака. Опытные игроки застывали перед началом партии совершенно неподвижно - с камнями, мягко лежащими в опущенных вдоль тела руках.

Игра в “камушки” - стратегическая. Задача в том, чтобы, когда начнется раунд, максимально четко положить оба своих снаряда, уворачиваясь в то же время от брошенных в тебя товарищами камней. Если соберутся хотя бы четверо (а меньшим составом в “камушки” не играют) - на кону уже восемь увесистых пиздюлей, и с каждым участником их общее количество возрастает.

Загвоздка здесь вот в чем. Камни можно положить либо до выстрела противника, предупреждая его, либо после него, когда он отстрелялся и стал совсем беззащитен. Предпочтительнее поразить одного из противников, которые ещё не выбили свои цели, но по которым, потратив боезапас, уже отстрелялись другие игроки.

В самом начале даже простой партии на четверых возможны несколько вариантов: противники кидают камни сразу или же выжидают, мечут по одному или по два, выбирают совмещенные или различные цели. Опытные игроки стараются поражать цель в момент наибольшего отвлечения: уклонения от чужого броска, во время замаха, применяют скрытые и обратные броски, броски с разворотом и даже броски назад.

Лично со мной был вот какой случай при игре в “камушки” - тогда играли я, Стори, Кримсон и Барин. Перед игрой принято вести некоторую торговлю, во время которой заключается большое количество лживых союзов, якобы определяющих в будущей партии общие цели и порядок нанесения атак. Каждый вступает в подобные договоренности с каждым, что в игре “в камушки” всемерно поощряется. Это способствует большому накалу страстей, возникающих благодаря применению разнонаправленной дезинформации.

Вот как я определил в тот раз суть будущего союза. Исходя из положения игроков и моих собственных наблюдений, я пришел к следующему выводу: скорее всего, первым меня будет атаковать Барин. Он ударит по мне одним камнем, а второй прибережет - для меня или для кого-нибудь еще. Намерений Стори я не мог предугадать, но успел заметить: он шептался о чем-то с Бариним перед самой игрой, искоса поглядывая при этом в сторону Кримсона.

Возможно, подумал я, Стори надеется, что успеет накрыть Кримсона залпом в то самое время, пока Барин швыряет свой камень в мою сторону. Я довел свои наблюдения до сведения Кримсона и заручился его поддержкой. Мы договорились, что Кримсон ударит обоими камнями в сторону Барина, а я должен буду накрыть Стори точно таким же залпом.

Разумеется, один из камней я собирался припасти для самого Кримсона. Я был уверен, что сумею уклониться от брошенного Бариним камня и всадить свой булыжник в корпус стоящего неподалеку Стори. Я надеялся, что за это время Кримсон сумеет накрыть Барина своим залпом, и что тогда я положу последний камень уверенно и спокойно в самого Кримсона. Такая стратегия - залог успеха в идеально сыгранных партиях, которых в практике игры в “камушки” приходится примерно одна на сотню. В остальных случаях ты просто надеешься, что не слишком ошибся.

В тот раз Барин действительно кинул в меня камень - несильно и напоказ. Но он летел по такой траектории, что мне пришлось пригнуться, пропуская его над собой. Разумеется, я наблюдал в это время за остальными, но заметить крученого броска снизу не смог. Подлый Стори грамотно предупредил мой поклон, его камень попал мне в скулу и на тот момент совершенно лишил меня воли к победе. Выходит, в той партии я ошибся - думал не так и недоглядел за товарищами.

За трое выходных, что мы стояли вместе с прежними обитателями этих мест, их сердце и разум отвратились от мыслей останавливаться здесь в будущем. Постепенно все они перекочевали к озёрам, оставив всё - крепость, Холм и вересковые пустоши - нам. Тогда мы вылезли из леса и первым делом сложили из кучи просохших бревен огромный костёр.

Такие костры - сущее пекло. Раз вспыхнув, они горят по несколько суток под любым дождём, попросту испаряя над собой воду. Греясь у огня в прозрачных июньских сумерках, мы наблюдали, как в окрестностях Холма творятся всякие подозрительные вещи.

Какие-то люди пробирались под покровом темноты к лесистой возвышенности неподалеку от нашей стоянки. По ночам с того направления был виден мерцающий свет будто бы от множества свечей, а теплый ветер иногда доносил к нам странные звуки, исполненные колдовства. Мы терялись в догадках, пока слухи, пересуды и разговоры не навели нас на суть происходящего.

По этим сплетням выходило, что неподалеку от нашего Холма расположена одна из наиболее почитаемых реликвий того времени и тех мест. Молва помещала рядом с нашим новым домом мифический “Трон Заходского” - артефакт в виде лопнувшего пополам камня, покрытого на изломе вязью загадочных рун. Считалось, что этот камень способен даровать своему обладателю власть над погодой и течением времени, над дорогами, ручьями и тропинками тех мест.

Среди практикующих колдовство ролевиков немного было таких, кто бы не слышал о Троне, за обладание им кипели не одна и не две “астральные битвы”. Нам надоела эта бессмысленная возня, и мы отправили дозор на поиски священного камня. Но он оказался до времени властно скрыт от нашего пытливого взора. Так могло бы быть и по сию пору - если бы не Слон.

Как-то днём Слону, отправившемуся на пешую прогулку, приспичило срочно посрать. Ему приглянулась одна полянка, посредине которой он заметил развалившийся надвое валун - блеснувший на сколе вязью белесых символов.

- Ага! - подумал Слон. - Сиденьице аккурат под меня!

Взобравшись на валун, Слон уселся на корточки и нагадил прямо в расщелину камня. В этот момент - как он потом рассказывал - солнечный свет как будто сделался ярче, а по древесным кронам пробежала мелкая дрожь. Затем ветер сбросил на землю несколько сухих ветвей - и наваждение сгнуло.

Так было снято древнее заклятие, и эти места стали полностью нашими, а в окрестностях Трона мы устроили нужник. Прошло совсем немного времени, и колдуны, взыскующие силы Трона, совершенно перестали нас беспокоить.

В тот же день мы обступили Майское Дерево и принялись по очереди подрубать его ствол топором, приговаривая при этом: “Срубим, срубим на хуй майское дерево!”. А когда дерево упало,

мы разрубили его ствол на множество частей и сложили из этих поленьев ритуальное пламя. В оставшийся пень мы заколотили три выгоревших двигателя от ПТУРСов, принесенные с танкового полигона. И когда силлюминовые хвостовики, словно гигантские поганки, выросли над пнем - мы обратились на четыре стороны света и провозгласили это место своим. Это произошло, как только отгремели Иудейские Войны.

За две недели перед этим, в начале июля, у нас назрела проблема. Охувевшие сотрудники райвоенкомата ворвались к Барину домой, захватили его в плен и потащили на городской сборный пункт. Хотели призвать его ракетчиком на космодром “Плесецк” - заставить дышать фреоном и утилизировать гептил. Взвесив все обстоятельства, я взял бутылку водки и отправился на Московский вокзал, откуда Барина должны были отправлять на далёкую службу.

Я нашел его вместе с группой таких же несчастных в зале ожидания - Барин пил портвейн и закусывал бутербродами. Под предлогом прощания я распил с Бариним бутылку водки, а потом предложил:

- На что тебе Плесецк? Может, бежим?

- Бежим, - легко согласился Барин, и мы побежали.

Некоторые полагают, будто сбежать с “армейской пересылки” - непростая задача. На самом же деле это, как справедливо выразился Барин, “плевка моего не стоит”. Несколько военных, охраняющие группу призывников не вооружены ничем, кроме резиновых дубинок. Возможно, у их офицера окажется с собой пистолет - но и что с того? Стрелять из него по призывникам он вряд ли станет - если еще не выжил из ума. Так что весь вопрос упирается в простое “Кто шустрее, тот и прав!”.

Выждав момент, мы с Бариним взялись за дело с такой лихостью, что оказались на улице раньше, чем охраняющие призывников вояки воткнулись в этот расклад. За Московским вокзалом множество темных, запутанных дворов, так что мы благополучно потерялись от погони в этой каменной круговерти. Всю ночь мы с Бариним пили водку и плутали по городу, а с рассветом отправились в Заходское. Укрывать Барина от военной службы было решено там.

Время это пришлось на игру “Меч и Радуга”, проводившейся по одноименной книге Елены Хаецкой. Автор книги лично посетила эту игру - ходила повсюду с глумливым видом и втыкала, как её произведение обретает на местности новую жизнь. Эта оказалась мировая тетка с вьедливым умом - единственный человек, побывавший на игре по собственной книге, о котором я знаю.

Мы остановились у озера, поближе к главным событиям игры. В самый разгар веселья некто пан Клякса⁴² вышел вместе со своими спутниками⁴³ из дебрей за Нотингемом, что раскинулись по дороге на танковый полигон. По словам Кляксы, они ездили в этот край с целью “жрать колеса и смотреть галюны”, а к ролевым играм не имели ни малейшего отношения. Жили они прежде в домике из досок и полиэтилена, которого лишились по вине панка по имени Глист. Вышло это так.

Глист, обожравшись циклодолоу, принес с танкового полигона несколько мин. С величайшим старанием он развёл буржуйку, положил мины внутрь и лег спать. Про это узнали и подняли панику, успели выскочить сами и вытащить недалекого Глиста. Но домику пришел пиздец - что не доделал взрыв, то закончил пожар. Оставшись без дома, пан Клякса пошел скитаться по свету вместе со своими друзьями-постпанками. В скором времени он объявился на дорогах волшебного мира - чуть ли не в самом Хороводе Сил. С собой постпанки несли паркопан и циклу, водку, несколько гитар и Артура-Дерево, во все дни совершенно бессмысленного.

⁴² Солист одноименной группы, игравшей в направлении “постпанк”.

⁴³ Голодным, Левым, Эдиком, Куркулем, Бормотелло, Ирккой, Пятчкой и Королевой.

На игре нам удалось вступить с новоприбывшими жителями волшебного мира в товарно-меновые отношения. За косяк конопли мы купили у пана Кляксы двух ихних девчонок - Пяточку и Королеву, искушенных в путях употребления циклодола и других нейролептиков. Последнее было очевидно: Королева, например, была полностью уверена в существовании на берегу Большого Красноперского девятиэтажных домов и то и дело порывалась “вписаться в парадную”. Её подруга Пяточка, судя по всему, полагала себя путешествующей по метро. Она то и дело вскакивала со своего места у костра и принималась тормошить Королеву:

- Горьковская! - кричала она. - Выходим скорей!

Обе наших новых подруги были в полном “объёбосе”, неудивительно, что нашлись такие, кто решил этим воспользоваться. Я имею в виду царя Трандуила, прославившегося в Питере своим невообразимым распутством.

У Трандуила было огромное количество женщин. Может быть, не первых красавиц - но все же. Царь Лихолесья добивался этого не за счет своей внешности (мягко говоря, он не отличался особенной красотой), а за счет врожденной напористости и железной хватки руки кузнеца. Многим женщинам нравились его тупые прихваты, но Транд сильно заблуждался, если думал, что они нравятся всем.

На этот раз в качестве жертвы своих домогательств Трандуил выбрал Королеву. Та стояла в это время посреди нашей стоянки, тяжело опираясь обеими руками на двухметровый кол (из-за циклодола ноги её не держали). Трандуил принялся подбираться к Королеве маленькими шажочками - широко расставив руки и выкликая самым сладостным голосом:

- Позволь, я тебя поцелую!

Королева, пребывающая под властью циклодольных галлюцинаций, приближение Транда заметила слишком поздно. Она открыла глаза, лишь когда почувствовала, как её кто-то хватает.

- Дай-ка я тебя обниму! - проревел Трандуил, чья усатая рожа оказалась теперь непосредственно перед Королевой. - Девушка, я ...

Но не тут-то было. С большой силой оттолкнув от себя тяжеленный кол, Королева попала им прямо Трандуилу в башку. Палка рассекла кожу на лбу, из-под спутанной шевелюры хлынула кровь - но порыв Транда это не остановило. Вот что сама Королева рассказывает о дальнейших обстоятельствах той далекой встречи:

- Когда я увидела, что у него кровь течет из башки, то решила - все, блядь, теперь точно отстанет! А ему хоть бы хуй! Взгляд маслянистый, лицо бессмысленное, прет на меня и талдычит: “Ударь меня еще, а потом я тебя поцелую!” Пришлось мне съезжать от него!

С Трандуилом вышло немало потешных историй, и далеко не все они связаны с бабами. Неплохо развитый физически, Трандуил понемногу увлекался традиционными славянскими единоборствами. Всерьез он, конечно, не тренировался, но кое-какие прихваты знал, и иногда делился ими со своими товарищами. Только “спасибо” за это ему редко кто говорил, так как манера “делиться” у Трандуила была уж больно особенная.

Раз на Холме вышла ссора - делили полкотла гречки и все никак не могли разделить. По ходу этого Строри подхватил с земли ошкуренный кол и перетянул им Трандуила. Бил Строри наотмашь и без всяких поблажек, но Транд, хоть и был без оружия, смог за себя постоять. Хитроумно извернувшись, он поднырнул под кол, сорвал дистанцию и уже в следующую секунду выбил палку у Строри из рук. Вцепившись в Строри, Трандуил покатился вместе с ним по земле, положившись на свое мастерство рукопашника, силу и большой опыт драки в партере. Он ждал легкой победы, но несколько переоценил свои силы.

Поначалу опешивший, Строри быстро пришел в себя. Взяв себе в помощники верную свою подругу - лютую ярость, Строри меньше чем за минуту выбрался из-под навалившегося на него Трандуила. После этого он сумел перевернуть Транда на спину, сел на него сверху и принялся лупцевать. Другой в такой ситуации взмолился бы о пощаде - но только не Трандуил.

Я наблюдал за этим со стороны. Видел, как Транд собрался с силами, притянул Строри поближе к себе - и неожиданно ухватил его челюстями в районе ключицы. Строри даже заорать не успел, а Трандуил уже напряг шею и без особого усилия сбросил его с себя. Когда я подошел, Строри сидел на земле и рассматривал свою ключицу со всевозрастающим удивлением. Она распухла прямо-таки на глазах, но еще можно было разглядеть кровавые, только-только начавшие оплывать отпечатки зубов эльфийского царя.

Иудейские Войны полыхнули на местности подобно верховому пожару. Мы воевали за город Цфат, насквозь еврейский, а я был раввином. Другое предложение, которое сделал нам устраивавший это мероприятие Брайн, было таким: идти римлянами и сражаться за Морадана. Мы всё обдумали как следует и предпочли стать евреями. Объединившись со свитой царя Трандуила и рекрутировав нескольких постпанков, вооруженных кольями, мы представляли собой силы иудейской революции - зелотов, назареев, ессеев и прочую сволочь.

Рим представлял собой полностью сформированный и укомплектованный Хирд вместе с коллективом Паши Назгула, исповедующим схожие командные принципы. Паша на этой игре отличился: нарядил все своё войско в доспехи и шлемы, туники и сандалии, действительно похожие на римские. Это был первый на моей памяти случай такого униформизма.

На этой игре мы впервые применили в бою щитовой строй в два ряда, из-за которых третий ряд действовал тяжелыми колями. Морадан со своей стороны порадовал нас отработанным в Хирде “навалом”, открыв эру плавных атак щитового строя в режиме “быстрый бег”.

В то время все очень увлекались строевыми боями и “обходными маневрами”. Суть такого маневра в наличии группы из пяти-шести человек, в задачи которой входит зайти за спину или хотя бы в бок вражескому строю, элементарно его обежав. У нас в такие рейды ходили вооруженные колями тройки, а Морадан сговорился с целой бандой двумечников, коллективом Эйва. В то время они еще ездили вместе с Хирдом.

Обходное маневрирование - это самое азартное в групповом бою. Строй начинает сходиться со строем, а ты, положив кол на плечо, наблюдаешь, как рассыпается за вражескими порядками быстрый веер вооруженных парным оружием людей. Это тонкий момент, как и при игре в “камушки” - нужно решать, что делать. Броситься вкруговую, рассчитывая обежать их строй? Ждать их здесь, не давая обежать твой? Где и как произойдет стычка - немаловажно, от запасных игроков зависит судьба целого строя.

Плохо, если стоящие в строю обнаружат, что их охаживают сзади лыжными палками, в которые кувалдой заплущена железная арматура. Такое оружие было принято в банде у Эйва - невесомые на вид, узкие и немного изогнутые парные клинки. Мы часто видели это оружие в бою, но с его хозяевами были мало знакомы - в те времена люди жили обособленно и стояли друг от друга далеко.

В начале августа Этцель и Райлин устроили в Заходском игру по мотивам "Dragon Lance", называющуюся “Кринн⁴⁴”. На этой игре нам досталась роль Соламнийских рыцарей, а нашим предводителем мы выбрали Барина. Он основательно подошел к делу, за кратчайший срок введя в нашу жизнь два новых понятия - Кодекс и Меру⁴⁵.

⁴⁴ В произведениях цикла "Dragon Lance" (М. Уэйс, Т. Хикмен: “Драконы осенних сумерек” и т.д.) действие происходит в мире, называемом Кринн.

⁴⁵ Там же: Соламнийские рыцари - монашеский орден, служители божества Паладайна, придерживающиеся строгих дисциплинарных (Кодекс) и морально-этических (Мера) принципов и норм.

Сделал это Барин вот как. Просыпаясь с бодуна, наше рыцарство выходило из лесу и поднималось на песчаную вершину Холма. Там Барин доставал литровую бутылку водки (Кодекс), металлическую братину (Меру) и приступал к тому, что мы называли “Соламнийской зарядкой”. Сначала он требовал, чтобы мы собрались напротив, а затем выливал бутылку водки в братину и ставил на землю перед собой.

- Кодекс! - громко, взлаивающим голосом выкрикивал Барин, распрямляя спину и поднимая руки на уровень груди.

- Кодекс! - отвечали мы, повторяя его жест.

- Мера! - вновь кричал Барин, приседая с вытянутыми над землею руками.

- Мера! - повторяли мы, и зарядка начиналась.

Идея состоял в том, чтобы распить литр водки, выполняя при этом предложенное нехитрое упражнение. Соламнийская зарядка обладала огромной целительной силой, врачевала головную боль и надежно снимала даже самый тяжелый похмельный синдром. Над Холмом только и слышалось по утрам, что:

- Кодекс! Мера! Кодекс! Мера!

Это было практикой нашего утра, а остаток дня у нас поглощала война. Но когда сумерки вновь стирали границу между лесом и небом, братья усаживались пить возле огромного костра. Горящие бревна тянулись на несколько метров в стороны, пламя бесновалось и гудело над ними, создавая вокруг осязаемый купол гнетущего жара. У такого костра не побеспокоят ни мошки, ни комары, возле него хорошо лечь на горячий песок, глядя в огромное, полное звёзд небо над нашим Холмом. Такие костры впоследствии стали называть Нимедийскими.

Псалмопевец Паладайна.

“В современном мире слово “подонок” имеет различные значения. В первую очередь, это негативная формулировка, обозначающая бесчестного человека, а во вторую - слово “падонок”, чрезвычайно распространенное нынче в русскоязычной сети. Но существует еще одно значение этого слова.

Пусть читатели имеют в виду, что учрежденная в 1995 году Партия Подонков, о которой пойдет речь в этой главе, не имеет к традиции “интернет-падонок” ни малейшего отношения. Таким образом, пускай слова “подонок” (негативное), падонок (интернет-падонок) и Подонок (носитель идеологии Партии Подонков) в представлении читателя будут полностью разделены”. Разъяснение для читателей.

В июле мы впервые решили съездить в другой город на ролевую игру. Крейзи, набросивший одну из своих бесчисленных лживых личин, нашел подходы к Сопливоророду Эрику, оказавшемуся падким на скороспелые обещания и медоточивую лесть. В результате этих переговоров мы отправились под Москву, в Карабаново, где должен был состояться московский Кринн, делать который вызвался некто Ленский.

Эрик задумал стать на этой игре драконом по имени Скай. Для этого он пошел себе красный наряд, здорово напоминающий петушиный, и рекрутировал одного дебила по имени Альдор на должность повелителя Верминаарда, своего “ездок⁴⁶”.

Вместе они являли собой устрашающую пару. С растопыренной бородой и запотевшими на жаре квадратными стеклами, обтянутый в топорщащиеся красные тряпки и с треххвостой плетью, олицетворяющей драконий хвост, Эрик выглядел достойным спутником для своего царственного седока.

Сутулое и вечно “нашуренное” очкастое зомби, в котором в Питере мгновенно узнали бы Альдора, на этот раз ждала особенная роль. Для её воплощения Эрик собрал целую команду, которая должна была олицетворять собой Красную Драконармию, войско владычицы Такхизис. Благодаря Крейзиной дипломатии мы подрядились ехать стаяй хобгоблинов в составе этого войска. Во время этих переговоров Эрик огласил весьма тяжкие на наш взгляд условия.

За то, что мы поедем в его компании на электричках почти за семьсот километров, мы обязуемся: помогать Эрику строить крепость, разделять тяготы дежурств по лагерю, носить воду, колоть дрова и помогать по хозяйству. При этом мы не должны ни пить, ни употреблять наркотики, чтобы сохранить способность выполнять поручения Эрика, а в его отсутствие - ещё и Верминаарда. Дополнительно к этому, для целей централизации питания мы должны будем сдать Эрику всю свою еду, а также котлы и посуду.

Наше время на игре Эрик заранее поделил следующим образом: в восемь утра наступает смена ночного караула и общий подъем. Сразу за ним готовят завтрак, и все войско, кроме караульных, ест в теплой компании с Сопливорородым. Караульными назначаются все подряд, кроме Эрика и Верминаарда: смена по три часа, затем пять часов отдыха, и снова - в караул. Из лагеря без разрешения Эрика выходить нельзя, пить нельзя, курить можно, но не в карауле, есть в неположенное время нельзя. Приводить посторонних, если тебе разрешили выйти, тоже нельзя.

Кроме того, за время игры каждый получает два назначения на суточные дежурства. По ходу них на дежурного возлагаются хозработы, в том числе мытьё посуды за Эриком, Верминаардом и остальными. В три у Эрика в войске обед, в девять - ужин, потом бородатый владыка дарит своим верноподданным два часа свободного времени, и в его клоповнике наступает отбой.

Крейзи, услышав про такие порядки, чуточку расстроился, но виду не подал.

- Конечно, Эрик, - только и сказал он. - Мы всё обещаем.

Избегая прямой лжи, Крейзи просто забыл уточнить - что именно “всё” он обещает Эрику.

⁴⁶ Там же: Верминаард - большой колдун и военачальник армии драконов, т. н. Красной Драконармии, подчиненной божеству тьмы Такхизис. Скай - вахана Верминаарда, самый старый и опытный дракон, “прима эскадры” в Красной Драконармии.

- Точно? - уточнил Эрик, не в силах в это поверить.

Ему было нелегко, но он умело помогал себе, рисуя в своем воображении чарующие картины: как мы собираем дрова, как несем ему воду и как ночью стоим “на караул”. В глазах у воина в такой момент видна робкая надежда: получить утреннее назначение на кухню и дочиста, самым мелким песком отдраить миску повелителя Верминаарда.

- Не обманете? - на всякий случай ещё раз переспросил Эрик.

- Конечно нет, Эрик, как ты мог подумать? - подтвердил своё обещание Крейзи, и от звуков его голоса иллюзия, которой окутался Эрик, словно бы ещё больше окрепла. Как будто бы он сидит верхом на горе дров, кругом стоят каны с водой, а Крейзи, только что притащивший всё это, скорчился у подножия в ожидании повелительного, сурового окрика.

Такое отношение со стороны будущего владыки было замечено, учтено и потом не пошло Эрику на пользу. На его беду, у нас уже сформировались собственные взгляды на ситуацию, и прислуживать Сопливорородому нам было как-то не с руки. Эти взгляды уже нашли своё отражение в поступках - мы вступили в партию. Это случилось в том же 1995 году.

Суть наших партийных убеждений была очень простая, так как нам всегда были противны запутанные, сомнительные или малопонятные взгляды. На первом же собрании партии Кримсон объявил:

- Назначаю себя председателем и объявляю повестку дня: мы создаем партию и вступаем в неё. Только я боюсь, что нам придется выбрать для себя какие-то убеждения.

- А без этого никак? - спросил Барин, не любивший всякую тягомотину.

- Нет, - жестко ответил Кримсон. - Без взглядов никак. Что-то должно выделять нашу партию среди остальной массы. У нас обязана быть собственная идея и свой взгляд на все вещи.

- Ни хуя ты дал, - покритиковали мы его для проформы, но в общем-то согласились: какие-то принципы нам были нужны.

- Инициатива наказуема, - изрёк Строри нерушимую истину всех партсобраний. - Приступай, брат Дмитрий.

Кримсон подумал немного, оглядел собравшихся и приступил. Начал он издали.

- Мне хочется знать, друзья мои, - спросил он, - как вы относитесь к окружающим? Нет ли такого, что большинство из вас к себе относится значительно лучше?

- Факт, но что с того? - заинтересовались мы.

- Сконцентрируйтесь на этих эгоистических чувствах, - предложил Кримсон. - Что нам чьи-то заботы, что чужие проблемы да неурядицы? Вы их ощущаете?

- Да почитай что нет, - вызвался я. - Накуриться хочу, это чувствую. А чужих проблем да забот я не ведаю.

- Хорошо! - похвалил меня Кримсон и повернулся к остальным. - А еще?

- Ну... - начал Крейзи, - я это так вижу. Есть на свете добро, и каждый человек так или иначе желает его для себя. Желать добра - великая и благая задача, а складывается она из маленького добра для каждого человека.

Мы все, даже Кримсон, молчали, напуганные этой тирадой. Воспользовавшись тишиной, Крейзи продолжил:

- Мы должны действовать, исходя из этих высоких принципов, желая себе как можно больше добра. Это нужно делать, чтобы добро в мире не перевелось.

- А, - обрадовался Кримсон, - понимаю. Но что будет, если мы желаем добра, а это добро уже чье-то? Как если отнимаешь у кого-нибудь еду? Что тогда...

- Во-первых, - перебил его Крейзи, - добро не может никому принадлежать. Ну а если и принадлежит, как это может помешать нам его желать? Кто встанет на пути нашего доброго устремления? Пусть всё будет по справедливости, пусть добро заслуженно достанется тому, кому оно больше нужно.

- Ну, - сказал Строри, - а если я хочу кому-нибудь дать пизды?
- Зачем тебе это? - поинтересовался Крейзи.
- Как зачем? - удивился Строри, но потом все же ответил: - Мне на душе станет легче. Спокойнее и как будто светлее.

Мне показалось, что я уловил зарождающиеся принципы.

- Светлее на душе? Это добро. Ведь ты не ради вреда человеку, не ради боли его и унижения, а для себя. Ради спокойствия и хорошего настроения.

- Так, - подвел резюме наш председатель, - первое установили. Добро. Что ещё?

- Эстетическое чувство, - назвал вторую составляющую Крейзи. - Я имею в виду вот что. У нас принято ругаться между собой, как и везде, где чванство и ханжество не пустило глубокие корни. Но ругаться можно по-разному. Площадная брань уместна только в разговоре с недостойными, а в целом приличествует более высокий слог. Могу пояснить это на примере Ленского. Мы его ещё не видели, но представьте, что потребуется его обругать? Какое слово мы выберем?

- Обсос, - предложил Барин.

- Хорошо. Теперь срифмуйте “обсоса” с чем-нибудь ещё.

- Паровоз, - мгновенно отозвался Барин.

- Ещё лучше. А теперь назовите ещё одно любое ругательное слово, - попросил Крейзи.

- Жопа, - вмешался Слон. - “Жопа” подойдет?

- Жопа, жопа... - задумался Крейзи. - Да, вот: “Как у Ленского из жопы выезжает паровоз! У кого такая жопа - называется обсос!”

- Браво, - похвалили его Кримсон. - А ещё?

- Сами попробуйте, - предложил Крейзи. - Рифма теперь будет “пасёт-сосёт”, добавочное слово - “хуй”.

Мы крепко задумались.

- Вот, - вдруг вскричал я, - есть! “Ленский тему не пасёт - за бухалово сосёт. И ему за двести грамм водят хуем по губам”.

- Озорно, - обрадовался Крейзи. - Ты уловил суть. Юмористически выражать свою мысль и эстетическое чувство - это очень близко.

- Эстетическое чувство, - снова резюмировал Кримсон, - пункт два. Но вы ни слова ещё не сказали о главном. Как будет называться наша партия? Есть предложения?

- Да, - снова выступил Крейзи. - Она будет называться “Партия Подонков”.

- Это почему же? - спросил я.

- А вот почему. Вокруг нас - токсикомания, алкоголизм и разврат. Это признаки дна жизни, а Подонки - это тот, кому хорошо на дне. Партия Подонков, вы понимаете?

- Кто за? - тут же спросил я, потрясенный глубиной и силой этой формулировки.

Возражающих не нашлось, и Партия Подонков была учреждена немедленно абсолютным большинством голосов. Под занавес собрания наш временный председатель обратился к нам с проповедью о морали:

- Мораль Подонка и мораль обычного человека противопоставляются друг другу не зря, - начал Кримсон. - Общечеловеческая мораль - сторож либо убийца. Она не дает человеку взять потребное надёжнее любой охраны, строже всяких замков. Там, где существуют простые решения, она заставляет искать необоснованно сложных, а в бою и вовсе лютует, побуждая жертвовать собой. Мораль же Подонка в дружбе с его нуждами и наперекор здоровью и счастью не пойдёт. Знаете, что самое сладкое в битве?

- Теперь не уверены, - признался Слон.

- Победить в неравном бою, - сказал Кримсон. - Это - самое сладкое, особенно если неравенство в твою пользу. Нам подходят все средства, и пользоваться надо всеми, а в первую очередь - глумлением, обманом и провокациями.

- Желая при этом добра! - добавил Крейзи.

- Разумеется, только так. Я слышал, Эрик хочет нами править? Как это по-вашему - добро?
 - Разве что для него, - отозвался я, - нам-то ведь этого не надо. Нам бы отдохнуть, да попить водочки, да над тем же Эриком поглумиться. Ну и конечно с людьми познакомиться и повоевать. А воду Эрик пускай сам в бороде носит. Подонку утруждаться запаadlo.
 - Золотые слова! - признал Кримсон мою правоту. - Третий принцип! Не утруждаться ни в коем случае!
 На том и порешили.

Выезжали со станции Сортировочная. Там есть тема забраться на электричку до Малой Вишеры в половине пятого, минуя Московский вокзал. Это было удобно для нас, так как ночью перед этим мы собрались у Крейзи, а от него до Сортировочной не так уж и далеко.

Хорошо выезжать в предрассветные часы. Темнота ещё скрывает очертания домов, уличного освещения нигде нет, на проспектах и во дворах царит стылый сумрак. Все потому, что кто-то с завидной регулярностью бьёт фонари в районе нашего обитания. Благодаря этим противоправным усилиям можно чудесно проводить время, сидя ночью на дереве перед собственным домом.

Взгляд случайных прохожих скользит в темноте между стволами, его ловит и удерживает пустое пространство над скамейками и вокруг перевернутых урн. Никто - ни бродячие наряды ППС, ни бдительное УВО, ни воины тьмы, ищущие по темным проулкам кровавой поживы - не проникают взглядом густой сумрак древесных крон. Так прямо посреди города мир людей остается внизу, а между ветвей поселяется тихий кашель и приглушенное хихиканье.

В электричке нам опять представился случай карабкаться наверх. По летнему времени в вагоне было не протолкнуться, люди сжались, как сельди в бочке. Поступило предложение занять багажные полки. В той электричке полки были новомодные - сплошные, вместо маленьких над каждым купе. На них-то мы и забрались. Так как мы легли по обе стороны от прохода, забитого людьми, то флягу приходилось друг другу кидать, а закуску передавать, положив на лопасти алебарды. Нажрались мы совершенно по-свински - так, что некоторые блевали со своих полок прямо в вагон, а другие были:

Моя, моя - бензопила, бензопила!

Два плюс два, поскорей, отпили мне мяса и костей!

Если выпить достаточно, то пробуждается особенный голос - злой и как будто бы взлаивающий, сумасшедшая помесь рычания и визга. Услышав, что кого-то *перекинуло*⁴⁷, остальные тут же подхватывали:

Ем кишки и кровь я пью! Всё равно тебя убью!

А затем все вместе орал:

А ну давай потрошить, а ну давай потрошить!

⁴⁷ Перекинуло, перекинуться (грибноэльф.) - внутреннее изменение, вызываемое воздействием больших доз алкоголя. Этот эффект сильнее и глубже обычного опьянения, так как при таком превращении от "первоначальной личности" не остается практически ничего. Перекинувшийся впервые человек вынужден заново знакомиться даже с близкими друзьями, у него кардинально меняется моторика и мимика, стиль общения и паттерны речи. Словно бы из ниоткуда возникают побуждения к насилию и погрому, неоправданная жестокость и "недоброе" чувство юмора. Никаких поведенческих блоков у такого существа нет - что позволяет говорить о достижении высшей степени личной свободы. В нашей собственной культуре этот феномен называется "становлением альтерэго", характерным признаком которого является последующая амнезия произошедших с человеком событий. Это напоминает демоническую одержимость, из-за чего приходится проводить жесткую черту между поступками человека и делами его "вложенной сущности". Так что если вы видите в тексте указание, что кто-либо перекинулся, имейте в виду - разница между человеком и его "альтерэго" примерно такая же, как между неизвестными доктором Джекилом и мистером Хайдом.

Мы знали несколько песен “Коррозии” целиком и немного - отрывками, и если уж брались петь, то исполняли все. Но люди, которые едут в утренних электричках, не склонны слушать такую “музыку”. Им мерещатся сонные капустные грядки, укроп и помидорная ботва, до Сатаны им нет дела. Возник конфликт, но не с нами - с верхних полок не хуй делать отбиться обрезками труб, о чём мы сразу же заявили - а с расположенным посреди разъяренного сборища Эриком. Такая неожиданная удача называется “спонтанная провокация”.

Когда мы вышли в Вишере, Эрик был бледен и от негодования весь дрожал. Но Крейзи его сразу же успокоил, сказал:

- У нас люди пьющие, поэтому надо было всё выпить до игры, чтобы потом себя прилично вести. Да и вообще, Эрик, не похуй ли тебе на цивилизов?

На это Эрик не нашелся, что ответить. В этой плоскости для него всё было однозначно - будущему Скаю не было дела до этого вагона, до всех этих пьяных мужиков, до стариков и старух. Сам Эрик был ещё только в Малой Вишере, а душа его уже отлетела. Она парила, извергая огонь и ужас в небесах Кринна, оставив на перроне свою бородатую оболочку. Крейзи воспользовался его рассеянностью, и Эрик забыл, за что хотел нас поругать.

В Бологое мы еще раз удружили Эрику. Мы ехали “на волне⁴⁸”, и в Бологом интервал был около получаса. Кримсон предложил сходить за пивком, а Крейзи остался нас ждать вместе с Эриком. Мы немного задержались, и Эрик, с недовольством поглядывающий на часы, был вынужден выбирать. Ждать нас и упустить волну - или ехать прямо сейчас, но уже без нас?

Крейзи, чтобы помочь ему в раздумьях, повёл вот какой лживый, многообещающий разговор.

- Эрик, а вот мы взяли с собой скобы, проволоку и двуручные пилы. Пригодится это, чтобы строить крепость?

- Да, - ответил Эрик, с сомнением глядя на часы, - пригодится.

- А ящик тушенки нам придется сдать в общий котел?

- Придется, - машинально ответил Эрик, но потом задумался, убрал часы в карман и молча смотрел, как уезжает от перрона грохочущая металлическая “волна”.

Когда мы явились, нагруженные стеклом и закуской, Эрик лично встретил нас на платформе.

- Ну что, - ядовито осведомился он, - любители пива, дождались? Из Москвы мы сегодня выбраться не успеем, ночевать придется у Ленского.

- Как скажешь, Эрик, - смиренно ответили мы.

Нельзя сказать, чтобы ночевали мы у Ленского, по крайней мере, не у Ленского дома. Всю его квартиру на первом этаже так забили разные люди, что наступить было некуда. Поэтому мы сумели отбить несколько раскладушек, поставили их на площадке первого этажа и жили там - пили водку и Элберетовку.

Из-за этого мы не смогли должным образом лицезреть персону Ленского: пообщаться с ним, оценить его тонкую натуру и возвышенный интеллект. Мы и видели-то его всего лишь мельком - один раз дверной проем загородила волосатая груша, а второй раз это было у кухни. Там видели человека, напоминающего раздувшийся у основания холщовый мешок.

На следующий день мы прибыли в Карабаново. Леса здесь отступают, и начинаются поля, скрывающие русло неторопливой равнинной реки. Мы встали с краю полигона, где опушка леса спускается к полю крутым глинистым склоном. На этом месте, объявил Эрик, с завтрашнего дня начнут возводить обширную, мощную крепость. Надвратная башня из бревен будет поддерживать титанические ворота, стена перегородит подъем, а по её краю пойдет узкий штурмовой коридор.

⁴⁸ “Ехать на волне” - пересаживаться с одной электрички на другую, которые отходят с небольшим интервалом во времени. Например, волна: Ленинград - Малая Вишера - Окуловка - Бологое - Калинин - Москва. Выбывание на любом этапе ведет к “потере волны”, между электричками образуются интервалы от двух- до пятичасовых. Движение от Питера до Москвы в таком режиме может занять более суток.

Мы смотрели на опушку с недоумением и не могли понять: откуда выйдет бригада таджиков с бензоинструментом, чтобы воплотить в жизнь эдакие хтонические планы? Оказалось, что бригада таджиков - это в том числе и мы, потому что игра начинается только через три дня, а пока нас ждет ударный коммунистический труд. Эрик мудро приехал за трое суток до начала, чтобы успеть “общими усилиями” возвести свою крепость. Такого долбоебизма мы понять не могли.

Представьте себе июльский лес в Подмоскovie. Поспевает малина, слышны голоса птиц - тихий писк веснички и резкое “фьють” зяблика, с росчерком на конце. К вечеру мир одевается мглой, с полей поднимаются туманные стены. Лес превращается в темный чертог, едва расцвеченный далеким небесным пламенем. Разве есть место посреди этого великолепия суеде с факелами и пилами, трем дням надрыва и солёного пота, великой стройке во имя грядущей войны?

Нет, не нужно думать, будто крепость для игры совсем не нужна. Нужна, ещё как! Где будут без неё сумасшедшие штурмы и затяжные осады, куда будет стекаться охочий до драки народ? Только строить крепости - не работа для воина, у нас не Рим, так что все это говно мы с удовольствием предоставили Эрику и остальным. Но сделали это так, чтобы потом к нам не было никаких претензий.

Сначала мы подрядились заготавливать сухие стволы. Для этого я пошёл на другой такой же участок, где, как мы уже знали, с вечера велись заготовительные работы, и сказал тамошним лесорубам:

- Мы пришли за стволами, нас Эрик послал. Откуда можно забирать?

Мне показали, откуда. Тогда Кримсон пошёл к Эрику и говорит:

- Дай нам людей выносить бревна, иначе мы не успеваем лес валить.

Эрик выделил людей, и мы отвели их к сложенным на первом участке бревнам.

- Вот, - сказали мы, - мы будем в лесу валить и подтаскивать сюда, а вы забирайте. Эрику скажите, чтобы вел учет бревен. Чтобы видно было, как кто работает.

Так мы и расположились в лесу, в грандиозном малиннике, с литровкой Элберетовки и несколькими косяками. В просвет между кустов мы с удовольствием наблюдали, как одни пилят, а другие уносят, умножая счёт заготовленным нами у Эрика в голове бревнам.

Вечером того же дня, путешествуя по окрестностям в пьяном угаре, мы не заметили на пути глубокий овраг. Скатившись по его склонам, мы оказались возле тлеющего костра, вокруг которого с хрюканьем ползали четверо парней. Присмотревшись, мы заметили, что делают они это весьма сложным способом - по горло забравшись в застегнутые спальные мешки. После каждого круга они останавливались, и один из них, высвободив руку, поил своих товарищей водкой из пластиковой канистры. Увидев, что в их овраге прибыло, они живо повыскакивали из мешков и схватились за ножи и топоры.

- Вечер добрый, - поздоровались мы, поднимаясь на ноги.

Один из обитателей этого оврага, рыжий детина, вооруженный саперной лопаткой, подошел к нам почти вплотную. Выражением лица он напоминал бешеную свинью, а наряжен был в горелый “комок”, поверх которого накинута старая кожаная куртка.

- Вы кто такие? - грозно спросил он.

- Зачем вы хрюкали? - вместо ответа осведомился Крейзи.

- А что, теперь хрюкать нельзя? - перебил его рыжий. - Отвечайте лучше, кто вы такие?

- Мы - Грибные эльфы, - ответил Барин, выдвигаясь вперед. - Приехали из Питера.

- Почему грибные? - уточнил наш собеседник.

- Потому что едим грибы, - спокойно объяснил Крейзи. - Псилоцибиновые поганки.

- Ага... - Рыжий на секунду задумался.

Его злые глаза тщательно исследовали нас, будто бы разыскивая одному ему известные признаки. Наконец он закончил осмотр, и его лицо потеплело.

- Меня зовут Дурман, - сообщил он. - А это мои товарищи, клан Порося, - произнес он. - Проходите к костру, выпейте с дороги водочки. Мы вам расскажем, почему мы хрюкаем.

Порося исповедовали схожие с нашими “командные принципы”. Стояли они обычно обособленно и в труднодоступных местах, на самой границе полигона. Снаряжением себя не баловали, полагаясь на круглые щиты, увесистые палки и топоры. Дратся любили и умели, в бой ходили пьяными и владели секретом боевой неутомимости и злобы. Секрет этот заключался в волшебной свинье.

Свинью Порося почитали превыше всего - носили литые кабаньи морды на шее, резали из дерева хряков, рисовали оскал секача у себя на щитах. Обжираясь водкой, они славили кабана во всех его проявлениях: жили в оврагах и грязи, спали на земле и ели желуди. За это их защитник даровал им особенное умение. По их собственным словам, когда перед боем они начинали хрюкать, то рождалось сильное чувство. Оно ширилось, крепло и под конец выплескивалось, искажая яростью и злобой лицо, наливало руки силой и перло наружу тяжким рыком матерого секача.

Порося оказались весьма изобретательны и некоторые вещи называли по-своему, чем нас очень порадовали. Например, мелкие щепочки, ветки и древесную труху для растопки они звали “эпидерсией”. Отсюда возникло понятие - “топить эпидерсией”, но впоследствии это слово обрело дополнительный смысл.

На одной игре, как рассказал нам Дурман, проходившей на берегах Московского моря, Поросям удалось провернуть вот какую шутку. Стояли они в лесу, а неподалеку на берегу кто-то устроил маленький колдовской алтарь. У этого алтаря Порося стали поджидать доверчивых путников.

Они не заставили себя ждать. Первому же подошедшему к алтарю Дурман стал издали махать руками и показывать всяческие знаки. Когда заинтересованный человек подошёл к нему, Дурман с сокрушенным видом сказал:

- Я же тебе показывал, чтобы ты не подходил. Теперь всё!

- Что? - испуганно спросил человек.

- Ты заразился эпидерсией! Через час ты лишишься всех хитов и умрешь.

Человек стоял, усваивая эту информацию, а Дурман гнул своё:

- Меня из мертвятника⁴⁹ сюда поставили, сказали каждого отпугивать жестами, а кто все-таки подойдет, того заражать. Про тебя я теперь сообщу “мастерам”.

- Что же мне делать? - спросил человек.

- Квест, - жестко отвечал Дурман. - Беги со всех ног вдоль берега и дальше - на “мастерскую”. Там скажешь, что у тебя эпидерсия, тебе дадут исцеляющий квест и отпустят с миром. Но по пути ты должен забегать во все города. Всех, кого встретишь по дороге и в поселениях - заразишь, а потом объяснишь, что им делать. Все понял? Ну, беги.

Таким образом он как бы подключился к проведению этой игры и оставил свой след - превратил все мероприятие в однозначную “эпидерсию”.

Пока мы слушали рассказ Дурмана, костер немного притух. Тьма в овраге не на шутку сгустилась, и я решил помочь делу. Из дров имелись только сухие сосновые сучья. Я положил один из них концом на бревно и с силой ударил подошвой ботинка, рассчитывая сразу же переломить. Но не тут-то было - это оказался ядреный сосновый сук, и я только напрасно топнул ногою.

Тогда я собрался с силами и нанес три удара подряд - сверху, высоко задирая колено, чтобы был ход ноге, и всё без толку. Опустив руки, я готовился к следующему заходу. Перед началом я

⁴⁹ Мертвятник (рол. сленг.) - на играх так принято называть огороженную территорию, где содержат условно убитых игроков, отбывающих положенное время до выхода в новой роли. По сложившейся традиции в мертвятниках принято глумиться над новоприбывшими - их заставляют носить воду, готовить еду и выполнять различные идиотские поручения.

глубоко вдохнул, шагнул вперед и силой выбросил вверх правое колено, метя с размаху переломить строптивый сук. Но в верхней точке моё колено неожиданно встретило препятствие.

Крейзи, истолковавший мои предварительные меры как отказ от дальнейшей борьбы, решил поступить проще и положить сук в костер целиком. Для этого он подошел и согнулся над ним, и мое колено со страшной силой врезалось ему в переносицу. Даже если я проживу еще два миллиарда лет, даже если увижу собственными глазами, как падает на землю Луна и как Солнце становится маленьким и красным - я не уверен, что мне представится случай повторить столь же великолепный удар. Все было в нем: радостное усердие, своевременность и молодецкий хруст.

Коварный сук мы положили в костер целиком - из уважения к его темной, склонной к тяжелому юмору натуре. Такие сучья - редкость, а из полена дерева, с которого упал этот сук, папа Карло мог бы сделать Буратино на погибель себе, Карабасу и всем остальным. Мы сидели в его едком, смолистом дыму и пили водку, запивая холодной заваркой из закопченного чайника. Как сейчас станет ясно, это было сравнительно не так уж и плохо.

Как нам позже сообщили, примерно в то же время на “мастерской стоянке” один москвич по имени Сталкер тоже решил выпить водочки. Разыскивая, чем бы ему запить, он нашел полуторалитровую бутылку (как он тогда думал) воды. Начислив себе стаканчик, Сталкер выпил и тут же как следует запил. 92-й бензин из пластиковой посуды не пошел ему на пользу, чего и следовало ожидать - технические жидкости (и то не бензин, а ацетон) без большого вреда для здоровья пьют только самые опытные, матёрые токсикоманы. Остальным же лучше вовсе этого не касаться, а уж если возникла нужда - поступать проверенным способом: лить бензин в пакет и дышать.

Следующий случай произошел с нами во время парада. Перед игрой принято устраивать что-то подобное - там представляют различные команды, а “мастера⁵⁰” делают важные объявления. От нашей крепости до парада идти полтора часа, через дальний мост, по открытому полю и страшной жаре. Всё взвесив, мы решили манкировать парадом и остались в крепости.

Когда все ушли, мы немного выпили и решили получше рассмотреть оружейную стойку - Эрик, уходя на парад, приказал взять с собой только легкие мечи. Остальную снасть - копья, щиты и луки - он оставил, прислонив к специальным подставкам. Мы решили размяться, но нас подвело Эриковское вооружение.

На играх есть такое понятие “хит”, и означает оно разовое попадание оружием по противнику. С этим определением можно поспорить, оно не академическое - зато очень жизненное. Мне удалось невероятное - я проткнул щит, который Кримсон взял из Эриковской оружейки, своим мечом. Стальная труба насквозь прошла хлипкую конструкцию и попала Кримсону в живот. Мы назвали этот случай “снять хит через щит”.

Затем мы также проверили найденные мечи, ударяя ими об мой щит. Ключки и прочая гнилая срань, из которой Эрик и его друзья делали оружие, с треском и металлическим грохотом полупалась об авиационный дюраль и железную окантовку.

Удивившись такой глупой беспечности, мы принялись за копья. Сами мы выбирали колы по следующему принципу: сырой кол берут за тонкий конец и трижды бьют изо всех сил об стоячее дерево. Если кол держит удар, его признают годным. Эриковские же копья мы признали негодными, так как ни одно из них не выдержало этого испытания.

Так как мы хотели избежать конфликта, то составили обломки в стык и сложили обратно в стойку, словно так всё и было. Получилось правдоподобно, и мы остались ждать результатов. Они не заставили себя ждать.

⁵⁰ Мастер, мастера (рол. сленг.) - термин, обозначающий авторов конкретной ролевой игры, а также всех их злобучих помощников: региональных, по мертвятнику, по психоотстойнику, по полигону, по безопасности, по экологии, посредников и других “мастеров”.

Эрик, вернувшись с парада, принялся за запоздавший обед. Пока трапезничали, вышло время ожидания и началась игра. Первые же неизвестные, вышедшие к нашей крепости, были встречены протяжным криком дозорных, тревожным шепотом и суетой. Бросив трапезу, Эрик вышел на стену. Тогда один из чужаков, ряженный в белое жрец Паладайна, поднял руки и громко пропел:

*Сила веков режет плоть облаков,
Свет пробуждается из оков.
Драконья кровь точит тело клинков!*

- Колдовство! - вскричал со стены Эрик. - Я ощутил колдовство!
Многие при этих словах взволновались.
- Спокойно, войско! - обратился к собравшимся Альдор. - Я призову на помощь силу владычицы.
Он вышел на край стены и гнусаво завыл:

*Такхизис дала мне молитву и цепь -
Чтобы господствовать ныне и впредь.
Чтобы из жизни тебя стереть!*

Сказав это, он подал скупой знак войску - взяться за оружие и открыть ворота. Но противостоящего ему паладина эти приготовления не смутили. Он вновь воздел руки, и летнее солнце бросило на его чело свой сияющий луч. Он словно облекся короной из пламени и света, а голос его звучал теперь гулко и раскатисто, словно медная труба. Истинно, он пел и сам не ведал своей силы:

*Свет ярче солнца сияет в ночи -
Замки рассыплются в кирпичи,
Создатель преломит ваши мечи.*

В следующую секунду мы подумали, что Верминаард лишится ума. Он решил посмотреть, успевает ли войско вслед за его приказом - и мы видели, как менялось его лицо. Всё оружие вдруг начало лопаться и разваливаться прямо в руках: ломались пополам копыя, на щитах рвались ремешки, клинки отваливались и соскакивали с рукояток. Альдор смотрел на всё это неподвижно, вжав голову в плечи и лишь иногда бросая быстрые взгляды в сторону пришедшего колдуна. Лицо повелителя Верминаарда в этот момент являло собой маску чистого иррационального ужаса. Так мы и поняли, что владыка он ложный.

Через пару дней мы отправились в боевой поход на ту сторону реки. Там военная удача отвернулась от нашего войска - у самого берега передовой отряд попал в засаду и был практически полностью истреблен. Его остатки рассеялись по лесу, а меня, Кримсона и Крейзи преследователи прижали к реке.

Берег здесь не очень высокий, зато почти сразу же начинается глубина. На другую сторону реки здесь можно перебраться только с помощью небольшого плота. Это хлипкая конструкция из гнилых бревен, которую нужно тянуть к противоположному берегу за веревку. По счастью, на этот раз она оказалась пришвартованной у нашего берега.

Мы с Кримсоном, вырвавшись вперед, прыгнули на плот и принялись тянуть изо всех сил. Мокрый канат больно врезался в пальцы, руки гудели - но между краем плота и берегом появилась и начала стремительно увеличиваться прослойка темной, неторопливо струящейся воды.

Отплыв метра на полтора, мы оглянулись и увидели бегущего в нашу сторону Крейзи. Он немного отстал из-за тяжелой кольчуги, которую одолжил ему для этого похода царь Трандуил. Крейзи неся во весь дух, едва-едва опережая своих преследователей, и с разбега прыгнул на

удаляющийся от берега плот. Как только он приземлился на бревна, плот покачнулся и принялся стремительно тонуть. Только что мы были на поверхности воды, краткий миг - и мы уже по колено, еще секунда - и окажемся по пояс в воде. Увидав такое, мы с Кримсоном повернулись к Крейзи и закричали:

- Прыгай, брат! Прыгай!

- А? - на лице у Крейзи быстрой радугой промелькнули самые разные чувства. - Что?

- Прыгай, брат! - вновь закричали мы. - Прыгай, здесь мелко!

Все произошло слишком быстро, так что Крейзи не успел правильно сориентироваться - послушался нас и прыгнул с плота. Поплыл он, как утюг - сказывался предательский вес Трандовской кольчуги. В следующие мгновение он полностью скрылся под водой. Громкий всплеск, и от Крейзи остались лишь расходящиеся по речной глади круги. Зато наш плот, освободившись от излишнего веса, стряхнул с себя воду, выровнялся и поплыл, как положено.

- Прыгай, брат! - хохотал Кримсон, скорчившись на узком настиле. - Здесь мелко!

В том месте, где Крейзи прыгнул с плота, глубина оказалась около пяти метров. Оказавшись под водой, Крейзи попытался скинуть кольчугу - но тут же понял, что не сможет сделать это достаточно быстро. Тогда он принял единственно верное решение - выходить по дну. В толще воды царит холод и практически полная темнота, но Крейзи все же сумел выбрать верное направление.

Проваливаясь по пояс в цепкий придонный ил, Крейзи стал понемногу продвигаться к ближайшему берегу. Через некоторое время мы увидели над водой его руку, а еще через мгновение над поверхностью воды появился сам Крейзи. На прогулку по дну длиной не более шести метров ему потребовалось чуть более двух минут. Он едва не захлебнулся и весь намок, из-за чего пребывал теперь в некотором раздражении. Но он напрасно озирался - мы с Кримсоном были уже на том берегу.

Застывшая ненависть Солнца.

*“Талмуд, растлитель малолетних
Ебал несовершеннолетних.
И как бы ради баловства
Учил основам колдовства”. “Веселые четверостишья”.*

По осени меня и Барина пригласил к себе царь Трандуил. Он жил на Горьковской в старом фонде, причем в одной из комнат у него был собственный камин. Мы называли эту комнату “каминным залом царя Трандуила”. В тот день Транд созвонился со своими знакомыми сорокоманами⁵¹ и напросился к ним на дачу, отмечать Самхейн⁵².

К слову о сорокоманах. В путях их я не сведущ, но на тот год множество сорокоманов неожиданно влилось в игровую тусовку. Многим это пришлось не по вкусу. Сорокоманы были другими - как войска Македонского, неожиданно вторгшиеся в Китай. Но в отличие от Македонского, сорокоманы сделали это себе на беду. У большинства из них не было не то что нормального вооружения, а даже каких-либо связанных представлений на этот счёт. Зато у них было кое-что другое. Они принесли с собой новое зло - бумажные сертификаты⁵³, игровую магию и глумные наряды.

Сражаться стало попросту невозможно. Какое-нибудь хуйло в лосинах и плаще-занавеске, вооруженный проволоочным мечом и стопкой магических сертификатов приобретал сравнимые с войсковыми характеристики. Это базировалось на ни с чем не сопоставимой “магии” и множестве “хитов”, которые начисляли себе сторонники этого метода. Многих это не довело до добра.

Как стоит поступать в таких случаях? Игровая общественность, находясь под унижительным гнетом сорокоманской экспансии, пришла к простому решению:

“...дуплить подобных деятелей железными трубами, пока у них не кончатся их бесконечные “хиты”. Нарядившихся “в глумное” - дуплить трубами, как и тех, кто вместо нормального вооружения использует всякую гнилую дрянь. “Мастеров” из числа сорокоманов посылать на хуй, а если возникнет недопонимание - без всякой пощады дуплить железными трубами...”

Эти меры признали разумными не только в нашем коллективе. В той или иной мере многие поддержали этот справедливый порыв. Даже некоторые сорокоманы, осознав справедливость подобных упреков, одумались, взяли трубы и отдупили некоторых из своих бывших товарищей.

Тогда же был полностью введен в оборот термин “неуподоблюсь⁵⁴”, изначально обозначающий человека, быть похожим на которого - западло. Позднее этот термин трансформировался в своей глубинной структуре и стал нарицательным, обозначая не просто любое “чмо”, а того, кто

⁵¹ Читатели газеты “Сорока”, поддерживающие практику активной переписки через специальную рубрику. Оттуда вышло некоторое количество приличных людей, но преимущественно сорокоманы - гондоны и полные дебилы, каких еще поискать.

⁵² В христианской традиции праздник сохранился как День Всех Святых.

⁵³ Применяющиеся сейчас для осуществления ролевых игр самописные документы: паспорта игроков, сертификаты на оружие и способности, бланки артефактов и всё остальное, из-за чего поездка на игру становится похожа на визит в паспортный стол.

⁵⁴ “Да не уподоблюсь емуовек” - эти слова было принято добавлять к именам отдельных представителей ролевой общественности, чтобы не оскверниться через их произношение. В связи с ростом числа неуподоблюсь высказывание сократили - ради большего удобства. Например, в случае с Тайбо (ныне он представляется в сети как “Эшма”) говорили: “Тайбо, да не уподоблюсь”. Позднее всех пассажиров навроде Тайбо стали определять просто как “неуподоблюсь”.

обладает индивидуальными особенностями и достоин упоминания в специальных списках⁵⁵. Позднее произошло вытеснение этого понятия более емким словом “толчок”⁵⁶, введенном в употребление московскими Ястребами.

Благодаря Трандовской заботе нас ждал домик в садоводстве, где одна сорокоманка по прозвищу Шестизарядник⁵⁷ вздумала отметить со своими друзьями Самхейн. Трудно теперь сказать, чья это была дача, но точно не Шестизарядника. Теплая компания была представлена ею, неким Коброй, парой его знакомых, девчонкой по имени Крошка Эльф, а также Трандуилом, Энтом, Бариним и мной. К моему немалому удивлению, на той же даче мы повстречали моего бывшего одноклассника, по прозвищу Лан-Вертолёт.

Мы уселись пить за круглым столом, в центр которого поставили для романтики стеариновую свечу. В её желтом, неверном свете мы с Бариним принялись решать внезапно возникшую проблему. Как распить на такую толпу припасенный Коброй литр водки - так, чтобы основная его часть прошла мимо Кобры и остальных?

Барин достал из рюкзака меру⁵⁸ и вызвался разливать. Он откупорил бутылку и стал лить водку в кружку, которую держал в это время на коленях. Так как пламя свечи освещало только середину стола, сколько налил Барин и сколько осталось в бутылке, остальным видно не было. Тут Барин закончил лить и передал кружку сидящему рядом Кобре.

- Небольшими глоточками, чтобы всем хватило, - настойчиво увещевал он. - Не жадничайте!

Кобра отпил немного и передал кружку Транду. Под строгим взглядом Барина тот поступил также - отпил чуть-чуть и передал кружку дальше. А Барин в это время продолжал увещевать:

- Пейте так, чтобы осталось на круг! Не налегайте! Бутылка еще полная!

Он продолжал разглагольствовать подобным образом, пока очередь не дошла до меня. Когда кружка оказалась у меня в руках, Барин кивнул - допивай. Я прикинул кружку на вес - водки там было еще граммов триста пятьдесят. Аккуратно, чтобы не вызвать подозрений, я влил всю эту водку в себя. И ещё долго тряс кружку над головой - словно там оказалось на самом дне.

- Дай сюда бутылку, - попросил я у Барина. - Налью ещё на полкруга!

Мы повторили тот же номер - только допивал теперь Барин.

- И всё? - притворно возмутился он, когда в ответ на требование налить снова я показал ему пустую бутылку. - Как же так?

- А хуй ли ты думал? - недовольно ответил я, кивая в сторону Энты. - Таким-то еблом недолго все выхлестать!

Были возгласы возмущения, споры и много чего ещё - только водки больше не было. Игнорируя ругань, мы с Бариним заняли одну из комнат, постелили себе на кроватях и забаррикадировали дверь. Только тогда мы достали ещё одну поллитру - наш собственный запас. Не спеша распив её, мы пришли в благодушное настроение и приготовились спать, даже не подозревая о нависшей над нами опасности. Первым неладное заметил Барин.

- Послушай, Джонни! - обратился ко мне он. - Отчего такое бывает: голову крутит и железистый привкус во рту?

- Хуй знает... - я поначалу даже растерялся, но потом вспомнил: - Угарный газ!

⁵⁵ Существует “список неуподоблюсь” - в него нами занесены самые глумные, отвратительные, глупые и злобучие ролевики Питера и не только. Мы начали вести его существенно раньше, чем “неуподоблюсь” приняли ответные меры и ввели в обращение “чёрные списки”, куда записывали таких, как мы.

⁵⁶ Толчки (сленг.) - от “толкиенист”. Мы считаем этот термин принадлежащим московским Ястребам, но можем и ошибаться. Значение: крайне пренебрежительная характеристика для специфического слоя ролевиков - любителей одеваться и вести себя несообразно принятым меж людьми понятиям о собственном достоинстве и чести. Можно увидеть таких “юношей-толчков” наряженными в женские чулки и лосины, в одежду из занавесок и вооруженных мечами из штапика и реек. Они не вызывают уважения, а о жалости в то время ещё не слышали.

⁵⁷ Кое-кто знает её под неподобающим ей именем Арагорн.

⁵⁸ Мера (грибноэльфийск.) - металлическая кружка объемом один литр.

- Э-э! - забеспокоился Барин. - Как бы проверить? Во!

Он достал зажигалку, свесил руку с кровати и чиркнул. У самого пола зажигалка уже не горела - не было кислорода.

- Ебать и в гриву и в хвост! - возмутился Барин. - Пойду, выйду!

Он встал с кровати, разобрал баррикаду и вышел на кухню. В течение нескольких минут оттуда было слышно только звонкое:

- Пидарасы вы, что ли? Ебанаты! Дупла бессмысленные!

Потом Барин вернулся, пребывая в заметном раздражении.

- Этот Кобра, он ебнутый! - заявил он. - Набил полную печь дров, закрыл заслонку и сидит перед ней. Дескать, так тепло не будет выходить через трубу!

- А ты что? - спросил я.

- Что, что! Дал ему по еблу, открыл заслонку и окно в кухне, чтобы вытянуло угар.

Мы подождали минут десять, а потом Барин решил проверить: повытянуло угар или нет?

- А-а-а! - заорал он, когда зажигалка отказалась зажегся уже на уровне кровати. - Что за хуйня?

- Погоди-ка, - я вытащил из-под подушки Производственную Травму (сплюсненную кувалдой стальную трубу длиной один метр, с шипованной медной гардой). - Сейчас я всё разрулю!

Когда я вышел из комнаты, моим глазам предстала вот такая картина. Кобра, тупой обсос, расположился на табуретке перед самой плитой и был занят тем, что запихивал в топку очередные поленья. Заслонку и форточку, которые открыл Барин, Кобра снова закрыл, да ещё и приговаривал:

- Этот Барин, верно, сумасшедший! Готов всех тут заморозить!

Я не стал тратить на него слова. Сначала я подошел и двумя ударами Травмы выбил заслонку из кладки - так, что обратно её было уже не вставить. Затем я выкинул заслонку на улицу, прямо через стекло. Затем расширил отверстие Травмой, вдохнул полную грудь ледяного воздуха и повернулся к Кобре. Он как раз собирался встать со своей табуретки.

Предупредив это намерение, я шагнул к нему и ударил в подбородок эфесом Травмы. Этим ударом я опрокинул Кобру с табуретки, а саму табуретку отшвырнул ногой в темноту смежной комнаты. Это было ошибкой. Падая, табуретка упала на спину царю Трандуилу - только-только пристроившемуся ебать девку по имени Мэй.

Царь Лихолесья не стерпел такой обиды. Как и был, полуголый, он двинулся на меня, прикрываясь табуретом, словно щитом. В руках у Трандуила был его меч - Наркофил⁵⁹.

Я увидел это и схватил вместо щита большую плетеную корзину. Завязалась драка, в которой не было победителей, так как Транд с первого же удара попал своим Наркофилом в электрощиток. Изолента на рукояти спасла его от удара током, но свет вырубил везде - даже на соседних участках. В наступившей темноте мы с Бариним вышли покурить на крыльцо. В это время Кобра, обуреваемый жаждой мести, наложил засовы и запер дверь за нашей спиной. Мы оказались в стратегическом тупике.

Попасть в дом мы могли через: эту дверь (но она заперта), окно кухни (но его задвинули шкафом), через окно нашей комнаты (но его придется бить, и тогда у нас будет холодно) и через окно маленькой комнаты (соединенной дверным проемом со смежной, в которой окон нет). Но дверь в смежную комнату забаррикадировал царь Трандуил, разозлившийся из-за случая с табуреткой. Погода стояла леденящая, так что надо было на что-то решаться.

С помощью стамески и молотка мы срубили одну из дверных петель, но этот путь показался нам бесперспективным. Мы слышали, как Кобра изнутри баррикадирует дверь: пододвигает стол, ставит распорки и грохочет мебелью. Вооружившись топорами из сарая, мы поднялись на чердак и стали рубить пол, надеясь десантироваться сверху прямо Кобре на голову.

⁵⁹ Наркофил - от "нарко" и "фил" (греч.) - любить, в данном случае "любящий наркоманов". Меч царя Трандуила, плющенная в кузне металлическая труба с прямой гардой. Назван так за то, что Транд регулярно пиздил им в Красном Селе молодежь, которую считал наркоманами.

Во время работы мы светили себе огарком свечи, установленным прямо на пол. Из-за этого случилось обширное задымление - начало тлеть какое-то мочало или, может быть, пакля, кипами сложенная на чердаке. Из-за густого, смрадного дыма нам пришлось покинуть чердак - хотя мы прорубили уже столько, что можно было просунуть голову. В получившийся проем частично видна была кухня.

Мы спустились с чердака и подошли к окну маленькой комнаты. Через замерзшее стекло мы смогли разглядеть единственную кровать и спящего на ней Лана. А на полу рядом с кроватью был брошен коврик, на котором расположился Энт.

- Бей! - предложил Барин, и я в тот же момент выставил Травмой стекло.

Забравшись через подоконник в комнату, я попробовал дверь - но все без толку. С той стороны её чем-то толково подперли.

- Придержи-ка меня, - попросил Барин.

Я обхватил его подмышки и поднял. Барин согнул колени, подтянул ноги к груди, а затем со страшной силой ударил в дверь обеими ногами. Гулкий удар сотряс дом практически до основания, но опять без толку - дверь устояла.

- Хуй ли тут? - пожал плечами Барин. - Здесь нужен таран!

- Что это вы шумите? - спросил проснувшийся Энт. - Мешаете спать!

- Да они там бухают, а сами заперлись! - ответил Барин. - Нам бы бревно!

- Здесь! - мгновенно просыпаясь, встрепенулся Энт. - Погодите немного!

Энт вылез в окно вместе с Ланом, тоже выказавшим желавшим принять участие в штурме. Через какое-то время они вернулись с толстенной жердью. Она поместилась в комнату только на треть, так что Энту и Лану приходилось поддерживать её снаружи.

- Раз, два, покачали! - скомандовал Барин. - Три, четыре, ЕБАШЬ!

Импровизированный таран ударил ровно в середину двери. Первый же заход, в который Энт вложил немало своей чудовищной силы, полностью сокрушил дверь. Она слетела с петель, от удара расколовшись пополам в вертикальной плоскости. Похожая хуйня произошла и со стоящей прямо за дверью кроватью - у неё лопнули боковины, она перевернулась и развалилась на несколько частей. Царь Трандуил, похотливо сжимавший заголившуюся Мэй, был сброшен этим ударом со своего ложа любви.

Выбравшись из-под придавившего его матраса, Транд, подхватив уже известный вам табурет, размахнулся и изо всей силы метнул его в дверной проем. Я стоял спереди и едва успел разбить Травмой летящую табуретку. Часть лопнувшей конструкции всё равно попала в меня - пребольно осушила по голове и рукам. Так что от следующего табурета, брошенного Трандуилом, я предпочел уклониться. Я спрятался за дверь, а табуретка продолжала свой путь и попала в грудь Лану, забирававшемуся в этот момент в комнату через подоконник. А уже в следующий момент передо мной возник Кобра.

Он был вооружен деревянным мечом - тонкое лезвие и огромная гарда, украшенная искусственным мехом. Я подставил свою трубу под его удар (как в пятой сабельной), а затем ударил Кобру эфесом Травмы в лицо. Второй раз, между прочим, за сегодняшний день.

Основную проблему для нас представлял царь Трандуил - многоопытный, он оторвал дверцу от холодильника и орудовал ею, словно строевым щитом. Он раздавал Наркофилом столь тяжелые и болезненные удары, что мы предпочли не воевать с ним, а обойти его с флангов. Вскоре мы с Баринком укрылись в нашей комнате, оставив позади себя лежащего на полу Кобру, выбитые стекла, поземку и ледяной ветер.

Несколько позже Трандуил сочинил об этом случае песню, в которой есть вот какой куплет:

*В кровать ударило полено
Кто совершил такое зло?
Мне садануло по колену
А Мей до стенки унесло!*

Это были маленькие, как бы комнатные бои. Бои побольше и позднее развернулись этой зимой в Солнечном. Там Эйв и компания устраивали бесчисленные малые игры - прообразы всех будущих однодневок. Для этого они аннексировали детский замок на побережье залива - с каменными стенами в два метра высотой и четырьмя округлыми угловыми башенками.

Игры, которые устраивали в Солнечном Эйв и его друзья, назывались обычно "Город на песке", а переменной была только нумерация. ("Город №1", "Город №2", "Город №3" и так далее). В Солнечном подвизались и другие "мастера" - но "Города на песке" запомнились нам ярче, чем все остальные игры на этом маленьком полигоне.

Приезжая в Солнечное, мы обычно устраивались в одной из угловых башен. Туда не задувает ледяной ветер с залива, там можно спокойно присесть, разлить водку и достать припасенные бутерброды. Случилось так, что на одной из игр к нашей башне подошел невысокий, толстенный человечек с неопрятной русой бородкой.

- Кто у вас главный? - обратился он к Крейзи, который вышел из башенки, чтобы пописать. - Кто главный в вашей команде?

- А... - на секунду задумался Крейзи, а потом лицо его просветлело. - Вы идите в башню, спросите там.

Не ожидая подвоха, незнакомец сунул голову внутрь башни, выпятил нижнюю губу и осведомился:

- Кто здесь главный?

Этим простым вопросом он поставил нас в некоторый тупик. Мы полагали, что несколько парней вполне смогут обойтись в таком деле без "главного" вообще. На хуй он нужен, думали мы? Но толстячок оказался противоположного мнения.

- Кто главный, я вас спрашиваю? - напористо продолжал он. - Долго мне еще ждать?

Вышло так, что прямо напротив толстяка в тот раз сидел Фери. От рождения высокого роста, массивно сложенный, полноватый и добродушный, Фери присел перед входом в башню на своем рюкзаке. Имя "Фери" дали ему товарищи по училищу из-за его любимой футболки с логотипом фирмы "Ferrary". Целиком произносить "Феррари" слишком долго, так что они просто взяли из этой надписи первый и последний слог.

- Зачем тебе нужно знать, кто у нас главный? - спросил Фери, поднимая голову.

- Я организую отряд самообороны, - пояснил незнакомец. - В прошлый раз кто-то украл у моей команды бутерброды и выпил кофе. А в термос окурков напихал!

Фери такое заявление только развеселило.

- Да ну? - спросил он. - Много окурков?

Командир будущей "самообороны" Ферин вопрос проигнорировал. Вместо этого он решил представиться.

- Меня зовут Талмуд, - объявил он. - Талмуд!

Он явно пребывал в уверенности, что его имя должно быть известно! Он не ошибся - про Талмуда мы уже были наслышаны. Нам говорили, что есть такое хуйло, мнящее себя Белым Магом и распространяющее своё учение среди малолеток. По своей сути он напоминал Кота-Фотографа: точно такой же растлитель и ебанат.

Нам говорили, что у Кота с Талмудом несрастухи на почве колдовства - дескать, один из них Черный маг, а другой Белый. Но это вилами на воде писано. Правда заключается в том, что Талмуд нанес Коту-Фотографу смертельную обиду. Просунул свой хуй в святая святых: сманил у Кота из постели его любимую ученицу, Лену Сидорову по прозвищу Сйлщ.

- Толмуд - это что, сокращение от "толстый мудака"? - поинтересовался Барин.

Но когда Толмуд (а иначе мы его с тех пор не называли) повернулся, Барин кушал бутерброд с самым тихим и скромным видом. Будто его вовсе тут не было.

- Кто главный?! - снова возвысил голос Толмуд. - Сколько мне еще здесь стоять?

Его настойчивость перешла всякие границы.

- Я главный! - сознался Кримсон в наступившей тишине. Сказав это, он поднял вверх руку и повторил еще раз: - Это я!

Толмуд повернулся к нему и даже сделал несколько шагов в его сторону, но был остановлен резким возгласом Строри:

- Куда пошел? Поворачивай, главный здесь я!

Толмуд опять развернулся, пребывая теперь в некотором недоумении. На его лице отразилось столь явное замешательство, что я смиростивился и решил ему помочь:

- Эй, ты! - заорал я. - Тебе нужен главный или нет?

После моих слов Толмуд замер посреди башни в совершеннейшем ступоре - не знал уже, к кому повернуться. Его взгляд скользил от одного лица к другому, силясь обнаружить меж нами главного - и не мог!

- Хуй ли уставился? - грубо спросил Барин, подбирая с земли увесистый камень. - У вас чего, своего главного нет? То-то я вижу, вы совсем распоясались!

Этого Толмуд не выдержал.

- КТО ГЛАВНЫЙ?! - завизжал он. - Можете вы мне сказать?

После его крика на секунду повисло напряженное молчание. В этой тишине Гоблин подобрал увесистую палку, поднялся со своего места и отчетливо произнес:

- Главный здесь я! Кто со мной не согласен - пусть подходят за пиздюлем!

- Послушайте ... - попытался было вставить слово Толмуд, но его даже слушать не стали.

- Вот как? - вскричал Строри голосом, полным самой искренней злобы. - Значит, ты главный?! Достаточно я терпел!

С этими словами он подобрал с земли пивную пробку и кинул ей в Гоблина.

- ЧТО?! - заорал Гоблин, увидев такое дело. - Поднял руку на брата?!

В следующую секунду в лицо Строри полетела смятая пачка из-под сигарет. Но попала она почему-то не в Строри, а в Барина. Тот ответил пустой пластиковой бутылкой - а уже через несколько секунд башня наполнилась летающими в беспорядке увесистыми предметами. Причем больше половины из них попадало в Толмуда, занявшего опасную позицию ровно посередине.

В какой-то момент братьям надоело перекидываться всякой дрянью, так что дело перешло к прямому рукоприкладству. Начал это Строри: подхватив с земли увесистую палку, он размахнулся и хотел ударить Гоблина по голове. Но немного промазал - попал Толмуду по шее.

- А-а-а! - заверещал Толмуд. - А-а-а!

Похоже, он только что сообразил: вот кто сожрал у его команды все бутерброды.

- А-А-А! - заорали мы ещё громче, похватав дубье и бросившись в общую кучу. - Кто тут главный?!

На несколько секунд все смещалось - крики, увесистые плюхи и пиздюли. Они сыпались на Толмуда со всех сторон, но все как бы случайно. Наконец мы успокоились, и тогда Фери спросил:

- Толмуд, ты вроде чего-то хотел?

Но Толмуд ничего уже не хотел - прихрамывая, он заковылял по направлению к собственной башне. Но выводы сделал - в этом сомневаться не приходилось.

- Пошёл, пидор, бутерброды стеречь! - объяснил нам Барин, с ненавистью глядя Толмуду в след.

Я кивнул. У меня было свое мнение на это счет:

- На хуй нужны такие игроки? - спросил я. - Которые приезжают, чтобы стеречь оставленную жратву? Чего мы теперь будем есть?

- Не голодать же нам из-за толстого мудака? - спокойно ответил Строри. -Чего-нибудь придумаем!

Солнечное оказалось достойным полигоном - подарило нам множество зимних дней, обернувшихся чарующими морозными вечерами. Словно ледяной магнит, это место притягивало к себе самых разных людей: плохих и хороших, ненавидимых нами и любезных нашему сердцу.

Здесь мы как следует познакомились с нашими будущими соратниками, которым суждено было разделить с нами членство практически во всех “черных списках”⁶⁰. Мы виделись с ними и раньше - на “Кринне-95” в Заходском, но там у нас настоящего знакомства не вышло. Ему суждено было состояться в Солнечном, на однодневной игре под названием “Причерноморье”.

Наша банда записалась на эту игру варягами, а наши будущие друзья - болгарами. Это имя впоследствии накрепко пристало к их коллективу. И, как утверждают некоторые Болгаре, не без нашей помощи. Вот что сами Болгаре рассказывают про историю возникновения своего коллектива (слово Болгарину Гуталину):

- Мы познакомились вот как. Я учился с Гаврилой на одном потоке в Универе, Сокол учился на год старше меня, а Дэд в это время учился в Финеке. С ними всеми я плотно сошелся через организацию под названием “AIESEC”⁶¹. Параллельно Гаврила подтянул в тему Святого Отца и Виконта, своих одноклассников. А я вытащил Сержа и Кузьмича⁶² из нашей дворовой тусовки. Мы пересеклись на “Кринне-95” - там образовался костяк нашего коллектива. Позже, на “РХИ-96” к нам влился Гор, а за ним пришли Дальсар и Боря.

А вот что Гуталин рассказывает об обстоятельствах нашей встречи в Солнечном:

- Тогда вышла массовая драка - Грибные Эльфы против будущих Болгар. Пострадали там буквально все. Нашему Кузьмичу, к примеру, перерубили вены на руке. Да и остальные были немногим лучше. Только Виконт почему-то пребывал в заблуждении, все спрашивал: “Чего это вы все отпизженные, а я один целый?” Тут мы ему и говорим: Витя, да ты на ебло-то свое посмотри! У тебя на лице вон какое фуфло надувается! До того человек вошел в раж, что вообще ни хуя не чувствует!

Так становится видно настоящих людей. Другие (и таких немало) тут же принялись бы скулить - дескать, обидели нас, ни за что посекали! Но Болгаре поступили иначе: утерев кровь и замотав раны какими-то тряпками, они выпили водки и взялись за осуществление мести. В тот день мы пиздились с ними еще не раз, а ближе к вечеру замирились. Прониклись друг к другу взаимным уважением. А оттуда и до дружбы оказалось недалеко.

Но попадались и такие пассажиры, которые нам вовсе не нравились. Наибольшую злобу у нас вызывал один хмырь - Макс Гусев по прозвищу Красная Шапка. Надо понимать, что называли его так только мы сами, а какое он сам себе выбрал имя - про то я не ведаю.

Одевался он в черный плащ и красную фетровую шляпу, за что и получил своё прозвище. Красная Шапка выбирал для себя только самые волшебные роли, связанные со способностью летать, и широко этим пользовался. Сражаться он не желал, зато по злословию мог дать фору кому угодно.

Шапка развлекался тем, что распускал про нас гнусные слухи - мёл такое, что я, пожалуй что, не стану тут этого повторять. Зато другие люди с завидной регулярностью пересказывали нам его слова. Было видно, что Шапка совершенно не следит за своим языком, что немало злило

⁶⁰ О том, что это такое - пойдет речь в главе “Не играйте в наши игры”.

⁶¹ Международная ассоциация студентов, изучающих экономику и управление.

⁶² Имеется в виду Болгарский Кузьмич. Не путать с Бариним (нашим Кузьмичом).

возмущенных этими сплетнями братьев. Отвечать за сказанное Шапка не спешил, уклоняясь от вопросов на эту тему с помощью банального бегства.

Более пятнадцати раз мы пытались его изловить, и все без толку. Шапка отличался просто сверхъестественной прытью. Поймать его не удавалось - его словно черти носили, даже засада на пути к станции не дала желаемых результатов. Проклятый колдун был словно заговоренный. Мы не знали уже, что и делать - так унижительно и досадно нам было бессильно терпеть присутствие Красной Шапки.

Но охранявшие его заклятия держались крепко - каждая новая попытка только добавляла разочарования. Под конец братья, завидев Красную Шапку, начинали бледнеть, хватались за сердце и менялись в лице. Но все переменчиво - и время отмщения все-таки наступило⁶³.

Среди наиболее сомнительных приобретений тех лет стоит вспомнить некоего Лорифеля. Это был выдающийся человек. Первый раз, когда он только появился в Солнечном, мы опасались, что со смеху лишимся остатков ума.

Лорифель взял торцевые щитки от каких-то приборов (белый алюминий с симметричными отверстиями под верньеры) и связал все это веревочками, превратив в некое подобие пластинчатого доспеха. Полноценно двигаться в этой сбруе Лорифель не мог - сильно мешал доспех, но и особой защиты не приобрёл. Алюминий был тонким, словно бумага.

Мало того, Лорифель взял крышку от старого пылесоса “Вихрь” - помните такие, с ручкой, как у современного чайника? На эту ручку Лорифель приклеил красное мочало, а дыру, из которой раньше выходил пыльный воздух, заделал картонным рогом. Облаченный в погнутый алюминий, с торчащей изо лба картонной трубой, Лорифель становился похожим на мистическое существо - Мусорного Единорога.

К этому позорищу Лорифель добавил накидку из занавески и знамя с изображением белой лошади на зеленом поле. Кроме того, Лорифель каким-то образом вовлек “в свою орбиту” около восемнадцати человек и снарядил из них отряд личной охраны. Впрочем, следует отдать Лорифелю должное. Среди своих прихлебателей он был наиболее толковым и сам мог бы их всех охранять.

Теперь представьте, что вы сидите в небольшой башенке. Из старых ящиков разожжен чадный костерок, дым щиплет глаза. Вы кутаетесь в ватник или в шинель, вокруг вас собрались друзья - те, кто подошел выпить рюмку водки и немного согреться. Текут разговоры да пересуды - кому разбили нос, кому на той неделе вывихнули палец, а кому пора бы и по колену осушить. Все мирно и возвышенно - ледяное пиво и огненный спирт выставлены на положенных местах, толстые палки и тяжелые трубы сложены вдоль стены. Ничего не предвещает чего-нибудь необычного.

Но вот - что это? Будто бы пронзительный, высокий звук детского рожка врывается в эту солнечную идиллию. Половина собравшихся оборачивается и не верит своим глазам. В ворота замка, гордо держа по ветру зеленое знамя, входит Лорифель и его глумотворная, вооруженная рейками свита.

Многие, обладающие заслугой терпимости, остановили свой первоначальный справедливый порыв. Зачем судить о человеке по одному только внешнему виду? Хотелось составить мнение о Лорифеле на основании опыта личного общения. К сожалению, сделать этого не удалось.

Выяснилось, что сам Лорифель заслугой терпимости не обладает. Обращаться напрямую к нему оказалось нельзя. Вместо этого его прихлебатели сообщили, что должен сделать тот, кто хочет добиться у Лорифеля аудиенции.

⁶³ Об расправе над Красной Шапкой читайте в главе “Мандыгоновы яйца”.

Сложив оружие и приблизившись к одному из его нукеров на десять шагов, необходимо отвесить поясной поклон (если ты простолюдин) или склонить голову (если считаешь себя благородным). Такой же поклон надо бить на пяти шагах, а потом на трех. После этого следует остановиться и ждать, пока очередной нукер Лорифеля не соизволит с тобою заговорить. Первому обращаться к такому нукеру нельзя, вместо этого лучше еще раз обдумать, что за дело у тебя к повелителю Лорифелю?

Странно, но совсем не нашлось желающих обратиться к Лорифелю в рамках предложенного протокола. Более того, появились недовольные такой отстраненностью нового властителя. В сторону Лорифеля понеслись хулительные выкрики и матная брань, которую он и его нукеры презрительно игнорировали. Все это настолько накалило атмосферу, что Лорифель и все его войско получили пизды в первом же бою. В этой акции обуздания принимали участие мы и представители 4-й центурии Хирда под руководством Дональда Маклауда. Вышло это так.

Лорифель, воодушевленный беспримерной численностью своего войска, вышел из крепости и обосновался у пляжных ворот. Подступив к его армии, мы принялись оскорблять Лорифеля, называя его обсосом и педерастом - так как стало ясно, что ни о какой будущей дружбе речь в этом случае не идет.

Лорифель, стоя чуть впереди, держал в руках тонкую рейку, на которой крепилось его ебучее знамя. Первый удар в этом бою нанес я, устройством под названием “черепно-мозговая травма” (сплюснутым трамвайным поручнем длиной 1,7 метра). Удар пришелся по рейке в том месте, где её держал Лорифель, и послужил двойной цели - перебил флашток и ушиб Лорифелю пальцы.

Затем Барин, прикрывшись щитом, нырнул Лорифелевым прихвостням под ноги. Умело двигаясь на корточках, он принялся вертеться прямо внутри порядков их строя, раздавая жестокие удары по коленям и яйцам своим топором. Топор этот смастерил для Барина я: из каменной резины с беговых дорожек, с ручкой из тонкого ломика, аккуратно затянутого в вакуумный шланг.

Этот маневр смешал ряды бестолкового Лорифелева войска. Они все еще кружили на месте, пытаясь сладить с Бариним, когда удар сомкнутого строя 4-й центурии развалил их скопище, словно колун - гнилое полено. Знамя Лорифеля досталось Маклауду, пополнив его обширную коллекцию добытых в бою, а также похищенных флагов.

После боя Лорифель вздумал обнародовать накопившиеся претензии. Выйдя на лед маленького озера, он стал трясти обезображенной ударом поручня рукой, созывая любопытный народ.

- На этой игре буду либо я, - на все побережье выл Лорифель, - либо этот меч! Или вы его убираете, или я уезжаю! Ну так что?!

Чтобы всем было ясно, о чем он толкует, Лорифель то и дело указывал здоровой рукой на меня и на мою новую машинку. Озвученная угроза, преломившись в призме его собственного восприятия, ошибочно показалась Лорифелю достаточно веской.

- Эй, Лорифель! - обратился к нему я. - Ты это у кого спрашиваешь?

- У тебя! - не удержался Лорифель, еще больше повышая голос и показывая мне свою несчастную руку. - У кого же ещё? Кто всё это устроил?

- Блин, а ты не передумаешь? - переспросил я на всякий случай. - Либо ты, либо этот меч?

- Точно! - удовлетворенно подтвердил Лорифель. - Или убирай его, или я уезжаю!

Он стоял на льду, подбоченившись и глядя на меня с самым свирепым видом. Хотел послушать: что я на это скажу? Но он рассматривал ситуацию однобоко и не ко всякому ответу был морально готов.

- Пошел ты на хуй! - ответил я. - Меч я решил оставить!

Это стало моментом истины в наших отношениях с Лорифелем.

Партийные вечера.

“Стыдно отвечать за собственные проступки. Не отвечать за собственные проступки не стыдно”.
Курсы Молодого Подонка.

В городе в этом году творились не менее интересные вещи. Некто Король Олмер вместе со Щорсом и Ороме Альдароном Валаром (так, во всяком случае, гласила надпись у него на бейджике) устроили грандиозное позорище - Толкиеновский Фестиваль. Местом для этого мероприятия господа устроители выбрали здание одного ДК на Невском, неподалеку от станции метро “Канал Грибоедова”.

Туда набилось куча всякой сволочи, в основном “перумисты⁶⁴” и сорокоманы. Они поделили между собой время семинара, подготовив нескольких лекций, посвященных жутким, отключающим сознание темам. Я рекомендую специалистам, изучающим психологию наркоманов, расщепленное сознание и патологию личности, в обязательном порядке посетить такой семинар.

Время до начала семинара мы коротали на улице - во внутреннем дворике, где прогрессивная ролевая общественность пила пиво и фехтовала на мечях. Мы тоже решили принять в этом участие. С собой у нас было, на всякий случай, два устройства - моя Травма и Гоблиновский правый клинок (обычно он дрался парой). Этот меч называется Слепое Зло (никак не обработанный брусок прессфанеры, с гардой-крылышками и свинцовым яблоком-противовесом). Положив свои клинки на асфальт, мы стали предлагать собравшимся выйти и выбрать один из мечей. А затем сразиться с любым из нас, вооруженным оставшимся. Вскоре нам улыбнулась удача.

Толпа расступилась, и в образовавшийся коридор шагнул длинноволосый юноша в хайратнике, закутанный в светлую занавеску. Он шел важно и с чувством собственного достоинства, исподлбья озирая собравшихся ролевиков. На его рябом лице не было и тени эмоций - только презрение и равнодушная скука.

Мы уже были наслышаны о его подвигах. Его звали Эленелдил, и он сам, по доброй воле, сожительствовал с Лорой в течение целого календарного года. Можете себе представить, как глубоко мы уважали этого воина-извращенца!

Подойдя ближе, Эленелдил скинул плащ-занавеску, оставшись в синей джинсовой паре и рубашке в клеточку. Затем он достал кошелек, вынул сколько-то денег и велел одному из присутствующих сбегать за ящичком пива.

- Чтобы обмыть победу! - громко заявил Эленелдил, после чего поднял с асфальта Слепое Зло и показал им в сторону Гоблина.

Видно было, что Эленелдил больше привык к другому оружию. Он держал меч, словно гимнастическую палку - ухватив сразу за оба конца. Тогда Гоблин поднял Травму, просунул свою лапищу в защиту кисти и взмахнул для пробы несколько раз. После этого он шагнул вперед и ударил Эленелдила сверху. Когда в толпе увидели, что Эленелдил собирается сделать в ответ - многие невольно закрыли глаза, а некоторые даже закричали от ужаса.

Эленелдил выполнил весьма хитрую кату - плавно перетек в новую стойку, поместив клинок прямо у себя над головой. Этот фокус часто показывают в фильмах про ниндзя: меч лежит в чуть приподнятых руках параллельно линии плеч, лишь слегка прикрывая лезвием голову. Вдобавок к этому Эленелдил картинно упал на правое колено. Короче - сделал все, чтобы его башка оказалась прямо на пути Гоблиновского удара Травмой.

⁶⁴ Поклонники творчества “околоролевого” писателя Н. Перумова.

Хрясть! Отбить удар Эленелдил не смог - меч вышибло у него из рук, а стальная труба поставила ему на плешь печать, свидетельствующую о его кренизме. Эленелдила пришлось госпитализировать с разбитой башкой, а нам достался в награду за это ящик пива. Мы спокойно забрали его у Эленелдиловского дружка, пропустившего схватку из-за беготни к ларьку - просто показав ему на лужу крови посередине двора.

- Пора бы и победу обмыть, - объяснили мы. - Уговор дороже денег!

Отмечали победу в туалете ДК. Там спокойно и тихо, можно без паники раскурить. На стене туалета мы нарисовали виселицу, в петле которой болталась дохлая сорока⁶⁵. По ходу дела у нас зашла речь об устроителях этого позорища - Короле Олмере, Щорсе и всей ихней “перумистской тусовке”.

- Выхожу я раз из Дома Книги, и что вижу? - начал Костян. - Навстречу мне пиздует Король Олмер, сам в черном плаще, а на груди корона трезубая нашита. А с ним - кто бы вы думали?

- Кто же? - заинтересовался я.

- Его прихвостень Щорс, а с ним ещё двое в таких же прикидах. И прямо посреди Невского бухаются перед Олмером на колени! Все вокруг так и замерли - люди, машины, всё...

- Ну, а Олмер что?

- Будто так и надо. Потрепал Щорса отечески по щеке, встали они и дальше пошли.

- Дело запущено! - решили мы. - Надо что-то делать!

Для начала мы поднялись в актовый зал. Протолкавшись к сцене, мы немного послушали выступление профессора Барабаша: сумасшедший старик толковал нам про параллели между Гендальфом и Иисусом Христом. Жаль только, что на прямой вопрос: “Значит ли это, что Гендальф был еврей?”, профессор Барабаш не нашелся, что ответить.

К стыду этого корифея Толкиеноведения нужно признать - он не ответил ни на один из интересовавших нас вопросов. Проповедовал он увлеченно, но немного не по существу, а закончил своё выступление просто бесподобной формулировкой:

- Злой Властелин гонит пургу и зной! - сообщил залу профессор Барабаш.

После такого заявления мы решили сами забраться на сцену. Это удалось, хотя нам пыталось воспрепятствовать какое-то хуйло в малиновом пиджаке и с бейджиком “Ороме Альдарон Валар”. Но мне все же удалось подняться на кафедру. Я положил Травму поверх деревянной стойки для микрофонов и начал свою речь:

- Поговорим о любви!

Я начал издали: от любви платонической повел разговор к влечению плоти, а от естественного перешел к обсуждению всяческих отклонений. Говорил я предметно - клеймил собравшихся в зале извращенцами, показывая пальцем на особенно ярких представителей. Но тут выключили звук, а какие-то люди, предводительствуемые валаром Ороме, схватили меня за рубашку и попытались стащить с кафедры. За меня заступились братья, так что вокруг места докладчика мгновенно вспыхнула безобразная драка.

Из ДК мы съездили всего за пару минут до приезда милиции. Задержались мы из-за Короля Олмера, затворившегося от нас в одной из комнат на втором этаже. Мы попытались было выкурить его оттуда, но не сумели. Увидав, что время на исходе, мы удалились - несколько разочарованные, но все же больше довольные⁶⁶.

⁶⁵ Сорока - символ одноименной газеты, а значит, и движения сорокоманов.

⁶⁶ Нам была суждена еще одна встреча с Олмером из Дейла. Об этом читайте в главе “Принц Риск и Рыцарь Белая Кепка”.

Мы проводили время неподалеку - в институте Бонч-Бруевича, занимая под свои нужды любую пустующую аудиторию. Время летело незаметно за небольшими сессиями в настольные игры - словески⁶⁷, которыми нас обеспечивал мой одноклассник по прозвищу Лан-Вертолет.

Его перевели в наш биокласс из параллельного математического, классный руководитель которого, И. А. Чистяков, оказался всамделишным педерастом. Лану этот факт показалось возмутительным, о чем он открыто заявил. Тогда его перевели к нам - от греха подальше.

Однажды наш преподаватель английского сделал Лану замечание в невежливой форме. За это он получил от Лана пинок в живот, из-за чего был вынужден вести дальнейший урок в полусогнутом виде. Возгордившись победой, Лан решил: что подошло учителю, то сгодится и товарищам по классу. Он надеялся, что такая позиция позволит ему заслужить уважение в нашем коллективе.

Я носил с собой в школу нож и резиновую дубинку. Я принялся угрожать Лану этими вещами, пока совершенно не вывел его из себя. Тогда он разбежался и попробовал в прыжке попасть ногою мне в подбородок. Начал он хорошо, но ему помешал Строри. Он схватил металлический стул и ударил им Лана, пока тот был ещё в воздухе. Возможно, именно это стало фундаментом нашей будущей дружбы.

Пробравшись в помещение института, мы шли в первую попавшуюся свободную аудиторию. Там мы расставляли по партам бухло, завязывали проволокой дверь и сидели, покуда нас это не заберет. Но всё пошло прахом из-за одного единственного случая.

Как-то, обпившись пива сверх всякой меры, мы отправились всей толпой в сортир. Я шел последним, так что все кабинки и писсуары оказались уже заняты. Тогда я подошел к единственному рукомойнику и принялся ссать в него. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что кто-то просовывает свои руки прямо мне под струю!

Повернув голову, я увидел пожилого господина в огромных очках. Встав сбоку от меня, он что-то насвистывал и как будто не замечал, что его руки от такого мытья не становятся чище. Ситуация становилась невыносимой, и я не выдержал:

- Ничего, - вежливо спросил я, - что я ссу вам на руки?

Можете мне не верить, но пожилой господин в ответ лишь покачал головой, бормоча себе под нос:

- Ничего, все в порядке.

Это я сейчас понимаю - он подумал, не спрашиваю ли я у него извинения за причиненные теснотой неудобства? Но на тот момент его ответ меня просто шокировал. Я решил перевести беседу в более предметное русло.

- Чухло! - грубо позвал его я. - Ты что, не видишь - тебе ссут на руки! До чего ты дошел!

Наградой за мою прямооту было мгновение напряженной тишины. Взгляд пожилого господина скользнул по моему лицу, а затем метнулся вниз и на какое-то время застыл, прикованный к происходящему. В следующую секунду мужчина отпрыгнул от рукомойника - причем лицо у него перекошилось и пошло красными пятнами. Он мелко тряс руками, держа их на весу и явно не зная, куда их теперь деть.

- Да не беспокойтесь вы так! - посоветовал я. - Держите руки подальше от себя, пока они не высохнут!

- Вы понимаете, что экзамены вам не сдать? - задыхаясь, спросил профессор.

- Понимаю, - спокойно ответил я. - Но вы не слишком-то радуйтесь. Учусь я не здесь.

⁶⁷ Словески (сленг.) - ролевые игры разговорного типа, осуществляемые ведущим для одного или нескольких игроков. Для этого ведущий описывает различные аспекты игровой ситуации в той мере, в какой это потребно, а игроки сообщают ему о своих действиях. По спорным вопросам (например, пулевая стрельба) игрок мечет с ведущим кости, определяя результат по ходу этих бросков.

Я не соврал. К этому моменту я поступил в “восьмерку” - медучилище, где готовят врачей скорой помощи. Но мне стать фельдшером было не суждено.

Первое, что поразило меня в местной системе образования - это неформальное подразделение всех учащихся на три своеобразных “потока”. В первый входили какие-то недолюди - девки-зубрилы, на самом деле стремящиеся стать фельдшерицами и медботы⁶⁸. Их было подавляющее большинство - что-то около восьмидесяти процентов.

Ещё по десять процентов составляла прочая публика - алкоголики вроде меня и опиатные наркоманы. Последние отличались необыкновенной четкостью во всем, что касается распорядка.

Сам я приходил ко второй паре и постоянно видел их сборище. Со взглядами, напоминающими маслянистую пленку на промышленных водоемах, они сидели рядом на крылечке главного корпуса. Они проводили так время до самого обеда: сидели на ступеньках и курили с видом крайнего недовольствия. С каждым входящим они заводили беседу на финансовые темы, а в обед гонец от их кооператива отправлялся на станцию метро “Дыбенко” за порцией маковой соломки.

Когда он возвращался, наступал перерыв - почтенная публика исчезала с крыльца и поднималась на чердак, где у них была оборудована лаборатория. Через час - полтора они спускались обратно и снова усаживались на крыльцо. Там они проводили время до вечера - но теперь уже молча и с довольными лицами.

Я держался тех взглядов, что фельдшером быть не хочу. Вместо занятий я промышлял сдачей крови на специальном пункте, расположенном прямо в училище. За это платили деньги - столько, что если сдать кровь втроем, то хватит на 0,7 водки, на три банки пива “Амстердам Навигатор” и на пачку недорогих сигарет.

Это послужило поводом к формированию так называемых “донорских троек”. В них входили те, кто согласен менять кровь на алкоголь в любых допустимых количествах. Стоило посмотреть, как кучкуются у ближайшего ларька члены таких “троек” - обескровленные, с ввалившимися глазами.

Иногда я посещал занятия, но не всегда и не все. Сложнее всего дело обстояло с латынью - несколько месяцев она была первой парой, а на первую пару я принципиально никогда не ходил. Затем её подвинули, и я решил освоить этот предмет.

Латынь у нас вела слегка экзальтированная дама средних лет. Она дала своеобразный обет: после двух месяцев обучения разговаривать с классом только на латыни, и больше никак. И когда я в середине учебного года первый раз вошел в класс, она развернулась ко мне и что-то быстро и непонятно произнесла. Я не ждал особых милостей, можно сказать, был готов ко всему на свете. Но только не к этой хуйне.

- Говорите по-русски, - предложил я. - Если хотите, чтобы вас понимали.

Ответом мне была быстрая и немного несдержанная латинская речь.

- Что? - снова спросил я. - Слишком быстро, ни слова же не понять!

Тогда наша преподавательница стала говорить медленно и отдельно. Но я не смог уловить не одного знакомого слова, о чем тут же ей заявил.

- Ничего не пойму!

Тогда училка подошла ко мне вплотную и стала вещать, уставившись мне прямо в лицо. Она полагала, что визуальный контакт с собеседником облегчает понимание иностранного языка. Жаль, что на незнакомый язык это правило не распространяется.

- Вы что, русского языка не понимаете?! - взбеленился я. - Мне вашей тарабарщины не разобрать! Какой это язык, узбекский?

Сказал - словно выдернул чеку. Последовало недолгое затишье, а затем грянул взрыв.

⁶⁸ МЕДБОТ (мед. сленг.) - от “МЕДик и БОТаник”. Значение: “ботаник” в белом халате.

- Вон из моего класса! - вмиг вспомнив родную речь, заорала наша преподавательница. - Пошел вон, сволочь!

- Namárië⁶⁹, - попрощался я, и на латынь больше не приходил.

Иногда мне приходилось коротать время, в одиночестве сидя на подоконнике в коридоре первого этажа. В один из таких дней ко мне подошли две пожилые дамы в накрахмаленных халатах, чтобы сделать мне замечание.

- Где ваша шапочка? - спросила одна из них.

- Снимите ноги с подоконника! - потребовала другая.

Меня это не то чтобы удивило - взбесило, это да. Нашли, до чего доебаться!

Положенный халат и шапочку я не носил. Это удел медботов, а я ходил в кенгуре с надписью “Slayer”, черных джинсах и армейских берцах отечественного образца. Кроме того, в тот самый момент я курил косяк, на фоне чего остальные мои прегрешения были не так уж и велики. На этом я и решил сделать акцент в нашей беседе.

- Ничего, - спросил я, даже не думая слезать с подоконника, - что я курю тут марихуану?

Услышав это, одна из женщин спросила с угрозой в голосе:

- Вы знаете, с кем разговариваете?!

Я обожаю этот вопрос, он - мой самый любимый. Ответ на него так и просится, возникает буквально сам собой.

- Конечно! - очень вежливо и серьезно ответил я.

А когда мои собеседницы немного расслабились, добавил:

- С двумя глупыми суками! Которые думают, что успеют добежать до конца коридора!

В училище я творил, что хотел - и чувствовал себя безнаказанно. Появлялся на занятиях я крайне редко, так что преподаватели не знали меня ни по фамилии, ни в лицо. В моей группе меня знали только члены моей ”донорской тройки”. Дамам, которых я спугнул в коридоре, оставалось только гадать - из какой я группы и какая моя фамилия. Это важный принцип, и о нём не стоит забывать.

Но все преходяще: настало время полугодовых экзаменов по сестринскому делу. За три дня до этого я украл в параллельной группе “тетрадь манипуляций”, за отсутствие которой полагается автоматический незачёт. Вклеив титульный лист со своим именем, я ознакомился с содержанием конспекта и понял - мне пиздец. Сдать нахрапом все это невозможно, а учить - не хватит желания и времени. Но я все равно решил попробовать.

На экзамен я пришел совершенно трезвый. На мне был костюм, поверх которого красовался белоснежный халат, а на башку я напялил злобучую положняковую шапочку. Перед самым кабинетом я поинтересовался у собравшихся медботов: кто принимает экзамен? Оказалось, что его принимают директор училища и двое заведующих: по учебной и по воспитательной части.

Я занял место в очереди, а сам пошел освежиться - умыться лицо и выкурить сигарету. Я не знал, что на входе в санузел меня поджидала судьба. Когда я вошел, кто-то схватил меня сбоку - за руки и за горло, а еще кто-то - слегка ударил в поддых. Судорожный вдох - и я набрал полную грудь дыма, который мои товарищи по “донорской тройке” напустили мне в пасть из длинного, смолистого косяка.

- Ну-ка, ну... - предложили мне. - Еще пару напасов!

Дым вошел в меня, рождая специфическое, знакомое чувство. С его приходом нечто в окружающем мире неуловимо меняется. Стены с нарисованными хуями, приглушенный шум за дверью и грязная вода на полу остаются такими же, а вот об экзаменах больше не может быть и речи. Кончилось тем, что мы вышли к ларьку - выпить по глотку водки и пригубить баночку

⁶⁹ Namárië (эльф.) - прощай.

“Навигатора”. Как мне тогда казалось, это не заняло много времени. Но когда я вернулся в училище, перед входом в экзаменационную не было никого. Я властно распахнул двери и вошел внутрь.

Просторное помещение, где я очутился - кабинет сестринского дела. Здесь стоят столики на колесах, заставленные старым медицинским оборудованием, болтаются на “вешалках” кружки Эсмарха, а в углу притаилась резиновая жопа. В конце зала расположен еще один стол, за которым мне мерещились три белых пятна - смазанных, как на неудавшемся фото.

Я почти ничего не видел и не соображал. Мозг работал урывками, спорадически. Оглядев исподлобья кабинет, я наткнулся взглядом на столик со стерильными биксами. Неожиданно у меня созрел план, напоминающий автоматическую программу: приняв его, я ни о чем больше не рассуждал. Схватив столик, я уверенно покатиł его в сторону белых пятен.

Я знаю только одну манипуляцию - “сборку/разборку медицинского шприца”. Для этого следует взять стерильный бикс и поставить его перед собой. Затем нужно снять крышку бикса, перевернуть её и поставить направо от себя. Из бикса мы достаем специальными крючками сетку, на которой лежат разобранные части шприца, и кладем её на перевернутую крышку. Взяв цилиндр шприца одной рукой, другой мы вставляем поршень. Придерживаем поршень мизинцем, а потом набрасываем иглу, которую прихватываем указательным пальцем. И только затем придет черед открывать ампулу с раствором и наполнять шприц.

Я решил удивить экзаменаторов. Быстро вытряся содержимое трех биксов прямо на стол, я кое-как собрал три баяна. Схватив шприцы в одну руку, другой я зажал небольшую ампулу с раствором глюкозы. Задумка моя была такая:

- (1) ловко жонглируя тремя шприцами, я подкину ампулу вверх
- (2) щелчком отобью горлышко
- (3) продолжая жонглировать, наполню шприцы
- (4) прокачу их между открытой ладонью и предплечьем левой руки - наподобие того, как в ковбойских фильмах перезаряжают барабан револьвера

Я действительно верил в свои силы, но немного не рассчитал - подброшенные в воздух два шприца упали на стол и разбились. Когда же я, глупо хихикая, решил щелчком распечатать ампулу, она вырвалась у меня из рук и улетела прямо в “белые пятна”. Сфокусировавшись, я проследил её путь - ампула лопнула над столом у экзаменаторов, обдав их липкой жижей и мелкими осколками. А взглядевшись получше в лица приемной комиссии, я узнал среди них двух давешних коридорных старух. Все это на корню подкосило мою будущую карьеру врача.

Примерно в то же время некто Денис Пузырев вошел в так называемый Революционный Молодежный Союз “Смерть буржуйам!”⁷⁰ и предложил Крейзи принять участие в работе этой организации. Для этого он зазвал Крейзи на заседание профсоюза “Студенческая защита”, в который в качестве отдельной фракции входил указанный выше РМС. Обдумав все хорошенько, Крейзи пригласил на готовящееся заседание меня и Слона.

Встреча проходила в одной из аудиторий Института Культуры: два ряда парт и столик вместо президиума. Там разместились: сам Пузырев, какая-то тощая баба и журналист Щербаков, еще один знакомый нашего Крейзи. Мы посадили Слона на первую парту, сели рядом с ним и стали слушать: о чем будет сегодняшняя проповедь?

К сожалению, это была уже далеко не первая встреча. Во всяком случае, никто не потрудился нам объяснить - что это за союз такой, зачем там студенты и когда революция?

Добрая половина собравшихся была представлена молодыми девками - бледными и с выпученными глазами. От их половины зала выступила с речью одна истеричная особа. Нужно (не уточняя - кому), сообщила она, создать на учебных местах партийные ячейки. Для этого следует использовать уже сложившиеся группы молодежи, объединенные по интересам.

- Есть у вас кто-нибудь на примете? - обратилась она к собравшимся. - Подумайте хорошенько!

Тут я вспомнил, что у меня в училище такие группы уже есть. (Я имею в виду “донорские тройки” и “опиатчиков”). Но сразу же объявить о своем открытии я не решился. Вдруг окажется, что означенные коллективы не нужны революции? Пока я размышлял, девица продолжала свое выступление.

- Одних партийных ячеек недостаточно! - вещала она. - Нужны бутылки с огнесмесью, чтобы жечь иномарки по ночам! Долой буржуев!

Кое-кто в зале после этих слов встал и принялся бешено аплодировать. Но только не мы. Нас здорово смущали “буржуи”, что в те годы ездили на иномарках. Это что - у них жечь машины? Мы были не единственными несогласными. Когда начался подсчет голосов - желающих вписаться в такую “тему” практически не нашлось.

Дебаты зашли в тупик. Был объявлен перерыв, во время которого мы вышли на лестницу, чтобы как следует раскуриться. В скором времени все, кто сидел на нашей половине зала, оказались накурены в говно. То же самое можно сказать о журналисте Щербакове: сидя в президиуме, он всеми силами старался сдерживать улыбку и сохранить осмысленное выражение лица.

Вскоре объявили вторую часть заседания. Нужно было обсудить немаловажные вещи, так как революция была уже практически на носу. Но Слон показал себя реакционером и всё испортил. Сидя в первом ряду и глядя прямо в лицо Щербакову, Слон сделал бессмысленное лицо, выпятил нижнюю губу и промывал гнусавым голосом:

- БУКА! Б-У-У-К-А-А!

Пользуясь письменной речью, нельзя передать атмосферу того потрясающего момента. Революция должна вот-вот начаться, сердца и умы пылают - а один из членов президиума вдруг

⁷⁰ Нынче с помощью сети и-нет можно выудить насчет этого вот какую информацию (цитирую): “Группа под таким названием возникла осенью 1994 года путем объединения группы из семи студентов факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета во главе с Денисом Пузыревым (бывшим Генеральным секретарем маоистской Всесоюзной коммунистической рабочей партии (марксистско-ленинской ВКРП), а в тот момент - председателем Студенческого революционного комитета им. М. Кузнецова), группы из пяти человек, отколовшейся от Всесоюзной молодой гвардии большевиков (ВМГБ) во главе с Алексеем Орловым, трех выходцев из “Ячеек национал-синдикалистского наступления” (группы “национал-большевистского” направления, ориентированной на протофашистский итальянский “национальный синдикализм” 10-х - 20-х гг.) и десяти анархо-толкиенистов из группы “Анархистский шабаш” (“АНАША”). Пять членов РМС “Смерть буржуйам!”, в том числе А. Орлов и Д. Пузырев, вошли в Санкт-Петербургское отделение радикального профсоюза “Студенческая защита” (председатель А. Щербаков), создав в нем собственную фракцию”.

начинает истерически ржать. Все удивленно замолчали, наблюдая за истерикой Щербакова - и тут Слон сработал “на добивание”. Он развернулся к залу и опять произнес, сделав точно такое же лицо:

- Б-У-У-К-А!

Вот тогда и стало видно - кто накурился, а кто революционер. Наша половина зала выпала в осадок, заседание свернули, а мы так и не поучаствовали в намечающейся революции. Зато появилась другая тема.

Перед новым годом Антон Лустберг (хиппи, тусовавшийся в то время в Доме Природы) обратился к нам с интригующим предложением. Среднего роста, с небольшими усиками и аккуратной бородкой - Лустберг производил благодное, безобидное впечатление. Он завязывал волосы в хвост, а на руках носил целую кучу бисерных фенек. Тогда ему было около двадцати трех лет - человек Системы, хиппи с ног до головы.

- В предновогодний период, - вещал Лустберг, - браконьерски вырубается огромное количество елей! Давайте с этим бороться!

По его словам, такой борьбой занимается специальная структура - “Дружина Гринхипп”. Она находится под патронажем ВООП, в питерском отделении которого состоит хороший знакомый Лустберга - Вова Гуцин. Права на свою деятельность “гринхипповцы” получили в Комитете по Лесу, так что в течение десяти дней перед Новым Годом они действуют, как “общественные лесные инспектора”.

Не хотим ли и мы, спросил Лустберг, поучаствовать в этом благородном, хоть и малоприбыльном деле? Помочь делу охраны природы? Мы недолго думали - сказались детские годы, проведенные в Клубе Биологов. Рубят елки, еб твою мать? И с этим можно бороться?! Мы согласны!

Первая наша кампания проходила на платформе “Девяткино”, где Лустбергу выделили помещение под означенные цели. Это оказался бывший милицейский пикет, из которого Тони и начал “устраивать природоохрану”. Появившись там впервые, мы едва не охуели - такие рожи там собрались! Природоохрана в полный рост!

Возглавляемая Лустбергом дружина представляла собой незабываемое зрелище. Подобно тугому комку человеческой гнили, “Гринхипп” вобрала в себя практически весь “системный люд”, обретавшийся в те годы на ролевых играх. Ни одного человеческого лица - кожа, словно выцветшая резина и тусклые, неподвижные взгляды. Настоящие “дети цветов”.

Вдохнуть жизнь в эти руины могла только Дымка - винтовая варщица⁷¹, вконец выжившая из ума. Она выступала в роли моторной лодки, за которой плыла на хлипком плоту вся остальная дружина, бултыхаясь в кильватерной струе от Дымкиного “винта”.

Для осуществления оперативной природоохраны означенных сил было явно недостаточно. Увидев, что “Гринхипп” не справляется со взятыми на себя обязательствами, Лустберг решил рекрутировать для проведения нынешней кампании новые кадры.

Суть работы оказалась несложной. Прикрываясь выданной ксивой, следует доебывать тех пассажиров, у которых будет замечена с собой ель. Кроме ели, у человека должен быть с собой соответствующий документ - купон из лесничества. Если он есть - хуй с ним, а если нет - человека хватают, тащат его в пикет и составляют на него протокол в трех экземплярах. Работают по двум схемам: пикетирование перронов и “челноки” (это когда шмонают по электричкам). Нас, по первости, поставили в пикетирование.

⁷¹ Раньше готовый метамфетамин нельзя было просто взять и купить у охуевшего барыги в соседнем подъезде. Поэтому кое-кто содержал частные лаборатории по синтезу первитина (название отечественного медицинского препарата, содержащего метамфетамин) в домашних условиях. От слова “первитин” происходит название “винт”, а его производители называются “винтовые варщики”.

С кампании того года мне запомнилось два изумительных случая. Мы тусовались на платформе - подальше от пикета, от людей "Гринхипп" и от Дымки, которая то и дело закатывала многочасовые истерики. Её разум, искалеченный метамфетамином, не мог выдержать полноценного общения. Стоило взорвать рядом с ней хотя бы небольшую петарду - и Дымка в корчах рушилась на пол, катаясь из угла в угол и истерически скуля. За этим интересно наблюдать только первые двадцать - двадцать пять раз, но на двадцать шестой это начинает потихонечку надоедать.

Как-то раз я стоял на платформе в легком подпитии, кутаясь в выданный мне ватник. Тут я увидел взрослого мужика, с трудом тащившего здоровенную ель, накрепко принайтованную к железным саням.

- Уважаемый! - обратился к нему я, доставая из кармана ватника ксиву. - Предъяви документы на ель!

- Пойдем со мной, - огрызнулся мужик. - Отойдем чуть-чуть, и я тут же их тебе покажу!

С этими словами он спрыгнул с платформы и споро зашагал через занесенную снегом пустошь. Она тянется от перрона километра на три - в темную даль, к едва различимой черте гаражей. Я пожал плечами и пошёл следом за ним. Отойдя метров на сто, мужик развернулся и с угрозой в голосе произнес:

- Ты чё, не понял? Вали отсюда!

- А то что? - заинтересовался я.

- Лучше меня не зли! - предупредил мужик. - Иди-ка на хуй подобру-поздорову!

- Есть у тебя ксива на ель? - снова спросил я. - Или нет?

- А если нет? - ошетинился мужик. - Что ты мне сделаешь?

- Изыму у тебя ель вместе с тарой, - ответил я. - В данном случае - вместе с санями.

- А это видел? - взбеленился мужик, срывая с руки варежку и показывая мне дулю. - Обьебешься!

Он был пониже, зато заметно здоровее меня, в кожаном зипуне и шапке-ушанке. Мерзлая борода грозно топорщилась - мужик наступал на меня, сжав кулаки. Вряд ли бы я один с ним сладил. Но я был не один.

- Как знаешь, - тихонько ответил я.

Из рукава ватника мне в руку юркнул обрезок железной трубы. Я ударил им мужика вприсядку, целясь по колену. А когда мужик упал, обхватив ногу руками и матерясь - зацепил его сани и побрел с ними обратно в сторону перрона.

- Без протокола! - крикнул я на прощание. - На первый раз.

Второй случай произошёл с братом Гоблином. Он изловил какого-то очкарика в пальтишке и кепочке, с характерным продолговатым свертком.

- Что у вас там? - спросил Гоблин.

- Китайская роза, - нервно ответил очкарик. - Очень редкий цветок.

- А ну, разверни! - попросил его Гоблин.

- Нельзя! - ответил очкарик, подаваясь всем телом назад. - Она холода боится!

- Что ты мозг мне ебешь! - возмущился Гоблин, хватаясь руками за сверток. - А ну, отдай!

- Не отдам! - взвыл очкарик. - Моё!

Но он не с тем связался. Затащив очкарика в пикет, Гоблин уселся за стол, перерезал веревки и открыл сверток. Там пряталась свежесрубленная молоденькая ель.

- На-ка, понюхай! - предложил Гоблин, тыкая елью очкарику под нос. - Зацени, как пахнут розы в Китае!

1996. В сумерках: пограничный эффект.

**КОГДА СЛЫШИШЬ "ЭЛБЕРЕТ"
БЕРИ БЕРЦЫ И БЕРЕТ!**

Чудовище на чердаке.

“Тот, кто внимает сказкам, становится подобен зеркалу, в котором отражается написанное, или огромной пещере, где поселилось гулкое эхо. Сказки только тогда обретают настоящую ценность, когда читатель сопереживает героям, испытывая вместе с ними противоречивые, сильные чувства”.
К. М. Войнутич. “Сказки в национальной культуре”.

Зимой мы поехали ко мне на дачу, чтобы отметить Крейзин день рождения. В однокомнатный бревенчатый дом набилось целая куча народу. Электричества не было, так что мы трапезничали при свечах: съели по шестьдесят грибов, выпили водки и горячего вина. Постепенно стены дома стали сжиматься и разжиматься в такт сердцебиению, вокруг свечей появился переливчатый ореол, а все товарищи перекинулись.

Имелся в наличии ящик вина, и Стори с Гоблином заключили двойственный союз с целью завладеть этим ящиком целиком. Делается это так - один хватает бутылку и начинает пить, а второй защищает, не позволяя остальным отобрать её. Для этого он орудует монтировкой или кочергой, а потом братья меняются - второй пьет, а первый караулит с монтировкой. Это не понравилось остальным братьям, и вспыхнула драка. Она продолжалась, пока имел место предмет спора. То есть пока братья, с пиздюлями отбирая друг у друга бутылки, не вылакали все вино.

В такие моменты удивительно находиться в полутемном помещении. Тебя шатает, во рту вкус водки и привкус вина, в зубах сигарета, а вокруг - сплошной крик, ругань и свара. Мечутся люди, кто-то катается по полу, чадят перевернутые свечи и совершенно ничего невозможно понять. Иногда из темноты выныривает чье-то перекошенное лицо, но на это не стоит обращать внимания. Нечего пялиться на лица, куда лучше следить за руками.

Стори вызвался приготовить кашу. Так как колодец замерз, он поставил на буржуйку целое ведро снегу и приготовился ждать, пока он растает. Но так как Стори был не в себе, ждать положенное время не смог. Прямо в подтаявший снег он бросил соль и крупу, а потом добавил: ложки и вилки, битую посуду, старый ботинок и носки, макароны, мелкие дрова и еще множество всяких незаменимых в каше вещей. Последним он кинул в получившуюся мутную жижу будильник.

Последовали возражения, но Стори действовал с маниакальной жестокостью, защищая свою кашу. Я сам, по неосторожности зайдя в охранную зону, приобрел ножевой порез на боку, а с Гоблином случилось и вовсе невероятное.

Выйдя на середину комнаты с кочергой в руках, Гоблин уселся на стоявший там стул. Этот стул не так давно принес Стори, который встал с него только ради того, чтобы помешать кашу. Увидав на своем стуле Гоблина, бессмысленно таращившегося в его сторону через квадратные очки, Стори потихоньку потянул из-за печи монтировку. Спрятав её за спину, он подошел к Гоблину практически вплотную.

- Удобно тебе, брат? - едко спросил он.

Полагая себя под защитой кочерги, Гоблин на мгновение задумался - какой тут может быть подтекст? В этот момент Стори ударил его монтировкой. Он сделал это так быстро, что защититься Гоблин не успел. С сухим треском монтировка переломила очки прямо у него на носу.

Прошло полчаса, прежде чем этот случай исчерпал себя целиком. Устав от крика, брани и от сыплющихся во все стороны ударов кочергой, я решил подняться на чердак. На всякий случай я взял с собой большой молоток. С ним я поднялся в темноте по деревянной лестнице и оказался перед закрытой дверью, сделанной из фанеры и досок. Когда я отворил эту дверь, то замер, не в силах поверить собственным глазам.

Комната на чердаке вытянутая и повторяет форму крыши: потолок углом, в одном торце прорезано окно, а в другом - дверь. Было очень темно, но я сумел разглядеть неподвижную тень на фоне чуть более светлых стекол. Я вгляделся и пришел в ужас - силуэт был втрое шире меня в плечах! Но не только это насторожило меня, было еще кое-что. На плечах у незнакомца была огромная, с две моих, голова с широко расставленными рдеющими глазами.

Как только я это понял, о природе явления я больше не рассуждал. Вместо этого я метнул в чудовище молоток. Бросок вышел, что надо - такой получается, только когда тело опережает в своих решениях разум. Хлесткое движение рукой - и молоток отправился в полет.

Эффект был весьма неожиданный. Прямо у меня на глазах чудовище распалось на две половины, будто рассеченное по вертикали незримым мечом. Его глаза багровыми вспышками раскатились по полу - и тут же послышался звук бьющегося стекла.

- Ебанный в рот! - потрясенно заявила правая половина чудовища.

- Охуел ты, что ли? - поддержала её левая половина.

Оказалось, что чудовищем были Барин и Стори. За пять минут до меня они поднялись на чердак, встали у окна и принялись курить, облокотившись друг на друга. Их головы на фоне окна я принял за башку чудовища, а огоньки сигарет - за его багровеющий взгляд. Когда я метнул молоток, братья прыгнули в стороны - и монстр распался на две половины, а молоток полетел дальше и выбил стекло.

Разобравшись с чудовищем, мы спустились с чердака. Следующие полчаса мы наблюдали, как Гоблин готовит курицу. Для этого он бросил её в ведро с кашей, но неожиданно передумал. Решил, что в снегу она еще не скоро приготовится. Стори пришел из-за этого в ярость.

- Бросать в кашу можешь, что хочешь! - кричал он. - А вот доставать ничего нельзя!

Но Гоблин сумел настоять на своём. Угрожая кочергой, он все же достал курицу из каши и переложил её в печь.

- Пять минут, - пообещал он, - и она будет готова!

Через несколько минут Гоблин достал курицу из печи. С одной стороны она здорово обгорела, зато с другой даже толком не разморозилась. От неё страшно воняло паленым, обильно сочилась выступившая кровь. Но для нас не было на тот момент предмета вожаденней, чем эта курица.

Еще когда Гоблин клал курицу в печь, по его лицу было ясно - он никому её не отдаст. Поэтому, как только кура вновь появилась на свет, все ринулись к Гоблину, набросились на курицу и разорвали. В возникшей вокруг этого суете Гоблина подстерегла вот такая оказия.

Строри вырвал у него из рук куриную ногу и скрылся с нею ко мне на кровать. Немного света было только возле печи, так что Гоблин вынужден был искать пропажу на ощупь. Он шел согнувшись и выставив руки вперед, пытаясь сориентироваться. Мы со Строри подпустили его поближе, а затем изо всех сил ударили подошвами своих ботинок прямо в лоб. От этого пинка Гоблин упал и какое-то время лежал не шевелясь.

Когда же он поднялся, стало ясно - Гоблин не понимает, кто его на самом деле ударил. В результате пострадал Фери, на свою беду вздумавший подняться с кровати. Гоблин заметил движение в темноте и нанес в этом направлении несколько сильных ударов кочергой. Три из них попали по Фери.

Чуть позже печь погасла, и в доме стало холодно. Мы со Строри захватили для себя одеяло, но полежать под ним спокойно нам не удалось. Только мы раскупорили бутылку наливки, как у меня в ногах кто-то заворочался. Мне пришлось собраться с силами и как следует его пнуть. В ответ я почувствовал не менее сильный пинок.

- Сука! - возмутился я и пнул снова, еще сильнее.

- Да что же это? - поддержал меня Строри, которого тоже пнули, причем не менее сильно.

Мы взялись за дело вдвоем. Несколько минут мы с остервенением работали ногами. Но на каждый пинок мы получали не менее сильный ответ, и даже вместе не смогли подавить этот очаг бунта.

- Да кто же это? - спросил я. - С кем война?

В ответ я получил только несколько сильных пинков.

- Кто это может быть? - спросил у меня Строри. - А ну, посмотрим!

Он сбросил одеяло и включил зажигалку в тот самый момент, когда я нанес следующий удар. В её неровном свете я успел разглядеть, что пинаю не кого-нибудь, а самого Строри. Он вытянул под одеялом ногу, а мне показалось, будто кто-то лезет к нам на кровать.

- Я думал, мы союзники! - возмутился Строри и ударил в ответ.

Это был в точности такой же пинок, как и все предыдущие.

- Я тоже так думал, - признался я. - Мир, брат?

- Мир, - согласился Строри.

Ближе к утру было еще несколько чудесных знамений. Гоблин, которому приспичило поссать, поднялся с пола, какое-то время озирался, а затем подошел и открыл дверь бельевого шкафа. Я и слова не успел сказать, как он начал ссать и обоссал мне весь шкаф, сверху донизу. В свое оправдание Гоблин впоследствии сказал такие слова:

- Не знал я, что это шкаф! - заявил он. - Я думал, что ссу в холодильник!

С утра нас разбудил тревожный звук. Он пробивался из-под слоя каши, заставляя вибрировать и трястись металлическое ведро. Это трезвонил в глубине брошенный еще с вечера механический будильник.

- Каша готова! - удовлетворенно заявил Строри.

Снимал пробу с этого блюда брат Гоблин. Проснувшись совершенно пьяным, он подошел к плите и зачерпнул из ведра рукой. Выловив спутанные шнурки, он меланхолично сунул их в рот и принялся жевать. Но уже через несколько секунд Гоблин с презрением сплюнул все это обратно в ведро.

- Макарончики не доварились, - сообщил он нам и повалился обратно на пол.

Однажды утром я проснулся у себя дома от каких-то звуков, доносившихся с кухни. Что-то позвякивало и шипело, слышались легкие и как будто незнакомые шаги. Это оказался Алекс Добрая Голова. Его пустила в дом моя бабушка, когда с утра отправилась на угол за молоком. Голова не решился меня сразу же разбудить - оккупировал кухню и принялся варить кофе.

Завернувшись в одеяло, я пошел по коридору, ориентируясь на густой аромат "арабики". Утреннее солнце господствовало над железными крышами, его лучи пронзали тонкие занавески и

в беспорядке падали на стол. Свет приобретал насыщенный багровый оттенок, преломляясь в бутылке крепленого вина, которую Алекс поставил на стол. Опрокинув стакан этого пойла, я принялся вникать в то, что излагала мне Добрая Голова.

Понять его было весьма непросто, так как он имеет обыкновение говорить с пятого на десятое, пересыпая рассказ кучей утомительных и никому не нужных подробностей. Но в общую суть я все-таки проник: Добрая Голова открыл для себя мир большого кун-фу.

Недавно, сообщил мне Алекс, он почувствовал, как в нем пробуждаются “асуны”. Это, тут же объяснил он - природные скрытые силы, дремлющие в человеке и ответственные за овладение искусством единоборств. Выпив два бокала вина, Алекс пожелал продемонстрировать мне своё мастерство, но обстоятельства оказались в тот день не в его пользу. Демонстрация “асунов” вышла для него боком, сказавшись на внешности. В тот самый момент, когда Алекс вышел в первую из новоприобретенных стоек, в дверь начали со страшной силой колотить.

Это несколько разрушило очарование, вызвав у меня чувство легкого неудовольствия. Ни хуя себе! Я пью вино, наслаждаясь созерцанием “асунов” - а кто-то колотит в дверь так, что сыплются заточенные между дверями стеклянные банки! Я прошел по коридору, скинул крюк и распахнул дверь.

Прямо перед собой я увидел ворох полиэтиленовых пакетов, а за ними - улыбающееся лицо Слона. Он пожаловал ко мне в гости с целым ящиком портера “Балтика №6”. Когда дверь отворилась, Слон не стал дожидаться приглашения войти. Вместо этого он вышиб меня из дверного проема, словно пробку из бутылочного горла.

- Подвинься, блядь! - проорал он. - Час целый колочу! Глухие пидоры!

Мы расположились на кухне и принялись обсуждать вот какую тему. Что лучше - Алексовы ебучие “асуны” или брошюра про славянские единоборства, на которую ссылался Слон. Разгорелся спор - а портер стал подобен бензину, льющемуся в неокрепшее пока еще пламя.

Голова утверждал, что внутренняя энергия, высвобождающаяся вместе с пробуждением “асунов”, способна творить злые чудеса. С её помощью простой удар открытой ладонью может смять Слоновью грудную клетку, словно лист тонкой рисовой бумаги.

Слон возражал на это так. Безо всяких “асунов”, одной лишь силой благородной воинской традиции древних славян, он берется разбить Алексу всю его паскудную рожу. Портер лился рекой, а спор все не утихал - напротив, близилось рукоприкладство.

В конце концов решено было выяснить на практике сравнительные достоинства обоих подходов. Первым вызвался бить Алекс. Встав напротив Слона, Алекс присел, расставив колени в стороны, вытянул руки вперед и пронзительно завизжал. Видно было, как рвутся из него наружу “асуны”, и как поднимается в его теле волна смертоносного ”ци”. Алекс ударил, как и обещал - открытой ладонью в грудь, но Слону помогли древние традиции и почитание предков.

Алексово “ци” как будто врезалось с размаху в каменный истукан - ударились и отскочило. А в следующую секунду Голова на себе познал ту силу, над которой не так давно насмехался. Оценил всю прелесть русского кулачного боя, с любовью реконструированного по вышеупомянутой брошюре дотошным Слоном.

В этом наставлении, доставшемся Слону во время уличной распродажи, было сказано: “... достойные витязи обязаны с одного удара вышибать из печной кладки по несколько кирпичей”. К сказанному в брошюре Слон отнесся более чем серьезно. Так что если бы Алекс был сложен из кирпичей - ему бы их непременно повышибло. А так Голова отделался всего лишь разбитым носом, сломанными очками и обширной гематомой на половину лица. В падении Алекс своротил шкаф и обрушил на пол старый проигрыватель для винила - “Akords”, если вы такие помните. После этого я решил, что совещание по поводу единоборств затянулось. Пора нам было валить из моего дома.

Мы подхватили Голову и оттащили его к ближайшему ларьку. Там Алекс совершенно утратил волю к победе. Пить он не умел и того, что уже выпил, ему более чем хватило. Голова упал лицом вниз в подтаявший снег и лежал, не подавая признаков жизни.

Мы осмотрели его карманы и нашли немало денег, а самого Голову решили припрятать. Для этого мы схватили Алекса за ноги и поволокли по снегу в ближайший подъезд. Пока мы его тащили, вся одежда на Алексе задралась и сгрудилась на уровне плеч. Полуголый, он являл собой весьма жалкое зрелище.

В парадной мы вызвали лифт, раскатали Алекса за ноги и забросили в кабину. Лифт мы отправили на последний этаж, а сами пошли прогуляться по району. Нам неоткуда был знать, что из-за вывалившегося Головы лифтовая кабина так и останется на девятом этаже. В конце концов бесчувственное тело Алекса было обнаружено бдительными жильцами. Алекс выглядел так дурно, что прибывшие сотрудники милиции направили его на лечение в наркологический диспансер. Почему именно в наркологический, объяснить трудно - но там у Алекса спиздили все, включая верхнюю одежду.

Избавившись от Доброй Головы, мы почувствовали себя гораздо свободней. У Слона даже появилось настроение озорничать. В качестве своей первой шутки он выбил стекла в местном филиале “Общества Слепых”, объясняя - дескать, слепым это будет совершенно без разницы. Они этого, блядь, и не заметят! Вторая его шутка получилась более предметной (предметом шутки послужил здоровенный кусок горбыля).

Неподалеку от моего дома есть овощной ларек. Проходя мимо, Слон заметил, как одна дородная матрона просунула голову в ларек и орет на продавщицу:

- У тебя они все время гнилые! погоди, я найду на тебя управу!

Слон решил преподать этой женщине урок вежливости. Подобав с земли широченный кусок горбыля, Слон размахнулся как следует и ударил женщину по жопе. Эффект был такой, будто в узкое горлышко вколотили широкую пробку. Враз смолкнув, женщина застряла в отверстии ларька по самые плечи.

- Куда лезешь, сука! - послышался из ларька возмущенный голос продавщицы. - А ну, вали отсюда на хуй!

Из телефонной будки на углу мы позвонили Строри и договорились о встрече - на выходе с эскалатора станции метро “Приморская”, где живет Фери. В дорогу мы взяли немало бухла, так что коварная подземка укачала нас и выкинула наверх совершенно обесмыслившихся. Есть несколько уровней алкогольного опьянения, и самый существенный из них - это когда тебя не рады видеть собственные друзья. Сегодня мы со Слоном достигли чего-то похожего.

Я срывал с прохожего шапку, плевал в неё и нахлобучивал ему на лицо - а Слон в этот момент бил несчастному в репу. От Строри мы ждали понимания и поддержки, но оказались неправы - он недавно проснулся, и мир его утра был полон запахов кофе, сигарет и мелодий шансона. Наше же утро было склонно к насилию и погрому. Так что Строри, когда увидел наше настроение, поначалу отказывался идти с нами по одной стороне улицы. Он так бы и шел один, если бы не бутылка наливки, которую мы ему дали.

Фери встретил нас не без некоторых опасений. Он жил в том же доме, что и Барин, в трехкомнатной квартире с видом на трамвайную остановку. Мы частенько собирались у него в гостях, коротая вместе долгую зиму. Но сегодня Фери смотрел на нас с подозрением: плохо, когда гости хозяина не узнают.

Мы были не самыми вежливыми посетителями - а Фери не то чтобы очень радушным хозяином. Если Фери заполнял анкету, то всегда отмечал в ней такие личные качества, как мелочность и жадность. И это были не пустые слова.

Однажды, сидя вечером у него на кухне, мы со Строри попросили у Фери чаю с бутербродами. Фери распахнул холодильник, намазал нам по куску масла на хлеб, а себе сделал бутерброд с сыром, отрезав тонкую полоску от небольшого куска.

- Сыра мало, - пояснил он. - Сам почти не ем, поэтому вам даже и не предлагаю.

Мы переглянулись, но было ясно - усовестить Фери не удастся. На наше счастье у Фери зазвонил телефон, так что он ненадолго вышел из кухни. Строри тут же вынул из своего хлеба весь мякиш, а в получившуюся корку вложил толстенный шмат сыра. Сверху он намазал слой масла, из-за чего снова возникла полная иллюзия куска хлеба. Мне понравилась его затея, и я поступил так же.

Когда Фери вернулся, мы стали упрашивать его дать нам хоть чуть-чуть сыра.

- Ну хоть по кусочку, - умоляли мы, но Фери был непреклонен.

- Сыра мало, сам не ем... - бубнил он, открывая при этом дверцу холодильника.

Он решил сделать еще один бутерброд и съесть его у прямо у нас на глазах. Фери считал, что просьбы голодающих - лучшая приправа к любому блюду. Но тут он обнаружил, что сыра в холодильнике не осталась.

- Где?! - зашипел Фери, вцепившись в дверцы. - Где сыр, суки?

Мы только и могли, что молча показать ему срезы своих "бутербродов". Помню, как испугался тогда за Ферину жизнь: лицо у него почернело, и он только и мог, что сипеть. Такая в нем была жадность!

Это были дела минувших дней, а пока мы прошли в Ферину комнату и расположились на ковре. Мы ожидали Барина, который должен был подойти с минуты на минуту. В его компании любая вечеринка приобретала характерную окраску и имела сокрушительный успех.

Не так давно я и Барин были приглашены в гости к Фери по случаю дня рождения его матушки. Мы поддали больше положенного, и когда свечерело, нас стали выпроваживать вон. Мы полагали себя в силах для этого путешествия, но оно с самого начала не задалось.

Для начала мы спустились в подъезд, выход из которого заделан огромным тусклым стеклом - от пола и до потолка. Через это стекло мы различили силуэт незнакомого мужика, расположившегося на крыльце. Он нам сразу же не понравился.

Барин шел первым и решил игнорировать дверь. Вместо этого он подошел и разбил стекло ударом ноги. В следующую секунду мы с Барином выскочили на улицу прямо сквозь это звенящее облако, прикрываясь от сыплющихся осколков руками. (По счастью, мы остались целы. Не то что Слон, который недавно зачитался умной книгой и прошел через стеклянную дверь на выходе из метро. Упавшим куском стекла ему перерубило разгибатель среднего пальца правой руки. Так что теперь ему приходится помогать себе другой рукой, если ему вдруг вздумается показать кому-нибудь "fuck").

- Слышь, аслица⁷²! - обратился Барин к ошеломленному мужику. - Закурить не найдется?

Мужик не стал дожидаться продолжения, прыгнул со ступенек и побежал. Мы бросились за ним и гнали его целых две трамвайные остановки. До самого "загона"⁷³, где он потерялся от нас среди множества ларьков. Минут двадцать мы искали его, но все напрасно. Тогда мы взяли бутылку водки "Зверь", распечатали её и двинулись дальше.

Есть особенное очарование в ночных прогулках по тому району. Вокруг высятся темные здания негритянских общаг, желтые фонари режут темноту на обособленные участки. Ты как бы постоянно ныряешь - из сгустившихся зимних сумерек в разлитый по асфальту электрический свет.

Сразу же за ЦФТ⁷⁴ мы повстречали еще одного ночного прохожего, который нес в специальном контейнере десяток яиц. Он был похож на полуночного инженера и вызвал неудовольствие Барина

⁷² Так именно Барин и выражался, произнося слово "ослица" через А.

⁷³ Огороженная забором площадка с ларьками на улице Кораблестроителей, напротив негритянской общаги.

⁷⁴ ЦФТ - Центр Фирменной Торговли напротив ст.м. "Приморская".

своим пасмурным, нарочито обывательским видом. Резко сорвав дистанцию, Барин со всей силы ударил ногой по контейнеру с яйцами. Пластиковая сумка распахнулась, а все яйца лопнули и разлетелись по сторонам.

Но атакованный мужчина не растерялся. Резко взмахнув рукой, он ударил Барина открытым контейнером по голове. Там еще оставались остатки битых яиц, поэтому у Барина в волосах осел желток, белок и яичная скорлупа. Довольный своей маленькой мстью, от дальнейшей схватки мужик предпочел уклониться. Бросив контейнер на землю, он развернулся и побежал.

- Держи его! - заорал Барин. - Гоним мышь!

Мы бросились в погоню, но поймать мужика не смогли. Нам помешал экипаж милицейской машины, заметивший, как мы преследуем свою жертву. Благодаря этому мужик спасся, а мы с Баринком провели остаток ночи в местном отделе.

Когда Барин явился, они с Фери первым делом решили избавиться от Слона. Тот совершенно обесмыслился и представлял собой угрозу для помещения. Фери и Барин оттащили Слона на лед Финского залива, и там бросили лежать в нескольких километрах от берега. Они надеялись, что Слон замерзнет или утонет в фарватере, на худой конец - заблудится и пойдет не туда, но все было напрасно. Часа через три Слон выпался на холодке, встал, безошибочно выбрал направление и скоро опять колотил Фери в дверь.

Во избежание осложнений с родственниками было решено из Фериного дома бежать. Продолжать банкет мы намеревались в центре города, в районе "теплой трубы". Все было очень культурно - я немного пришел в себя, Стори еще держался, а Фери только-только сравнялся с немного протрезвевшим Слоном. Но нас подвел Барин - на эскалаторе станции метро "Гостиный Двор" он неожиданно перекинулся. Мы заметили перемену, только когда Барин начал орать снизу эскалатора:

- Все вокруг меня - лохи, пидоры и петухи! - надрывался он, словно труба, и унять его не было никакой возможности.

Когда начинается такой "банкет", хуже всех приходится тому, кто сохраняет какие-то остатки человеческих чувств - немного совести и чуть-чуть понимания. Синее бродилово, охватывающее коллектив, тянет всех в разные стороны - подбивает на хулиганские выходки и склоняет к бессмысленному насилию. Иногда удается избежать конфликтов с законом, но уж если было принято решение ехать в центр - об этом и мечтать не приходится.

На Невском, возле Стены Плача, раньше стоял ларек "Мальборо". Перед ним располагалась высокая урна, и Барин решил этим воспользоваться. Он подошел и начал ссать в эту урну, за чем был замечен нарядом ППС. Но когда наряд поравнялся с Баринком, навстречу им из-за ларька вывернул Слон. Он ссал с противоположной стороны, а как только увидел ментов - сразу же заступил им дорогу. Помогая себе левой рукой, он сложил из пальцев правой "fuck" и сунул его под нос старшему наряду.

- Fuck you, baby! - добавил к этому Слон на словах.

Барину хватило ума скрыться, пока крутили отчаянно сопротивляющегося Слона. Стоял вой и мат, но под конец Слона все же сумели упаковать в машину и направить в трезвяк. Так закончился тот вечер: Слон в трезвяке, а Голова в нарколожке.

Этой весной Кримсон организовал невиданное доселе мероприятие: учрежденное им товарищество выбило аренду на помещение детского сада у нас во дворе. По этому договору товарищество обязалось провести в арендуемом здании перепланировку и капитальный ремонт. В будущем Кримсон рассчитывал открыть в этом помещении несколько магазинов. Попутно он оформил Барина и Фери в своё товарищество на практику от их училища столяров-краснодеревщиков. Он подрядил и других членов нашего коллектива, раздобыл некоторое количество ломов и приступил к перепланировке.

Детсад - двухэтажное здание, по второму этажу которого идет длинный крытый балкон. Территория вокруг обнесена металлическим забором, за которым расположены детские домики, песочницы и кусты сирени. Все разрисовано зайчиками и синими цветами, на окнах - прозрачный тюль и светлые занавески. Атмосфера бестревожного детства еще не покинула это место, опочила на стенах, выкрашенных в нежно-салатовый цвет. Именно это, как объяснил нам Кримсон, мы и призваны исправить.

В первую очередь Кримсон приобрел несколько канистр пива и пол-ящика водки, а Крейзи спонсировал мероприятие коноплей. Штаб мы устроили на втором этаже, в спальне, подвинув к стенам крошечные кровати. Посередине мы установили ту мебель, что изготовили для нас Барин и Фери: вешалку из гнилых досок и кресло из сбитых вместе стульчаков. Отметив как следует начало проекта, мы накинули каски и принялись за дело: ломали стены, поднимали полы, крушили унитазы и выкидывали все это в окно. Во время этой работы произошло несколько любопытных случаев.

Фери прославился меж нами своим весьма специфическим чувством юмора. Когда я, надвинув на глаза каску, дремал в стульчаковом кресле, он подкрался ко мне с совковой лопатой.

- Приколочка! - услышал я сквозь сон, но среагировать не успел.

Тяжелый удар плашмя пришелся в край каски и практически оглушил меня. Часом позже мы выкидывали битый кирпич со второго этажа, а Фери стоял внизу и складывал сцементированные блоки в контейнер для мусора. Тут-то я и решил ему отомстить. Подтащив два куса побольше, я бросил сначала один. А когда Фери нагнулся - сразу же бросил второй. Он полетел вниз и попал бы Фери по каске, не предупреди я его, как в старом анекдоте:

- Фери! - крикнул я, когда кусок был уже на подлете. - Фери!

Фери поднял голову на крик, так что кусок кирпича попал ему в край каски и немало осушил по лицу.

В рамках "плана перепланировки" появилась необходимость снести все стены, кроме капитальных. Для этого нужно было встать на старые ящики и отбить раствор, которым стенная панель крепится к потолку. Тогда её можно будет уронить, опрокинув в соседнюю комнату. Мы именно так и поступали, а когда уронили очередную стену, то неожиданно увидели Барина. Он стоял у противоположной стены с весьма удивленным лицом. Он намеревался пописать и не ожидал, что одна из стен комнаты вдруг с грохотом упадет, подняв целый шторм белесой каменной пыли. Стена тогда не достала до Барина всего каких-нибудь пятидесяти сантиметров.

Потом Кримсон решил завести арматуру, чтобы заварить окна в решетки. Арматуру привезли, но с ней вышел вот какой казус. ВПД, знакомый Кримсона, накурился в сопли и принялся эту арматуру пилить. Мы не отставали от него ни с косяком, ни с ножовкой, и за полдня распилили всю арматуру на куски длиной сантиметров в пятнадцать. Трудно сказать, зачем это было сделано, но все, кто в этом участвовал, получили огромное удовольствие. Потом Кримсон пытался сварить из этих обрезков решетку, но это было себе дороже - варить-не переварить, просто охуеть можно.

Через пару недель такой работы от детсада не осталось ничего. Мы планомерно перепланировали каждую комнату: сломали стены, сорвали рамы и подоконники, оторвали плитуса. Мы разбили сантехнику, проломили полы, снесли все двери и только тогда принялись за остальное - детские домики и прочую лабуду, оставшуюся на территории. Последними мы взялись за ненавистные синие цветы - их замазали кистью, а поверх намалевали поганки и всякие другие, более приличествующие перепланированному помещению надписи.

На исходе двух недель стало понятно: никакого магазина не будет в этом убогом хлеву. Тогда Кримсон нашел каких-то черномазых, которые взяли у него руины детсада в аренду на несколько месяцев - за наличку и мимо каких-либо документов. Эти хачики ненадолго там задержались: до первой проверки с целью выяснения, как проходит капремонт и перепланировка. После этой проверки руины забросили совсем.

Их судьба поучительна - в них стала собираться местная молодежь, та же, что раньше посещала этот детсад и спала в крошечных кроватках. Так же, как и тогда, эта публика продолжала орать и гадить на пол, но вместо молочка и овсянки взялась за водочку и героин. Подвал здания облюбовали районные сатанисты под свою церковь, а на втором этаже поселились репера. Руины простояли заброшенными семь лет, а после этого их снесли подчистую и на их месте выстроили жилой дом. Но фундамент остался прежним, и до сих пор, по слухам, из подвала доносятся стоны и вой, стены сочатся кровью, а на этажах находят использованные шприцы.

Демон по имени Мельхола.

“Слово «подоночно» имеет значение «хитроумно, весело, необычно»”. Курсы Молодого Подонка.

Этой весной брат Гоблин окончательно выжил из ума, до такой степени, что его амбулаторно лечили в клинике имени Бехтерева, поставив диагноз МДП⁷⁵. Нас это нисколько не смущало, благо он был не один такой болезный - пару лет назад я сам пролежал в стационаре им. Степанова-Скворцова пару недель, а после меня туда же угодил Строри. Со мною это приключилось так.

Близилась призывная пора, и мне пришлось решать: отправляться в армию, в дурку или в бега. Поразмыслив хорошенько, я решил отправиться в дурку. В “Приключениях храброго солдата Йозефа Швейка” сказано: “Если вас признали сумасшедшим, то это пригодится вам на всю жизнь...” Руководствуясь этими мудрыми наставлениями, я отправился в районный ПНД⁷⁶ и записался на обследование.

Я сделал так потому, что лучше записаться заранее, до наступления призывного возраста. Тогда сложится представление, будто бы имеет место действительная проблема, и тебя не заподозрят, что ты в самый ответственный момент пришел в дурку и принял “косить”. Не менее важно выбрать, подо что и как именно собираешься симулировать. Не верьте тем ненормальным, которые предлагают, чуть что, вскрыть себе вены и залететь “под суицид”.

Такие фокусы караются весьма жестоко - до полугода на аминазине⁷⁷, после чего “косить” вам больше уже не захочется. Опять же, с ерундой лучше тоже не обращаться - пошлют на хуй за милую душу, и вместо больничных тапочек придется примерять сапоги. Лучше заранее нацелиться на определенный диагноз, а для этого надо понимать некоторые особенности нашей системы психиатрии.

В первую очередь следует помнить, что диагноз зависит не от вашего поведения, а от мнения лечащего врача. Мнение же лечащего врача зависит от учреждения, к которому он приписан. Из этого правила бывают исключения, но в целом оно соблюдается железобетонно - Скворечник ставит всем подряд диагноз “психопатия”, Бехтеревка лепит поверх своих пациентов “МДП”, а Пряжка полагает большинство содержащихся в ней шизофрениками.

Я стал собирать информацию и узнал вот что - в Бехтеревку попасть достаточно трудно, но там хорошая кормежка, на Пряжке здание царской постройки больше напоминает тюрьму, а вот в Скворечнике - парк, трехэтажные корпуса и окна вместо решеток забраны толстыми досками. Взвесив все хорошенько, я возжелал побывать в стационаре им. Степанова-Скворцова и стал симулировать психопатию, так как это самый надежный способ туда попасть.

Это тонкое и интересное дело. Главное здесь - не полагать врачей глупее себя и стараться вести себя как можно более естественно. Со времен Йозефа Швейка психиатрия немало шагнула вперед и симулировать по книге Гашека я вам не советую. На самом деле это делается вот как.

⁷⁵ Аббревиатура: Маниакально-депрессивный психоз.

⁷⁶ Аббревиатура: Психоневрологический диспансер.

⁷⁷ Препарат из группы нейролептиков.

Для начала нужно заслужить расположение врача в районном ПНД. Сделать это достаточно просто, нужно только начать ходить туда и всем надоедать однообразными жалобами. На первый раз вас просто выслушают, на второй - вызовут родителей, с которыми вы должны к тому времени вступить в сговор, а на третий - дадут направление на обследование в стационар. Сделать это нужно хотя бы за год до наступления призывного возраста. Если вы затянете с этим, то попадете на “молодежное” отделение, где сидят врачи от военкомата, и откосить можно только за немалые деньги.

Жаловаться следует так: не могу ни есть, ни спать, ни учиться, ни работать, потому что подвержен постоянным и внезапным переменам настроения. Очень хочу это изменить, но ничего не могу с собою поделать. Чем увлекаюсь? Да так, ерундой - ролевыми играми. Что это? Ну, это когда сознание путешествует в другие миры. В другие миры? Ну да. А ваши родители об этом знают? Знают.

Тут есть несколько тонких моментов. От того, что вы тут наговорите, многое будет зависеть, так что будьте последовательны. Не перегибайте палку, и на провокационный вопрос: “Приходили ли вам в голову мысли об убийстве родителей?” отвечайте “нет”, даже если это не соответствует объективной действительности. Помните, ваша задача попасть на обследование, а не на лечение, что составляет две огромные разницы.

Наша психиатрия - как бритва, и вы должны пройти по самому лезвию. Попасть в дурдом несложно, труднее оттуда выбраться. Если вас признают нуждающимся в содержании в условиях стационара, то только ваш лечащий врач будет решать, когда вас стоит выписывать, и стоит ли вообще. Обжаловать это нельзя, и вы рискуете превратиться в “вечного пациента”.

Наоборот, на вопрос о суицидальных мыслях отвечайте - “да”. Но поясните, что сами вы считаете такие мысли неправильными, что они вас очень смущают. Это обеспечит вам билет в счастливый край, где на завтрак дают рыбный суп, а по пятницам - половинку вареного яйца.

Все начинается с приемного отделения, где у вас заберут все вещи и дадут белые кальсоны по колену, распашонку и старые тапочки. Халата вы пока не получите, зато вас прокатят в карете скорой помощи на отделение. Там вы проведете, при некоторой удаче, четырнадцать дней, а в другие расклады лучше не попадать.

Во время этой поездки я воспользовался невнимательностью санитаров и украл из ящика с инструментами небольшую стамеску. Впоследствии она сослужила мне добрую службу. Я спрятал её под одежду, прижав к телу локтем, и металл успокаивающе покалывал мне кожу все время, пока меня вели по грязным и темным лестницам до дверей отделения. Там меня сдали с рук на руки медсестрам, а они выдали мне матрас, бельё и назначили шконку⁷⁸ в углу смотровой палаты, где обитало еще двенадцать постояльцев.

Смотровой на отделении называется палата №1, потому что при входе в неё стоит кресло, в котором обязана круглосуточно дежурить сестра. На это иногда забывают хуй, но заметно реже, чем хотелось бы. Палата - прямоугольное помещение со стенами, выкрашенными в грязно-желтый цвет и с побелкой на потолке. Пахнет застоявшимся потом, прокисшей едой и табаком, тяжелый дух стоит над рядами одинаковых сетчатых кроватей. Окна забраны толстенным брусом, так, что и голову не высунешь.

В смотровой палате держат первые трое суток, а потом переводят в другую, которая отличается тем, что в ней нет сестринского кресла. В тот же день больной как бы входит в полные права, и ему выдают синий халат.

Распорядок дня очень простой - подъема нет, шконку заправлять необязательно, завтрак, обед, ужин и отбой. Четыре раза в неделю обязательные прогулки в сетчатом загоне напротив отделения. Их устраивают затем, чтобы в это время спокойно шмонать палаты больных на

⁷⁸ Койку, если кто не догоняет.

предмет нарушения режима и обнаружения “дневников сумасшедших”. Это отдельная и очень важная тема.

Тот, кто собирается косить по дурке и не хочет вести “дневник сумасшедшего”, подобен тому, кто собирается без крыльев взлететь или без ложки усаживается за еду. Для всего на свете существуют правила, и не хуй их нарушать. Взялся косить - будь любезен вести “дневник сумасшедшего”.

Такой дневник следует вести нерегулярно и лучше всего по ночам. Все, с кем я обсуждал этот вопрос, сходятся во мнении, что дневник следует вести тайно, пользуясь для этого школьной тетрадь в двенадцать листов. Такие тетради, а также ручки и карандаши можно иметь при себе, не опасаясь обвинения в нарушении режима. Больничное руководство идет на это, чтобы у пациентов оставалась возможность вести подобные дневники.

В дневник не следует записывать никаких фактов, а также нежелательно слишком много рисовать. Он не должен иметь в себе никакой системы, а должен быть весь забит какими-нибудь грустными стихами, которые умные люди подготавливают заранее. По опыту могу сказать, что хуевые стихи - улада для ума проверяющего дневник психиатра. Если вы не подготовились заранее, то неплохие печальные стихи вам может навеять местная кормежка.

Обычно это выглядит так - с вечера в котел засыпают картошку в кожуре и сырую рыбу, а потом варят из этого что-то навроде густого клейстера. Это блюдо подается на всякий случай холодным. На завтрак и во время ужина его именуют “рыба с гарниром”, а на обед клейстер превращается в “рыбный суп”. Так продолжается семь дней в неделю, а к этому подают черный хлеб (зато сколько захочешь) и холодные чайные вторяки без сахара. По пятницам на ужин дают половинку вареного яйца - единственное гастрономическое разнообразие.

Прятать дневник следует не слишком хорошо и обязательно у своей койки. В противном случае может выйти казус, и ваши стихи засчитают другому больному. Лучшее место для этого - под подушкой или под матрасом. За вспоротый матрас вас могут наказать, а спрятанный в ножки кровати дневник найдут необязательно - в зависимости от лени и настроения.

Соседом моим по койке оказался панк по имени Свинья - но не тот известный Свинья, который трахал автобус в выхлопную трубу, а его тезка. Ему частенько подгоняли по веревочной дороге гашиш, так что мы не очень-то скучали. Нам было о чем написать в свои дневники. Здесь я хочу особенно отметить: не стоит опускаться до того, чтобы списывать с чужого дневника или давать свой, чтобы другие списали. На соседнем отделении был такой случай, и ничем хорошим это не кончилось. Лучше все делать самому.

Время в дурдоме тянется медленно и занять его особенно нечем. Единственное развлечение - азартные игры, ставкой в которых служат сигареты (1: 3 против любых папирос) и таблетки, которые некоторым больным назначены, но не нужны, а другим нужны, но не назначены. Из них всех я предпочитал тизерцин. Это удивительное средство, после двух таблеток которого ощущаешь себя так, словно перекурил дурной химки⁷⁹ и тебя начало отпускать. Дополнительно к этому начинаешь прилично тупить, а при ходьбе тебя увлекательно пошатывает.

Именно благодаря тизерцину я смог справиться с самой ответственной задачей всего обследования - психологическими тестами. Я не настолько сведущ в этом вопросе, чтобы всерьез пытаться “расколоть тест на слух”. Слишком много отвлекающих моментов и перекрестных вопросов, многие параметры неизвестны или непонятны, хуй разберешься, как именно и где тебе симулировать. Так что здесь остается только одно - съесть колесо, всецело положиться на интуицию и свято верить, пока отвечаешь: я полный псих. И вести себя нужно соответственно.

Мне повезло, и среди бесчисленных вопросов мне попался подходящий графический тест.

- Нарисуйте свое представление о слове “разлука”, пожалуйста, - попросил меня проводящий обследование врач.

⁷⁹ Алкалоиды конопли, экстрагированные из большого количества второсортного сырья с помощью растворителя и “высаженные” на какую либо основу (обычно на ту же самую коноплю).

Тизерцин во мне подумал и выдал такую картину: детский домик, крылечко в три ступеньки, а на нем сидит безголовый человек. Руки у него сложены на коленях, а голова находится на самом коньке крыши, возле дымящейся трубы. После этого случая от меня вообще отстали со всякими тестами.

Появилось немало свободного времени, и мы совершенно не знали, куда его девать. Мне на тот момент уже выдали халат и перевели во вторую палату, где жил хачик Ренат. В четырнадцать лет он начал много и жадно торчать на черном, но в двадцать лет решил изменить свою жизнь и торчать неожиданно бросил. От резкой перемены разум его помутился, так что Ренат гостит в дурке уже восемь лет. И, как мне сообщили, не собирается прерывать свой визит. Вы получите представление о этом человеке, если узнаете, что Ренат с удовольствием подбирал с пола и ел банановую кожуру, которую мы там специально для него оставляли.

Не все люди на отделении были такие уроды, наоборот - большинство показалось мне разумнее многих из тех, с кем я пересекался на играх. Это было так называемое “синее” отделение, а пациентами были преимущественно бухарики, поймавшие “жирную белку”, наркоманы и другие “сумасшедшие”. Но было и несколько исключительных кадров.

На койке напротив окна жил “контрактер”. Я разговорился с ним и выяснил, что он есть пострадавшая от демонического произвола сторона, а довела его до такой жизни черная магия. Как опытный сатанист, я нашел с ним некоторые общие темы, втерся в доверие и вызнал его печальную историю. Дело было так.

Контрактер еще в отрочестве освоил каббалистическую демонологию, строил на раз-два сторожевые башни⁸⁰, хуярил треугольники проявления⁸¹ во весь пол и в одиннадцать лет вызвал своего первого демона по имени Мельхола. История их отношений весьма запутанна, а сухой остаток такой: уже в зрелом возрасте Контрактер предложил Мельхоло заключить с ним демонический союз. По этому договору Контрактер предоставлял Мельхоло своё тело на восемь часов в день, каждый день, чтобы тот ходил вместо него на работу. Но Мельхола работать не захотел, а предался заместо этого куражам и бесчинствам. Выселить его у Контрактера не было сил, и так у них и повелось - шестнадцать часов в день правит бал Контрактер, а восемь - Мельхола. Так как жили мы в одной палате, то я успел вдоволь наобщаться с обоими, и Мельхола понравился мне значительно больше.

- Мудак ебучий, - охарактеризовал он Контрактера в частной беседе. - Верит, пидарас, что демоны станут за него работать.

- А что за работа-то? - поинтересовался я.

- Да ну на хуй, - отмахнулся Мельхола, но потом все же признался: - Грузчиком на мебельном складе.

Был еще один кришнаит, но он больше ходил мрачный и все ждал, когда же его выпустят. Выпускать его не спешили, так как он прямо заявлял: как выйду, пойду и весь этот “Источник вечного наслаждения” перехуюрю в пизду! Насмерть убивать буду, был он, ни одного живым не выпущу. Так что кришнаитом его следует считать скорее бывшим. Получилось это с ним так.

В ихней секте был заведен такой вот обычай - перед молитвой пить специальное, изготовляемое в самой секте питье. От этого случается озарение и экстатический транс, молитва идет, как надо, а мозг тает и постепенно сходит на нет. Все было хорошо, пока младший брат кришнаита, трэшер, не спиздил у него четыре бутылочки.

Тут то и выяснилось, что питье это не “изначально благое”, как обещали духовные учителя, а дешевый шарабан, от которого брат совсем обезумел, схватил кусок арматуры, бросился на улицу

⁸⁰ Сторожевая башня (мист.) - часть охранного круга для вызывания демонов, ориентированная на конкретную сторону света.

⁸¹ Треугольник проявления (мист.) - узор на полу, в котором воплощаются духи и который служит цели ограничения свободы воплотившихся существ.

и двоих прохожих смертью убил. Его повязали, а заодно с ним и его экстатического брата. В дурке последний немного отошел от поста и молитвы, сбрил вихор, ухватил объективную реальность за хвост и горько восплакал.

- Ну погоди ты, - выл он, сжимая кулаки (а парень он был дюжий), - Свами Хуянда Бхавимудинда! Ответите за брата!

Посреди всего этого вышел у нас вот какой случай. Делать было особенно нечего, и на вес золота ценились карты, шахматы и шашки. Карт было в избытке, а вот единственные шахматы были у сорокалетнего амбала из третьей палаты, наводившего ужас на все отделение. Нам он их никогда не давал, так как был очень груб, сумрачен и нелюдим. За это мы его, конечно, люто ненавидели.

Поэтому, обпившись “помориновой смеси” (то есть раствора из спиртосодержащей пасты “Поморин”), мы составили беспроектный, хотя и опасный план. Предложил его Мельхола, проявив подлинно демоническую смекалку, а исполнил я, так как въебал на эту тему в “двадцать одно”. Дело обстояло так.

Возле трех часов ночи я вынул стамеску из нычки в фановой трубе и прокрался в третью палату. Стамеску я тихонько подложил амбалу в карман халата, а сам залез под койку и начал тянуть на себя шахматы. Сняв их с тумбочки, я швырнул коробку на пол, чем разбудил амбала. Это был самый опасный момент, так как амбал каждого подозревал в крысятничестве и жестоко пиздил всех, кого заставлял возле своей шконки. Я рассчитывал пронырнуть под кроватью на ту сторону, но амбал в момент ока перевернул кровать и бросился на меня. Мне едва удалось спастись и броситься в сторону сестринской, где Свинья и Мельхола в это время обрабатывали сестер.

- Этот придурок из третьей палаты, - пел Мельхола лстивым голосом, - в натуре уже заебал. Постоянно угрожает, а на днях спиздил где-то стамеску...

В этот момент я пронесся мимо этого собрания и бросился в смотровую палату. Мне пришлось изрядно побегать, перепрыгивая через шконки и проныривая под ними, а за мною везде следовал взбешенный моею выходкой амбал. Я разозлил его своими прыжками настолько, что первая же из сестер, которая кинулась его успокаивать, тут же отхватила по еблу. Тогда с восьмого отделения вызвали дядю Мишу и дядю Сашу - санитаров буйного отделения, и амбал был зверски избит, а при нем обнаружили запрещенную режимом стамеску. За все это он был связан, исколот аминазином и из нашей жизни и с отделения исчез. Пока это происходило, кришнаит беспрепятственно спиздил из третьей палаты валяющиеся без дела шахматы.

Чтобы отметить победу, в нашем распоряжении были следующие средства: таблетки, гашиш и чифирь (опытный кришнаит готовил его, спустив с плафона в кружку бритвенные лезвия с подведенными к ним проводами), а также “помориновая смесь”. Чтобы её приготовить, берут пасту и льют её в бутылки из-под лимонада, по четыре тюбика на баллон. Все это заливают водой, болтают, дают отстояться, а потом процеживают несколько раз через простыню. Получается белесая жижа около тридцати градусов крепости, со вкусом и запахом зубной пасты. Она так отвратна, что “Красная Шапочка” или “Льдинка” по сравнению с нею - словно шербет. Пасту в таких количествах приходится воровать или выменивать у больных на курево, зато она шибает по мозгам не хуже самогона, плюс дает острый токсический эффект.

Обпившись этого пойла, мы принялись скакать на сетках кроватей - желтые стены качались в такт нашим прыжкам, мы были счастливы и беспечны. Тем более неуместными показались нам слова дежурной сестры, которая вошла в палату, уперла руки в боки и начала на нас орать:

- Да как вы себя ведете? Где вы находитесь?

Вот уж действительно, подумал я - где же это я нахожусь?

Следующим в Скворечник загремел Строри. Так как он не слушал моих мудрых советов, то попал прямиком на “молодежное” отделение. Обычаи там сильно напоминают армейские, с той только разницей, что причитающиеся за два года пиздюли там пытаются раздать за четырнадцать дней.

Человека, попавшего на молодежное отделение, как объяснил Строри, первые три дня просто пиздят. Это сопряжено с проживанием в смотровой палате и положением человека, лишённого права носить синий халат.

Возмущенный такой несправедливостью, Строри выступил как борец с засильем дурных обычаев и дедовщиной. Так как, в отличие от армии, никаких серьёзных традиций на “молодежном” отделении нет и быть не может, то и терпеть дедовщину в своем отношении Костя нашел совершенно излишним. Права “старослужащих” показались ему недостаточно обоснованными.

- Ни хуя себе! - возмущался он. - Чтобы меня пиздили, и главное, кто? Люди, которые только и имеют заслуг, что пролежали в дурдоме на несколько дней дольше меня!

Объединившись с другими новоприбывшими, он устроил переворот, в ходе которого многие фальшивые “старослужащие” оказались избиты, а другие были вынуждены пересмотреть права молодых. Ареной для этих боев послужило помещение туалета.

Расправившись с лжедедовщиной и получив синий халат, Строри занялся своим любимым делом - начал проповедовать перед публикой покрепче идеи собственного сочинения. Он говорил о недопустимости насилия над личностью и о каре, которая постигнет тех, кто допустит такое насилие. Им были предложены несколько акций возмездия, а по их завершению всем отделением полностью заправляла Строрина клика, нарушившая все условности: лжесубординацию и выслугу лет.

Пока это было возможно, Строри агитировал за то, чтобы пиздить тех, кто лежал дольше него и его новых товарищей. Тех, кто допустил возникновение несправедливости и дедовщины. Когда же сроки обследования у этих людей истекли, Строри пересмотрел государственную политику и сам установил такую дедовщину, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Более того, он повел себя мудро, вступив в перекрестный сговор с администрацией. Так Строри получил доступ на “белый пищеблок”⁸² и “право свободного выхода”⁸³. А за это понуждаемые его кликой остальные пациенты были обязаны с завидной регулярностью до блеска пидорасить стены, посуду и пол. Дошло до того, что самого Строри к концу его “смены” даже в столовую носили прямо на кровати четверо молодых.

Мы с Бариним, беспокоясь о его судьбе, собрали ему худо-бедно разных подгонов - но Строри ничего у нас не взял. Напротив, он принял нас у себя в палате, где угостил обедом, вином и различными фруктами. Оказывается, он неплохо поднимал в карты, а также имел дань с того, что присылали прочим пациентам их родственники. Курил он только сигареты и вообще жил так, что ему вполне можно было бы позавидовать.

Сам он настолько не хотел уходить с отделения, что даже заслал кое-какую мзду за еще одну неделю обследования, пролежав вместо положенных четырнадцати двадцать один день. Он стал на “молодежном” более чем “старослужащим”, но жил слишком широко и не вел “дневник сумасшедшего”. Поэтому на исходе трех недель его вышвырнули из дурки с диагнозом “совершенно здоров”. Уходить он не хотел, и его пришлось гнать с отделения охране больницы.

Когда я упрекнул его в таком неумелом “закосе”, он только рассмеялся мне в лицо.

- Что? - удивился он, выслушав про мой метод. - Две недели жрать баланду и кропать дрянные стихи? Правильно тебя признали сумасшедшим! Поделом!

⁸² “Белый пищеблок” - раздаток для питания персонала, где “рыбного супа” ищи днем с огнем. На белом пищеблоке очень даже цивилизованное питание, не в каждом доме так кормят.

⁸³ Все двери на выходе с отделения закрываются пружинными замками с поворотной ручкой, но сами ручки сняты, оставлены только штырьки. Нужно иметь специальный ключ или такую ручку, чтобы входить и выходить. Таким правом обладают только самые доверенные больные, так как оно полностью меняет условия содержания. На отделении рыбный суп и вторяки, а в двух минутах ходьбы метро “Удельная” - пиво, шаверма и продовольственные ларьки.

Лориен цветущий.

“Есть такое понятие - “разделяемая реальность”, а на деле это значит вот что. Если новый человек поселится в отдаленной деревне и объявит местным жителям: “Я - эльф!”, то его словам вряд ли будет придано много значения. Вполне вероятно, что на его голову посыплются насмешки, а, может быть, даже и пиздюли. Местные старожилы, перемывая ему косточки за чекушкой ароматного самогона, примутся судачить между собой: “Послухай, Митроша - да кем он себя мнит?”

Другое дело, когда с таким заявлением выступают полсотни вооруженных ружьями мужиков. К их словам необходимо будет прислушаться, а не то на скороспелых поминках местный поп только руками разведет: “Предупреждали ведь - не смейся над эльфами. Вот и убили, пусть земля ему будет пухом!”
Elvenpath.

Альтернативу в этом году отмечали в тех же местах - в лесах под Лугой. Это была уже четвертая Альтернатива, которую провели здесь, а бывали мы тут достаточно часто, не только на Первомай. Леса здесь смешанные и растут не на ровном, а карабкаются по крутобоким холмам. Русло реки пронизывает эти холмы, обнажая стены из белого песчаника, деревья оплетены диким виноградом - здесь юг области, и тут нет ничего похожего на суровую природу Заходского или Каннельярви.

Места, которые мы облюбовали - северный, низкий берег Ящеры, примыкающий краем к землям ландшафтного заказника “Мишинский мох”, проще говоря - к исполинскому болоту. Местность здесь еще достаточно высокая, но в низинах уже стоит вода, а по распадкам бегут ручьи, питающие Ящеру.

Весной, когда только-только распускаются папоротники, а на деревьях появляются первые нежно-зеленые листья, этот край - словно уголок из волшебной сказки. Солнечные копья падают сквозь высокие кроны, журчат ледяные ручьи, и весь мир исполнен чистоты, свежести и благодати.

После целой зимы в городе, посреди бетонных джунглей и ревущих машин, застывших от водки и злобы, мы приезжали сюда. Жизнь в мире людей наполняет разум пустым шумом: тысячами телепередач и радиовспышек, чужими мыслями и бесполезными разговорами. Множество людей окружают тебя, их внимание цепко - они хотят все знать и сами щедро делятся отравой повседневной информации. Пласт за пластом она ложится в копилку разума, и к весне в ней может не остаться места для волшебства. Обычаи и устремления мира людей займут все жизненное пространство, и тогда ты утратишь душу и станешь, как все.

Пусть вас не удивляют подобные рассуждения. Мы надглумились над столькими колдунами, что успели запомнить: только начини всерьез рассуждать про пути волшебства, как добрая половина слушателей воротит нос, другие смеются, а иногда рассуждающего могут просто взять и отпиздить. Но волшебство в этом вовсе не виновато.

Виноваты в этом те, кто неправильно его понимает. Есть такие, изуродованные колдовством - трясуны и сектанты. Они готовы часами говорить про свои убеждения и обещать невероятное, но их слова лишь дым, за этим ничего нет. Люди взрослые и опытные вам скажут совсем другое.

Не во всякий день и не в любой кампании зайдет такой разговор. Часто обстоятельства не позволяют вести такие беседы, и даже те, кто что-либо знают, предпочтут промолчать. Но водка развязывает даже самые косные языки, и тогда можно видеть, как нить памяти извлекает на свет тайные, глубоко спрятанные алмазы - живой перечень удивительных и страшных событий.

Никто не вспомнит об этом посреди сытой повседневной жизни, но чем твоё существование опаснее и беспокойней, тем больше ты можешь припомнить разных впечатляющих случаев. Здесь - чудом ушли от ментов, там - как по волшебству подняли денег. Кто-то нелепо умер, окруженный родственниками и семьёй, а кто-то остался цел в сумасшедшей свистопляске кровавого блудняка. Стреляют со стены ружья, заточенные топоры оказываются не в силах прорубить кожу на голове, бредовые сны исполняются и становятся кошмарной явью. Облака предупреждают об облавах и засадах, и навсегда меняются люди, пошедшие прогуляться вечером по обычному лесу.

Такое колдовство очень далеко от описываемого в магических книгах. Его не добыть путем придуманных сектантами обрядов, не посадишь в бисерный амулет, но оно существует и определяет - кому фарт, а кому беспонт, кому жить, а кому умереть. И оно, как и все на свете, бывает доброе, а бывает злое. Его меньше в городе и гораздо больше в лесу, и вы поймете, о чем я говорю, вот на каком примере.

Представьте себе охотников в тайге - людей тяжелых на руку и суровых. Биоэнергетика для них - блажь, экстрасенсорика - хуйня, астролог заработает на них разве что полмешка пиздюлей, и над любым изнеженным городским "магом" они в лучшем случае станут смеяться. Но они не станут глумиться, увидав над лесом облако странной формы, или когда ветка упадет поперек их дороги. Никто не станет смеяться над тем, от чего может зависеть удача.

И, как и всё на свете, волшебство бывает очень и очень разным. Есть места, где привычный мир отступает, где исчезают из сознания асфальтированные проспекты и кирпичные дома, где само течение времени воспринимается совсем по-другому. Всю зиму ты можешь провести в городе, предаваясь куражам и бесчинствам, почернеть от пьянства и совсем потерять представление, зачем на свете живешь. Может одолеть среда, и тогда в голове поселятся назойливые призраки из мира людей - Учеба и Работа, Семья и Отдых, Государство и Религия. Они станут бормотать, смущая разум и разъяняя, какие твои жизненные цели и чего тебе можно, а чего нельзя. С ними приходится советоваться, если живешь в городах, так как без них трудно устроиться в окружающем мире, но эти призраки взимают высокую плату. Они занимают весь ум, и на волшебство не хватает желания и времени.

Некоторые забывают оставить их дома, поэтому и в лесу продолжают быть горожанами. Леса для таких людей - промежутки незастроенной земли между крупными мегаполисами, и, даже будучи одни, они остаются скованными нормами государственных правил и уложений. Неудивительно, что такие люди не любят бывать в лесу - зачем? Их призракам скучно здесь, а сами они лишены привычных удобств.

Но есть и такие, для кого государство заканчивается там, где перестает быть видно последний электрический фонарь. Темнота лежит между деревьями, глаза больше не видят четкости геометрических форм, и следом за ними сбрасывает оковы привычного мышления разум. Мир людей, города и миллионы сограждан исчезают, телевидения больше нет, в один момент исчезает милиция и обнуляется УК, и через двадцать метров невозможно будет сказать, есть на этой планете еще кто-нибудь, кроме вас и ваших товарищей. Все прогрессивное человечество просто сгинет, и тогда словно приподнимается чудовищный пресс жестко зафиксированных представлений. В темноте между стволами растворятся социальные установки и материалистические концепции, мир людей мигнет и исчезнет, а освободившееся место займет древнее колдовство.

Понятно, на этом месте кое-кого может одолеть здоровое недоверие и скептицизм. Дескать, были мы в лесу и ни хуя подобного не видели. Неудивительно. Чтобы все было так, как описано выше, понадобится целая куча наркотиков и особый подход. На одних только наркотиках вы далеко не уедете и не попадете в волшебный мир, а без них рискуете впустую потратить время. Это две стороны одной и той же монеты - без волшебства вы будете просто наркоманом, застрявшим в лесу, а без наркотиков заскучаете и увидите гораздо меньше интересного. Башку для таких предприятий должно скрутить начисто, встряхнуть и поменять всю начинку. Иначе нечего и браться за волшебные путешествия.

Если вас посещают какие-то сомнения, дескать, целесообразно ли использование в таких целях наркотических или психотропных веществ - обратитесь к опыту предков. Из него следует: не существует цели, более оправдывающей применение подобных препаратов, чем намерение соприкоснуться с миром волшебства. Буквально, это освященное историей предназначение таких веществ, а нас еще в школе учили, что инструмент всегда следует использовать по назначению.

Зная этот секрет, вы легко сможете путешествовать в волшебный мир. Можно, конечно, выдвинуть против этого способа существенные возражения: что это за волшебный мир такой, противоречащий всем объективным человеческим представлениям, плоть от плоти иллюзии, галюн на галюне? Подождите критиковать, пока сами всего не увидите. Что считать объективной реальностью, то вопрос между людьми сугубо договорной, а если вы иного мнения, то вот вам контрпример:

“В деревне Солеваново, возле Кожищ, жил охотник дядя Миша и механик Степан. Как-то раз Степан углядел на опушке у верхнего поля голую бабу с оленьими рогами на голове. Было это через два года после того, как Степан по пьяни в болоте совхозный трактор утопил.

- Смотри, Мишан! - закричал он. - Экое диво!

Но дядя Миша ничего подобного видеть не захотел. Вышел спор, а судить его взялась дяди Мишина жена.

- Хуйня, - заявила она авторитетно. - Быть такого не может. Степану бабы от недоебита мерещатся, а рога потому, что ему Машка с Каримом-пастухом изменяет.

На том и порешили - Миша, дескать, во всем прав, а Степана выставили мудаком.

Степан этим неудовольствовался и позвал людей - Федора-кузнеца, Семена Рябого и его деда Никодима Захарыча, на всю область известного начетчика и колдуна. Дед выписал всем мухоморного отвару, но Миша и Федор-кузнец пить не стали, а остальные хоть и приссали отравиться, но все-таки выпили.

Пошли к опушке, и там Федор-кузнец и Миша ни хуя не увидели, а вот Степан, Семен Рябой и Никодим Захарыч видели бабу, только не голую с рогами, а босую и с белыми крыльями. Пока они на неё втыкали, Мише ждать остоебенило.

- Пошли, - стал поторапливать он, - ни хуя же нет! Бабы на опушке только мудакам и мерещатся...

Семен Рябой на “мудака” изобиделся, налетел на Мишу, порвал ему ухо и нос поломал. А Федор-кузнец, хоть ничего и не видел, предпочел смолчать. Когда вернулись на деревню, стали этот случай всем миром разбирать. Судили да рядили долго, и все больше вокруг вопроса “Была ли баба?” ходили. Так как Миша за себя сказать ничего не смог, то его и не слушали, а поверили Никодиму Захарычу.

- Была, - прошамкал он, - возле восьмой межи крылатая отроковица. А Миша её не видел, потому что пьяница и мудак.

И добавил еще погодя:

- Думаю я, селяне, что пахать верхнее поле больше нельзя!

Федор-кузнец поперек колдуна решил не выступать, так что на том и порешили: была баба. Степан из-за этого в господу поверил и пить бросил, теперь в совхозе состоит главным механиком. Верхнее поле забросили, а год, в который трактор утонул, по окрестным деревням стали так звать: позатот от лета, когда в Солеваново ангел прилетал.

Так что была ли баба “на самом деле”, на то всем жителям деревни давно насрать. Степан и еще кое-кто из мужиков её как наяву видели и с тем, как именно видели, между собой согласились. Даже Мише Корноухому, ангела не выдавшему, осталось кое-чего на память о тех днях, когда он был ещё Миша-охотник. Так что была ли сама причина, али не было - как круги по воде, ширится в жизни людей её следствия. А если и скажет кто потом: “Дескать, не было на меже никакой бабы...”, то тут же остальные ему возразят: “Как же не было, если из-за неё Степан пить бросил, а верхнее поле совсем заросло?”

Так же и мы, когда путешествовали, не заботились об “объективной реальности”. Вокруг раскинулись светлые леса, полные чудес, дела там творились дивные и неизъяснимые, но никто об этом не парился, не беспокоился и не переживал. Было разное, но об этом здесь речь не пойдет.

Мудрость велит: если речь заходит про колдовство, побольше говорить про чужое, плевать да посмеиваться, а про то, что сам видел - молчок. Тогда даже если и захочет кто над тобой посмеяться, как Мишина жена над Степаном-механиком - ан нет, все дело погубит недостаток конкретики. Но было немало и просто потешных случаев. Про них я вполне могу рассказать.

Как-то по зиме мы приехали сюда вдвоем с Крейзи. Снегу было разве что не по пояс, и чтобы устроить себе стоянку, мы вырыли яму и в ней разложили костер. Река недавно замерзла, поэтому вместо воды топили снег. Так и жили - построив себе по краю снежной ямы бревенчатые “диваны”. Это своеобразная традиция, а суть её вот в чем. Чтобы жить хорошо и с удобствами, следует построить себе из бревен, палок и одеял удобную лежанку. Каждый конструирует собственную модель, соревнуясь с другими в удобстве и функциональности. Так появляются подлинные шедевры - двухъярусные диваны со спуском к костровой зоне, диваны с подножками, диваны со встроенным тентом, а также “диван-дастархан”.

По зимнему времени я оделся в валенки и ватные штаны, накинул шинель и сидел на своём диване в тепле и уюте, пока не произошло непоправимое. Мы курили коноплю, и накурились уже почти до бесчувствия - Крейзи взял с собой на два дня целую кружку. Неожиданно Крейзи заметил тоненькую струйку дыма, поднимающуюся от моих ватных штанов.

- Брат, у тебя штаны горят, - как бы между делом сообщил он, передавая мне папиросу. - Слышишь?

- Штаны горят? - меланхолично переспросил я. - Ерунда, сейчас потушу.

Из-за крайней степени накуренности я недооценил размеры грозящей опасности. Пока я неторопливо шарил глазами, выискивая очаг возгорания, мы с Крейзи успели обменяться папиросой еще несколько раз.

- Штаны горят! - напомнил мне Крейзи, в очередной раз протягивая мне косяк. - Не видишь, что ли?

Тут уже я сам начал кое-что замечать. Не то чтобы “увидел”, а, скорее, почувствовал - к области паха как будто приложили раскаленный утюг. Я не на шутку взволновался, так как скинуть горящие штаны быстро не представлялось возможным из-за кучи одетых и по-хитрому заправленных зимних вещей.

- А-а-а! - заорал я. - Помогите!

Крейзи, накуранный еще почище меня, только бессмысленно таращился на мою беду. Тогда я схватил снег и стал сыпать себе на яйца, надеясь потушить тлеющую вату - но куда там! Я только разворошил пламя, и стало еще хуже.

- А-а-а! - снова заорал я, оглядываясь в поисках воды, но её и в помине не было.

Тут надо заметить, что ситуация оказалась двоякой - я понимал безвыходность своего положения, но в то же время мне было ужасно смешно. Настолько, что смех практически парализовал мою волю. На мне горели штаны, но чем больше они горели, тем больше я смеялся, и тем больше смеялся Крейзи. А чем больше смеялся Крейзи, тем больше, глядя на него, смеялся я. Сквозь смех я только и мог, что умолять:

- Ха...во..ха-ха... воды! Полей воды мне... ха-ха.. на ...у-у-у... яйца!

Но с Крейзи от этой картины едва не вышел припадок - он усскался так, что не мог говорить, и только показывал мне жестаи - мол, нету воды. Это привело меня в отчаяние и одновременно еще больше развеселило.

- Топи... у-у-у... воду, - сквозь смех пытался выговорить я. - Топи воду, брат!

Тут Крейзи совсем скрючило. Видя, что дело плохо и что помощи не будет, я стал озиаться, но ничего толкового придумать не смог. От моего трепыхания тлеющая вата только пуще разгорелась. Мне стало так горячо, что я бросился к реке, с берега подпрыгнул вверх и "бочкой" пробил тонкий, недавно установившийся лед. Крейзи в тот день от смеха едва не лишился ума.

С постпанками одно время ездила длинноногая и достаточно симпатичная девица по имени Синтия. Крейзи, очень жадный до симпатичных баб, решил взять её с собой под Лугу, чтобы совратить на лоне первозданной природы. Из-за этого мы с ним немало намучились.

Синтия горстями жрала колеса, в основном нитразепам, и поэтому вообще ни хуя не соображала. Она напоминала манекен, пластмассовый станок, предназначенный для ёбли - с той разницей, что такой станок сам по себе никаких проблем не создает. Синтия же была сплошная проблема.

Началось с того, что одним весенним утром мы проснулись на своих диванах и увидели, что Синтия исчезла.

- Где она? - всполошился Крейзи. - Куда она подевалась?

Мы разделились и начали её искать. Лес стоял еще практически голый, нежная молодая листва только-только проявилась на коричневых ветках, вокруг стоял непередаваемый запах весны. Прошлогодние листья еще не успели толком исчезнуть, сквозь них из-под земли лезли тонкие стебли ветреницы дубравной, майского первоцвета. И вдруг я заметил странный след, будто волочили по земле тяжелое тело.

Пели птицы, но я их больше не слышал - какое там! Сжав рукоятку топора, я тихонько крался вперед, прячась за массивными стволами. Ни хуя себе, думал я, выкрасть бабу прямо со стоянки, хороши дела! Вот распиздяйство, укорял себя я, так и собственную жизнь проспий! Но виноватых не оказалось - вернее, виноватой оказалась сама Синтия.

След повернул, и на открывшейся поляне я увидел её. Синтия лежала, закопавшись лицом и руками в большой муравейник. Видать, досюда она доползла, нащупала подушку помягче и устроилась на ночлег. Моя ошибка была в неверном истолковании следа - я не мог и представить, что кому-то понадобится столько ползти. Насекомые уже облепили её целиком, и я даже не сразу сообразил, что мне делать. Только потом я догадался, взял Синтию за шкурку и отволок к реке.

- Ой, ой.. - застонала она, когда я погрузил её в воду. - Аффр, помо..ффр.. ПОМОГИТЕ!

Я помог ей избавиться от муравьев и отвел на стоянку. Что же вы думали, я дождался благодарности? Ни хуя! Синтия решила, что в воду я запихал её ради издевательства, случай с муравьями у неё в памяти вовсе не отложился. Она обозвала меня всякими хуевыми словами, взяла свою сумку и пошла в лес.

- Идите вы на хуй! - заявила она. - Я домой поехала!

Крейзи отнесся к этому равнодушно. Мы неторопливо развели костер, приготовили кашу со сгущенным молоком, перекусили и принялись курить. Солнце степенно путешествовало по небу, тени удлинялись, а когда тень от ели достигла края поляны, мы прикорнули, чтобы часок поспать. Через час Крейзи поднялся, поправил костер и принялся приготавливать чай.

- Ну что, брат? - спросил он, смакуя горячий напиток. - Настигнем?

- Настигнем, - согласился я.

Дорога к нашим краям проходит по берегу реки, и Синтия пошла по ней, так как другого пути не знала. Но тайная тропа существует, хотя и проходит через пять километров дремучего молодого ельника, такого частого, что кое-где между отдельными стволами не просунуть руки. Старые ели там господствуют по верхам, пожирая кронами солнце, тропинки редки и обманчивы, а вся местность изрезана оврагами, по которым змеятся заболоченные ручьи. Это Леса ВПД, названные так в честь знакомого Кримсона, Вечно Пьяного Друга, по незнанию забредшего в этот край и проплутавшего там почти трое суток.

Через Леса ВПД идет дорога, такая старая, что на ней выросли уже вполне взрослые деревья. Она прячется под кронами, петляет, а кое-где пропадает совсем. Но сама она достаточно ровная, и по ней можно двигаться бегом, а вдоль реки, по кручам и обрывам не сильно-то побегаешь. Мы срезали по этой дороге, и вышли на край леса - туда выходит тянущаяся вдоль реки извилистая тропа.

- Ну, как думаешь, обогнали? - спросил я у Крейзи.

- Конечно, - ответил он, устраиваясь поудобнее и закуривая косяк.

Крейзи оказался прав - минут через сорок из лесу послышался треск и появилась Синтия. Она несколько сбилась с тропы и перла напролом - через кусты, распадки и бурелом.

- Все, пришла, - сказал ей Крейзи. - Давай, поворачивай.

В другой раз мы поехали в эти края вместе с Фери. Обогнав его на крутых склонах, мы прилично вырвались вперед. Стремительно вечерело, и Фери принялся нас звать. Понятно, что откликаться мы не спешили. Фери знал местность не очень хорошо, и мы то и дело слышали, как он пронзительно и тонко кричит:

- Крейзи! Джонни!

Мы решили спрятаться и пропустить его вперед. Устроившись под нависающими еловыми лапами, мы тихонько ждали.

- Крейзи, Джонни! - изредка доносилось до нас. - Ну где же вы? Друзья, ответьте!

Но по мере того, как эти крики приближались, мы услышали и ещё кое-что. Сначала послышались осторожные шаги - Фери, несмотря на массу в сто пятнадцать килограмм, ходил по лесу достаточно тихо. А потом прямо рядом с нами снова раздалось жалобное:

- Крейзи, Джонни! Друзья, ну где же вы?

Мы уже думали выйти, ну тут услышали тихий, но отчетливый и полный злобы Ферин голос:

- Ну, пидоры! Только попадитесь мне! Гондоны ебаные!

Потом последовало секундное затишье, и опять раздался тонкий и пронзительный, полный мольбы жалостливый крик:

- Крейзи, Джонни, ну где же вы, друзья?

Мы тихонько двинулись за ним по пятам, слушая изредка то его громогласные мольбы, то тихое и злобное:

- Суки! Попадите мне только! Ну и пидоры!

Следующий случай с Фери вышел по осени. Съев на входе в лес по восемьдесят грибов, мы ломились через бурелом с единственной целью - успеть до начала прихода поставить оказавшуюся

у нас палатку и развести костер. Мы успели, пламя вспыхнуло, выхватывая нависшие ветви, и в мерцающем кругу оранжевого света мы принялись ставить палатку. Мы почти успели - я воткнул последний колышек, когда неожиданно почувствовал, как в меня входит могучий и необоримый дух. Ноги стали словно резиновые, мир подернулся и поплыл концентрическими узорами, а к горлу подступил тяжелый комок. Как сквозь вату я услышал Крейзин голос:

- Фери, поправь центральный кол, а то стенку чуть-чуть перекашивает.

Я еще успел увидеть, как Фери смотрит на палатку - темная фигура с маслянисто блестящими глазами, отчетливо выделяющаяся на фоне яркого ночного неба. Что-то в его облике показалось мне подозрительным, но было уже поздно. Фери бросился вперед, влетел внутрь палатки, смял её и покатился, наматывая ткань на себя. Он полностью запутался и какое-то время не мог вылезти, так захватили его внутри палатки волшебные грибы.

Поход викингов.

*“Ника, лысая пизда
Ненавидит поезда.
Потому что проводник
В ее задницу проник”. “Веселые четверостишья”.*

На “девятые майские” в этом году в Заходском устроили сразу две параллельные игры. На Старой Мастерской обосновались Берри с компанией, мутившие Скандинавию, а к ним подтянулись уважаемые люди из Москвы и других городов. В такой компании не раз удавались толковые игры, обладающие достоинством соразмерности. Вводные такие, чтобы на раз выщелкнуло из угрюмой обыденности, не лишая при этом ума, а военное дело и колдовство не противоречат, а как бы дополняют друг друга. Секрета этой соразмерности я не ведаю, но факт налицо - лучшие игры под Питером из года в год делали именно эти люди.

Параллельно этому (на участке местности за ручьем, связывающим Большое и Малое Красноперские) планировалась другая игра, совсем иного толка. Делала её Ника, безобразная лысая карлица, а ей в помощь подобралась соответствующая публика. Эта игра называлась “Старая Англия” - средоточие ролевого абсурда, коррупции и бумажного колдовства. К Нике понаехала целая толпа вырожденцев и сорокоманов, пидоров-шпажистов, занавесочников и колдунов (были там и приличные люди, но не очень много). И поскольку проходили две этих игры совсем неподалеку, то ясное дело - добром это закончиться не могло. Слишком уж разные люди собрались “по разные стороны ручья”. Но давайте обо все по порядку.

Местность за ручьем имеет несколько характерных особенностей. Во-первых, это остатки старого финского дома - белокаменная лестница, начинающаяся прямо у берега ручья. Из-под мха и коряг она тянется вверх на несколько метров и заканчивается, обрываясь изломом выщербленных камней. За лестницей есть вход в старый подвал - неглубокий каменный бункер, где поселился Маленький Левицкий⁸⁴. Его можно было частенько увидеть на литорали Большого Красноперского: по пояс в воде, ряженный в штаны из комплекта химзащиты, Маленький Левицкий дышал ацетоном из полиэтиленового мешка. Подвал никакого особенного названия не заслужил, а вот ступени местная традиция окрестила “Лестницей в Небо”.

В пятидесяти метрах от этой лестницы, под навесом из бревен и рубероида, поселился Миша-казак, крупный бородатый мужчина. С помощью нагайки Миша люто расправлялся с теми, кто, по

⁸⁴ Не путать с Большим Левицким, т. е. Тимкой Левицким из Берриного коллектива.

его мнению, недостаточно трепетно относился к сохранению природных красот и видового разнообразия. Позднее стоянка под навесом получила название “Ширкокроево-1”.

В этих же краях поселились местные викинги, коллектив “Шестисотого Драккара”: Пых и его брат Тёмный, Злодей, Дорвард и Мейджик, Варвар, Фарух, Якудза и Курсант, а также Партизанка и Крошка Би. Эти почитатели скандинавской культуры собрали немалые запасы алкоголя и нейролептиков, властвуя таким образом над целым участком прибрежной полосы.

С этими героями мы встречались и раньше, еще в прошлом году. Тогда упомянутая Ника устраивала игру по Хроникам Нарнии, а мы записались на неё гномами-торговцами, так называемыми Красными Гномами. Мы бы, может, записались на какую-нибудь другую роль, но договаривался от нас в тот раз Барин - так что пришлось ехать гномами.

Барин вел переговоры долго и добился, чтобы Ника выдала нам для торговых нужд восемьдесят пять пачек сигарет “Бурса”. Продавать их мы не стали, а выкурили все сами - хоть и с превеликим трудом. Курить “Бурсу” практически невозможно, ядовитый дым раздражает глотку и рот - но мы все равно ни одной пачки не продали. Ясно было, что Ника пыталась нас погубить, но мы выжили и даже совершили несколько подвигов.

Злодей на той игре был берсерком, по правилам его нельзя было убить никаким оружием в течении получаса. Нам была удача окружить его под стенами Баринбурга - так Андрюха переименовал захваченный нами Нарнийский городок. Обступив Злодея и взяв его щитами в коробочку, мы принялись его лупцевать, приговаривая:

- Сколько ты говоришь, тебя нужно бить? Полчаса, час?

Злодей проявил последовательно мужество и смекалку - сначала сопротивлялся, вращался вокруг себя и молотил во все стороны мечом. А когда увидел, что дело его дрянь, то нашел хороший предлог, чтобы все это прекратить.

- Убили меня! - закричал он. - Убили, сволочи, на части меня изрубили!

Минуло немного времени, и человек из Драккара по имени Варвар рассчитался с нами за Злодея и за эту манифестацию. Взяв охуительного размера консервную банку, он набил её песком, надел на толстенную палку и обмотал все это сверху множеством слоев матерчатой изолянты. Намочив получившуюся кувалду в воде, он так ебнул мне ею поперек груди, что и сейчас, через одиннадцать лет, я не могу полностью избавиться от полученных впечатлений.

Тогда же между мной и Фери вышел вот какой спор. Под вечер мы собрались на мысу и ели грибы, а когда наелись, то вздумалось мне над Фери подшутить. Чтобы осуществить это, я принялся его всячески изводить, подсмеиваться и обзывать. Я немного не рассчитал, и ему удалось слишком близко подобраться ко мне. В один момент он навалился на меня, подмял всей своей чудовищной массой и принялся выкручивать мне правую руку. При этом под спину мне попала здоровенная дубина, из-за которой лежать мне было очень неудобно - так она давила мне на позвоночник и ребра.

- Ой! - закричал я. - Фери, у меня палка под спину попала! Палка попала под спину!

Кричал я достаточно жалобно и громко, так что Фери повелся. Он выпустил мою руку и чуть-чуть привстал, а уж я не стал мешкать. Вывернувшись из-под него, я подхватил ту самую палку и хорошенько огрел ею Фери по спине за излишнее милосердие.

То была хорошая ночь. На мысу развели огромный костер, ветер с озера швырял пламя из стороны в сторону, а мы сидели вокруг и слушали песни под гитару, которые исполнял Пых. Он обладал редким даром - играть так, что от его песен горизонт сознания темнеет, небо хмурится, и еще долгое время не хочется жить. Столько злобы и тоски вкладывал он в свою музыку, что всю душу переворачивало. Бывало, выйдешь ночью с Холма в самом радужном настроении, мир вокруг - как цветок, а по небу роса звездная. А как послушаешь пару таких песен - словно в омут нырнешь. Накатит тоска, которую и водкой не залить, а вместе с ней злоба возьмет - черная, как межзвездная пустота. Сразу весь мир становится серым и пустым, на сердце ложится груз весом с гору и хочется кого-нибудь убить.

Перед этой поездкой я выпросил у Гоблина пару пачек нитразепама. Это был последний случай, когда мы пили влагу миражей из отравленного источника. Колеса на тот момент уже всех утомили, их нелепые чудеса большинству из нас опротивели - так что мы решили устроить прощальную сессию и навсегда распрощаться с токсикоманией. Для этих целей мы встали на холме в оранжевой палатке, принадлежащей Рыжей, выпили как следует водки и плотно нажрались колес.

Я присел на краю Холма в ожидании эффекта и наблюдал облака. Погода стояла холодная и промозглая, то и дело налетали порывы дождя, несущего снежную крупу, а лес встречал его струи неприветливой и мрачной стеной. Но постепенно в окружающую реальность словно выплеснули полведра красок, на улице потеплело, а пространство вокруг наполнилось таинственными голосами и пугающими галлюцинациями. В те годы я много раз с удовольствием слушал, как Федор Дружинин исполняет “На дороге в Эмбер”, там есть вот какие, очень подходящие к нынешней ситуации слова:

*Лунный свет на кончиках шпаг,
Тени, что пляшут на грани сознания.
Мы по дороге идем, сами не зная куда...*

В этих строках Федор весьма точно передал впечатление от употребления нитразепама, хотя сам транквилизаторы не употреблял и пел, мягко говоря, о другом. В этом и заключается подлинное мастерство настоящего скальда - петь так, чтобы каждый врубался в своё, и ухватывать вещи, о которых сам не имеешь ни малейшего представления.

Стори погрезилось, что ему по силам будет запрудить Горюнец. Он бросился к ручью и стал стаскивать к воде бревна и огромные камни, палки и разную бесполезную ветошь. Он трудился около двенадцати часов, внутренне подстегиваемый нитразепамом, но ничего существенного не достиг - вода ручья таблеток не ела, поэтому со Сториной запрудой справилась достаточно легко.

Фери и Барин отправились на станцию за картошкой. На обратном пути их видели люди - на дороге к озеру, в районе навеса. Кузьмич полз первым, на четвереньках, а к ноге у него был привязан на метровой веревке мешок из-под спальника, набитый картошкой. Фери полз метрах в пяти позади и время от времени звал плаксивым голосом:

- Кузьмич! Кузьмич, не гони!

Барина в то время частенько стали называть как бы по отчеству - Кузьмичом. Ближе к озеру Фери от Кузьмича отстал, проблуждав в густом ельнике почти до конца игры. Ему чудилось, что невдалеке кто-то играет на флейте, и он искал это место, но никак не мог найти. Пару раз Фери пытался выбраться назад к Холму, но отступал перед непреодолимой преградой в виде ручья. По его словам, при его приближении вода начинала по-особенному звучать, и среди шепота струй вклинивались какие-то монотонные, гипнотические голоса. Они подавляли сознание и волю, и Фери каждый раз отступал - опасаясь, как бы ему не пришлось встать на колени, сунуть голову в ручей и таким образом лишиться себя жизни.

Так минули первые сутки, а на следующий вечер мы покинули Холм и направились к озерам. По пути мы заметили, что кто-то поселился в яме на краю Турнирной Поляны. Верх ямы забрали бревнами и корой, а в самой яме развели маленький чадный костер. Перед входом установили резное изображение оскаленной свиномордии, а в самой яме заседали московские Порося, явившиеся к нам в город с дружеским ответным визитом. Они уже залили глаза, и из ямы доносились пьяные песни, хрюканье и мат.

Возле этой ямы произошло несколько случаев, связанных с причинением беспочвенного насилия. Из-за водки и колес наши товарищи “перекинулись” - то есть озверели и совершенно перестали друг друга узнавать. Мне помнится, что по пути с Холма Стори попросил у меня на время мой

щит - лист авиационного дюрала с краями, окованными железом. Я по глупости согласился, за что Строри тут же меня наказал. Он надел щит на руку, размахнулся и ударил мне кромкой в лицо. Я не сумел увернуться, и окантовка рассекла мне скулу, было много крови.

После этого Строри потерял ко мне всякий интерес, но я так просто оставить это дело не мог. Припоминаю, как зашел к Строри сзади и ударил его железной трубой по голове. Бил я действительно сильно, на память об этом ударе Строри остался рваный шрам в полпальца длиной. Но в тот момент его защищали таблетки, так что сам Строри не обратил на мой удар ни малейшего внимания. Он шел, как шел, и даже не повернулся.

Вместо этого он догнал идущего впереди Слона и подсечкой сбил его с ног. Затем Строри встал Слону на спину и нанес несколько сильных ударов в затылок кромкой щита. Слон остался лежать, а мы спустились в яму и поздоровались с Порося. Пока мы пили за встречу, Барину вздумалось закурить. Он достал из кармана зажигалку и начал прикуривать, но его остановил один из Порося, по имени Вашество.

- Нельзя этого делать, - сурово заявил он. - Если в лесу прикуривать от зажигалки, а не от костра, то умрет Виктор Цой!

- А разве... - удивился Барин. - Разве он не умер?

- Вот это как раз неважно, - перебил его Вашество. - Правило все равно остается в силе!

Уходили мы от Порося с трудом. Слон, например, предпринял более десяти попыток выбраться из ямы, но каждый раз оскальзывался и скатывался обратно вниз. Строри из ямы вылез легко, но по дороге домой его попутал нечистый. Вместо окрестностей нашего Холма он зашел в чахлое редколесье за Малым Красноперским, а когда понял свою ошибку, было уже поздно: местности вокруг Строри не узнавал. Тогда он поджег лес, завернулся в плащ-палатку и проспал на краю пожарища до утра - пока пламя не погасло, а у Строри из головы не выветрился лишний спирт.

С утра немало было споров да пересудов. Отправившись умыться и испить воды, я нашел, что у меня щека разорвана окантовкой щита, а Строри обнаружил, что у него в кровь разбита башка. Стали вспоминать и упомянули, как Строри пиздил щитом лежащего неподвижно Слона. Убоявшись за его жизнь, мы стали искать его и нашли дремлющим в ельнике за Холмом. Опасения были напрасны - на Слоне не оказалось ни царапины, как это с ним часто бывало. Поудивлялись, позавидовали, да и оставили всё как есть.

Когда в начале главы я толковал про “Берри и компанию”, я имел в виду следующих людей: самого Берри, Олюшку, Глеба Яльчика, Воеводского, Дружинина, Ангела, Юру Орка, Кори, Дзяна, Наталью и Брендизайка. Их коллектив (иногда одни его представители, иногда - другие) сделал для развития “индустрии игр” в Питере едва ли не больше всех.

Начали они с нескольких монументальных, эпических “Конанов” (1992, 1993, 1994, 1995). Это были первые игры в нашем городе, которые в массовом порядке посетили представители других городов. Эту линейку продолжила “Скандинавия” и несколько игрушек поменьше, а завершили сокрушительные “Fallout” (1999 - 2000), “BirthRight ” (2001) и “Voodoo - Shadow Games” (2002), послужившие великолепным примером игр принципиально нового направления⁸⁵.

Неудивительно, что такие игры привлекали немало достойных людей - “старых” и “новых”, питерцев и москвичей. В том числе и “Город Мастеров” (г. Москва) - команду, заслужившую “по союзу” добрую славу едва ли не большую, чем наша банда сумела заработать худую.

Всё это я говорю для того, чтобы у читателя не сложилось к ролевым играм предвзятое отношение. Дескать, в предыдущих главах было описано столько “замороженных”, сектантов и трясун, что неизвестно теперь, что и думать обо всех этих играх?! Разве может получиться с такой публикой что-нибудь хорошее?

⁸⁵ “Fallout-1999”, к примеру, был первой “техногенной” игрой, проведенной под Питером.

Отчасти мы сами ответственны за формирование подобного заблуждения. Слишком много было сказано о людях “со странностями”, и слишком мало о достойных людях, которых в те годы было ой как немало! Ведь по-настоящему хорошие игры проходили под Питером из года в год, и немало мастеров и игроков приложили к этому руку.

Ясно, что мы не станем приводить тут подробные “хвалебные списки”, похвала из наших уст - совсем не то, чего ждет большинство из этих людей. Поэтому мы ограничимся простым утверждением: хорошие люди были. В “Хирде” и у Паши Назгула, в “Кошатнике” и в компании Берри, в тусовке Змея и Гурта, в “Роси”, у “Белых Воронов” и в “Моргиле”. Были такие люди в компании Трандуила, в банде Альбо, Трейса и Рыжего, в стае Гида и Тэла, меж знакомых Вельды, в “600-м Драккаре” и среди друзей Бункера. Ну и, понятное дело, в коллективе у Эйва, в “Болгарии” и у нас люди были просто отличные.

Впрочем, это вовсе не значит, будто бы мы дружили со всеми этими людьми. И я не совсем уверен - многие ли из них считают хорошими людьми нас? Это просто зарисовка, быстрый срез ножом со спелого наливного яблочка - крепкая, сочная и здоровая его половинка. Срез, открывающий панораму тех, кто играл, и тех, кто делал для этой публики хорошие игры.

Как я уже говорил, немало таких игр создали Олюшка и Берри. Несколько достойнейших творений воплотил работавший в одиночку Мирт, мастерски умевший ткать полотно темных, очаровывающих сюжетов. Пару-тройку игр провел Морадан, больше десятка - Эйв, развернувший целую индустрию стремительных зимних “однодневок”. Масса очаровательных сказок принадлежала перу Вельды, не меньше того - Джулиану, очень хорошие игры делала в свое время Райлин.

Были отменные мастера и хорошие игроки - команды и одиночки, люди, с которыми было приятно играть, сражаться и разговаривать, петь песни, пить водку и просто сидеть рядышком у костра. Они составляли “плоть и кость” ролевых игр прошлого, таких, какими они были в те далекие времена - свободными и непокорными, чуточку жестокими и почти всегда неизменно прекрасными.

То было время расцвета, свободное от лживых речей, надменности, чванства и елейных рассуждений про “смену поколений” и “диахронные связи”. Волшебство, которое не опишешь никакими словами, преображало сердца людей, глаза лучились светом, и не было зла в этой удивительной и чистой земле. То было счастливое время, которое длилось, покуда в небе над волшебной страной не появилась первая багровая звезда. Отблеск ее лучей проник в темницы человеческих душ, заставил пылать умы и меньше чем за год разжег на земле пламя опустошительной войны.

Эта война началась весной 1996-го и длилась четыре года, принесла питерскому Движению неисчислимое множество бед. К рубежу тысячелетий “ролевой регион” под Питером пришел в запустение, игры зачахли, а многие ролевики вынуждены были искать счастья в других городах. У этой войны есть собственная история, и мы хотели бы рассказать ее по порядку: как это начиналось, много ли было сделано и что в конце концов из этого вышло.

А поскольку тема эта стала объектом невероятных сплетен и поистине чудовищного вранья, кораблю нашего повествования предстоит нелегкий путь. Огибая торосы слежавшейся до черноты лжи, мы будем пробиваться к “темному полюсу” этих историй - точке, из которой открывается вид на причины этого безобразия.

Часто бывает, что в основе конфликта лежат неустранимые противоречия, накопившие в отношениях между двумя различными “сторонами”. Тех, кто составлял “первую сторону”, я упомянул выше. Теперь настало время снова взять нож и взглянуть на другую половину “того самого яблочка”.

Мы не случайно посвятили столько времени описанию “подозрительных личностей”, не напрасно акцентировали на них ваше драгоценное внимание. Теперь, стоит вам на секундочку остановиться

и припомнить главы, в которых идет речь про Княжну, Эрика, Лорифеля или Паука, как вы получите о “червивой половинке” самое полное, развернутое представление. Хотя, конечно же, на той стороне были не только они.

По сравнению с 93-м, к началу 96-го года питерское ролевое движение увеличилось свою численность едва ли не втрое. Появились новые “мастерские группы” (о которых еще пойдет речь) и, конечно же, новые игроки. Некоторые из них были из числа “сорокоманов” и “перумистов”, массовая экспансия которых началась в тусовку еще в прошлом году.

Словно соль из раствора, эти люди стали кристаллизироваться вокруг тех “центров движения”, которые пришлось им больше всего по душе. И я бы ни в коем случае не похвалил этих людей за их выбор. Часть из них попала к таким “учителям”, как Княжна, Кот-Фотограф или Толмуд, навсегда погрязнув в “биоэнергетике”, “колдовстве” и “астральных путешествиях”. Большинство из них лишились из-за этих практик ума, в кратчайшие сроки превратившись в чванливых ничтожеств, очарованных обещаниями невиданного могущества.

Другие ушли к Эрику в его “Школу Игрока”, чтобы выйти оттуда с головами, забитыми тысячами болезненных “этюдов” и “театральных техник”, и с руками, раз и навсегда приученными “правильно останавливать удар”. Две трети из них мнили себя величайшими бойцами в истории (ну как же, мы ведь занимались у САМОГО Эрика), и очень злились, если кто-нибудь их в этом разочаровывал. Такие люди не умели (да и откуда бы им?) терпеть боль и начинали орать при каждой малейшей ссадине. Дескать, недоучки, не умеющие “останавливать удар”, взяли и “покалечили их вроде как ни за что”.

Третьи начали создавать собственные “мастерские группы” и писать новые правила, поражающие воображение даже опытных игроков. В этих правилах они назначали себя не меньше, чем властителями или богами, и требовали от окружающих соответствующего к себе отношения. Именно тогда слово “мастер” утратило первоначально свободное, почти булгаковское толкование и стало значить то, что оно испокон веков означает в английском - то есть просто “хозяин”.

Не доверенный устроитель, а полноправный Хозяин игры. Человек, облеченный властью отбирать у людей оружие, выгонять с полигона неугодных ему игроков, требовать к себе и своим помощникам ОСОБОГО уважения. Вольный составлять “черные списки”, куда будут внесены все, кто хоть в чем-нибудь провинится перед всемогущими слугами “нового режима”.

Новые “мастера” породили такие уродливые нововведения, как “отработка в мертвятнике”, ныне воспринимаемые игроками как совершенно обычное дело. Мало того, они довольно-таки быстро поверили в свою исключительную привилегированность и особые права. Это произошло из-за потворства других представителей “второй волны”, позволявших членам “новой элиты” унижать себя любым немыслимым образом.

- Эй, ты! Ну-ка, поди сюда! - такое обращение к попавшему в “мертвятник” игроку, два года назад еще совершенно немыслимое, можно было слышать теперь все чаще и чаще. - Живо беги за водой и дровами! Что значит - не хочу?! Тогда вообще из мертвятника не выйдешь! В “черный список” захотел?!

То есть: причиной разлада послужило банальное человеческое охуевание. Косые взгляды, разговоры на повышенных тонах и оброненные не к месту презрительные слова стали подобны сочащимся из-под земли струям рудничного газа. Пока газа было немного, от него не было вреда, но постепенно количество косых взглядов увеличивалось, тон разговоров крепчал, а в произнесенных словах сквозило все больше презрения.

И вот в Заходском, в ночь с 8 на 9 мая 1996 года, в 00 часов 30 минут концентрация газа стала предельной. И грянул взрыв! Он был не таким уж и сильным: никого не убило и даже толком не обожгло. Но когда рассеялся дым и люди подняли к небу закопченные лица, то увидели над горизонтом новую звезду - багрово-огненную, с острыми, как бритва, лучами. Начало войне было положено, и уже никто не мог уклониться от битвы.

В ночь с восьмого на девятое великое множество людей собралось в районе Турнирной Поляны. Публика подобралась самая разнообразная, а поводом послужило вот что. Устраивавшая “Старую Англию” Ника вздумала объявить местность “от ручья и дальше” собственной территорией, на которую запрещалось заходить приехавшим на “Скандинавию” игрокам.

Год назад над таким заявлением бы просто посмеялись, да и сейчас одно это вряд ли могло послужить достаточной причиной для каких-либо решительных действий. Это был просто “еще один камушек в наш огород”. К несчастью для Ники, таких камней накопилось уже более чем достаточно - и склон неожиданно рухнул. Лавина пошла.

Началось с того, что москвич по имени Турин залез на одиноко стоящий валун и повел такие речи:

- Это что же такое творится? - обличающее начал он, указывая облаченной в камуфляж рукою в сторону ручья. - Чьи это там светятся костры?

Сам Турин на этой игре облекся силой божественной персонификации. Он исполнял роль Тора, и чем ближе к ночи, тем меньше в нем оставалось от Турина. Он стоял на валуне, размахивая руками и вращая лысой башкой, и проповедовал с таким усердием, что послушать его собралось более тридцати человек. Речи он говорил вполне в духе скандинавской культуры, но в них было кое-что и от самого Турина. В темноте и под нитразепамом мне показалось, что Тор и взаправду сошел на землю - прямиком со старых нацистских плакатов.

- Жирные попы в Англии греют у каминов свои животы! - голос Турина разносился окрест, как из мегафона в концлагере.

- А-а-а! - подхватили мы, очень довольные таким началом.

- Убогие фермеры и крестьяне нам не помеха! Готовьте факела...

- И бензин! - надсадно заорал я. - И бензи-и-ин!

- И бензин, - согласился Турин, а затем поднял руки, глубоко вдохнул и заорал так, что даже мы удивились.

- На войну! - взвыл Турин, как воет на подлете авиабомба. - Все на войну!

В темноте возникла сумятица, и посреди неё я заметил, как Маклауд подошел к Турину и о чем-то с ним шепчется. Прибыло еще народу, теперь все пространство вокруг камня было заполнено людьми - в темноте едва видны были безмолвные, неподвижные силуэты. В установившейся тишине Турин заговорил размеренно и спокойно:

- Там, за ручьем Англия - страна вырожденцев и сорокоманов. Там правит Ника - мерзостная карла, и мы больше не в силах это терпеть!

Тут голос его снова окреп и загремел над поляной:

- Ведь сегодня, в этот праздничный день, вы поддержите этот клич? - тут Турин вскинул руку и заорал так, что у меня зазвенело в ушах: - Хайль Гитлер!

- Зиг Хайль! - нестройно ответили разрозненные фанатики, рассеянные в толпе.

- Что? Так-то вы поёте? А ну, еще раз! - возмутился Турин. Он снова набрал воздуха и повторил свой клич. - Хайль Гитлер!

- Зиг Хайль, - грянуло в ответ над поляной, гулко, словно разорвался фугасный снаряд.

Вспыхнули бензиновые факела, и в их свете Турин спрыгнул с камня и двинулся по направлению к ручью. По дороге он продолжал орать:

- Девятого мая! В этот праздничный день! Хайль Гитлер!

А публика сзади размахивала факелами и выла на разные голоса, отзываясь:

- Зиг Хайль! Хайль Гитлер - Зиг Хайль!

Вечеринка задалась, а когда надоело орать про Гитлера, мы затаили свою:

Водку бы в глотку и полный вперед!

*Адский бульдозер по трунам ползёт!*⁸⁶

⁸⁶ Текст группы Коррозия Металла: “Распутин”.

Ничего нет лучше, чем идти дружной толпой по лесу и орать. Когда вокруг темнота, и только кое-где видны шипящие огни факелов. В такие моменты чувствуешь себя так, будто бы движешься вместе с огромной волной, поднявшейся из озера и затопившей весь лес. Вскоре тридцать пар ног перешли по скользким, качающимся бревнам на тот берег ручья - и оказались на территории Никиной Англии.

- Драккары викингов стоят у ваших берегов, - заявил Турин обитателям первой попавшейся стоянки, а Строри добавил: - Гондоны вы ебучие!

Часть из наших собеседников, что поумнее, бежала, а оставшихся мы успели пленить, сбив с ног и опутав веревками. Одного привязали к кресту и вкопали посреди стоянки, а остальных загнали в воду - кого в озеро, а кого в ручей. Пока занимались этим, прибежала Ника.

- Какое вы имеете право... - визгливо начала она, но увидев Турина, неожиданно замолчала.

Видно, её навели на нехорошие мысли огромные ботинки, подтяжки и лысая голова.

- А-а-а! - обрадовался Турин. - Кого я вижу! В этот праздничный день...

Но Ника не дала ему возможности развить свою мысль, бросилась в лес и исчезла между деревьями. Преследовать её не стали, так как у собравшихся поменялось настроение. Первоначальный задор рассеялся, сменившись спокойной радостью содеянного. Единый монолит норвежско-фашистского войска раскололся на группы и исчез в темноте.

Мы остались в компании Маклауда, единственного человека (из числа участвовавших в походе), оказавшегося свершившимся весьма недовольным.

- Сколько криков было, - угрюмо пожаловался он, - на три Освенцима! А ничего существенного не сделали, гордиться-то нечем!

Мы уселись на берегу озера и внимали его речам. По обычаю Хирда Маклауд носил “гномейку” - мешковатую куртку с длинным, до пояса, капюшоном, стригся под горшок и начал отпускать бороду. Из всего Хирда он был единственный, кто с нами разговаривал, но взаимопонимание на первых порах между нами было очень и очень затруднено. Маклауд не пил, не курил, не употреблял наркотиков и верил в бога, при этом люто ненавидел всех наркоманов, алкоголиков и сатанистов. Нам он так прямо и заявлял:

- Ненавижу вас, безбожники, до дрожи в зубах!

Стандартной формой приветствия между нами стала позаимствованная у Гаррисона в “Стальной крысе” фраза:

- Ненавижу тебя, Чака! - приветствовали его Строри и я, а он отвечал: - Ненавижу тебя Мшика, ненавижу тебя, Фасимба!

Имя прилипло, и долгие годы мы называли его не иначе, как Чака. К тому времени мы успели присмотреться друг к другу, благо участвовали за разные стороны в целой куче потасовок, штурмов и одиночных боёв. Этой зимой в Александровской было немало характерных случаев, иллюстрирующих атмосферу нашего знакомства.

По зиме в Александровской, на территории царского парка, устраивали кучу однодневных игр. Каждая из них сводилась в результате к одному и тому же: штурму одной из сторон развалин старого донжона, называющегося Арсенал. Это старое здание метров тридцати высотой, окна и двери в котором заложили красным кирпичом под цвет стен, оставив только два нешироких лаза.

Первый начинается в трех метрах от земли и представляет собой пролом в кладке метр на метр шириной. Он открывается в высокий зал со сводчатым потолком, как в церкви, а изнутри под проломом насыпана куча песка. Вставший на неё человек может, если захочет, выглянуть в пролом, поэтому взять замок с этой стороны практически невозможно. Один человек может здесь весьма успешно защищать крепость от всех, кто, кряхтя и надрываясь, попытается взобраться по наружной кладке и втиснуться в проем.

Второй вход в крепость идет через обширный подвал. Подойдя снаружи к подвальным окнам, видишь только чернильную темноту, затаившуюся в наклонных световых шахтах, пробитых в

стенах двухметровой толщины. Съехав по этим шахтам на щитах, попадаешь в подвал из нескольких залов, где пол изрыт глубокими ямами и вообще ничего не видно.

Здесь гостей замка, ослепленных переходом с яркого света в практически полную темноту, могут подстерегать разные досадные неожиданности. Здесь разворачивались жестокие бои “вслепую” между атакующими и защитниками. Предусмотрительные бойцы Хирда сидели перед таким штурмами с закрытыми глазами, чтобы дать освоиться зрению, но все равно - такой десант является одним из самых опасных этапов мероприятия.

В подвале начинается винтовая лестница длиной в двадцать ступеней, другой конец которой выходит уже внутри Арсенала. Если вы подниметесь по этой лестнице, то окажетесь в проеме невысокой каменной арки, над которым нависает здоровенная гранитная плита. Это место заслуживает особенного внимания.

Арка открывается в узкую каменную кишку, чье дно располагается метра на два ниже общего уровня пола. Когда стоишь у выхода из арки, пол замка начинается примерно на уровне твоей головы. В другом конце этого провала расположена узкая лесенка, поднимающаяся наверх из этой щели.

Так как замок считался нашим, то и оборонялись в нем мы. Перед самой аркой занимал позицию Слон, со щитом в руках и с куском железной трубы, которую он окрестил “Каннибал”. Остальные располагались поверху, над провалом и вдоль каменной кишки. Кому кажется, что вынырнуть из арки, отодвинуть Слона и прорваться к лесенке под градом сыплющихся сверху ударов будет легко - тот человек вообще ничего не понимает в штурмах. Потому что даже если все это удастся осуществить, надо будет еще подняться по лесенке.

В то время я как раз подарил Строри собственноручно изготовленный кистень. Ручка из трамвайного поручня, обтянутая камерой от велосипеда, пропущенная насквозь капроновая веревка и композитный боёк. То есть узел, забранный во множество слоёв изоленты, между которыми уложены маленькие гаечки, винтики и кусочки свинца. Последний слой изоленты скрывает куски поролонa, так что на ошупь боек кажется мягким, словно новорожденный птенец. Все устройство длинной не более метра и динамикой больше напоминает нагайку, нежели кистень.

Перед самым боем Маклауд, желая прикинуть силы нашей обороны, залез на стену и просунул голову в пролом кирпичной кладки. Строри, ожидавший чего-то подобного, ударил его кистенем, но Маклауд оказался расторопным и успел убрать голову. Кистень попал в верхний камень - “венеч” кладки, и от этого удара кирпич лопнул и посыпался вниз.

Следующим под кистень попал Костомир. Он высунулся из арки, не зная, что Строри сидит прямо у него над головой - на гранитной плите, нависающей над выходом из подвала. Строри хлестнул кистенем и разбил Костомиру голову. Через десять минут Костомир объявился снова, но теперь предусмотрительно надел на забинтованную голову шлем.

Следующую попытку предпринял Ааз. Он скрытно подобрался к выходу из арки, подсечкою сбил с ног Слона и бросился к лестнице. По нему лупили не менее чем с восьми сторон, поэтому он передумал, пробился обратно к арке и скрылся в подвал. Следом за ним мы послали разведку - двоих молодых ролевиков, прибавившихся к нам и участвовавших в обороне замка. Они вошли в арку с оружием наизготовку и скрылись в чернильной тьме. Строри начал считать удаляющиеся шаги.

- Раз, два, три... десять, одиннадцать, двенадцать...

Затем мы услышали короткий шум, звуки ударов и приглушенные стенами крики.

- Готовы, - удовлетворенно высказался Строри. - Чака здесь!

Все кивнули, согласные с его выводами. На уровне двенадцатой ступени в толще камня, окружающего винтовую лестницу, расположена глубокая ниша. Когда идешь по лестнице, то в какой-то момент оказываешься к ней спиной. В такой момент спрятавшийся в нише враг может взять с неосторожного разведчика кровавую плату. Эту нишу впервые приспособил в дело Маклауд, а мы запомнили и взяли за правило: никогда не спускаться в подвал первыми.

По правде говоря, мы вообще старались туда не спускаться, так как это пару раз чуть не довело до беды. Пьяные и в темноте, мы были не в силах отличить друг друга от воинов Хирда. Так мы немало пострадали в отражении штурмов, в которых Морадановские войска и не думали учувствовать. Чтобы избежать самоопиздюливания, мы старались концентрировать силы обороны наверху, вокруг арки.

Как-то раз, после отражения очередной атаки, мы услышали из арки нестройный шум голосов, топот и грохот оружия. Мы весьма удивились, так как люди Хирда нападали из подвала бесшумно, а тут словно демонстрация шла. Мы изготовились к бою и через несколько мгновений увидели целую толпу сорокоманов, поднимавшихся из подвала в сомкнутом строю. Сзади были слышны глухие удары щитоломом по плечам и голос Маклауда:

- В навал, пидарасы! Что вы тут дробите? Вперед, поживей!

Оказалось, что он сумел привлечь целую тусовку дебилов для участия в штурме, обещая им легкую победу, почести и горы золота. Вместо этого их загнали в подвал, построили на лестнице и погнали вперед, выдавливая из прохода щитами и подгоняя отстающих щитоломами. Задние стали напирать на средних, средние - на передних, а перед теми открылась вся ужасающая перспектива: каменное жерло мясорубки с железными трубами вместо ножей.

Первые же высунувшиеся в проем упали с разбитыми головами, но на них из проема вынесло следующих, а за ними еще и еще. Кое-кто, осознав в какой блудняк их втравили, ринулся назад - но арку перегородили изнутри стенкой щитов бойцы четвертой центурии. Ходу назад не было никому. Это была бойня, а не война.

Под конец Строри подковырнул ручкой кистеня гранитную плиту и уронил её на атакующих сорокоманов, частично засыпав проход. Плита ни на кого не попала, но навела такого ужаса, что над ямой встал многоголосый, исполненный мольбы жалобный вой. За этот подарок мы прониклись к Маклауду чем-то, отдаленно напоминающим теплые чувства.

Условия для штурмующих были очень тяжелые, но однажды наши противники взялись за дело всерьез. Притащили откуда-то доспехи и шлемы, прикрылись сверху щитами и начали штурм - долгий и методичный. Сорокоманов вперед больше не гнали, а в первых рядах дрались Маклауд, Костомир, Леголас и Ааз. Ааз дрался глефой, и когда я приехал домой, то у меня вся грудь была в багровых полосах - следах этого чудесного оружия. Нас стали теснить, так что пришлось отступать - с боем, постепенно теряя людей. Мне повезло продержаться до самого конца, и ворвавшиеся в зал хирдмены загнали меня на кучу песка в центре второго зала.

Пиздец, понял я, глядя как меня обступают люди в гномейках и со щитами. Но перед тем, как все это сомкнулась и мне как следует накатило, удача улыбнулась мне еще один раз. Среди атакующих затесался какой-то идиот, сорокоман со щитом-геральдикой и деревянным мечом. Желая славы, он первым бросился на меня. Тут-то я и ударил его Травмой - так, как научил меня однажды Тимка Левицкий.

При таком ударе меч выбрасывают из-за спины, держа в выпрямленной и направленной к низу руке. Клинок приходится в нижнюю кромку щита, а затем усилием плеча и кисти направление удара изменяется. Меч скользит по поверхности щита, липнет к нему, словно описывая половину окружности. Удар заканчивается над левым плечом и обычно попадает в голову, причем с большой силой.

Так вышло и на этот раз - нападающему разбило башку, а у меня оказалась пара секунд, чтобы этому порадоваться. Потом щиты сомкнулись и мне взвесили самому - так, что вся моя радость куда-то улетучилась. Так Морадан отплатил нам за неудачу в Кавголово и еще раз освежил термоядерные традиции нашего командного соревнования.

Мы провели с Маклаудом тактические переговоры и сошлись вот на чем. Есть, сообщил нам Маклауд, такая потешная игра - красться по ночам вокруг чужих стоянок с удавками, тихонечко умыкая разные полезные вещи и зазевавшихся людей. Люди в лесу, проповедовал Маклауд,

обычно ведут себя как полоумные слепцы. Они обращают взор к игре бесноватого пламени, а слух - к пустым речам, которые ведут между друг другом.

Воины тьмы, растворившись в сумерках, могут незримо и неслышимо ходить между ними, а нужна для этого только подходящая одежда темных цветов и мягкая обувь. Люди ориентируются в темноте преимущественно на силуэт - поэтому достаточно застыть в нехарактерной для разумных существ позе. Тогда беспечные ночные поимщики напрасно будут утруждать намозоленные светом глаза. Станный куст или коряга - вот и все, что они смогут увидеть.

В доказательство этого Маклауд выкрал со стоянки Шестисотого Драккара одного приبلудного идиота, по случаю оказавшегося у тамошнего костра. Подобравшись ночью к их стоянке, Маклауд некоторое время выжидал, выбирая себе жертву, а затем начал медленно подбираться все ближе и ближе. Я наблюдал за этим, сидя в развилке дерева, и все видел. Маклауд накинул сидящему у костра жирному очкарику удавку на шею, взрывным движением протащил его несколько метров до ближайших кустов, а там взвалил на спину и поволок дальше в лес.

На стоянке даже не сразу поняли, в чем дело. Маклауд выбрал момент, когда внимание остальных было отвлечено, так что пропажу очкарика заметили, только когда он коротко вскрикнул откуда-то из-за кустов. Это Маклауд немного ослабил удавку, чтобы ебанный очкарик на самом деле не задохнулся - а потом снова затянул у него на шее смертельную петлю.

Мне хорошо было видно, как люди Драккара ведут поиски. Метались по земле лучи фонарей, выхватывая из темноты куски окружающей местности: мокрые кусты, траву и стволы деревьев. Но в мою развилку никто не светил, еще раз подтвердив старое правило: люди в лесу редко смотрят вверх, неважно, днем или ночью. Строри, сидевший на соседнем дереве, показал мне жестом: "Всё отлично, Чака не соврал! Похоже, новая игра будет иметь сокрушительный успех!".

В рамках новой программы я отправился с Маклаудом в сторону танкового полигона, в район поворота на Нотингейм. По поступившим к нам сведениям, там окопались стоянкой какие-то ролевики. Еще с дороги мы увидели сквозь деревья свет и слышали звуки приглушенных голосов. Устроившись в трех метрах от костра, в старом окопе, мы принялись наблюдать.

Видимость была хорошая, чуть-чуть выставив головы над слоем палой хвои, мы могли легко осмотреть все пространство стоянки. Двенадцать человек, парни и девушки, расположились в кругу сосен и вели странные, смущающие разумение разговоры. Большинство надели в качестве украшений разнообразные феньки, носили хайратники и щеголяли длинными волосами. Разговор их крутился вокруг небольшого браслета, который демонстрировал собранию один из участников. - Этот амулет, - надменно толковал он, тряся усыпанной феньками рукой, - заряжен тремя видами первичных энергий...

- Что-то не похоже, - возражал его коллега, кутающийся в блестящий, переливающийся синтетическими цветами плащ. - Две я вижу, но вот третья...

- Да ты посмотри нормально, зрением хаоса посмотри! - вмешалась в разговор какая-то толстая баба. - Не видит он!

Она сидела, привалившись к стволу дерева спиной к нам - так, что её лица не было видно. Попутно она нарезала хлеб и колбасу, приготавливая для всей компании бутерброды. Что и навело меня на дерзкую, зато удачную мысль.

Подобравшись поближе, я лег у того же самого дерева, где сидела бутербродная толстуха, только с другой стороны. По мере приготовления толстуха стала бутерброд за бутербродом направо от себя - а я вытягивал руку и брал один за другим, пока не забрал все. Последней толстуха поставила только что початую бутылку водки - и я забрал и её. Спрятавшись обратно в окоп, я поделился бутербродами с Маклаудом, а водку принял потихоньку пить сам. Через несколько минут донесли первые возгласы возмущения.

- Ну, где же бутерброды? - спросил надломленный и недовольный, плаксивый голос.

- Как где? - удивленно отозвалась толстуха. - Ты же их только что вот отсюда забрал!

- Какое забрал?! - в плаксивый голос влились ноты справедливого возмущения. - Не брал я!

- Хватит придуриваться! - властно рявкнула толстуха. - Водку ты тоже не брал?

Началось судилище, полное взаимного недоверия, поклепов и обвинений. Некоторое время мы слушали спокойно, а потом Маклауд взял камень и запустил им в почтенное собрание. Голоса спорщиков умолкли, установилась относительная тишина. Тогда один из собравшихся, наряженный в костюм ниндзя, поднялся и обвел собрание долгим взглядом.

Во всей его позе читалось чувство нескрываемой радости, почти торжества. Он явно попал на собрание не по профилю: кругом заседали астральные воины, иномировые существа и могучие колдуны. “Тихому убийце” не было среди них места. Но теперь настал, как он полагал, его час.

Взмахнув деревянной катаной, ниндзя присел на корточки и принялся страшно шипеть, имитируя специальное боевое дыхание. Он шипел так громко, что его можно было расслышать не только из окопа, но и с самой дороги. Затем он двинулся в нашу сторону, прошел по самому краю ямы, вышел на дорогу и припал ухом к земле. Минуту или две он пролежал, слушая землю, а потом поднялся на ноги и опять принялся шипеть. Но быстро заскучал и двинулся обратно к костру по тому же маршруту - мимо нашего окопчика. Миновав нас и выйдя на границу света и тени, ниндзя выпрямился во весь рост, вложил катану в поясные ножны и обратился к замершему неподвижно собранию:

- Никого нет... - начал он, но тут сердце Маклауда не выдержало.

Неслышно встав из окопа за спиной у ниндзя, Маклауд пнул его пониже спины. Так, что ниндзя перелетел через костер и растянулся на противоположном конце поляны. Сделав это, Маклауд практически мгновенно нырнул обратно в окоп. Наблюдая, как ниндзя, шипя и бешено вращая катаной поднимается с земли, я думал, что лишусь со смеху ума. В узкую прорезь маски ниндзя мне хорошо были видны его глаза - широко распахнутые, побелевшие от удивления и страха.

Цепной Отец и собачья печень.

“Поганки червивыми не бывают”. Новый микологический словарь.

В один из летних дней в Заходском случилось чудо - дух святости, неукротимый и мощный, сошел прямо с июньского неба на Болгарского Святого Отца. Это произошло за Турнирной Поляной, неподалеку от остатков старого финского фундамента, возле которого поселились Болгаре. Рядом с этим местом расположен глубокий бункер, на верхушке которого выросла здоровенная сосна, о которой еще пойдет речь в этой истории. Эту стоянку Болгаре объявили своей и назвали “Утехой”.

Болгарский Святой Отец (которого его товарищи сокращенно называли СВОТиком) позиционировал себя, как религиозный фанатик. Он ввел термин “Святая Болгария” и потребовал, чтобы на верхушку сосны над бункером водрузили кусок железнодорожного рельса. С матом и криками, прокляв все на свете, а особенно - Святого Отца, Болгаре подняли рельс на дерево с помощью длинной веревки.

Это было нужно затем, чтобы Святой Отец мог по три раза на день забираться на сосну и трезвонить службу. После этого С. Отец спускался на землю и начинал проповедовать перед собравшимися о дьяволе и первородном грехе. Этим он удивлял нас до глубины души. Казалось бы, на что человеку верующему вести столько разговоров о дьяволе?

Высокий, с бледным лицом и тонкими пальцами пианиста, Святой Отец поражал воображение искренней фанатичностью своих речей. За короткое время он добился того, что Болгарская Церковь стала известна на весь лес, а их колокол гремел от станции и до самого полигона.

Как-то раз, выпив литр спирту на троих с Богом-отцом и Богом-сыном, Святой Отец неожиданно перекинулся. Он перестал узнавать своих товарищей и весь отдался делу проповеди против засилья Грибноэльфийской мерзости и скверны. Но разум у него помутился, и Грибные Эльфы

мерещились ему там, где их и в помине не было. Подобравшись к Болгарину Дэду, парню почти двух метров ростом и весом за сто килограмм, Святой Отец уверенно заявил:

- Попался, Стори, безбожник! - и заехал Дэду по роже кулаком.

Аналогичный случай вышел с Болгарином Соколом, росту в котором не так уж и много. Подойдя к Соколу вплотную, Святой Отец выставил палец и начал обличать:

- Покайся, Джонни, дьявольское отродье!

Видимо, в моё покаяние Святой Отец на самом деле не верил. От слов он тут же перешел к делу, ударом кулака разбив Соколу губу. Поначалу никто не мог понять происходящего, но потом быстро разобрались. Это случилось, когда Святой Отец увидел подошедшего Стори и начал ему плакаться:

- Дэд, брат! Один ты меня понимаешь! Эти безбожники...

Тут все стало ясно, непонятно было только одно - что делать со Святым Отцом? А Болгарский Пастор продолжал форсировать ситуацию. Костик-постпанк привез с собой в лес собаку, здоровенного кобеля московской сторожевой по кличке Маркел. Костик посадил его на цепь возле дерева, а сам пошел под навес: выпить водки и пострелять из привезенного им гарпунного ружья. Святой Отец, увидав собаку, пришел в лютое неистовство.

- Покайся, шерстью покрытое отродье Сатаны! - возопил он, приближаясь к сидящему на цепи Маркелу. - Покайся, тебе говорю!

Маркел пьяных людей (как и остальных двуногих) охуенно недолюбливал - поэтому принялся беситься, хрипеть и рваться с цепи. Но Святого Отца это не испугало, наоборот - подействовало, будто плащ матадора на быка.

- Угрожаешь мне? - заорал он. - Молись, нехристь, своему собачьему богу! Сейчас я вырву у тебя печень!

Его попробовали отговорить, но Святого Отца это только раззадорило.

- Кого спасаете? - взвыл он. - За кого заступаетесь?! Не бойтесь, бой будет честным!

С этими словами Святой Отец встал на четвереньки и бросился вперед. Все, кто это видел - замерли, разинув рот, не в силах поверить собственным глазам. Маркел один раз уже сорвался с цепи, память об этом случае еще не успела выветриться.

Неизвестно, что разозлило Маркела в тот раз - но он бесился на цепи, пока одно из звеньев не лопнуло. Собравшиеся тут же бросились к окрестным деревьям и расселись там, словно птицы по ветвям. Через несколько секунд на поляне остался только Маклауд, который замешкался и не успел убежать. На него-то и бросился Маркел, озверевший от долгого сидения на цепи. Но сделал он это зря. Вместо того, чтобы попробовать скрыться, Маклауд подхватил с земли алебарду и с размаху съездил ею Маркелу поперек его оскаленной рожи. Удар был так хорош, что Маркел покатился о землю, а когда поднялся - убежал и некоторое время не показывался из лесу.

Но одно дело - перетянуть московскую сторожевую алебардой, и совсем другое - напасть на неё без оружия, стоя на четвереньках. Такое никому из присутствующих в голову не могло прийти. Даже Маклауд, хоть он и упрекал нас за проявленную перед лицом неразумного животного трусость, вряд ли бы на это отважился.

Но на это отважился Болгарский Святой Отец. Бросившись вперед, он обхватил Маркела руками поперек туловища, а зубами впился ему в правую переднюю лапу. Маркел навалился на святого Отца сверху, немилосердно кусая его за загривок - но увяз зубами в ватнике и упустил свой шанс.

Святой Отец вовсе не шутил: его зубы прокусили шкуру и глубоко впились в собачью плоть. Шокированный таким поведением высшей из известных ему форм жизни, Маркел не на шутку перепугался. Он завизжал, забился на цепи - а потом поднатужился и оборвал её в том месте, где она крепится к ошейнику. Страхнув с себя Святого Отца, Маркел бросился бежать, припадая на прокушенную переднюю лапу и подвывая.

Все с ужасом следили за его бегством, но потом увидели - бояться следует вовсе не убегающего Маркела. Потому что Святой Отец подобрал с земли топор и двинулся к костру рваной походкой сбоящего автомата. Взгляд у него был такой, что Соколов сразу же все понял.

- Аврал! - закричал он. - Отче перекинулся!

Совокупными усилиями удалось отнять у Болгарского Пастора топор и связать его остатками Маркеловой цепи. Святой Отец бесновался на цепи, пуская слюну и рыча, когда появился Костик-постпанк с хромящим Маркелом и взведенным гарпунным ружьем.

- Кто из вас тронул моего пса? - с порога начал он. - Пиздец всем, кто обидел мою собаку!

В ответ на это Гаврила-болгарин показал на Святого Отца.

- Вот, - информировал он Костика. - Вот кто это сделал!

- Чем это он его? - спросил Костик, разглядывая лапу Маркела. - Ножом?

- Зубами, - ответил Гаврила, а затем вкратце обрисовал перед Костиком кровавую картину развернувшихся на поляне событий. - Не веришь? Посмотри-ка внимательнее!

Костик подошел к Святому Отцу и вгляделся. В наступающих июньских сумерках было видно, что вся пасть (а иначе не скажешь!) у Святого Отца перемазана в крови, а на подбородке налипли клочья собачей шерсти.

- Охуеть... - тихо сказал Костик. - Первый раз такое вижу!

- Забирай свою собаку и иди, - строго сказал Сокол. - Пока мы нашего Отче на неё не спустили!

Спустилась ночь, раскинув над Утехой яркий купол далеких звезд. Теплый ветер нес с озера запах ряски и тростников, вокруг освещенного костром пространства столпились деревья. Но покоя не было этой ночью ни в Утехе, ни возле неё. Стоял неумолчный крик, раздирающий уши - это бесновался связанный цепью Болгарский Святой Отец. Он бился в цепях, словно Бартлет Гринн в плену у епископа Боннера⁸⁷, и выл:

- Джонни, козлина! Уже спишь? Я выгрызу тебе печень!

Иногда он затихал и некоторое время лежал спокойно, а потом начинал звать тихим и нежным голосом, полным едва сдерживаемых слез:

- Я пианист, развяжите мне руки. Ослабьте цепи, я ведь пианист! Боря, иди сюда!

Борис поверил Святому Отцу и подошел поближе.

- Наклонись, я тебе что-то скажу, - прошептал Отче угасающим голосом. - Не хочу, чтобы слышали эти...

Боря склонился и едва не лишился уха: Отче изогнул шею и ударил челюстями, промахнувшись не более, чем на сантиметр. Разъяренный своей неудачей, он снова принялся биться в цепях и выть:

- Джонни, козлина! Ты не спи! Слышишь, козлина? Я выгрызу у тебя печень!

Затих Святой Отец только под утро. Его глаза широко открылись, из них потекли слезы, и Святой Отец внезапно глубоко уснул. Тогда Сокол снял со Святого Отца цепи, отнес его в лес и там устроил дремать на пенке. Взяв литр спирта, он принялся караулить сон Отче. К утру мы думали, что Сокола самого придется посадить на цепь - до такой степени он накараулился. А Святого Отца с тех пор стали называть не иначе, как "Цепной Отец", сокращенно это будет - ЦЕПНОТик.

Другой подобный случай вышел в Утехе с другом Гуталина Ильей, получившим из-за этого прозвище Лейтенант. Гуталин играл с Ильей в одной баскетбольной команде и решил по случаю вывести его в лес - чтобы познакомить с братьями. Но для того, чтобы поехать в Заходское, Илье пришлось закосить военную кафедру у себя в институте. Он немало беспокоился по этому поводу - пока они на пару с Гуталином не распили два литра разведенного до семидесяти градусов спирта. Тогда волнение Ильи трансформировалось, неожиданно превратившись в настойчивый бред угрожающего характера.

⁸⁷ Персонажи книги Густава Майринка "Ангел западного окна".

Забравшись среди ночи в палатку к Гуталину (который лежал еле живой, так как выпитое не пошло ему на пользу), Илья принялся бешено его тормозить:

- Саша, вставай! Саша, вставай!

- Что? - бесцветным голосом спросил Гуталин, который не смог бы встать, даже если бы очень этого захотел. - Что случилось?

- Мы находимся в зоне радиационного, химического и бактериологического заражения! - скороговоркой выпалил Илья. - Надо срочно отсюда валить! Собирай вещи!

- Ебанись ты! - вяло отозвался Гуталин, который только и мог, что через каждые пятнадцать минут высовываться из палатки и блевать. - Попить мне принеси!

- Все заражено! - заорал Илья в ответ так, что Гуталин даже зажмурился. - Здесь пить ничего нельзя!

После этого Илья уселся на пятки и принялся бормотать, раскачиваясь и обхватив голову руками:

- Я лейтенант... весь мой взвод на полигоне погиб... весь мой взвод, все парни...

Неожиданно Илья вскочил, бросился к Гуталину и снова принялся его трясти:

- Мы найдем труп ефрейтора, у него рация была. Мы разыщем его, я обещаю! Слышишь меня?!

Отчаявшись добиться от Гуталина адекватной реакции, Илья поднял руки к лицу и пронзительно закричал:

- Атомный удар, атомный удар! Волна слизнула танки, как кот сметану!

Затем Илья принялся гладить Гуталина (завсегда бреющегося налысо из-за националистических убеждений) по голове.

- Радиационный фон... - бессвязно бормотал Илья. - Саша облысел, мы все тоже облучены...

Никаких объяснений Илья слушать не захотел, и чуть что - принимался бегать кругами, то плача, а то крича во весь голос:

- Атомный удар, атомный удар! Мой взвод погиб! Я лейтенант!

Так продолжалось всю ночь и большую часть утра. Только к полудню случившийся в районе Утехи Барин сумел поправить сложившееся положение. Для этого он заступил Илье дорогу и заявил:

- Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

- Слушаю вас, - потерянно ответил Илья, силясь сфокусироваться и смотреть прямо перед собой. - Обращайтесь!

- Почему вы, товарищ лейтенант, - строго начал Барин, - одеты не по форме?

Илья перевел взгляд на свою коричневую кожаную куртку, на такие же штаны и еще ниже - на рыжие шведские ботинки старого образца. Видно было, как он скрипит мозгами, ища этому хоть какое-то объяснение. Но Барин не дал ему времени на раздумья:

- И еще! Чего это вы, товарищ лейтенант, ходите волосатый? - поинтересовался Барин, дергая Илью за свободно свисающую русую прядь. - И не стыдно вам?

Тут Илья пришел в себя, огляделся по сторонам просветлевшим взором и принялся Барина благодарить.

- Казалось мне, - признался он, - что я лейтенант, и что весь мой взвод на полигоне под атомным ударом погиб! Кабы не Андрюха, то и не знаю, что бы я сейчас делал!

- Да уж! - рассмеялся Сокол, многозначительно глядя на дерево, к которому привязывали Святого Отца. - А вот мы знаем, как надо в таких случаях поступать!

В начале июля Мирт устроил в Заходском свою игру. На ней отличился Гоблин, причем несколько раз подряд. Однажды к нам на стоянку вышел один господин, имени которого мы в тот раз не удосужились спросить, а теперь узнать его уже не у кого. Он подошел к нашему костру и предложил кому-нибудь из нас сразиться с ним.

Вызвался Гоблин - он как раз выпил столько, что его неудержимо тянуло в бой. Подобрал с земли пару прессфанерных брусков, Гоблин занял позицию напротив пришлого витязя. Тот нацепил

небольшой щит, надел на голову глухой белый шлем и тоже изготовился к бою. Почему-то тот факт, что его противник собирается драться в шлеме, Гоблина крайне возмутил.

- Надел шлем - получай пизды! - заорал Гоблин и бросился вперед.

Первым ударом он сбил вниз щит противника, а второй и третий обрушил ему прямо на голову. Они были такой силы, что продолжать сражение маэстро не смог и был вынужден Гоблину сдаться. Мы были весьма довольны такой демонстрацией и очень хвалили Гоблина. Видимо, перехвалили, так как разошелся он не на шутку.

В Нимедийской крепости есть надвратная башня, с которой просматривается большой участок пустоши. Как-то раз мы заметили: на кромке леса появился человек и делает оттуда руками жесты угрожающего характера. Гоблин, пьяный сверх всякой меры, в это время блевал, перегнувшись через ограждение смотровой площадки. Подняв голову и увидев пришедшего человека, Гоблин схватил лук собственного изготовления и принялся целиться в чужака.

- Стрелу в глаз! - предупреждающе крикнул Гоблин, но его слова не были приняты в расчет.

Неудивительно - до кромки леса было метров тридцать, а Гоблин был пьян до такой степени, что едва сумел приладить к луку стрелу. Наконец он уперся животом в загородку, перестал раскачиваться и спустил тетиву. Текстолитовый прут, которым стрелял Гоблин, взмыл в небо по высокой дуге, тенью скользнул по сумеречному небосводу и ударил в переносицу чужаку. Так Гоблин на насущном примере разъяснил, каково глумиться издалека над эльфийскими лучниками. Есть даже поговорка такая: "На ошупь бьют эльфийские стрелки!". Так вот это - про Гоблина.

Вскоре после этого случая нас пришли штурмовать Эйв и его товарищи. Когда они появились под стенами Нимедии, Эйв принялся выкликать себе поединщика. Тогда окончательно превратившийся в животное Гоблин спрыгнул вниз, по пути проломив своим телом ограждение надвратной башни, выполненное из толстых жердей. За одну из них он зацепился ногами, перевернулся в воздухе и упал головой вниз - сопровождаемый в полете кучей трухи и древесных обломков. С трудом поднявшись на ноги, Гоблин подобрал свои мечи и двинулся в сторону Эйва. Тот опередил его и ударил нагинатой в живот, но недостаточно сильно.

- Два хита, - сообщил Эйв, - хватит?

- А мне мало! - заорал в ответ Гоблин. - Мне мало, мне мало, мне мало!

Каждый такой крик Гоблин сопровождал ударом прессфанерного бруска. Последний из них разорвал на Эйве алюминиевую кольчугу, а самому Эйву сломал ключицу. Вполне возможно, что Гоблин совершил бы в тот день и еще какие-нибудь подвиги - но тут за Эйва вызвался отомстить его друг Агафоша.

Держа свои клинки на уровне пояса, Агафоша бросился на Гоблина, даже не думая защищаться. Пока Агафоша срывал дистанцию, Гоблин успел нанести ему несколько чудовищных ударов по голове и плечам, но без видимого результата. Этим он только разозлил Агафошу. Прорвавшись вплотную, он ткнул Гоблина в живот своими заточенными на конус мечами. Агафоша вложил в эти удары такую силу, что Гоблина приподняло в воздух и опрокинуло с ног.

Сначала мы думали, что Агафоша заporол нашего Гоблина своими штырями - но все обошлось. В тех местах, куда попали Агафошины клинки, у Гоблина под кожей набухли чудовищные кровоподтеки. Без рубашки он выглядел теперь как человек, которого били по пузу кувалдой - бледная кожа, а на ней два багрово-черных, расплывающихся пятна.

Еще один случай с участием Гоблина вышел в Осиновой Роще, во время зимней однодневной игры. Гоблин и Стори, напившись водки, устроили там своеобразную манифестацию. Они подошли к собравшимся на поляне ролевикам и безо всяких объяснений принялись собирать у присутствующих мечи и кидать их на землю. При этом Стори призывно кричал, так что посмотреть на обещанное им представление собралась целая куча народу.

Когда толпа стала достаточно плотной, Гоблин со Стори обнялись - а затем Гоблин вынул из кучи один из мечей. Стори встал напротив и показал Гоблину - дескать, давай!

Тогда Гоблин размахнулся хорошенько и ударил Стори мечом по голове. Ключка, из которой был сделан меч, не выдержала удара и лопнула. Стори выпил водки, утер выступившую кровь и сам потянул меч из кучи. Хлестким ударом он разломил этот меч об голову Гоблина так ладно, что не было даже крови.

Толпа взволновалась, начали громко возмущаться владельцы сломанных мечей. Но больше было все же недоумения: для чего это все? Постепенно недоумение перешло в ужас, когда Гоблин и Стори снова взялись за водку и за мечи. Некоторые клинки не удавалось сломать с первого раза, и приходилось бить еще и еще. Вскоре Гоблин и Стори были совершенно перемазаны кровью, а все пространство вокруг них было завалено обломками.

Братья прилично тогда друг друга похуярили - но зато одержали полную моральную победу. По лицам тех, кто наблюдал эту манифестацию, можно было заключить вполне однозначно: нас теперь до конца дней будут считать дебилами, но вслух этого не скажут. Связываться не захотят.

Как то раз в Нимедии мы слушали рассказ Слона о том, что он видел в передаче “Сам себе режиссер”. Будто бы какой-то мужик взял двухметровое бревно, обмотал его концы цепью, а на метровые остатки вывесил по чурбаку. Этим устройством народный умелец выучился вращать особым способом, а как именно - Слон берется нам немедленно показать. Для этого он уже приготовил тщательно ошкуренное бревно, тренировочный вариант - без цепей и привешенных чурбаков.

Выполняется упражнение так: сначала бревно кладут на шею, параллельно линии плеч. Потом посылают правый конец бревна под левую подмышку, обкатывают по спине и вокруг поясницы и снова возвращают на плечо. Даже первый элемент чрезвычайно интересен, так как в ходе его наносятся два сокрушительных удара разными концами бревна. Мы представили себе строй Хирда под такими ударами, побежали к замковым укреплениям и живо изготовили каждый по такому же тренировочному средству.

Некоторое время мы развлекали себя такими упражнениями, а потом утомились - съели по полташке грибов и расселись возле костра. Вышла огромная луна, пространство вокруг Холма утонуло в её призрачном, белесом свете. Все было спокойно, пока я не заметил, что Гоблин положил в костер изготовленное мною “потешное” бревно.

- Эй! - позвал его я. - Ты, часом, не охуел?

Делать Гоблину замечания - пустое дело. Мне пришлось самому вставать и тащить бревно из костра, но тут Гоблин решил вмешаться. Угрожая мне покупным мачете, он стал насмехаться надо

мной и всячески меня унижать. Я не смог этого вытерпеть, достал из-под лежанки свой палаш и набросился на Гоблина. Палаш у меня самопальный, его сделал еще мой папа из куска пилорамной стали. Это прямоугольный кусок железа с деревянной ручкой, который не идет ни в какое сравнение с Гоблиновским мачете - имеющим небольшую гарду, более длинным и сведенным на остриё.

Мы сцепились неподалеку от костра. Ветер раздувал пламя, но мне виден был лишь темный силуэт Гоблина и серебрящаяся в лунном свете полоска его клинка. Грибы изменили восприятие времени, Гоблиновское мачете взлетало и падало, словно в замедленной съемке. Когда лезвия встречались, в месте их столкновения вспыхивали шипящие длинные искры. Один раз я заметил, что полоска лунного света падает прямо на меня. С огромным усилием я успел отдернуть голову, но мачете прошло совсем рядом - его зазубренный край вырвал прядь волос из моей шевелюры.

Меня подвела лишенная элементарной защиты рукоять палаша - клинок мачете соскользнул по лезвию и рассек мне пальцы до кости. Я выронил палаш и был вынужден спасаться бегством. Обежав вокруг костра, я взвалил на плечи своё “потешное” бревно и стал поджидать Гоблина, наступающего на меня с мачете в руках.

Упражнения не прошли даром: первым же ударом бревна я выбил мачете у Гоблина из рук. Но дальше этого дело не пошло - Гоблин сорвал дистанцию, вцепился в бревно и попытался ткнуть меня выхваченным из ножен водолазным ножом. Так что бревно мне пришлось бросить. Весь перемазанный кровью, льющейся из рассеченной руки, я отбежал от Гоблина, поднял поллитровую бутылку из-под водки и принялся кричать:

- Погоняй свою ленивую лошадку! - орал я Гоблину. - Ну, ковбой! Погоняй свою ленивую лошадку!

Гоблин услышал меня, подобрал мачете и бросился вперед. Когда я метнул в него бутылку, нас разделяло около пятнадцати метров. Сверкнув в лунном свете, бутылка попала Гоблину горлышком в рот и отколола половину резца. Затем бутылка продолжила свое поступательное движение - разбила доньшком Гоблину очки и сломала нос. Удар был так хорош, что Гоблин закачался, повернулся вокруг собственной оси и упал, широко раскинув руки.

Стори утверждает, что момент, когда я стал кричать: “Погоняй свою ленивую лошадку!”, выглядел сравнимо со сценами из старых ковбойских фильмов. Может, и не так круто, как в “Хороший, Плохой, Злой” - но уж всяко лучше, чем в “Лимонадном Джо”.

Юхиббол Саг и удар молнии.

“Учителя в школе могут спросить у тебя: “Встань, Петров, и ответь: кем ты хочешь стать? Плотником, маляром, инженером?”. Они ждут от тебя, что ты встанешь и выберешь из предложенных вариантов. Ты должен быть готов к этому вопросу, чтобы ответить на него с места, не вставая:

- Нет, Марья Ивановна - инженером я быть не хочу. Я хочу быть Подонком!” Курсы Молодого Подонка.

В субботу тринадцатого июля на станции Чудово мы обоссали мента. Получилось это так. Нашу электричку, направляющуюся в Малую Вишеру, нашли технически неисправной, застопили в Чудово и высадили всех пассажиров. Огромная толпа в страшной давке сгрудилась на бетонной платформе. Я стоял у самого края, ожидая, когда подадут новый электропоезд, и очень страдал от переполнения мочевого пузыря. Тут надо заметить, что страдал я не один.

По правую руку от меня так же маялся Егор Панаев по прозвищу Тень. Перед нами была весьма насущная проблема - отойти было некуда, а спрыгнуть с перрона нельзя, ведь в любой момент могут подать электричку. Отчаявшись, мы принялись мочиться прямо с края платформы, под осуждающими взглядами стоящих вплотную людей.

Когда ссышь на улице, а не у себя в толчке, то за струей обычно не смотришь. Наоборот, взгляд поднимается вверх, ты стоишь, задрав голову, пока с этим делом полностью не покончишь. Мы поступили именно так - задрали башки и таращились в июльское небо, когда с путей до нас донеслись жуткие крики, исполненные нечеловеческой злобы.

Сотрудник милиции, вздумавший пройти по путям вдоль платформы по каким-то служебным делам, июльским небом вовсе не интересовался. Вместо этого он елозил взглядом по низам: по железнодорожному полотну, по разбросанным бутылкам, хабарикам и использованным шприцам. Он так увлекся этим делом, что зашел прямо под наши струи и поначалу даже не заметил этого факта. Но заблуждение его длилось совсем недолго.

- А... СУ-У-УКИ! - заорал он прямо у нас под ногами. - СТОЯТЬ!

Мы глянули вниз, и я мгновенно, словно во вспышке озарения понял, что только что произошло. Панаев размышлял еще быстрее меня - когда я обернулся, чтобы посмотреть на его реакцию, Тень и след простыл. Но в меня мент вцепился обеими руками и начал тянуть вниз, стаскивая с платформы.

Тут произошло сразу несколько событий. Сначала объявили, что электропоезд на Малую Вишеру подают на соседнюю платформу, затем толпа с криками и бранью бросилась к переходу между перронами, а потом на пути рядом со мной спрыгнул Кузьмич. Он повел себя продуманно и осторожно - сначала предъявил менту свои документы, а потом вступил с ним в пространную беседу, выясняя его намерения в отношении меня. Мы вместе поднялись на уже очистившуюся платформу и проследовали по направлению к милиционерскому пикету. Шли мы как раз мимо готовящейся к отбытию электрички на Малую Вишеру.

- А где тут у вас пикет? - как бы невзначай поинтересовался Барин, и мент показал рукой - дескать, вон где.

Я увидел свой шанс. Как только Барин отвлек внимание моего конвоира, я рванулся изо всех сил, прыгнул в сторону и нырнул в открытое окно электрички. Вагоны были настолько забиты людьми, что не то что преследовать меня, а даже втиснуться в тамбур представлялось немалой проблемой. Барин остался на перроне в обществе взбешенного мента, тот даже хотел оттащить его в пикет - но тут Кузьмич уперся.

- За что? - возмутился он. - Я-то в чем виноват?

Мент плюнул и отстал от него - и Барин забрался в вагон, степенно и без излишней поспешности. По железному телу электрички прошла короткая судорога, послышался грохот трогających вагонов, и вокзал за окном заскользил назад. Тогда я выбрался из-под лавки и спокойно вздохнул - мы снова ехали, а наш путь лежал в Подмоскowie - на второй "Кринн" в Карабаново.

Мы сбросили рюкзаки на маленькой поляне посреди леса, в густой тени скрывающих небо еловых лап. Благодатная прохлада прятала нас от палящих лучей июльского солнца, Крейзи развел небольшой уютный костер, а Злую Голову тут же послали за водой. Мы взяли его с собой, чтобы он тащил наш походный инвентарь - четырехместную палатку, костровой трос, пилу и оба котла. Все эти вещи принадлежали ему, а кроме этого Злая Голова тащил купленные за свой счет запасы пищи для всей экспедиции. На него же мы возложили хозяйственные заботы - воду и дрова, ибо истинно сказано: "Не стесняйся, если кто-то захочет тебе помочь. Это твой будущий раб, глупо отказываться от такого подарка".

Едва поспел кипяток, только-только мы устроились на отдых с бутылкой черничной Элберетовки⁸⁸ и гашишем, как спокойствие нашего быта было неожиданно и дерзко нарушено. Какой-то очкарик в синей подделке под "Адидас" вывалился к нам на поляну из близлежащих кустов. Он подслеповато щурился, водя по сторонам прыщавым еблом, а в руках держал топор и здоровенную спортивную сумку.

⁸⁸ Элберетовка бывает нескольких модификаций - медовая, клубничная, малиновая, черничная и "black currant".

- Меня зовут Дан, - осмотревшись, заявил он. - А вы кто такие?

Мы сидели спокойно и лишь коротко переглянулись между собой. Крейзи сохранил невозмутимое выражение лица, Тень смотрел с легким недоумением, а вот Барин был явно недоволен.

- Меня “мастера” уполномочили на постройку крепости, - продолжал Дан. - А вы, так как не уплатили взносов, будете мне помогать!

Поставив сумку на землю, Дан достал из кармана листок бумаги и принялся мять его в руках. Весь листок был покрыт какими-то чертежами и карандашными закорючками. С этим листком Дан двинулся вокруг стоянки, на ходу раздавая великое множество указаний:

- Вот тут надо будет вырыть ров, а вот здесь вкопаем столбы... Но сначала надо приготовить ошкуренные стволы. Поднимайтесь, берите инструмент и идите за мной!

Нельзя сказать, чтобы его слова были встречены пониманием. Мы продолжали молча сидеть, как сидели, никто не проронил ни слова в ответ. Но выражение лица у Барина стало совсем уже мрачным, и даже Рыжая, обычно спокойная и уравновешенная, нахмурила брови и смотрела на наглого очкарика с оттенком неудовольствия. Но молчание затянулось, пора было что-то решать.

- Хорошо, - подал голос Крейзи. - Мы согласны с твоим предложением. Ты бери топор и иди, намечай стволы под валку, а мы сейчас подойдем. Мы только что с дороги, дай нам на сборы десять минут.

- Десять минут, не больше! - кивнул Дан, подхватил топор и скрылся в лесу.

Когда его синий костюм перестал быть виден между деревьями, мы вздохнули свободней. Я налил по стопке Элберетовки, мы выпили и принялись судить, как бы нам избавиться от этого назойливого пидараса. Первым осенило Барина.

- Вставай, Джонни, - позвал он. - Есть идея!

С этими словами он подошел к сумке, которую оставил Дан, и расстегнул молнию. Распахнув края сумки пошире, Барин принялся туда ссать.

- Чего ждешь? - обернувшись через плечо, спросил он у меня. - Помогай!

- Зачем?! - удивился я, однако спорить не стал.

Вдвоем мы обоссали всё так, что в сумке сухого места не осталось. После этого Барин подобрал какой-то сучок, брезгливо подцепил им молнию на сумке и застегнул. Весьма довольные сделанным, мы вернулись к костру.

- Слушайте теперь сюда! - объявил Барин. - Если отпиздим этого кретина, то у нас будут проблемы. Скажут, что мы ни за что его отпиздили. А теперь есть очень хороший повод.

Барин сделал руками жест - дескать, пригнитесь поближе - и зашептал:

- Сейчас он увидит, что мы не идем, и вернется. Тут я у него спрошу - Дан, а нет ли у тебя туалетной бумаги? Если скажет, что нет, то ты, Крейзи, попроси у него какой-нибудь еды. А если он и еды не даст, то Тень пусть требует у него авторучку для строительного чертежа. Он полезет в сумку, увидит, что внутри все обоссано, и начнет нам предъявлять. Скажет: “Суки, да вы мне в сумку нассали!”

- Тут ему и пиздец! - врубился я. - Мы его хуярим, а потом, чуть что...

- Заявляем, что он принес нам обоссаную сумку, да еще и в бычку полез! Никто при таких раскладах за него не впишется - а мы уйдем в железобетонный отказняк. Типа - мы не ебнутые, чтобы ссать ему в сумку! На хуй нам проблемы, чё вы нам тут предъявляете?

На том и порешили. Но плану Кузьмича исполниться не было суждено. Минуло десять минут, потом полчаса, и только на исходе часа какой-то парнишка прибежал с “мастерской” на нашу стоянку и закричал:

- Дан себе по голове топором попал! У него сотрясение мозга и сетчатка на глазах отслоилась!

- Очень хорош... - начал было Тень, но сразу же поправился. - Вернее, как это вышло?

- Он говорит, что замахнулся топором и случайно попал себе обухом по лбу, - скороговоркой выпалил парнишка. - Так что вы его не ждите... Где его сумка?

- Вон стоит, - показал Крейзи. - Отнесешь ему, ладно?

- Так я за ней и пришел! - ответил парнишка, поднял сумку и убежал.

Когда он ушел, мы поставили следственный эксперимент. Заставили Злую Голову взять топор и проиллюстрировать: как же это Дан попал себе обухом по голове? Но ничего вразумительного у Никки не вышло. Так что мы пришли вот к какому выводу - по некоторым вопросам Дан даже больший долбоеб, нежели Злая Голова. Проведя полевое совещание, мы признали Дана годным и зачислили его в Список Неуподоблюсь под именем "Дан Московский".

Дан был не единственный, кто не умел обращаться с топором. Вечером того же дня Брайн, больше всех суетившийся насчет постройки моста через реку, едва не отрубил себе ногу. Он звал и нас строить этот мост (чтобы на наш берег смог переехать запорожец московского Углука), кивая на несданные Ленскому взносы. Но работать на постройке моста нам не велела традиция.

Мы не платили на играх ни разу и никогда не работали, а уж если брались - то больше всего об этом потом жалели недалекие работодатели. По всему выходит, что мы были правы - Брайн и взносы заплатил, и работал, а едва не остался за своё глупое усердие без ноги. Во время постройки моста случилось и еще кое-что.

Москвич Отче Федор вздумал проводить подводные работы на дне реки - заколачивать кувалдой крепеж для деревянных свай. Для этого он присоединил к противогазу резиновый шланг и полез в воду. Конец шланга Отче Федор оставил плавать на поверхности воды, поддерживаемый несколькими пустыми баллонами из-под лимонада. Чтобы туда не затекла случайная влага, Отче Федор надставил шланг обрезанной пластиковой бутылкой наподобие воронки. Это-то его и подвело.

Наблюдавший за стройкой Дурман увидал, как эта воронка соблазнительно покачивается возле берега - и вылил в неё целый котел воды. Несколько секунд все было спокойно, а затем на поверхности появились стремительно расходящиеся круги. Это бесновался под водой Отче Федор, неожиданно вдохнувший вместо живительного воздуха полную грудь мутно-желтой речной жижи.

На следующий утро мы с Кузьмичом спровоцировали бунт Злой Головы. Присев напротив него у костра, мы принялись вести вот какие разговоры.

- Не дохуя тебя Крейзи уважает, если все время гоняет то за дровами, то за водой, - начал я, пристально глядя на Никки.

- Да уж, - поддержал меня Барин. - Он вообще охуел. Но ты, видно, таким обращением доволен? Или все же нет?

Голова слушал нас с растущей заинтересованностью, так как тема перекликалась с его самыми затаенными мечтами. На таких, как Голова, подобные слова действуют подобно потокам воздуха, проникающим в сморщенный мешок. Вот мы с Кузьмичом и принялись "надувать" Голову, увеличивая постепенно его самомнение и решимость.

- А не так-то он силен, это Крейзи, - высказался я. - Вполне можно было бы послать его на хуй!

- Точно! - тут же подхватил Барин. - Как только он откроет рот, так прямо ему и сказать: "Иди-ка ты на хуй! Сам сходи себе за водой!"

- А уж мы бы тебя защитили от него, если что! - добавил я. - Дали бы ему пизды!

Мы продолжали в таком духе до тех пор, пока не проснулся Крейзи. Он вышел к костру, уселся напротив Никки и как бы невзначай обронил:

- Голова, а Голова? Где вода-то?

Никки секунду смотрел на него, а потом на его прыщавом лице появилось выражение отчаянной решимости. Вот, казалось ему, наступил момент истины, возможность стряхнуть многолетнее иго и наконец-то почувствовать себя наравне с остальными! Не бегать спросонья за водой, а лежать на удобном "диване" в ожидании утреннего чая. Не таскать неподъемные рюкзаки, а прогуливаться

налегке, попыхивая длинным косяком. Голова собрался с силами, встал и сказал как мог более веско:

- Какая я тебе Голова? Пошел ты на хуй, сам иди за водой!

Мы с Кузьмичом настаивали, чтобы Голова добавил к этому “пидарас”, но это было слишком, на это Никки уже не отважился. Но и так получилось ничего. Крейзи некоторое время сидел молча, не в силах поверить собственным ушам, а Голова принял это временное затишье за полный успех. Победно оглянувшись на нас, он крикнул, глядя прямо Крейзи в глаза:

- Да, да, Крейзи - пошел ты на хуй!

Тут Крейзи встал, выхватил из костра полуметровую головню, рдеющую на конце подобно багровому протуберанцу, и направил пылающий конец прямо Голове в лицо. Никки, сию секунду спасшись от соприкосновения с пылающими углями, бросился назад, но споткнулся и упал на спину. Он полз на лопатках, а Крейзи шел рядом, приставив головню ему к подбородку.

- Джонни, Джонни! - заверещал Никки испуганно, не в силах повернуть голову и лишь кося в мою сторону выпученным от ужаса глазом.

Но так как я сидел с самым счастливым лицом, то Голова принялся взывать к Барину, ища обещанного спасения у него:

- Барин, Барин!

Но поскольку и Барин лежал в покатуху и не торопился его спасать, то Голова прибег к последнему средству.

- Крейзи, Крейзи! - истошно завопил он. - Крейзи, Крейзи-и-и!

Так был подавлен бунт Злой Головы, и снова установился привычный распорядок: мы нежились на “диванах” и курили длинные косяки, а Голова сутил с водой и с дровами.

Свет летнего солнца падал сквозь еловые кроны веселыми бликами, погода стояла чудесная, и нам захотелось немного размяться. Мы взяли специально заготовленные колья и только принялись друг друга молотить, как вдруг нас прервал чей-то мягкий и как будто обволакивающий голосок:

- Что же это вы все деретесь, а реверса не делаете?

Мы обернулись и застыли, потрясенные увиденным. Прямо на нашу поляну вышел худощавый тип средних лет, горбоносый и кучерявый. Он был одет в помпезные и странные одежды, но больше всего нас поразило, что он ярко напмадил себе губы и подвел глаза. На уши он наклеил кусочки пластыря, таким образом несколько их удлинив.

- Кто ты такой? - резко спросил Барин. - Какого хуя тебе здесь надо?

- Меня зовут Маккавити, - представился нам раскрашенный незнакомец. - А на этой игре я буду эльф Фиалхаст.

- Да какой ты эльф? - возмутился Крейзи. - Если ты эльф, тогда мы кто?

- Шел бы ты отсюда, - предложил Барин. - Иди, в другом месте поищи, кто тебе реверс сделает!

- Нет, - улыбнулся Маккавити. - Вы неправильно поняли, реверс - это удар торцом на возврате, сейчас я вам его покажу...

- Ну-ка на хуй! - возразил Барин. - Без тебя обойдемся! Не надо нам твоих “ударов торцом”, ни “реверса” твоего, ни тебя самого!

На том и распрощались, но этот случай плотно засел у нас в памяти. Долго еще слово “реверс” вызывало негативные ассоциации, воскрешая в памяти напмаженные губы и подведенные глаза. С тех пор выражения “реверс” и “удар торцом” превратились в нашем понимании в ругательные и стали обозначать, благодаря встрече с Маккавити, гомосексуальный половой акт.

Под вечер мы принялись за своё любимое дело - стали жечь вещи спящего Головы. Жечь чужие вещи - своеобразная культура, тут нужен особый подход. Нельзя делать это впопыхах, ведь тогда вы получите минимум удовольствия. Тут необходимо тщательно подготовиться. Если вы освоите эту практику, то вам не понадобится больше ни филармония, ни театр - так возвышенно и блаженно вы будете себя ощущать.

Сначала Крейзи вбил в костровище несколько рогатин и повесил на них принадлежащий голове плащ от ОЗК⁸⁹. Крейзи повесил его так, что полы скрывали приготовленные дрова, а рукава были подняты вверх. Было похоже, будто в сумерках над костровищем встала серая фигура с воздетыми к небу руками. Затем мы приготовили лежаки и устроились поудобнее: Крейзи раскурил жирный косяк, а мы с Тенью раскупорили бутылку клубничной Элберетовки. Прикурив косяк, Крейзи распахнул полу Головинского ОЗК и сунул догорающую спичку в кучу заранее приготовленной бересты и древесной трухи.

Стремительно вечерело, но сумрачное небо еще хранило последние закатные отсветы. Вскоре из рукавов плаща заструился густой дым. Рукава стали похожи на пару заводских труб - сначала дыма было немного, но потом тяга пошла, и к небу поднялись два темных, сыплющих сажей столба.

- Божественно, - неподвижно глядя вперед, выдохнул Крейзи. - Это действительно прекрасно!

У меня самого чуть слезы не навернулись на глаза. Так великолепен был Головинский ОЗК, эманурующий в гаснущее небо струи плотного черного дыма. Они поднимались вверх, к низким облакам, на которых опочили последние багровые отсветы. Но вскоре солнечный огонь сменился другим пламенем - шипящим и красным, разгорающимся на земле. Это не выдержали температуры прорезиненные стенки плаща, отпустив наружу скрытый до поры жар. Темнота отступила, когда исполинская пламенеющая фигура встала над костром, сыпля во все стороны багровыми каплями.

- О-о! - воскликнул в восхищении я. - Немыслимая доселе красота!

- А ботинки-то? - вскинулся Тень. - Ботинки-то как?

Тут мы вспомнили, как Злая Голова распинался о достоинствах своих новых ботинок.

- На сто тысяч километров пути с подошвы сойдет лишь двадцать наномолекулярных слоев, - вещал Никки, - а плотность материала такая, что её совершенно невозможно проткнуть.

- Давайте-ка проверим, - предложил я, - так ли это?

Стали искать Голову и нашли его в собственной палатке. Ботинки хитрая Голова одел на ноги, чтобы мы их не украли. Крейзи, взяв старую консервную банку, наткал в ней ножом множество дырок, положил туда немного углей и древесной смолы. Когда импровизированная дымовуха разгорелась как следует, Крейзи отодвинул занавес у входа в палатку и сунул дымовуху внутрь.

Минут пять все было спокойно, а потом послышался кашель. Стенки палатки зашевелились, и мы увидели, как Голова выпихивает банку из палатки ногой. Для сонной Головы и это было непросто, втянуть ногу обратно у Никки уже не хватило сил. Крейзи удовлетворенно кивнул и оставил все, как есть.

Сев у костра, мы принялись рассуждать, как испытать наномолекулярные слои на подошвах Головинских ботинок наилучшим образом. Оказалось, что у Крейзи есть с собой здоровенная швейная игла, и мне пришла на ум мысль приспособить её в качестве наконечника. Врезав иглу ушком в древко стрелы, мы обмотали наконечник проволокой, тщательно проверили прочность крепления и остались сделанным премного довольны.

Постелив одеяло перед входом в палатку, мы принялись курить гашиш и созерцать будущее. Лично для меня оно было очевидно - мой взгляд падал то на лук и стрелу, сложенные на одеяле, то на подошву Головинского ботинка, немного торчащего из-под закрывающего вход полога. Такие моменты словно тишина в горах, что предстоит камнепаду - еще все спокойно, тихо идут по небу перистые облака, но кто-то уже встал над осыпью и взял в руки увесистый валун.

Мы докурили косяк, и я поднял лук с одеяла. Это устройство работы Гоблина, набранное из текстолитовых прутков, натягом примерно в восемнадцать килограмм. Из него мне удалось выстрелить со своего балкона в противостоящую моему дому школу и попасть в перекрестие рамы на четвертом этаже. Признаю, что я целил в стекло и надеялся, что оперенная пластиком стрела

⁸⁹ Аббревиатура: Общевоисковой защитный комплект.

разобьет его и вонзится в одну из парт, но промазал. Порыв ветра отнес стрелу, и она увязла в раме. Школьный учитель, удивленный и взволнованный таким происшествием, выбрался на подоконник и принялся её тянуть. Больше всего я жалел тогда, что приготовил только одну стрелу. Но иногда и одной хватает.

Я наложил древко прорезью на тетиву и потянул. Упругая сила сопротивлялась мне, но я продолжал плавно выбирать капроновый шнур, пока не кончилась длина стрелы. Игольчатый наконечник нацелился прямо в пятку Голове, и тогда я выдохнул и спустил тетиву.

Стрела мелькнула, древко с сухим стуком хлопнуло о подошву, задрожало и так и осталось торчать. Каблук не пропустил дерево внутрь, но швейная игла длиной в палец полностью ушла в глубину.

- Фуфел слои, - услышал я тихий вздох Тени и собрался кое-что прибавить от себя, но мне не дали. Над поляной и лесом, над полигоном и над всем Кринном, пронзая стволы деревьев и густой туман на полях, ероша хвосты кендеров и пугая задремавших драконов, разнесся пронзительный крик. Он был подобен визгу поросенка на бойне - длился, не умолкая, ширился и далеко разносился окрест. Это, обхватив себя руками за ногу и глядя выпученными глазами на торчащую стрелу, надрывался из глубины палатки Злая Голова.

Ночью, гуляя с бутылкой Элберетовки по полигону, Барин наслушался всяких разговоров и сплетен. Известное дело, люди любят слухи да пересуды, в игровой тусовке ходило огромное количество разнообразных историй и причудливых легенд. Многие из этого мы принимали за чистую монету, пока про нас самих не поползли подобные слухи. Вот тут-то мы и поняли, чего стоит этот "испорченный телефон".

Возле границы поля Барин заметил свет небольшого костра. Подойдя к огню, он поздоровался с людьми, его пригласили присесть и выпить по стопке. Попутно один из местных обитателей - высокий парень в конической меховой шапке - осведомился у Барина:

- Не боишься ночью один ходить?

- А что такое? - удивился Барин, по обыкновению прихвативший с собой под ватником железный топор. - В чем дело-то?

- Приехали тут одни, из Питера, - пояснил его собеседник. - Сатанюги, каких свет не видывал. Люди злобы невероятной, они...

- А, что там говорить! - вмешался еще один обитатель этой стоянки. - У меня кореш есть в Питере, так он рассказывает, они там у себя совсем вызвелись! Сатане молятся и человечину едят, а дерутся железными трубами!

- Что? - удивился Барин, поначалу не понявший, про кого идет речь. - Я и сам с Питеру, но про такое не слышал. Что за народ-то?

- Грибные Эльфы, - шепотом объяснил парень в конической шапке. - Они вчера заехали. А нынче с их стоянки такие крики неслись, что сердце стынет. Изверги, не люди!

- Да ладно гнать-то! - миролюбиво отмахнулся Кузьмич. - Фуфло это всё!

- Слышь! - довольно грубо перебил его второй парень. - Не знаешь, так молчи! Брат дело говорит!

Так и пошло: один скажет, а другие подхватят. Поначалу мы про это не ведали, но досужие языки мололи по тавернам и площадям, а праздные уши внимали. Слухи ширились, но не умолкали, так как тема была благодатная. Вскоре в кипящем океане людских пересудов у нас появилась собственная волна. Мы и сами вещали на ней, и другим не запрещали: милсе дело сойтись с людьми и обменяться историями. Нам нравились легенды тех лет - про московских щитников, сцепившихся во время демонстрации с ОМОНОм и взявших штурмом метро, про железные турниры, где реками льется человеческая кровь, и про страшный меч из вертолетной лопасти - зенитку Минигана.

Истории возносили своих героев, и у костров творилось древнее волшебство - там люди превращались в сказочных персонажей. Такого уже не увидишь в обычном мире, там телевидение

и пресса готовят стимулы для заранее просчитанных реакций электората, мифам и легендам среди них места нет. На играх же все было не так: рекламы не дашь, информация распространяется окольными путями, правда реальности исчезает и превращается в истину сказок. Жизнь прожита не зря, когда про тебя говорят, и однажды на собрании коллектива Барин сказал:

- Хочу, чтобы у нас была самая известная ролевая команда!

Остальные братья согласились с этим намерением, но были и сомнения насчет путей для достижения такой возвышенной цели. Тогда Крейзи обратился к сокровищнице старых мультфильмов и процитировал многомудрую Шапокляк:

- Кто людям помогает, тот тратит время зря! - веско заявил он. - Хорошими делами прославиться нельзя!

На том и порешили. Этой же ночью мы бросили еще один камень в копилку людских сплетен, разговоров и пересудов. В рамках игры я, Крейзи и Тень были жрецами Юхиббола Сага, Отца Всех Зверей. Мы запланировали и провели грандиозный обряд, подписав общественность и присмотрев место на поляне перед новой крепостью клана Порося.

Это была грандиозная постройка из сырых бревен - двенадцатиметровый донжон, окруженный высокой бревенчатой стеной. Ворота крепости выходили на сумрачную поляну, образованную широким кругом старых елей. Они стояли стеною до самого неба, и только над ними, на тридцатиметровой высоте, виднелся призрачный купол июльских звезд.

Посреди поляны сложили огромную кучу дров, а вокруг собралось больше сорока человек народу. Дурман с товарищами приспособили полые колобахи над земляными ямами под барабаны, все выпили водки - и тогда Крейзи подошел и поджег хворост. Когда пламя лизнуло ветви, в дело вступил первый барабан.

Непростое это дело - подобные мероприятия. Есть такие, кто считает, будто в обрядах на играх главное - постановка и красота. Это полное фуфло, так как постановка и красота главное в театре, а вовсе не на игре. На такой обряд публика реагирует, как на дешевую оперу - смотрит с легкой скукой, а потом аплодирует и сморкается в платок. В обрядах же на играх главное - массовое безумие и коллективный кураж.

Для этого необходимо зомбирующее сочетание барабана, крика и ритмичного танца. При этих условиях можно обойтись одним алкоголем и не тратить наркотики. Люди втягиваются не сразу, но постепенно тема захватывает всех. Барабан начинает дело, медленно и ритмично проникая в подкорку, а кто-нибудь должен в это время "пойти в люди" и начать заводить народ. В этот раз эту работу взял на себя Тень.

Возникло концентрическое движение, вокруг костра образовались два разнонаправленно вращающихся круга людей: "по" и "против" часовой стрелки. Пошла по рукам припасенная заранее водка, пламя постепенно разгорелось - и тогда подключились новые барабаны.

- А ну, - заорал я, выходя на центр поляны, - хуй ли движемся, как очередь в зубной кабинет? Зачем мы здесь?

- Чтобы! Позвать! - рублеными, надсадными воплями ответил мне из толпы собравшихся Тень. - Юхиббола! Сага!

- Юхиббола Сага! - заорал я, поднимая заготовленный специально для этого посох. - А ну, позовем!

И уже вместе, под нарастающий грохот барабана, мы начали:

- Юхиббол Саг! Юхиббол Саг! - постепенно толпа подхватила этот клич, сначала нестройно, а потом все более ритмично и слитно: - Юхиббол Саг!

Поначалу я орал, как резаный, а мой голос далеко разносился окрест. Но теперь я кричал и сам себя не слышал. Так ухало над поляной, над гудящим костром и над бешено вращающимися человеческими кругами гулкое и страшное:

- ЮХИББОЛ САГ! ЮХИББОЛ САГ!

Крик то затухал, то вновь поднимался, и тогда заполненные барабанным ритмом мгновения относительной тишины сменялись внезапными взрывами. Люди в толпе вскидывали руки и вопили, выкликая Юхиббола. У нас уже был опыт таких мероприятий, ведь по сути это то же самое, что петь “маму”. Сначала ты делаешь это как бы в шутку, но потом тебя захватывает гипнотическое чередование движения и ритма, а окружающая толпа действует как усилитель. Так недолго перекинуться - от таких обрядов сознание тает, а окружающая реальность плывет.

Буря чувств поднимается изнутри, ноги сами пускаются в пляс, и все тело движется, как заводной автомат. Горло испускает чудовищный рев, руки мечутся по сторонам, а человек в такие моменты находится ближе всего к миру подлинного волшебства. Когда большинство окружающих стало соответствовать этому определению, я дал отмашку, барабаны сменили ритм, а на центр поляны вышли Рыжая и Крейзи.

В круге желтого света их лица выглядели неестественно бледными. Подойдя к огню, они обратили взгляды к небу и начали говорить - медленно, тяжелым речитативом. Из того, что они говорили, я не понял ни слова, но их голоса, размеренные и плывущие, проникали внутрь черепа не хуже звуков барабана. Они словно пели, а вокруг, подняв руки, кружились люди, слышно было тяжелый, мерный топот множества ног. Пока это творилось, ясное доселе небо заволокло тяжелыми тучами, а в их нависающем спокойствии я почувствовал дыхание близкой грозы. Когда Рыжая и Крейзи закончили петь, я снова дал отмашку. Барабанный ритм сменился и, нарастая, потек над поляной.

- Отец всех зверей, Юхиббол Саг! - крикнул я. - Яви нам свою мощь!

Я вскинул посох, и над поляной грянуло, поднимаясь к почерневшему небу:

- ЮХИББОЛ САГ!

И небо ответило, раскрылось прямо над нами ветвистой молнией, засияло и зашипело прямо над головой. В один момент свет костра сделался тусклым и незаметным, а темнота исчезла, сменившись мгновенной вспышкой нестерпимого света.

- Мы слышим твой голос! - еще не до конца поверив в такую удачу, чисто на автомате заорал я.

Мой крик полыхнул в наступившем мгновении тишины, и тут же погас, заглушенный громовым ударом такой силы, что я едва устоял на ногах.

- На нас твоё благословение, - услышал я голос Крейзи, а потом с неба на поляну стеной обрушился холодный дождь.

Он был так силен, что почти сразу же потушил пламя костра. Стало сначала сумрачно, а потом и вовсе темно. В наступившей мгле какое-то время еще звучали барабаны, а затем смолкли и они - обряд Юхиббола Сага закончился.

Мы отправились домой, еще не совсем понимая, какого эффекта добились своим чародейством. Из сорока человек, учувствовавших в нашем обряде, треть (наиболее впечатлительные и суеверные) временно повредила умом. Им казалось, что в наступившей тьме клубятся какие-то зловещие тени, что холодные пальцы начали рвать их за одежду и лицо. Из-за этого двенадцать человек сгруппировались у костра Порося и идти через лес до наступления рассвета отказывались.

Впрочем, все обошлось, и единственным действительно пострадавшим оказался питерский региональщик по имени Гэс. Его прислали с “мастерской” на роль “вызываемого существа” - закутаться в плащ-палатку, бегать по лесу и рычать. Но Отец Всех Зверей не нуждался в помощниках и заманил Гэса в ловушку. Тот упал в одну из волчьих ям, вырытых Порося на подходе к их крепости, и сломал ногу.

С утра мы с Крейзи отправились к реке, чтобы искупаться, но были остановлены какими-то тремя господами.

- Повелитель Маккавити, - заявили они, - приглашает вас для беседы.

- С хуя ли такая честь? - поинтересовался я.

- Про то мы не ведаем, - был нам ответ. - Знаем только, что есть к вам какие-то претензии.

Немало заинтригованные, мы отправились за ними. Маккавити предстал перед нами посреди собственной крепости, за длинным столом. Первоначальный свой наряд он сменил на долгополый балахон, а непристойную раскраску смыл, так что поначалу мы его даже и не узнали. Выглядел он теперь не в пример лучше, зато повел себя далеко не ласково. Когда мы подошли, Маккавити вскочил и начал нас обличать:

- А-а, пришли, голубчики! - начал он, но тут я его перебил:

- Какие мы тебе голубчики? Говори, зачем звал?

Тут Маккавити сменил тон, предложил нам сесть и повел более обстоятельный разговор.

Человек он оказался странный, но на удивление приятный в общении. И хотя приятность эта была лживая донельзя, отдающая паттернами конфликтологии и НЛП⁹⁰, но как говорится - уж какая есть, спасибо и за такую. Говорили мы за разное, но кое-что Маккавити рассказал нам и про себя.

Фамилия его Асмолов и он вроде как историк - так, по крайней мере, он сам нам представился. Он выпустил несколько книг, ни одной из которых никто из нас не читал, и содержал в Москве собственную сек (-цию/ -ту), занимающуюся вопросами изучения айкидо. Люди говорили нам про него, будто бы на каком-то турнире он разрубил двумя ударами пластиковой катаны своему оппоненту обе ключицы. Но в этом мы ничего удивительного не видели. А удивительно нам было то, что Маккавити слыл на всю Москву первейшим гомосексуалистом - но нисколько этого не стеснялся и убеждений своих не скрывал.

- Если опираться на понятия, - вещал нам Маккавити, - то слово "пидор" ко мне неприменимо. Пидор - это тот, кого ебут в жопу, я себя в жопу ебать никому не позволю. Что с того, что мне нравятся мальчики? Любой уголовник вам скажет...

- Ты погоди, Маккавити, мы-то не уголовники! - перебил его Крейзи. - И по моему мнению - что ебать в жопу, что жопу подставлять...

- Но в тюрьме считается... - гнул своё Маккавити.

- Но мы-то не в тюрьме! - перебил его я, на всякий случай постучав костяшками по бревенчатому столу. - Да и ты тоже. Заязывай с пропагандой, мы с братом никого ебать в жопу не собираемся! Говори скорее, зачем нас звал!

Маккавити откинулся в кресле и сурово уставился на нас.

- Как вы смеете, - сурово спросил он, - приезжать сюда и такое устраивать? Колдовать, вызывать гром и молнию, людей пугать и перевернутые кресты вокруг моей стоянки в землю закапывать? А?

- С этого места, - попросил я, - если можно, подробнее...

Оказалось, что до Маккавити уже дошли слухи про вчерашний обряд. Но дошли в несколько преувеличенном и немного искаженном виде. Говорили, будто бы мы чашками пили кровь, поклонялись Сатане и весь вечер сыпали в адрес Маккавити чернейшими проклятиями. А поутру возле стоянки Маккавити обнаружили шесть вкопанных в землю перевернутых крестов, которые нам тут же предъявили в доказательство Маккавитские ученики.

- И еще, - суммировал Маккавити свои обвинения, - когда к вам посылают за разъяснениями, вы моих учеников на хуй посылаете, да еще...

- Да каких учеников? - взбеленился вдруг Крейзи. - Какие, на хуй, кресты, какие проклятия? Ты в своем уме?

- Я предстою в Ордене Света, - сурово объявил Маккавити, - и знаю, что говорю!

- Ложный насквозь твой свет, - возразил ему Крейзи, - потому что ты мужиков в жопу ебешь! Я тебе натурально говорю, крестов твоих мы знать не знаем, делать нам больше не хуй, как их вокруг тебя в землю закапывать! А касаясь обрядов наших - не твоего ума дело, что и как мы устраиваем! Если боишься колдовства - носи амулет! - закончил Крейзи свою речь. - Пошли отсюда, Петрович! (Петрович - это, стало быть, я.)

⁹⁰ Аббревиатура: Нейролингвистическое программирование.

Мы поднялись и пошли к себе, а Маккавити встал и крикнул нам вдогонку:

- И повежливей надо себя вести, когда к вам людей за расспросами посылают!

- Про что это он? - спросил я у Крейзи, но он только плечами пожал.

Когда мы пришли на стоянку, то первым делом увидели Барина. Он сидел у костра с недовольным лицом и пил водку. Заметив нас, он оживился и вышел навстречу:

- Хотите знать, что тут без вас творилось?

- Ясное дело, - кивнул Крейзи. - Валяй, рассказывай.

Мы уселись у огня, и Барин начал объяснять:

- Сижу я на стоянке, пью водку - и тут выходит их лесу какое-то хуйло. Здесь, спрашивает, стоянка Грибных Эльфов? Ну, я ему отвечаю: "Мне почем знать?", да только он настойчивый оказался. Знаю, говорит, что здесь! Меня, говорит, Маккавити послал, разузнать, к каким силам вы апеллировали, когда вчера хотели его молниями убить?

- Вот кого Маккавити имел в виду, - толкнул я Крейзи локтем. - Когда толковал про обиженного ученика!

Надо здесь пояснить, что Кузьмич разговоров о колдовстве на дух не переносил. Все рассуждения про мистику, даже самые осторожные, Барин сразу же посылал на хуй. Ни во что подобное он не верил, придерживаясь в жизни сугубо материалистических убеждений. Ему было похуй не то что на мистику, а и на самого Сатану - в его мире совершенно ненужного. Так вышло потому, что без бога Сатана - не пришей к пизде рукав, а в бога Кузьмич не верил.

- Вот я его и спрашиваю, - продолжал Барин, - ты что, совсем охуел? Ты ебнутый? А он давай сердиться и указывает мне - надо дельно отвечать: какие применяли пентакли, какие слова говорили? Как сумели заклясть молнию? Я от этого сам чуть не охуел! Иди, говорю ему, отсюда добром, ебанат несчастный! В дурдом тебе надо! Там тебя всему научат - и словам, и пентаклям, и как молнию заклинять! Пошел-ка ты на хуй!

Могила для Щорса.

"Имели Щорса с колыбели

Среди тугих подушек.

И прутья жесткие скрипели

И не было игрушек". "Веселые четверостишья".

В августе этого года под Питером появился новый игровой полигон - возле станции "Шапки". Это холмистая местность вокруг небольшого озера, открытый и светлый сосновый бор. Первой нашей игрой здесь были "РХИ-96" производства Джулиана, Щорса и Ингвара. Со всеми ними на этой игре так или иначе получились смешные истории.

Мы приехали в Шапки шумной толпой и поселились на сконструированной неизвестно кем делони⁹¹. Это помост на высоте примерно четырех метров, окруженный хлипкими перилами, с отверстием посередине шириной примерно метр на метр. Мы занавесили перила одеялами, отверстие посередине заложили щитом и взялись за обустройство эльфийского быта - принялись пить водку и курить коноплю. Делонь наша располагалась у озера, почти в самом центре полигона, от неё до "мастерской стоянки" было рукой подать.

В этом году в природе произошла редкая аномалия - еще не перевалило за пятнадцатое августа, а на полях уже вовсю поперли грибы. Крейзи вместе с Иришкиной соседкой по даче, Ленкой Глазовой, собрал в районе Грузино не меньше полутора тысяч штук. Так что нам не приходилось скучать, сидя у себя на делони. Кое-кто в тот раз даже переусердствовал с грибами.

⁹¹ Делонь (эльф.) - укрепленный и оборудованный помост между деревьями, обычно на значительной высоте.

Традиционное жилище эльфов Лориена, в современной культуре сохранилось только в виде охотничьих "засидок".

Стори и Барин съели примерно по сто двадцать штук, запивая все это дело красным вином. Против обыкновения, затеяли они это дело субботним днем - светило яркое солнце, а кругом нашей делони суетился со своими заботами разномастный народ. Все бы ничего, но тут Стори и Барин неожиданно перекинулись.

Всего минутой назад они еще сидели на делони, весело болтая ногами и посмеиваясь дружеским шуткам. Но в следующий момент темное облако снизошло на их разгоряченные наркотиками умы. Первым накрыло Стори: взяв две бутылки вина и штык-нож, он спустился с делони и в категорической форме позвал за собой Кузьмича. Больше никто из братьев с ними не пошел, но через пару часов я разглядел Барина и Стори с навеса. Они устроились неподалеку, на залитом солнцем бугорке. Тогда я взял у Крейзи несколько папирос с планом и отправился к ним.

Перед братьями стояла початая бутылка вина, но на их лицах я не увидел радости, не заметил привычного оживления. Вглядевшись получше, я не поверил собственным глазам - такие мрачные были у них рожи. На лбу у Стори выступили капельки пота, голубые глаза подернулись мутной поволокой. Но говорил он быстро и жестко, как человек, только что принявший ответственное решение.

- Убьем Щорса сегодня вечером. Сначала убьем, а потом похороним по-человечески...

- Да, - поддержал его Барин, - мы не бросим его, мы не звери! Похороним его в глубокой могиле, куда сможет потом приезжать его отец или мать...

Сказав это Барин горько заплакал у Стори на плече.

- Ты не представляешь, брат, - сквозь слезы произнес он, - как мне жаль его мать! Растить такого мудака...

Я прилично охуел с такого разговора, а особенно - с тех слез, что Кузьмич размазывал по Сториной афганке и у себя по щекам. Я в жизни не видел, чтобы Барин плакал, а тем более - рыдал в три ручья, как сейчас.

- Вы чего, братья? - спросил я, потихоньку приближаясь. - Чего это с вами?

Но тут Барин обернулся на голос - и я замер. Застыл, словно вкопанный. Лицо Кузьмича было ужасно: разводы грязи, прорезанные светлыми полосами стекающих слез. А из-под этой маски на меня смотрели совершенно безумные, пластмассовые глаза. Я словно споткнулся об этот взгляд, мне стало не по себе. Я испугался, несмотря на принятые мною сто двадцать грибов, немыслимое количество плана и несколько бутылок вина.

- Мы решили сегодня кого-нибудь убить, - внятно произнес Барин. - И остановили свой выбор на Щорсе. Но мы не хотим делать этого тихо - мы не крысы, чтобы прятаться по кустам. Мы сделаем это при всех, возле "мастерской", на закате!

- Вы ебнулись? - тихо спросил я. - На хуй при всех-то? Где вы потом будете скрываться?

- Мы не будем скрываться! - повернулся ко мне Стори. - Мы во всем сознаемся и сядем в тюрьму, как правильные пацаны.

- Сознаетесь? - машинально переспросил я. - Сядете в тюрьму?

А потом у меня у голове словно бы перещелкнуло и я начал осторожно, шаг за шагом пятиться назад. Стори проводил меня тяжелым взглядом - я прямо-таки ощущал, как ползает по мне перекрестие мыслительного прицела. Но все обошлось, братья меня пока еще узнавали. Тогда я медленно отошел подальше, развернулся и побежал обратно к делони.

- Тревога! - вопил я. - Стори с Кузьмичом перекинулись!

Я не ошибся. Братья снялись со своей засидки на пригорке, достали откуда-то пару штыковых лопат и пошли по дороге, что вела к "мастерской стоянке". Непосредственно пред "мастерской" они разделись по пояс и принялись копать, лишь изредка останавливаясь, чтобы перекурить и выпить полстакана теплой водки или вина. Они рыли могилу, причем делали это с таким серьезными и мрачными лицами, что мало кто решился поинтересоваться о надобности этой затеи. Хотя место было - мало сказать, что людное.

Единственный, кто на это решился, был Ингвар - человек небольшого ума, зато известной надменности. Приблизившись к раскопу вальяжной походкой, он заметил с некоторым неудовольствием:

- Что это тут такое? Кто разрешил? Ну-ка, быстренько закопайте все это обратно!

Надо было видеть, какую реакцию вызвали его слова. Строри, сидевший до этого на краю будущей могилы, встал и подошел к Ингвару практически вплотную. Вопреки обыкновению, Костян не кричал и не обзывался, не хамил, не лез в драку и не угрожал.

- Мальчик, - подняв на Ингвара взгляд, тихо произнес Строри. - Иди поиграй!

Видно, что-то в лице Строри показалось Ингвару подозрительным. Он не стал спорить, развернулся и ушел от греха подальше. Яма продолжала углубляться, а к исходу дня братья принялись отбивать стенки и править углы. Работали они не быстро, так что когда их труд начал подходить к завершению, тревожная весть об их намерении успела облететь весь полигон.

Щорс, узнав об этом, поначалу не поверил своим ушам. Он принял это за глупую шутку и лично пришел, чтобы убедиться в правильности своего предположения. Но, на свою беду, застал подготовку к собственным похоронам в самом разгаре.

Болгарский Святой Отец, прознав о намерении Строри и Кузьмича, взволновался чрезвычайно. Он буквально не находил себе места - пока не выпил литр водки и его не осенила дельная мысль. Святой Отец отправился в лес, раздобыл там дерево и срубил из него здоровенный крест. Этот крест Отче положил себе на горб и потащил, обливаясь слезами, напрямик к "мастерской", где орудовали лопатами Строри и Кузьмич. Все, кто видел в тот день Болгарского Пастыря, не на шутку перепугались. Такое жуткое впечатление он производил: босой, с крестом поперек плечей и рыдающий во весь голос. По пути Отче распевал Богородицу так, что от его воплей сосны в лесу дрожали.

- Богородица Дево, радуйся! - выл Свотик, а по его глазам текли целые потоки слез. - Царица небесная, по-о-милуй мя!

Так жалко ему было, как он потом объяснял, Строри и Кузьмича. Жалко товарищей, принявших на себя тяжелый крест: избавить землю от исчадия Сатаны Щорса, взять на себя его поганую кровь и пойти за это в тюрьму. Характерно, что Отче и не думал отговаривать братьев. Наоборот, он предпринял многокилометровый крестный ход через весь полигон, чтобы благословить их начинание. Святой Отец намеревался соблюсти все условности и предоставить для могилы Щорса собственноручно изготовленный и освященный крест.

Придя к “мастерской”, Отче тут же водрузил крест возле могилы - и ни Строри, ни Кузьмич не посмели ему в этом мешать. Отче был в едва ли лучшем, чем они сами, состоянии: постоянно и искренне плакал, горячо проповедовал и опять довел обоих братьев до слез. По его речам выходило, что Костян и Андрюха (так обращался к ним Отче, добавляя при этом, что Строри и Барин - бесовские имена) святые, а то что они задумали - беспримерный подвиг, достойный великомучеников. Годы, проведенные в тюрьме, обещал Отче, впоследствии зачтутся и станут основой блаженства в раю. Под конец Святой Болгарский Отец благословил обоих будущих убийц, расцеловал в обе щеки и потребовал от них такой клятвы:

- Клянитесь, - приказал он, - что Щорса, собаку, похороните ногами к кресту!

На Щорса все это произвело самое тягостное впечатление. Сначала он смотрел на Строри и Кузьмича с презрительной улыбкой, но явление Святого Отца в корне поменяло его отношение к ситуации. Когда он воочию увидел, как все трое рыдают и молятся на краю могилы возле бревенчатого креста - то ошутимо изменился в лице.

Время экзекуции было публично объявлено, так что Щорс все чаще начал посматривать вверх - на быстро темнеющее небо. Когда братья закончили молебен и принялись точить на краю ямы ножи, Щорс не выдержал и побегал. Бежал он на удивление быстро, и его невысокая фигура очень скоро потерялась в лесу, скрылась между деревьями.

На делони в это время прочие братья держали по поводу всего этого совещание. Дельных идей не было, так как Строри и Кузьмич отклонили уже два направленных к ним братских посольства.

- Идите играть, мальчики! А мы отправимся в тюрьму! - был нам ответ, и ничего более вразумительного нам добиться не удалось.

После же молебна, устроенного Святым Отцом, ситуация еще больше накалилась.

- Мы отправимся в рай! - категорически заявил Строри, и Крейзи нашел, что это дурной знак.

- Теперь точно зарежут, - заявил он. - И все из-за этого сумасшедшего попа!

Были даже предприняты осторожные попытки силового урегулирования. Но они - призванные предотвратить - сами едва не закончились смертоубийством. Осознав в нас помеху своим планам, Строри и Кузьмич схватили лопаты и приготовились кровью отстоять своё начинание.

- У-убью, суки! - вопил Строри. - Брошу в одну яму со Щорсом!

Также осталось без успеха намерение Гоблина оглушить братьев, бросить их в могилу и там присыпать до утра бревнами и землей. Он попробовал потихоньку подобраться к Строри и Кузьмичу, пряча под одеждой обмотанную тряпьем колотушку. Но Строри разгадал его замыслы и едва Гоблина не зарезал.

Проблема казалась невыносимой, но разрешилась сама собой. Отправившись в темноте искать Щорса, братья побывали во множестве лагерей - но Щорса нигде не нашли. Он прятался в то время в палатке у Морадана, с головой забравшись под его пенку. Чёрный Человек навалил сверху него спальников и улегся сам, а Строри и Кузьмичу сказал:

- Какой вам тут Щорс? Щорс у Олмера! Идите-ка лучше спать!

Так что своим избавлением Щорс обязан исключительно Морадану. Не найдя нигде и следов Щорса, братья понемногу успокоились, вечерняя прохлада остудила их разгоряченные умы. Поганки начали отпускать, и Строри с Бариним начали кое-как осознавать мир. Им было нелегко, так что я увел их на лесистый холм - поправлять здоровье вином и курить коноплю.

Мы расселись на толстенном бревне и вели неторопливые беседы, в ходе которых я разъяснял братьям про их недавние заблуждения. Но тут кто-то зашуршал в темноте, послышались осторожные шаги, и прямо перед нами возник чей-то силуэт. Я поднялся навстречу и узнал Джулиана - эмберский принц пер в темноте напролом, матерясь и бряцая звеньями короткой кольчуги. Я думал поздороваться с ним, но меня опередил Строри.

- Щорс! - заорал он, прыгая на Джулиана с ножом. - Попался!

Удар прошел вскользь, соскочив со звеньев кольчуги. Джулиан, наверное, и не понял в темноте, какая ему в тот раз улыбнулась удача. Виду он, по крайней мере, не подал.

- Да какой из меня Щорс? - дружелюбно ответил он. - Пропустите, чего вы толкаетесь?

Я поскорее попрощался с ним и снова уселся на бревно, упрекая Строри за склонность к рецидивам. Я убеждал его утихомириться и наслаждаться красотами августовской ночи. Но слова мои звучали впустую - место для посиделок мы выбрали беспокойное.

Меньше чем через десять минут пара влюбленных, юноша и девушка, медленно продефилировали в темноте мимо нашего бревна. Требование остановиться и назвать себя они проигнорировали, а на просьбу Строри указать на местоположение Щорса влюбленная пара ответила непринужденным хихиканьем. Вот этого им делать не следовало. К насмешкам над сегодняшними событиями Строри с Бариним еще не были готовы.

По настоянию Барина мы встали, с матом взвали на себя тяжеленное бревно и побежали вниз с холма - вдогонку за ускользающей парой. Бревно было длиной метров пять, а весило столько, что мне показалось - еще немного, и у меня порвутся связки или сломается спина. Мы неслись в темноте, постепенно разгоняясь все быстрее, а ориентировались лишь на доносящееся хихиканье и курлыкающие голоса. Когда мы оказались от влюбленной парочки метрах в трех, бежавший впереди Барин крикнул:

- Эй, вы!

С такой дистанции даже в августовской тьме стали видны два стремительно приближающихся силуэта: один повыше, а другой пониже. Они начали разворачиваться на голос, когда передний конец бревна со страшной силой ударил прямо по ним. Так бьет застрявшую на переезде легковушку локомотив, таким ударом приветствует городские ворота окованный железом таран. Удар отозвался у меня во всем теле, бревно вырвалось из рук, и мы все - я, Строри и Кузьмич - упали и покатались с холма. Инерция протащила нас далеко по склону, только у подножия нам преградили дорогу древесные стволы. Тогда мы остановились и смогли наконец подняться на ноги.

- Петрович, ты как? - услышал я голос Строри.

- Вроде цел, - ответил я, тряся ушибленной головой и цепляясь за ближайшее дерево.

Перед глазами плыло. Темнота шевелилась, в зрительном поле то и дело вспыхивали назойливые цветные круги.

- Кузьмич! - снова позвал Строри. - Кузьми-и-ич!

- Я, - отозвался Кузьмич ниже по склону. - Чего?

- Пошли домой, - предложил Строри. - Хватит на сегодня.

Не одни мы этой ночью не находили себе места. Неподалеку от "мастерской" Крейзи повстречал наших добрых знакомцев: Эйва и сэра Влада. Они прохлаждались на полянке с бутылочкой "Полной Луны", а Крейзи взял и угостил их грибами. Эйв с Владом грибы съели, благодаря чему над разделяющей наши коллективы пропастью был перекинут прочный мост дружбы. А со временем и саму пропасть залили вином и закидали пустыми бутылками. Благо, что так вышло, потому что люди на той стороне собрались как на подбор - один другого удивительнее.

Взять хотя бы такую элементарную вещь, как название их коллектива. Люди вокруг не зря называли их "тусовкою Эйва" и больше никак, были к этому свои причины. Сказалась иезуитская политика сэра Влада, обожавшего представлять своих товарищей на каждой игре да на новый лад. Он поднял вокруг этого вопроса такую муть, что она до сих пор не осела. Я сам, хоть и знаю их банду уже больше десяти лет, ни за что не взялся бы разбираться с этим вопросом. До такой степени они все здесь запутали.

Коллективом Эйва их называли вовсе не потому, что он над ними правил, а потому, что из них всех он был самый общительный и подрывной. В 1992 году Эйв отдыхал в пионерлагере "Северные Зори" и познакомился там с неким Олегом, в питерской ролевой тусовке больше известным под именем Дэф. Он то и пригласил Эйва посетить зимнюю городскую игру по "Хроникам Эмбера" Берриноного производства. А в июне следующего года Эйв вместе со своим

другом детства Макутой и неким Денисом появились на первой в своей жизни полигонной игре (“Айвенго-93” в Заходском). Там они познакомились с организаторами будущего “Хирда” - Даином, Мораданом и Аазом.

В январе 1994 Эйв взялся помогать Даину делать игру, которую они решили назвать “Город на песке”. Проводили ее на побережье Финского залива, в районе станции “Солнечное”. Там прячется среди песчаных дюн небольшой замок - бетонные стены высотой под два метра, трое ворот и четыре округлых каменных башенки. Это место первыми обнаружили Эйв и его друзья, после чего “Солнечное” несколько лет считалось одним из самых популярных “зимних” питерских полигонов.

Самый первый “Город на песке” посетило чуть больше пятидесяти участников - а это совсем немало для “зимней” игрушки в 1994 году! А в марте этого года Эйв вместе с Мораданом провели в Александровской⁹² игру “Перумовка”, поразившую участников рекордной по тем временам численностью - в сто двадцать человек. После этого Эйва было уже не остановить.

За следующие пару лет Эйв вместе со своими товарищами организовал в Питере семнадцать игр⁹³, в основу большинства из которых был положен новаторский принцип “преемственности ролей”⁹⁴. Это немалое число, и среди питерских “мастеров” тех лет трудно будет назвать человека, который сделал бы больше.

Примерно через год, в августе 1994 года (“Мир Цветов” Эрика и Германа в Заходском), Эйв вывез с собой еще одного своего одноклассника - Агафошу. А в феврале этого же года Эйв, Макута, Агафоша и Денис познакомились с остальными участниками своего будущего коллектива - сэром Владом и его двоюродным братом Лехой, одноклассником Влада Родиком, Арагорном и его знакомым Мелькором⁹⁵.

Вышло это знакомство во время очередной зимней игры по Эмберу - той самой, где приятель Дэфа Лот осушил Аазу по горбу “мечом” из полутораметровой стальной трубы. В завершающем бою “последний лорд Хаоса” Ааз дрался с парой мечей в руках против то ли четверых, то ли пятерых “янтарных” противников. Он вращался кругом себя, отбивался и осыпал противников великим множеством жестоких ударов - но Лот оказался хитрей.

Подкравшись неведомо как (сам Лот парень немаленький) к Аазу со спины, он размахнулся и со всей одури врезал Аазу своим новым “мечом”. Х-х-хрясть! Кабы взбешенный Ааз смог разогнуться после этого удара - Лоту не жить. Но природа наделила Лота не только ростом, но и силушкой, так что в ближайший час ни о какой мести Ааз даже не помышлял. А потом, видно, забыл - человек он отходчивый.

Влад и Леа обитали неподалеку от станции метро “Канал Грибоедова” - во дворе, известном между питерскими неформалам как “двадцатка”. Это тихий маленький дворик напротив Казанского собора, в котором временами случались самые настоящие безобразия. Особенно хороша история, которая вышла с Владом и его друзьями во время празднования дня 9 мая. Эта история - словно полотно, которое пьяный художник нарисовал человеческой кровью, взяв в руки вместо кисти ржавый хозяйственный нож.

⁹² Там огромный парк, в котором полно старинных построек, оставшихся еще со времен царского режима. Некоторые из них (Арсенал и другие) великолепно подходят для осуществления игровых сражений и штурмов. Этот до сих пор популярный игровой полигон нашел и приспособил в дело весной 1994 года все тот же Эйв.

⁹³ Вот некоторые из них: Сила Источника (Заходское, с 20.08.1994), Перумовка-2 (вместе со Скивом, с 26.08.1995), Гнев Богов (Эйв, Макута и Влад, 26.11. 1995), Гибель Богов (Александровская, 03.03. 1996) и т.д.

⁹⁴ Игроки, посетившие предыдущую игру и к моменту ее завершения “оставшиеся в живых”, полностью сохраняют за собой прошлые роли, атрибутику и специфические способности. Разумеется, это касалось не всех игр мастерской группы “Ave&Companу”, а только проекта “Город на песке” - самого длинного “игрового сериала” из пока что существующих (12 последовательно связанных игр).

⁹⁵ Этот человек бежал из образующейся банды в конце 1995 года. Эйв объяснил его поступок следующим образом (цитирую): “Он не умел пить и не умел постоять за себя, не мог терпеть боль и не выдерживал темпа тренировок. Это объективные факты. А вот пара слов чисто от меня: “Этот Мелькор - просто душный долбоеб!””

Крепенько выпив, Влад, Родик и еще пара человек отправились за водкой к метро. У ларька они зацепились языками с четырьмя пьяными незнакомцами, дерзко предъявившими права на ихнюю водку. Одного из них Владик сумел уработать ногами, а другому разбил голову бутылкой один из Владовских друзей. Впору было праздновать победу - но тут на помощь к незнакомцам прибыло неслабое подкрепление.

Увидав такое дело, Влад и его друзья почли за лучшее отступить. Троим из них это удалось сделать, но вот Леня по прозвищу “Пятна” (одногруппник Владика) немного отстал. Он не успел скрыться от преследователей во Владов подъезд, так что его товарищам оставалось только гадать, что же с ним на самом деле случилось.

- Схватили его! - высказал предположение Влад. - Надо идти выручать!

Схватив на кухне пару ножей, Влад бросился на улицу, а вместе с ним отправились Родик и Леха. На всякий случай Владов брат прихватил с собой толстую палку, конец которой был густо утыкан гвоздями, и точно такая же палка досталась Родiku. Друзья успели отойти от подъезда едва ли на квартал, когда набережную впереди перегородила целая толпа - человек двадцать.

- Многовато! - шепнул Леха, глядя на это сборище. - Не сдюжим!

- Надо срочно делать ноги! - поддержал его Родик. - Иначе нам пиздец!

Пока друзья решали, как им быть, люди на набережной разглядели недавних обидчиков. Толпа сорвалась “с места в карьер”, так что Владу и его товарищам пришлось ломиться от них по набережной обратно к подъезду. Во время этого бега Родик и Леха вырвались вперед, а вот Влад немного отстал. Он не успел добежать до подъезда всего несколько метров, когда первый из преследователей настиг его и вцепился рукой в воротник.

Видя, что дело дрянь, Влад развернулся на бегу и ударил преследователя ножом. Удар был хорош - Владов противник заорал и покатился по земле, зажимая рану руками. Но и самому Владу не повезло. Оборачиваясь, он не заметил высокий поребрик, споткнулся об него и кубарем полетел на асфальт. Падая, Владик врезался в каменный парапет и сломал себе левую руку, но все равно успел вскочить на ноги и нырнуть в подъезд раньше, чем до него добрались остальные преследователи.

Обороня вход в подъезд дубинками и ножами (тесак Владик так и не выпустил), друзья сумели захлопнуть железную дверь и запереть её на замок. Вzbешенные нападающие пытались выломать двери снаружи, но им помешал проезжавший мимо милицейский наряд. Услышав визг тормозов и хлопанье дверей милицейского “козелка”, Влад, Родик и Лех оставили свой “пост”. Они отправились прятаться к Владiku на квартиру - зашторив все окна и благоразумно выключив свет.

Сидя в темноте и распивая с боем доставшуюся водку, друзья оплакивали судьбу своего товарища Лени. Напрасно - как выяснилось, Леня вовсе не “попал в плен”, а всего лишь решил “обойти дворами” не понравившуюся ему “группу агрессивной молодежи”. С ним все было в полном порядке, и когда буча у подъезда утихла, Леня спокойно вышел из ближайшей подворотни и позвонил в дверь.

С входной дверью дела обстояли хуже всего. От места падения Влада до самого подъезда тянулась кровавая полоса, а поверх самой двери застыл узор из подсыхающих багровых разводов. На стальной поверхности отпечатался рисунок окровавленных рук, темный иxor виднелся повсюду - на дверной ручке, на петлях и возле замка. Было похоже, что раненый преследователь бился о металлический лист грудью, в бешеном исступлении пытаясь ворваться в подъезд.

Другой занятный случай произошел с Агафшей, который выделялся среди своих товарищей действительно редкими качествами. Он был навряде нашего Слона - чудовище, которое не мама с папой растили, а с матом собирали из легированной стали на секретном заводе военные специалисты. “РХИ-96” Агафше пришлось не по вкусу.

- Говно какое-то! - заявил он. - Нечего тут делать, поеду-ка я домой!

Товарищи принялись его отговаривать, но все было напрасно. Решив что-нибудь для себя, Агафша действовал, как хлебнувший солярки локомотив. Он взвалил на плечи

тридцатикилограммовый рюкзак, проклял с холма устроителей игры и потащился на станцию, рассчитывая успеть на последнюю вечернюю электричку. Но судьба была к нему удивительно немилосердна.

Она приняла облик клацающего зубами кошмара, выскочила из придорожных кустов и набросилась на Агафосу. Первый же ударом челюстей чудовище разорвало Агафосу икру, но затем движущая ей сила фатума неожиданно иссякла. Монстр обратился в здоровенную овчарку и тут же утратил в глазах Агафосы непобедимость и присущий настоящему чудовищу напор. Тогда взбешенный Агафоса ухватил псину за ошейник, поднял её над землей и принялся нещадно избивать. Визг и надсадный вой встали над лесом, но тут к событиям подключился еще один участник - тоже, видимо, охочий до увесистых пиздюлей.

- Оставь в покое мою собаку! - повелительно заорал незнакомый мужик, выскочив из тех же, что и овчарка, кустов.

Агафоса подчинился приказу незнакомца, отбросил собачье тело в сторону и набросился на мужика. Снова над лесом поднялся надсадный крик, а когда все стихло, Агафоса отправился в дальнейший путь - оставив избитого хозяина возле тела его неразумной собаки. За ним тянулась багровая полоса, на дороге оставались темные сгустки свернувшейся крови, но на это Агафоса внимания не обратил - ему было некогда, он боялся пропустить последнюю электричку.

На электричку Агафоса успел, но она привезла его вовсе не к Московскому вокзалу, куда он рассчитывал попасть, а на Балтийский. Деньгами на машину Агафоса не обладал, поэтому нашел себе попутчика и двинулся через город пешком, пробираясь в сторону Площади Ленина и Финляндского вокзала. Дороги он не знал, ночные прохожие шарахались от него, поэтому путь Агафосы был извилистым и трудным. Под конец попутчик не выдержал и отстал, потерялся среди пустынных проспектов и гудящих фонарей.

Возле Финбана судьба вновь решила Агафосу испытать. Поворачивая за угол, он неожиданно повстречал грандиозную собачью свадьбу, рычащий и заливающийся лаем клубок тел, движущийся по улице навстречу к нему. Стая обогнула его и скрылась было за углом, но последняя собака внезапно остановилась, пригнула морду к земле и завывала, исподлобья глядя на Агафосу.

- Вали отсюда, кыш! - крикнул ей Агафоса. - Пошла на хуй!

Но не тут-то было. Сначала из-за угла появилась одна оскаленная морда, потом другая, а затем вся стая вернулась и сгрудилась вокруг. Наступила тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием множества собак. Так продолжалось недолго - всего несколько секунд, а потом вся стая неистово взвыла и бросилась вперед.

Агафоса отбивался, как зверь. Он лупил собак деревянными брусками, что были у него вместо мечей, по спинам и головам, расшвыривал псов в стороны и давил каблуками. Бруски собирали кровавую жатву, клочьями летела шерсть, а вой стоял такой, что уши закладывало. Стая не осталась в долгу - зубы рвали одежду и тело, но этой ночью Агафоса наглядно продемонстрировал расе киноидов, кто хозяин планеты.

Не выдержав яростного напора, стая отступила и принялась кружить неподалеку, а Агафоса подобрал рюкзак и двинулся в направлении родного дома. Крови с него натекло столько, что впору было мыть после него улицу, а псы все не отставали - бросались исподтишка, наседали и не давали проходу. Хотели, видно, взять Агафосу измором, но просчитались - он успел скрыться в подъезд, крепко прищемив дверью сунувшуюся за ним псину, и подняться на пару пролетов по лестнице. Там Агафоса лишился сознания, являя собой для соседей чудовищную картину: молодой парень лежит в луже собственной крови, сжимая в побелевших пальцах рукоятки мечей.

Принц Риск и рыцарь Белая Кепка.

*“Олмер целкой был когда-то
Но нарушил он УК.
И теперь его ласкает
Волосатая рука”. “Веселые четверостишья”.*

В двадцатых числах августа в Шапках снова была игра. Её устроили Денна и Петя Фарин, а называлась она Столетняя Война. Этот выезд ознаменовали собой несколько изумительных случаев. Началось все в субботу, во второй половине дня, когда чей-то надсадный голос взлетел к нашей делони и разрушил мой сон.

- Грибные Эльфы! Повелитель Олмер приказывает вам... - надрывался кто-то внизу, и я с превеликим трудом разлепил веки и открыл глаза.

Надо мною на фоне синего неба неторопливо раскачивались сосновые лапы, а следом за их движениями в теле поднималась ватная слабость и приступами накатывала тошнота. Я закрыл глаза, и мне на мгновение полегчало, но тут снизу опять хлестнуло, словно бичом:

- Грибные Эльфы! Повелитель Олмер приказывает вам...

Этот крик проник мне прямоком в мозг и пробудил целую вереницу беспокоящих воспоминаний. Вчера, едва расположившись лагерем у себя на делони, мы узнали, что неподалеку от нас встал лагерем начальник всех питерских “перумистов” король Олмер⁹⁶, к этому времени уже изрядно ненавидимый всеми нами. Причин ненавидеть лично его у нас было не так уж много, но, как говорится - к чему искать причины? Достаточно будет и повода.

Таковым для нас послужил пресловутый Щорс, скрывшийся на прошлой игре от заслуженного возмездия. Мы знали, что Щорс ходит у Олмера в первейших прислужниках. Но сам Щорс еще не отошел от недавних событий и в Шапках не показывался, и тогда за грехи слуги мы решили наказать господина. Тут теряется логическая связь, так как на Щорса братья взъелись по причине его службы Олмеру. Теперь сам черт не разберется, кто из этих двоих больше виноват.

Помню, как выпив два литра водки и отставив в сторону иные дела, мы похватили дрекольё и отправились на розыски. Я злоупотребил спиртным и поэтому неожиданно перекинулся, еще по пути. Припоминаю, что мы орали, пока у меня пена со рта не пошла, а потом темнота расступилась, и я словно бы выплыл на залитую светом стоянку.

Навстречу мне вышел какой-то невысокий человечек, почти карлик, и я держал перед ним речь, а говорить мне помогал здоровенный кусок железной трубы.

- Где твой хозяин, пидарас! - орал я. - Отвечай, животное, где Олмер!

Что мне отвечал карлик, я даже не слушал, потому что сам в это время продолжал на него кричать:

- Чего, блядь? Не слышу! Где Олмер, ебучая ты сука?

Вспоминая этот момент, я мучился двойственностью впечатлений: видение карлика расслаивалось, а сквозь него проступал силуэт здоровенного мужика, с потерянным видом стоящего напротив меня. Я наседали на него, размахивал трубой и орал, а он пятился и повторял:

- Нету его, не знаю, где он. Если вернется, я скажу, что вы заходили.

- Пошел ты на хуй, вернется! - не соглашался я и продолжал наседать. - Где он?

- Да не знаю я!

- Пошел ты на хуй, не знаю! - снова орал я. - Живо говори, где ёбанный Олмер!

⁹⁶ Олмер из Дейла, Злой Стрелок - персонаж дилогии Перумова “Кольцо Тьмы”, отечественного продолжения “Властелина Колец” Дж. Р. Р. Толкиена. Роль Олмера в этой книге такая: он выставляется наследником Саурана и человеком, который не следил за тем, что метет его поганый язык. Олмер на постоянку колотил понты и выебывался на эльфов, за что его в конце книги благополучно зарезали.

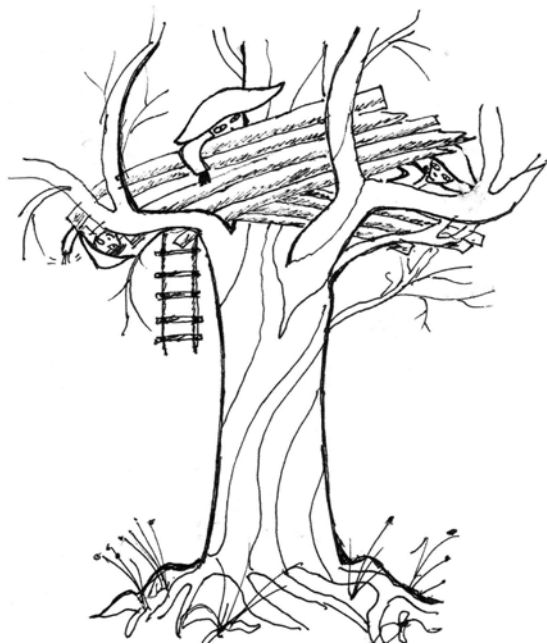

Воспоминания путались, когда я слишком живо погружался в переживания ночи, а перед глазами вставала черная пелена. Она падала на силуэт мужика, и тогда он мерцал и превращался в карлика, на которого я орал. До сих пор я пребываю в сомнении: то ли Олмер выставил против нас карлика, умеющего наводить морок и превращаться в здорового мужика, то ли ихний амбал карлик в душе, а я это подметил. Но товарищи впоследствии поощряли меня за смелость и даже показывали мне этого “карлика” издалека. Мне и в голову бы не пришло хамить такому лосю, кабы водка не превратила его в моих глазах в лилипута.

Покуда я орал, отвлекая внимание, рабочая группа под чутким руководством Дональда Маклауда (тоже, видно, недовольного Олмером), зашла в темноте с другой стороны стоянки. Все внимание Олмеровской стражи сконцентрировалось на мне, и стало возможным тихонько проверить - не прячется ли Олмер в какой-нибудь палатке? Для этого друзья вскрыли обращенные к лесу стороны палаток так, что они превратились в чистой воды симуляцию. Со стороны костра это выглядело как натянутые палатки, а вот из леса была видна совсем другая картина. Наши умельцы тихо сделали П-образные надрезы по бокам и поверху боковых стенок, а затем просто откинули освободившиеся полотнища в сторону, положив их на землю. От палаток осталось по два матерчатых треугольника с обращенными к костру целыми скатами, и можно было легко заглянуть туда и точно сказать - есть там Олмер или там его нет.

Впрочем, Олмера на стоянке не оказалось. Позже мы узнали, что Злой Стрелок издалека услышал наши голоса, все обдумал и решил не дожидаться на стоянке своей участи. Олмер отправился за ней в лес, оставил вместо себя верную стражу, а с собою прихватил только свою бабу. Ночь была темная, в этой мгле Злой Стрелок метался, ища себе убежища, юлил и путал следы. По ходу этого он сбился с пути, заплутал и угодил наконец в болото за озером, где едва не утонул. Вытащила короля его баба, сама перемазавшись в тине и изрядно намокнув, в таком виде они проплутали по лесу до середины следующего дня.

Вернувшись к себе, Олмер узнал о произошедшем на стоянке и немало разгневался. Ему бы стоило послать против нас войска, но он опасался переусердствовать и ограничился посольством. Снаряженный им парламентар, украшенный поверх плаща знаком трезубой короны⁹⁷, появился перед нашей делонью и своими криками вырвал меня из целительных объятий благодатного сна.

⁹⁷ Если верить Перумову - трезубая корона черного цвета на белом поле есть символ короля Олмера.

Он бесновался внизу, не зная, как до нас докричаться и не будучи в силах проникнуть взглядом через плотно уложенные жерди и занавесь из множества одеял. Тогда я собрал все силы, приподнял уголок одеяла и принялся за ним наблюдать.

- Грибные Эльфы! - снова завел свою шарманку парламентар. - Повелитель Олмер приказывает вам прийти к нему трезвыми и с извинениями. Вы должны будете защитить палатки, которые ночью испортили, и вернуть украденный вами фонарь. Повелитель Олмер...

Тут я заметил, что парламентар говорит не сам от себя, а читает по бумажке, перебирая в руках намотанный на палочку свиток. Иногда он поднимал его перед собой, открывал рот и тогда над поляной снова взлетало надсадное:

- Повелитель Олмер...

- У тебя совесть есть? - обратился я к нему. - Спят же еще все!

Говорить мне было трудно - глотка пересохла, а язык почти не ворочался. Видно, вчера я здорово сорвал голос, пока выкликал по лесу:

- Олмер! У-у-у сука! О-о-олмер!

Но посол великой державы не прислушался к моим миролюбивым словам. Тогда я откинул покрывало и прямо воззвал к его разуму:

- Ты что, совсем ебанат? Ты же сейчас их разбудишь!

- Кого? - спросил снизу посол. - Кого разбужу?

- Братьев, - объяснил я. - Братьев разбудишь!

- Ну, - кивнул посол. - А я чего добиваюсь? Мне нужно...

Но чего ему было нужно, мы так и не узнали. Брат Гоблин, проснувшийся от всех этих криков, вскинулся на помосте. Он отодвинул в сторону закрывающий центральное отверстие щит и принялся таращиться на посла, опираясь при этом на края дырки дрожащими руками. Он проснулся скорее "еще пьяным", нежели "с похмелья", поэтому на края опирался очень недолго. Руки у него разошлись, Гоблин вниз головой нырнул в дыру и сверзся с делони.

Под помостом было старое костровище, и Гоблин упал ровнехонько туда. Некоторое время он лежал, словно куль с мукой, воткнувшись в землю плечами и задрав ноги кверху. Я начал было уже беспокоиться - не сломал ли он себе шею, но тут Гоблин зашевелился, принялся потихоньку распрямляться и начал вставать.

- Беги, идиот! - крикнул я парламентару. - Спасайся!

Но он меня опять не послушал, и очень зря. Поднимаясь, Гоблин прихватил с земли горелую корягу, и как только встал - тут же ударил ею парламентар по голове. Взлетела целая туча гари и пепла, коряга разлетелась на куски, а посол упал и схватился за голову. Гоблин тут же начал водить глазами по сторонам, не в силах понять, куда тот делся, но быстро забыл о нем и занялся своими делами: на глаза ему попался упавший посольский свиток.

Это было первое, что увидел Олмеровский посол, когда у него прояснилось в голове после удара корягой и он начал заново осознавать мир. Какое-то время он стоял на четвереньках, трясая башкой, а потом медленно поднял взгляд. Ему открылся душераздирающий вид: жопа Гоблина, который уселся срать прямо напротив и Олмеровская грамота, которой Гоблин подтерся прямо у посла на глазах.

Чуть позже, капельку опохмелившись и урвав еще час беспокойного сна, мы спустились с делони и начали готовиться к наступлению нового дня. По ходу этой подготовки мне вздумалось сразиться с Болгарином Гаврилой на колах. Это произошло перед завтраком - Болгаре шумной толпой вышли из лесу к нашей делони, и мы принялись пить за встречу и кичиться друг перед другом военными подвигами. От такой беседы мы перешли к ругани, а от ругани, как водится - к драке.

Гаврила парень дюжий, кол у него в руках так и летает, но я отверг всяческий страх. Увернувшись от нескольких ударов и отбив примерно столько же, я перехватил свой кол за конец

и размахнулся как следует. Я нанес чудовищный удар в горизонтальной плоскости, рассчитывая перешибить Гавриле ноги одним ударом.

Момент был выбран хорошо - Гаврила вывел свой кол на замах и уже не успел бы прикрыться. Я бил достаточно высоко, примерно на уровне пояса, поэтому поступком Гаврилы был премного удивлен. Он взвился в воздух, пропуская мой кол под собой, подскочил так шустро, что сила, вложенная в инерцию тяжелого древка, развернула меня вокруг собственной оси.

В это время за моей спиной грелась на солнышке девочка по имени Котенок. Её подобрал где-то Крейзи - ему изменили в этот раз безупречные до этого происшествия вкус и чутьё на баб. Невзрачная малолетка по имени Катя связалась с нами на свою беду - она только и успела, что съездить с нами в Москву, как удар колом зачеркнул её в сердце Крейзи.

Котенок сидела на бревне и ела суп. Никто не предполагал, что так выйдет, но инерция сделала своё дело - кол прошел прямо над миской, впечатался Кате в переносицу и сбросил её с бревна. Глухой стук дерева по кости - вот и все звуки, сопровождающие эту мгновенную раскадровку. Сначала Катя сидит на бревне и ест свой ебучий суп, потом наступает момент удара, и Кати на бревне уже нет, а воздухе застыла выпущенная ей миска.

Когда я понял, что произошло, Котенок лежала на земле неподвижно. Ударом кола ей сломало нос, и он так распух, что Катя приобрела некоторое сходство с тапиром. Она потеряла из-за этого всяческую привлекательность, и Крейзи пришлось поскорее избавиться от неё. Это было нетрудно, но мы вспоминаем Катю и сейчас, с нежностью называя её Девочка-Тапир.

Уладив этот случай, мы решили выйти в свет и немного посидеть в кабаке. Тогда он был далеко не на каждой игре, так что всем это было в диковинку. На большой поляне сколотили деревянные столы, которые облепила разномастная публика. Среди них мы заметили известного волшебника, беглого ученика Кота-фотографа по кличке Паук.

Он устроился на низенькой лавочке с миской лапши и смотрел на мир маленькими злыми глазками, целясь в окружающих огромным дрожащим кадыком. Выглядел Паук так, будто постоянно ожидал колдовского удара из тонких областей бытия - вжал голову в плечи и все время оглядывался. Мы знали про эту его особенность и решили над ним подшутить.

Для этого мы отложили все дела и сели напротив Паука в линеечку, руки на коленях. Мы смотрели неподвижно и пристально, как будто бы сквозь него - и Паук тут же заметил это и забеспокоился. Он сменил позу и начал сучить руками, извлекая на свет целую кучу фенек и артефактов, его зрачки расширились, а губы зашевелились. Если бы кто-то из нас обладал в ту пору волшебным зрением, то наверняка увидел бы множество интересного.

Я не умею смотреть сквозь астрал, но у меня хорошее воображение, к тому же мы неплохо изучили заблуждения Паука. Я почти видел, как заструилось защитным коконом его биополе, и как вспыхнули в разделяющем нас пространстве незримые зеркала. Они преградили путь нашим взглядам, рассеяв большую часть содержащейся в них ненависти и злобы, и тогда Паук выпрямил спину и вздохнул с облегчением. Первый раунд он выдержал достойно - помогли зеркала, но мы смотрели в будущее и не собирались отступить.

Момент завораживал: мы сидели, безмолвно уставившись на Паука, а он всюю противодействовал нам, напрягая воображение и призвав на помощь собственные галлюцинации. Погода ласкала теплом, плыли по небу перистые облака, и даже я проникся сгустившейся атмосферой неподвижности и тишины. Но пришла пора действовать - и тогда мы взрывными движениями вскинули к плечам свои правые руки. Растопыренные кисти выпрямились в направлении Паука, и он вынырнул из своего сосредоточения, дернувшись, словно от жалящего удара электрическим током.

- Семижды семь раз проклинаем тебя, Паук! - произнесли мы замогильными голосами, а потом наши руки упали и вновь успокоились на коленях.

Этого Паук вынести уже не смог. Секунду он потерянно сидел, вращая глазами, а потом вскочил и бросился к озеру. Там он разделся и принялся лить на себя воду, при этом подпрыгивая и

неистово бормоча. Он нарисовал на земле возле мостков широкий круг и развел в нем костер, а затем перепрыгнул через него сам и принялся перетряхивать над дымом одежду. Складывалось впечатление, что он борется не с проклятием, а против внезапно поразившего его множества вшей.

Его обстоятельность в делах колдовства поражала, но он пользовался отсталыми методами. Паук потратил полтора часа на ритуал очищения от проклятья, наложение которого заняло у нас не более полутора минут. Легко подсчитать, что за сутки мы успели бы проклясть его этим способом девятьсот шестьдесят раз, и тогда на очищение Пауку потребовалось бы не менее двух месяцев. Ясное дело, что при таком подходе магическая война отнимает слишком много времени и ничем хорошим закончиться не может. Это показал ряд последующих случаев, ну а пока мы удовлетворялись и этим: наблюдая с холма, как скачет у озера обнаженный Паук, размахивая руками и семижды семь раз обливая себя тщательно заговоренной водой.

Между тем вечерело: если спать до вечера, то и день недолог, а на эту ночь у нас были большие планы. Неподалеку вознеслись бревенчатые стены Мшистого Замка, и мы всерьез рассчитывали развлечься, устроив его обитателям ночной штурм. Обычно в нем селились парни из коллектива “Рось”, обитатели северных районов нашего города - охочие до драки дюжие пацаны.

Их военное братство держалось самых что ни на есть правильных патриотических взглядов и может послужить примером для любой подобной организации. Составляли её Ратибор со своим старшим братом, здоровяк Вига, Бамбук и еще несколько парней. В качестве вооружения они использовали тяжеленные прямые мечи, защитой сильно пренебрегали и много пили, ища в бою не победы, но подвига.

Они привнесли немало оригинальных нововведений, и среди них - особенный тип поединка, который мы называли “Канистра в кругу”. Для этого пять и более человек берут канистру водки и кружки, хватают мечи и выходят в специально очерченный круг. Там они пьют по полкружки водки зараз, а кто хочет - тот пьет и больше. Затем все расходятся по сторонам и начинается свара - каждый за себя в маленьком кругу, свистопляска дубинок и целая куча увесистых пиздюлей.

В ходе таких боев Ратибор не раз удивлял нас вот каким военным приемом. Он шел на противника, высоко поднимая меч, и не защищался, спокойно принимая на корпус самые жестокие удары. На них Ратибор отвечал своими - чудовищными по силе и направленными обычно в башку, а объяснял своё поведение так:

- Воин-славянин не должен вертеться в бою, ровно девка, подпрыгивать и юлить. Перед лицом врага нельзя отступать ни на шаг, а еще меньше воину пристало заботиться о себе, защищаться и отбивать чужие удары. В сече нужно больше думать о том, как сразить противника, а не о том, как бы тебе самому уцелеть. Тогда и удача будет, и слава придет.

С людьми Роси приятно было иметь дело, поэтому мы старались использовать для этого любую возможность. Мы надеялись, что они останутся в Мшистом и на этот раз, но просчитались.

В чернильной темноте мы перебрались через стены и с налету срубили часовых. В две минуты мы сбросили немногочисленных защитников со стен и захватили штурмовой коридор, а с “Росью” такой халавы нам не разу не перепадало. В прошлый раз за такую попытку я сам чуть было не остался без башки, а здесь дело пошло споро, словно по маслу.

Обороняющиеся отбивались вяло, от них было больше шума, чем дела. Неожиданно внизу вспыхнул фонарь, и в его желтом свете я сумел разглядеть защитников замка. Это была целая толпа сомнительных незнакомцев, предводительствуемых каким-то типом в спортивном костюме и с аккумуляторным фонарем.

- Кто это? - повернулся ко мне Кузьмич. - Кто это такие, ты не знаешь?

В те времена большинство людей были между собой знакомы, и повстречать чужаков нам было в диковинку. Сначала мы даже усомнились - не попутались ли мы в темноте и не громим ли, часом, туристическую стоянку? Не то чтобы это нас останавливало - просто хотелось владеть ситуацией

и тогда уж действовать наверняка. Но люди внизу были одеты и вооружены несообразно моему представлению о туристах. Пока мы на них дивились, снизу осветили прожектором стены и увидели нас. Тогда обладатель фонаря вышел вперед, задрал голову и принялся на нас орать.

- Эй вы, - голос у него был с надломом, казалось, это не человек кричит, а дребезжит старый треснувший таз. - Вы что, суки, совсем охуели? По какому праву вы сюда врываетесь, козлы?

- Сами вы козлы! - перебил его Стори. - Ты разве не слышал правила? Было же объявлено - без стоптайма⁹⁸, мудака ты ебучий!

- Как ты меня назвал, мальчик? - начал горячиться внизу наш оппонент.

- Мудакон, - отозвался Стори, - а что не так? Надо было назвать долбоёбом? - Костян выждал пару секунд, пока до его собеседника дошла суть сказанного и добавил:

- Извини, пидор, больше не повторится!

Тут обладатель фонаря встал в позу и принялся со знанием дела “заколачивать понты”. Ради этого он устроил на внутреннем дворе крепости целое представление: бесновался, тряс руками и требовал от своих подчиненных, чтобы они его держали.

- А иначе я за себя не отвечаю! Семеро меня держите! - выл он. - Я принц Риск, брат всем известного Крылатого Саблезубого Пса!

Представившись, принц снова принялся угрожать - припоминал какой-то пояс, выданный ему в секции по айкидо, и обещал поломать нам всем руки. Начал он хорошо, но под конец сам испортил все впечатление, когда начал пускать слюни и пронзительно верещать:

- Тебе пиздец, мальчик! Тебе пизде-е-ец!

Довел его до такого состояния Стори, который устроился на гребне стены и все время подливал масла в огонь, обдавая принца Риска на глазах у его подданных площадной бранью.

- За себя не отвечаешь? - подначивал его Стори. - Так ты пиздобол!

- Принесите мне моё ружьё! - надрывался принц Риск. - Мальчик, тебе пизде-е-ец!

В темноте не разобрать было, принесли этому дебилу ружье или нет, но если и так - стрелять из него принц что-то не торопился. Некоторое время мы развлекались, наблюдая за ним, а потом нам всё это наскучило.

- Ну что, братья? - тихо спросил Барин. - Начнем?

- Не сейчас, - отозвался Крейзи. - Сочтемся при случае.

- Пейберда⁹⁹? - спросил Кузьмич.

- Пейберда, - согласился Крейзи. - Пейберда, братья?

- Пейберда! - поддержали его мы.

Мы грубо попрощались с принцем и прыгнули со стены. Уходя, мы старались запомнить как можно лучше его лицо, так как до следующей нашей встречи могли пройти годы. Точно сказать нельзя - принцип пейберды требует отбросить эмоции, успокоиться и терпеливо ждать. Придет время, и если вы были безупречны в своем ожидании - возможность отомстить представится, возникнет как бы сама собой. Иногда ждать приходится долго - несколько лет и даже больше, но время само по себе не является препятствием для осуществления мести. Скорее помощником: бывшие недруги забывают сам факт ссоры, настороженность угасает, а ваше лицо постепенно стирается из памяти у врагов.

Но с вашей памятью подобного происходить не должно - следует держать виновных в уме или вести “списки ненависти”, чтобы по прошествии многих лет случайно не забыть, кому и за что требуется отомстить. Тогда, пока ты жив - ничто не закончено, и за каждый камень в твой огород враги еще заплатят немалую цену. Это долгий путь, но иногда судьба улыбается воинам и пейберда бывает закончена в ту же ночь.

⁹⁸ Стоптайм - имеется в виду запрет на групповые бои в ночное время.

⁹⁹ Пейберда (произносится с ударением на второе “е”) - термин из произведения Р. Желязны “Остров мертвых”. Пейберда - это принцип, который возводит отмщение в разряд особого искусства (точно так же называется исполненная в соответствии с этим принципом месть). Объявить пейберду - значит поклясться, обещая отмщение.

В этот раз судьба предстала перед нами в лице рыцаря Белая Кепка, объявившегося на нашей стоянке спустя пару часов после указанного случая. Мы сидели себе на делони, когда услышали снизу, как к нам грубо обращаются какие-то незнакомцы, как мы тогда думали - пришлые ролевики:

- Есть тут кто, блядь? А, ебанный в рот?

- Кто это пиздит? - возмутился Строри и крикнул в ответ:

- Идите на хуй!

- Что? - донеслось снизу, и что-то в этом голосе насторожило меня. - Что?

- Хуй в очо! - снова крикнул Строри. - Уебывайте с нашей поляны!

- Да ты что! - послышался тот же голос. - С вашей поляны? Миша! Ми-и-иша!

- Ну, бля! - гулко ухнуло из лесу, а потом послышался треск кустов и тяжелые шаги.

Тут уж мы подняли свои жопы и решили узнать, в чем там дело. Мы глянули вниз и вместо ролевиков увидели целую грядку местной молодежи, пришедших инспектировать игровой полигон. Предводительствовал ими невысокий крепыш в ватнике и ярко-белой кепке, а с собой они вели пьяного в говно амбала лет сорока по имени Миша. Он поражал воображение - за два метра ростом и не менее ста тридцати килограмм, совершенно лысый и с лицом скорее бульдога, нежели человека. Увидав такое дело, мы перестали орать и крепко задумались. Первым нашелся Кузьмич.

- Пейберда, - шепнул он, подхватил литр водки и спрыгнул с помоста. - Парни, вы что ли местные? Извиняйте, не за тех вас приняли. Давай-ка, за знакомство!

Зарождающийся было конфликт тут же угас, и мы уселись с новоприбывшими тесным кружком, предавая по кругу одну нашу и одну ихнюю литровые бутылки водки. Поговорили чутка за жизнь, а после тема сместилась на нынешние обстоятельства.

- Хуй ли тут происходит? - пожаловался ихний предводитель, представившийся нам Саньком. - Понаехали в наш лес какие-то пидоры, куда не придем - только ебла кривят, а нормально за себя сказать ни хуя не могут. Вы первые люди, которые нас по-человечески встретили. Поругались - помирились, хуй ли там, все же люди!

- Ну, - с сомнением произнес Кузьмич, - не все. Тут неподалеку поселился один пидарас, до того охуевший, что...

Тут мы наперебой (перевирая и приукрашивая) принялись расписывать Саньку и его друзьям нынешних обитателей Мшистого Замка. Сказали, что там - пидор на пидоре, а сам Риск - мусорской стукач. Это было основное, но мы еще много чего к этому добавили. Затем Кузьмич подробно представил перед парнями из Шапок, как ведут себя в ихнем лесу Риск и его сотоварищи.

- Хотите прилично охуеть с понтов человеческих? Пиздуйте прямо туда! - резюмировал Кузьмич. - Это идти надо вот как...

- С нами не пойдете, что ли? - спросил Саня.

- Только что оттуда, - съехал Кузьмич. - Нет больше сил втыкать на этого пидараса!

- Ну тогда... - Саня встал и оглядел своё войско. - Мы пойдем, что ли.

- Только вы это... - Кузьмич на секунду задумался. - Вы поначалу лечите, будто вы пришли их штурмовать. А то как бы они мыша не включили и не выключили понты. Скажете, типа вы рыцари, а...

- Я буду рыцарь Белая Кепка! - уверенно заявил Саня. - Миша, во-о-он туда, видишь? Пошли!

- Ну, бля! - Миша встал с земли, поднялся и попер через лес, ломая кусты, а за ним потянулось остальное Санино войско.

Когда они скрылись из виду, мы ударили рука об руку и выдвинулись за ними вслед. Мы несколько опередили Белую Кепку и заняли позицию неподалеку от Мшистого, в кустах. Оттуда прекрасно просматриваются надвратные башни и площадка перед воротами.

Густая тьма лежала между деревьями и по краю поляны. Но бревенчатые бастионы Мшистого виднелись как на ладони, омытые призрачным светом августовской луны. Крейзи раскурил косяк, и какое-то время мы сидели в тишине, пряча в ладонях крохотный огонек. Затем между деревьями послышался шум - и мы увидели Саню, вышедшего на поляну перед Мшистым вместе со всем своим войском.

- Я рыцарь Белая Кепка! - заорал Саня во весь голос.

Его крик разнесся над лесом и на какое-то время повис в воздухе, многократно отражаясь от близлежащих деревьев и далеких холмов.

- Где этот пидор Риск, ебучей собаки брат? Открывайте ворота!

Какое-то время в замке было тихо, а потом из-за стены донеслось знакомое:

- Опять вы? Мальчик, ты что - не понимаешь, что я могу с тобой сделать? Живо пошел отсюда на хуй!

Услышав такое, рыцарь Белая Кепка и его воины подошли к воротам и принялись в них колотить.

- Открывай, стучач! - выл Белая Кепка. - Живо, пока пизды не получил!

Мы сидели неподалеку и наслаждались постепенно накалявшейся ситуацией. Вскоре Белая Кепка разрушил ворота и ворвался в замок, а вокруг Мшистого объявилось немало подоспевших на крики и снаряженных увесистыми палками людей. Оказалось, что принц Риск успел послать к "мастерам" за подмогою, утверждая, что на его лагерь напали пьяные хулиганы. Сане могло прийти несладко, но мы были тут как тут и вписались за наших новых друзей.

В числе подоспевших на помощь оказались Царь Трандуил и Эйв со своими товарищами. Вместе с ними мы создали вокруг стен Мшистого плотный периметр, не давая ролевой общественности вмешаться и напасть на рыцаря Белую Кепку. Пока мы стояли в охране, Трандуил придумал взять здоровенный кусок бревна и забросить его внутрь - метя в центр прячущегося за стенами палаточного городка. Акция имела успех, изнутри понеслись испуганные крики и надсадный вой принца:

- Вам пиздец, мальчики! Я сломаю вам руки!

В конце концов Риск, разгорячившийся сверх всякой меры, набросился на вломившегося в ворота Санька. Он схватил его за руку и начал выкручивать, но удача была сегодня не на его стороне.

- Ми-и-иша! - заорал Санек. - Эти пидоры драться лезут!

- Ну, бля! - донеслось от ворот, и пьяный амбал Миша неожиданно явил свою мощь, враз стряхнув пьяное оцепенение и неторопливую сонную одурь.

Мы залезли на стены и наблюдали, как он с мотыгами громит лагерь принца. Трижды каждый из нас поздравил друг друга и поблагодарил Кузьмича за то, что мы не стали сами разбираться с Белой Кепкой. И, как следствие этого - не встретились с Мишей в бою.

Миша ворвался в город, как ураган: сносил столы и палатки, пиздил всех по чему ни попадя. Мало кто после его ударов вставал. Даже для решительного войска Миша составил бы некоторую проблему, а вялых прислужников Риска он разметал, словно взрыв фугаса - сельский туалет. Прорвавшись к самому принцу, Миша увидел, как тот вцепился в его друга Санька и пытается заломить ему руку.

- НУ, БЛЯ!

Страшный удар в лицо поверг Риска на землю, а потом Миша сел ему на грудь и принялся пиздить великим множеством известных ему способов. Сначала принц пытался сопротивляться и орал:

- Принесите моё ружьё! Тебе пизде-е-ец, мальчик!

Но на Мишу это не произвело впечатления.

- Неси своё ружьё, мальчик! - рычал Миша, и в его устах слово "мальчик" звучало куда как уместнее. - Неси, я его тебе в жопу засуну!

Мы наблюдали за экзекуцией со стены, а когда принц не выдержал и затих, Кузьмич поднял руку и заявил:

- Пейберда исполнена!
- Свидетельствуем, - признали мы. - Исполнено, как должно!
Мы сняли оцепление и пошли к себе. По пути мы передразнивали истошные вопли принца:
- Принесите моё ружьё! - пронзительно выл Стори.
- Тебе пизде-е-ец! - изгалялся Кузьмич.
- Ми-и-ша! - приставив ладони ко рту, звал Крейзи.
Тогда мы останавливались и вместе, как могли более похоже, отвечали ему:
- Ну-у, бя!

Синяя книга и старик Гудини.

“В одном селении жил мастер Большое Облако, который собирал и рассказывал удивительные сказки. А когда люди записали его слова, получилась благочестивая книга, которой многие жители приписывали волшебную силу. Подобно другим таким книгам, она обладала свойством вызывать странный, изредка повторяющийся сон. Словно читатель оказывается внутри этих историй, может увидеть все собственными глазами и даже кое-что ощутить. Некоторых такой опыт много чему научил”.
Тибетские сказки: “Легенда о Большом Облаке”.

Как-то в ночь на Самхейн мы с братом Гоблином сидели на кладбище, распивая из полторалитровой бутылки разведенный спирт. Лунный свет падал на могильные плиты и слой палой листвы, порождая вокруг каменных обелисков множественные глубокие тени. На облетевших тополях расселись стаи воронья, облепившие голые ветви, будто спустившиеся с почерневшего неба сгустки темноты. Между стволами бежала кладбищенская дорожка, упираясь в массивную калитку в железной ограде. Неожиданно калитка с легким скрипом отворилась - и мы заметили, как на кладбище вошел незнакомый нам человек.

Он задержался на какое-то время у входа на кладбище, а затем медленно двинулся по направлению к нам. Его походка впечатляла: складывалось такое впечатление, будто бы не человек идет по дорожке, а неторопливо восходит из бездны мятежный дух. Распущенные волосы незнакомца скрывали лицо, а полы плаща разметались по сторонам, будто сложенные за спиной тяжелые крылья. Правда, когда незнакомец подошел поближе, иллюзия рассеялась - слишком несообразно возвышенному и мрачному образу смотрелись пухлые щеки и заплывшие маслянистые глаза.

- Здорово, братья-сатанисты! - подойдя поближе, заявил незнакомец.
- Как ты узнал, что мы братья? - решил уточнить Гоблин, а потом немного подумал и переспросил:
- И с чего ты взял, что мы сатанисты?
- Ну как же? - удивился незнакомец. - В такую ночь на кладбищах только наши и тусуются...
- Так и шел бы к ним! - предложил ему Гоблин, но от ночного гостя было не так-то просто отделаться.
- Да ладно вам, - отмахнулся он, - я же не просто так подошел, я вам не профан какой-нибудь. Три основные религии я знаю, и...
- погоди, - перебил его я. - Что еще за “основные религии” такие?
- Ну как же? - теперь незнакомец глядел на нас с выражением брезгливого недоверия. - Во-первых, конечно, сатанизм, потом эта вера... - тут он запнулся и некоторое время размышлял. - Ну, где хачики лбом об пол колотят! И последняя конфессия - где дева Мария в трех кругах, распятая на кресте.

Мы с братом сидели, словно громом пораженные. Ни хуя себе, подумал я - “Настольная книга атеиста” отдыхает по сравнению с такой подачей конфессиональной информации. Больше всего мне было интересно узнать относительно последнего культа: что это за вера такая, где дева Мария, распятая в трех кругах? Незнакомец добился своего - теперь мы смотрели на него

заинтересованно, со всевозрастающим любопытством. Ночной гость подметил этот факт и выдал нам еще одну порцию “информации для благочестивых размышлений”.

- Сейчас вы станете сопричастны некоторых таинств! - важно заметил он. - Знайте, что у меня есть друг, а у этого друга знакомый по работе живет за городом, у своего деда. Дед работает на пилораме вместе с одним местным пацаном, у которого сменщик живет в соседней деревне. А проживает сменщик в доме мужика, тесно знакомого с человеком, у которого есть сама Синяя Книга - Сатанинская Библия!

- Что-о? - спросил его я, даже толком не поняв, кто у кого живет и где работает. - Какая книга?
 - Синяя, блядь, книга! - не выдержал незнакомец. - Сатанинская Библия, единственная на свете!
 - Ну хорошо, - допустил Гоблин такую возможность. - Но зачем ты нам об этом рассказываешь?
 - Как это зачем? - встрепнулся незнакомец. - Чтобы вы знали, что перед вами человек, друг у которого работает с внуком того старика, что шабашит на пилораме! А вместе с ним вкалывает один деревенский парень, чей сменщик родом из соседней деревни. Но живет он не у себя, а в одном доме с мужиком, который сошелся с обладателем оригинала Синей Книги, Сатанинской Библии!

- Охуеть! - признал я. - Только для чего нам про это знать?

- Понятно для чего! Чтобы стать сопричастными: ведь сегодня ночью вы повстречали на кладбище человека, друг у которого живет за городом, в доме у своего деда. По работе дед знаком с одним пареньком, чей сменщик живет в соседней деревне, но не у себя, а у местного мужика. А тот водит знакомство с обладателем Синей Книги, Сатанинской Библии. Теперь вы пойдете к своим друзьям и скажете им - вот, мы с вами кореша, а на кладбище...

Тут мы с Гоблином не выдержали и набросились на этого хуеплета. Через полчаса после этого случая, заглянув к Крейзи на огонек, мы принялись разяснять ему запутанные обстоятельства, сложившиеся вокруг Синей Книги.

- Приколись, брат, - собравшись с духом, начал я. - Вот ты знаешь нас уже сколько лет, а мы повстречали на погосте одного типа, у которого друг... друг у которого...

- Живет за городом, у своего деда, - помог мне Гоблин. - И по работе этот дед...

- Знается с пареньком, - вспомнил я, - чей сменщик из соседней деревни поселился в доме...

- У мужика, который знается с хозяином Синей Книги! - докончил за меня Гоблин. - Так что и ты теперь, брат...

- Это ты Сатанинскую Библию имеешь в виду? - спросил Крейзи.

- Ну, - подтвердил Гоблин, изрядно удивленный проявленной Крейзи осведомленностью. - Ты, что ли, тоже...

- Подождите минутку, - предложил Крейзи. - И тогда я покажу вам эту Синюю Книгу.

Он вышел в другую комнату, а потом вынес к нам книгу в синей обложке, на которой большими буквами было написано: "Сатанинская Библия" и имя автора - Шандор Лавэй.

- О-о, - глубокомысленно изрек Гоблин, - понимаю. Получается, раз книга у тебя - ты должен знать какого-нибудь деревенского мужика, приютившего рабочего с пилорамы. Хуярит он в соседней деревне, а его сменщик знается по работе с тем стариком, чей внук живет в городе. Дружит этот внук с тем мудаком, что подошел к нам на кладбище и сделал нас сопричастными, а мы пересказали все это тебе, хоть и без толку. Раз уж ты и есть тот самый обладатель Сатанинской Библии!

- Больше того, - вмешался я, - сопричастны мы теперь сразу по двум направлениям. Окольным путем - то есть через того мудака и его друга, через деда его друга, затем через коллегу деда и через его сменщика, потом через мужика, у которого квартируется сменщик и там уже - через обладателя Синей Книги. А он вот сидит, прямо перед нами. Значит, цепочка спрямляется, и мы становимся сопричастны уже напрямую!

Тут я встал и обратился к Гоблину, пародируя нашего сегодняшнего кладбищенского собеседника:

- Слышь, чувак! - веско заметил я. - Хочу, чтоб ты знал: братан у меня - обладатель Синей Книги!

- Такая же хуйня! - ответил мне Гоблин.

Мистика и чертовщина творилась не только на кладбищах. Однажды колдовство подстерегло меня в самом центре города, посередине рабочего дня. Вышло это так.

Этой зимой я устроился работать санитаром в Мариининскую больницу, но никаких трудовых обязательств на себя не взял. Вместо этого я выкрал у сестры-хозяйки запасной ключ от сейфа в сестринской, а возле Достоевской мне сделали с него новую копию. Старый ключ я подбросил на место, и жизнь пошла.

Распорядок дня у меня был такой: с утра я приходил на работу и ложился спать. Возле полудня я просыпался, открывал сейф собственным ключом и сливал себе мензурку спирта из находившейся там пятилитровой бутылки. Затем я выпивал и закусывал, выкуривал на лестнице возле приемного покоя пятаку плана, а после того либо заново ложился спать, либо шел на поклон к нашему анестезиологу. Он был человек щедрый до всего чужого и давал мне подышать закисью азота через специальную маску.

От этого в теле появляется неестественная легкость, в ушах начинается шум, а перед глазами все двоится и плывет. Иначе закись азота называется "веселящий газ", и я нахожу это название весьма справедливым. Но степень веселья здесь зависит от количественных характеристик, возникает следующая динамика, в зависимости от количества газа:

(1) малое "хи-хи", (2) большое "хи-хи", (3) уссыкалово, (4) прикольное охуение, (5) непонятное охуевание, (6) наркоматоз.

Однажды, достигнув состояния (5), я вышел на ватных ногах из операционной в стремительно гаснущий и приготовившийся коллапсировать больничный коридор. Сквозь напоминающий гомон прибора шум я услышал, как кто-то зовет меня словно бы издалека:

- Ваня! Ваня!

Я обернулся и заметил старшую сестру отделения Зою Михайловну, тащившую за собой на буксире инвалидную коляску. В ней сидел какой-то старик, укутанный с головы до ног в синее больничное одеяло. На коленях у него была сложена стопка разных медицинских документов -

карточка, направление на “флюшку”¹⁰⁰ и тому подобные. Рот у Зои Михайловны раскрывался и закрывался, но звуки оттуда не достигали моего разума - их отражала надежная блокада из смеси алкоголя, “веселящего газа” и ТГК¹⁰¹. Только иногда, словно прорываясь через полосу помех, до меня доносились отдельные фразы:

- Переведешь его на другое отделение, а через полчаса...

Исходя из намерения скрыть от Зои Михайловны своё действительное состояние, я не стал спорить - просто взял кресло и покатил его к лифту. Лифт у нас грузовой, с раздвижной решетчатой дверью, и ходит всего на три этажа - на третий (не помню, что там было, да и речь не о том), на второй (там расположена наше отделение -1-я хирургия) и на первый, где расположен приемный покой. Вкатив старика в камору лифта, я повернулся и закрыл за собой раздвижную дверь.

Мы остались вдвоем в помещении длинной три, шириной полтора и высотой не более двух с половиной метров, скупой отделанной матово-желтым пластиком. Раздвижные двери остались у меня за спиной, а поверх них закрылись маленькие створчатые дверцы, которые только дерни - и лифт сразу же остановится. Кресло с его содержимым помещалось передо мной: сначала само кресло, затем старик, потом синее в полосочку одеяло, и уже поверх него - стопка медицинских документов. Я посмотрел на все это, удовлетворенно вздохнул, нажал кнопку “1” и закрыл глаза.

Лифт мягко дернулся и пошел вниз - до упора, пока днище кабины не встало на пружинные амортизаторы. Тогда я открыл глаза, осмотрелся и закричал. Пока мы ехали один этаж, в нашей кабине кое-чего произошло. Кресло стояло на прежнем месте, поверх него покоилось синее одеяло, грудой лежали бесполезные теперь документы, а проклятый старик исчез. Пребывая в некотором шоке, я ощупал пустое пространство над одеялом и даже заглянул под него. Я посмотрел под колесами и у себя за спиной, затем встал на кресло и открыл ведущий в шахту лючок - везде пусто. Протиснуться мимо меня и незаметно открыть раздвижные двери старик вряд ли бы смог, а кроме того - мы ведь только что “приземлились” на амортизаторы! Тут я осознал обстоятельства целиком, и у меня возникли сложности с правильным пониманием картины событий.

Я размышлял так: пожилой человек, только что после операции, не должен перемещаться в пространстве сам по себе, проходить сквозь стены, развоплощаться и исчезать. Нигилистический взгляд на ситуацию - что никакого деда с самого начала не было, а также параноидальное предположение, что дед был, но что это был не совсем дед, или вовсе не дед - я сразу же и полностью внутри себя опроверг. Признаю, что я сделал это без каких-либо серьезных оснований, просто чтобы избежать неизбежных и далеко идущих выводов из этой позиции: навроде колдовства или участия в деле инопланетян.

Заместо этого я принялся рассуждать так. Передо мной - удивительный феномен, понять который я пока что не в силах. Ломать голову, прикидывая, что тут и как - дело заведомо гнилое, а привлекать для разъяснения посторонних, пожалуй что, лишнее. Какое вообще, разозлился я, мне дело до этого ебучего деда? Нет его - ну и чудесно, не надо его теперь никуда везти, меньше хлопот! Рассуждая так, я почти успокоился, а оставшиеся от старика документы спрятал под одеяло. Прижимая его обеими руками к груди, я стоял посреди лифта словно в оцепенении и размышлял. Была не была, скажу, что отвез - решил я наконец, нажал кнопку второго этажа и поехал обратно.

На отделение я прибыл исполненный показного спокойствия, каталку бросил возле туалета, а сам пошел с одеялом и документами прямо к своей камерке. Выпить, лечь спать и забыть про этот случай - вот и все мысли, что крутились на тот момент у меня в голове. Я шел, словно зомби, и даже не заметил Зою Михайловну, неожиданно оказавшуюся у меня на пути. Ой, блядь, подумал я, ведь начнет сейчас удивляться - как же это я так быстро больного отвез?

¹⁰⁰ Флюорографическое исследование.

¹⁰¹ ТГК - тетрагидроканнабиол, основное действующее вещество в составе марихуаны, бошек и гашиша.

- Где ты был столько времени? - вместо этого накинулась на меня Зоя Михайловна. - Жду тебя уже сорок минут, а ты... Отвез больного?

Я словно налетел с разбегу на стену. Сорок минут? Немыслимо! Оставив Зою Михайловну без ответа, я повернулся на месте и бросился на первый этаж, где расположен вход в приемный покой. Тамашний санитар, Василий, подтвердил однозначно - он видел, как я полчаса назад вывез из лифта и спустил по пандусу какого-то старика. Что значит - куда я его повез?

- Ты сам то как? - участливо спросил меня Василий. - В смысле, с головой все в порядке?

Вопрос Василия был не праздный - на днях из морга уволили одного из тамашних санитаров, у которого сделалось не в порядке с головой. За ним подметили, что он повадился оставаться в помещении трупохранилища внеурочно, и поначалу подозревали в дурном. Думали, что он в тайне от товарищей снимает у мертвецов с зубов золотые коронки, а деньгами не делится, и тогда стукнули администрации. Те решили за ним проследить. Подобрались втихую к дверям, открыли - и так и застыли в проеме, словно громом пораженные.

В маленькой комнате повсюду лежали трупы - сваленные на каталках вдоль стен и попросту на полу. Мятежный санитар расположился на столе, застыв обнаженным в позе "полулотоса". Он даже не сразу пришел в себя, когда открылась дверь и в помещение ворвались разгневанные члены больничной администрации. От греха подальше его слили втихую, а место его досталось другим людям - поумней да попроще.

- Все путем, - успокоил я Василия. - Заспал просто, не могу теперь вспомнить.

Покинув Василия, я бросился по отделениям, задавая везде один и тот же вопрос - не поступал ли им в течение часа с "1-ой хирургии" новый больной? В конце концов медсестра с "3-й терапии" обнадежила меня вопросом:

- Что, уже привезли документы?

- Угу, - отозвался я, - только возникли небольшие сложности. Где больной?

- Положили пока во вторую палату, - отозвалась медсестра. - Пойдем, покажу.

В молчании мы прошли по коридору до двери в палату.

- Вон он, - ткнула пальцем сестричка через проем на одного из пациентов, укутавшегося одеялом с головой.

- Проснись, уважаемый, - позвал я, подойдя к койке и сдергивая одеяло.

Я даже не предполагал, что один и тот же старик сможет удивить меня за день больше, нежели один раз. Под одеялом лежал молодой человек, субтильный юноша примерно шестнадцати лет. Увидав меня, он захрипел, выпучил глаза и поднял руки, словно защищаясь.

- Оставьте меня в покое! - закричал он. - Я ничего не сделал!

Но на этот счет у меня было другое мнение.

- Этого я привез? - более ничего не стесняясь, осведомился я у сестры.

- Да, - подтвердила она. - Этого, кого же еще?

Тогда я наклонился к уху паренька и тихо зашептал:

- Вот что, дед. Либо ты сознаешься, в чем тут дело, либо я тебя на месте задушю, и похуй на все твои фокусы!

Юноша долго думать не стал и во всем сознался - благо виноватым себя особенно не считал. Он сидел на лавочке перед урологическим отделением и дышал свежим воздухом - когда я подошел к нему, толкая перед собой коляску, груженную завернутым в одеяло стариком. Последнего я размотал из одеяла и выгрузил на скамейку, игнорируя все возражения, а парнишке велел завернуться в одеяло и полезать на его место. Поначалу он не хотел ехать, и тогда я надавал ему оплеух, запихал на каталку и привез сюда. Где дед, он не знает, но думает, что все ещё там - то есть мерзнет на скамейке перед урологическим отделением.

Бросив все - парнишку и встревоженную сестру, я бросился к скамейке искать деда. Погода стояла леденящая, так что я резонно полагал - дед, наряженный в одну только пижаму, уже

откинул копыта от холода. Но нет - старик сидел на скамейке, как ни в чем не бывало, кутаясь в чей-то больничный халат, а двое других больных угощали его из термоса горячим чаем. Ясное дело, дед успел намерзнуться, но остался жив и даже не особенно сетовал на меня - так обрадовался, что за ним наконец-то пришли. Так что это пусть ученые гадают - может человек или нет действовать полностью бессознательно? Для меня этот вопрос считается теперь полностью разрешенным.

В другой раз причиной неурядиц послужил окончательно испортившийся больной. Или его не так резали, или опоздали разрезать - но к утру он помер, а его труп положили к туалету, на каталку с надписью “мусор”. Такого быть не должно, но санитары морга вовремя не возвращают на отделения каталки с надписью “морг” - так что пришлось этому пассажиру кантоваться временно на мусорной каталке.

Видя, что каталка занята, и не решаясь бросать мусор прямо на пол, сестры начали “притыкивать” поверх мертвеца мешки и коробки с разным накопившимся хламом. К обеду мешки с использованными шприцами и ватой, пустые упаковки из-под капельниц и прочая дрянь полностью скрыли под собой мертвеца. Поэтому я очень удивился, когда, выгружая в помойку очередную коробку с каталки, увидел под слоем мусора покойника. Разозлившись, так как возить покойных - не моя работа, я выгрузил в пухто и его, присыпал сверху мусором и отправился спать. Труп обнаружил больничный дворник, было много шума - но расследование замерло, наткнувшись на нерушимую стену моей гражданской позиции.

- Положили, наверное, на каталку с надписью “мусор” и заставили коробками. А когда в пухто мусор выгружаешь, валишь с каталки, прямо через край опрокидываешь. Легко не заметить!

В тот раз я отмазался, но между мной и больничной администрацией словно бы пролегла черная тень. Старшая сестра невзлюбила меня и, чтобы отомстить, приказала мне выгрузить по черной лестнице с чердака и сложить во дворе восемьдесят старых пружинных кроватей, общим весом не менее двух с половиной тонн. Выбрав удобный момент, я перекрыл черный вход и скинул все кровати в лестничный пролет, так как не хотел перетаскивать их у себя на горбу. Потолки в Мариининке метров по пять, и кое-что еще приходится на чердачный пролет. Так что лететь кроватям предстояло не меньше восемнадцати метров.

Падая, они бились со страшной силой о бетонный пол и лопались, превращаясь в перекрученные и прошитые искореженными кусками металлоконструкций части пружинной сети. Постепенно весь первый этаж занял собой ошетилившийся металлический еж, и без автогена и гидравлических клещей даже нечего было надеяться разобрать его и вынести наружу. Указав администрации больницы на этот факт, от дальнейшего участия в судьбе кроватей я уклонился.

Взбешенная этим сестра-хозяйка, в чьем ведомстве находятся все кровати, в том числе и сломанные, решила меня прилюдно за это унизить. На тот момент я уже разобрался с правами и обязанностями санитаря, поэтому не делал на отделении вообще ни хуя. Целыми днями я спал, пил спиртягу и никак больше себя не утруждал. Накладки, конечно, бывали - но далеко не каждый день, я быстро отучил сестер беспокоить меня по всяческим мелочам. Так что ко мне практически не было вопросов: иногда я вывозил мусор или помогал сестрам кого-нибудь перенести, но на этом и всё. Факт, я каждый день возил из столовой обед на все отделение, но на эту должность я вызвался сам. Я любил, остановив лифт между первым и вторым этажом, открыть кастрюлю с горячими котлетами и распить под них мензурку спирта, а иногда и две.

Обращались ко мне только в крайних случаях. Например, однажды доставленная к нам с нарывом на руке пациентка из “Скворечника” вздумала пошалить. Она прошла ночью по всем палатам, собрала у лежачих больных подушки и одеяла и утащила все это к себе, свив у себя на койке нечто навроде гнезда. Возмущенных её поведением сестер она послала “на хуй”, а справиться с ней сами

девчонки не могли - до того наглая и дюжая это была баба. Тогда за помощью в этом деле сестры обратились ко мне.

Я оторвал жопу от кушетки, накинул халат и отправился умирять сумасшедшую. Ходил я по тем временам в черных джинсах, натянув поверх свитера футболку с надписью "Slayer", а халат у меня был особенный - черный, с надписью на спине желтой краской "МОРГ". Я выменял его на некоторое количество спирта у тамошних санитаров и весьма им гордился. Оттуда же я привез одну из самых отвратительных каталок - всю в разводах от засохшей крови, с надписью синей краской: "Трупохранилище". Войдя в палату к сумасшедшей, я сразу же взял быка за рога:

- Ну, - доброжелательно начал я, - поздравляю! О вашем поведении теперь даже директор больницы знает! Весело вы все это начали, даже жаль с вами теперь расставаться.

- Расставаться? - удивленно переспросила дородная баба, крупная, судя по всему, стерва. - Как это?

- А вот как, - продолжал я, пододвинув к её кровати каталку. - Снимайте всю одежду и ложитесь сюда. По приказу директора больницы вы на сорок восемь часов переводитесь в помещение трупохранилища, сиречь - в морг.

- Что.. - хотела было возмутиться сумасшедшая, но сделать этого как следует я ей не дал.

- Обычное дело, - перебил её я, - когда человек на отделении заебывает администрацию и сестер. Сначала переведут в морг дисциплинарно, а потом уже, задним числом - оформляют свидетельство о смерти.

- Как о смерти?! - испуганно взвизгнула баба. - Но я же еще...

- ЛОЖИТЕСЬ НА КАТАЛКУ! - неожиданно и страшно заорал на не я. - Одной ногой в могиле, а туда же - права качать! Это ты пока тебя в морг не перевели - живая. Там ты не так у нас запоешь!

От таких уговоров наша пациентка сделалась как шелковая, хотела даже своё одеяло отдать другим больным и спать теперь, укрывшись одним халатом. От сестер я получил за это массу слов благодарности и целую кучу нежных улыбок, а беспокоить меня ради презренного мусора (как и по другим вопросам) практически перестали. Тем более диким показалось мне последовавшее однажды с утра требование сестры-хозяйки вспомнить о своих прямых обязанностях и заняться доставкой в больничную лабораторию мочи. Ранее мы как-то этого избегали, потому что мочу нужно доставлять вовремя, а я на работу постоянно опаздывал. И тут - на тебе, называется, вышел с утра!

Согласиться на это означало для меня поступиться своими принципами, а этого ни в коем случае делать нельзя. Я попытался мирно уладить этот вопрос, но сестра-хозяйка твердо стояла на своем. Более того - она сама сходилась в помещение туалета и принесла оттуда деревянный ящик, заполненный открытыми банками с анализами. Этот ящик она попыталась всучить мне, крича при этом:

- Кто, ты думаешь, будет выносить за тебя мочу?

Ситуация была неразрешима, так как встал выбор между путем унижения и путем чести. Поразмыслив, я принял решение выпутаться так, чтобы сохранить честь и одновременно с этим унижить сестру-хозяйку. Принимая ящик у неё из рук, я сделал шаг вперед, одновременно задирая край ящика - и тогда стоящие в нем банки опрокинулись, а вся моча выплеснулась прямо на сестру-хозяйку. Старшей сестре я сказал, что это получилось случайно, но мне кажется, что поверила Зоя Михайловна все же не мне. В тот день тень увольнения черной тучей повисла надо мной, а дни моей работы в Мариининке оказались сочтены.

Но кое-что еще сделать мы все-таки успели. Наш друг Фери лег в Мариининку симулировать пиелонефрит, и его определили на урологическое отделение. Я случайно узнал про это и сообщил Строри и Кузьмичу, а те задумали вот какое дело. Взяв у меня на отделении белый халат, медицинскую шапочку и папку для бумаг, Строри облачился во все это, надел очки и направился

прямиком к Фери в палату. Выглядел он весьма необычно для себя, так что шансы у задуманной манифестации были очень даже приличные.

В это время Фери сидел у себя на койке перед выдвинутой в проход между кроватями тумбочке и резался со своими товарищами по палате в три палки на мелкие мучения. Больничный режим он в ни во что не ставил, поэтому насосался пива и подумывал уже приняться за водочку, резонно полагая: это скорее поможет, нежели помешает симулировать пиелонефрит. Когда Строри, прикрываясь папкой, чтобы Фери не смог сразу же распознать его в лицо, вошел в палату, нарушители режима как раз откупоривали под закуску баночку с маринадом. Но тут их идиллия была безжалостно разрушена.

- Александр Орлов! - гнусаво возвестил Строри из-за папки. - На сифонную клизму!

Повисла напряженная тишина, а потом мгновенно побелевший Фери спросил заплетающимся языком:

- Ку... Куда?

Самого Строри он в упор не видел - для него существовал только какой-то человек в белом халате и шапочке, который ворвался в его налаженный быт и принес это чудовищное известие.

- На сифонную клизму! - повторил Строри, а чтобы не дать Фери опомниться, приказал: - Живо за мной!

Фери, обескураженный всем этим, вышел из палаты и поплелся по коридору за Строри, который ушел немного вперед, чтобы не дать Фери поравняться с собой и заглянуть “доктору” в лицо. Фери шел сзади, механически переставляя ноги, и только в конце длинного коридора решился задать Строри в спину волнующий его вопрос:

- А... почему эта клизма называется сифонной? Не скажете, как... - тут Фери замолчал, испугавшись собственного вопроса, но потом все же решился. - Как её делают?

- Ничего страшного, - не оборачиваясь, просветил его Строри. - От двенадцати до тридцати литров воды закачивают через анальное отверстие пациента посредством кружки Эсмарха и специального шланга. Вам этот объем может показаться чрезмерным, но пусть это вас не смущает - за две недели вы к этому успеете привыкнуть.

- За... - Фери даже запнулся. - За две недели?

- Да, - Строри сделал вид, будто бы сверяется с папкой. - Вам назначено всего пятьдесят шесть процедур - четыре раза в сутки в течение двух недель, каждый день. Но не беспокойтесь - процедура это хоть и неприятная, но занимает всего полтора часа. Так что...

Под такие ободряющие речи Строри вывел Фери в общий зал, где расположились все мы.

- Привет, Фери! - крикнул Барин. - Мы к тебе в гости. Давай к нам, дернем пивка!

- Не могу, - мрачно ответил Фери. - Мне надо на процедуру.

- На какую это? - спросил Барин. - Что еще за процедура?

- Да так, - стал юлить Фери, не желая признаться перед лицом товарищей, что приговорен к такому делу, как сифонная клизма. - Анализы надо сдать. Бывайте, я пошел.

- А тебе разве не сифонную клизму назначили? - невинно поинтересовался Барин. - А?

Фери застыл, не в силах проникнуть в основы Бариновской осведомленности о назначенных для него процедурах. Но тут Строри подошел к нему вплотную, сдернул шапочку и принялся снимать халат.

Секунду Фери еще смотрел на все это непонимающе, а потом на лице его отразились овладевшие им смешанные чувства. Хорошо была видна некоторая досада и даже злость на товарищей, провернувших с ним такую мерзкую шутку - это была первая составляющая. Она проявилась в стиснутых зубах и вспыхнувшем взгляде, но зато весь остальной Фери - своей позой и невольными жестами, осанкой и выражением лица - выражал другое, не менее сильное чувство. Это были радость и облегчение от осознания того факта, что все произошедшее с ним всего лишь шутка и он только что, как по волшебству, спасся от сифонной клизмы.

Случай с проверяющим.

“На вопрос “Зачем ты рассказываешь сказки?” мастер Большое Облако обычно отвечал:

- Для врагов мои сказки - словно медленный яд, исподволь пропитавший страницы. Для друзей - как согревающее душу молодое вино. Решайте сами, что они для вас - боль в сердце или хмель в голове?”
Тибетские сказки: “Легенда о Большом Облаке”.

Зима была, а вроде бы её и не было: кругом слякоть, грязь и мокрый асфальт. Но как только морозы ударили по-настоящему (то есть примерно к пятнадцатому декабря), из Комитета по Лесу Л.О. объявили очередной предновогодний аврал. В готовящейся Елочной Кампании-96 участвовали две “конкурирующих” организации: “Зеленая Дружина”, под предводительством рыжебородого деятеля из универа по фамилии Жук, и “Дружина Гринхипп”, направляемая совместными усилиями В. Гущина и А. Лустберга. Курировать проведение кампании доверили комитетскому чиновнику Батову по прозвищу Туранчокс¹⁰², названному так за небольшой рост и выпученные белесые глаза.

Обе конторы перед стартом кампании развернули агитмероприятия с целью завербовать к себе новые кадры: ЗД-шники в универе, а Тони Лустберг - среди тусовки ролевиков. Он звонил всем подряд и уверял, что участие в подобном мероприятии пойдет только на пользу, а сколько природы будет спасено - закачаешься. Так как в прошлом году мы уже участвовали в подобном, то согласились и на этот раз.

Перед началом кампании Жук и Батов устраивали в Комитете общий инструктаж для членов уже существующих экологических организаций (вроде “Гринхипп” и “Зеленой Дружины”) и для вольнонаемной публики вроде нас. Отжигали как могли: Жук запугивал нас случаями смертоубийства, якобы имевшими место во время прошлых кампаний, а Туранчокс обучал основам инспекторского дела. По его мнению, наиглавнейшим в этом является правильное расположение предметов у инспектора на столе. Бланки протоколов и копирка лежат слева, Кодекс об Административных Правонарушениях (КоАП РФ) и копия приказа губернатора о “мерах по пресечению незаконной порубки и провоза новогодних елей” справа, посередине пресс-папье и стакан с авторучками и т.д. Любое отступление от этого распорядка Туранчокс считал невыносимым и, скорее всего, полагал деянием противоправным.

По результатам этих курсов (считавшихся “инспекторскими”) соискателям вручалось удостоверение общественного лесного инспектора Комитета по Лесу Л.О. Этот документ предоставлял своему обладателю следующие полномочия: “применять физическую силу и специальные средства... задерживать и доставлять... устанавливать личность по системе ЦАБ¹⁰³ ... и оформлять в административном протоколе...” всех без разбору, кого только ни увидят тащасим под мышкой свежесрубленную ель.

Штаб кампании развернули на Витебском вокзале. Там засели Батов и ЗД-шники под руководством Жука, а “Гринхипп” получили в своё распоряжение бывший пикет ДНД¹⁰⁴ на Финляндском. Задачи Комитет поставил такие - полностью перекрыть трафик елей и устраивать допшмон по электричкам, высылая рабочие группы на патрулирование в “челнок”. Всех задержанных за браконьерство нужно стаскивать в пикет и оформлять, кроме тех, кого выездные группы оформят на месте.

¹⁰² Персонаж из старого советского фильма “Через тернии к звездам”, мерзкий карлик с чудовищно выпученными глазами.

¹⁰³ Аббревиатура: Центральное Адресное Бюро.

¹⁰⁴ Аббревиатура: Добровольные Народные Дружины.

Идет борьба, объяснял нам Лустберг, за количество протоколов - в них, и только в них отражается действительный вклад в дело природоохраны, сделанный каждым из нас. Инспекторам необходима, пел нам Тони, кристальная честность - взятки с нарушителей не брать, изъятые ели оформлять документально и передавать наверх полностью, до одной.

Мы не то что бы слушали его, но прислушивались понемногу. Если люди из “Гринхипп” нам пришлось не по вкусу, то о Лустберге у нас к тому времени сложилось благоприятное впечатление. Тони провел несколько любопытных игр и обладал в тусовке если не популярностью, то известностью точно.

Мы провели с Лустбергом переговоры и сошлись вот на чем. Мы помогаем ему провести кампанию - а он не мешает нам жить и не лезет в наши дела. Договорились, что мы сформируем автономные группы, а один из наших инспекторов будет занимать должность оперативного дежурного посменно с человеком от “Гринхипп”. На том и порешили.

Атмосфера штаба Елочной Кампании - постоянный вой, шум и чудовищная суета. Все вокруг завалено елями, большое количество ОЧЕНЬ НЕДОВОЛЬНЫХ людей спрессованы в маленьком помещении и дожидаются своей участи в очереди на оформление. Каждый норовит доказать собственные права:

- Похуй мне и на тебя, и на весь твой Комитет! Кто вы такие, что...

Другие стараются инспектора наебать:

- Были документы, были! Я на даче забыла купон из лесничества, и...

Наихудшие из невольных посетителей вступую давят на жалость, душат тебя слезами:

- Милок, - выла гражданка Баева (задержанная за три дня четыре раза, каждый из них - с мелкооптовыми партиями по двадцать, пятнадцать, тридцать и так далее метровых елей). - Милок, я бабка старая, ты уж меня пощади. У меня внуки на новый год останутся без подарочков, ты уж...

Увидав, что слезами горю не поможешь, Баева без видимого перехода переключалась на чернейшую брань:

- Ах ты, сука, ебучий паразит! Я ж тебе...

Начинается кампания прекрасно, когда в Комитете тебе вешают на уши лапшу о “вежливости и корректности по отношению к правонарушителям”. Потом такие, как Лустберг, врут с три короба о “кристальной честности”, а Батов рассказывает тебе, как правильно расположить предметы у себя на столе. Перед началом кампании ты приходишь в штаб, чувствуя себя борцом за дело природоохраны и видишь, как там все благообразно: пустой пикет и за чистым столом новоиспеченные бойцы зеленого фронта.

У всех, на кого ни посмотри - убеждения, каждый хочет поучаствовать в общем деле, никакой критики и в помине нет. Создается впечатление сопричастности чему-то, только вот хуй знает - чему? Охватывает мандраж, хочется СРОЧНО что-нибудь сделать для природоохраны, причем всё равно что. Все кажется таким благодным и важным, словно вот-вот - и вся Природа будет тобою одним заботливо спасена. Но подготовка к кампании заканчивается, начинается работа, и тогда в штабе появляются первые посетители.

Сначала ты еще говоришь людям “здравствуйте”, но потом вся твоя вежливость куда-то исчезает. Люди ненавидят тебя за то, что ты ловишь их и отнимаешь ихние елки - и постепенно ты начинаешь отвечать им тем же. Раздражение и злоба плавятся в тигле разума вместе с недавними взглядами, и на людей с елью начинаешь смотреть, как на персональных врагов. Рождается ненависть, которую ничем не унять, а пикет природоохраны постепенно словно бы превращается в казематы гестапо. Исподволь ты полностью “перекидываешься”, а вид ели у человека в руках начинает действовать на тебя, как на грузинов выражение: “Я маму твою ебал”.

Но на просто злобу всему человечеству похуй, и тогда она начинает искать выхода в каких-нибудь поступках. В зачистках “челноков”, когда НАДО гнать людей кучею впереди себя по вагонам с помощью пиздюлей, в облавах на вокзалах и рейдах на нелегальные елочные базары. Люди “Гринхипп” не поддерживали нас в этом начинании - их удел был охотиться за одинокими пенсионерами и избегать серьезных конфликтов. Наши же товарищи постепенно вошли во вкус и конфликтов стесняться совершенно перестали.

Это сказалось на “успеваемости” - мы начали вырабатывать сумасшедшее количество протоколов. Пикет был забит до такой степени, что часть задержанных приходилось запирали в помещении старого туалета, где мы хранили изъятые ели. В этом туалете однажды вышел презанятнейший случай.

Как-то, набившись в помещение туалета едва ли не вдесятером, мы курили план из четырех жирных косых. Дым клубами рвался из маленького помещения и поднимался к билетным кассам. Это привлекло внимание сотрудников милиции, патрулирующих здание вокзала. Мы так и застыли, когда трое ментов вошли к нам в туалет и остановились, в упор глядя на нас. Мы не успели ничего сделать - ни сбросить косяки, ни даже выдохнуть дым - так неожиданно все это произошло.

- Сержант, чем это пахнет? - тихо спросил ихний старшина. - Запах такой странный!

Сержант прошел вперед и вынул у Крейзи из онемевших пальцев косяк. Затем он несколько раз глубоко затянулся, а потом подошел и передал косяк старшине.

- По моему, хвоя, - неуверенно предположил он. - Впрочем...

- Угу, - отозвался сержант, затягиваясь. - Точно, еловая хвоя. Вы вот что, - обратился он к нам, теперь уже вполне серьезно. - Вы курите тут осторожнее! Мы люди нормальные и все понимаем. Но шмон от вашей ганджи стоит такой, что дымом полвокзала заволкло. А тут неподалеку ошиваются ОМОНовские патрули. Они такой хуйни не поймут! Сержант!

- Ага, - отозвался сержант, доставая из-за пазухи поллитру водки. - Нам бы, значит, елочки нужны, но не те вицы, что обычно носят, а настоящие. О' кей?

- О' кей, - отозвался я, так как был сегодня оперативным дежурным по направлению. - Выбирайте, приличные елки во-он где...

Когда транспортники отвалили, мы вздохнули с облегчением. Присели на елки, выпили по глотку водки и раскурили притушенные было косяки. Но не успели мы затянуться, как двери туалета опять распахнулись. В проем вместились тройка бойцов ОМОНа - облаченные в броню и вооруженные с ног до головы. Мы заметили, что один из них несет увесистый полиэтиленовый пакет, бережно придерживая его за провисшее днище.

- Что за хуйня? - начал их старший. - Коноплю курим? Охуеть надо, прямо на вокзале, пиздец! А если вас менты выпалят?

- Не ссыте, - миролюбиво успокоил нас тот омоновец, что нес пакет. - Мы люди нормальные и все понимаем. Вот, собрали вам немного попить-поесть. А из-под вас нам нужны приличные елки, а то у черных стоит одно говно кривое. Зер гуд?

- Зер гуд, - кивнул я, находясь от всего этого словно бы в некотором отупении. - Вон тот угол, выбирайте.

Омоновцы присмотрели себе кое-чего и стали собираться. Уже уходя, их старший повернулся к нам и многозначительно произнес:

- Вы бы поаккуратней тут с коноплей. Нам-то похуй - все почти на югах повоевали, знаем, что к чему. А вот транспортники вас за это с потрохами сожрут. Бывайте, парни!

Когда они вышли, Крейзи утер лоб и с интересом огляделся.

- Ну что, - наконец спросил он у нас. - Legalize?

- Legalize, - признал я. - А еще какие-нибудь органы охраны правопорядка на вокзале есть? Кроме транспортников и ОМОНа?
- Пожарники, наверное, - неуверенно отозвался Строри. - И должен быть хоть один КГБ-шник. Не хотелось бы...
- Отставить панику! - успокоил нас Крейзи, демонстрируя недокуренный косяк. - Безопасности вокзала данное деяние не угрожает, а пожарника...
- Пожарника, - перебил его я, - мы пошлем на хуй. Хуй ли нам пожарник, когда мы из самого Комитета по Лесу? Нам ли стесняться пожару?

Поскольку с людьми “Гринхипп” мы работали рука об руку, то начали поневоле приглядываться, смотреть, что это был за коллектив. И постепенно наше “прохладное” отношение к ним изменилось, сменившись откровенной уже неприязнью. Каждый божий день мы только и слышали от них, что о необходимой инспектору “кристальной честности”. О необходимости полностью отдавать “наверх” изъятые ели - якобы для передачи их в приюты и детские дома. Мы изымали сумасшедшее количество “н.д.л.п.”¹⁰⁵, и Тони нас за это очень хвалил. Уверял, что мы вместе делаем большое и благородное дело.

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что за нашей спиной руководство “Гринхипп” проворачивало дела поменьше и не такие уж благородные. Каждый день к вокзалу подъезжала грузовая машина, в которую закидывали изъятые за день ели. Она увозила их, как объяснял Лустберг, для передачи в руки престарелых граждан и детишек-сирот.

Однажды народу в штабе не оказалось, все разъехались по “челнокам”. Так что сопровождать машину для выгрузки елей поехал не человек “Гринхипп”, а один из наших. Машина поехала недалеко - к елочному базару на пересечении Арсенальной улицы и улицы Комсомола. Там ели выгрузили в общую клеть, а Лустберг так это прокомментировал:

- Часть елок поступает на реализацию, а средства перечисляются потом в фонд ВООП и идут на дело защиты природных заказников и памятников природы.

Звучало это неплохо - но трое хачиков, орудовавших в клетке, легенды не знали и немного испортили складывающуюся картину. Один из них подошел и передал Лустбергу горсть смятых купюр, добавив при этом:

- До завтра, начальник.

Так у нас зародились первые сомнения, а потом в копилку событий начали падать все новые и новые факты. Например, мы неожиданно узнали, что на проведение кампании выделялись кое-какие деньги: на питание участников и на канцелярские расходы. Суммы были незначительные, но маленькие деньги теряются даже легче больших. До штаба кампании они практически не доходили. Иногда, правда, Тони подбрасывал своим выпить или пожрать, но и то не каждый день.

Постепенно от сложившегося у нас поначалу восторженного впечатления не осталось и следа. Очевидно стало, что руководство “Гринхипп” ебет мозг и загребает бабло чужими руками, оправдываясь впоследствии стопками выработанных с нашей помощью протоколов. Но в будущем разрыве наших отношений с “Гринхипп” не этот мотив послужил основным - вовсе нет. Виной этому послужил полноватый и улыбчивый куратор “Гринхипп” от ВООП¹⁰⁶, один из организаторов нынешней кампании Володя Гушин.

Мы видели его и раньше, хотя не так уж и часто. Он изредка появлялся на играх, вооруженный “Зенитом” с мощной оптикой, и забавлялся фотоохотой. Всегда приторно вежливый и

¹⁰⁵ Аббревиатура: “незаконно добытая лесопродукция”.

¹⁰⁶ Аббревиатура: “Всероссийское Общество Охраны Природы”.

обходительный, Гуцин изо всех сил старался расположить к себе окружающих. Он старался сойтись с людьми поближе, угощал при случае водочкой и пивком, подчеркнуто либерально относился к вопросу употребления наркотиков членами природоохранного патруля.

Вечерами, когда поток нарушителей спадал, Гуцин на пару с Лустбергом устраивали в штабе своеобразные посиделки. Они спонсировали коллектив бухлом и начинали “петь на два голоса”. Но чем больше мы их слушали, тем крепче становились зародившиеся у нас по ходу этих бесед подозрения. Мы решили прояснить их и расспросили других членов “Гринхипп”. Водка развязала языки, и постепенно у нас начала вырисовываться цельная картина событий.

Кроме работы на ниве природоохраны Гуцин и Лустберг шабашили в мутной конторе под названием “СП-б Институт подростка”, занимающейся реализацией различных социальных программ. Суть этих мероприятий была в контроле за жизнью неформальных молодежных движений, фактически - сбор информации и поголовный учет. Под такую программу попала и питерская ролевая тусовка. Прикрываясь понятиями “глубинная экология”, “культура хиппи” и мерами по набору волонтеров для участия в природоохранных кампаниях, Гуцин и Лустберг выполняли “заодно” и еще несколько интересных задач.

Сами они не слишком-то это афишировали. Но те, кого они вовлекли в свои акции, заносились впоследствии в специальные архивы “Института” - в списки подростков, которых Гуцин и Лустберг спасли, социализировав и извергнув из “опасной среды”. На тот момент все это как бы витало в воздухе, находясь на стадии либо предположений, либо непроверенной еще информации. Так что повода сказать им в лицо “вы стукачи” и послать их на хуй вроде бы как не было. Зато появился и окреп другой, не менее существенный повод.

В повседневном общении и беседах членов “Гринхипп” мы заметили некоторые непонятные поначалу странности, своеобразные поведенческие перекосы. Сначала мы не обратили на это внимания, но затем один случай за другим убедили нас в обоснованности наших предположений. Первый тревожный звоночек прозвучал, когда Гуцин начал разглагольствовать о свободе половых отношений, агитируя вступать в якобы учрежденную им “Партию сексуальных меньшинств”. Делал он все это как бы в шутку, но у каждой шутки есть свои пределы, и Гуцин далеко за них перешел.

Потом уже и другие люди начали обращать наше внимание на аналогичные факты:

- Вы ебнулись? - спросил у нас Юра Орк. - Чего вы третесь с этими пидорами? Послушайте-ка, чего я вам расскажу!

Порядка ради стоит заметить, что Юра Орк - один из старейших ролевиков, в свое время побывавший на “самой первой” союзной игре. Он приехал в Питер откуда-то с юга, чтобы сутки напролет просиживать за компьютером на квартире у Брендизайка, изнуряя свое тело и разум невообразимым количеством самых разнообразных наркотиков. Юра Орк оказался панком самой высшей пробы, убежденным полинаркоманом, чье отношение к жизни лучше всего характеризует вот такая история.

Однажды, втрескавшись как следует “винтом”, Юра Орк вышел на лестничную площадку и увидел двух поднимающихся по лестнице ментов. Момент был что надо: Юра стоял на лестнице в одних штанах, зажимая рукой локтевой сгиб, и смотрел на ментов почерневшими от первитина глазами. Кое-кто на его месте тут же бросился бы обратно в квартиру, но только не Юра Орк. Вместо этого он вышел на край площадки и заорал:

- Эй, вы!

В как только менты подняли головы, Юра Орк широко расставил руки и проорал еще громче:

- ВОН С МОЕЙ ПЛАНЕТЫ!

И пока ошарашенные менты втыкали в расклад, Орк развернулся, запрыгнул в квартиру и был таков. Он был способен еще и не такие фокусы, так что иногда я жалею, что канва этой книги не позволяет мне отступить в сторону и написать побольше про похождения этого удивительного человека.

Так вот, Юра Орк сообщил, что на самой заре коллективных посиделок в Доме Природы вышел вот какой случай. Один из гостей “Заповедника” напился до отрубона и уснул на банкетке в коридоре. Тогда Гуцин подхватил его к себе на руки и понес в свой кабинет - якобы укладывать спать. Через минуту из кабинета послышался приглушенный шум, и тогда Юра и еще несколько человек решили глянуть - что там творится? Юра шел первым и так и застыл на пороге.

Пьяный гость слабо ворочался животом на столе со спущенными штанами, а заголившийся Гуцин пробовал пристроиться к нему сзади. Скинув оторопь, Юра и остальные набросились на Гуцина и как следует ему навалили. Били, ясное дело, по чему ни попадя.

- Он даже не пробовал защититься, - рассказывал Орк. - Просто сжался в углу и закрыл голову руками. А потом прибежал Лустберг и давай его отмазывать. Дескать - вы не так поняли, Вова просто пошутил. А я-то еще не верил, что Гуцин - пидор! Думал, пиздят все, наговаривают на мужика!

Выяснилось, что у Гуцина на тот момент уже сложился стойкий имидж растлителя-гомосексуалиста. И про других членов “Гринхипп”, Призрака и Федю-Цыгана в тусовке ходили слухи, что они гомики. В свете чего мы начали совсем по-другому смотреть не только на Гуцина, но и на всю “Дружину Гринхипп”. Одной из последних капель стала публикация в газете “Смена”¹⁰⁷. Там один из чиновников Комитета прямо указывал на “Гринхипп” и клеймил их полными пидорами.

Не то, чтобы все это открылось для нас сразу же, за один день. Гуцин с Лустбергом юлили, как могли, отшучивались и съезжали со скользкой голубой темы. Нет, объяснял нам Лустберг, они вовсе не пидоры - просто кто-то неудачно пошутил, а газетам верить нельзя. Но все это вместе с их социальной деятельностью производило очень уж неприятное впечатление. А под самый конец кампании нам представился случай на печальном примере проверяющего из городского штаба убедиться в справедливости наших предположений.

Руководство кампании осуществлялось с Витебского вокзала, где оперативными дежурными сидели люди Батова и Жука. Они рассылали по другим участкам своих проверяющих, а особенно часто посылали их на Финбан. К Гуцину и Лустбергу у них вечно были какие-то претензии. Те платили им той же монетой, и обе организации бомбардировали Комитет кипами жалоб и уведомлений. Но у руля тогда стоял Жук, так что его люди имели право проверки пикетов и складов на других участках кампании. Ночью двадцать девятого декабря в штаб на Финляндском прибыл один из таких проверяющих - молодой парень около двадцати двух лет.

- Надо срочно его слить, - начал подзуживать нас Лустберг. - Он нам весь процесс ломает. Блин, придумайте что-нибудь, а?

Мы подумали-подумали, а потом взяли бутылку бренди и пошли поить проверяющего. Поначалу он отказывался пить, но на стопку бренди в честь нового года согласился. В бренди мы добавили нитразепам. Через полчаса проверяющий, обесмыслившийся и без документов, отдыхал на груди елок в помещении бывшего туалета.

¹⁰⁷ Эта статья называется “Охрана природы в зелено-голубых тонах”.

- Че с ним делать? - спросили мы у Лустберга.

- Мы сами с ним разберемся, - ответил Тони, и они с Гуциным отправились разбираться, захватив в штабе наручники и ключи от туалета.

Минут через пятнадцать мы решили провести их и посмотреть, чего там у них происходит. Отворив двери, мы поначалу не поверили своим глазам. Проверяющий стоял на коленях, прикованный к батарее наручниками - а Гуцин уже снял с него штаны и теперь принялся за трусы.

- Вы не охуели, часом? - спросили мы. - Для чего это все?

- Ну... - замялся Лустберг. - Мы подумали, что...

- Выпороть его хотели, - ответил Гуцин. - Вы идите, мы сами управимся!

- Идите-ка вы на хуй! - предложили им мы. - Если хотите кого-нибудь так "пороть", травите людей сами!

Отцепив проверяющего от стены, мы оттащили его в отдел и сдали от греха подальше, выдав за наркомана. После этого я позвонил на Витебский и доложил - на Финляндском задержан милицией человек, выдающий себя за проверяющего городского штаба. Схвачен транспортниками в состоянии сильного алкогольного опьянения и без каких-либо документов. Когда я назвал фамилию проверяющего, ихнему оперативнику потребовалось не больше пятнадцати секунд на раздумья. После чего из трубки послышалось:

- Мы такого человека не знаем. Ведь удостоверения у него нет?

- Нет, - успокоил его я, хотя удостоверение проверяющего было у меня в руках. - Откуда же ему быть?

Проблема проверяющего разрешилась, зато назрела другая проблема. Отношения с руководством и личным составом "Гринхипп", мягко говоря, накалились. Мы уже не то что не хотели сесть с ними на одну лавку, а и просто избегали находиться с такими деятелями в одном помещении. Они подметили это наше отношение, и под конец кампании дежурства приходилось организовывать посменно. Мы провели внутреннее совещание, целиком посвященное вопросу нашего нынешнего отношения к людям из "Гринхипп":

- Плохи наши дела, - заявил Строри на этом совещании. - Из-за этих пидоров мы едва не попали в непонятное, имеет место чудовищное западло.

- Не знаешь - не в падлу, - утешил его Гоблин. - Кто же знал, что они пидарасы?

- Может, ну её на хуй, такую природоохрану? - предложил Барин. - Что-то мне больше не хочется ничего охранять. Ну их в пизду, сами пусть ловят этих несчастных старух.

- Втравили нас в какое-то говно, - резюмировал Кримсон. - Природоохрана - это хуйня, не тем мы занялись.

- Погоди! - перебил его Крейзи. - Природоохрана здесь ни при чем, нечего позволять кучке пидоров дискредитировать целое направление! Закончим эту кампанию без лишнего шума, а в будущем году сделаем все по-своему, уже без этих гондонов. Погодите, не кипишуйте - мы еще подвинем их с насиженных мест!

- Так эту хуйню оставлять нельзя! - поддержал его Барин. - Надо чего-нибудь сделать!

- Сделаем, - высказался я. - Обязательно сделаем!

На том и порешили.

1997. Пусть вечно стелется тьма.

**ПОМНИ СВОЙ ДОЛГ!
ЭЛЬФИЙСКИЙ КАРАТЕЛЬНЫЙ ПОЛК**

Черный капитан.

И еще сказал Солнцеликий: “Истории похожи на клубок перепутанных ниток. Пройдет немало времени, прежде чем станет ясно, каким образом они на самом деле переплетены”. “Honey of Tales”.

В марте в Герцовнике¹⁰⁸ случился вокально-инструментальный концерт нашего Гоблина совместно с неким Монаховым. Сам концерт я не очень запомнил, так как все затмил вот какой факт. Прибывший на место Болгарин Гуталин сообщил, что по пути до него доебались двое реперов и забили ему стрелку. Она должна будет состояться в ближайшее воскресенье в Московском Парке Победы, на заброшенных руинах в районе общественного катка. Вот что рассказал Гуталин об обстоятельствах приключившихся “переговоров”.

- Иду я, значит, на концерт. Тут подходят ко мне два репера - повыше и пониже, в ветровках с эмблемами “ONYX”. Эй ты! Дай, говорят, нам закурить!

Тут надо заметить, что сам Гуталин одевался совсем иначе. Он ходил в черной кожаной куртке и темных джинсах, высоко закатанных над начищенными до блеска австрийскими берцами. И брил голову, что называется, “под ноль”. Гуталин поступал так из националистических соображений, поэтому наглое заявление реперов немало его возмутило.

- Нету у меня для вас сигарет! - ответил Гуталин, но реперы таким ответом не удовлетвоались.

Один из них, по прозвищу Ящер, тут же принялся выгибать пальцы и заколачивать понты. Он угрожал Гуталину Нарвской тусовкой и своими товарищами - Деном, Никой и Кокой, а также еще то ли пятьюстами, то ли тысячью верных ему реперов. Ящер утверждал, что если Гуталин впишется в заманиху и придет к трем часам на каток вместе со своими товарищами, то увидит все это войско собственными глазами. Он так старался, расписывая мощь своего коллектива, что Гуталин заинтересовался и принял его предложение.

Из-за внешнего вида Гуталина Ящер скорее всего полагал, что ему придется иметь дело с бандой скинхедов. Но тут он ошибся. Обсуждая с Болгарами подготовку к этой встрече, мы едва не прыгали от счастья. Наконец-то, блядь, пригодится в деле синяками и кровью оплаченный опыт ролевых игр! Ох и завоют же репера, думали мы, когда их прижмет в покосившихся руинах строй широких щитов. Из-за него мы собирались ударить кирпичами - а там и до железных труб дело дойдет. И тогда горько восплачут ониксоголовые, ни разу в жизни не бившиеся еще против большого щита. Авось да и подрастеряют боевой задор! На том и порешили.

О готовящейся встрече Гуталин извещал не только нас. Наоборот, он шепнул самым разным людям - а его слова передали дальше, по цепочке. Так что к двум пополудни в воскресенье возле станции метро “Парк Победы” собралась очень разномастная публика.

Прослышав об этом деле, к нам на помощь подтянулись представители местных бритоголовых. На вопрос, откуда они узнали о готовящемся мероприятии, новоприбывшие (они представились, как Ефрейтор, Багер и Парафин) заявили вот что:

- Земля слухами полнится, - ответил Ефрейтор. - Она и донесла!

Так же на эту стрелку приехал Костик-Постпанк и люди из Герцовника, в числе которых оказался пункер Олег. Выйдя из метро, Олег сразу же принялся нагонять нешуточную волну.

- Реперов, - заявил нам Олег, - будет человек сто двадцать. Я эту тусовку хорошо знаю!

- Ага! - задумались мы. - Сто двадцать реперов!

¹⁰⁸ Педагогический институт им. Герцена.

К половине третьего нас собралось человек тридцать. По ходу дела к нам примкнули какие-то приبلудные ролевики. Они увидели щиты и подошли, думая, что здесь намечается ролевая тренировка. К чести этих людей замечу: когда они узнали, в чем дело, то не включили обратный ход. Наоборот, поддержали нас и встали в общий строй. Время крадет воспоминания, и теперь мне трудно ответить на вопрос: кто же были эти люди? Но товарищи указывают мне, что одним из них был небезызвестный в Питере менестрель по прозвищу Леня Назгул.

Без двадцати три Барин и Фери заметили двух реперов. Один из них был одет в оранжевую куртку столь насыщенного цвета, что сразу же бросался в глаза. Репера пасли за нашим сборищем с одной из парковых аллей, а когда поняли, что замечены, бросились бежать. Барин и Фери погнались за ними, но напрасно.

К трем мы были у катка. С аллеи нам открылся вид на двухэтажные руины, но как мы ни смотрели, “армии” Ящера обнаружить не смогли. Обыскав руины и прилегающий каток, мы нашли только трех симпатичных девчонок, расположившихся на террасе первого этажа. Мы бы до сих пор гадали, куда подевались Ящер и его друзья, если бы через много лет нам не открыла на это глаза нынешняя жена Гуталина. В тот день¹⁰⁹ именно она сидела на деревянной скамеечке перед катком вместе с двумя своими подружками. Предоставим слово самой Светлане:

- Мы увязались на эту стрелку за парнями с Нарвской. Нас, конечно же, не хотели брать, но мы все равно поехали. Встречались мы в Парке, а когда приехали, реперов было уже человек пятнадцать. Нас приехало семеро - четверо парней (это, стало быть, Ящер, Ден, Ника и Кока) и трое девушек. Ну и по ходу еще подтянулись человек двадцать или около того. Потом двое пошли разведать - где же все? Где враги наши? А когда разведчики прибежали обратно, парни о чем-то потеряли друг с другом и говорят: “Девчонки, вы идите на каток и сидите там, а мы сейчас сходим за сигаретами и сразу же придем”. В общем, они ушли - якобы в ларек, а мы пошли на каток. Долго там просидели, но из наших так никто и не пришел. После чего на каток пришла другая компания - очень разномастная. Реперов в этой компании не было, зато были лысые, панки и люди со щитами. Жуткие рожи. И один из них спрашивает: “Привет, девчонки! Вы чего тут третесь?” Ну, мы ответили - типа, мальчиков своих ждем. А они: “Так а где мальчики-то?” Я и говорю - отправилась за сигаретами. Ну, они подождали еще немного, а потом плюнули и ушли.

Как выяснилось впоследствии, человеком, с которым общалась Светлана, оказался Болгарин Гор. В заключении этой истории Светлана добавила вот что. Когда она с подружками на следующий день общались с Ящером и остальными, те с пеной у рта уверяли:

- Да вы что! Была встреча! Мы её разрулили без драки, по понятиям!
Вот такая бывает хуйня.

В начале этого сезона по Заходскому поползли тревожные слухи. Говорили, будто Черный Капитан Максим Браво поселился под навесом у Миши-Казака, и теперь жизнь у озера стала совсем тяжелой. Толковали, будто долгих пересудов Черный Капитан избегает, а на все вопросы отвечает либо пиздюлями, либо односложным: “Хуй ли ты бычишь?”. За этим опять следовали пиздюли - так что особенной разницы, говоря по правде, между этими случаями не было. Лишь однажды Максим изменил своему обычаю, заявив одному из обитателей навеса прежде, чем расправиться с ним:

- Пидор, ты наступил на мою собаку!

Это была веская претензия, особенно учитывая тот факт, что никакой “своей собаки” у Максима на тот момент и в помине не было. Его обнаружил на Казани и привез в Заходское Тень, чтобы Максим смог на лоне природы немного передохнуть, отойти от нелегкого дела: борьбы с многочисленным племенем наркоторговцев. Ради этого Максим переехал в Питер из Кировска и быстро достиг невиданного успеха на этой благородной, хотя и опасной стезе.

¹⁰⁹ Прошел не один год с момента стрелки с реперами, прежде чем Светлана познакомилась со своим будущим мужем. Истинно сказано - тесен мир!

Большинство героиновых барыг в центре - у Казани и на Сенной, возле Пушкинской и около Владимирской, от Лиговки и до Техноложки - в ужасе дрожали, едва только заслышав имя Браво. Они таились от Максима по темным проулкам и прятались за дверями своих паленых квартир, но спасения для них предусмотрено не было. За недолгое время Максим Браво (где один, а где с верными своими товарищами) выставил одну за другой большинство этих точек и отнял у презренных наркоторговцев весь героин. Так как героина у него теперь стало много, то недалекие люди начали обращаться к Браво и просить:

- Продай твой героин нам!

Но Максиму претила барыжная участь, а кроме того, он пользовался моментом, чтобы предоставить таким “покупателям” важный жизненный урок.

- А вдруг я вас кину? - как бы в шутку предупреждал он своих “клиентов”, только вот почему-то никто Максиму не верил.

Тогда Браво заворачивал в полиэтилен немного анальгина и тут же его продавал. Также он торговал вразвес самым дорогим в мире асфальтом (по цене золота¹¹⁰), чабрецом вместо марихуаны, аспирином вместо PSP и глюкозой вместо калипсола. При этом Максим, бывало, говорил:

- В своей жизни я еще никому не продал наркотиков! И я всегда предупреждаю человека прежде, чем его кинуть!

Данное “покупателю” слово Максим безукоризненно выполнял. Поэтому число тех, кого он кинул, было едва ли не больше количества тех, кого ему доводилось ограбить. Мало кто из этих людей решался сделать Браво замечание, но кроме людей в мире существуют демоны. С одним из них, воплотившемся в героиновом порошке, Максим вел затяжной бой.

Он сражался насмерть, уничтожая героин в невероятных количествах. Браво - один из немногих, кто способен попасть себе в вену в темноте через рукав куртки, убегая при этом вверх по лестнице от милицейского патруля. Такая борьба со временем утомляет, так что Максим последовал совету Панаева и поселился в Заходском - подальше от города, наркоторговцев и героина.

Из-за этой разлуки настроение у Черного Капитана по первости было совсем скверное. С людьми он старался не разговаривать, а все больше спал под навесом, накопив во сне немалую злобу. Только мы и слышали у себя на холме, как Максим Браво опиздюлил спросонья то одного, то другого. Он поселился у озера и свирепствовал там, словно дракон.

Это были не единственные угрожающие знаки. Впервые после долгой зимы приехав на наш Холм, мы обнаружили неладное. Кто-то разрисовал всю верхушку Холма сложным каббалистическим узором, расписал демоническими именами и масонскими звездами. Досужие языки уже доносили до нас, будто Паук затаил обиду. Но чтобы он до такой степени обнаглел - этого мы и представить себе не могли.

Рассмотрев все как следует, мы совершенно утвердились в этом предположении. Очень уж похожие узоры Паук начертал в прошлом году в Шапках, на берегу озера. Тогда мы взяли березовый веник, обоссали его и тщательно вымели все Паучьи рисунки, а веник после этого дела сожгли. По мнению Кузьмича, даже самое крепкое начертательное колдовство после этого пропадает, не в силах вынести причиненного унижения.

Отдохнув с дороги, мы повели брата Гоблина на мыс - на радость всем он напился в говно и выразил желание искупаться. Не снимая одежды, Гоблин забрался на выдающуюся в озеро каменную гряду и бросился вниз, даже не глянув на воду. А стоило бы - она еще только выступила над просевшим льдом, и Гоблину, чтобы нырнуть, пришлось пробить его головой.

Он целиком ушел в темную полынью, и некоторое время мы гадали - когда же и где он теперь вынырнет, и вынырнет ли вообще? Потом что-то тяжелое проломило лед в десяти метрах от

¹¹⁰ Гашиш, под видом которого Максим Браво продавал свежий асфальт, почти всегда держится в одной цене со стоимостью 585 пробы золота в скупке.

камня, и из полыньи появилась мокрая Гоблинова башка. Теперь Гоблину надо было обсохнуть, и он направился напрямик под навес.

Выйдя на поляну, Гоблин заметил, как Браво сидит на построенных Мишей-Казакон полатах с самым мрачным и недовольным выражением лица. Радоваться ему было действительно не из-за чего. С полчаса назад он опрометчиво доверился Фери, который выпросил у него для купания принадлежавший Максиму надувной матрас. Фери принес его на берег озера, приложил к пузу и прыгнул на лед. По прибрежным камням и льду Фери проехал на матрасике, словно с горочки на санях. Но в озере матрасик неожиданно лопнул, порвавшись сразу в нескольких местах.

- Ой, ой, - запричитал Фери, выбравшись из озера и возвращая Браво мокрые куски резиновой рванины. - Подвел меня твой матрас! Лопнул, а я себе все пузо о камни распорол!

Так что Браво было от чего быть недовольному - можно сказать, он сидел и копил злобу возле матрасика. А тут еще Гоблин, как только вышел к навесу, походя шлепнул Браво канистрой по щеке.

- Привет, - поздоровался Гоблин, а затем остановился и принялся смотреть, чего будет.

В ответ на это Максим встал и тоже "шлепнул" Гоблина по щеке. От такого шлепка Гоблин упал и некоторое время не мог встать, так что первый его заход на Черного Капитана следует считать неудачным. Тогда Гоблин выразил мирные намерения - поднялся, открыл канистру и пригласил Браво выпить.

- Во, смотри, - показал мне Стори, - пьют! А мы чего...

- Не, - прервал его я, - погоди. Сейчас будет второй заход.

И точно! Как только Максим выпил и отставил в сторону канистру, Гоблин шагнул вперед и ударил Браво в корпус ногой. Максим прикрылся рукой, размахнулся...

- Осторожно! - крикнул Стори, но было уже поздно.

Максим ударил и попал в челюсть, снова опрокинув Гоблина с копыт.

- Ноль - два, - объявил Барин.

Последовало еще несколько похожих раундов. Сначала поединщики пили из канистры, потом Гоблин делал свой выпад, а Браво отвечал все тем же убийственным ударом. Но постепенно Браво устал и тоже начал промахиваться. В последнем раунде его удар вспорол воздух за полметра до Гоблина. Но тот все равно не устоял на ногах - упал, словно подкошенный.

- Астральный удар! - возмутился Барин. - Все биополе ему промял!

- Все! Конец боя! - крикнул Стори. - Давайте-ка, забираем отсюда Гоблина!

Уходя, мы обернулись посмотреть, как устраивается отдыхать на бревенчатой лавке Черный Капитан. Видно было, что от только что пережитого лицо у Максима порозовело, а настроение заметно улучшилось. Основа была заложена, и теперь даже порванный матрасик не мог омрачить нашей будущей дружбы.

В последующие сутки я много иронизировал над братом Гоблином из-за этого случая. Но уже на следующую ночь меня самого так отпиздили, что от иронии не осталось и следа. Я собирался поставить в эти сутки личный рекорд по употреблению алкоголя, и к середине ночи даже примитивная моторика начала меня оставлять. Но чем больше я ползал по лесу на четвереньках, тем больше мне хотелось совершить какое-нибудь насилие. А особенно такое, в ходе которого мне бы достались хорошие новые ботинки. Мои совсем истрепались, а алкоголь в моем сознании расцвел эту проблему до небывалой величины.

В качестве жертвы ограбления я выбрал некоего Дорфа, уже немало на тот момент от нас претерпевшего. В прошлом году нам была удача изловить в лесу его и одного его друга, приехавших в Заходское отметить Дорфовский день рождения. Самого Дорфа мы завязали по шее в его же спальник и заставили прыгать по мелководью на глубину, а друга загнали на дерево, и он пел оттуда:

- Happy birthday to Doorf! Happy birthday to Doorf!

Опираясь на эти заслуги, я приполз на стоянку к Дорфу - на четвереньках, с трудом осознавая мир. Там я потребовал, чтобы Дорф снял с себя ботинки и отдал их мне, а сам бы вместо этого примерил свой новый спальный мешок. Новый потому, что старый мешок Дорфа мы на его прошлогодний день рождения утопили. Дорф оказался человеком неглупым и сумел воспользоваться создавшейся ситуацией.

Набросившись, он принялся лупцевать меня что есть силы. Я не очень понимал, что вокруг меня происходит, так что поначалу меня даже развеселил его смелый, исполненный справедливой ненависти порыв. Трудно сказать - долго ли, коротко ли было дело: мир то гас, то снова разгорался у меня перед глазами. Потом, помню, я снова пил, теперь уже с этим ебаным Дорфом, а потом мы с ним говорили за жизнь.

Первоначальный порыв у Дорфа прошел, он все время жаловался мне, будто бы с утра придут мои друзья и его искалечат. Я успокаивал его, потому что пока еще не мог понять: из-за чего это он так распереживался? Лишь под конец ночи я оставил его и вышел в Утеху, где залез к Болгарину Гавриле в палатку. Именно там меня и настигло чертовски неприятное утро.

Сначала я услышал какие-то сухие щелчки и металлический звон. Это подняло меня из черных глубин забытья; я смог пошевелиться. Вместе с этим шевелением пришла боль в теле и разбитом лице, а сквозь неё тяжелым колотуном накатило похмелье. Я едва смог разлепить глаза - так они распухли. Я понимал, что меня отпиздили, но вот из-за чего это случилось и почему, пока что припомнить не мог.

“Проклятые Болгаре, - подумал я, так как признал в окружающей меня стоянке Утеху, - неужели это они меня так отмудохали? Ну погодите, - повторял я про себя, будя черную злобу, утреннее утешение после ночных пиздюлей. - Болгарские псы! Вы мне еще за это ответите! Суки, ну и суки, - как заклинание твердил я, - это надо же!”

Я ощупывал лицо, с содроганием прикасаясь к незнакомым доселе формам. Под пальцами сочились свежие ссадины, колыхались под кожей обширные кровоподтеки. “Ботинками, что ли, били?” - подумалось мне, и тут я начал кое-что припоминать. Ботинки...

Лелик Рыжий сидел в то время в пустой поутру Утехе и расстреливал из мелкокалиберной винтовки принадлежащую Болгарам посуду. Увидав меня, как я вылез из палатки и теперь ощупываю лицо, Лелик очень развеселился. Он налил мне полкружки водки, заставил выпить и дал в руки ружье.

- Смотри, - показал он пальцем. - Болгаре поставили у озера манекен. Попадешь в него?

Я глянул в сторону озера, но почти ничего не смог там разобрать. Веки опухли, я и озеро-то видел с трудом, не то что какой-то там манекен. Взяв мелкашку поудобнее, я выстрелил практически наугад. Щелк! Я передернул затвор, дослал еще патрон и снова прицелился. Вот блядь! Мне показалось на мгновение, что манекен немного сместился и как будто изменил положение. Щелк! Пуля со свистом ушла через редколесье к озеру - а оттуда, словно бы в ответ, понеслось:

- А, блядь! А-а-а! Вы что, суки, совсем охуели? Не стреляйте, блядь, это же я!

Борис-болгарин вышел с утра к озеру умыться и почистить зубы, но не ожидал, что делать это придется под пулями. Первая стеганула по воде далеко слева и лишь привлекла Борино внимание, он обернулся. Через разделяющие нас несколько десятков метров он только и успел, что заметить: кто-то у костра наводит на него ружье. В этот момент я выстрелил второй раз, и еще одна пуля вспорола воздух - теперь прямо возле Бориной головы.

Вернувшись кое-как в Нимедию, я повалился у костра и лежал, потихоньку приходя в сознание и вспоминая события предыдущей ночи. Братья, увидав, какая у меня теперь стала рожа, разнервничались и стали допытываться, как же такое могло произойти. Как на духу, я повинился перед товарищами:

- Я вчера в синяка-разбойника превратился и требовал у Дорфа ботинки. И, вроде...

- Что вроде? - перебил меня Стори.

- Вроде как пил с ним потом... - я с трудом, еле-еле ворочая языком восстанавливал в памяти обстоятельства этой встречи. - Нехорошо получается. Вроде как самое время ему отомстить, а вроде как и нельзя. Пили же вместе, да и обещал я ему...

- Почему это нельзя? - удивился Стори. - Он, небось, еще спит у себя на стоянке. Притащим его сюда на удавке, и никакое нельзя...

За проявленную в тот момент слабость мне стыдно по сей день. Похмелье и пиздюли помutilи мой рассудок, мир на секунду предстал передо мной в каком-то ином, совершенно неправильном свете. Что если Дорф, подумал я на секунду, не так уж и виноват? Хуй ли ему, в конце концов, оставалось делать? Опять же, пили с ним потом... И так неудобно мне стало на душе, что я поднялся со своей лежанки и просипел:

- Не трогайте Дорфа! - и только после этого повалился опять.

На моей памяти это был последний приступ совести. Но время лечит, и теперь я иногда сожалею об упущенной удобной возможности. Прошли годы, а я все думаю: где же ты, сука? Где же Дорф?

Пока я отлеживался в палатке, на холм явились Федор Дружинин, Альбо и Трейс, вооруженные свиноколами и настроенные очень сурово. Оказывается, нынче ночью кто-то своротил их палатку, оставленную без присмотра¹¹¹, а брошенное в ней имущество разворовал и пожег. Вчера вечером эту палатку поставили на берегу маленького озера, в таком месте, где никто обычно не стоит. Так что неудивительно, что мы перепутали этот лагерь с туристической стоянкой, со всеми вытекающими. А так как украденные из этой палатки продукты и горелое шмотье были разбросаны у нас прямо вокруг костра, отпираться было бесполезно.

- Ну что, суки? - услышал я голос Альбо. - Как вы все это объясните?

- А хуй ли тут объяснять? - заявил в ответ Стори. - Джонни ваши вещи спиздил!

- И палатку поджег! - послышался голос Кузьмича. - Чисто из вредности!

Едва шевеля глазами, я сумел-таки прорвать черную пелену забвения и восстановить в памяти безобразные подробности этого случая. Действительно, что-то такое было, но я бля буду, если это была моя затея или если я проделал это один. А голоса за стенкой все не умолкали.

- Где этот гондон? - кричал Трейс. - Покажите мне эту мерзкую крысу!

- Спокойно! - услышал я голос Стори. - Мы его уже проучили! Да так, что мало не покажется!

- В смысле, проучили? - удивился Альбо. - Как?

- Дали ему пизды! - спокойно объяснил Стори. - Идите, посмотрите на него!

Трейс и Альбо заглянули в палатку с выражением легкого недоверия. Но уже в следующую секунду на их лицах промелькнуло сначала удивление, а потом, как мне показалось, если не жалость, то по крайней мере сочувствие.

- Вы это... зря, - тихо сказал Альбо. - Нельзя же так!

- Еще претензии есть? - сурово спросил Стори у него из-за спины. - А?

- Нет, - замотал головой Альбо, глядя на мою опухшую рожу. - Никаких претензий у нас больше нет!

С этими словами он запахнул вход в палатку, затем послышались удаляющиеся шаги - и все стихло. Но ненадолго - секунд через десять я услышал едва сдерживаемый смех, постепенно перешедший в бесстыдный хохот.

- Дали ему пизды! - надрывался Стори. - Ух!

- Как справедливо! - уссыкался Кузьмич. - Сами взяли и наказали!

- Это что же вы делаете? - в сердцах крикнул я. - Вы зачем эту клоунату устроили?

¹¹¹ Как выяснилось, эта палатка принадлежала одному Фединому знакомому, которого мы знаем слишком плохо, чтобы вспомнить сейчас его имя. Пользуясь случаем, выражаем этому человеку соболезнования по поводу имущественного ущерба и благодарим за украденное у него вино. Оно было очень вкусное.

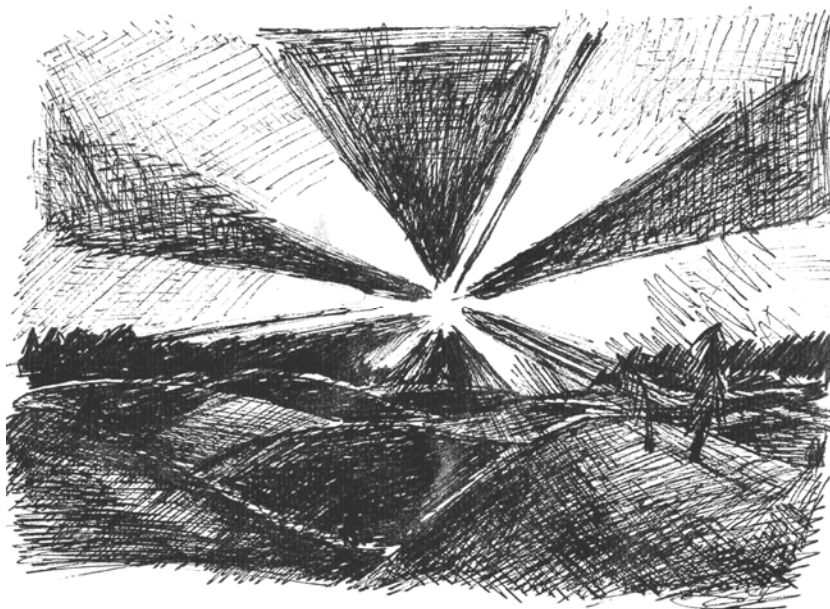

- А что такое? - Стори заглянул в палатку и уставился на меня. - По-моему, заебись! Так гладенько соскочили!

Вот это, собственно, и называется “умением извлекать пользу из любой ситуации”.

Двадцать второго июня мы оказались в Каннельярви, на старом карьере - втором из двух старейших в Питере игровых полигонов. Это иссушенная летним зноем песчаная пустошь с живописно разбросанными по ней здоровенными валунами. По краям карьер окружает густой смешанный лес, а на самой пустоши взрослых деревьев нет. Тут и там торчат из-под земли молодые деревца, но в их жидкой тени невозможно спрятаться от палящего июньского солнца.

К вечеру купол звезд раскидывается над пустошью, которую мы иногда называли между собою Анфауглиф¹¹². Перестают грохотать по одноколейке вдоль карьера груженные щебнем поезда, сумерки и тишина вместе опускаются на мир. Только где-то далеко, над танковым полигоном, виднеется мерцающий красный свет. Это бесится на решетчатой металлической ферме сигнальный фонарь. Проникая сквозь сгустившийся сумрак, его алое око возвещало беспокойное лето, жадное до людских склок и до пролитой крови.

Мы шли по пологим песчаным холмам, а по правую руку от нас вставала громада заброшенного карьерного экскаватора. Мы держали курс на нашу стоянку - место на естественной песчаной террасе, откуда хорошо просматривается весь карьер. Но она оказалась занята.

Тони Лустберг и его друзья, как назло, приехали раньше нас и встали на ту же стоянку. Среди них оказался один жирный молодчик из иногородних, имени которого мы не удосужились тогда выяснить (теперь он проходит по нашим спискам, как Сэр Жопа). Он получил это прозвище за неимоверно жирный зад - такого размера, что это находится на границе человеческих представлений о возможном в этой области. Задница крупнее во всей игровой тусовке есть только у “мамы ролевого движения” Алины Немировой, но о её жопе речь пойдет немного попозже.

Пока же речь идет о Сэре Жопе. Ведь это из-за его надменности самая обычная встреча в лесу превратилась в скандал и закончилась безобразным конфликтом. Рассевшись на бревне возле костра и заняв столько места, сколько хватило бы троим менее упитанным людям, Сэр Жопа рассчитывал сидеть так же и впредь.

¹¹² Анфауглиф (эльф.) - удушающая пыль, название выжженной равнины перед воротами Ангбанда, цитадели Моргота.

- Потеснись немного, - попросил его Строри, прикидывая, где бы сесть.

Но Сэра Жопу такая просьба лишь возмутила.

- Я вас не имею чести знать! - надменно возразил он. - Может быть, после того, как мне вас кто-нибудь представит...

- Подвинься, ты, жопа, - перебил его Строри. - Хуй ли на три места расселся?

Сэр Жопа таким обращением оказался весьма недоволен. Сначала он покраснел, а потом начал трястись и пыхтеть. И лишь после этого заявил на повышенных тонах, визгливым голосом:

- Я приехал к своему другу Антону Лустбергу... И я не привык, чтобы ко мне так обращались, это невежливо!

- А если мы будем называть тебя Сэр Жопа? - развеселился Строри. - Это будет для тебя достаточно вежливо?

Тут Сэр Жопа покраснел и затрясся опять. Так мы поняли, что нашли его уязвимое место. На любые упоминания о размерах своей задницы Сэр Жопа реагировал очень болезненно. А та забота, которой мы сегодня его окружили, и вовсе оказалась ему не по силам. Постепенно он все больше краснел, мелкая поначалу дрожь превратилась у него в судороги, а братья все продолжали:

- Скажи, - любопытствовал Кузьмич, - у себя в городе ты один такой, или там у всех жопа, словно чемодан?

- Да ты представь, - обрисовал свою идею Гоблин, - как он ходит срать. До очка у него руки не дотягиваются, чтобы вытереть жопу - ему приходится елозить ей по земле.

- Бедняга, - фальшиво произнес Строри, - несчастный урод...

Этого Сэр Жопа вынести уже не смог - вскочил со своего места и бросился на Строри. Тогда Костян перепрыгнул через костер, где торчала из земли какая-то палка, схватил её и сильно ударил Сэра Жопу поперек спины. Палка сломалась пополам, и в тот же момент раздался двойной скорбный крик: Сэра Жопы и Тони Лустберга. Сэр Жопа вскрикнул от ужаса и боли, а Тони сокрушался из-за гибели своего посоха. У этого посоха была собственная, особая история.

На всех играх, где бы только не видели Лустберга, он появлялся с посохом в руке - на манер друидов прошлого. Можжевельовый ствол покрывали любовно вырезанные руны, посох сопровождал Тони в десятках ритуалов, на великом множестве игр. Он словно стал его продолжением, сломать его было - все равно, что проткнуть иглой смешанный на крови вольт¹¹³. С той поры Лустберг стал уже не тот, что был прежде, удача совершенно покинула его.

- А-аа, - завыл Тони, - вы сломали мой посох!

Пока он сокрушался, мы выбросили обломки посоха в костер, обошли скорчившегося на земле Сэра Жопу и направились в холмы. Теплый ветер нес запах металла и нагретого за день песка, что-то неуловимое мелькало в воздухе. Но полностью насладиться этой волнующей атмосферой нам помешал Алекс Добрая Голова.

В этот раз он поехал с нами, и уже несколько часов кряду лип на уши то одному брату, то другому. Уследить за его речью было совершенно невозможно - он мел с пятого на десятое, все время перескакивая с одной никому не интересной темы на другую, такую же душную. Кримсону это надоело.

- Слушай, Голова, - обратился он к Алексу в очередной раз, оборвав на середине бесконечный рассказ про отношения Алекса и его папы. - А не пошел бы ты на хуй?!

Алекс, уже прилично заливший глаза, оскорбился такими Димиными словами. Он выхватил из-за пояса метровое мачете и принялся размахивать им, подпрыгивать и угрожать.

¹¹³ Энвольтировать (мист.) - т.е. причинить болезни или смерть посредством магических манипуляций над восковой, глиняной или тряпичной куклой, имеющей сходство с тем, против кого направлено колдовство. Куклу делают, используя части одежды, волосы или кровь адресата, и вот эта кукла и называется - "вольт".

- Видел вот это? - громко спросил он у Кримсона. - Так что пошел-ка ты сам на хуй!

Кримсон стоял, помахивая подобранной на стоянке у Лустберга шестиструнной гитарой, а больше никакого оружия при нем не было. Но как только Кримсон услышал слова Головы, он тут же перехватил гитару за деку и нанес Алексу страшный удар грифом в лицо, разорвав колками рот и расшатав зубы.

Алекс, ошеломленный этим ударом, поначалу отпрянул. Но водка вместе с мачете придали ему уверенности, и на следующий удар гитарой Алекс ответил палахом. За несколько секунд он превратил гитару в руках Кримсона в кучу щепы, а затем с одного удара перерубил гриф. Так Кримсон остался с голыми руками против совершенно озверевшей от боли и вооруженной палахом Головы. Тут уж Алекс не стал медлить - следующие два взмаха палахом последовали практически мгновенно.

Все это произошло очень быстро: удар гитарой, молниеносный ответ, стук клинка по дереву и куча щепы вокруг. Мы только и успели, что заинтересоваться и начать разворачиваться к сражавшимся, как все вокруг оказалось залито кровью. Она хлынула у Кримсона из разрубленных рук, когда он принял на предплечья два удара палахом подряд. Подставил по уму - вскользь, поэтому Добрая Голова с двух попыток не смог отрубить Кримсону ни одной руки. А третьей попытки Кримсон ему не дал.

Сорвав дистанцию, Кримсон перехватил Алекса под локти и вырвал у него палаш. После этого он бросил Голову на землю и принялся бить. Бил страшно и долго, пока лицо у Алекса не превратилось в окровавленный блин, а вокруг не натекла целая лужа поганой Алексовской кровищи. Сначала Алекс еще кричал и извивался, но после нескольких особенно удачных ударов затих.

Отойдя на соседний холм, мы принялись перевязывать Кримсона, поздравлять его с победой и отпаивать водкой. Посекло его здорово, руки пришлось зашивать, но ведь и Голове прилично досталось. Кроме того, победитель, хоть и израненный - всегда победитель, а Голова лежал на песке без сознания, в луже собственной крови.

Некоторое время мы молча наблюдали за ним. Алекс лежал на песке безжизненно, словно куча тряпья, непонятно было, жив он вообще или нет. Неожиданно мы увидели, как чья-то хрупкая фигура направляется от кромки леса к безвольно лежащему Голове.

Приглядевшись, мы узнали писательницу Елену Хаецкую. (Барин всерьез собирался скинуть Хаецкую в воду с целью прославиться. Он полагал, что скинуть в воду известного писателя - важный шаг на пути к немеркнущей славе.) Хаецкая осторожно приблизилась к неподвижно лежащему Голове так, чтобы не наступить в испачканный кровью песок, и потрогала Алекса носком своего ботинка.

- А-а... - застонал Алекс. - А-а-а...

- Ты живое? - без особенного участия в голосе спросила Хаецкая. - Ну?

- Дайте пить, - простонал Голова. - Пить дайте...

- Пить? - переспросила Хаецкая, оглядываясь по сторонам и в упор не замечая нас, укрывшихся за рассыпанными кругом валунами.

- Да, пить... - снова застонал Голова.

- Вода там, - Хаецкая махнула рукой через пустошь, мимо высающихся сопок и крутобоких холмов, в направлении далекого озера. - Там и попьешь!

После этого она развернулась и молча пошла по своим делам - чем навечно заслужила наше глубокое и всеобъемлющее уважение.

Мандыгоновы яйца.

“В сказках всегда есть хорошие и плохие персонажи - в зависимости от того, за что они борются, на какой находятся стороне. При этом сами герои сказок могут быть как добрыми, так и злыми. Объединим эти характеристики и посмотрим, что получилось: “хороший и добрый” Дедушка Мороз, “хороший, но злой” Илья Муромец, “плохой, но добрый” Карабас Барабас, “плохой и злой” Змей Горыныч. Так сделано, чтобы дети не путались, и не думали, что “добрый” сразу же значит “хороший”, а “злой” автоматически обозначает “плохой”. Читая сказки, всегда имейте это в виду!”. рр.

С одиннадцатого по тринадцатое июля Эрик устраивал в Петяярви игру по книге А. Сапковского “Ведьмак”. Помогали ему в этом нелегком деле Гакхан и Халдир, а все роли Сопливобородый решил распределить между игровой общественностью следующим образом.

На одном берегу неширокой заболоченной речки, в привольном сосновом бору расположились в многочисленных крепостях разномастные ролевики - все народности и расы, что представлены у Сапковского в его произведениях. На другом же берегу - на отшибе, в зарослях каких-то ебучих кустов - расположились Болгаре и мы, представляя собой, по замыслу Эрика, бригаду скоятаэлей¹¹⁴. Река властно отделила нас от остального мира, а поверх этой границы исподволь пролегла еще одна - незримая, крепко замешанная на дурных слухах, ненависти и страхе.

В любой теме, куда дело происходит среди людей, имидж решает, и решает немало. Слухи курсируют и множатся, а если почва благодатная, то из брошенных в неё семян вырастают чудовища не хуже, чем в сказке про аргонавтов. За несколько лет, что мы провели в игровой тусовке, тревожных слухов возникло немало, а уж за почвой дело не встало. Щедро удобряемые осколками прошлых событий, заботливо лелеемые нашими недоброжелателями, эти слухи наконец взошли и набрали полную силу.

И если в мире людей дурная репутация обычно базируется на каких-либо фактах - там подвела не снятая вовремя судимость, тут не с той переспал - то среди ролевиков дело обстоит куда как непросто. Возьмем за пример хотя бы то, о чем толковала Ханна - горбатая карлица, скромно величающая себя “Жрица Сатаны и сестра вампиров” - вне всяких сомнений, самая страшная баба среди всего Питерского ролевого движения.

Ханна на полном серьезе распускала про нас вот какие “тревожащие”, беспокойные слухи. Грибные Эльфы, утверждала она, это вовсе не люди. Чтобы быть принятым в их коллектив, нужно сначала съездить в Каннельярви, где расположен специальный алтарь. Он связывает эту реальность с теми измерениями, что насквозь проникнуты принципом абсолютного зла, и служит Грибным Эльфам для нехороших целей. Неофита приглашают лечь на каменную плиту, после чего привязывают к жертвеннику приготовленной для этих целей колючей проволокой.

Несчастливого сначала колют какими-то особыми наркотиками с помощью огромных шприцев, а затем шесть человек пиздят его в течение получаса железными трубами. Это делают, по мнению Ханны, с целью погубить в человеке бессмертную душу, оставив лишь “телесную оболочку, наполненную злонамеренной пустотой”. Большинство неофитов не выдерживает пыток и умирает на месте прямо посреди процедуры, но есть и редкие сволочи, которые выживают. Вот они-то и становятся Грибными Эльфами.

Трудно переоценить влияние этих и подобных этим историй на неокрепшие умы. Нелегко бывает наладить контакт с теми, кто наперед видит в тебе агрессивную нелюдь, да еще и мистически все это аргументирует. И совсем уж проблематично наладить отношения с таким человеком, который заведомо считает тебя сволочью и быдлом, а себя при этом полагает на белом коне. Прямо скажем, трудно - и не много найдется желающих!

¹¹⁴ В произведениях Сапковского - эльфийские партизаны-экстремисты, летучие отряды диверсантов и снайперов.

Вот так на ровном месте появляется предвзятое отношение, из-за которого потом с некоторыми приключаются немалые беды. И раз уж нашлись такие, кому угодно было при нашем появлении кривить ебла - то чего удивляться, что нам это потихонечку стало надоедать?

Так что по разным берегам реки расположились вовсе не персонажи из мрачных басен Сапковского. Не вознеслись на этот раз к небу стены Башни Ласточки, и не полилась, как надеялись многие, на землю кровь эльфов¹¹⁵. Подготавливая игру, Сопливоробородый с помощниками не учли разногласий среди электората.

В представлении большинства, на нашем берегу обосновались гопники и сволочь: алкаши, наркоманы, быдло и палаточные крадуны. Никто из этой мрази, как полагали себе обитатели так называемого “правобережья”, про ролевые игры ничего не знает, и что самое главное - не хочет узнать. Тут поселились только “тупые файтеры” - ублюдки, которые только и знают, как дуплить друг друга двухметровыми колями и плющеной арматурой. Настоящие ролевые игры - то есть театралка, культура хиппи и глубинная экология - не имеют со всем этим безобразием ничего общего. Это, так сказать, *imagination from the other side*.

Мы же себе ситуацию видели немного иначе. Кучка гондонов - занавесочников и педерастов, мастеров “театралки” и почитателей женских обтягивающих лосин - хуй знает как проникла в наше движение. Теперь они ебут честным гражданам мозг своими дебатами по поводу того, как люди на играх должны себя “правильно” вести. А назавтра четверо таких спорщиков объединяются с еще четырьмя - и это уже называется “мастерская группа”. Послезавтра они выпустят собственные “черные списки” и будут определять, кому можно ездить на игры, а кому нельзя.

Вокруг таких мудаков мгновенно возникает целая группа подпездышей и стукачей. Ага, блядь, спешу уведомить - я видел, как такой-то с таким-то пили возле озера водку! В черные списки обоих! А у этого меч тяжелее двухсот двадцати грамм! Конфисковать! А вон тот человек на прошлой игре грубил “мастерам”! Ату его с полигона! Постепенно все вокруг пропитывается этой мерзостной вонью, а от очарования игр прошлого не остается и следа.

Всюду воцаряются бумажные сертификаты, настоящих боев теперь - хуй да нихуя, а те, что есть, идут в присутствии какого-то ебучего “посредника”. Собственное оружие надо регистрировать перед игрой у каких-то гондонов, чьи плоские рожи не успели даже толком примелькаться в тусовке. Мало того, приходят разнаряженные в лосины пидоры и начинают требовать за проведенную игру “организационные взносы”. Вы должны нам денег - заявляют тебе эти чумоходы. И вот тут уже может истощиться любое терпение.

Из-за этого всего отношения между людьми накалились и иногда сыпали по сторонам горячими искрами. Одна такая искра попала в Юру Алимова по кличке Тайбо, порвав ему рубаху и оставив во всю спину два налившихся кровью, расплывающихся синяка. Вышло это так.

Тайбо - непризнанный мастер боевых искусств, один из самых надменных и глупеньких питерских ролевиков. Превыше самого себя Тайбо верил в восточные единоборства, а конкретно - в малоизвестный стиль “дзю”, где весь успех достигается через вытянутые вперед средний и указательный пальцы. Большая удача - увидеть его посреди поляны упражняющимся в этом искусстве. Как летает из стороны в сторону его зеленый плащ-занавеска, как он приседает, как кричит и размахивает руками! В такие моменты на лбу у Тайбо, прямо под зачесанной направо толстенькой челкой, выступают от усердия капельки пота, а лицо делается такое, будто он тужится изо всех сил.

Но все это умилительное впечатление рассеивается в один миг, потому что под придурковатой личиной Тайбо скрывается властолюбивая, надменная натура. Тайбо не любил ждать, пока окружающие составят мнение о будто бы имеющихся у него сверхчеловеческих способностях, и стремился сразу же расставить все точки над *i*. Поэтому в отношениях с людьми Тайбо требовал к

¹¹⁵ “Башня ласточки”, “Кровь Эльфов” - названия различных произведений Сапковского из цикла про Ведьмака.

себе такого уважения, которое соответствовало бы его мастерству единоборства и мистическим силам. И очень сердился, когда именно такое ему и выказывали.

В этот раз гневливость довела его до беды. Оскорбившись невинной шуткой, Тайбо раздухарился и решил испытать судьбу в поединке, а в противники выбрал нашего Крейзи. Сделал он это потому, что Крейзи свойственен вальяжный и располагающий вид, в нем совсем не видно злобинки. Кроме того, Крейзи был вооружен двухвостым кистенем, а не железной трубой, и это показалось Тайбо весьма обнадеживающим.

Чтобы выказать Тайбо особенное презрение как человеку нестоящему, Крейзи сначала прикурил косяк, а только потом принялся за дело. Он неторопливо пошел вокруг Тайбо, то и дело пригибаясь и срывая спелые ягоды земляники. На Тайбо он глядел едва ли в полглаза, а кистень держал в направленной вниз правой руке.

Тайбо намек не понял, а Крейзино поведение принял за нерешительность. Тогда в нем проснулась отвага - он с криком бросился вперед, угрожая Крейзи поднятым над головою мечом. Слишком поздно он понял, что таким образом целиком вошел в воздушное пространство кистеня. Два бойка на прочных капроновых шнурах, змеившиеся у Крейзиных ног, ожили и прыгнули вперед. Кабы Тайбо получше знал эти бойки, он предпочел бы сразиться с кем-нибудь другим, пусть бы даже и против железной трубы. Но тут он сам себя обманул, а в награду его оприходовало бойками и в корчах швырнуло на землю.

Поскольку мы не могли решить, сколько ему теперь полагается уважения, то оставили его и отправились по своим делам. Мы спешили - нам нужно было помочь одному человеку поскорее освоиться в ролевом движении. Эта помощь была необходима полненькому юноше, который вошел во все списки под очаровательным именем Бегемотик. Он был первый и единственный, кто по собственной воле прошел через целый Круг Игр¹¹⁶. Вышло это с ним так.

Я увидел, как на одной из стоянок кто-то сидит и еле-еле ковыряет ложкой в котле с гречневой кашей. На лице этого человека была написана отупение и скука, он был чем-то похож на усталого жирного студента. Позарившись на кашу, я подсел к нему, и постепенно мы вступили в беседу.

По ходу неё я узнал, что на игры Бегемотик ездит совсем недавно, буквально, это его вторая игра. Сообщив это, Бегемотик сразу же пожаловался, что к нему до сих пор еще не подошли более опытные ролевики и не указали Бегемотику на его "место". Несколько удивленный, я решил разузнать, что это он имеет в виду.

- Что еще за "место"? - спросил я. - Не слышал про такое.

Как же так, удивился мой собеседник, разве появление нового человека не должно быть обозначено какими-то ритуалами? Разве не полагается ему пройти посвящение, после которого он сможет считать себя полноправным ролевиком? В голове у Бегемотика все перепуталось, воображение рисовало ему картины церемонии, отдаленно напоминающие обычаи стройотрядов или пресловутую "прописку"¹¹⁷ на малолетке. Он сам напрашивался на обман, так что я не мог ему отказать.

- Так что же, - как мог более искренне удивился я, - ты еще не прошел всех требуемых посвящений? Ты же ведь уже на второй игре!

- Ну да, не прошел! - проглотил наживку Бегемотик, а потом обиженно добавил: - А никому и дела до меня нет!

¹¹⁶ Круг Игр (грибноэльф.) - развернутый ритуал глумления, когда одному или нескольким игрокам назначаются от семи до двенадцати унижительных заданий подряд. Наблюдать К.И. - прекрасный отдых, так как задания специально подбирают так, чтобы созерцать их исполнителей за работой было как можно веселее. Как и любая ролевая игра, К.И. имеет сложившиеся традиции и собственных мастеров - мастера-распорядителя, объявляющего названия игр, мастера-осветителя, мастера по "косметическому салону" и т.д. Только за сезон 1997 года в К.И., устраиваемых нашей мастерской группой, с удовольствием поучаствовало более пятидесяти человек.

¹¹⁷ Прописка - у малолетних преступников так называется комплекс первичных глумлений, которые совершают над "первоходом" сокамерники.

Я утешил его и пообещал похлопотать, чтобы добиться для него скорейшего посвящения. Вот только, предупредил я, чтобы заслужить положение в ролевом сообществе, придется пройти через так называемый Круг Игр. Неофит, претендующий в будущем на высокое положение, должен будет пройти Большой Круг из двенадцати игр. Того, кто претендует на средний статус, ожидает Средний Круг из девяти игр, а Малый Круг размером в семь игр применяется только для незначительных ролевиков.

Каждая игра в круге представляет собой отдельное задание. В зависимости от качества его исполнения специальное жюри решает, засчитать игру или нет. Так что надо будет напрячься, а иначе и браться за это дело не стоит. По результатам пройденного Круга будет проведено посвящение - в тот ранг, на который изначально претендовал соискатель. Ничего больше добавить я не успел, так как жадный до бесплатных церемоний Бегемот уже принялся выпрашивать - где и когда? И не будет ли это слишком для него сложно?

Я утешил его и пригласил вечером приходить за посвящением на нашу стоянку. Увидав, как плотно я сел Бегемоту на уши, братья тут же разослали по всему полигону весть: ближе к вечеру мы планируем грандиозное глумление! И пригласили разных уважаемых и не очень людей прийти и глянуть на это незабываемое зрелище.

Ближе к вечеру обширная толпа облепила оба берега неширокой реки. Большинство из тех людей, что впоследствии с негодованием пересказывали друг другу истории о несчастных, пропущенных через различные Круги Игр, были сегодня здесь. Они расселись на двух берегах и усыкались над Бегемотиком, подошедшим к делу своего будущего посвящения необыкновенно серьезно. Никакие задания не казались ему чрезмерными, он выполнял все наши пожелания с величайшей охотой и по-настоящему вошел в историю. В историю Круга Игр - как единственный добровольный и самый лучший игрок.

Все это потому, что Бегемотик искренне верил - через подобное на играх прошли практически все, а он всего лишь поддерживает традицию. В чем-то он был прав - через Круги Игр действительно прошло немало народу, только вот Бегемот был не продолжателем, а основоположником этой системы. Благодаря ему в сегодняшней вечерней программе были: “Серенада Солнечной Долины”¹¹⁸, “Темный трамплин”¹¹⁹, “Бегемотик” и некоторые другие. Остановимся подробнее на давней своему исполнителю имя игре “Бегемотик”.

Представьте себе пологий, поросший густою травой берег реки. Метров на пять от берега тянется полоса тины и заросшей речными лопухами воды, и именно в этой зоне и происходит игра. Испытуемый должен изображать веселого, игривого бегемота - обнаженный, с заправленными за уши кувшинками он плещется посреди ряски и тины, попеременно выставляя из воды то мокрую голову, то лоснящийся круп. С берега ему кидают пустую пластиковую бутылку - и он играет ею, ловко подбрасывая из-под воды носом и увлеченно похрюкивая.

Эта игра была назначена нашему испытуемому последней. Великое множество народу на обоих берегах искренне наслаждались, глядя, как он резвится в реке. Даже Эрик, наставник небезызвестной Школы Игрока приходил посмотреть на это зрелище и очень хвалил:

- Да, вот это хорошо. Это развивает мастерство отыгрыша.

Жаль, что впоследствии, когда мы вознесли мастерство отыгрыша на небывалую доселе высоту - в таких играх, как “Болотная Лихорадка” и “Лиловый Шепотун” - Эрик передумал и начал наше общее дело хаять и поносить. Пока же он смотрел на воду вместе со всеми и слова дурного не сказал.

¹¹⁸ “Серенада солнечной долины” - это когда голый человек исполняет с дерева популярный шлягер.

¹¹⁹ “Темный трамплин” - разновидность игры “трамплин”, когда человек прыгает в воду в каком-нибудь заболоченном, топком месте. “Темный трамплин” выполняется вслепую, для этого на голову игрока надевается плотный мешок.

- Готов ли ты к посвящению? - спросил я, а из воды мне (как и было заранее оговорено) ответило довольное хрюканье. - Встань, подними руки над головой и произнеси, чтобы все слышали: “Посвящаюсь”!

- Посвящаюсь, - послушно ответил из реки Бегемотик.

Когда он проделал это, я подошел к кромке воды и показал на него пальцем.

- Посмотри на себя, - громко сказал я. - Как ты полагаешь, в кого ты сегодня посвящаешься, голожопый, весь в тине и мерзкой речной плесени? Что скажешь, бутылочный плясун?

Бегемотик замер на отмели с вытянутыми вверх руками, силясь сообразить, что пошло не так, и что теперь полагается ответить. Тогда я сбросил в воду предварительно снятые и аккуратно уложенные Бегемотиком на берегу одежду и обувь.

- Нет, ты не попадешь в “средние ролевики”, - объявил ему я. - Вместо этого ты посвящаешься в неуподоблюсь средней руки под именем Бегемотик!

- Да не уподоблюсь вовек! - хором отозвались обитатели нашего берега, и мы вместе стали наблюдать, как дрейфует по течению неуподоблюсь Бегемотик следом за расплывающейся по воде кучей своих вещей.

К вечеру набежавшие облака разошлись. По древесным кронам и заросшей ряской воде ударило багряное солнце, день уходил, полыхая миллионами красок. Но в лесу оставалось много еще чего - готового вспыхнуть жарче, чем июльский закат.

Перед самым закатом на противоположный берег переправилась разведка, сейчас они вернулись и доставили тревожные донесения. Стори и Маклауд, инспектируя прилегающий к мосту обширный лесной массив, увидели одиноко стоящую палатку, совершенно лишенную своих обитателей. Рядом с ней висели на дереве приметные вещи - черный плащ и красная фетровая шляпа, характерные атрибуты волшебника по прозвищу Красная Шапка.

Этот человек уже несколько лет распускал про нас гнуснейшие слухи, но нам до сих пор не удавалось призвать его к ответу. Красная Шапка был один из самых ненавидимых наших врагов, причинивший немало зла своими гнусными наветами. Прячась за чужими спинами, Шапка терзал наше доброе имя копиями слухов и ядовитыми стрелами клеветы, по сию пору оставаясь совершенно неуязвимым. Счеты к нему давно переросли все допустимые пределы, поэтому Маклауд и Стори спрятались в Шапкиной палатке и принялись терпеливо ждать.

Красная Шапка, возвращаясь босой после вечернего купания, меньше всего ожидал увидеть у себя в палатке Маклауда и Стори. Когда он распахнул полог, лицо его отразило целую гамму чувств, а ноги тут же начали свою спасительную работу. Босой и в одних трусах, Красная Шапка сумел оторваться от выкатившегося из палатки Маклауда и уйти в лес.

Поймать его не удалось, но зато кое-что из его имущества попало в плен и было доставлено прямо в наш лагерь. В числе этих вещей оказались колдовской плащ Красной Шапки и шкатулка со звенящими шарами для медитации, покрытыми изображениями дракона и петуха. Эти шары мы до сих пор храним, как память, называя их между собой “Мандыгоновы яйца”. Такое название связано вот с чем.

В прошлом году в Заходском была одна игра, на которой мне и Барину удалось провернуть вот какую занятную шутку. Я подошел к одному дебилу, игравшему колдуна, и говорю ему: “Там, у озера, поселился мандыгон¹²⁰, и за вознаграждение я помогу тебе раздобыть яйцо из его кладки. Ты положишь его в навоз, сертификат на который возьмешь у “мастеров”, и тогда из него вылупится мандыгон и будет тебе служить”.

¹²⁰ В произведениях Сапковского “мандыгоном” называют мистическое существо мантикору (льва с крыльями и скорпионьим хвостом).

Договорились, и я повел недалекого волшебника к озеру, где всучил ему завернутый в тряпку круглый камень. Чтобы не возникло лишних вопросов, Барин принялся шуметь, продираясь через прибрежные кусты, а я закричал: “Мандыгон нас заметил, бежим!”.

Волшебник скрылся, унося с собою яйцо, а мы с Бариним отправились на “мастерскую стоянку”. Там мы с удовольствием наблюдали, как колдун устроил безобразную свару с “мастерами”, дерзко отказавшимися предоставить ему сертификат на навоз. Звенящие же шары Красной Шапки мы называли “Мандыгоновы яйца” просто по аналогии.

Следом за вестями о Шапке с того берега пришли нарочные Святого Болгарского Войска. Они собственными глазами видели, как Красная Шапка встал посередине лесной поляны и гневными криками собирает к себе народ. А так как в помощники к нему подрядился менестрель по кличке Гакхан, то на их протяжные вопли сбежалась из лесу уже целая уйма народу. Вот меж ними-то Шапка с Гакханом и сеют смуту, раздувая в сердцах пламя ненависти и подговаривая ролевую общественность к бунту.

- Напали среди бела дня! - надрывался Шапка. - Гнали едва не до “мастерской”!

- Не потерпим! - подпевал ему Гакхан, впервые взявшийся не за своё дело. - Долой Грибных!

Из этой толпы возникло народное толковище, постепенно переросшее в маленький митинг. Слово на нем имели только именитые ролевики, кого попало туда не пускали высказываться. Красная Шапка, брызжа слюной, зачитал свои обвинения, призвав в свидетели своей правоты Эрика и Гакхана. Те подтвердили его слова, и тогда на повестке дня встал вопрос - что же теперь делать?

Наиболее ретивые - такие, как Гакхан и Красная Шапка - призывали к немедленному штурму. Их целиком поддерживала раздосадованная нашим военным присутствием Княжна, которой было не так удобно наводить теперь кругом себя мракобесие и сектантство. Но более осторожные ролевики, в том числе и Сопливогобородый, забеспокоились - как бы не вышло какой беды.

- Погодите, погодите! - закричали они. - Не надо спешить! Утром все само собой разрешится...

Их поддержали рассеянные в толпе болгарские провокаторы:

- Это сколько же придется собираться? Сначала по домам, чтобы вооружиться, потом обратно! Не меньше полутора часов!

Сошлись на двух часах. По их истечении все должны были снова собраться на поляне, но теперь уже вооруженные и готовые к бою. Пока же все расходились по домам - и Красная Шапка в том числе. Куча народу могла пострадать в междоусобице, спровоцированной его исполненными обиды словами, а он залез к себе в палатку и в ус не дул. Ну наконец-то, думал он, еще немного - и я отомщу! Пиздец вам теперь! Он был как заноза, из-за которой на здоровом теле возникает зловонный нарыв - и мы решили выкорчевать его.

Тщательно изучив принесенную добычу, Крейзи предложил подойти к делу сугубо шаманистически. Колдовская мощь, защищавшая Шапку все эти годы, объяснил он нам, заключается в его волшебном плаще. С помощью этой тряпки, как неоднократно утверждал сам Шапка, ему удастся обращаться в ворона и других птиц, а значит, этот плащ надо немедленно уничтожить. Тогда и в поимке Шапки нам будет удача.

Небо уже почернело, но тем ярче расцвело на земле гудящее желтое пламя. В свете костра неподвижно стояли темные стволы деревьев, медленно струилась мимо глянцевая поверхность реки. Растянув Шапкин плащ за углы, мы возложили его прямоком в беснующийся огонь.

Поднимаясь вверх в потоке горячего воздуха, накидка выгнулась зыбкой черной сферой. Тогда мы синхронно отпустили руки, и плащ-перевертыш взлетел в последний раз. Взмыв вверх, он неожиданно вспыхнул и сгорел в один миг - распался в багровой вспышке жирными черными хлопьями. Предзнаменование сочли удачным, и тогда решено было переправиться на другой берег и захватить Красную Шапку, навязать ему мирные переговоры и предотвратить кровопролитие.

Мы переправились через реку, вооруженные всей потребной для поимки Красной Шапки охотничьей снастью: веревками, дубинками и слезоточивым газом. Мы шли друг за другом в

крошечной темноте, стремясь добраться до места как можно быстрее. Но по пути нас подстерегало забавное приключение.

- На помощь, пиплы! - послышался тоненький и жалобный, умоляющий голос из придорожных кустов. - Народы, ролевики!

- Что за хуйня, - тихо спросил у меня Строри. - Кто это?

- В душе не ебу, - отозвался я. - Пошли, посмотрим.

Мы двинулись на голос. Кипа кустов чернела впереди, а из нее, как из патефона, несло:

- Пипл! Хелп! Народы, ролевики, на помощь!

Что-то в этом деле показалось мне странным. Не я один заподозрил неладное - шедший впереди Маклауд неожиданно остановился и молча показал на подозрительные силуэты, вплетающиеся в очертания придорожных кустов. Больше всего они походили на группу людей, застывших с занесенными над головой длинными кольями. А из кустов продолжало доноситься:

- Хелп, хелп! Народы, пиплы, на помощь!

- Кто это? - во весь голос рявкнул Строри. - Хуй ли тут делается?

В кустах умолкли, а потом из темноты донесся голос Гаврилы-болгарина:

- Строри?

- Ну, - ответил Костян, и ситуация разрешилась.

Выяснилось, что Святая Болгария проводит в этом регионе спецоперацию. Имитируя голос попавшего в беду ролевика, болгаре подманивали путников поближе и дурили их кольями. После этого они намеревались заложить по игровому полигону широкий круг, разнося стоянки и расшвыривая по сторонам костры. Это, объяснил Гаврила, послужит гарантией соблюдения общечеловеческих прав - раз все сегодня бунтуют, так не грех будет разгуляться и нам. Болгаре предложили встретиться еще раз попозже - у дальней крепости, где встали лагерем какие-то иногородние ролевики.

Мы хотели было продолжить свой путь, но Гаврила нас задержал. Выспросив о нашем намерении и понимая важность стоящей перед нами задачи, Гаврила выделил нам сопровождающего. Для участия в поимке Красной Шапки он направил нам в помощь болгарина по имени Гор.

К палатке Шапки мы подошли в полной тишине. Обступив её кругом, мы приготовили ловчую снасть - перекинули через сук стоящего рядом дерева веревку с петлей. По замыслу, мы должны были обманом выманить Шапку из его логова и зацепить поперек тулова скользящей петлей. Для этого двое, уцепившись за конец веревки, встали чуть поодаль и приготовились тянуть. Я и Строри встали рядом с газовыми баллонами наготове, а Маклауд замер перед входом в палатку с веревкой. В обращении с удавкой он всегда был наиболее опытным.

- Ша-апка! - подал голос Строри. - К тебе посыльный из штаба.

- Что? - услышали мы Шапкин голос, в котором сквозили, правда, нотки недоверия. - Кто там?

- Твой пиздец! - отозвался Маклауд, и тогда Шапка сразу же все понял.

- А-а-а! - заверещал он. - На помощь, на помо-ощь!

Операция оказалась под угрозой, необходимо было срочно Шапку заткнуть. Тогда мы со Строри переглянулись и пустили в дело верное средство - слезоточивый газ. Струи "Перцового шока" с шипением втянулись внутрь, и Шапка неожиданно оборвал свои вопли. Ему словно перехватили горло петлей - он захрипел, а потом принялся судорожно кашлять. Из палатки к этому времени уже всюду травил газ - сначала зачесались глаза, а потом появилось такое ощущение в носу, будто готовишься вот-вот чихнуть. У меня самого к горлу начал подступать кашель, но тут вход в палатку распахнулся и оттуда вылетел Шапка.

Двигался он так быстро, что мы даже не успели толком среагировать, но двигался вслепую. Он попал прямо в мастерски расставленную петлю, а рывок его тяжелого тела передался по веревке и сотряс дерево от макушки и до самых корней.

- Тяни! - заорал Маклауд.

Множество рук вцепись в веревку и потянули, и тогда Шапка оторвался от земли и взлетел, будто бы действительно на время превратившись в птицу. Мы закрепили веревку и с полминуты отдыхали поодаль, ожидая, пока рассеется вырвавшийся на волю из заточения газ. Все это время Шапка бесновался на дереве, но об этом мы догадывались разве что по характерному звуку. Было очень темно, и уже в трех метрах Шапкин конвульсионизирующий силуэт терялся на фоне раскинувшихся сумрачных крон.

Отдохнув немного, мы включили фонари, так как захотели Шапку как следует рассмотреть.

- Ебанный в рот! - поразился Стори, когда луч электрического света выхватил висящего Красного Шапку из темноты.

Петля не попала Шапке на плечи - она затянулась у него на шее, и теперь он висел, бешено перебирая ногами и изо всех сил выпучив глаза. Лицо у него почернело, он судорожно елозил по веревке руками - но тонкий репшнур резал пальцы, и Шапка постоянно соскальзывал. Впрочем, видно было, что силы у Шапки уже на исходе.

- Опускай! - крикнул Стори, но веревку заело.

Шнурок перекрутился и намертво встал в развилке, похоже было, что Шапка утомил не одних нас. Даже когда второй конец веревки ослабили и полностью отпустили, Шапка остался висеть. Срезать его не представлялось возможным, так как висел он высоко, а поддерживать Шапку под ноги желающих не нашлось. Жизнь Красной Шапке спас болгарин Гор, который догадался подпрыгнуть, уцепиться за Красную Шапку и ползть по нему вверх. От добавочного веса Красная Шапка принялся бешено колотиться в петле, и в первый раз Гор сорвался и обрушился вниз. Но на второй раз он сумел подняться по Шапке до груди и дотянуться до горла.

Выхватив из-за пояса нож, он попробовал перерезать веревку у Шапки над головой, но не смог дотянуться. Тогда он приставил нож к Шапкиному горлу и вмиг перерезал охватившую его шею веревочную петлю. При этом он немного “перерезал” и самого Шапку, который обрушился с дерева вместе с Гором - полузадушенный и окровавленный с ног и до головы. Вообще-то, с этого места мы планировали начать мирные переговоры, но из-за известного стечения обстоятельств противоположная сторона оказалась к ним совершенно не готова.

- Что поделаешь? - посетовал Крейзи. - В другой раз.

- Пошли отсюда, - напомнил о себе Гор. - У нас еще дела возле крепости.

С болгарским войском мы встретились прямо перед воротами. Донжон из сухих бревен и жердей заранее облили специально принесенным бензином, наплескали как следует и на бревенчатую стену. И только после этого стали стучать в ворота и будить сонных часовых.

- Уходите, - надменно приказал нам со стены какой-то сухощавый молодчик в белом панцире. - Ворота защищены заклинанием “синий огонь”, вам их ни за что... Вы чего смеетесь?

- Прыгай с башни, - предложил ему Костян. - А то как бы не прижгло тебя самого этим заклинанием.

С этими словами он вынул изо рта окурок сигареты и бросил его на землю возле ворот.

- Гори все синим пламенем! - добавил при этом он.

Огонь мгновенно охватил деревянный донжон. Нам пришлось ждать, пока прогорят ворота, и у нас появится возможность ворваться в крепость. На таком подходе настоял Гаврила, категорически заявивший:

- Обойти башню и перелезть через “конверты”¹²¹ будет нечестно, это ни хуя не по правилам. Будем ждать, пока ворота прогорят!

Но мы не стали ждать, пока ворота прогорят совсем. Выбив бревном одну из пылающих створок, мы ворвались в город - навстречу разгневанной и возмущенной толпе иногородних ролевиков. По моему скромному мнению, они хуево представили в этой поездке свой родной город. Совсем не

¹²¹ На ролевых играх “конвертами” называют х-образные конструкции из жердей, с помощью которых симулируют городские стены. С трех сторон ставят “конверты”, а с одной нормальную бревенчатую стену и донжон - экономя, таким образом, на скобах и бревнах.

так следует себя вести, когда толпа каких-то подонков жжет твою крепость и громит принадлежащий тебе военно-полевой лагерь. Я очень надеюсь, что по возвращению домой этих карликов духа дополнительно отпиздили за проявленную трусость их собственные иногородние боевые товарищи.

Возвращаясь с пожарища, мы шли через обширную пустошь, обильно заросшую молодым вереском. За спиной у нас догорало багровое зарево, столб подсвеченного пламенем дыма поднимался над лесом и сливался с заполонившей все небо чернильной темнотой. Ночь выдалась облачной. Я шел вдвоем со Строри, когда спереди нас кто-то окликнул - прямо из средоточия покрывавшей пустошь тяжелой мглы.

- Стой, кто идет? - голос у вопрошающего был очень настороженный.

- Да это же я, Дэф! - очень похоже ответил Строри. - Узнал?

Смекнув, что дело неладно, мы спокойно прошли мимо часового и неторопливо двинулись вперед. На обширной поляне, неподалеку от жилища Красной Шапки, перед нами предстало удивительное и забавное зрелище. Известный в Питере мастер-сочинитель ролевых песен Гакхан взялся за непривычное для себя дело. Для этих целей он вывел на центр поляны несчастного Красную Шапку и стал показывать его другим ролевикам - вот, дескать, что сделали с Шапкой проклятые Грибные Эльфы. Сам Шапка был слишком плох, чтобы сказать за себя хотя бы полслова, и за него старался Гакхан.

- Они его пытали! - пронзительно кричал он. - Повесили на веревке и душили, пока он не обмочился со страху!

Шапка принужденно кивал в ответ на эти слова, не зная, куда деваться от такого позора. Половина из тех, у кого были фонарики, при последних словах Гакхана направили на Шапку лучи - и всем стало видно на его штанах темное, расплывающееся пятно.

- Видите теперь? - разорялся Гакхан. - Теперь понимаете?

Все отлично видели, а еще лучше понимали - в том числе и мы. Поскольку в боевое охранение толковища Гакхан выставил одних только дебилов, то мы без лишней ругани прошли прямо в центр ополчения и смешались с толпой. Люди здесь стояли тесно и в полной темноте, даже лицо соседа невозможно было разглядеть.

- Они крепость бензином подожгли! - услышал я чей-то возмущенный голос.

- Где? - послышались со всех сторон обеспокоенные голоса.

- Дальше, вдоль реки!

- Пиплы, блин! - неожиданно услышал я, уже второй раз за сегодняшний день, искаженный до неузнаваемости голос Гаврилы-болгарина. - Народы, чего случилось?

- Грибные беспредел устроили, - ответил Гакхан. - Сейчас мы соберем ополчение и двинемся на тот берег, будем "по жизни" с ними разбираться!

- Тейк казнилки в хенды, пипл! - поддержал Гаврила это начинание, его голос возвысился и взлетел над толпой. - Народы! Хелп! Всем миром навалимся!

Несомненно, он собирался заманить ополченцев в засаду, где их небось уже поджидали болгаре с дрекольем наготове. Но и среди ополчения изредка попадаются стратегические умы.

- Ага, - отозвался еще кто-то, - а ну как они нас на переправе примут? Тогда чего?

- А мы им... - спор разгорался, и уже трудно было разобрать отдельные голоса.

Пока все это длилось, я стоял посреди толпы и размышлял о непостоянстве человеческого духа. В нескольких метрах от меня надрывался Гакхан, с которым мы всего два года назад ездили на первый московский Кринн и жили там в одной крепости. За всю жизнь мы не сделали ему ничего дурного, а он взял и вот так паскудно нас предал. Он орал и неистовствовал шагах в пяти от меня, призывая к немедленному военному походу, но тут в эту какофонию ворвались новые голоса.

- Ребята, а чего это там так горит? - раздался с краю поляны спокойный поначалу вопрос часового, и тут же пьяный голос Виктора-болгарина ответил ему:

- Пиздато запалили!

- Стой, кто идет? - уже понимая свою ошибку, истошно закричал часовой.

- Твой пиздец! - донеслось в ответ, и по толпе будто бы внезапная судорога прошла.

Слишком у многих стоял перед глазами печальный пример Красной Шапки, к тому же в темноте давила на нервы тяжелая неопределенность. Пока остальные наши товарищи выходили на поляну, от собравшегося на ней “ополчения” почти никого не осталось. Одним из первых под защиту деревьев юркнул Гакхан - оставив посреди поляны дрожащего от ужаса и совершенно охувшего Красного Шапку. Он слишком долго водил по сторонам еблом и в решающий момент не успел нужным образом сориентироваться. Не зная, что за люди стоят вокруг него, Шапка подошел к нам и спросил испуганным шепотом:

- А правда, что Грибные крепость подожгли?

Тут мы включили свет, и тогда Шапка неожиданно увидел, что за “ополчение” его окружает. Со страху он лишился языка и только и мог, что стоять, беспомощно ежась в лучах мощных фонарей.

- Прав был Крейзи, - задумчиво произнес Строри, подходя ближе и рассматривая Шапку практически в упор. - Без плаща его действительно несложно поймать.

Дорога на юг.

*Разница между обычным человеком и Подонком такая же, как между выражениями “много работать” и “много зарабатывать”. **Курсы Молодого Подонка.***

Двадцать шестого июля мы с Бариним выдвинулись на станцию Шелангер, где готовились к старту союзные ХИ. Так как место это расположено примерно посередине между Казанью и Йошкар-Олой, путь нас ждал вовсе не близкий. Чтобы запастись в дальнюю дорогу едой, в пятницу двадцать пятого числа Барин отправился на станцию Каннельярви, на игру Антона Лустберга под названием Кринн.

Объявив о нашем намерении товарищам, Барин организовал продовольственный фонд, принесший нам полмешка разнообразных консервов, а объяснил свое намерение так:

- Мы отправляемся представлять наш коллектив на союзные ХИ, и на голодный желудок делать этого не можем. А средств на питание у нас нет, так как на все мои деньги Джонни купил спирту и сейчас варит из него у себя дома Элберетовку.

- Как же вы доберетесь до Казани? - удивился Строри.

- Поедем перекладными, - ответил Кузьмич. - Но ехать впроголодь - занятие не из приятных!

Ради святого дела братья объявили ночную продрозверстку по полигону. Дело это ох как не простое, кое-где пришлось прибегнуть к выдумке, а кое-где - к взрывам. Например, на стоянке Княжны, где за провизией постоянно следили многоопытные колдуны.

Крейзи взял мощную петарду и тихонечко подбросил её прямо под ноги Княжне. Он знал, что от взрывов петард с Княжною приключаются смешные припадки. В детстве она перенесла церебральный паралич, и теперь с трудом переносила резкие звуки.

Прогремел взрыв - и Княжна в корчах повалилась на землю, судорожно извиваясь и пуская слюну. Зрелище это хоть и мерзостное, зато очень смешное, кроме того, возникла паника, в ходе которой стало возможным похитить необходимые для нашего дела продукты. Наутро Барин, взвалив на себя тяжеленный мешок, отправился в обратный путь, прихватив с собой Ирку из постпанковского коллектива, к которой испытывал самые нежные чувства. Я ждал их в городе, а в холодильнике у меня томила целая батарея литровых бутылок с Элберетовкой.

Следующим вечером мы были уже в Москве - в Кузьминках, где правил Дурман. Расположившись в его логове, мы внимали новым рассказам о Кирилле-Карантине, московском

волшебнике, проживающем в доме напротив. Мы познакомились с ним еще в свой прошлый визит в Москву, что-то около года назад. Тогда у нас с ним вышел вот какой случай.

Кирилл Шанин, про прозвищу Карантин, был известен от Кузьминок и до самых Текстильщиков отнюдь не своим волшебством. Напротив - Карантин, отставив в сторону цеховые правила, искал для себя воинской славы. Для этого он регулярно выходил к одному и тому же питейному заведению и вставал, притулившись спиной к каменной стенке около входа. Затем он доставал из-под полы куртки заготовленную военную снасть и принимался ждать.

Вечерние посетители, покидая заведение мало сказать “на рогах”, видели от случая к случаю одну и ту же картину: Карантин стоит у выхода из кабака, судорожно сжимая в руках то самодельные нунчаки, а то и кастет. Независимо от приготовленной Карантином снасти, ситуация разворачивалась каждый раз схожим образом:

- Слышь! - дружелюбно обращались к Карантину вечерние гости. - Приколи, чего это у тебя?

Карантин, не зная, как тут быть, отвечал, сжав зубы и втиснув голову в плечи:

- Ка... кастет.

- О-па! Дай заценить, а? Да чего ты, не ссы!

Тогда Карантин отдавал то оружие, что у него было с собой, и беседа заканчивалась. Один раз его оглушили его же кастетом, один раз покупным телескопом¹²² и дважды отпиздили собственноручно сделанными Карантином нунчаками, к которым он питал особую слабость. Увидав, что слава уличного бойца от него ускользает, Шанин вновь с удвоенными силами принялся за колдовство. Мы с Бариним знали об этом и решили воспользоваться моментом.

Взяв у младшего брата Дурмана трэшерскую феньку в виде крылатого черепа на шнурке, мы отправились на встречу с Карантином. Местом встречи назначили крышу близлежащего детского сада, на чердаке которого у Дурмана было оборудовано нечто вроде летнего штаба. Предварительно Дурман позвонил Шанину и сообщил, что с ним ищут встречи ученики известного питерского мага Артема Коваля¹²³. Этот господин якобы увидел Карантина через астрал и послал меня с Кузьмичом для знакомства и чтобы показать ему крылатый амулет. Мы придумали сказать, что амулет наш учитель нашел во время путешествия по Вепсе¹²⁴, но сам оказался не в силах постичь его страшную, глубоко сокрытую суть.

Привыкнув в Питере к буйству колдовской фантазии, мы ожидали многого - но Карантин жестоко нас разочаровал. Ему неведомы были путешествия по мирам, даже про астральное зрение он толком ничего не знал. Выслушав нашу легенду, он наморщил лоб и дал нам следующий совет:

- Возьмите блюдце с молоком и бросьте туда чернослив, излюбленную пищу демонов, - предложил Карантин. - Затем подвесьте над этим амулет и смотрите на молоко. Закрутится молоко по часовой стрелке - сила амулета добрая, а если напротив закрутится - злая.

Мы были очень недовольны таким примитивизмом. Тогда Карантин решил продемонстрировать нам свою мистическую осведомленность и сделать нас сопричастными дьявольских тайн.

- Мне ведомы, - важно заявил Шанин, - имена Князей Ада.

Тут мы насторожились и стали наблюдать за Карантином очень внимательно. Солнце уже скрылось, и в наступившей московской ночи по сторонам двухэтажного здания темнели сумрачные громады жилых домов. Рубероидная крыша щедро отдавала запасенное за день тепло, вместе с ним вверх поднимался запах смолы и ток нагретого воздуха. Мы сидели на крыше кружочком и смотрели, как готовится провозгласить адское откровение Карантин - выпрямив спину и поджав губы, с выражением лица, будто у римского сенатора.

- Первое имя, - начал Шанин, - суть Бегемот! Второй суть Питон, а третий...

¹²² Телескопическая дубинка.

¹²³ Мы сами придумали такого мага.

¹²⁴ Местность между Лодейным Полем и Тихвином, где обитает указанный малый народ - вепсы. Около тридцати лет назад народ этот почти полностью сгинул, оставив после себя немало заброшенных деревень.

- Суть Тритон! - перебил его возмущенный этой ахинеей Барин, и из-за него мы так и не узнали, кто, по мнению Карантина, был третий из правящих в Аду иерархов.

Момент был потерян, а Карантин неожиданно заподозрил неладное. Тогда пришлось Дурману, лучше нас его знающему, успокаивать Шанина и направлять разговор в новое многообещающее русло.

- Вот ты, Кирилл, показывал мне однажды кату против девяти противников, - подмигнув нам, обратился к Карантину Дурман. - Может, покажешь парням?

- Охотно, - легко согласился Шанин, не потерявший еще надежды произвести на гостей из Питера впечатление. - Почему бы и нет?

Встав посреди крыши, Карантин на время застыл - неподвижно, с опущенными вниз руками. Затем он принялся вращать по кругу головой, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вместе с этим он принялся лупить руками по воздуху без всякой системы, подпрыгивать, выписывать коленца и наносить удары ногами. Делал он это с всевозрастающей скоростью, и под конец совсем потерял направление движения и ориентацию в пространстве.

Под конец каты голова у Карантина закружилась, его повело, и неожиданно он оказался у самого края крыши. В следующий миг он остушился и обрушился вниз. В падении Шанин попытался уцепиться за створ водосточной трубы, но не удержался и упал со второго этажа прямо на кучу строительного мусора. Его фигура мелькнула и скрылась среди гнилых досок и колотых кирпичей, поднялась пыль - и больше мы Карантина в той поездке не видели.

- Так что вы думаете? - спросил Дурман, описывая нам перипетии жизни Шанина за минувший год. - С ним знаете какая хуйня приключилась из-за нунчак? Ох, до чего же занятный вышел случай!

Как-то раз, явившись в прошлом году на Эгладор¹²⁵, Карантин прихватил с собой очередные нунчаки и был схвачен вместе с ними нарядом бдительной московской милиции. В свое оправдание Шанин заявил, будто бы его нунчаки не являются холодным оружием, так как он сделал их сам. Ментовская экспертиза с мнением Карантина не согласилась, и Шанина обвинили в ношении, а заодно, с его слов - и в изготовлении холодного оружия ударно-дробящего действия.

Учитывая некоторое недомыслие и молодость подсудимого, судья решил впаять Карантину условно, но Шанин ему такой возможности не дал. Он обратился к судье со следующим заявлением - нунчаки, ношение и изготовление которых ему инкриминировалось, холодным оружием не являются!

- Как же так? - удивился судья. - Вот акт экспертизы и...

- Они не могут никому повредить, так как они заколдованы мною соответствующим образом! - перебил судью Карантин.

- Вы это серьезно? - спросил ошеломленный судья.

- Вполне! - ответил Карантин, и тут же принялся объяснять, как именно заколдованы его нунчаки.

Послушав его пять минут, судья отказался от своего первоначального решения. Вместо условного осуждения Карантина принудительно госпитализировали в психиатрический стационар им. Кащенко - как невменяемое и нуждающееся во врачебном наблюдении существо. Карантина направили болеть на "тюремное" отделение, где он провел семь долгих месяцев в бесплодных сожалениях о том, что не согласился вовремя на предложенную "условку". Там с Карантином приключилось еще кое-что, заслуживающее нашего внимания.

Люди на тюремном отделении отдыхают разные, и дураков вроде Шанина там не так уж и много. Жизнь в дурке нелегкая и проникнута отголосками зоновских понятий, все происходит за семью решетками и девятью замками. Оттого и узнать, что творилось там с Карантином на самом деле, возможным не представляется. Но по освобождении своем из этой юдоли скорби Шанин принялся

¹²⁵ Так называются еженедельные встречи ролевиков, проходившие по четвергам в одном из московских парков.

расхаживать по родному двору и похвалиться, будто бы был назначен тюремной братвой на почетную должность.

В доказательство этого он показывал заинтересовавшимся носовой платок, густо изрисованный авторучкой. Дополнительно Шанин пояснял на словах, будто бы это пожалованная ему смотрящим по дурке “малява¹²⁶”, назначающая его “переводящим из масти крысы в масть петуха¹²⁷”. Суть этой должности заключается в следующем: провинившегося заключенного подводят к Шанину и ставят на колени, а Карантин “опускает” его, ловко проводя ему хуём по губам.

Независимо от того, измыслил ли Карантин для себя эту должность, или в тюремной дурке и вправду наказывают хуём, но общаться с Шаниным во дворе совсем перестали. Собственное место Карантина в общественном мнении располагалось теперь где-то между “крысой” и “петухом”-теми двумя мастями, посредником между которыми он сам себя обозначил.

- Я от этого, - резюмировал Дурман свою речь, - просто охуюваю!

- Угу, - кивнул Барин, - не ты один. Набери-ка его номер, давайте прогуляемся. Мне здорово охота снова на него поглядеть.

Местом для прогулок выбрали ночной парк Кузьминки, а конкретнее - побережье одного из озер. Ирка, в соответствии с заранее подготовленным планом противокарантинных мер, подошла к берегу и потрогала босою ногою воду.

- Теплая! - удивленно произнесла она. - Блин, жалко! Эх вы, мужики - плавать-то никто из вас не умеет!

- Как это? - как по нотам возмущился Карантин. - Я умею, и причем неплохо.

- Да? - Ирка подошла к нему поближе, призывно глядя на воду. - Покажешь?

Покуда Карантин раздевался и залезал в воду, мы с Бариним стояли неподвижно. Шанин разделся совершенно полностью, гордо выпятил грудь и, иногда оглядываясь на Ирку, полез в водоем. Бросившись в воду, он начал грести и принялся быстро удаляться от берега - и вот тогда мы поняли, что час для нашей затеи настал.

Схватив принадлежащую Карантину одежду, мы отнесли её в сторону, набили камнями и утопили. Мы оставили Шанину только нунчаки и голубую футболку, чтобы прикрыть наготу. После этого мы принялись с громкими криками бегать по берегу озера и звать Карантина.

- Что такое случилось? - спросил Шанин, подплывая поближе и вылезая из воды.

- Какие-то бомжи, - закричал Дурман, - подошли, типа, сигарету стрельнуть. И, по ходу, спиздили твою одежду!

- Они вон туда побежали, - заорал Барин, - держи их!

Карантин подхватил футболку, надел её на бедра на манер мини-юбки, взял нунчаки и побежал. Около получаса мы, к полному нашему удовольствию, бегали по всему парку, выбирая самые грязные и заросшие кустарником и крапивой места. Иногда мы с Бариним вырывались вперед, скрывались за деревьями и страшно кричали. Вернувшись после одной из таких вылазок, я прижал руки к лицу - словно морщась от боли, а Барин взволнованно объяснил Карантину:

- Они Джонни ударили бутылкой, вот сюда, - и Барин показал, куда меня как бы ударили.

- Догнать догнал, - смущенно оправдывался я, - а отбить вещи не смог. Ушли бомжи, теперь уже хуй догонишь.

После этого Дурман повел Карантина домой - “короткой дорогой”, по ярко освещенным улицам, мимо ночных заведений и сияющих магазинных витрин. Карантин шел, гордо выпатив грудь - босой и в одной набедренной повязке из собственной футболки, за которую были заткнуты верные нунчаки. Ночные прохожие оборачивались, глядя на него, а мы шли шагах в двадцати позади и уссыкались. Наконец показался Дурманов двор, и мы нырнули с проспекта в относительную

¹²⁶ Малява (блат.) - письмо.

¹²⁷ Крыса (блат.) - тот, кто ворует у своих сокамерников. Петух (блат.) - пассивный гомосексуалист, пидор, попросту говоря.

темноту. Повернув к своему дому, Карантин постепенно отдалился от нас, его силуэт растворился в темноте, а потом совершенно исчез - с наших глаз и из этой истории.

На следующий день Дурман показывал нам Эгладор - сборище ролевиков в Нескучном саду¹²⁸, возле одной из бывших городских библиотек. Пройдя через железные ворота, Кузьмич остановился и оглядел перспективу.

- Ебанный в рот! - потрясенно произнес он. - Не могу поверить собственным глазам!

- Да проходи ты, - подтолкнул его в спину Дурман. - Ты еще главного не видел!

Вся площадь перед библиотекой была заполнена людьми. Здесь было больше ролевиков, чем набралось бы тогда во всем Питере, и все - как на подбор, один другого краше. Несколько сот человек сгрудились на поляне, облепили скамейки и клумбы, расселись на крыльце и на террасе библиотеки. Больше половины из них были наряжены в самодельные костюмы из всякого гнилого тряпья и вооружены фанерными мечами и шпагами из оконного штапика.

Мне трудно будет передать вам наше впечатление от первого визита на Эгладор. Мои глаза смотрели, а ум отказывался верить, уши слушали - но разум не слышал ничего. Подобно кристаллам льда в шейкере, мы с Бариним потерялись посреди многообразия волос и хайратников, плащей-занавесок, обтягивающих лосин и перекошенных лиц с фанатично выпученными глазами. Взгляд блуждал, силясь найти посреди этого сборища нормальные лица - и бессильно отступал. Натыкался везде на одно и тоже: ряженые, рябые, выпученные, перекошенные.

Продираясь через это позорище, мы заметили несколько скамеек, заполненных людьми, в основном несовершеннолетними страшными бабами. Держа в поднятых руках свечи, они слушали песни Ниенны¹²⁹, доносящиеся из старенького кассетного магнитофона.

- Смотри-ка, Петрович, - показал мне на них Барин. - Чего это они - плачут, что ли?

- Ну их в пизду, Кузя, - отмахнулся я, - всю ихнюю секту. Где Дурман?

Отделившись от нас, Дурман затерялся в толпе. Мы остались одни посередине этого шумного сборища. Тогда я решил обойти библиотеку - осмотреться, поссать и заодно глянуть Дурмана. Но за углом Дурмана не оказалось - только какой-то незнакомый мне пьяный господин курил, опираясь на перила террасы, вознесенной на полтора метра над уровнем земли. Это был среднего роста парень, в синих джинсах и светлой рубашке, ничем особенно не примечательный. Взбравшись на террасу и ухватившись за перила с противоположной стороны, я обратился к нему:

- Уважаемый, сигаретой не угостишь?

Я не мог себе представить, что мой вопрос до такой степени выведет этого господина из себя.

- Иди на хуй, гондон! - неожиданно заорал он. - Кто ты такой, чтобы спрашивать у меня сигарету? Ты охуел, пионер!

Мне не оставалось ничего, кроме как схватить этого господина за воротник рубахи, потянуть на себя и, после непродолжительной борьбы, перебросить через парапет. Падая, он не сумел должным образом выставить руки, поэтому упал лицом вниз и ударился об поребрик, на котором стояла пустая стеклянная бутылка из-под пива. Бутылка разбилась, вспоров доньшком с острыми стеклянными лепестками лицо этому господину. Из-за этого одна из щек у него отвалилась на сторону, обнажая зубы, а крови вытекло столько, что впору было пускать по ней в плавание кораблики из щепок и спичечных коробков.

¹²⁸ Нескучный Сад расположен возле ст. м. "Октябрьская", остановка наземного транспорта - "Больница Святителя Алексия";

¹²⁹ Ниенна; ископаемая ролевичка, автор "Черной книги Арды", извращенно трактующей "Сильмариллион" как бы со стороны "темных сил". Мелькор в этой книге представлен слюнвявым нытиком, который повсюду волочит за эльфийской шлюхой по имени Эльхе. Он ни хуя не воюет, а только жалуется на жизнь и скулит, требуя при этом, чтобы все называли его "Учитель". Если бы профессор Толкиен при своей жизни прочитал эту книгу - он бы сильно расстроился.

Конечно, это не прошло незамеченным. Полноватый мужик в спортивном костюме, некто Боря Батыршин, заметил это, прибежал и начал на меня орать.

- Кто ты такой? - разорвался он. - Откуда ты взялся?

- С Питеру, - спокойно ответил ему я.

- Какая команда? - в том же тоне продолжал Батыршин. - Ну?

- Грибные Эльфы, - ответил я, не желая на этот раз затушевывать ситуацию и скрывать правду.

- А-а-а! - еще пуще прежнего разорвался Батыршин. - А вы спросили у меня разрешения, прежде чем резать тут розочками людей?

Из этих его слов мне стало видно, что ситуацию Батыршин понял как-то по-своему.

- А почему это мы должны спрашивать у тебя разрешения? - удивился я. - С чего бы это?

- Я Король Эгладора, - завизжал Батыршин, - тут все мне подчиняются! Пойдешь со мной!

- Вот еще, - ответил я, а сам потянул из-под куртки плющеную трубу. Не понравилось мне, что на крики Батыршина стали подтягиваться еще какие-то люди, мне совсем незнакомые.

- Пойдешь со мной! - снова заорал Батыршин, но тут в дело вмешался Дурман.

- Боря, иди на хуй! - предложил он, подходя и вставая у меня за спиной.

- Это что, - спросил Батыршин, враз сбавив тон, - знакомые твои?

- Ага, - ответил Дурман, а его маленькие и злые пороссячьи глазки в упор смотрели на Батыршина, так пристально, что даже мне сделалось неприятно. - Мои гости.

- А... ну тогда...

- Пока, Боря, - попрощался с ним Дурман, и мы скоренько отвалили от библиотеки: до того не понравилась мне поднявшаяся вокруг окровавленного тела человеческая суета.

Пока мы проталкивались к выходу, Дурман то и дело показывал пальцем то в одну, то в другую сторону. На неприметных скамейках, спрятавшихся среди кустов и кое-где под деревьями, то и дело мелькали лица, нехарактерные для этого времени и места. Они выделялись посреди местной публики, как разрывы зениток выделяются на фоне вечернего неба. Добрые и со злобинкой, пьяные и не очень - эти лица радовали взгляд. Потому что принадлежали, судя по всему, правильным людям, чуждым опочившей здесь атмосфере вырождения и долбоебизма.

- Не все так плохо, - заверил нас Дурман. - Батыршин тут не всеми правит, имейте в виду. Но, один хуй, я думаю - этот визит вы надолго запомните.

- Это не сомневайся, - ответил я. - Запомним накрепко.

Через пару дней мы коротали ночь в Муроме, на привокзальной площади которого кто-то повесил огромный выцветший транспарант: "800 лет Муромскому кремлю!". Не зная, чем скоротать вечерний досуг, мы направились на поиски этой исторической постройке, но повстречались с неожиданными и непреодолимыми трудностями.

- Извините, - обратился я к первой попавшей женщине на привокзальной площади, - вы не подскажете, как пройти к кремлю?

- Не знаю я, - апатично отозвалась женщина, отвернулась и пошла по своим делам.

- Не местная, наверно, - предположил Ирка и предприняла собственную попытку.

- Послушайте, - обратилась она к какому-то хачику, торговавшему на углу апельсинами и хурмой, - где кремль?

- Крэмль? - удивленно переспросил хачик, наморщил лоб и крепко задумался. Но через пару секунд лицо его просветлело:

- Знаю, гдэ! В Москвэ!

- Ну, блин, - я постучал пальцем по лбу, - нашла местного! Вон дед сидит, пошли к нему!

Действительно, на скамеечке у газона примостился какой-то пенсионер - в синенькой кепке и с газетой в руках. Я подошел к скамейке и спросил:

- Вы не... - но меня перебил Барин.

- Дедушка, вы давно здесь живете?

Дед поднял на нас взгляд.

- Да почитай, внучек, с тридцать четвертого году. А что?
- Всю жизнь здесь прожили? - решил на всякий случай уточнить Барин.
- Ну да, - с достоинством подтвердил дед. - Коренной я, муромский.
- А тогда подскажите нам, как пройти к кремлю, - попросил я. - Ищем его, ищем, а все никак не можем найти.

Тут дед отложил газету и в упор уставился на нас.

- Что же это за кремль такой? - спросил пенсионер. - Всю жизнь в Муроме прожил, а не слышал, чтобы тут был какой-нибудь кремль!

Поэтому мы отказались от идеи посетить местные достопримечательности. Вместо этого мы перешли по понтонному мосту на противоположный берег Оки и устроились там на ночлег. По ночному времени понтонный мост через Оку расцепляют, и по полноводной реке начинают курсировать груженные баржи и маленькие прогулочные теплоходы. С той стороны ярится тысячами огней ночной Муром, разливаясь над рекой шумной многоголосицей. Но до нашего берега - пустынного и заросшего низенькими кустами и тростником - звуки почти не долетают. Их относит в сторону, забирает с собой ночной ветер, низко стелящийся над черной, стремительно движущейся водой.

Из сухого тростника и старых досок мы разожгли небольшой костерок, вспыхнувший крошечным куполом желтого света. Я принялся разогревать консервы, но меня неожиданно отвлек от этого дела Барин.

- Послушай, - спросил он, - какое твое мнение: баржа движется по реке из точки А в точку Б с постоянной скоростью, но при этом...
- Где баржа? - я повернулся к реке, но никакой баржи не увидел. - Ты чего?
- Это задача такая, - объяснил Барин, демонстрируя мне учебник и пару тетрадей. - Думаю поступать на вечернее отделение в одну шаражку, там есть такой факультет - "Мосты и тоннели". Вот и взял с собой, блин!

От такого дела я чуть было не выронил консервы в огонь.

- Взял с собой учебники? - с недоверием переспросил я, еще раз оглядывая ночную перспективу: сумрачный берег и громаду железнодорожного моста вдалеке. - Зачем?
- Буду готовиться к поступлению, - объяснил Барин, - вот за этим.

Уже засыпая возле костра, сквозь медленно сгущающуюся паутину видений я видел силуэт Барина, склонившегося над книгой, и слышал его бормотание:

- Если баржа, достигнув точки Б, пустится в обратный путь, двигаясь теперь с постоянным ускорением, то... Эх, блядь! Вот ебучий случай!

Дни в дороге проносятся быстро - в грохоте железнодорожных составов и мелькании незнакомых пейзажей за окном. Солнце неохотно взбирается на небосвод, лаская мир огненными лучами, в этом тигле плавится новый день, словно металл в исполинской, переполненной жаром печи. Но к концу дня прохлада снова вступает в свои права, на вечернее небо ложится тьма, и наступает ночь.

Окно в движении электропоездов прервало наш путь до утра, и мы были вынуждены искать убежища в районе очередной перевалочной станции. Оттуда до Казани остается то ли один, то ли два трехчасовых перегона. Не зная обычаев и нравов местного населения, мы решили на самом вокзале не ночевать. Прямо с электрички мы направились в ближайший лесок, спрятались там как следует и принялись дожидаться утра.

С нами вместе прятался случайный попутчик - москвич, в одиночестве пробиравшийся туда же, куда и мы - на "союзку". Это был парень лет двадцати, с объемистым рюкзаком и хлипким резиновым топориком, представившийся нам профессиональным каскадером с Мосфильма. У нас были большие сомнения по этому поводу, до того внешность Каскадера не соответствовала его громкому прозвищу. Сутулый и как будто бы чуточку кривой, Каскадер был больше похож на

“ботаника”, нежели на профессионального спортсмена. Но на словах у него выходило совсем другое:

- Вы только подумайте, - пел Каскадер всю дорогу до места нашего ночлега, - какой это адский труд - все эти трюки! Постоянное напряжение, потливость... Иногда приходится поднимать груз в сто килограмм и больше, так что...

Поначалу мы его вовсе не слушали, но чуть позже он все же сумел привлечь наше внимание. Отозвав Ирку в сторону, Каскадер о чем-то тихо её попросил.

- Зачем? - удивленно переспросила его Ирка.

Каскадер совсем уже тихо ей что-то ответил, но Ирка в молчанку не захотела играть.

- Что? - во весь голос спросила она. - Ты хочешь посыпать себе на анус тальком? Ты в своем уме?

- Да я просто спросил... - засмутился Каскадер. - Из-за потливости появляются трещины и...

- Трещины на жопе, так? - уточнил Барин. - У тебя жопа треснула?

- Из-за нагрузок... - начал было Каскадер, но было уже поздно.

- Ты уверен, что ты каскадер? - сурово перебил его Барин. - А, к примеру, не пидор? То есть, - тут же поправил самого себя Барин, - я не говорю, что ты пидор, я просто спросил - не пидор ли ты?

- Не... - начал было оправдываться Каскадер, но Барина ему было не перекричать.

- Потому что если бы ты был пидором, - продолжал Барин, - что, будем надеяться, не совсем так, то у нас с тобой был бы совсем другой разговор. Вернее, у нас бы с тобой не было никакого разговору, потому что нам не о чем разговаривать с пидорами. Но, раз ты говоришь, что ты не пидор...

В таком ключе мы продолжали большую часть ночи, по-разному склоняя в беседе треснувший анус Каскадера и его самого. Из-за этого Каскадер плохо спал, и когда мы под утро снова пришли на вокзал, тут же задремал в ожидании первой электрички возле собственного рюкзака. Мы решили воспользоваться этой его оплошностью в собственных целях.

Набрав целую кучу камней, мы аккуратно запаковали их Каскадеру в рюкзак, увеличив его общий вес примерно до ста - ста двадцати килограмм. Наш порыв был замечен сотрудниками местной милиции, подловившими нас во время сбора камней.

- Хуй ли вы делаете? - спросили они у нас.

- Да вот, блин, - ответил я, - собираем камни, хотим подложить вон тому кренделю в рюкзак, чтобы он с утра охуел.

- А... - ответили менты, и на этом все вопросы отпали.

Когда подали утреннюю электричку, мы выждали, сколько это было возможно, а когда объявили, что поезд вот-вот отправляется, принялись будить Каскадера:

- Проспали, блядь! Скорее, поезд отходит!

Между стеной вокзала, где мы отдыхали, и перроном было что-то около тридцати метров. Похватав собственные рюкзаки, мы бросились к поезду и запрыгнули в вагон, наблюдая оттуда, как Каскадер, почернев от натуги и ничего не понимая спросонья, силится закинуть привычным движением на плечи рюкзак.

Несколько десятков метров, отделяющие его от электрички, неожиданно стали непреодолимым препятствием. Пора было садиться в вагон, но не пускал неподъемный, доверху набитый булыжниками мешок. Каскадер пытался приладить его этак и так, но одному непросто подняться с земли с такой тяжестью, и пока он телепенился - двери закрылись, и электричка ушла.

Прилипнув к окнам, мы глазели на это, пока вся картина не скрылась из виду - Каскадер, его рюкзак и загибающиеся от хохота местные менты. Последним скрылось из глаз здание вокзала, и тогда мы отлипли от окон и поздравили друг друга - мы снова ехали, а до Шелангера оставалось, по нашим прикидкам, всего ничего.

Шелангерские рудники.

“Морские валы не имеют цели, только направление - беспокоящий, неудержимый порыв. Только он, и ничего больше, отличает эту бешеную стихию от стоячей воды болот и гнилой, маслянистой жидкости в подсыхающих лужах. Поэтому воде из моря неспокойно на берегу. По капле, тонкими струйками начинает она свой путь - обратно к морю, чтобы подняться с новой волной”. **рр.**

Союзные ХИ в 97-м году проходили в районе станции Шелангер, на обоих берегах мелководной реки Юшут. Она, словно драгоценная лента, струится между иссушенных солнцем берегов - то чернея омутами, а то выступая горбами многочисленных песчаных мелей. Изнывая от жары, мы с Бариним и Ирккой выпрыгнули из кузова грузовика и, на ходу срывая с себя одежду, бросились к воде.

Мы были не одни такие - человек тридцать парней и девушек уже сидели на отмели, распивая из пластиковых бутылок ачад¹³⁰. Среди них больше всех поразил наше воображение парень из Казани по имени Джон. Пьяный в говно до такой степени, что уже утратил способность ходить, он удивлял всех вот каким фокусом. Кое-как привстав на непослушных ногах, Джон вдруг взвизгивал в воздух и делал сальто назад. Затем Джон некоторое время собирался с силами и опять крутил сальто. Таким образом Джон подбирался к очагам народного ликования, спонтанно возникающим вокруг бутылок с ачадом.

Мы расположились неподалеку от берега реки, где московский Турин раскинул принадлежащий ему маленький тент. Он был в этом лесу единственным более-менее знакомым нам человеком - так что мы без малейшего колебания поселились возле него. Сразу за нашим тентом устроили “мертвятник” - огороженную веревкой поляну с десятком палаток на ней, а дальше открывался вид на высокий, обрывистый берег Юшута. Вокруг раскинулся лес, солнечные лучи косо падали между стволами, порождая на земле причудливые, глубокие тени. День клонился к закату.

Когда последние лучи солнца покинули небосвод, я достал из рюкзака бутылку Элберетовки. Обжигающая жидкость скользнула по пищеводу, порождая ощущение разливающегося по телу тепла. Незнакомые Шелангерские сумерки вдруг стали для меня как будто родные. Подобрал кое-какой инвентарь, мы отправились на прогулку по полигону, чтобы посмотреть народ и составить свое мнение: как это оно - побывать на “союзе”? Заодно мы хотели посмотреть на местных эльфов.

В нашем собственном городе с этим делом было туго - эльфов, кроме нас, в Питере не было. В смысле - не было цельных коллективов, проникнутых этой великой и чистой идеей в достаточной степени. А нам страсть как хотелось посмотреть на настоящих эльфов. Во многом поэтому мы и приехали на союзку. И она не обманула наших ожиданий.

Около половины второго ночи, пробираясь вдрызг пьяные по берегу Юшута, мы слышали, как с того берега надрываются чьи-то голоса.

- Элберет Гилтониэль...а-а-а-а... свирель... - донес до нас ветер, но вот дальше почти ничего невозможно было разобрать.

- О, - восторженно воскликнул я. - Эльфы!

Но вместе с тем, как мы приближались к источнику звука, голоса стали четче, и мы смогли разобрать отдельные слова:

*Элберет Гилтониэль в жопу вставили свирель
И пока её имели, раздавался звук свирели!*

¹³⁰ Так в Татарстане и Марий-Эл принято называть водку, по крайней мере - так нам это представили.

Залихватская песня поднималась с того берега, словно на крыльях, металась над темной водой и билась о песчаные берега. Слышно было, что поют её несколько человек.

- Нет, Петрович, это не эльфы, - покачал головою Кузьмич. - Не станут эльфы такого петь.

- Похоже! - признал я его правоту и заорал: - Эй вы, там! Хуй ли вы такое орете?

На том берегу ненадолго замолчали, а потом ветер донес до нас чей-то злой, прерывистый голос:

- А кто спрашивает?

- Кто надо, тот и спрашивает! - крикнул Кузьмич, и на время все смолкло.

В наступившей тишине мы вглядывались в противоположный берег, и неожиданно заметили, как какие-то люди переходят вброд мелководный Юшут. Они двигались прямо в нашем направлении и через несколько минут выбрались на наш берег - четверо, мокрые и очень злые.

- Ну что, блядь, - рывкнул шедший первым рыжеволосый парень в кителе, на петлицах которого красовались эмблемы воздушно-десантных войск. - Кто это тут, ебанный в рот, вопросы нам задает?

Так началось наше знакомство - на повышенных тонах, но именно про такие случаи сказано: “Elen síla lúmenn’ omentielvo!¹³¹”. Через пять минут мы уже сидели кружочком на берегу и пили - сначала ачад, а потом Элберетовку.

- Что это за хуйня? - спросил Ржавый, потому что рыжего десантника звали именно так. - По вкусу напоминает ликер.

- Ты пей, пей, - успокоил его Барин, а потом пообещал:

- Ты с этого ликера еще охуеешь!

Барин не врал - Элберетовка, на вкус кажущаяся тридцатиградусной из-за правильного сочетания сладости и трав, на деле имеет не менее семидесяти градусов спиртовой крепости. Эффект её, особенно по первости, невероятен, и уже через полчаса наши новые знакомые смогли в полной мере прочувствовать его на себе. Здесь были представлены жители сразу двух столиц - йошкарولينцы Лешак, Катанга и Моня-орк, а с ними казанский Феаноринг¹³² по прозвищу Ржавый. Он больше всех надрывался про Элберет и про свирель - утверждая, что это есть их собственная, нольдорская боевая песня.

- Зачем же ты, - спросил я у Ржавого, - поешь про Светлую Владычицу такие поносные песни? Ведь даже этот напиток, которым мы вас потчуем, назван в её честь!

- Хуй ли нам напиток? - удивился Ржавый. - Валары¹³³ нольдорам не указ, что хочу - то и пою, рта мне никто не заткнет. Сами-то из каких будете?

- Мы эльфы, - ответил я. - Приехали сюда из Питера, по обмену опытом.

- Слышал я уже, - кивнул Ржавый, - какие в Питере эльфы.

- Мы тоже, - поддержал беседу Кузьмич, - про Казанских эльфов наслышаны.

- Ну что же, - объявил Ржавый, - стало быть, знакомство состоялось!

Мы перебрались поближе к стоянке Феанорингов, где у них была построена грандиозная делонь. Ржавый, которого разморило от Элберетовки, полез по приставной лестнице наверх, но на самую делонь подняться не смог. Когда до верха оставалось всего пара ступеней, его глаза закрылись, а пальцы разжались - и Ржавый обрушился вниз. Он остался спать прямо возле делони, а йошкарولينцы к этому времени затерялись где-то посреди густой, чернильной темноты - так что мы снова остались одни.

¹³¹ “Звезда осияла нашу встречу!” (эльф.)

¹³² Феаноринги - в произведении Дж. Р. Р. Толкиена “Сильмариллион” так называются эльфы из рода нольдор, прямые потомки принца Феанора. (Принц Феанор прославился тем, что устроил в Валиноре, Благословенной Земле эльфов, кровавую баню, поубивав с целью захвата кораблей несколько тысяч эльфов из народа Тэлери. Он был тем революционером, который вывел нольдор из-под власти валар.) Казанские Феаноринги очень хорошо известны в российской ролевой тусовке, и я без всяких обиняков хочу обнародовать наше мнение по поводу их коллектива: “Казанские Нольдоры - правильные эльфы, хотя и поносят Светлую Владычицу почему зря”.

¹³³ Валар, айнури (эльф.) - в произведении Дж. Р. Р. Толкиена “Сильмариллион” так называется особый класс существ, стихии мира. Варда Элентари, Элберет - в том числе.

Вскоре Барин заметил, что неподалеку от этого места, метрах в тридцати, виднеется маленький костерок. Он был подобен маяку в окружавшей нас враждебной ночи - и мы, словно корабли, двинулись на его призывный, мерцающий свет.

Выбравшись на поляну, мы увидели небольшое пламя и тесный круг людей возле него. Прямо перед огнем сидела огромная бабища - жирная, словно пузатая винная бочка, угнездившись на грандиозных размеров жопе. Вокруг неё собрались прихлебатели и свита, люди, сочетающие в себе качества смирения и низкопоклонства. Но все это нас не особенно интересовало, так как мы заметили - прямо возле костра стоит котел, полный горячего чая.

После всех блужданий по лесу, после Элберетовки и ачада, которые сегодня весь вечер пили практически без запивки, этот котел был верхом наших вожделений, воплощением материализовавшейся сиюминутной нужды. Тогда Ирка, приблизившись к костру, обратилась к одной из сидевших возле огня молодых женщин:

- Девушка, угостите нас чаем? Кружка у меня есть...

Но не тут-то было. Жирная дама, угнездившаяся возле костра, уставилась на Ирку и с неожиданным раздражением произнесла:

- Ты должна была спросить не у неё, а у меня, девочка... И если бы ты спросила у меня, я бы тебе сразу сказала - для таких, как ты, девочка, у нас чаю нет!

- Какая я тебе девочка? - возмутилась Ирка. - Охуела ты, что ли?

Эти простые слова имели совершенно неожиданный эффект. Жирная дама открыла рот - так широко, что туда можно было бы просунуть сотню хуёв, и выпучила глаза. Все её тело сотрясла крупная дрожь, а окружающие её господа вскочили на ноги и замахали на Ирку руками.

- Ты что! - визгливо заорал один из них, долговязый юнец в светлом, немного потрепанном долгополом клифте. - Это же Алина Немирова - мать ролевого движения! Немедленно извинись!

- Какая еще мать? - перебила его Ирка, не меньше прочих из нас охочая до конфликтов и ссор. - Кто такую жирную суку будет ебать, где вы найдете под такую маму отца?

Тут Алина Немирова сбросила оцепенение, поднялась, тяжело опираясь руками о землю, и направилась напрямик к Ирке. Она надвигалась на неё, как атомоход на маленькую льдинку - завывая сиреной и слепя огнями прожекторов.

- Ах ты, сука, - визжала Алина, - тебе пиздец!

Приближаясь, она занесла руку для удара, возвышаясь над Иркой, словно живая гора. Тогда Ирка ударила на опережение, целясь правой рукой Алине Немировой в корпус. Все, кто видел этот удар, а особенно сама Ирка, так и замерли, не в силах сдержать возгласов удивления. Алина Немирова была отброшена назад, не удержалась на ногах и теперь сидела на земле, широко расставив ноги и глядя на Ирку с выражением крайнего ужаса.

Ирка глядела на неё примерно так же. Ей, увлеченной ссорой, не было видно, как из-за её спины Кузьмич ударил Алину Немирову в бок кирзачом. Случилось это одновременно с Иркиным ударом рукой. Кузьмич рассуждал так: "Оставить любимую женщину сражаться против ожившей боксерской груши одну - подлый поступок". И поэтому ударил, как мог. А так как удара этого никто, кроме меня, не видел - и Алина Немирова, и все её прихлебатели записали эту маленькую победу на Иркин счет.

- Ты же... - разорвал повисшую было тишину визг долговязого юнца. - Ты её ударила!

- Поделом! - заявила Ирка. - Пусть научится себя вести, жирная сука!

С этими словами Ирка зачерпнула из котла полную кружку чая - и мы ушли, премного собою довольные.

Поутру Кузьмич стал свидетелем вот какой удивительной картины. Йошкаролинский Лешак, переусердствовав ночью с Элберетовкой и ачадом, заснул возле ближайшего к нашей стоянке костра. По ходу этого на нем вспыхнул и наполовину прогорел камуфляжный китель. Очнувшись

посреди поляны - лицом в пепле, на страшной жаре - Лешак не смог сразу подняться на ноги. Вместо этого он принялся поносить неизвестно кого чернейшей матерной бранью. Привлеченный этими звуками, с соседней стоянки прибежал один из представителей местной администрации.

Он был наряжен в коротенький синий плащ и светлые обтягивающие лосины, обут в легкие сапожки и вооружен многоканальной рацией. Пританцовывая вокруг лежащего посреди костровища Лешака, он нашел возможным сделать ему замечание:

- Здесь нельзя материться, здесь неподалеку “мастерская стоянка”.

Лешак, услышав его голос, с трудом оторвал от земли перепачканное сажей лицо. Он являл собой впечатляющую картину. Полуголый человек, кутающийся в куски прогоревшей камуфляжной материи лежит на земле, выкатив на подошедшего администратора побелевшие от бешенства глаза.

- Молись, пидор, - с трудом произнес Лешак, - чтобы я встать не смог!

На дворе был второе августа, и Лешак и остальные йошкарولينцы засобирались на грузовике к себе в город, отмечать главный городской праздник - день ВДВ. Большинство мужского населения Йошкар-Олы отслужило в десанте, и каждый август у них в городе по этому случаю проходят грандиозные торжества. Напросившийся на этот праздник Кузьмич сел в тот же грузовик и забрал с собой Ирку. Они отбыли, пообещав вернуться третьего числа днем, а пока что оставили меня на полигоне совершенно одного. Не зная, чем бы себя занять, я сидел у Турина под тентом и скучал, когда из-за огораживающей “мертвятник” веревки понеслось:

- Ну что вы за пидоры! Посмотрите на себя!

Я глянул через ограждение и увидел, как двое парней согнали в кучу целую толпу ряженных в занавески ролевиков и теперь отчитывают их за вялую жизненную позицию и нежелание драться. Присмотревшись получше, я чуть не охуел - на пришлых парнях были надеты железные доспехи! Я подпрыгнул на месте и чуть было не опрокинул бутылку с Элберетовкой, как только это заметил. В Питере ни у кого из наших близких знакомых настоящих доспехов не было - так что понятно, что я не на шутку разволновался. Эх блядь, решил я, ебать и в гриву и в хвост - хотя бы издали погляжу!

Люди на поляне тем временем продолжали показательную порку:

- Ну-ка, блядь, - громко заявил один из них, обращаясь к собравшейся посреди поляны публике, - кто-нибудь из вас будет драться? Или тут одни только пидоры собрались?

Но никто особенного желания драться не проявил - что и не удивительно. Публика на поляне была вооружена, в лучшем случае, деревянными мечами, а у парней были с собой дюралюминиевые полосы с коваными гардами, отформованные под клинок. Первый из них был облачен в кольчугу с длинными рукавами, поверх которой надел доспех-чешую, в стальные поножи и наручи, а на голове у него был конический шлем. С собой он притащил окованный по краю металлом щит-каплю. Его товарищ был снаряжен значительно легче - круглый щит с кулачным хватом, кольчуга без рукавов, легкий шлем и короткие поножи.

- Я повторяю приглашение! - снова крикнул парень, вооруженный щитом-каплей. - Кто из вас будет драться, есть среди вас мужики?

Неожиданно мне пришло в голову, что все сказанное этим господином может иметь отношение и ко мне тоже. Нехорошо, подумал я, если у этих парней сложится представление, что я заодно с “занавесочниками”. Плеснув себе граммов сто пятьдесят Элберетовки, я выпил и принялся ждать, пока по жилам разольется огненное, знакомое тепло. Когда это случилось, я подобрал с лежанки Производственную Травму и еще одну плющеную железную трубу - без гарды и снабженную на конце веревочной петлей, надел перчатки и полез под веревку. Из всех средств защиты на мне были только рубашка, перчатки и штаны.

- Разрешите мне, - попросил я, - попробовать.

Моим оппонентом вызвался быть парень со щитом-каплей. Мы сошлись прямо посреди поляны, и по первости я растерялся - не знал, как мне тут быть. Мой противник вел себя очень уверенно - пер в навал, метя при этом в ноги нижней кромкой щита, лип ко мне и все время охаживал меня своей полосой. С первого момента я просек, что противник мне достался толковый - воспитанный в жесткой, чуждой напрасному милосердию воинской традиции.

Если бы на нем не было надето столько железа, а на улице жара не перевалила бы за тридцать пять - мне бы плохо пришлось. А так, отбившись от его первого, самого яростного напора, разрывая дистанцию и все время кружа, я сумел его немного вымотать. Хуй ли - нелегко прыгать в железе, да еще по жаре. Постепенно его движения замедлились, стали не такими уверенными, и мне удалось поймать его руку во время удара - он слишком далеко высунул её из-за кромки щита. Я принял на гарду его кисть и тут же, особенно не мудрствуя, переломил её ударом второй трубы. На этом первый бой был мною закончен.

Мой противник отнесся к произошедшему более чем спокойно. Перетянув руку тряпкой, он уселся под деревом курить, уступив место на поляне своему легковооруженному товарищу. С полминуты мы присматривались друг к другу, пританцовывая и кружа, а потом схлестнулись. Щит с кулачным хватом хорош тем, что позволяет своему владельцу резко менять дистанцию боя, и мой противник именно так и поступил.

Смутив мой ум с помощью ложной атаки клинком по нижнему сектору, он сорвал дистанцию и с силой выбросил вперед руку со щитом. Кулачный щит снаряжен металлической чашкой-умбоном, и именно ею мне пришлось поперек лица - такое ощущение, как будто ударили молотком. После этого мой противник нанес еще один удар - сбоку, внутренней поверхностью щита, сбив меня с ног, словно деревянную кеглю.

Немного отлежавшись, я поднялся на ноги, и мы принялись знакомиться друг с другом. Парни оказались белорусами из Минска, представителями тамошних реконструкторских клубов: первый - из "Серебряного Единорога", а второй из "Сердца Дракона". Пьяный и несколько опоздлившийся, я не очень запомнил, какие они назвали мне имена, помню только, что они были навроде как рыцарские, отдающие средневековьем.

- А где твои-то доспехи? - спросил у меня один из них. - А то...

- Какие доспехи? - удивился я, вытирая кровь с лица и тряся ушибленной головой. - Отродясь у меня не было никаких доспехов.

- Как же вы бьетесь, - удивился мой собеседник, - без доспехов?

- Ты видел, как, - ответил ему я и еще добавил: - Что же нам теперь - не драться, если доспехов нет? И терпеть ваши обзывательства?

- Ну прекрати, - успокоил меня другой. - Мы это вовсе не тебе говорили.

- Я знаю, - ответил я, - что не мне. У нас самих в городе хватает долбоебов и...

- А ты откуда будешь?

- С Питеру, - ответил я.

- Ну, тогда, - предложил мне один из них, - будь моим гостем.

- Нет, моим, - тут же вмешался второй. - Моим гостем!

Под такую беседу мы прошагали километра полтора выше по течению Юшута, и тогда моему взору открылось невиданное доселе диво. Прямо посреди леса вверх вознеслись белые шатры, украшенные по краям щитками с геральдическими знаками. Рассуждая над вопросом, какое из приглашений мне будет лучше принять, я остановился на предложении представителя "Сердца Дракона". Я резонно полагал, что ко мне лучше отнесутся товарищи того человека, который въехал мне по еблу в честном поединке, нежели друзья того, кому я сам только что перешиб руку. Не то чтобы я сомневался в благородстве человека из "Единорога", просто поступить так мне советовало природное чутьё. В каком-то смысле я оказался прав.

Меня провели внутрь одного из шатров, и там я увидел несколько прекрасных деревянных кресел и маленький походный стол. Там расположились двое - магистр ордена "Сердце Дракона" и его

ближайший соратник, некто герцог Орм. Оба они были облачены в богатые одежды, приличествующие именитым рыцарям, и вкушали водочку из массивных серебряных кубков. Выслушав историю нашего поединка, герцог Орм весьма оживился:

- Ха! - заявил он, когда узнал, что человеку из “Единорога” отломили кисть. - Поделом ему, награда за распиздяйство.

- Сразу видна разница между орденами, - улыбнулся магистр, глядя на мою распухшую рожу. - Результат налицо!

После этого меня принимали в “Сердце Дракона” словно дорогого гостя. По приказу магистра принесли серебряное блюдо с обжаренной тушенкой, подали водки и вина, а двое наряженных в средневековую одежду менестрелей исполнили несколько песен на старороманском языке. Должен признать, что я был поражен всем этим до глубины души, впечатлен и растроган. По ходу застолья магистр рассказал мне историю их появления в Шелангере.

- Наебали нас, Джон, - пожаловался магистр, - вовлекли в нелепое. Из самого Минска сюда перли, думали, на войну едем - а тут кругом только эльфы лосинистые.

- Это не эльфы, - объяснил ему я, - а пидоры! Неправильно верить, будто бы это эльфы!

- Ума не приложу, - посетовал герцог Орм, - зачем они это делают? Вот, к примеру, мы...

Тут герцог обвел наше застолье широким жестом руки, подчеркивая окружающее великолепие - серебряную посуду, тихий напев менестреля и суровое изящество боевого оружия и доспехов.

- Имеет смысл так жить, - закончил герцог свою мысль. - А напялить на себя женскую рванину? Ну, не знаю...

- Сам с них охуеваю, - признался я.

После этого я принялся растолковывать минским рыцарям, какие редкие “существа” попадают в ролевой тусовке. Пораженный услышанным, магистр прокомментировал услышанное так:

- Правильно говорят, Джон, - заметил он, - что в то время, когда ум человеческий ограничен, глупость человеческая не имеет границ!

Третьего числа, верхом на грузовике, полном в стельку пьяных десантников, из Йошкар-Олы вернулся Кузьмич. На нем был военный китель и голубой берет, которым его спонсировал Лешак. В таком виде Кузьмич участвовал в Йошкар-Оле в праздновании дня Воздушно-Десантных Войск. Сам Кузьмич был пьян до такой степени, что не мог говорить, а йошкарولينцы рассказали о его похождениях так:

- Я ему берет дал и китель, - сказал Лешак, - чтобы можно было взять его с собой в парк, на праздник. Говорю ему - представлю тебя моим сослуживцем, только сам ты в это время молчи и не лезь с рассказами. Начал ему объяснять про парашюты, про стропы и про остальную хуйню. Но он слушать меня не захотел, говорит - я и так знаю, о чем с десантурой разговаривать.

- У нас в парке есть клуб, - влез в разговор Катанга, - там по праздникам крутят дискотеку. Так вот - ваш Кузя, как только Лешак представил его народу, залез на бетонный блок, подставку от старого памятника, и обратился толпе.

- Люди заинтересовались, - подтвердил йошкаролинец по прозвищу Тайсон, прозванный так за свое страстное увлечение боксом, - как же, десантник с самого Питеру приехал, Лешака сослуживец! А ну, послушаем, чего он скажет? Ну, он и сказал!

- В этот праздничный день, - заорал Катанга, пародируя пламенную речь Кузьмича, - в Питере все клубы, все музеи и даже кино каждый год работают бесплатно! Такая же хуйня в Москве! И в Новгороде! И только здесь, на родине ВДВ, - тут Катанга поднял руку, показывая, с каким одухотворенным видом Кузьмич все это говорил, - с нас, десантников, требуют за вход на дискотеку тридцать! Не потерпим унижения! А-а-а!

- А-а-а! - подхватил Лешак, - что тут началось! Мы еле-еле из парка выбрались, такое безобразие получилось. Клуб подчистую разнесли!

- Охуеть можно, - резюмировал Тайсон, - до чего же ваш Барин заводной человек!

С самим Тайсоном на этой союзке получилась вот такая история. Путешествуя вечером в районе кабака, Тайсон наткнулся на женоподобного юношу в легком сиреновом плаще, белых чулках и тоненьких коричневых черевичках. Тот стоял, прислонившись спиной к дереву, и держал в руках букет лесных цветов.

- Ты кто такой? - спросил Тайсон, удивленный такою картиной.

- Я эльф Лютик, - восторженно ответил юноша, - хранитель заповедной земли.

- Угу, - мрачно ответил Тайсон, невыспавшийся и поэтому злой. - А я Тайсон-колокольчик, король волшебной реки! И я приказываю тебе - кыш отсюда, малолетний педераст!

Изгнав Лютика от кабака, Тайсон вернулся к себе - они с товарищами задумали устроить набег на "психоотстойник". Последнее означает специально огороженное место, куда "мастера" направляют всех расстроенных, истеричных или совсем уже "заигравшихся" ролевиков. Легко понять, что публика там собирается такая, что это превосходит самые смелые ожидания. Разбудив Кузьмича, йошкарولينцы сбросили большую часть одежды, оставив только ботинки и шорты, завернулись в старые одеяла и пошли по направлению к "психоотстойнику".

- Мы бедные сидельцы, скитальцы-погорельцы! - на разные голоса пели они, приплясывая и заливая в себя из полуторалитровой бутылки разведенный спирт.

Десять пар армейских берцев весело топали по лесной дороге в такт их прыжкам. Лес постепенно расступился, и открылся вид на поляну, огороженную веревкой и заполненную такими хуилами, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Сам я в это набег не ходил, и со слов Барина получается, что очень зря.

- Охуеть собрание, - оглядев открывшуюся перспективу, заявил один из йошкарولينцев, у которого на затылке было выбрито его прозвище - "Моня Орк". - Нефоры и голоднючки, к тому же больные на голову. Ну да ничего, я берусь исцелить их всех за пару минут!

- Рисовал ли ты в детстве на парте слово "хуй"? - обратился Моня к одному из обитателей этого чудесного места. - А?

- Чт...что? - неуверенно переспросил жирный и немного апатичный ролевик, горевавший в "психоотстойнике" по поводу безвременного прекращения своей возвышенной роли. Какие-то люди в железных доспехах зарубили его, словно барана, на выходе из кабака. - Я не совсем понял вопрос...

- Все ты понял, - махнул рукой Моня и вдруг резко повысил голос:

- ПИСАЛ ЛИ ТЫ, СУКА, В ДЕТСТВЕ НА ПАРТЕ СЛОВО "ХУЙ"?

- Н...нет, - почти выкрикнул его собеседник, - не писал!

- Что ж ты делал, пока все твои друзья рисовали на партах? Училке стучал?

С этими словами Моня провесил ему леща - такого, что апатичный жирдяй опрокинулся со своего бревна и покатылся по траве. Скорбь по поводу потерянной роли мгновенно оставила толстяка, а на горизонте его сознания замерцал вдруг, разгораясь, тревожащий свет осознания объективной действительности.

- Ну а ты, - повернулся Моня к его соседу, лысеющему мужичку с неопрятной козлиной бородкой.

- Ты что скажешь? Писал ты в детстве на парте слово "хуй"?

Козлобородый задумался на секунду. В его глазах, особенно при взгляде на лежащего поодаль толстяка, читалось сомнение, на лицо была тяжелая работа мысли.

- Наверное, - неуверенно выдал он, - наверное, писал!

- Так писал или нет? - переспросил Моня, притворяясь, будто не до конца расслышал.

- Ну да, - уже уверенней заявил козлобородый, - точно, писал!

Тут Моня отвесил леща и ему тоже.

- Посмотрите на него, - возмущенно закричал Моня, показывая на своего собеседника пальцем, - такие, как он, все парты матерщиной поисписали!

После того, как официальная часть игры была закончена, прогрессивная и охочая до боя публика числом что-то около двухсот человек сговорилась и устроила собственную игру. Для этого приспособили бревенчатую крепость в Лориене, мощную постройку со сплошными пятиметровыми стенами. Сбитые из толстых жердей ворота перегораживали проход, а за ними обороняющиеся выстроили штурмовой коридор - извилистый и изобилующий множеством узких бойниц. Часть людей укрылась в этой твердыне, а остальные (в том числе и мы с Кузьмичом) столпились на поляне перед воротами.

- Таран готовьте, - понеслось над толпой. - Готовьте таран!

Множество пар рук подхватило здоровенное сырое бревно длиной около пяти метров и потащило его к воротам. В это время в дело вступил большой барабан - его бешеный ритм встал над поляной, наполняя воздух рокотом и низким гудением. От этого звука руки словно бы сами собой наливались силой и просились в бой. Заостренный на конце таран с грохотом ударил в ворота, раздвинул неплотно подогнанные жерди и до половины ушел внутрь.

За воротами к этому моменту сгрудилось немало обороняющихся: несколько щитовых рядов намертво перегородили штурмовой коридор. Они приготовились отражать порядки штурмующих на тот случай, если ворота падут, но совсем не были готовы к удару тараном. Послышался глухой удар, треск ломающихся жердей - и тут же слитный стон и человеческие крики поднялись над воротами.

Несмотря на эту неудачу, в ситуации обороняющиеся сориентировались на удивление быстро. Они успели вырвать таран из рук нападавших и затащить его внутрь. Тогда несколько человек принялись метать веревки в надежде зацепить отдельные бревна, из которых состояла стена. Потом полтора десятка человек вцеплялись и дергали за веревку, раздирая прочную стену на части, словно пук прогнившей соломы. Через небольшое время метров на пять левее ворот образовался пролом, в который в ряд могли бы пройти три человека, а за ним стали видны частые порядки обороняющихся.

Я к этому времени уже выбыл из боя. Так вышло потому, что я заметил, как из стены в одном месте выступают горизонтальные балки, и решил попробовать взобраться на стену по ним. В этом месте по верху стены идет штурмовой коридор, и снизу было хорошо видно голову и руки какого-то господина, вооруженного луком и патрулирующего этот участок стены. Увлеченный пусканием стрел, он заметил меня слишком поздно, только когда я уже подобрался к нему практически вплотную, на расстояние удара топором. Заметив меня в последний момент, этот господин не отпрянул от стены, как следовало бы сделать, а высунулся наружу, надеясь в упор поразить меня из своего мощного лука.

Уцепившись за жерди одной рукой, я что есть мочи въехал ему поперек тулова увесистым топором, который позаимствовал для этого боя у йошкарولينцев. После этого я подтянулся и уже было перелез через стену - но тут еще один защитник крепости заметил это, бросился ко мне и со всей силы бортанул меня своим щитом. Из-за этого я потерял равновесие и спиной вниз полетел со стены¹³⁴. Так что теперь мне ничего не оставалось, как сидеть и смотреть, как атакующие веревками раздергивают бревенчатую стену.

Когда с этим было покончено, человек восемьдесят, сбившись в ударный кулак, бросились в проем. Все в один миг смешалось - мельтешение дубинок, крики и давка человеческих тел. Но штурмовой коридор, с любовью возведенный защитниками, неожиданно и жестоко себя показал. Подобно гигантской пасти, заглотившей кусок окровавленной плоти, штурмовой коридор впитал в себя порядки штурмующих, пережевывал их и проглотил. Обратно не вышел никто. Барин, участвовавший в этом рывке, впоследствии рассказывал мне об этом так:

- Когда ворвались туда, поняли, что попали в ловушку. Они возвели там дополнительные стены, продольные и поперечные, похоже на узкий лабиринт - ни хуя не развернуться. А за ними стоят

¹³⁴ По штурмовым правилам обычно следует, что сброшенные со стены считаются выбывшими из данного конкретного боя.

люди с дрекольем, и дуплят со всей одури - приняли нас, словно кузнец в клещи. Мне полбашки отсушили, пока я еще только разбирался, в чем тут дело. Охуенно пацаны все приготовили, молодцы!

Штурм захлебнулся, выступившие из замка защитники добились оставшихся - и Лориен устоял. Затих барабан, улегся охвативший всех боевой мандраж, спокойствие и относительная тишина постепенно воцарились на поляне перед непокорившейся крепостью. Подобрал снаряжение, мы стали собираться в обратный путь - оставалась всего одна ночь на союзке, а завтра мы собирались сняться и поехать в гости к Лешаку.

По этому поводу ночью на отмели в Юшуте устроили грандиозную попойку, сопровождающуюся игрой в регби на мелководье. Так мне и запомнилась эта ночь - теплые речные струи ласкают ноги, сверху по реке то и дело пускают в плавание бутылки с ачадом, а за них насмерть бьются друг с другом на отмели мокрые, разгоряченные человеческие тела. Паутина звезд лежит на черном небосводе, лес стоит по краям реки молчаливой стеной - и только иногда в проеме между деревьями можно увидеть мерцающий свет одиноких костров. Ачад лился рекой, и постепенно все это - река, лес и звезды над ним - как будто бы свернулись в клубок, мигнули и погасли перед моими глазами.

Поутру, проснувшись с тяжёлого похмелья, Барин вышел на берег Юшута и опустил лицо и голову в воду.

- Ой, ой! - пожаловался он, еле-еле поднимаясь на ноги и держась за башку трясущимися руками. - Ой-ей-ей!

- Что такое, - спросил у него я, хотя сам чувствовал себе немногим лучше, - чего случилось?

- Проклятые Шелангерские рудники, - перефразировал Кузьмич известные слова, - совсем подорвали моё здоровье!

Солнце у ворот.

“Подлинное братство - это не ножки и шляпки, а грибница, скрывающаяся в земле. Люди совершают поступки с вполне определенными целями, и точно так же поступает грибница. Шляпки поднимаются над землей вовсе не для красоты - они привлекают внимание, создавая необходимые условия для успешного распространения спор”. Новый микологический словарь.

В Питер мы вернулись только вечером пятнадцатого числа - задержались в Йошкар-Оле, городе по-своему очень гостеприимном. И пока мы с Кузьмичом гостили в этой райской обители, наши товарищи посетили Региональные Хоббитские Игры, проходившие между седьмым и десятым августа в районе станции Шапки. Эта поездка стала важной ступенькой на пути эскалации конфликта с теми представителями ролевой общественности, которые сочли необходимым принять в отношении нашего коллектива собственные “превентивные меры”.

Ряд “мастерских групп”, сильно недовольных нашим поведением, провели собственное закрытое совещание и недавно обнародовали свой фирман¹³⁵. В нем шла речь о введении в практику

¹³⁵ Надо понимать, что здесь имеется в виду не какой-нибудь официальный документ, а устное соглашение, заключенное рядом мастеров между собой. К указанному моменту данный фирман в той или иной форме поддерживали следующие члены различных “мастерских групп”: Альдор, Брайн, Гакхан, Генрик, Глорфиндейл, Денна, Ингвар,

общегородских “черных списков” - листов учета лиц, которым отныне запрещено участвовать в ролевых играх на территории Ленинградской области. Весь наш коллектив оказался зачислен в эти списки, а вместе с нами туда же попали Болгаре.

Нам припомнили все: “жесткость” боев и жестокость по отношению к врагам, нежелание подчиняться унижительным правилам, преступное своеволие, “травку”, поганки и алкоголь. В дело пошли даже расхожие слухи: как мы молимся Сатане, как едим человечину и как пьем по ночам свежую кровь из звонких серебряных кубков. Две трети того, в чем нас обвиняли, оказывалось на поверку чьими-нибудь досужими выдумками, но создатели “черных списков” не принимали такие возражения в расчет.

По мнению авторов фирмана, лиц, внесенных в такие списки, следует не допускать до участия в играх, а в случае самовольного заезда “удалять с полигона силовым путем”. На самом деле это расплывчатое утверждение означало вот что: если мы осмелимся показаться на какой-нибудь игре, то “команда мастерского гнева” вышвырнет нас с неё с помощью пиздюлей!

Авторы фирмана упирали на то, что у них немало сторонников, а вот сочувствующих нам оказалось не так уж и много. Многие из тех, кто, как и мы, был недоволен сложившейся ситуацией, не видели для себя реальных возможностей что-либо изменить. А в “черные списки” эти люди попадать не хотели. Неожиданно мы остались одни: обвиненные во всех мыслимых преступлениях, представленные всеобщими врагами и преданные абсолютной анафеме.

За небольшое время наши враги проделали впечатляющую работу - создали и распространили сонмище чудовищных слухов, напоили сердца людей ядом губительной ненависти, сделали все, чтобы выставить нас перед публикой в самом невыгодном свете. Мы оказались одни против целого мира, но не собирались сдаваться. Напротив, решили преподнести нашим врагам и их приспешникам жестокий урок.

В начале августа печатный орган нашего коллектива (еженедельная листовка “Грибная Правда”¹³⁶) опубликовал статью под названием “Не играйте в наши игры!”. В ней товарищи ясно дали понять, что с этого дня не рекомендуют тем “мастерам”, что додумались до введения “черных списков”, проводить игры в области, в городе и где бы то ни было еще.

Тогда же был опубликован составленный нами за несколько лет (и насчитывающий 128 персон) “список неуподоблюсь” - перечень лиц, которым мы с этого момента объявляли войну безо всякой пощады, до победного конца. Приняв такое решение, мы не собирались останавливаться - до тех пор, покуда на этом фронте не будут достигнуты хоть сколько-нибудь впечатляющие результаты.

Таким образом мы и авторы фирмана предали друг друга взаимной анафеме. Теперь оставалось выяснить, чье проклятие обладает силой, а чье - пустые слова, напрасно сотрясающие воздух. Ставки были сделаны, и игра пошла. К счастью, в ближайшей же партии судьба сыграла за нас, приведя решающий козырь на нашу сторону стола. Вышло это так.

Когда наши друзья приехали на игровой полигон в Шапках, то узнали: помимо ролевиков, местность у озера облюбовали еще какие-то люди. Они плясали на раскаленных углях и запускали в озеро с горы пылающие колеса, почитая солнце так, как чтили его еще во времена древних славян. Кто были эти люди, пускай для вас останется загадкой - кому надо, тот и так все про это знает, а кто не знает - тому и незачем знать. Время набросило на этот случай покров из тяжелых туч, скрывая лица и имена, и не мне бороться с этими облаками.

Приезжие - люди суровые да неприветливые - были как на подбор. Физически развитые, с наголо выбритыми головами, облаченные в удобную, не стесняющую движений одежду. Они не

Крапивница, Лустберг, Мальтино, Мордред, Ника, Олмер, Петечка Фарин, Талмуд, Тайбо, Туор, Черный Дракон, Щорс, Фарамир, Феанор, Федя цыган, Форвен, Халдир, Эрик, Этцель.

¹³⁶ “Грибная Правда” выходила по средам и распространялась на тусовке ролевиков у станции метро “Черная Речка”; редактор - О' Королёва.

производили впечатления людей, которых можно безнаказанно раздражать, но наши оппоненты отнеслись к их визиту чрезвычайно легкомысленно.

Весь день они бродили поодаль, выпятив на приезжих любопытные глазенки. Некоторые приходили, чтобы просто посмотреть, но нашлись и такие, кто принялся злословить по кустам: вот, дескать, понаехали в наш лес хуй знает кто!

Обосновавшимся у озера парням все это быстро надоело. Они прочертили по земле вокруг своей стоянки глубокую борозду и во всеуслышание объявили - тот, кто перейдет эту черту, потом будет долго сожалеть о проявленной глупости. Это заявление имело двоякий результат: ролевики перестали ходить к озеру, зато принялись кучковаться и провожать курсирующие по полигону тройки приезжих злобными взглядами.

К ночи неудовольствие игровой общественности возросло - подобно липкому туману из человеческой ненависти и сплетен, оно поднялось над холмами, скрыло озеро и лес. В некоторых местах туман сгустился сильнее обычного, а под его покровом стали слышны злые, призывающие к беспочвенному насилию голоса. Некоторые, по примеру Гакхана и Красной Шапки, принялись бунтовать, поползли слухи о готовящемся ополчении. Ситуация в лесу напоминала угольный штрек, до половины наполненный горячим газом - так что нашим товарищам оставалось только высечь искру.

Маклауд и Стори отправились к "границе у озера" и вступили с окопавшейся там публикой в переговоры. Причиной этому послужил тот факт, что инициаторами ополчения выступали наши злейшие враги, а народная мудрость гласит: "Враг моего врага - мой друг". Так что нашим товарищам было совсем не трудно определиться, на чьей они стороне.

От лица приезжих проповедовал парень лет двадцати пяти - невысокого роста, жилистый и очень подвижный. Вот что Стори впоследствии рассказывал о впечатлении, оставшемся у него от беседы с этим человеком:

- Вы пойдите к нему сами и послушайте, чего он говорит. А у меня от этих разговоров в голове все перепуталось.

- Это как же так? - удивились наши товарищи. - Ты, наверное, невнимательно слушал. Или ихний военный лидер путано излагает?

- Я бы так не сказал, - возразил Стори. - Ихний военный лидер ясно излагает, можно сказать - тезисно. Как начнет говорить - тут же по всем важным вопросам полное понимание наступает.

- И что же ты из его слов понял?

- Наркоманы мы, - вздохнул Стори, - и живем жизнью неправильной. Но в духовном плане надежда у нас еще есть!

- А по существу? - продолжали допытываться наши друзья. - Хоть до чего-нибудь договорились?

- Договорились, - кивнул Стори. - И сейчас я перед вами эту договоренность освещу.

Если говорить вкратце, суть переговоров сводилась к следующему: знаете ли вы, спросили у приезжих парней Маклауд и Стори, кто все эти люди вокруг вас? Не заметили ли вы в отношении себя некоторой враждебности? Знаете ли, какие ведутся за вашими спинами речи, какие дела замышляются? Лес велик, но зачинщики беспорядков хорошо нам известны - и их не так уж и много. Так что мы могли бы вам на них указать.

- С чего это такая забота? - удивились приезжие. - Вам-то это зачем?

- Хотите знать, зачем это нам? - тут Стори с Маклаудом переглянулись. - Ну так слушайте!

Тут они принялись обстоятельно пересказывать, кто именно входит в готовящееся ополчение, что там за люди и какие за ними есть косяки. Поначалу им не верили, но Стори и Маклауд проповедовали ярко, то и дело взывая к собственному опыту слушателей.

- Вы что, - толковал Стори, - не заметили ничего необычного? Ни ряженных в занавески, ни сектантов, ни колдунов? Или никто не пасся сегодня вокруг вашей стоянки? Мы что - всё это говно сами придумали? Слушайте, чего вам говорят - лес вокруг вас набит вырожденцами,

которые от всей души желают вам зла. А подбивают их на это такие гондоны, что вам и не снилось! Вы такого еще не видели!

Этим вечером было сказано еще немало слов. Но время крадет воспоминания, и теперь трудно вспомнить, кто именно, кому и что говорил. Лишь над оставшимися впечатлениями время не властно. Речи лились, порождая в умах собравшихся образы известнейших “неуподоблюсь”, рисуя картины повседневного быта и лишь краем задевая религиозно-мистические воззрения некоторых особо отличившихся ролевиков. Но хватило и этого. Постепенно недоверие приезжих сменилось брезгливой заинтересованностью, а чуть погодя - отвращением и вполне обоснованной яростью.

- Вот какие существа, - закончил Строри свой рассказ, - обитают в этом лесу. Они считают вас захватчиками, вторгшимися на их землю и...

- На какую такую “их землю”? - перебил Строри один из хозяев стоянки. - Это земля наших предков, а таких уродов, про которых вы толкуете, здесь не было отродясь! Откуда у них земля? Как у тебя язык поворачивается на такие речи?

- Не верите? - рассмеялся Строри. - Добро пожаловать в Средиземье!

- Разве мы не в России? - возмутились собравшиеся. - Или у нас под ногами чужая земля? Они совсем там уже охуели!

Следующим выступал Маклауд, который подробно обрисовал перед собравшимися фактическую диспозицию лагерей и наличие в них классового врага - доступно и точно.

- Ролевиков существенно больше, - резюмировал он свою речь, - но они не организованы для войны. Есть несколько очагов ополчения, но их можно будет с легкостью подавить. Если, конечно, вас все это интересует. Если найдутся желающие!

Были и еще разговоры да пересуды, после которых собравшиеся вынесли такой вердикт:

- Хорошо, - согласились они, - мы выделим пять троек для урегулирования ситуации, а вы проведете их на места. Но вы должны будете и еще кое-что для нас сделать. Слушайте сюда...

Сразу же после полуночи два десятка человек, вооруженных сырыми кольями, скрытно пересекли игровой полигон и вплотную подобралась к стоянке новгородцев. Там скопилось почти сорок человек народу, чтобы послушать вечернюю проповедь небезызвестного волшебника по прозвищу Паук. Того самого, который в начале сезона изрисовал весь Нимедийский холм каббалистическими узорами. Пока друзья ходили на переговоры, Паук подзуживал новгородцев к бунту, умело разжигая ненависть в доверчивых сердцах.

- К озеру уже не пройти, - сгорбившись, цедил Паук, - столько бритых понаехало! Надо что-то делать. Да, надо!

- Вон он, - показал Строри. - Только как нам его выманить?!

И правда - Паук, словно почувствовавший неладное, намертво засел на стоянке у новгородцев, прямо возле самого костра. Он все время озирался по сторонам, близоруко щурясь в окружающую темноту, но с места не сходил, и не похоже, чтобы собирался. Глядя на залитую светом поляну, товарищи принялись обсуждать: как добыть Паука и избежать при этом насилия?

- Что если, - предложил Крейзи, - какая-то женщина выйдет к костру и начнет любезничать с Пауком? Нравственный человек избегнул бы такого соблазна, а вот Паук не устоит. Так ведь?

- Оттащить его за яйца от костра! - обрадовался Маклауд. - Можно...

Исполнить задуманное Крейзи поручил Яне Павловне - девушке, которая частенько появлялась вместе с Альбо и Трейсом. Соблазнительно покачивая бедрами, Яна Павловна вышла из леса и приблизилась к неподвижно сидящему возле костра Пауку. Подойдя вплотную, она присела на корточки и нежно улыбнулась.

- Ты Паук, да? - спросила она, и от звука её голоса Паук весь как-то сразу разомлел: плечи его расслабились, а на лбу выступила испарина. - Можешь мне помочь?

- Что случилось? - еле выдавил из себя Паук, оказавшийся не в силах совладать с неожиданно подступившими чувствами.

Так вышло потому, что Паук не был избалован женским вниманием, его общества избегали даже опустившиеся ролевички. Ему не то что “не давали присунуть”, а даже и близко не подпускали - поэтому Паук томился тяжелой похотью и был на всех злой. Так что теперь он смотрел на Яну Павловну, девушку милую и весьма симпатичную, словно голодный хорек. А тут Яна снова подлила масла в огонь.

- Паук, - быстро зашептала она, приблизив свои губы к самому его уху. - Я видела в лесу, на земле, светящуюся руну. Наверняка это что-то очень важное для меня значит! Мне сказали, что только ты сможешь в этом как следует разобраться. Помоги мне, а уж я была бы тебе так благодарна!

Тут Яна Павловна соблазнительно улыбнулась - так, что Паук очень живо себе представил, как именно она бы его отблагодарила. Подстегиваемый похотью, Паук вскочил, подобрал с земли свой посох, взял Яну Павловну под руку и отправился за ней в лес. Они прошли не больше пятнадцати метров, когда густо стоящие деревья постепенно пригасили свет от костра новгородцев, а их голоса отдалились и стихли в окружающей темноте. Тут Яна Павловна высвободила руку, сделала несколько шагов в сторону и из поля зрения Паука совершенно исчезла.

- Э-э, - неуверенно промямлил Паук, - девушка, где вы?

Тишина была ему ответом. Но в этой тишине Паук вдруг услышал какой-то подозрительный шорох, который он, пожираемый похотью, безосновательно принял за шуршание снимаемой одежды. Раздираемый изнутри эротическими видениями, Паук вытащил зажигалку, чиркнул ею - и тогда вспыхнул слабый, мерцающий свет.

- На помощь! На помощь! - закричал Паук, потому что при свете зажигалки разглядел, что его со всех сторон окружили какие-то сумрачные, совершенно лысые люди.

Но его крик почти сразу же оборвался - кто-то выхватил у Паука из рук его посох и переломил с размаху ему же об голову. Пламя зажигалки потухло, и все скрыла тьма - Паука и всех тех, кто собрался вокруг него. Из-за большого количества желающих поучаствовать в деле возникла сначала давка, а потом драка - каждый норовил подобраться поближе и хоть раз пнуть ненавистного Паука.

После этого случая решено было прогуляться по игровому полигону, повторяя путь солнца и двигаясь с востока на запад, по лесным дорогам и вокруг озера. Так движется по благородному дереву инструмент резчика - следуя рельефу и обходя неровности, минуя одни участки и начисто срезая другие. Мимо мирных стоянок прошли, никого не потревожив. Только мелькнули на границе света и тени чьи-то бесформенные, искаженные темнотой силуэты, да скользнул по расположившимся у костра фигурам цепкий, внимательный взгляд. А в других местах - полных ненависти и вражды - словно сель сошел с близлежащей вершины на расположенный у подножия маленький городок.

Но только одна стоянка дважды за одну ночь попала в этот поток. Это был лагерь Угорта - команды, где правит Радор о' Гиф. Вот что можно сказать про самого Радора в этой истории.

Согласившимся ему служить Радор сказал, будто бы он - красный дракон, а видимое несоответствие между своим внешним видом (сам Радор высокий и толстый) и этим животным никак не объяснил. Вместо этого Радор нарисовал у себя на щите черно-голубое гербовое поле, о котором своих последователей информировал так:

- Голубой цвет - это вода, которая течет в черной подземной пещере, обители красного дракона.

Тут Радор обычно делал многозначительную паузу, а потом спрашивал:

- А красный дракон это кто?

Ему нравилось, когда ученики схватывали все на лету и тут же отвечали:

- Вы, господин!

Ко всему тому, Радор до дрожи ненавидел Маклауда, который повсюду открыто клеймил его содомитом. И хотя Радор всячески открещивался от таких обвинений - осадок остался, а слухи

упали на благодатную почву. Культ личности, навязываемый игровой общественности эмиссарами Угорта, провалился, принесся противоположные ожидаемым результаты. Вместо ожидаемого: “AVE, RADORUS!” только и слышно было, что:

- Претензии к Угорту? Да только одна - сам Радор!

Все это накопилось, словно пар в котле, а сегодняшней ночью крышку у этого котла сорвало. Так бывает всегда, когда слишком усердные кочегары поддают угля, совершенно не глядя на показания манометров. Стрелка уже давно переползла в красный сектор и уперлась в ограничитель, а Радор все продолжал: ненавижу Маклауда, пиздец ему! Тут котел лопнул, и весь пар вышел наружу - было много шума, а кое-кого обожгло. Вышло это так.

- Кто идет? - заорал ночной часовой Угорта, услышав, как какие-то люди приближаются по темноте к самой границе его стоянки.

- Что у вас тут? - послышалось вместо ответа. - Кто такие?

- Угорт, - не о чем не подозревая, ответил часовой.

- Угорт? - донеслось из темноты. - Поехали!

Удар дубиной опрокинул часового, и в следующий момент по поляне будто бы смерч пронесся. Нападающие смяли часовых по периметру поляны и в следующий момент оказались уже возле костра. Тех, кто был на улице, практически сразу же вывели из боя, а остальные даже не успели повыскакивать из палаток. Плохо проснуться посреди ночи в тесном мешке, ощущая на собственном горбу удары тяжелых кольев. Меньше чем за две минуты все было кончено - как в открытом море, когда налетает неожиданный, свирепый шквал. Небо стремительно чернеет, океан вскипает штормовыми бурунами, но проходит несколько минут - и ветер уходит. Снова появляется солнце, пронзительно кричат чайки, а бирюзовая волна треплет, перекатывая, останки потерпевших крушение кораблей.

- Как работают-то, боже мой, - шепнул Маклауду Строри, глядя, как тихо покидают зачищенную стоянку неприметные фигуры в австрийских военных куртках. - Загляденье!

Через пару часов утомленное ночным марафоном войско, прошагав по лесу добрый десяток километров и наведив еще несколько лагерей, вышло к сопкам на дальней стороне озера.

- Ну что, вот и все, - объявил Строри, - стоянки закончились. По домам?

- Погоди, - перебил его Маклауд, показывая рукою в ложбину между холмов. - Вон там как будто что-то виднеется?

- Откуда? - удивился Строри. - Вечером там никого не было. Может, ночью кто встал?

- Не знаю, - ответил Маклауд, оглядываясь на остальных. - Так как, уважаемые - наведем их?

- Взялся плыть, так плыви до самого берега, - высказался Строри. - Пошли!

В этот раз стоянку взяли с налета - с разных сторон ворвались в ложбину и сходу опрокинули часовых. В темноте сразу не разобрались, кто это такие - но когда принялись громить палатки, закрались первые, поначалу робкие подозрения.

- Ты их прикид видел? - уже по дороге домой спросил Строри. К этому моменту друзья уже обогнули озеро, а разрушенный лагерь остался далеко позади. - Похож на Угортовский, и палатки такие же.

- Да они стоят совсем в другом конце леса, - удивился Маклауд. - Не может этого быть!

Оказывается, может. Выбравшись из-под обрушенной палатки, Радор о' Гиф крепко задумался - кто напал? Ничего не зная про другие пострадавшие лагеря, Радор решил - ночные события направлены исключительно против его персоны. Могут ведь и еще раз прийти, подумал Радор - так стоит ли ждать?

- Подъем, подъем, - заорал Радор, поторапливая своих помятых бойцов. - Быстро, меняем место стоянки!

Радор направил своё войско в ложбину между двух холмов, расположенную сразу за озером. Там он несколько успокоился, велел снова разбить лагерь, выставил вокруг дополнительную стражу, выпил водки и отправился спать. Этим он отверг старую военную мудрость, которая гласит: под

артобстрелом не суети, два снаряда в одно и то же место не падают. Радор повел себя подобно тем молодым офицерам, которые сами бросаются из свежей воронки под падающие бомбы, вовлекая остальных солдат в панический, смертоубийственный порыв.

Когда рассвело, наши товарищи взялись за реализацию второй части общего плана. Над полигоном и так уже витали самые тревожные слухи, ночной погром не мог не остаться незамеченным. К имевшим место событиям добавилась целая куча тревожащих сплетен. Невозможно стало отличить, что было на самом деле, а что - ложь паникеров и досужие выдумки.

- Топор пробил палатку прямо возле моей головы, - был один из пострадавших во время ночного рейда. - Совсем рядом в землю вошел! Они прямо по палаткам топорами рубили! Это же пиздец!

- Положили всех! - разорвался другой. - У меня вся спина в синяках, и рука до сих пор не шевелится. Кто это такие?

- Какие-то люди подошли ко мне в темноте, - взхлеб рыдал третий, - чтобы узнать мое имя. Пока я беседовал с одним из них, кто-то поджег мои волосы. Посмотрите теперь на меня! На кого я стал теперь похож? А-а-а!

Зелье слухов бурлило в котле из людских разговоров, но вместе с пузырями на поверхность поднималось теперь больше страха, чем ненависти. Стержень вчерашнего ополчения был переломлен, и вместо него нашим товарищам только предстояло вбить новый. Сделать это поручили Крейзи, который должен был напаять на себя хайратник и плащ, выйти к ролевикам и начать проповедовать идеи ополчения с новым ожесточением и силой.

Местом для этой проповеди была выбрана поляна перед “мастерской стоянкой”. Там и так уже собралась целая уйма народа, на повышенных тонах пересказывающего друг другу события минувшей ночи. Крейзи было нужно только плеснуть немного масла в этот огонь.

- Люди, существа! - возвысил голос Крейзи, выйдя на середину поляны. - Вчера была страшная ночь! Многие пострадали ни за что, честные, благородные люди были унижены и избиты! А кто в этом виноват?

- Эти, - неуверенно отозвались люди в толпе. - У озера, фашисты...

- Правильно, - кивнул Крейзи. - Фашисты у озера! Неужели им можно делать здесь все, чего им только захочется? Пиздить кого угодно? Нас ведь гораздо больше!

- Да, да, - закричали в толпе, но не слишком уверенно. - Гораздо больше!

- Чего же мы ждем? - крикнул Крейзи. - Собирайтесь, шлите гонцов на другие стоянки! Мы выступаем немедленно! Ауре энтулува¹³⁷!

Координировали работу по сбору ополчения Маклауд и Стори, которые через доверенных гонцов поддерживали связь с Крейзи и с основными силами, а также сами мучили народ, говорили:

- Фашисты и нас ночью отпиздили! И мы им этого не простим! Давайте забудем старые обиды и вместе поднимемся на борьбу! Мы же из одного движения, а это - чужаки! Ну так как, идете? Неожиданно на них нападем!

Через полтора часа ополчение было готово - только вот ни Крейзи, ни Стори с Маклаудом не было в рядах этого грозного войска. К этому времени они уже сидели на стоянке у приезжих парней и пили там чай.

- Всё, как уговорились, собрали, сколько могли, - махнул рукой Стори в сторону леса, где укрылись порядки ополчившихся ролевиков. Потом он отогнул рукав афганки и посмотрел на часы. - Через шесть минут они выступают. Примите их здесь, или...

- Встретим здесь, - принял решение военный лидер собравшихся у озера парней, - нечего ноги по лесу бить. Пусть атакуют сами! Начать разминку с оружием!

¹³⁷ Девиз, с которым Хурин Талион сражался и пал в день Пятой Битвы. В переводе с языка синдаров он означает: “День настанет вновь!”. [Дж. Р. Р. Толкиен. “Сильмариллион”]

- Не надо разминку! Лучше спрячьтесь! - взволновался Стори, но к его мнению никто не прислушался.

Когда порядки ополченцев выдвинулись из леса, перед ними предстала угрожающая, тревожная картина. Три десятка бритых налысо парней в бундесверовских куртках упражнялись на поляне с разнообразным инвентарем: мелькали руки, слышался слитный топот синхронно ударяющих о землю ног, хищно блестел на солнце металл отточенных саперных лопаток. Все это двигалось, словно единый организм - сухой окрик инструктора, мгновенная связка из нескольких ударов, разворот на месте и опять - связка, смена позиции, разворот. Движения гипнотизировали единым ритмом завершенности и совершенства, чарующей атмосферой насилия и пугающей красоты.

Примерно с минуту ополченцы наблюдали за происходящим от границы леса, а потом их порядки смешались. Большая часть людей развернулась и скрылась между деревьями, а оставшиеся задержались ненадолго, только чтобы еще раз взглянуть на раскинувшуюся перед ними угрожающую перспективу.

- Что за мышиная возня? Когда они собираются нападать?

- Никогда, - с досадой вздохнул Стори. - Вы их спугнули своею "разминкою"! Надо было меня послушать! Это же ролевики!

В ответ на это Сторин собеседник только рукою махнул.

- Моральная победа тоже идет в зачет, - заявил он. - Не хотят, так и не надо! Кончай разминку, отбой!

- Эх! - произнес Стори, с сожалением глядя в лес. - Ушли! Ну да ничего - будут и ещё ополчения!

Не играйте в наши игры!

"Принц эльфов Феанор вел себя очень плохо – резал соплеменников, богохульствовал и предавал. Но разве из-за этого он перестал быть эльфом?" Elvenpath.

Мы с Бариним вернулись из Йошкар-Олы пятнадцатого августа, вечером в пятницу. Первым делом я думал как следует отдохнуть с дороги и восстановить силы - лежа на кровати в совершенной расслабленности, неподалеку от кастрюли супа и подноса, полного бутербродов. Да не тут-то было.

- В панике жри свой вечерний суп и дуй на вокзал, - крикнул мне в ухо Стори, когда я, выскочив мокрым из ванной, снял трубку надрывающегося телефона. - Форма одежды полевая, штурмовую маску и перчатки иметь обязательно.

- Чего случилось? - спросил я.

- Не знаешь еще ничего? - удивился Стори. - Ну ты и душло! У нас тут война.

- Чего? - удивился я. - С кем?

- Какая разница? - уклончиво ответил Стори. - Приезжай, мы введем тебя в курс дела.

В курс дела меня ввели в электричке, по дороге на станцию Петярви. Товарищи осветили передо мной и Кузьмичом уже известную вам историю с "фирманом", рассказали о произошедшем в Шапках и сообщили вот еще что: сегодня в Петярви должна стартовать игра, которую организаторы решили провести втайне от нас.

Пока мы делились друг с другом историями, поезд, в котором мы ехали, миновал станцию Сосново. Неторопливо уплыла назад бетонная платформа и панорама станционных построек, а потом пейзаж сменился - за окнами снова потянулся лес. А в вагоне тем временем продолжалась оживленная беседа. Егор Панаев по прозвищу Тень рассказывал нам о запутанных обстоятельствах вокруг нашего "приглашения" в Петярви.

- Ты можешь себе представить, что эти пидоры придумали? - возмущался Тень. - Прятать игры!

- Да ну? - удивился Кузьмич. - Это как же?

- А вот как. Еду я нынче утром через Техноложку - и что вижу? Трое ролевиков стоят возле карты и чего-то ждут. И сразу видно по ним - приготовились ехать в лес. Я поближе встал, типа тоже кого-то жду, и давай слушать: о чем они говорят? Помните ту кучку гондонов, что недавно заявляли: “Мы знаем, как сделать игру, на которой точно не будет Грибных”. Так вот - парни собирались как раз на эту игру! Народ туда вывозят партиями и втихаря, причем даже сами эти люди не знают, где находится полигон.

- А кто знает? - спросил Маклауд.

- Какой-то посредник. По ходу, они его и ждали. Пришлось ждать вместе с ними, пока не подошло еще пятеро ролевиков, а потом тащиться на вокзал и садиться вместе с ними в одну электричку. Вышли они в Петярви - там их уже встречали какие-то два кренделя. Похоже, они приставлены, чтобы принимать приезжих и направлять их на полигон. Так что все эти шифровщики ушли в лес, а я на первой же электричке метнулся в город и позвонил вам.

- Где мы их будем искать? - посетовал Стори. - Лес-то большой!

- Ничего, - успокоил его Маклауд. - Вдруг и эту электричку кто-то встречает.

- Ну и что? - усомнился Фери. - Так они нам и расскажут, где полигон.

- Я думаю, расскажут, - закончил прения Маклауд. - Отчего бы не рассказать?

Выскочив из вагона в Петярви, мы тут же принялись старательно оглядываться по сторонам. Электричка, сияя сотней огней, с воем и грохотом стартовала от перрона и скрылась вдалеке, а следом за ней на рельсы незаметно спрыгнул Маклауд. В наступившей относительной темноте мы продолжали свою работу: взгляды блуждали по сторонам, по темной платформе и немногочисленным постройкам вокруг.

Вскоре наше усердие было вознаграждено - мы заметили, как из-за какой-то будки выглядывает две пары настороженных глаз. Из своего укрытия встречающие наблюдали за нами, сияясь определить - те ли мы люди, которых их послали встречать, или вовсе наоборот. Чтобы помочь им решить, мы принялись подпрыгивать на платформе, размахивать руками и призывно кричать. К этому моменту Маклауд определился с целью, достиг будки и принялся обходить её по широкой дуге. Встречающие не заметили этого маневра, так как все их внимание было привлечено к нам.

- Пиплы! - надрывались на платформе друзья. - Кто нас встречает? Где вы? А-а-а!

Но встречать припозднившуюся публику “мастера” направили опытных бойцов - и что-то в нашем поведении, видимо, показалось им подозрительным. Они поглазели на нас еще пару мгновений, а потом скрылись в тени за будкой, растворились в сгущающейся темноте. Но ненадолго.

- А, блядь! Ой-ей! - донеслось оттуда, но почти сразу же стихло.

Спрыгнув с платформы, мы со всех ног побежали к месту происшествия. Там, завернув за угол, мы впервые увидели Ссана и Обоссана. Они сидели на земле, а стоящий рядом Маклауд вкратце объяснял им, кто мы такие и почему нам необходимо узнать дорогу на полигон. Но не все было так просто.

- Не знаем мы ничего, - твердили проводники, словно заведенные.

Ближе к нам сидел полноватый молодчик по прозвищу Сан, чьё имя позднее трансформировалось, приобретя дополнительную “с” и превратившись в звучное - “Ссан”. Имя его товарища нам не запомнилось, и мы вынуждены теперь вспоминать этого человека под кличкой “Обоссан”, которую мы же ему и дали.

- Точно, мы ничего не знаем, - снова загундел Обоссан. - Мы девушку встречали.

- Ну, и как? - с участием спросил Стори. - Встретили?

- Нет, - вынужден был признать Обоссан. - Она не приехала.

- А раз так, - попросил я, - то проводите-ка нас на игровой полигон. Вы ведь специально приставлены, чтобы встречать приезжающих? Так подъем!

Пораженные нашей осведомленностью, Ссан и Обоссан замерли, не в силах выдавить из себя очередную ложь. Они начали подниматься с земли, переглядываясь при этом между собой - Обоссан с некоторой надеждой, а Ссан - с гордой решимостью обреченного.

- Пожалуйста, помогите нам с вещами, - в упор глядя на проводников, попросил Маклауд, - возьмите пару рюкзаков.

При этом он подмигнул своей жене, сопровождавшей нас в этом походе - дескать, не зевай, готовь остальное. Женой у него тогда была Алена Маклауд, которая (благодаря присущей ей насильственной природе) честно заслужила свое место в этой истории.

Это была невысокая рыжеволосая девушка, совершившая в нашей среде настоящую гастрономическую революцию. Почему вы жрете, ровно дикие звери, спрашивала у нас Алена, на что прячетесь от товарищей в лесу, зачем рвете еду друг у друга из пасти? Почему за два дня едите дай бог один раз, отчего не радуете свое сердце застольями да пирами? Почему не закусываете, в конце концов? Всё, что нужно для нормальной жизни, проповедовала Алена - это своевременная продразверстка и несколько домашних рабов.

Согласно этой теории, пойманных в лесу ролевиков следует накапливать у себя на стоянке, приставляя каждого из них к разного рода полезным работам, как-то: земляным, водяным, деревозаготовительным и развлекательно-игровым. Следует создать общий с ролевиками продовольственный фонд, в который ролевики станут складывать свою выпивку и еду - а мы станем её оттуда без счета черпать. Жить мы будем, обещала Алена, как короли - довольно и сыто, кочуя своим лагерем вслед за переходим стойбищем ролевиков. Говорила Алена хорошо, но в её словах сквозила корысть и стремление ко злу, так как она отвергла основное правило: "Добрые дела следует совершать бескорыстно. То же самое касается и злых дел".

Но Алена все равно привнесла в наш налаженный быт существенные изменения. Ей была ведома суровая женская мудрость: колдовство обильного застолья и тайна четырехразового рациона.

- Есть досыта каждый день! - проповедовала Алена. - И не гнилые куски, а вкусную горячую пищу! Кушать яичницу по утрам, пить на завтрак кофе! Вы достойные люди, а живете хуже зверей!

- Я ел яичницу в прошлом году, - мечтательно возразил Строри. - В подлеске возле холма!

- Прячась от остальных, единственный раз за пять лет, - перебила его Алена. - Я же говорю про систематическое питание. А для этого необходимы рабы!

- На кой? - поначалу не воткнулся Фери. - Еда для этого нужна, в первую очередь!

- Не только! - возразила Алена. - А вода, дрова? Я вас знаю - вам ветку с земли поднять западло, работать по хозяйству вы не можете. И если ваш обычай запрещает самим ходить за водой, а на стоянке никого больше нет - как мне быть?

- Сходи сама да попей! - предложил я. - Хуй ли тут непонятного?

С походами за водой действительно был связан любопытный обычай. Если между братьями не оказывалось никого, кого бы они считали ниже себя и могли принудить к такому походу - про чай или приготовление пищи можно было на сегодня забыть. Никто из братьев не согласился бы на подобное унижение, что вполне доказала обширная практика подобных случаев.

Однажды мы два с половиной часа просидели на холме, пререкаясь, кто же отправится к ручью, протекающему у подножья, и желающих не нашлось. Но когда Крейзи предложил: "Давайте возьмем котел, зачерпнем в него воды и выльем на спящего Доброго Голову!" - возражений не последовало. Хотя прикорнул Голова у озера, расположенного в полутора километрах от нашего Холма. Мы сбегали туда и обратно, облили Алекса водой и вернулись на Холм. По пути мы перебрались через два ручья, побывали у озера и вернулись тем же путем - но воды для чая так никто и не набрал.

- А если я хочу еды на всех приготовить, - возмутилась Алена в ответ на мои слова, - а воды нет? А кто за вами посуду помое? Я должна всех обслуживать?

- Помоем посуду? - не поверил я своим ушам. - Ни хуя себе!

С посудой положение обстояло просто ужасно. Мы не мыли её никогда, и поэтому дно в мисках (у кого они были) давно скрылось. Оно потерялось под высохшими до керамического блеска слоями, следами прошлых трапез. Кузьмич иногда, под настроение, делал ножом у себя в миске сколы и комментировал их так:

- Вот это макароны на Артуровке в прошлом году, а вот это - гуляш на Мече и Радуге в позапрошлом. А вон то, видишь, серенькое - это гречка, еще с Темного Мира.

Предложение Алены показалось нам привлекательным, а окончательно убедили нас такие её слова:

- С вашими обычаями вы просто нуждаетесь в рабовладельческом строе, - категорически заявила Алена. - Вам опасно оставаться в лесу одним, вы же со скуки друг друга изуродуете! Кроме того, не будет рабов - не будет и еды. Решайте!

Можно сказать, тогда она нас убедила.

- Авось с рюкзаками не убежите, - поддержала Алена инициативу любимого мужа и показала Ссану и Обоссану на свой и Маклауда рюкзаки. - Вот вам каждому по мешку!

Маклауд имел в то время странную, на наш взгляд, привычку - таскать с собой неподъемный, весом в сорок и более килограммов, рюкзак, набитый разнообразными приспособлениями и едой. Тратить запасы из этого мешка он очень не любил, поэтому часто возвращался в город с еще более тяжелым, непомерно раздувшимся от награбленного добра рюкзаком. Сейчас это сослужило нам хорошую службу.

Мы навесили на Ссана и Обосану этот и еще один рюкзак, принадлежащий Алене. Доложив недостающий груз по справедливости камнями, мы отправились в путь. Скоро станция скрылась между деревьями, а нам под ноги легли километры запутанных ночных дорог. Тут и выяснилось, что Ссан к возложенной на него ранее миссии относится очень серьезно. И намерен скорее погибнуть, нежели вывести нас на полигон.

- Вроде бы сюда, - врал он с почерневшим от натуги лицом, тяжело карабкаясь в очередную гору. - Очень похоже!

Ни угрозы, не пиздюли не помогали, и тогда Фери догнал Ссана и пошел рядом с ним.

- Прикольно их подставили "мастера", - начал рассуждать Фери, обращаясь ко мне прямо через голову нашего проводника. - Все, как нам и говорили!

- Это ты про то хуйло, что нам игру сдал? - на лету подхватил я. - Да?

- Помнишь, как он говорил, - продолжал Фери, при этом громко и очень обидно смеясь, - будто встречать людей отправят двух мудаков? Которые скорее позволят себя на куски изорвать, нежели покажут кому-нибудь пришлому путь к полигону? Дескать - охуенно преданные чуваки!

- А помнишь, он еще говорил, - Строри тоже уловил тон затеваемой беседы, - если Грибные их и схватят, так что? Откупимся малой кровью - и хуй с ними! Сдать Грибным полигон они ни за что не додумаются!

Неторопливая беседа текла, словно равнинная река - изменяясь в мелочах, но всегда оставаясь посреди собственного глубокого русла. Мы шли налегке, ночной путь открывался перед нами километр за километром - и не видно было ему ни конца, ни края. Ссана же порядком утомили тяготы пути с мешком кирпичей за плечами, он спотыкался и тяжело дышал. Но все равно с интересом прислушивался к нашей беседе.

- И это не первый случай! - продолжал нагнетать Строри. - Прошлых двух проводников, которых нам сдали ...

- Постойте! - неожиданно перебил его Ссан, останавливаясь и опуская на землю неподъемный рюкзак. - Подождите!

Лицо его почернело от прилившейся крови, он задыхался от внезапно нахлынувшей ненависти и горькой обиды. Она переполнила его, и тогда Ссан поднял лицо, а губы его отворились и извергли из себя яд:

- Я вспомнил, как идти! - заявил он. - Я проведу!

Он был слаб недостатком веры, а отрава наших слов подточила и окончательно разрушила её. Намерение пожертвовать собой оставило Ссана, а на его место пришла черная злоба и неудержимое желание предавать. Он быстро, исподлобья, бросил взгляд на своего товарища - но тот, менее твердый духом, к измене готов был уже очень давно. Просто не решался выйти вперед и предать первым.

- Я тоже вспомнил, - засуетился Обоссан, заметив этот взгляд. - Это сразу же за рекой!

Примерно через час мы подошли к деревянному мосту через реку. Под ноги упруго легли сырые доски настила, под ними неторопливо журчала черная вода. Но было и еще кое-что, примешивающиеся к равномерному пению речных струй - человеческие голоса. Их звук доносился с противоположного берега.

- “Мастерская стоянка”, - шепнул Ссан. - Ну что, мы свободны?

- Свобода не для предателей, - остановил его Маклауд и повернулся к Строри: - Мишка, кто поползет?

- Ты и Фасимба, - ответил Строри. - А я пока расспрошу наших новых друзей.

Хорошее дело - августовская ночь. Запах прелой хвои и влажных листьев наполняет воздух, между деревьями сыро. Над рекой стелется туман и полчища комарья, но увидеть этого нельзя - в подлеске лежит полная темнота. Двигаться нужно аккуратно, на ощупь, тщательно выбирая место, куда поставить руку, а куда ногу. Тогда можно подобраться очень близко - к самой границе темноты, за которой начинается освещенная пламенем земля.

Пока мы ползали, Строри выяснял у наших проводников общую диспозицию.

- Три палатки, около двенадцати человек - это “мастерская”. Рядом соседи - десять человек, чуть дальше лагерь побольше - человек пятнадцать, - суммировал для нас Строри результаты этого опроса. - Там двое с гитарами, могут сгодиться, если будут нужны менестрели.

- “Мастерская” похожа, - подтвердил я.

- Как действуем? - поинтересовался Маклауд. - Громко, тихо, скрыто, открыто?

- Громко и открыто, - предложил Кузьмич. - Не за тем ли приехали?

- Привет, чуваки, - поздоровалось мы, вываливаясь из лесу на поляну перед костром. Пламя почти не горело, над багровыми углями поднимался столб грязно-белого дыма. Темнота скрывала лица, вместо людей виднелись лишь серые, чуть смазанные силуэты. - Здесь игра?

- А вы кто? - настороженно отозвались обитатели стоянки. - Кто ваши проводники?

Тут мы вытолкнули Ссана вперед, поближе к костру.

- Сан? - удивились собравшиеся. - Сан, кто это?

- Гри... Грибные Эльфы, - промямлил Ссан, - мы их... мы...

- Что вам здесь надо? - донеслись до нас множество возмущенных голосов. - Вас сюда не звали!

- Как же не звали? - ответил я. - Еще как звали! Можно нам присоединиться к вашей игре?

- Невозможно, нельзя, - затараторил чей-то голос, вибрирующий и высокий. - У нас элитарная игра, все вводные требуют длительной подготовки. Можете подать заявки на будущий год...

Тут я уселся на бревно возле костра и задал один давно интересовавший меня вопрос:

- Любезный, как я должен понимать такое ваше высказывание: “Мы сделаем игру, на которой не будет Грибных...”. Для чего вам понадобилось делать подобное заявление?

Секундное затишье было мне ответом. Потом послышался слитный шепот нескольких голосов, и с полминуты они совещались. Сговаривались между собой.

- Людям для игры нужна спокойная обстановка, - наконец ответил обладатель дребезжащего голоса, - вот мы им и пообещали, что Грибных у нас на игре не будет.
- А почему? - как можно более вежливо поинтересовался я. - Как вообще об этом зашел разговор?
- Так все же знают... - мой собеседник на мгновение замешкался, - что вы за люди. И что в Шапках случилось, а до этого в Петярви!
- Мы и сейчас в Петярви, - заметил я. - И что? Ты что, сказал своим игрокам: "Все знают, что за люди эти Грибные. Они хуй знает что устроили в Петярви и в Шапках. Ну их на хуй!". Так?
- Ну, не совсем так, - промямлил мой собеседник. - Но если опустить мат...
- Что же мы такого сделали? - удивился я. - Не подскажешь?
- Тут в беседу вступил новый голос, до этого молчавший. В нем сквозили нотки справедливого гнева, но подмешивалось и еще кое-что - пафосное, гнилое.
- Вы крепость подожгли! Повесили человека! - заявил он. - Все время ходите нажратые, задеваете всех! Постоянно материтесь! Вещи воруете, торчите...
- Погоди, погоди, - перебил его я, - не спеши так! Подожги, повесили, воруете, торчите... Что из этого случилось с тобой? Когда тебя вешали, когда жгли, что у тебя украли? Или, может, это произошло с кем-то из твоих друзей?
- Нет, но...
- Но ты же знаешь, что мы торчим? - дружелюбно спросил я.
- Знаю! - мой собеседник сказал, как плюнул. - Торчите!
- А на чем? - продолжал выяснять я, но тут спокойствие голоса мне изменило. - С кем из нас ты торчал, сука - на чем и где?
- Ни с кем я не торчал... - смутился мой оппонент.
- Тогда откуда ты про все знаешь? - заорал я. - Чужое вранье пересказываешь?
- Я встал и подошел вплотную к своему собеседнику.
- Мы с тобой знакомы? Вижу, что нет. И в то же время ты уверенно заявляешь: "Грибные Эльфы воруют и торчат!" Выходит - ты пиздобол?
- Тут я набрал в легкие побольше воздуха и обратился уже ко всем собравшимся:
- Вы повинны в сплетничестве и хуле! В пиздобольстве! Любой человек имеет право спросить с вас за такие речи!
- Я выждал пару секунд а потом продолжал:
- Но мы согласны поставить на кон это право и в случае проигрыша немедленно уехать с вашей сраной игры! Так и будет, если вы не присыте и ответите на нашу ставку! Предлагаем простую логическую игру, двенадцать партий подряд. Вас самих здесь как раз столько, и вы сыграете шесть партий со мной, а шесть с ним, - тут я показал пальцем на Стори. - По партии каждый. Если выиграете ХОТЯ БЫ ОДНУ - мы уезжаем, а вы нам ничего не должны!
- А если нет? - спросил один из голосов.
- Если вы просрете ВСЕ двенадцать партий ПОДРЯД, то каждый из вас должен будет сыграть еще по одной партии. Но теперь ставкой будет одно желание - тот, кто выиграл, загадает его тому, кто проиграл. И проигравший обязан будет его исполнить.
- То есть, - поинтересовался кто-то, - мы будем играть на желание ТОЛЬКО ЕСЛИ ПРОИГРАЕМ все двенадцать партий? До этого момента мы ничего не должны?
- Сыграть двенадцать партий, если хотите, чтобы мы уехали! - ответил Стори. - И выиграть из них хотя бы одну.
- Я не понял насчет желаний? - спросил один из сидящих у костра парней. - Что за желания?
- Блин, - развел руками я, - ты в детстве на желания не играл? Крикнуть совой, проползти на четвереньках, чего тебе еще?
- Ну ладно, это понятно, - снова раздался вибрирующий голос. - А что за игра?

- Очень простая, - начал объяснять я, показывая расстановку фигур прямо на земле, перед самым костром.

- Называется она “шишки”. На землю кладут пять рядов по пять шишек - всего двадцать пять. Они располагаются в горизонтальных рядах, образующих квадрат, а играющие садятся возле этого квадрата, напротив друг друга. Один из игроков делает ход, во время которого может взять от одной до пяти шишек из любого одного горизонтального ряда. Он может брать шишки в любой последовательности (например, одну из середины, три подряд или весь ряд) - но должен забрать хотя бы одну за каждый свой ход. И он не может брать за один ход из разных рядов. Затем ход переходит к его противнику, и так они чередуются - покуда кто-то из них не оставит оппонента перед одной, последней шишкой. В этой игре кому останется последняя шишка, тот и проиграл.

- Ну, не знаю, - послышался чей-то голос, а другой добавил: - Это все как-то странно!

- Это простая математическая задача, - загундел еще один голос. - Тут важно считать шишки и ряды. Блин, у нас будет двенадцать партий, чтобы во всем разобраться! А чтобы выиграть у каждого из нас по желанию, им потребуется не менее двадцати четырех партий! Жулить в такую игру просто нереально!

- Ну ладно, - снова взял слово дребезжащий, - тогда мы согласны. Но мы требуем минимум две предварительных партии без ставок и гарантии того, что вы уедете восвояси!

- Игровой долг свят, - ответил я. - Если мы проиграем - мы уедем, даем тебе наше слово. Но и вы должны ответить нам тем же! Чтобы победить вас, нам нужно выиграть двенадцать партий подряд, вам - всего одну. Но если вы все же проиграете, каждый из вас должен будет снова сыграть с Мастером Игры. Сыграть на одно желание. Согласны?

- Да, да... согласны... ага, - ответили голоса, а потом дребезжащий голос подтвердил за всех: - Мы согласны!

- Быть посему, - кивнул я. - Начнем игру!

Первую пристрелочную партию я выиграл, а вторую - слил. А потом мы вместе со Строри, моим наставником в искусстве этой игры, быстренько отжали в свою пользу все двенадцать партий подряд. Получилось так потому, что нам известно тайное мастерство игры в “шишки”.

Некоторые невежи думают, что оно заключается в знании несложного математического алгоритма. Будто бы, следуя этой системе, Мастер Игры может с первого же хода вовлечь своего противника в ситуацию гибельной предопределенности. Тогда, как бы человек не играл - последняя шишка все равно достанется ему.

Такие люди забывают, что подлинный мастер обязан набросить покров на применение этого алгоритма. Иначе наблюдающие за игрой, а то и сам игрок, смогут подметить определенные последовательности и в своем понимании приблизиться к Мастеру Игры. Допускать этого ни в коем случае нельзя.

Поэтому вместо сияющей алгоритмической простоты во время партии то и дело приходится совершать бесполезные, а подчас и просто опасные ходы. Необходимо балансировать ситуацией, перехватывая инициативу в последний момент, да еще и отвлекать противника разговорами. Моя любимая присказка такая:

- Шишки - это ассоциативная игра. Все фигуры в ней располагаются в определенных зрительных последовательностях, выигрышные комбинации опытному глазу легко видны. Все расклады на что-то похожи. Заберут все шишки из середины квадрата - как будто окно прорезали, оставят вместе два ряда - получатся рельсы. Вот, смотри - тебе двойные рельсы, чувак!

У Стори под это дело другая пластинка.

- Математическая игра, - убежденно толковал он. - Тут нужно считать. Сейчас шишек пятнадцать, а до этого было больше на две. Это будет семнадцать, нечетное. Я взял перед этим три - это будет четное, двадцать. Так... Четное двадцать больше нечетного пятнадцати ровно на пять... Это опять нечетное. Сколько же взять?

Под эти и другие мотивы мы разыграли еще двенадцать партий, теперь уже на желания.

- Вы проиграли! - громко объявил я, когда все было кончено. - Но мы хотим дать вам возможность отыгаться! Слушайте наше желание: вы должны сыграть еще по одной партии, а ставкой теперь будут по два желания с каждой стороны! Выиграйте и освободитесь от своего долга! Те, кто играют хорошо, могут попробовать отыграть друзей!

При правильном подходе партия в шишки не отнимет у вас много времени. Два Мастера Игры, разложив перед собой по шесть наборов фигур, способны закончить сеанс одновременной игры за несколько минут.

- Вдвое или ничего! - выкрикнул Стори, когда мы снова выиграли. - Два проигранных против новых двух!

Мы еще дважды повышали ставки, после чего каждый из обитателей поляны остался должен нам по шестнадцать желаний.

- Ну все, - устало произнес Стори, сгребая все шишки в одну кучу. - Сворачивайся, Петрович.

Я кивнул, бросил свои шишки и огляделся по сторонам.

- Долг свят! - крикнул я. - Добро пожаловать в рабство, господи!

Через полчаса после завершения игры, когда утих шум и смолкли возмущенные крики, мы оказались хозяевами целого палаточного лагеря и двенадцати рабов. Часть из них, показавшихся нам наименее глумотворными, мы направили на хозяйственные работы под присмотром Алены Маклауд. Им поручалось обеспечить наш лагерь бревнами и водой, а также выполнять другие подобные поручения. Вторую половину, опознав в них зачинщиков всего этого безобразия, мы рассадили на опиленные на высоте полутора метров деревянные столбы. Так, решили мы, они все время будут на виду - до тех пор, пока не понадобятся. Сторожить их отрядили доверенного слугу Маклауда по прозвищу Жертва, который сам по себе заслуживает отдельного упоминания.

Среднего роста и комплекции, Жертва прошел трудный и в то же время впечатляющий путь. В возрасте примерно шестнадцати лет он повстречал на своем жизненном пути Маклауда и принял решение поступить к нему в адъютанты. Неизвестно, что его на это подвигло, но к делу он отнесся чрезвычайно серьезно. Каждый день около половины седьмого утра он приходил домой к Алене, где жил тогда Мак, тихо стучался в дверь и тут же принимался за утреннюю порцию самой черной работы. Он дочиста пидорасил полы, мыл посуду, выносил мусор, стирал - а потом до блеска начищал принадлежащие Алене и Маклауду берцы. На этом известная мне утренняя работа Жертвы заканчивалась, так что он утирал украдкой вспотевший лоб и принимался за остальную.

Я сам неоднократно был свидетелем такой картины - в те дни, когда меня приглашали отобедать дома у Маклауда и Алены. Представьте себе уютную маленькую кухню, где чарующий аромат бульона поднимается над суповыми тарелками, призывно манящими кусками картошки и горячего мяса. За ними следом - словно придворный франт на сказочном балу - на столе появляется пылающее блюдо с фаршированной курицей. Течет неторопливая беседа, разлитую по бокалам "Запеканку" сменяет водка в запотевшем графине.

Разумеется, она не сама на стол прыгает. Все это время Жертва, перекинув через руку чистое полотенце, служит за столом, понукаемый суровыми окриками Маклаудовской жены. Такое его прозвище связано вот с чем.

По настоянию Алены, за свой тяжкий труд Жертва получал только одну награду - ужаснейшие пиздюли. За каждую его оплошность, пусть и небольшую, Маклауд избивал его великим множеством способов, а также лупил просто так, в чисто дисциплинарных целях. Так вышло потому, что Маклауд никогда не отказывал своей жене, по крайней мере, если она просила его кого-нибудь отпиздить. Об этом даже стихи сложены:

*Маклауд, меч подняв, вскричал извне -
"Ты яйца подкатил к моей жене!"
И не услышав слова оправданья,
Кого-то превращает в ком страданья!*

Так что за день Жертве перепало пизды примерно десять - пятнадцать раз, причем всамделишной пизды, без всяких поблажек. Все это Жертва переносил с величайшим терпением, полагая где-то внутри себя, что проходит под руководством Маклауда суровую школу жизни, и постепенно внутренне все более ожесточаясь.

Алена этим умело воспользовалась. Она подчинила недалекого Жертву собственной воле, растлив его разум историями о жестокости и насилии над людьми. За небольшое время она превратила Жертву в злобное и запуганное существо, испытывающее склонность к садизму. По большим праздникам Алена вознаграждала Жертву, отдавая под его начало нескольких трэлей¹³⁸ - и тогда даже опытным воинам делалось страшно. Маленькие злые глазки Жертвы наливались в такие моменты дурной кровью, его начинало трясти. Скрюченные пальцы тянулись к пленным, и не было для человека худшей доли, чем испытать на себе прикосновение этих рук, превыше всего алчущих чужой боли и унижения. Вооружившись пневматической винтовкой с приделанным к ней игольчатым штыком, Жертва принялся стеречь пленных - ревниво и с огромным усердием.

Мы облюбовали для себя одну из палаток, куда приказали сложить все имеющиеся на стоянке теплые вещи - целую гору спальников и одеял. За это время трэли разожгли огромный костер и приготовили возле него удобные сидения. Расположившись на них, мы с удовольствием наблюдали, как, пуская пар и побулькивая, закипает в котлах речная вода. Тут-то мы и заметили, что Ссан и Обоссан, которым за предательство было обещано освобождение от тяжелой работы,

¹³⁸ Трэлль (норв.) - раб.

воспользовались моментом и скрылись со стоянки. Им поручали наполнить из реки котлы - и что же? Котлы были наполнены, но наших проводников и след простыл.

Бросив все на свете, мы с Маклаудом отправились их искать. Трудное и почти безнадежное дело - искать прячущегося человека ночью в августовском лесу. Без собак эта задача почти всегда обречена на провал. Но оказалось, что на Ссана и Обоссана это правило не распространяется. Они очень старались - и сумели вытянуть из целой колоды единственный хуевый билет.

Через сорок минут бессистемных поисков мы услышали доносящийся спереди отзвук приглушенных голосов. Это было в полутора километрах от нашей стоянки, чуть ниже по течению реки. Все это время мы, словно дикие звери, крались в полной темноте, прислушиваясь к каждому шороху. Теперь же, подобравшись поближе, мы сделали рывок - и накрыли Ссана и Обоссана прячущимися в неглубокой яме. Чтобы избежать скуки, они поддерживали друг с другом оживленную беседу, не считая необходимым понизить голос хотя бы до уровня шепота.

Вернув проводников и поместив их под бдительный присмотр Жертвы, мы отправились на подразверстку. Заодно мы рассчитывали прицениться к менестрелям, про которых толковали проводники. Из этого похода мне больше всего запомнился вот какой случай.

- Как они могут такое требовать? - всю дорогу накручивал Строри себя и нас. - Продовольственные взносы¹³⁹! Пускай попробуют это на себе! Привыкли, суки, отбирать чужую еду!

Я внимал ему, по ходу дела заливая в себя водку. Постепенно несправедливость и мелочное крохоборство наших оппонентов предстали передо мною в чрезмерно раздутом, тревожащем свете. "Ого-го, блядь!" - как будто закричал кто-то внутри меня, просыпаясь и принимаясь оживленно ворочаться.

Когда я еще только начинал пить, я иногда задумывался - не совесть ли это шевелится там, у меня в глубине? Оказалось, что нет. Совесть - это трезвый человек с похмелья, с ужасом вспоминающий про вчерашние приключения. Это нечто визжащее, совершенно неспособное вмешиваться в поступки. А внутри человека, выпившего водки, ничему подобному места нет.

Выйдя на очередную стоянку, мы увидели, что палатки поставлены с одной стороны поляны, а вся публика уселась поодаль, возле большого костра. Тогда, вооружившись здоровенным мешком и длинным ножом, я принялся резать эти палатки и вытряхивать из них рюкзаки. Их я бросал на землю и тут же потрошил - вспарывая им брюхо ножом и под одобрительные возгласы братьев вытряхивая оттуда целую кучу разнообразной еды.

Здесь была тушенка говяжья и свиная, сгущенное молоко "простое" и "с какао и сахаром", несколько палок колбасы и целая куча разнообразной сдобы. Это не считая крупы, макарон и прочей съедобной мелочи. Под конец я - ко всеобщему ликованию - вытащил на свет две литровые бутылки водки. Любовно обернув их какими-то тряпками, я спрятал эти бутылки поглубже в приятно округлившийся и заметно потяжелевший мешок.

Люди у костра, самонадеянно полагавшие себя хозяевами всех этих вещей, поначалу даже не заметили нашего присутствия. Но когда братья увидели водку, они принялись так радоваться и кричать, что обитатели стоянки враз переполошились. Они повскакивали со своих мест и направили в нашу сторону лучи нескольких крошечных фонарей. В их неверном свете перед ними предстала устрашающая картина.

Вместо палаток на подпорках болтались теперь рваные остовы, в желтом свете хорошо видны были свободно свисающие куски ткани. Между палатками все было завалено распоротыми рюкзаками, а какой-то человек в шинели и штурмовой маске орудовал здоровенным ножом, сидя на корточках возле одного из них. Неподалеку стоял огромный, раздувшийся от награбленного

¹³⁹ Продовольственные взносы - это когда с игрока берут обязательство отдать мастерам часть, а то и всю привезенную еду.

мешок. В него, прямо на глазах у бывших хозяев, словно сами по себе прыгали консервы и водка, сгущенка и сдоба, макароны и крупа.

- Продовольственные взносы! - орал я. - Сдайте продовольственные взносы!

Не выдержав этого зрелища, один из обитателей стоянки отбросил в сторону гитару, на которой до этого музицировал, и бросился на меня. Я меланхолично наблюдал, как он приближается, опережаемый собственным криком:

- Мой рюкзак! Стой, сука, ну что же ты делаешь!

Подбежав ближе, менестрель занес руку для удара - но я не особенно беспокоился на его счет. Не добежав до меня примерно полутора метров, он словно зацепился за что-то верхней третью своего тела. Ноги его все еще продолжали двигаться вперед, а вот голова и плечи остановились. Из-за этого менестрель потерял равновесие, нелепо взмахнул руками и шумно запрокинулся на спину. Та вышло потому, что какой-то ловкач, выступив из темноты, накинул бегущему менестрелю удавку на шею и с силой рванул концы веревки назад.

За что я люблю ролевые игры - так это за праздники посреди захваченных деревушек. Они получаются особенно хороши, когда удастся взять в плен кого-нибудь из местных селян. Двадцатый век стер различия между хорошими и плохими людьми, общественная мораль все перевернула с ног на голову. Но лес и темнота умеют живо расставить все по своим местам. В современном обществе под хорошим человеком неизвестно что понимается, а в лесу да в темноте все сразу становится ясно. Там хорошие люди сразу же берут всю власть и начинают править плохими людьми.

Когда все было готово, объявили большой, праздничный Круг Игр. Он был посвящен официальному присоединению к нашему коллективу Дональда Маклауда и его жены - отвергших ради жизни иной трезвость, воздержание от наркотиков и службу у Морадана. На их примере я убедился, что даже попы иногда говорят правду - дескать, водку и наркотики изобрел Сатана. Минуло не так уж много времени, и из воина Христова Маклауд превратился в такого лютото нехристя, что даже опытные безбожники удивлялись.

Из посвященного этому событию Круга Игр мое сердце до сих пор ласкает вот какой случай. Под сопливое, протяжное пение менестреля в круг света вытолкнули обоих беглых предателей - Ссана и Обоссана. Плач по Боромиру лился над поляной, тревожные ноты взлетали вверх - но бывшие проводники его совершенно не слушали.

Через Рохан, по болотам и полям -

Где растет трава, как серебро.

Мчится ветер, приносящий лишь печаль,

Мчится ветер, отвергающий добро.

Не слушали потому, что были заняты - должны были по очереди бить друг другу крепких "лосей"¹⁴⁰. Но они с самого начала принялись филонить - бить вполсилы, уворачиваться и юлить. Тогда Фери встал и вышел в круг света.

- Встань в позицию, - сурово велел он Обоссану, только что намеренно задержавшему свой удар. - Я покажу тебе, как надо бить!

Несколько нервничая, Обоссан прижал руки ко лбу, уперся ногами и зажмурился изо всех сил.

- Так, - пробормотал Фери. Несколько ослонев от выпитого и съеденного, он был не в силах должным образом сосредоточиться. - Сейчас...

¹⁴⁰ Для тех, кто почему-то не знает, как бьют "лосей" - объясняю. Человек складывает руки открытыми ладонями одна поверх другой и прижимает их ко лбу, что должно напомнить нам про лосиные рога. После этого кто хочет - подходит к этому человеку и бьет (по этим рукам) изо всей силы.

Фери размахнулся, шагнул вперед и со всей силы залепил Обоссану кулаком. Видно было, что хоть Фери и целился по ладоням, но попал значительно ниже, в переносицу. Удар был хороший, Обоссана этим ударом враз опрокинуло с копыт.

- Ура! - закричали мы. - Фери, еще! Еще!

На основании этого Маклауд впоследствии разработал собственный оригинальный прием - "ложный удар в душу". Выполняется этот прием так.

- Выдержишь удар в душу? - спрашивают человека строго определенного типа, обычно лжевоеннослужащего, которых на ролевых играх полным-полно.

Такие люди не в курсе, что настоящие военнослужащие уже получили "в душу" у себя в части и лупцевать себя снова не дадут. Так что если кто-нибудь соглашается попробовать, то ему делают следующее предложение:

- С закрытыми глазами! Ну что, ссышь? - а если он все еще сомневается, то добавляют. - Сначала я бью, а потом ты!

- Давай, - отвечает человек, а потом закрывает глаза и встает, приготовившись выдержать жестокий удар в область грудины. Именно там, по мнению наших военных, у человека располагается его душа. Тут-то ему и бьют изо всей силы в шнопок, навсегда отучая от совершения подобных глупостей.

Пока мы развлекались подобным образом, утро вступило в свои права, а на рассветное небо выкатилось юное солнце. Его свет менял все, к чему прикасался - с лесного чертога исчез полог темноты, расцвели в улыбках сумрачные лица, зловещая тишина сменилась звонкими трелями проснувшихся птиц. Выйдя на мост, я уселся на самый краешек, пристально наблюдая, как проносятся прямо у моих ног призрачные, невесомые речные струи. Звук бегущей воды зачаровывал, постепенно унося с собою все переживания минувшей ночи - оставляя нетронутыми только легкую усталость да спокойную радость содеянного. Мне стало так хорошо, что я надолго запомнил это утро - тихое пение струй и первые лучи солнца, косо падающие на деревянный настил.

В погоне за Оукеншильдом (часть 1) - Богородичные ниндзя.

"Подонки - как урановая руда. Если не знаешь, как выглядит - ни за что не отличишь". Курсы Молодого Подонка.

- Алло, Джонни? - голос Панаева ворвался из трубки прямо ко мне в голову, разбудив мысли и стряхнув оцепенение недавнего сна. - Есть сигнал - богородичные ниндзя засветились в районе Каннельярви!

- А? - мое сознание не сразу справилось с предложенной формулировкой. - Кто?

- Торин Оукеншильд, - терпеливо продолжил Тень. - Он устраивает в Каннельярви Толкиеновский Фестиваль. Досадно будет, если мы на этом мероприятии не побываем.

- Оукеншильд! - услышав это имя, я враз проснулся и мгновенно скатился с кровати.

Мозг еще не полностью ухватил окружающую действительность, но руки уже так и летали - напяливали штаны, прикуривали сигарету и шарили за кроватью в поисках недопитой с вечера бутылки "Милона". Господь мой злой, думал я, наконец-то ты отвернул своё лицо от меня и повернул его к Оукеншильду! Как же долго мы этого ждали!

Торин Оукеншильд числился в наших списках достаточно давно, хотя вживую мы его еще ни разу не видели. Он прославился в Питере тем, что организовал средних размеров секту, ориентированную на изучение искусства "ниндзютсу". Не имея при этом о самом "ниндзютсу" ни малейшего представления. Я не взялся бы, правда, утверждать, будто бы я сам его имею, или что

подобным опытом обладает кто-либо из моих друзей. Всю свою критику Оукеншильдковского мастерства мы основывали исключительно на следующем утверждении: “Искусство ниндзя и Торин Оукеншильд - вещи несовместимые”.

Как показало время, мы оказались правы. Каждый из вас наверняка видел фильмы про ниндзя, из которых легко можно понять: будь это снято про Торины и его людей, мы бы уже очень давно были бы мертвы.

На тот момент Торины служило что-то около двадцати человек. По его приказу они пошили себе робы из старых мешков, замотали лица отрезами черной материи и вооружились деревянными катанами и мечами “шото”. Два раза в неделю они собирались во дворе у Оукеншильда, где рос раскидистый вяз, и садились в кружок возле этого дерева.

Тогда из парадной к ним выходил аналогичным образом одетый и снаряженный Оукеншильд. Он забирался на горизонтально растущий сук и принимался расхаживать взад-вперед - словно сказочный кот. Разгуливая по суку, Торин размахивал мечом “шото” и рассуждал на две особенно занимавшие его темы. Первой из них было мастерство ниндзя, которому Оукеншильд обучал остальных, и из-за которого с его последователями даже в городе приключались немалые беды.

Например, Оукеншильд требовал от своих учеников, чтобы они сдали своеобразный зачет. Спрятались в дневное время на переполненной людьми троллейбусной остановке. В предложенной Оукеншильдом одежде (в робе из мешка и с лицом, замотанным черным) это было бы непросто проделать даже настоящему ниндзя, не то что слабосильным Ториновским ученикам.

Кроме того, Торины нравилось выводить своё войско на улицу по ночам. На корточках, гусиным шагом (которым передвигаются, по мнению Торины, настоящие ниндзя) они преследовали по ночным улицам припозднившихся прохожих. Крались за ними, судорожно сжав в поднятых над головами руках замотанные изолентой рукоятки своих мечей.

Попробуйте представить себе такую картину. Вы пиздуете с вечерней смены - и вдруг слышите за спиной дробный топот множества ног. Оборачиваетесь и замечаете всех этих помоечных воинов-шпионов - ряженных в мешки из-под картошки, с деревянными мечами в руках. Построившись клином, их войско движется в вашем направлении. Тут даже у решительного человека может наступить краткий миг замешательства. Появляются сомнения в достоверности происходящего.

К счастью, в Питере страх перед ниндзя не так уж велик. Поэтому зрелище, которое три века назад могло бы парализовать ужасом кого-нибудь из окинавских крестьян, сейчас вызывает у горожан лишь удивление и насмешки. А подчас и не только - несколько раз Торин и его войско были избиты возмущенными прохожими из числа тех, кому претит все чуждое и непонятное. Дважды их забирали наряды милиции - заметив, как пара десятков ниндзя “скрытно” охотится за ночными прохожими. Но это еще не все.

Много размышляя, Торин постепенно пришел к мысли о собственной святости. Он утверждал, будто бы ему являлась Богоматерь, которая выступила перед ним с “назидаловом” и поручила Торины заботу о душах учеников. Но ни одна церковнопризнанная Богоматерь (ни Тульская, ни Казанская, равно как и никакая другая) такой очевидной ошибки ни за что бы не допустила. Поэтому я полагаю, что Торины являлась его собственная, Оукеншильдовская Богоматерь.

Намалевав несколько самописных икон с изображением этой персоны, Торин принялся ожесточенно проповедовать, в одном корыте смешивая обе реальности (христианскую и ту, где принято прятать лицо под отрезами черного полотна). Поначалу мы не знали - как относиться к столь чудовищной ереси? Считать Торины христианином - или же засчитать ему глумление над святынями церкви и записать его в вечное воинство Сатаны? Стоило бы, ведь Богоматерь Оукеншильдовская щеголяла на иконах в головном платке ниндзя, а в руках, вместо младенца Иисуса держала меч “шото” и несколько сюрикенов.

Обдумав все хорошенько, мы решили: Торин Оукеншильд - внеконфессиональный урод, одинаково противный и Аду, и Небесам. Ни секунды не сомневаюсь, что Церковь расправилась бы с ним еще похлеще нашего - но уж так получилось, что мы первые встали на его след.

- Так где именно в Каннельярви? - решил уточнить я. - Это уже известно?
- Нет, - признался Панаев. - Придется искать. У них заезд в среду вечером, можно прокатиться ограниченным контингентом и все предварительно рассмотреть.
- А сегодня какой день? - встрепенулся я. - А?
- Двадцатое августа, среда, - констатировал Панаев. - Самое время!

Мы выехали в сторону Каннельярви вчетвером, на одной из последних электричек. С нами за компанию поехали две наших знакомых - Морвен и Белка, а кроме них мы взяли с собой немного конопли и полтора литра водки. В середине ночи мы прибыли на игровой полигон посреди старого карьера, осмотрелись - но не обнаружили и следа Оукеншильда.

- Хм, - задумчиво произнес я, глядя с холма на панораму раскинувшихся в темноте песчаных дюн и каменных россыпей. - Утро вечера мудренее!

Закопавшись в песок, мы скоротали ночь, а когда новый день вступил в свои права - принялись обшаривать карьер и его окрестности. Постепенно мы расширяли круг наших поисков, прочесали лесополосу и прибрежную зону обоих озер - но ничего не обнаружили. Тогда мы вышли к пролегающей по самому краю карьера одноколейке, уселись на груду старых шпал и принялись ждать.

Минуло с полчаса, и груженный песком состав, кутаясь в долгий шлейф желтой пыли, с грохотом появился из-за поворота и пошел мимо нас. Вскочив со своих мест, мы бегом поравнялись с последним вагоном, зацепились за борта и полезли наверх. Несколько секунд - и мы уже катились, оседлав гору движущегося песка.

Одноколейка идет вдоль карьера, огибает обширное садоводство и уже возле станции объединяется с главной веткой. Не доезжая до этого места километров трех, мы спрыгнули с подкидыша и вновь принялись за поиски. Мы рассчитывали узнать что-либо у жителей садоводства: не видел ли кто-нибудь странно одетых людей, не проходили ли мимо садовых домиков непонятные люди с мечами? Селяне не раз предоставляли нам бесценную информацию.

Но сегодня жители садоводства лишь недоуменно качали головами в ответ на все наши расспросы. Тени удлинялись, солнце стремительно путешествовало по небу, а нам все никак не удавалось встать на правильный след. Когда небо стало багровым, а между деревьями появились знаки приближающихся сумерек, Морвен и Белка от дальнейших поисков отказались. Неудивительно - с прошлой ночи у нас в желудках плескалась только вчерашняя водка да сегодняшняя озерная вода, а ноги гудели от усталости и долгой ходьбы. Неопределенность подавляла, и на очередном повороте проселочной дороги Морвен не выдержала:

- В пизду этого Оукеншильда! Домой хочу!

Её поддержала Белка:

- Да уж, хватит на сегодня беготни!

Тогда мы развернулись и пошли в сторону станции. Морвен и Белка - чтобы сесть на электричку и отправиться домой, а мы с Панаевым - в надежде ограбить продуктовый ларек и с новыми силами взяться за поиски. Мы не хотели уезжать ни с чем, как будто бы знали - в таком случае Торин спокойно и счастливо проведет свой ебанный фестиваль. Мы преодолели усталость и не отступили, благодаря чему у Оукеншильда трясутся руки, едва ему только напомнят об этом случае.

Посадив девчонок на электричку, мы уселись передохнуть на установленные прямо посреди платформы деревянные скамьи. Сил почти не осталось, от усталости и недостатка алкоголя меня начало мутить. Тут Панаев, бессмысленно вылупившийся на бетонный столб, подпирающий крышу платформы, вдруг с усилием рассмеялся и вытянул руку в том направлении.

- Смотри, - едва шевеля губами прошептал он. - Бумага...

Я поднял взгляд, но мозг работал плохо - я не сразу сфокусировался и обрел понимание. Но постепенно появились четкость и объем, листок на столбе стал как будто ближе - и до меня дошло

содержание объявления. Этот лист бумаги, криво приклеенный на серый бетон, стал для меня подобен огню в ладонях у Прометея. Словно ты идешь вечером по городу мертвецов и вдруг видишь ангела, протягивающего тебе сверкающий билет на корабль надежды. На листке значилось: “Второй Толкиеновский Фестиваль Торина Оукеншильда...”, а ниже было подробно объяснено, как попасть на этот фестиваль.

- Достаточно глубокие мистики, - заявил тогда Панаев, - способны встать на правильный путь даже в полной темноте.

- Да уж, - согласился с ним я. - На ощупь бьют эльфийские стрелки. Встали, пошли!

Через полтора часа, разжившись кое-какой снедью и изрядно повеселев, мы с Панаевым оседлали вершину горы Недоступной. Это самая высокая точка во всей Ленинградской области, днем здесь ведется промышленная выработка песка. Но сейчас, когда звезды раскинулись над горой, мы почти затерялись посреди безликих отвалов породы и темных остовов карьерных экскаваторов. По небу катилась огромная луна, в её призрачном свете только и было видно, что раскинувшееся вокруг Недоступной безбрежное море деревьев. Единственной светлой каплей в этом море была поверхность озера Исток¹⁴¹, тонким росчерком серебрящаяся возле самого горизонта. На его берегах Торин задумал устроить свой фестиваль.

Обрушивая вниз целые потоки песка, мы спустились с горы и двинулись в сторону озера. Местность вокруг Недоступной пересеченная, изрезанная множеством ненужных на первый взгляд дорог. Сказывается близость военного полигона - земля иссечена траками, а вода несет вкус и запах железа. Почти час мы бродили по этому лабиринту, покуда не вышли к берегам Истока.

- Вон костер, - показал рукою Панаев, как только мы перевалили через очередную пологую грядку. - Видишь?

Местность впереди понижалась - костер горел за ложбинкой, на следующем холме.

- Пошли знакомиться, - предложил я. - Подадим заявки на участие в фестивале!

Торин разбил лагерь на обширной поляне. Еще издалека мы заметили, как колышется возле пламени его массивная туша. Но больше на стоянке не было видно никого. Настороженная тишина царила в лесу, лишь иногда в костре потрескивали сухие ветки. Понизу тянуло сыростью и смолистым дымом.

Не скрываясь, мы двинулись вперед - но беспрепятственно подойти к костру нам не дали. Кто-то заворочался в подлеске возле стоянки, а потом послышался пронзительный оклик:

- Стой, кто идет?

- Мы на семинар приехали, - тут же отозвался Тень. - По объявлению!

- Знаете Торина? - вступил в беседу я. - Отведите нас к нему. Мы друзья!

- Ждите здесь! - сурово приказал часовой.

Он развернулся, прошел несколько метров и вступил в круг света, так что мы с Панаевым смогли как следует его рассмотреть.

- Глазам своим не верю! - шепнул мне Тень. - Все, как и говорили - повязка, мешок!

В этот момент часовой пересек поляну и приблизился к костру. Подойдя, он замер неподалеку от расположившейся возле огня туши и приложил сжатую в кулак правую руку к груди.

- Хай, Учитель! - оглушительно заорал он.

Туша пошевелилась, разворачиваясь - и у нас появилась возможность хорошенько разглядеть Торина Оукеншильда. Серая мешковина собралась в складки на его дородных боках, под черной повязкой топорщились пухлые щеки. Материя скрывала лицо, но глаза были хорошо видны - маленькие и сальные, словно капельки воска от церковных свечей.

- Говори, - приказал Торин.

¹⁴¹ Через много лет, когда я снова побывал на этой вершине, она стала на несколько десятков метров ниже. Исток с неё уже не увидеть.

- Учитель, какие-то люди... - отчеканил часовой, но мы не дали ему закончить.
- Приветствую тебя, Торин Дубошит, - крикнул я, выходя из темноты на поляну. - Я Джонни, а вот это - Тень. Мы посланы нашими братьями, чтобы подать заявку на участие в фестивале. Можно это устроить?
- Джонни, Тень... - Торин задумался на мгновение, а потом спросил: - Грибные Эльфы, что ли?
- Все так, - спокойно подтвердил я. - Грибные Эльфы. А что, с этим какие-то проблемы?
- Я не уверен, - пробурчал Торин себе под нос. - О вас ходят тревожные слухи!
- Как и о тебе, Торин! - с достоинством заметил Тень. - Как и о тебе!
- Да? - удивился Торин. - Ну, если так... Присаживайтесь, расскажите, что вы обо мне слышали?
- Ну как же, - усаживаясь рядом, взволнованным голосом начал я. - Ты занимаешься ниндо с четырех лет, а к двенадцати достиг шестого дана и начал преподавать. Говорят, ты три года провел в Киото и получил там высокое посвящение. Говорят, ты можешь остановить человека одной только силой своего духа!
- Я слышал, твои воины могут ходить по воде?! - быстро зашептал Панаев, а в его голосе засквозили явные нотки зависти. - Могущественные, полностью покорные твоей воле...
- Торин! - перебил увлечшегося Панаева я. - То, что ты слышал про нас - ничто в сравнении с тем, что люди говорят о тебе. Я слышал, ты можешь исцелять наложением рук, как делали святые в старые времена!
- Наши речи преследовали двоякие цели: польстить Торину и породить у него в уме цепочку неверных ассоциаций. Я исходил из предположения, что Торин, хоть он и кивал, как заведенный, слушая наш рассказ про Киото, все же понимает, какое это фуфло. А раз так, думали мы - он запишет в разряд небылиц и рассказы о наших бесчинствах.
- Торин! - без устали твердил я, - люди столько всего о тебе говорят!
- Кстати, Торин, - встрепнулся вдруг Панаев, - а где твои люди? Мы так рассчитывали их увидеть!
- Они спят, - несколько смутившись, ответил Торин. - Но это можно поправить!
- Что ты, что ты, - принялись успокаивать его мы, но напрасно.
- Торин был неумолим. Вытащив из складок мешковины свисток на тонкой веревочке, Оукеншильд дважды с силой в него подул. Резкий, пронзительный свист встал над поляной. А в следующую секунду из палаток посыпались сонные Оукеншильдовские ученики. Они кубарем выкатывались на поляну, на ходу заматывая головные платки и сжимая в руках свое оружие ниндзя. Выстроившись в линию напротив костра, они вскинули к груди кулаки и заорали:
- Хай, Учитель!
- Жуткое это зрелище, особенно с непривычки. Два десятка человек, замотанных с ног до головы в серую мешковину, судорожно сжатые кулаки, глаза навывкате. Но мы с Панаевым уже немало чего повидали, так что успели привыкнуть.
- Восемнадцать, - шепнул мне Тень. - Это если без Торины.
- Смотри, - еле заметно, одними кончиками пальцев показал я. - У троих эбонитовые дубинки вместо мечей, плюс два топора у костра и вон там, возле палатки - штыковая лопата.
- А вон у того... - начал было Тень, но его перебил громкий, повелительный окрик Торины.
- Разойдись, - громко приказал он, - всем отбой, кроме часовых!
- Отдав приказ, Оукеншильд повернулся и уставился в костер. Он вел себя так, как будто бы ничего не произошло. Но мы-то видели, что Торин изо всех сил косится на нас - силясь определить степень произведенного впечатления.
- Невероятно, - выдавил из себя я, хотя мысли мои были заняты совсем другим. - Какая дисциплина!
- Думал я в этот момент про волшебный свисток Оукеншильда. Какие возможности открываются! Но как его заполучить?

- Ладно, Торин, - Тень, видя мою задумчивость, взял ситуацию в свои руки. - Нам пора. Мы хотим успеть на первую электричку, чтобы завтра вернуться с друзьями. Ты примешь нашу заявку?

- А? - Торин, глубоко погрузившийся в мысли о собственном величии, половину сказанного Панаевым прослушал. - Да, конечно! Приезжайте, рады будем вас видеть! Семинар начинается завтра вечером, не опаздывайте.

- Без нас не начнется! - обронил было я, но Панаев не дал мне развить свою мысль, схватил за руку и потащил от костра.

- Эй, эй, - закричал Торин нам вслед. - Постойте! Как вас записать, что у вас за тема доклада?

Но он надрывался напрасно. Мы покинули его стоянку и затерялись посреди чернильной августовской ночи.

Через полчаса мы вернулись, но теперь уже втихаря. Лагерь стерегло трое часовых, но лучше бы никто не стерег. До того неуклюже они шарились по кустам и возились в подлеске. Совсем близко мы подходить не стали, а заняли позицию со стороны леса, метрах в пятнадцати от костра. Спрятавшись за деревьями, мы размотали пращи и принялись выкладывать из карманов подобранные заранее камни.

- Пять залпов, - предложил Тень, - и уходим к станции.

- Спугнем ведь, - забеспокоился я. - Просекут!

- Да ну на хуй! - смеясь, ответил Панаев. - Тут полно солдат, на нас никто не подумает! Мы же на станцию ушли!

- Как только начнем стрелять, Торин пошлет своих нукеров на розыски, - прикинул я. - Примем их, а потом сразу же уходим, пока паника не улеглась. Дубина где?

- У меня, - ответил Панаев. - Все готово!

- Тогда поехали! - я поднял пращу.

Кто ни разу не стрелял из пращи - тот не знает, до чего это простое и удобное в обращении оружие. Говорят, что настоящую пращу плетут из волос либо из тонких полосок кожи, но в наше время такой способ следует признать обременительным. Пара метров фаркопной ленты с успехом заменит вам все эти материалы. С любовью уложив на нее подходящий снаряд, вы сможете выстрелить далеко и точно - в прямой зависимости от приложенной вами силы и мастерства.

Теперь я хотел бы развеять несколько предубеждений, бытующих насчет пращи - настолько же древнего, насколько и непопулярного в наше время оружия. Мы посветили не один год изучению этого инструмента войны, и теперь рады поделиться с вами этим опытом.

Неправда, будто бы из пращи можно с легкостью бить птиц. Невозможно, хоть некоторые и уверяют, что это так, выпустить из пращи несколько камней за то время, покуда первый из них ищет свою цель. Даже два - и то невозможно. Вполне может быть, что когда-то люди могли делать все эти вещи - но, как говорят индусы, не сейчас. Не в эту югу.

Правда относительно пращи заключается вот в чем. Даже неопытный человек, вооруженный короткой пращой, все же будет способен направить снаряд в сторону цели. Первое время разброс будет просто чудовищным, но постепенно вы научитесь попадать - сначала в большие вещи, а потом в предметы поменьше. Современный стрелок, лениво упражняющийся по выходным, со временем сможет уверенно бить в силуэт человека примерно с двадцати пяти метров. Большого не следует и желать.

Весьма разнообразит применение пращи творческое использование разных типов боеприпасов. В качестве последних могут применяться обычные камни, куски кирпича, набитые углями консервные банки, бутылки, железнодорожные гвозди-костыли и головни из костра. На применении последних двух типов снарядов я хочу остановиться подробнее.

Самым страшным средством является железнодорожный костыль. Никто не должен стрелять им по живому человеку без намерения ранить или убить (даже мы себе такого не позволяли). Это мнение основано на множестве полевых испытаний, которые показали - на пятнадцати метрах

костыль рубит сырое дерево толщиной в руку. Но костыль можно эффективно применять как оружие устрашения. Он производит в полете низкое гудение, дурно влияющее на вражескую мораль.

Для стрельбы головнями следует иметь перчатки и запас немного притушенных в земле головней. Положив их на ленту, пращу некоторое время раскручивают, давая головне возможность разгореться - а потом отпускают. Такой снаряд напоминает в полете огненное колесо, но имеет существенный недостаток - сильно демаскирует стрелка.

- Сверху! - Панаев показал рукою параболу, загибающуюся в сторону костра. - Лупи навесом!

Первые два булыжника, которые мы запустили, ушли слишком высоко. Камни с гудением перехлестнули через стоянку Торина и с громким стуком врезались в окружающие деревья.

- Навесом, навесом... - передразнил я Панаева. - Перелет!

Но я зря расстраивался - следующий же камень лег уже гораздо лучше. Через полсекунды с момента его вылета из пращи со стороны лагеря Оукеншильда донесся металлический лязг и громкое шипение, сопровождающееся полным исчезновением света.

- А-а-а! - истошно заорал кто-то. - А-а-а-а!

- Что такое? - удивленно спросил Тень. - Ну-ка, вдарим еще по одной!

Но отстреляться спокойно нам уже не дали. По всему периметру лагеря вдруг вспыхнули мощные фонари, их лучи принялись хищно шарить по земле, рассекая стильную тьму. Не прошло и нескольких секунд, как все эти прожектора выстроились в широкую дугу и двинулись в нашем направлении.

- Ниндзя-то, - шепнул Панаев, - больно живо сориентировались! Ебтыть, Петрович - бей по прожекторам!

Подхватив с земли особенно удачный камень - округлый, размером с мой кулак - я положил его на ленту и принялся спешно выбирать цель. Строй прожекторов разворачивался прямо передо мной. Пятна слепящего света плясали в подлеске, из их средоточия рвались вперед узкие конусы - метались, искали, нетерпеливо шарили по земле. Дистанция между нашей позицией и этим строем стремительно сокращалась.

Я выждал, пока до ближайшего ко мне фонаря останется около пяти метров - и взмахнул пращой. Лишь несколько раз выпадает стрелку честь сделать подобный бросок - когда человек сливается с ременной петлей, а летящий камень един с безмолвным могуществом смерти. Тело глубоко чувствует такой бросок - его динамику, его дику, нерастраченную мощь. Тут невозможно промазать, так что ты попросту замираешь и ждешь - что же будет?

Я взял возвышение в локоть над фонарем, рассчитывая поразить его обладателя в голову или грудь. Но вместо глухого удара я услышал оглушительный стук камня о дерево - и тут же во все стороны брызнула сырая кора. Полсекунды я не мог сообразить - что же произошло, но потом опомнился. Не складывался у меня в голове внешний облик воинов Оукеншильда и редкая в наших лесах привычка - носить фонарь в отставленной на сторону руке.

В голову мне будто бы сами по себе пришли слова нехитрой молитвы, которую должен повторять каждый, кто путешествует ночью между Заходским и Каннельярви.

Боже, пошли мне бурю и град!

Господи, сунь мне под ноги снаряд!

Владыка, брось меня в каземат!

Но только молю - сбереги от солдат!

Танково-ракетный полигон, раскинувшийся неподалеку, несколько инженерных частей и целый контингент миротворческих сил в поселке Каменка - вот далеко не полный список факторов, до предела милитаризирующих указанный регион. Но откуда взяться солдатам на стоянке у Оукеншильда? Да и солдаты ли это?

За те несколько мгновений, что я раздумывал над всеми этими вещами, в мою фигуру впились лучи сразу нескольких фонарей. А еще через секунду мои подозрения насчет солдат подтвердились - причем самым угрожающим образом.

- Дато, - прорычал в темноте чей-то низкий голос, совсем недалеко от меня. - Слэва к нэму заходы!

Тут уж я больше не сомневался. Пригнувшись к земле, я побежал что есть мочи - рывок, прыжок в сторону и снова рывок. Мне повезло, и на мгновение я выскочил из конуса света, созданного мечущимися лучами прожекторов. Оказавшись в темноте, я тут же бросился на землю и замер - уповая на то, что в подлеске меня будет не видно.

- Где он, - донеслись до меня, - видишь его?

- Не вижу! Ищите его, ищите! Дато, ты где?

- А, блядь такая! - неожиданно донесся до меня чей-то голос, а затем послышался тяжелый, глухой удар. - Попался!

Тихо смещаясь в подлеске по широкой дуге, я попытался определить источник звука, а заодно и судьбу Панаева. Фонари еще немного пошарились вокруг, а потом сошлись в одном месте, сгрудились над чем-то, расположенным на земле. А еще через минуту ночной ветер донес оттуда резкие, взволнованные голоса.

- Чем ты его, Дато?

- Нэ убивал, клянусь! Он сам умэр!

- Чем не убивал, Дато? Лопаткой?

- Нэ убивал, говорю! Может, он больной был?

Голоса пререкались еще какое-то время, а потом вдруг кто-то начал кричать:

- Где он? Куда он делся?

- Нэ знаю! - донеслось в ответ. - Только что здэсь был!

Опять вспыхнули на полную прожектора, и по их мельтешению и крикам солдат я понял - с Панаевым теперь все в порядке.

Чуть позже, уже по дороге на станцию мы обменялись с Панаевым впечатлениями от сегодняшней ночи. Узнал я вот что.

Искренне полагая, что с фонарями на нас охотятся только тщедушные воины Оукеншильда, Панаев решил остаться и принять бой. Для этого он взял дубину, встал за дерево и принялся ждать. Когда один из нападающих проходил мимо, Тень набросил кол ему на шею, уперся коленом в спину и с силой дернул концы палки назад. Его неприятно удивило, что безотказный прием на этот раз не сработал - он словно дерево пытался свалить, а не человека. А больше Панаеву из этого боя ничего не запомнилось. В следующий момент он попался на бросок через плечо, в результате которого крепенько приложился об землю башкой.

Последнее, что успел заметить Панаев - это стокилограммового Дато, заносящего над ним саперную лопатку. Сбоку к ним спешили еще военные - и тогда Панаев решил прекратить сопротивление и прикинуться мертвецом.

Тень - единственный, у кого этот фокус действительно получается. Для начала он выполняет нечто вроде симуляции эпилептического припадка. Тело выгибается дугой, лицо до неузнаваемости перекошено, глаза закатились - а изо рта начинает сочиться белесая пена. Какое-то время он конвульсионирует описанным способом, а потом неожиданно наступает полная релаксация. Неподвижность эта настолько глубокая, что у многих возникают резонные опасения - а жив ли мальчик?

Проделки Панаева здорово напоминают мне выходки волколаков - тех оборотней, после которых не остается тел. Подобно этим чудовищам, прикинувшийся ветошью Панаев использует любую возможность, чтобы съесть. Только отвернись - а его и след простыл. Одно слово - Тень.

- Слышь, Петрович, чего я слышал, - на ходу сообщил мне Панаев, - пока там лежал. По ходу, это миротворцы из Каменки, мы с ними у Торуна минут на десять разминулись, не больше. Они чаю хотели попить, а мы камнем котел своротили и ошпарили ихнего дедушку. Может...

- Домой поехали! - оборвал его я. - Завтра лютня по-другому запоет.

В погоне за Оукеншильдом (часть 2) - Огненная стена.

“Наше устное предание - меч, а книга сказок – ножны, хранящие его призрачный клинок. Это красивое оружие, неудивительно, если найдутся желающие достать его из ножен и начать размахивать над головой. Благодаря этому одним мечом можно будет вооружить сколь угодно желающих. Не правда ли, истинно библейские творятся сегодня чудеса?”. *рр.*

- Как это - не продам? - возмутился Маклауд, пригибаясь и заглядывая в зарешеченное окошко бензоколонки. - Ты в своем уме?

- У вас тара неподобающая! - визгливо донеслось из окошечка. - В пластиковые бутылки бензин разливать не положено! Только в канистры и металл!

- Наливайте в металл, - перебил продавщицу подошедший Строри. - У нас есть старый чайник, мы в него наберем! Дайте нам три литра семьдесят второго.

- Почему это - семьдесят второго? - спросил я. - Может, лучше будет взять девяносто шестой?

- Зачем? - удивился Строри. - Хватит с Торуна и семьдесят второго.

- Не задерживайте очередь! - окрысилась из окошечка продавщица. - Живо определяйтесь!

- Три литра, семьдесят второй, - упрямо повторил Строри. - Сколько с нас?

На дворе был вечер пятницы, двадцать второе августа, что-то около десяти часов. Осторожно держа в руках старый алюминиевый чайник, в который Строри сунул заправочный пистолет, я наблюдал поверх его спины панораму пустынного шоссе, скопище товарных вагонов и огромную кучу каменного угля. Бензоколонка располагалась в Зеленогорске, неподалеку от здания железнодорожного вокзала. Там нас ожидали остальные товарищи - все те, кто оставил в городе свои дела и присоединился к объявленному сегодня с утра походу против Торуна Оукеншильда.

Мы перелили бензин из чайника в три литровые пластиковые бутылки и поспешили к станции. Оттуда вместе с ветром, пропитанным острым запахом бензина и угля, к нам донесся холодный, искаженный привокзальным громкоговорителем женский голос:

- Уважаемые пассажиры! Электропоезд до станции Каннельярви прибывает к первой платформе. Уважаемые пассажиры...

От Зеленогорска до Каннельярви мы с Маклаудом ехали на “колбасе¹⁴²”. К этой практике нас приучил в свое время Дурман. Мы стремительно мчались сквозь меркнущий мир - овеваемые бешеными токами воздуха, под раскинувшимся в небе пологом холодных августовских звезд. Поезд катил сквозь дремучие хвойные леса, по сторонам от железнодорожного полотна лежала густая темень. Иногда мы видели сквозь неё приглушенный свет - фонари проносящихся мимо станций и сияющие окна близлежащих домов.

Дважды свет вспыхивал впереди - ослепительно, с чудовищной силой. Затем удар воздуха и металлический грохот вынуждали нас всем телом прижиматься к нагретому за день металлу. Ждать, судорожно сжимая пальцы, покуда не пронесется мимо встречный состав.

Перед станцией Горьковская поезд замедлил ход. Громыхая колесами, состав миновал переезд, и тут же к стуку колес добавился еще один звук, стремительно удаляющийся. Это был пронзительный женский крик, полный искреннего негодования. Обернувшись, я успел разглядеть,

¹⁴² Так иногда называют задний бампер у электропоездов.

как беснуется около своей будки старуха в оранжевой робе. Бешено подпрыгивая, она размахивала флажком и подавала нам знаки угрожающего характера. Мы не придали этому никакого значения, и, как оказалось - очень зря.

Когда поезд остановился на станции Шевелево, из дверей последнего вагона выскочили двое сотрудников транспортной милиции. Пробежав полтора метра по платформе, они бросились к нам. Едва завидев их, Маклауд отцепился от “колбасы”. Он прыгнул руками вперед на соседнее полотно, ушел в кувырок и покатился с высокой насыпи в придорожные кусты. Когда Маклауд приземлился на рельсы, я успел заметить на его лице мелькнувший на мгновение ужас - но в тот момент мне было не до того. Покуда первый мент прыгал ко мне с высокой платформы, следом за Маклаудом в кувырок ушел я.

Только спрыгнув на рельсы, я обратил внимание на разлитый по путям ослепительный свет. Я даже успел почувствовать, как упруго ударила мне в уши волна спрессованного воздуха, которую гонит перед собой несущийся на полной скорости встречный локомотив. Затем инерция потащила меня вниз по насыпи - а огромный, километра на полтора грузовой состав полностью отрезал нас от взбешенных нашей выходкой ментов.

Бросившись с разбегу в кусты, я вновь подверг свою жизнь немалой опасности. В темноте Маклауд принял меня за одного из преследователей и едва не зарубил точеной лопаткой.

- Свои, блядь! - только и успел крикнуть я, когда ударом под ноги меня опрокинуло с копыт, а над головой блеснул острый срез шанцевого инструмента.

- Бежим! - крикнул Маклауд, рывком поднимая меня на ноги, и тогда мы побежали.

От Шевелево до Каннельярви всего несколько километров, так что мы задержались не сильно - полчаса или около того. За это время наши товарищи успели выгрузить из электрички рюкзаки, откупорили коньяк и теперь ждали нас на платформе.

- Угадайте, кого мы видели в электричке? - спросил Барин, как только мы, перепачканные в земле и несколько запыхавшиеся, забрались на платформу.

- Кого? - спросил я и тут же добавил: - Гадать не будем!

- Ладно, не надо, - примирительно ответил Барин и принялся рассказывать.

Выйдя в тамбур, чтобы перекурить, Барин увидал средних лет женщину. Облаченная ТОЛЬКО в хайратник и легкий плащ из серебряной занавески, босая и грязная, срамная донельзя, она жалась в углу тамбура и стреляла по сторонам маленькими белесыми глазками. На вопросы она отвечать отказалась, но после долгих уговоров согласилась назвать своё имя - Алтариэль. Заманить её в Каннельярви не удалось, она вышла в Горьковской, но все равно - товарищи сочли это добрым предзнаменованием.

- Если по дороге такое попадается, - заявил Крейзи, - что же будет дальше?

Через час ударного марша мы оседлали вершину песчаной гряды, возвышающейся над озером Исток, и принялись за военный совет. Над нашими головами сомкнулись густые ветви, крадущие тусклый свет звезд, в подлеске стояла вязкая, обволакивающая темнота. Свет на соседнем холме, где располагалась стоянка Оукеншильда, был для нас словно маяк посреди целого океана мрака.

- Нас здесь семеро парней и еще семь девушек, из которых боеспособных только две, - начал Крейзи, усевшись на землю и раскуривая в ладонях косяк. - А по словам Джонни и Теня, у Торина на стоянке девятнадцать человек, причем одни мужики. Напомни, брат, чем они вооружены?

- Катаны из прессфанеры, три эбонитовые дубинки, два топора, - перечислил я. - И одна штыковая лопата. Но при кипеже схватятся они, скорее всего, за мечи.

- А у нас? - спросил Крейзи. - У меня grosmanовский балонник¹⁴³ и газ¹⁴⁴.

¹⁴³ Пневматический шестизарядный револьвер фирмы “Grosman” под импортный баллон, обойма может быть снаряжена как свинцовыми пулями, так и стальной омедненной дробью; стартовая скорость пули 160 м/с. Пользуясь случаем, коллектив “Грибные Эльфы” благодарит коллектив фирмы “Grosman” за разработку и изготовление данного револьвера. Это оружие отвечает высочайшим показателям эстетичности, надежности и простоты.

- У меня шестьдесят первая пятизарядка¹⁴⁵, - поднял руку Барин. - И к ней штук двести ДЦ¹⁴⁶.
- А у меня шестидесятая, - вставила своё слово Королева, - и полная банка с дробью.
- Из всего коллектива постпанков в нашу банду влились только двое девушек - Ирка, про которую уже была речь, и Королева. Она обучалась в институте им. Лесгафта на кафедре плавания и в вопросах физической подготовки легко могла дать фору большинству мужиков. Из всех девчонок в бою можно было рассчитывать только на неё и на Алену Маклауд, компенсирующую недостаток физической подготовки находчивостью и нечеловеческой злобой. Остальные девушки, отправившиеся с нами в этот нелегкий поход - Ирка, Ярославна, Яна Павловна, Белка и Света-Кендер - в боевых действиях против Оукеншильда участия не принимали.
- Я взяла кукушку¹⁴⁷ и газ, - заявила Алена.
- А я - удавку и шанцевый инструмент, - взял слово Маклауд, - и еще текстолитовую полосу на два килограмма!
- У меня только зажигалка и бензин, - пожаловался я. - Так что даже не знаю, пригожусь ли я вам?
- У меня есть дубинка ... - скромно сообщил Фери, и показал всем эту дубинку: обломанное посередине молодое деревце с массивным комлем.
- У меня праща, - скупое обронил Панаев, а потом встал и широким жестом показал себе под ноги: - И камни к ней!
- А у тебя что? - спросил Крейзи, поворачиваясь к до сих пор молчащему Строри. - А, брат?
- Руки и ноги, - меланхолично отозвался Костян, демонстрируя соответствующий "инвентарь". - А еще колени, локти и башка. Больше мне ничего не надо!
- Охуеть! - резюмировал Крейзи, удивленно качая головой. - Ну и вооружение! Ладно, друзья, есть один план - так что слушайте сюда...

Через полчаса ночной часовой на стоянке Оукеншильда услышал тихие шаги и звуки нескольких голосов.

- Стой, кто идет? - привычно окликнул он, а в ответ услышал: - Да это же мы, Джонни и Тень, приехали на фестиваль! Проводи нас к Торину!
- Ждите здесь! - приказал часовой и тут же пошел к костру, а через несколько секунд оттуда донеслось уже привычное: - Хай, Учитель! Там эти - эльфы приехали!
- Пусть подойдут, - отозвался Торин, - пропустить!
- Тогда я, Фери и Тень выступили из темноты и приблизились к костру. На поляне было пустынно, так как ниндзя Оукеншильда не уважали ночь и забирались в свои палатки вместе с отбоем. У костра сидел только сам Торин, грея возле углей свою тушу и искомпо поглядывая на нас.
- Только трое? - неодобрительно спросил он. - А где же остальные?
- Понимаешь, Торин, - начал объяснять я, располагаясь у костра так, чтобы держаться от него как можно дальше, - поехало-то нас больше, только вот по дороге у нас приключились проблемы.

¹⁴⁴ В данном случае имеется в виду "Перцовый шок", лучший слезоточивый газ отечественного производства. Он на порядок превосходит другие марки - CS, Military Attack, "миллионник" и все остальные. Если вы помните фильм с С. Сигалом "Нико-2" (дело происходит в захваченном поезде), где главный злодей прыскает себе в рот из подобного баллончика, а потом смеется, имейте в виду - это не про "Перцовый Шок". С ним не до смеху.

¹⁴⁵ Пневматическая пятизарядная винтовка ИЖ-61 с боковым взводом. Отличается от своей предшественницы, однозарядной ИЖ-60 съемной обоймой на пять пуль; ИЖ-61 крайне неудобна для стрельбы металлической дробью, она не держится в обойме, для противодействия этому приходится оборачивать дробь кусочками салфетки или применять пластилин;

¹⁴⁶ Пули для пневматического оружия серии "ДЦ" (калибром 4,5 мм.) знакомы нам с самого детства. Это широко распространенные пули, их можно встретить почти в любом пневматическом тире.

¹⁴⁷ Короткий металлический прут с петлей на ручке для ближнего боя. Такое название привез в наш коллектив из деревни Молосковицы Фери, а происходит оно от способа применения этого агрегата. Фери объяснил нам этот аспект следующим образом: "К человеку тихонечко подходят сзади, замахиваются и трогают за плечо. А когда он поворачивается - ему бьют прутком в репу, при этом приговаривая: "Ку-ку!". Потому эта вещь так и зовется - кукушка".

- Гопота со станции, - вмешался Тень надломленным голосом, в котором явственно слышался пережитый испуг, - налетели на нас около садоводства и гнались почти до самого озера. Буквально на шее у нас сидели! Наши разбежались кто куда - где их теперь искать?

- Гопоты человек десять, - перебил Панаева я, - и у них пневматические ружья! Мне пулю в ногу засадили, а...

- Козлы они! - очень импульсивно вступил в беседу Фери. - Меня подстрелили!

В доказательство Фери повернулся и стал показывать Оукеншильд на свой бок, тыкая в него пальцем через рубашку. - Попали под мышку!

- Боюсь, как бы они сюда не приперлись, - тихо пробормотал я, но запугать Торуна гопниками не удалось.

- Пусть только попробуют! - гневно начал он, но тут же дернулся и с криком схватился за щеку, а из-под ладони у него моментально выступила кровь. - Ой, блядь! А-а-а!

- Это они! - страшно закричал Фери. - Ой-ей-ей! Что же делать?

В следующее мгновение лес словно взорвался. С разных сторон послышались сухие щелчки винтовок, а между ними - мягкие, упругие хлопки пневматического револьвера. Заслышав их, я бросился на землю и принялся кататься по поляне и выть, и примерно тем же самым занялись Панаев и Фери.

- Мне в шею попало! - плаксиво кричал Фери. - До чего же больно!

В это время из лесу выскочили часовые Торуна, держась кто за что - кто за ноги, а кто и за лицо. Сам Торин в это время уже лежал за палаткой, изо всех сил вжавшись в землю. И не напрасно. Из великого множества пуль, выпущенных нашими товарищами, по мне, по Теню и по Фери не попало ни одной. А вот Торуна с ходу досталось четыре: две из винтовок, и пара - из револьвера.

Все это заняло едва ли несколько минут: наш рассказ про гопников, первые выстрелы и вся паника и беготня. Некоторые из людей Торуна проснулись и принялись выглядывать из палаток. Но поскольку свистка вылезать им пока что подано не было, выйти наружу самостоятельно никто из них не решился. И пока что нас это устраивало.

Улучив момент, я незаметно облил бензином несколько палаток, связал их по земле дорожкой и сделал длинную отводку - до самой середины поляны. На это у меня целиком ушла первая бутылка бензина. Со второй бутылкой я бросился к Торуна, бережно поднял его с земли и сунул пластиковый баллон ему в руки.

- Торин, - умолял при этом я, - не дай им стрелять! Нам нужна заградительная стена огня! Лей бензин на землю, полосой вот отсюда - во-он туда!

Терзаемый болью от пуль и подгоняемый моими воплями, Торин схватил бутылку и принялся лить топливо на землю. Он опоясал стоянку широкой дугой, желая в этот момент только одного - чтобы поскорее прекратились эти мучительные, болезненные щелчки. Как только бутылка в его руках опустела, я сунул Торуна в руки пылающий сук, выхваченный из костра и крикнул:

- Поджигай!

Торин бросил горящую ветку на землю, и бензин вспыхнул - разбегаясь в обе стороны призрачными синеватыми всполохами. Но уже в следующую секунду пламя окрепло, загудело, словно маленький ураган, и стало огненно-желтым. Торин поначалу радостно закричал, но почти сразу же смолк. Как только увидел, что "заградительная стена" не остановилась на краю обозначенной им полосы, а стремительно двинулась дальше.

Оукеншильд смотрел на бегущий по земле огонь остекленевшими от удивления глазами, покуда пламя не перекинулось на палатки, и только тогда опомнился. Сунув свисток в рот, он два раза подул в него что есть силы - и из горящих палаток на поляну посыпались его заспанные ученики. Они мало что понимали - поэтому принялись строиться в линию прямо перед пылающей стеной, сжимая в руках мечи "шото" и во весь голос выкликая:

- Хай, Учитель!

Крейзи, наблюдавший за всем этим из лесу, так описал мне впоследствии свои впечатления:

- Я даже представить себе не мог, что Оукеншильд поведется! Когда ты начал орать про “заградительную стену”, я подумал было: да от чего она заграждает, и как? Я решил - ты нам все испортишь своею выходкой, да только вышло наоборот! Никогда мне еще не было так удобно стрелять - люди стоят в одну линию, как на расстреле, и их полностью освещает огонь! Твою мать, да это же королевская охота!

Парад Оукеншильдовских учеников продолжался недолго. Свинцовые пули и омедненная дробь били предельно точно, вспарывая тонкую ткань головных повязок. Тут и там люди Торина с криком валились на землю, закрывая ладонями лицо. Но вот пальба прекратилась, закончилось время импровизации, и настал черед исполнить основную часть нашего плана.

- Э-э-эй! - во весь голос крикнул я. - Э-э-эй!

- Ау! - донеслось издалека, почти от самого озера. - Где-е вы-ы-ы?

- Наши! - радостно объявил Торину я. - Наши идут!

Через несколько минут Строри с Маклаудом стремительно вышли из темноты на поляну, и дело пошло.

- Хуй ли вы терпите? - напористо начал Мак, едва только “ознакомился” с ситуацией. - Хватайте дубины, дайте им отпор! Торин, дели людей на тройки, нужно прочесать лес! Гопоты не так уж много, не будет и десятка. А нас тут - почти тридцать человек! Давайте, живо!

- Ну, чего стоим? - поддержал его Строри. - Или ждете, пока они вернуться и опять примутся стрелять? Ну в пизду, я лучше пойду в темноту!

План наш был таков: с каждой тройкой Ториновских бойцов пойдет один из наших, и не просто так. Ночи в августе темные, а брать с собой фонари мы Ториновским бойцам категорически отсоветовали.

- Нельзя, - объяснил Панаев. - Вы же себя полностью демаскируете!

Поэтому тройки нукеров Оукеншильда расползлись по лесу в полной темноте, а нам оставалось только выловить такие группы поодиночке. К этому нехитрому делу мы подошли так.

Кто-нибудь из братьев заходил вперед, в заранее уговоренное место и принимался там “шебуршить”.

- Стой, кто идет! - во весь голос начинал орать тот из братьев, который вел тройку. - А ну, стоять!

- Стоять, ни с места! - подхватывали этот клич недалекие Ториновские бойцы, и на этом дело, можно сказать, было закончено.

Я сам ходил “шебуршить” и прекрасно помню, как это было. В лесу темнота, хоть глаз выколи, с двух шагов уже ничего невозможно разглядеть. С собой я взял Бариновский ИЖ-61, и теперь сидел с ним в подлеске, изредка принимаясь ожесточенно похрустывать ветками. Потом до меня донесся голос Костяна, “приказывающий” мне остановиться, и по нему я определил диспозицию и относительное расположение тройки. Тут я сразу же перестал “шебуршить” и мягко двинулся вперед, ловя каждый звук.

Когда впереди раздались повелительные окрики Ториновских нукеров, меня отделяло от них самое большее метра полтора. Целясь на ближайший голос, я спустил курок - а затем перехватил винтовку за ствол и нанес несколько сильных ударов прикладом. Строри в то же самое время принялся лупцевать людей Торина с другой стороны. В кромешной тьме совершенно невозможно было понять, чьих это рук дело.

Действуя этим и другими аналогичными методами, мы расправились с несколькими тройками Ториновских бойцов, включая и ту, которая ушла в лес под предводительством самого Оукеншильда. “Провожать” её направился Маклауд, сильно недовольный Оукеншильдом по нескольким причинам. Одной из них было то, что Торин всерьез верил, что он ниндзя и умеет двигаться в темноте. Все это Маклауд расценил как персональное оскорбление.

Ползать в потемках, незаметно подбираясь к стоянкам, воруя вещи и умыкая на удавке зазевавшихся людей, было одним из любимых развлечений Маклауда. Однажды он незаметно прополз между мной и Строри, сидящими в темноте друг напротив друга на расстоянии чуть

меньше метра. Добро, если бы мы были пьяные в говно или спали - так ведь нет. Был уговор, и мы ждали Чаку - но он все равно прополз, таясь в подлеске, словно огромный удав. Только расслабься - и в тот же миг горло охватит тугая, отнимающая воздух и силы петля.

Оукеншильд же на этот счет придерживался другого мнения: двигался в темноте по собственной, оригинальной системе. Присев на корточки, он начинал расхаживать взад-вперед “гусиным” шагом, громко, с шипением и присвистом дыша. Он до такой степени заматывал себе голову “платком ниндзя”, что почти ничего вокруг себя не видел и не слышал, и все его люди поступали в точности так же.

Маклауд ушел вслед за тройкой Оукеншильда один, отказавшись от какой-либо помощи - и был совершенно прав. Через полчаса, когда тройка вернулась из лесу, Оукеншильда было не узнать. Торин трясся, руки у него дрожали, он постоянно оглядывался и жался к костру. Так Оукеншильд на собственном опыте узнал, что такое искусство ниндзя и как на самом деле нужно двигаться в темноте.

- Там ходит не человек, - шептал Торин побелевшими губами своим перепуганным ученикам, а сам принялся творить запоздалую, на мой взгляд, молитву: - Богородице, дево, помилуй мя!

После этого случая Торин и его люди зареклись покидать стоянку до самого наступления утра. Лишь один из них отважился на прогулку к озеру, за что жестоко поплатился. Звали этого человека Тринадцатый¹⁴⁸.

К этому времени мы разбили лагерь в ложбине у озера, оставив Барина, Ирку и Королеву на стоянке у Оукеншильда. Сославшись на охвативший их ужас, они залезли ночевать в продуктовую палатку¹⁴⁹. До происшествия с Тринадцатым все в нашем плане двигалась размеренно и гладко. И хотя множество вещей осталось необъясненными, наши отношения с Торином продолжали оставаться в рамках “союзнических”. Слишком быстро и напористо происходили события, на анализ которых Тору не хватало времени и сил. Близились утро, а он все еще продолжал верить в гопников со станции и в остальную хуйню. Но случай с Тринадцатым многое перечеркнул.

Мы сидели у себя на стоянке, когда какой-то человек в трехцветном камуфляже появился из лесу и пошел прямо в направлении нашего костра. Незадолго до этого мы видели этого типа на стоянке у Торуна.

- Ты кто такой? - спросил я. - И хуй ли тут делаешь?

Мне очень не понравилось, что незнакомец, похоже, заметил прислоненные к дереву пневматические винтовки. Вот ведь сука, подумалось мне, до чего же не вовремя!

- Меня зовут Тринадцатый, - представился незнакомец. - Что это у вас тут такое? Винтовки?

Он, видно, хотел и еще что-то добавить - но не успел. Оказавшийся рядом Маклауд сбил его с ног, а потом (с помощью братьев) связал и полностью запихал Тринадцатого в здоровенный дерюжный мешок. Не так давно мы спиздили этот мешок на стоянке у Оукеншильда. А чтобы Тринадцатый не слишком разорвался, мы напихали ему в рот тряпок и поверх заклеили скотчем, который как раз на такой случай постоянно возили с собой. После этого мы дополнительно обмотали мешок веревками, а потом уселись поверх Тринадцатого и принялись решать - что с ним теперь делать?

- Может, стоит просто дать ему пизды? - предложил я. - Да на этом и ...

- Ну нет! - возмутился Стори. - Лучше мы...

- Пусть ему дадут пизды его собственные товарищи! - неожиданно заявил Маклауд. - Тащите его на холм!

- Как это так? - удивились мы. - С чего бы это?

¹⁴⁸ Это не мы придумали, он сам себя так называл.

¹⁴⁹ Это - самое идиотское, и в то же время наиболее привлекательное изобретение ролевиков. В продуктовую палатку стаскивают всю еду с целой стоянки, и решительным мужчинам только и остается, что тихонечко вынуть колышки, подхватить за углы и умыкнуть в лес этот бесценный, во всех смыслах “сладкий” мешок.

- Увидите! - отмахнулся Маклауд. - Волоките его за мной!

Взяв одно из ружей, Маклауд двинулся в направлении стоянки Оукеншильда, а мы - делать нечего, потащились за ним. Выйдя на поляну, Маклауд принялся звать Торина:

- Оукеншильд! - громко закричал он. - Мы одного из местных поймали, того, что в нас из лесу стрелял! Вот его винтовка, теперь она наша! Мы уже навешали ему как следует, но вдруг подумали - может, и ты тоже захочешь ему что-нибудь сказать? Взвесь-ка ему хорошенько!

- А ничего, что мы ваш мешок для него одолжили? - спросил осторожный и предусмотрительный Строри, раньше других оценивший злую соль Маклаудовской шутки. - Подходите все, не стесняйтесь!

Тринадцатый, услышав такие речи, судорожно забился в мешке - но напрасно. Предложение Маклауда было принято с редким воодушевлением. Торин и его люди за сегодняшнюю ночь достаточно натерпелись, и теперь им очень хотелось утолить на ком-нибудь свою злобу. Не прошло и тридцати секунд, как все они столпились возле колыхающегося и протяжно мычащего мешка.

- Смотри, как извивается, сука! - с откровенной злобой произнес Торин. - А ну, поучим его!

С этими словами он и его люди принялись пиздить Тринадцатого, сидящего в мешке, с таким ожесточением, что НАМ пришлось оттаскивать их от него.

- Убьете же, изверги, - пытались образумить их мы, но все было напрасно.

- В лицо ему хочу посмотреть! - рычал Торин. - В глаза его заплывшие, сучьи!

Тринадцатый к этому моменту уже перестал мычать и кататься по земле - затих без движения, лежа у себя в мешке. Тогда Торин достал нож, распорол плотную дерюгу, перевернул бесчувственное тело на спину - да так и застыл.

- А... - он только и мог теперь, что сипеть. - Тринадцатый... но как?

- Что такое, Торин? - с притворным удивлением спросил Строри. - Ты его знаешь?

- Да, знаю, - потерянно произнес Торин, но на этом месте голос его сорвался, поплыл: - Это один из моих людей!

- Да? - переспросил Строри, теперь с фальшивым ужасом в голосе. - А как же ружье? Ох, Торин, что-то ты темнишь!

На этих благоразумных словах мы закончили нашу ночную программу и отправились пить водку и спать, предоставив Торину и его людям приводить в чувство Тринадцатого и самим разбираться в сложившейся запутанной ситуации.

Полуденное солнце разожгло над озером золотой пожар, осветило облака и заставило верхушки деревьев пылать. Наполнив легкие до отказа смолистым дымом марихуаны, я вышел на берег, чтобы ополоснуть лицо и выпить немного прохладной озерной воды. Трава придала моему телу легкость и породила в уме звенящую пустоту, растворила в чистом и недвойственном сознании-основе все недобрые мысли, всю мою ненависть и весь гнев на Торина Оукеншильда. Я был спокоен и счастлив, бестревожная гладь разворачивалась передо мной, я легко мог разглядеть под толщей воды каждый камешек, любой стебелек - даже самую маленькую травинку.

- С добрым утром, брат, - поприветствовал меня Строри, выходя на берег озера с сигарой и не початой еще бутылкой бренди. - Высматриваешь рыб?

- Не, - лениво ответил я, - вышел воды попить.

- Воды? - осуждающе переспросил Строри и тут же протянул мне бутылку. - Запей воду-то, брат, запей!

Я вытащил пробку и понюхал из горлышка, а потом сделал несколько долгих, прочувствованных глотков. Обжигающая влага потекла вниз по пищеводу, тревожа чакры и наполняя всё мое тело бодрящей огненной праной. Утренний хмель - самый лучший: уже прибыло к рукам, но еще не убыло в голове.

- Как там Торин? - поинтересовался я. - Думаешь, он разгадал нашу шутку?

- Думаю - да, - отозвался Строри. - Только вряд ли он решится выступить со своими претензиями!
- Но ведь он должен был принять меры? - тут я обернулся и принялся наблюдать: виднеется ли еще на пригорке уютный лагерь “богородичных ниндзя”?

- Здесь они, никуда не делись, - успокоил меня Строри. - Я так думаю, Торину самомнение не позволяет бросить приглашенных и съесть с собственного фестиваля. Сегодня же основной заезд!

- Ах, вот как? - обрадовался я и снова запрокинул бутылку. - Значит, к вечеру у нас будут еще гости?

- Будут, будут, - подтвердил Строри. - Только до вечера еще дожить надо, а у нас еды нет. А я видел вчера на стоянке у Торина продуктовую палатку! Пошли к ним, сыграем в “шишки” на будущий обед?

- А что там может быть? - заинтересовался я. - А?

- Ну... - Строри на мгновение задумался, словно припоминая. - Тушенка, килька, паштет... по-моему, гусиный, сгущенное молоко, конфеты, шоколадный крем...

- Ладно заливать, - перебил его я. - Про шоколадный-то крем. Откуда ему там быть?

Но перед моим мысленным взором уже возникли все вышеперечисленные вещи, а во рту сама собой появилась слюна и стойкий привкус паштета.

- Не веришь? - возмутился Строри. - А ну, пошли!

Мы неторопливо встали и направились по тропинке вверх - к стоянке Торина Оукеншильда. Идти здесь недалеко, так что всего через пару минут мы были уже на знакомой поляне. Воины Оукеншильда расселись на земле с понурыми лицами, на которые минувшая ночь наложила свой след. Кому в виде пластыря на половину ебла, а кому и в форме наливающегося синевой здоровенного фуфыря. На нас воины-ниндзя подчеркнуто не обращали никакого внимания, а самого Торина пока что не было видно. Впрочем, здесь и без него хватало на что посмотреть.

- Гляди, - кивнул я, показывая на длинную проплешину, след вчерашней огненной потехи. Она начиналась с одного края поляны и заканчивалась у другого, возле груды каких-то обугленных тряпок. - Пиздато запалили!

- А вот и продуктовая палатка! - в свою очередь показал мне Строри и добавил: - Курс строго на неё!

Приблизившись к своей цели, мы тихонечко присели у входа, расстегнули частые пуговицы и заглянули внутрь. Там нашему взору предстала умирительная картина: Барин, Ирка и Королева не теряли времени зря. Из пятидесяти килограммов скопившейся в палатке еды наши товарищи не тронули разве что самые банальные вещи: сухие макароны, соль и крупу. Действуя по принципу “что не съем сам, то понадкусываю”, друзья вскрыли большинство пакетов с едой и консервных банок, а затем полночи пировали. Сейчас есть по-настоящему они уже не могли - только лениво морщились, зачерпывая шоколадными конфетами из пластиковой бадейки шоколадный же крем.

- Ни хлеба, ни ложек, - пожаловался нам Барин, грустно заглядывая в бадейку. - Приходится прямо конфетами черпать...

Бойцов Оукеншильда Барин еще с раннего утра грубо послал от продуктовой палатки на хуй. Под тем предлогом, якобы здесь спит его любимая девушка, Барин запретил кому-либо заглядывать в палатку и отказался предоставить для завтрака ниндзя хоть что-либо из сложенной там еды.

- Вот проснутся все, - заявил Барин сквозь матерчатые стенки, - тогда и позавтракаете!

Наученные горьким опытом минувшей ночи, воины Оукеншильда не стали провоцировать новый конфликт. И теперь ждали, покуда Барин освободит палатку и разрешит им чего-нибудь поесть. А Кузьмич с этим делом вовсе не торопился.

Подстегиваемый пересудами лишнего завтрака войска, сонный Оукеншильд выбрался наконец из командирской палатки, расставленной на краю поляны для него одного. Ему не пошел на пользу тревожный утренний сон: рожа у Торина опухла, он быстро сучил потными руками и недовольно косился на нас заплывшими глазками. Видно было, что по нашему поводу Торин еще

ничего толком не решил. Так что вместо ножа в спину он принялся меня и Стори всячески увещевать. Про наше участие в недавнем погроме и про судьбу Тринадцатого Торин не сказал и полслова, зато произнес целую речь про засевшего у него в продуктовой палатке Кузьмича.

- Вы уж поспособствуйте, - упрашивал нас Оукеншильд, - заберите его оттуда! Можно это устроить?

- Можно! - категорически заявил Торину Стори. - Но не сразу! Предлагаю для начала партию в "шишки" - пачка макарон против буханки хлеба. А то, я слышал, у вас как раз хлеба нет?

- А что за игра? - заинтересовался Торин. - В чем там дело?

Пока что мне еще не встречались люди азартнее Торина Оукеншильда - столь же жадные и так же увлекающиеся игрой. Устроившись посредине поляны в кругу собственных учеников, Торин играл в "шишки" с нечеловеческой яростью и ожесточением. Вскорости ставки с обеих сторон выросли до половины набитого консервами и снедью картофельного мешка. Часть еды для этих ставок мы выиграли у самого Оукеншильда, а часть одолжили у Алены Маклауд (пообещав через час вернуть еду с существенным прибытком).

Сначала играли по мелочи, для разогреву - но постепенно ставки росли, а Торина охватывал все больший ажиотаж. Перед заключительной партией Торин (невзирая на возражения более осмотрительных учеников) - поставил против уже проигранной им половины мешка оставшуюся половину. Торин поступил так, потому что был весьма уверен в победе. Перед финальной партией Стори проявил подлинное мастерство, слив Оукеншильду несколько игр подряд.

После этого мы отправились к себе, с трудом волоча за углы огромный мешок - весь запас еды, имевшийся в распоряжении у Торина Оукеншильда. С нами отправились наши товарищи из продуктовой палатки и сам Торин, которого мы подкупили предложением выпить у нас на стоянке чаю, обсудить недавние события и как следует поесть.

Оукеншильд принял наше предложение с радостью. На его стоянке еды не осталось, а, кроме того, Торина раздражали постные лица оставшихся без завтрака учеников. Наверняка он рассчитывал перекусить чего-нибудь втайне от них, но вышло иначе - Торин натерпелся страху и остался без завтрака. Вышло это так.

- Кто это к нам пришел? - закричали товарищи, едва завидев Оукеншильда. - Торин, давай к нам!

Окружив Торина, друзья принялись дергать его за одежду, подтрунивать и шутить. Непривыкший к такому обращению, Торин некоторое время стоял совершенно потерянно, но в конце концов собрался с силами и сделал свой ход. Скорее всего, он надеялся обернуть ситуацию для своей пользы, и поэтому стремился произвести на нас впечатление. Надо отдать Торину должное - произвести впечатление ему удалось.

- Подождите смеяться! - довольно резко одернул Торин наших товарищей, собравшихся вокруг него. - Сейчас я вам кое-что покажу!

С этими словами Оукеншильд подошел к берегу озера, прямо в одежде заступил в воду и пошел на глубину. Когда вода дошла ему до груди, Торин остановился, повернулся лицом к нам, выхватил из ножен катану и страшно, пронзительно закричал. Не прекращая голосить, Оукеншильд принялся рубить воду мечом, поднимая невообразимое количество мелких брызг. Он создал вокруг себя настоящую водяную завесу, преломляющую свет - так что на какое-то время его фигура как будто облеклась в сияющую одежду из радуги.

Все стояли, потрясенные истошным голосом Оукеншильда - хлещущим, словно ременная плетель из средоточия расцвеченной солнцем водяной тучи. Единственным, кого не впечатлило это зрелище, оказался Маклауд. Едва завидев на отмели Оукеншильда, он разделся до плавок, намотал на запястье удавку и без всплеска, как опытный крокодил, скользнул с берега в прозрачную озерную воду.

Видно было, как его фигура мелькнула за спиной у Торина, над песчаным дном - а уже в следующую секунду шею Оукеншильда захлестнула петля. Торин выронил меч, взмахнул руками, сию секунду удерживать равновесие, но не смог. Маклауд стремительно потащил его за удавку на

глубину. За несколько секунд Торин совершенно исчез с наших глаз, лишь иногда на поверхности мелькала его замотанная в черные тряпки рука, поднимая на спокойной поверхности воды стремительно затухающие концентрические круги.

- Глубинный страж уволок Торуна в воду, - прошептал потрясенный Кузьмич. - Пиздец Оукеншильд!

Похоже, что Барин был прав. Через несколько минут выбравшийся из озера Маклауд выкинул на прибрежный песок бесчувственное тело Торуна. Больше всего оно напоминало промокший, расплзающийся по швам картофельный мешок. Немного придя в себя, откашлявшись и выхаркав из легких лишнюю воду, Торин на четвереньках пополз обратно на холм. Оукеншильд тащился, ни на кого не оглядываясь - с лицом, белесым от пережитого ужаса.

- Поучительный пример! - заявил Крейзи. - Видели, как озеро его наказало? Поделом!

Проводив Торуна взглядом, мы принялись завтракать и пить чай, параллельно обсуждая планы на грядущий день. Все это заняло не более получаса - перекусить, выпить водки и покурить немножечко конопли. Но когда мы снова поднялись на стоянку Торуна, то увидели лишь вытопанную пустую поляну. Ниндзя Оукеншильда и след простыл.

- А-а-а, блядь! - закричал Маклауд, чья ненависть к людям Оукеншильда не была еще должным образом утолена. - Петрович, айда бегом к станции, на перехват!

Похватав, что попало под руку, мы бросились по лесным дорогам вслед за бойцами Оукеншильда. Маклауд, Кузьмич, Королева и я побежали в сторону станции, а остальные - вокруг Истока и по другим направлениям. Но проклятые ниндзя исчезли бесследно - как исчезает лунный свет, скрытый набегавшими облаками.

Оукеншильд увел своё войско по лесу в неизвестном направлении, держась вдалеке от основных дорог. Так что перехватить его теперь не было ни единой возможности. Мы с Кузьмичом добежали только до поворота на Недоступную, а там воля к преследованию совершенно покинула нас.

- Ебись он колом, этот Оукеншильд! - заявил Барин. - Какой смысл гоняться за ним? Не хочу больше бежать!

Усевшись на обочине, мы закурили и принялись рассеянно наблюдать, как продолжают преследование Маклауд и Королева - размашистой рысью удаляясь по грунтовке в сторону станции. Через некоторое время их фигуры скрылись за поворотом, а мы с Кузьмичом пошли обратно в лагерь: пить водку и ожидать новостей. Они не заставили себя ждать.

Прибыв на станцию, Маклауд и Королева не обнаружили там и следа воинов Оукеншильда. Порядком разочарованные, они уселись на платформе передохнуть - но тут их осенила неожиданная и весьма перспективная мысль. Появилась возможность обернуть ослепительной победой кажущееся поражение. Идея эта посетила наших товарищей в тот самый момент, когда они увидели уже знакомое вам объявление о фестивале, криво прилепленное на бетонном столбе.

- Хм... - прикинул Маклауд, глядя на этот листок. - Если Торуна нет, кто же будет устраивать фестиваль?

- Мы, кто же еще! - ответила Королева. - Пошли, посмотрим расписание прибывающих электричек!

Когда электропоезд на Кирилловское, громяхая колесами, прибыл к платформе, перед глазами появившихся из тамбура гостей фестиваля предстала умильная картина. Маклауд сидел на лавочке под объявлением с самым смиренным лицом, а Королева, распустив волосы, стояла возле столба рядом с ним.

- Ребята, - обратилась она к подошедшим ролевикам, - вы ведь приехали на фестиваль?

- Да, - ответили те, - а вас Торин послал нас встречать?

- Ага, - ответил Маклауд, - пошли скорее!

- К чему эта спешка? - удивились новоприбывшие, но Королева сразу же объяснила, почему.

- Жалко здесь время терять! - заявила она. - Ведь там так здорово! Скоро начнется турнир, а сейчас у озера поют менестрели. Торин просил передать, чтобы вы поторопились! Жалко, если праздник начнется без вас!

- Не, без них не начнется, - обронил Маклауд, но никто из прибывших не придал должного значения его словам.

Таким образом, Ториновский фестиваль превратился в западню, настоящую ловушку на тех, кто падок на подобные мероприятия. Мы установили патрули у станции и на лесных дорогах - и к вечеру в наши сети попало множество приглашенных. До места они шли своим ходом, воодушевленные красочными рассказами о фестивале - но у озера их движение прекращалось. Хватая их небольшими группами и по одному, мы с величайшим старанием вязали их капроновой веревкой и рассаживали под деревьями, неподалеку от нашей стоянки. Для них уже была приготовлена праздничная программа: мы назначили на эту ночь величайший Круг Игр, которому еще не было равных в истории.

Когда багровый закат пал на озерные воды, мы разожгли у себя на стоянке огромный костер. Пойманных сторонников Оукеншильда направили в организованный женой Маклауда и Королевой "косметический салон". Там их старательно вымазали углем, нарядили в юбки из папоротника и еловых лап, а на головы приспособили "шлемы", сделанные из смеси озерной глины, гречневой каши и старых макарон.

Из этого Круга Игр мне больше всего запомнилось четыре игры - "Узорный Гульерик"¹⁵⁰, "Сказочник и Болотная Лихорадка"¹⁵¹, "Мученик"¹⁵² и "Лиловый Шепотун"¹⁵³. Не только мы

¹⁵⁰ Поводом для изобретения этой игры послужил человек, прибывший на семинар Торина на велосипеде, а название связано с моею безграмотностью. По традиции мастер-распорядитель (должность которого занимал я) тянет из шапки клочки бумаги с названиями игр, брошенные туда собравшимися. Там могут быть как старые игры, так и новые - и на этот раз я вытянул из шапки листок с надписью, которую прочел как "узорный гульерик". На самом деле там было написано "узорчатый гульфик", но традиция нерушима: как мастер-распорядитель объявил игру, так и будет. Суть игры состоит в следующем: человеку говорят, будто бы его собираются катать три круга на велосипеде вокруг стоянки. Предварительно сиденье поднимают так, чтобы он не мог достать ногами до педалей, а руки привязывают к рулю. После этого Гульерику одевают на голову плотный мешок и действительно везут три круга, сопровождая все это дело песнями и весельем, как бы предвкушая то, о чем сам Гульерик еще не знает. Под конец третьего круга велосипед разгоняют и запускают в озеро - с небольшого обрыва.

¹⁵¹ Для этой игры в первую очередь необходимо организовать удобные лежаки на берегу озера. Сказочник входит в воду по грудь и принимается в лицах рассказывать какую-нибудь общеизвестную сказку, а мастер-осветитель подсвечивает все это лучом мощного фонаря. При этом Сказочник обязан тщательно наблюдать за сигналом мастера-распорядителя, при подаче которого должен сразу же прервать свой рассказ, поднять руки с двумя вениками, до этого момента спрятанными под водой и начинать симулировать эпилептический припадок. По другому сигналу он должен оставить это занятие и продолжать сказку - в лицах и с того же самого места. Собравшиеся на берегу не знают, когда именно Болотная Лихорадка одолеет Сказочника, что придает игре очарование и особенный шарм. Правда, на этот раз у братьев возникли серьезные разногласия вот по какому поводу: что за сказку рассказывал Сказочник? Кое-кто утверждает - это была Курочка-Ряба, кому-то послышалась басня про Колобка, а кому-то - история Снегурочки. Похоже на то, что каждый из нас слышал в тот раз свою сказку, чему до сих пор нет никаких вразумительных объяснений. Мы назвали этот случай "феноменом Сказочника".

¹⁵² Игра Мученик никогда не назначается просто так, потому что относится к Штрафному Кругу Игр (назначающемуся только тем, кто не желает по доброй воле участвовать с должным усердием в Основном Круге). Для этого Мученика накрепко привязывают к дереву, после чего объявляют - ты бесполезен, поэтому мы обольем тебя с ног до головы бензином и подожжем. Мученику действительно льют немного бензина за шиворот и на грудь (для запаха), после чего за деревом подменяют бутылку и обливают его с ног до головы - но уже водой. После этого бутылку меняют опять и делают длинную и извилистую бензиновую дорожку - от конца поляны и до самых ног Мученика. Когда поджигают бензин, мастер-осветитель должен немного подсветить лицо Мученика сбоку, чтобы все собравшиеся могли видеть гамму впечатлений - проявляющуюся все сильнее по мере приближения огня.

¹⁵³ Для этой игры все собравшиеся должны сесть вокруг костра, взяв на себя обязательства до поры не оглядываться. Мастер-по-Шепотуну в это время выводит из лесу к стоянке самого Шепотуна, который движется на четвереньках, изо всех сил натягивая застегнутый у него на шее собачий поводок. В обязанности Шепотуна входит бесноваться в этом ошейнике, шипеть и угрожать собравшимся своими клыками, а мастер-осветитель обязан с помощью фонаря

оценили по достоинству эти игры: за праздничной программой с огромным наслаждением наблюдали прибывшие под вечер из Каменки дембеля-миротворцы. Наша затея им очень понравилась, и наутро они уходили с четким намерением организовать подобные развлечения у себя в части. Это дает вышеперечисленным играм надежду на бессмертие - вполне возможно, что и сейчас в Каменке какой-нибудь “дедушка” говорит провинившемуся “духу”:

- А ну, тело, изобрази-ка мне Лилового Шепотуна!

Ночь пролетела незаметно, а рассвет мы встречали уже на опустевшей поляне - пресытившись под утро развлечениями и разогнав пленных. Ласковые лучи утреннего солнца падали на мир, все было тихо, благообразно и мирно. Усевшись возле догорающего костра, мы наблюдали за Строри, который взялся зашивать джинсы. По крайней мере намеренности он намертво пришил их к собственному спальнику, лежащему в это время у него на коленях.

Именно в этот момент невысокий, наряженный в серые слаксы и тонкую пропитку человек вышел из лесу на нашу поляну, небрежно помахивая зажатой в правой руке здоровенную “Моторолой”. У него был сильно недовольный вид, как будто он не на берег лесного озера вышел, а явился в фирменный магазин - заявить претензию по поводу грубости и некомпетентности персонала.

- Так, - с ходу заявил он, - что это мы тут видим?

Это был первый случай, когда мы увидели в лесу сотовый телефон (одну из первых моделей “Моторолы” - прямоугольную коробку без экрана с выдвижной антенной). Незнакомец остановился всего в нескольких метрах от нас - а мы неподвижно сидели, пораженные его наглостью и мажорским видом. Строри в этот момент едва не проколол себе ногу швейной иглой, а Крейзи выронил из рук на газету наполовину забитый косяк - чего за ним обычно не водится.

- Чего вы расселись? - вновь обратился к нам незнакомец, подозрительно уставившись на наши удивленные лица. - И вообще - кто вы такие?

Тут надо отдать должное Маклауду, единственному из нас, кого совершенно не смутила необычная ситуация. Встав на ноги, он подошел к незнакомцу, положил ему руку на плечо и громко произнес:

- Это как раз то, что нам нужно!

Через несколько минут, когда незнакомец сменил свой первоначальный имидж (примерив на себя шлем из каши и юбку из папоротника) - между нами состоялась вот такая беседа:

- Я не затем приехал сюда, - визгливо выкрикнул незнакомец, - чтобы меня мурыжили какие-то Грибные Эльфы! Вы меня не знаете: я названный брат самого Торины Оукеншильда!

- Для тебя было бы лучше этого не говорить, - заметил Кузьмич, но незнакомец не унимался:

- Сейчас я позвоню в милицию, и тогда вам пиздец! Немедленно отпустите меня!

Барин, услышав эти слова, взял принадлежащий Ториновскому брату сотовый телефон и куда-то унес. Вернувшись через минуту, он подал Ториновскому брату железную миску, в которой лежала его “Моторола”: мелко крошенная топором, с антенной, вертикально торчащей из кучи обломков.

- Звони! - предложил Кузьмич. - Что же ты не звонишь?

Брат Торины уставился на миску в некотором оцепенении, вытаращив глаза, а Барин стоял рядом с ним неподвижно. Ничего не предвещало того кошмара, что случился буквально в следующий момент. Когда я это увидел, то сначала не поверил своим глазам - до такой степени дико и необычно выглядел поступок Кузьмича.

Чуть подавшись вперед, Барин всунул миску прямо в руки Ториновскому брату. А когда тот вцепился в неё - обхватил его левой рукой за затылок и потянул на себя. Брат Торины принялся сопротивляться, но эта борьба длилась недолго. В следующую секунду Кузьмич с силой выбросил

вперед другую руку и вырвал у брата Ториного правый глаз. После этого Барин отступил на два шага назад, победно глядя на нас и высоко поднимая зажатое в пальцах глазное яблоко.

- Кузя, блядь! - закричал я. - Ты чего делаешь?

- Тяжкие телесные! - зарычал Маклауд. - Барин, сука, вписал нас в блудняк!

- Чего вы орете, какие еще тяжкие телесные? - спокойно ответил Кузьмич. - Приколите лучше, у этого пидора искусственный глаз!

- Фу, напугал... ну гондон! - набросился Маклауд на Ториновского брата. - Второй глаз тоже искусственный? А ну, вынь, покажи!

Побросав одежду и обувь Ториновского "родственничка" в костер, мы нагрузили на него раздувшийся от нажитой добычи рюкзак Маклауда, похватили свои вещи и отправились в обратный путь. Мы собирались ехать домой, но по дороге нас поджидало еще одно забавное приключение.

На очередном повороте грунтовой дороги мы повстречали Леву-Хоббита - жирную чернявую тварь, нагруженную тяжеленным рюкзаком. Он прошел мимо нас с самым постным выражением лица, лишь искоса глянув на брата Оукеншильда, перемазанного сажей и облаченного в юбку из папоротника и еловых лап. Лева-Хоббит известен в Питере своей жадностью и нежеланием делиться едой, так что нам показалось хорошей идеей проверить эти расхожие слухи.

- Привет, Лева! - крикнул Маклауд. - Есть у тебя хлеб?

- Нету, - буркнул Лева, но как-то неискренне, так, что всем сразу стало ясно - Лева врет.

- Ну, Лева, - ласково попросил я, - не откажи! А то у нас консервов полный рюкзак - и ни куска хлеба. Так как?

- Нету у меня ничего! - категорически заявил Лева и тут же добавил: - Пропустите, я опаздываю на фестиваль!

- Не спеши ты так, Лева, - начал было я, но меня перебил Строри:

- Петрович, Маклауд - нам некогда! Из-за этого жирного мудака мы опоздаем на электричку! Живо пошли!

Мы развернулись и пошли было дальше, но Лева-Хоббит рассудил иначе - не забыл Строриных слов про жирного мудака.

- Сами вы мудаки, - донесся до нас его голос. - В лесу надо иметь собственный хлеб!

Обернувшись, мы заметили Леву-Хоббита - он улепетывал по дороге со всех ног, просунув пухлые ручки под лямки неподъемного рюкзака. Переглянувшись с Маклаудом, мы сбросили на дорогу собственные вещи и бросились в погоню за Левой.

То, что случилось с Левой, я склонен называть "спонтанный спецманевр". Я бежал первым, а когда догнал Леву - тут же набросил ему сбоку на шею капроновую петлю. Я не стал дергать за веревку, пытаясь остановить Левин разгон, а поступил с точностью до наоборот. Обогнав Леву, я изо всех сил принялся тянуть за концы веревки, придавая его бегу дополнительное ускорение.

В этот момент Маклауд, настигнув Леву сзади, в прыжке ударил ногою ему в рюкзак, от чего Леву с еще большей скоростью бросило вперед. Тогда я резко остановился, изо всех сил натягивая удавку - приседая и упираясь ногами. Из-за этого Леву понесло вокруг меня по широкой дуге, которая закончилась, когда Лева на полной скорости врезался башкой в придорожную ель. Удар был столь страшен, что удавку вырвало у меня из рук, а Леву отбросило от дерева на пару метров назад. Вынув у Левы из рюкзака буханку хлеба, мы отправились догонять своих - счастливые сделанным и премного довольные собой.

Возле поворота на садоводство мы отправили брата Ториного в лес, накрепко наказав ему ни в коем случае не показываться на станции. По слухам, некоторое время он скрывался в лесу, пока не был обнаружен грибниками: голый человек в юбке из папоротника, прячущийся под корягой. Нас весьма обрадовали эти слухи. Но они - ничто по сравнению с тем, что мы слышали всего через несколько дней по возвращении в город. У этих слухов есть своя, собственная предыстория.

Один из тех господ, что были захвачены нами для ночного Круга Игр, оказался не робкого десятка. Он прямо спросил у нас: с какой стати и почему мы над ним издеваемся? Это оказался близкий друг Торины Оукеншильда, запомнившийся нам под именем Мученик. На его вопросы мы ответили вот как:

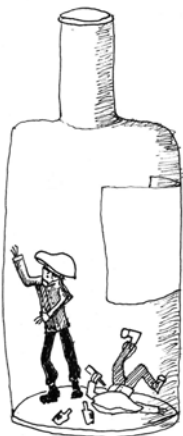
- Торин собрал с нас по восемьдесят рублей, - с самым серьезным видом заявил Мученику Кузьмич. - Кроме того, мы сдали ему продовольственные взносы - так что теперь остались совсем без еды.

- А теперь Торин съебал, - поддержал эту провокацию Строри. - Видишь ведь сам, его нигде нету! Против тебя лично мы ничего не имеем, просто мстим таким образом Тороину за кидок. Потерпи, и все образуется!

Какое-то время Тороиновский друг терпел, но когда приехал в город, терпение у него истощилось. Прямо с вокзала он поехал к Тороину домой и принялся колотить в дверь. А когда Оукеншильд ему отпер - друг с порога заехал Тороину по еблу. Так Оукеншильда настиг посланный из леса пиздюль - полной моральной победой завершая историю нашей борьбы против школы ниндзя Тороина Оукеншильда.

День отморозка.

"Смерти нет, Микки, потому что мы - ангелы!" Мелори Нокс.

Истинно сказано: ищите и обрящете, трудитесь - и воздастся по вашим трудам! Военная кампания против Тороина Оукеншильда нашла горячий отклик в человеческих сердцах, а по осени в газете "Метро" даже появилась публикация, освещающая этот занятный случай.

Автор этой статьи, подписавшийся псевдонимом Артанис Моргенштерн, выпустил этот материал в свет под шапкой "Грибные Эльфы или свежий воздух". Избранные части этого материала я вам сейчас процитирую. Возможно, что за прошедшие годы я немного подзабыл основной текст, но вся суть останется прежней:

"Августовская ночь. На поляне у костра сидят несколько ребят. Неожиданно из леса начинают лететь пули - пока пневматические..."

С этого слезливого пассажа начинается статья, а затем автор как бы разворачивает перед читателями проблему, не стесняясь при этом очевидной дезинформации:

"Среди Питерских ролевиков существует группа "Грибные Эльфы". Они объявили себя викингами и ездят на игры, облившись отвара из мухоморов..."

Автор заканчивает свое выступление своеобразной моралью:

"Как получилось, что восемь Грибных сумели до такой степени запугать больше тысячи ролевиков?"

На предложенный читателю вопрос сам Артанис не дает никакого ответа, тщательно избегая любых объяснений. Поэтому остается загадкой: откуда взялись в Питере (на дворе осень 1997 г.) больше тысячи ролевиков, и сколько из них явились к Артанису на референдум - заявить про степень запуганности? В своей публикации Артанис обращается с фактами весьма умело - передергивая, словно опытный онанист. Ссыкливый Торин и его воины-ниндзя превращаются под

ударами пера Моргенштерна в “больше, чем тысячу ролевиков”, а имевшие место события намеренно раздуваются.

Не знаю, на какую реакцию рассчитывал сам автор, но наши товарищи оказались этой публикацией премного довольны. Неудивительно - ведь про нас еще ни разу не писали в газетах! За свой труд Артанис Моргенштерн удостоился специального места в наших списках, и при личной встрече мы рассчитывали его как следует вознаградить. Очень жаль, но до сих пор нам не представилось подходящего случая.

Это был не единственный ответ: по слухам, брат Торина Оукеншильда после своего посещения “фестиваля” был госпитализирован с диагнозом “нервный срыв”. Маленько излечившись, он тут же бросился в милицию - жаловаться на Грибных Эльфов.

Милицейскому чину, принимавшему у него заявление, Оукеншильд-младший изложил ситуацию так:

- Меня ограбили и избили! Что мне теперь делать?

- Пишите заявление! - отозвался дежурный милиционер. - Знаете, как писать?

- Нет, - признался незадачливый терпила¹⁵⁴, - я раньше с этим не сталкивался. Помогите мне!

- Хорошо, - согласился дежурный. - Я сейчас запишу все с ваших слов, а вы просто подпишетесь внизу. Готовы?

Тут дежурный вынул листок бумаги, нарисовал соответствующую “шапку” и приготовился писать.

- В воскресенье утром, двадцать четвертого августа, - начал брат Торина свою обличительную речь, - я приехал в Каннельярви, на побережье озера Исток.

- Исток... - повторил дежурный, закончив писать. - Что дальше?

- Там должен был проходить молодежный фестиваль, - продолжал диктовать брат Торина, а дежурный записал это и опять переспросил: - Так, фестиваль... Что еще?

На этом месте брат Торина вдался в пространные и совершенно ненужные объяснения - что это был за фестиваль и кто именно должен был на него приехать. Дежурному пришлось сначала перевернуть первый листок, а затем взять из стопки следующий - столько подробностей вывалил на него Оукеншильдовский брат. Но на этом дело не кончилось - и только к третьему листу дежурному удалось добраться до сути самой проблемы.

- Ко мне подошли эльфы... - Ториновский брат надиктовывал быстро, особенно не утруждая себя размышлениями, и дежурный поддался.

- Подошли эльфы... - машинально озвучивая написанное, переспросил он, но тут же спохватился:

- Что? Какие эльфы?

- Грибные, - серьезно ответил брат Торина.

Тут дежурный отложил в сторону испорченный бланк и уставился на заявителя с выражением крайней неприязни.

- Вы толкиенист? - подозрительно спросил он, в упор глядя на Ториновского брата.

- Да, - без тени сомнения ответил тот, - и являюсь членом Санкт-Петербургского Толкиеновского Общества! Мы...

Но что именно “мы”, брат Торина сообщить не успел, так как взбешенный дежурный поднялся со своего места и принялся на него орать:

- Жалобы на эльфов милиция не рассматривает, обратись с этим к профессору Толкиену! - разорялся дежурный, игнорируя жалкое “я же не знал” Ториновского брата. - Кто за вас будет думать?!

Перед тем, как за Ториновским братом захлопнулись двери отдела, дежурный еще раз напутствовал несостоявшегося терпилу:

- Вон отсюда, скотина! И чтобы глаза мои тебя здесь больше не видели!

¹⁵⁴ Терпила (блат.) - потерпевший.

Другой смешной случай произошел в октябре этого года в Нимедии, на нашем холме. Конец октября в 97-м выдался холодным и снежным, ударили самые настоящие морозы - но нас это не остановило. Мы стартовали вечером двадцать четвертого числа, прихватив с собою восемьсот грибов, пятилитровую канистру спирта, полкружки дури и две упаковки лимонного “Швепса”.

Есть своя, особенная прелесть в зимнем лесу. Белый покров укутал землю, тяжело осел на мерзлых ветвях - но между стволами все так же господствует угольно-черная мгла. Она становится лишь плотнее по мере того, как человеческий взгляд погружается в эту бездонную перспективу - а под её пологом лопаются от стужи корявые стволы матерых елей. Иногда ветер приносит тяжелые тучи - словно огромные мешки со снежной крупой, и тогда весь мир исчезает в бешеном танце падающих с неба белесых хлопьев.

Погода стояла на редкость морозная - дело шло к минус тридцати, но пока что так было только под Питером. А в Москве как раз заканчивалось “бабье лето” - светило солнце, и температура ниже плюса пятнадцати не опускалась. Поэтому Дурман, которого мы загодя пригласили посетить наш праздник, выехал из столицы облаченный только в косуху, джинсы и высокие ботинки армейского образца.

Добравшись до Питера на перекладных, Дурман сразу же поспешил на Финляндский вокзал, и к середине субботнего дня оказался в Заходском. Зимний лес показался ему совсем незнакомым, а Нимедию Дурман нашел, лишь проплутав по сугробам несколько часов. Когда он принялся копошиться у входа в палатку, его было не узнать - до такой степени он замерз и ооченел.

Ободрав с Дурмана промерзшую одежду, мы завернули его во множество спальников и одеял, а для сугрева прописали ему кружку спирта и шестьдесят грибов. Немного придя в себя, Дурман сообщил нам, что приехал в Заходское не один - по дороге из Москвы он встретил попутчика, которого уговорил ехать с собой. Этот попутчик оказался совсем не приспособлен к суровым зимним условиям. Обутый только в легкие полуботинки, он быстро разочаровался в блужданиях по зимнему лесу.

- Еб твою мать! - вещал нам из палатки немного согревшийся и раскрасневшийся от выпитого спирта Дурман. - Этот мудила лег под ель и сказал, что дальше идти не может. Сходите до него, а? Ведь замерзнет же насмерть человек!

Снарядившись кто во что (кто в пуховики и зимние ботинки на меху, а кто и в шинели да валенки), мы отправились на розыски, обратно по Дурмановским следам. Сразу найти пропажу не удалось - Дурмановский попутчик не стал дожидаться под елью подмоги, его следы вели теперь в направлении военного полигона. Мы обнаружили его у поворота на Грачиное - замерзшего сверх всякой меры человека в тонкой косухе, слаксах и кожаных туфлях. Не в силах больше идти, он сел под дерево и так и сидел - с бледным лицом, обхватив плечи трясущимися от холода руками.

Доставив его на холм, мы применили к нему те же самые меры, что и к Дурману - обернули одеялами, дали выпить кружку спирта и съесть шестьдесят грибов. Костра по зимнему времени мы не делали (обременительно, да и незачем) - поэтому жили просто так, установив рядом три имевшихся в нашем распоряжении палатки. Навалив внутри груды теплых вещей, мы закапывались в одеяла и высовывались наружу только затем, чтобы пописать и обменяться с соседями закуской. Но попутчик Дурмана решил вмешаться в спокойное течение нашего быта.

- Эй, чуханы, - неожиданно обратился он к нам. - Харэ пиздеть, спать мешаете!

Уже и это его заявление немало всех удивило, но Дурманов попутчик на этом не успокоился - выпутался из-под одеял и продолжал развивать свою мысль. Если говорить вкратце, то суть его манифестации сводилась вот к чему:

- Я недавно откинулся с тюрьмы, - с выкаченными глазами вещал он. - И теперь здесь все так будет, как я прикажу! Освободите эту палатку, возле меня вам делать не хуй! Живо, чуханы, шевелитесь!

Нам было хорошо видно, что Дурманов попутчик перекинулся - его с головой выдавало побелевшее лицо и обессмыслившиеся глаза. Но он и так уже сказал дохуя лишнего, а когда принялся угрожать ножом - терпение у братьев истощилось.

Строри выбил нож у него из руки, а затем мы выволокли Дурманова попутчика из палатки, крепко опиздюлили и оттащили в густой ельник у подножия холма. Бросив охувшего сидельца под дерево, мы вернулись к себе в палатку и сразу же забыли о нем.

Темнота упала на мир, растворяя в себе все дневные образы - и мы тоже полностью растворились в этой темноте. Я свернулся калачиком под грудой тряпок и одеял, где меня хранили от лютого холода этанол и волшебные грибы. Угревшись в этом логове, я слушал вой зимнего ветра, скрип обледенелых ветвей и приглушенное дыхание братьев. Слушал, пока не уснул.

С утра меня разбудили стук топора и приглушенные голоса.

- Завтракать пора, - я узнал выговор Алены. - Вставайте, уже третий час!

Раздвинув обледенелую ткань у входа в палатку, я принялся наблюдать, как играют, отражаясь в снегу, солнечные лучи. Тучи разошлись, небо поражало взгляд яркой, насыщенной синевой - словно боги разлили по небосводу концентрированный колер. Выбравшись наружу, я поспешил к костру, который Крейзи развел в глубокой яме, вытопанной в снегу. Половина наших уже проснулась и сгрудилась вокруг этой ямы.

- Утро доброе, брат! - поприветствовал меня Крейзи, когда я присел у огня и протянул к пламени задубевшие за ночь пальцы. - Как спалось?

- Отменно, - кивнул я. - Спасибо, брат.

Тут из палатки вылез Дурман. Глядя на него, Кузьмич слегка наморщил лоб - будто что-то припоминая, а затем спросил:

- Мне кажется, или с нами вчера еще кто-то был? Ну, этот - который ножом угрожал?

- Ха! - воскликнул Строри. - Совсем про него забыл! Пойдемте скорее, поглядим на человека-подснежника!

- Да он, наверное, еще с вечера на станцию ушел! - предположил я. - Не лежал же он всю ночь в снегу?

- А почему нет? - возразил Маклауд. - Если его не побеспокоить, он и до весны в снегу пролежит!

- А ну, - предложил Кузьмич, - айда на него смотреть!

Спустившись с холма, мы тут же обнаружили ночную пропажу. Подтянув колени к груди, Дурманов попутчик лежал под елью совершенно неподвижно, с мертвенно-белым лицом.

- Смотрите, - показал пальцем Кузьмич. - Что это у него на губах?

Присмотревшись, мы заметили - губы у нашего нового друга растрескались и почернели, а выступившая слюна смерзлась коркой блестящей ледяной пены.

- Охуеть! - прокомментировал Строри. - Ему пиздец. Надо его труп куда-нибудь спрятать!

- Зачем? - удивился я. - Пускай здесь лежит!

- Лучше сейчас, чем по весне, - поддержал Костяна Маклауд. - Пока этот пидор не протух!

- Погодите вы, - вмешался Кузьмич. - А вдруг он еще живой?

- Тем хуже для него! - заметил Маклауд. - Оттащим его подальше - и дело с концом!

- Не согласен! - возмутился Кузьмич. - Лучше будет, если мы его спасем! Не придется тогда по весне возиться с его гнилыми костями. А ну, помогай!

Подхватив Дурманова попутчика под ноги и плечи, мы сноровисто затащили его на холм. Тащить пришлось как есть, скрюченного - до такой степени он заковенел.

- Прямо в костер его кладите, - авторитетно заявил Кузьмич. - Небось, живо отогреется!

Так мы и поступили. Бросив скорчившегося Дурманова попутчика на угли, мы с интересом принялись ждать: чего будет?

С минуту все было тихо - лишь потрескивала, морщась от страшного жара, кожаная косуха. Затем от костра ощутимо потянуло паленым, а следом за этим послышался низкий, протяжный стон - это

Дурманов попутчик отогрелся и начал приходить в себя. И пробуждение ему ни хуя не понравилось.

- А-а-а, - завыл он, силясь перевернуться и выкатиться из огня. - О-о-о!

- Согрелся, - удовлетворенно отметил Кузьмич. - Спасли!

Сбросив спасенного с углей, мы принялись собираться в обратный путь. Дурманов попутчик идти не хотел - жаловался на обмороженные ноги и умолял, чтобы его оставили в покое.

- Не могу я идти, - выл он, - ног не чувствую! Бросьте меня!

- Бросим, не сомневайся, - успокаивал его я, - до станции доведем и бросим! А ну, пиздуй живей!

Обратная дорога получилась сложной - допивали оставшийся спирт. Все бы ничего, но подвел эффект перепада температур. На тридцатиградусном морозе ты даже самому себе кажешься трезвым, но все меняется, как только тыходишь в жарко натопленный вагон. Это действует наподобие удара кувалдой, после которого ты только и можешь - валяться, словно мешок, на полу в тамбуре, сипеть, плевать и дергать за ноги остальных пассажиров.

Мы с Крейзи и Строри вышли на Удельной, а остальные товарищи поехали дальше, в сторону Финляндского вокзала. Там Дурманов попутчик был задержан милицейским патрулем, так как не мог больше передвигаться самостоятельно, а желающих помочь ему не нашлось. Из отдела Дурманова попутчика направили прямо в больницу, где ему тут же ампутировали все пальцы на обеих ногах.

Выбравшись из метро на Парке Победы, я распрощался с Крейзи, купил на оставшиеся гроши бутылку пива и засобирался в сторону дома - да не тут-то было. У меня закончилось курево, поэтому я принялся бродить по району в поисках того, кто угостил бы меня сигаретой. На улице Бассейной, возле выхода из парка есть автобусная остановка - туда-то я и направился.

Заглянув под металлический козырек, я заметил незнакомого мне молодого человека в вязаной шапке с цветными помпонами (иногда такие шапки носят рейверы или репера). Этот головной убор вызвал мое крайнее неодобрение, так что между мною и его обладателем состоялась вот такая беседа:

- Слышь, мудило вафельное, - заплетающимся языком вывел я, - что это за петушиная грива у тебя на голове? Живо сними с себя это говно и дай мне сигарету!

Незнакомца мои слова здорово возмутили, он даже принялся подниматься со своего места - но к такому повороту событий я был готов. Шагнув вперед, я с силой ударил человека в шапке пивной бутылкой по голове. Разлетелись по сторонам стекла, хлынула кровь - а мой оппонент упал и больше не поднимался.

Такой удар простой пивною бутылкой - огромная редкость, не часто удастся свалить человека за один раз. Я ощутил сильную гордость и испытал душевный подъем - из-за чего забрался на скамейку, где только что сидел незнакомец, поднял руки и принялся во все горло орать. Только тогда я сумел разглядеть троих товарищей хозяина шапки, "прячущихся" на этой же остановке. И они совсем не дали мне времени на обдумывание ситуации.

Ближайший из них, высокий парень в зимней спортивной куртке, подскочил к скамейке и с ходу заехал мне в переносицу. Этим ударом он сломал мне нос, а затем я сам себе добавил - когда попытался ударить в ответ, упал со скамейки и сломал правую руку. Некоторое время меня били ногами, но недолго - неподалеку случилась милицеская машина. Тогда меня прекратили бить, поставили на ноги - и мы побежали. Нога в ногу с моими недавними оппонентами мы пересекли парк, а потом наши пути разошлись. Они побежали в сторону телефонной станции, а вот куда побежал я - про это не помню.

Я пришел в себя на пустыре за СКК им. Ленина - когда пил спирт из пластиковой бутылки, сидя по пояс в ледяной воде. Здесь под землей проходят трубы центрального отопления, поэтому лужи не замерзают даже самой лютой зимой.

Сил моих хватило лишь на то, чтобы выбраться из воды, и, словно зомби, ковылять по району, бессмысленно пошатываясь и кровоточа. Около пол-второго ночи я принялся колотить в двери к Рыжей, но она меня прогнала - лишь только увидела мою пьяную рожу. Рука у меня за это время раздулась и почернела, но все равно - поездкой в целом я остался очень доволен. Ведь это не у мне врачи ампутировали все пальцы на ногах, так что жаловаться было не на что. Нет слов - хорошо отметили конец полевого сезона!

Начался ноябрь, а вместе с ним установились такие свирепые морозы, что и носа на улицу не высунешь. Мы коротали время на квартире у Строри, неподалеку от ЦПКиО, развлекая себя водкой и кинофильмами. Среди них нам попались недавно вышедшие в свет “Natural born killers” мистера Стоуна, оставившие в наших сердцах глубокие, кровоточащие рубцы¹⁵⁵.

Как-то раз поутру Строри, очарованного темным гением Стоуна и Тарантино, неожиданно осенило. Некоторое время он сидел, будто бы к чему-то прислушиваясь - а потом принялся напевать, покачивая головой и выбивая такт костяшками пальцев. Через несколько минут он схватил гитару и запел, а получилось у него вот что:

*Я отморозился на кухне, во время еды,
Я живо выскочил во двор, дал кому-то пизды.
Предел моих желаний - дать кому-нибудь по роже.
Я совершенно безнадежен, абсолютно отморожен!*

Я - отморозок!

*Мне не нравятся все эти говнюки и мудаки,
Что называют себя в обществе словом “ролевики”.
Я их пизжу сапогами, пускаю с камнем ко дну,
Я веду с этими козлами затяжную войну!
Все говорят - что я ублюдок, наши мнения схожи.
Я совершенно безнадежен, абсолютно отморожен!*

Я - отморозок!

*Я никого не стесняюсь, ничего не боюсь,
я нахожу “неуподоблюсь” и над ними глумлюсь.
Я заливаю их газом, я их пизжу до крови,
Между мной и “мастерами” нет особой любви!
Все говорят, что я подонок - наши мнения схожи.
Я совершенно безнадежен, абсолютно отморожен!*

Я - отморозок!

Песня понравилась, став для нашего коллектива немеркнущим хитом, своеобразным “военным гимном”. 14 ноября на квартире у Алены Маклауд мы ритуально обрили свои головы в честь подвигов Микки Нокса, учредив таким образом новый профессиональный праздник - День Отморозка. Побрились все - только Крейзи отказался, заявив, что ему это не нужно, так как “противоречит его жизненной позиции и видению мира”. После этого некоторые люди заподозрили, будто бы мы всей бандой подались в скинхеды, но, видит бог - у нас и в мыслях этого не было. Лысые затылки пригодились нам на другом фронте.

¹⁵⁵ Есть множество культурно неразвитых людей, ошибочно полагающих, будто “Прирожденные Убийцы” рисуют перед нами только картины беспочвенного насилия, густо замешанные на невинной крови. Такие кинокритики за деревьями не видят леса, пропуская мимо глаз и ушей самое главное - лучшую романтическую историю из когда-либо созданных.

Как всегда, дней за двадцать перед новым годом в Комитете по Лесу Л.О. объявили предновогодний аврал - расширенные курсы инспекторской переподготовки. По идее, мы должны были “обилечиваться” удостоверениями вместе с людьми от “Гринхипп”, да вот беда - за время прошлогодней кампании у нас сложилось к этим пидорам предвзятое отношение.

Руководство “Гринхипп”, со своей стороны, не могло простить нам глумливого и до крайности неуважительного отношения, на корню подрывающего ихний авторитет. Поэтому они решили избавиться от нас, как от пассажиров невежливых и неудобных. Не решаясь прямо нам отказать, Тони Лустберг, назначенный ответственным за наш “слив”, решил прибегнуть к методу “подставы и провокации”. Продумав все как следует, Лустберг подкараулил нас в день начала инспекторских курсов на лестничной площадке, перед входом в помещение Комитета по Лесу, и заявил:

- Не хотелось говорить вам об этом, но правила изменились. Мы не можем больше позволить дежурить вашим оперативникам, вы с работой совсем не справляетесь! Мы вынуждены назначить старшего в вашу группу - Алимова Юру! Он будет вами руководить и координировать вашу работу, а вы должны будете ему подчиняться!

Тут надо заметить, что нашу реакцию Тони вычислил верно. Его слова вызвали у товарищей целую бурю справедливого негодования.

- Алимов - это Тайбо, что ли? - возмутились мы. - Вы совсем уже охуели! Он же неуподоблюсь!

- Ничего страшного! - заявил Лустберг. - Или берите старшим Тайбо, или проваливайте ко всем чертям! Решайте быстрее!

Мы переглянулись - больно уж неудобная складывалась ситуация.

- Нам надо подумать, - ответил наконец Крейзи. - Недолго, до конца сегодняшних курсов. И тогда мы дадим тебе наш ответ!

- Ладно, - заявил Лустберг, несколько удивленный нашей покладистостью. - Думайте до вечера, но только не дольше!

С этими словами он отошел - оставив нас курить у окна, размышляя над его словами.

- Это что же? - заявил Сттори, как только Лустберг скрылся из глаз. - Они хотят, чтобы Тайбо нами правил?

- Наверяд ли! - рассмеялся Кузьмич. - Тайбо, небось, про это еще и не знает! А что это значит?

- Что нас хотят “слить”? - вздохнул Крейзи. - Ждут, что мы отпиздим Тайбо, или еще чего-нибудь подобного!

- Ну, а мы что? - спросил я.

- Отпиздим! - заявил Маклауд. - Жалко упускать такую возможность!

- Подождите... - начал было Крейзи, но Сттори тут же его перебил:

- Согласен, - кивнул он. - Скорее пойдемте в зал!

В просторном помещении собралось уже немало народа - сидели на поставленных друг за другом стульях и на скамейках вдоль стен. Вел нынешнее заседание товарищ Батов по прозвищу Туранчокс - в своей неподражаемой, до полусмерти изматывающей манере. Видно было, что он еще в молодости продал душу дьяволу - покровителю чиновников и номенклатуры, и получил в обмен на это демонический дар. Трехминутная беседа с ним выматывала больше, чем двухчасовая пробежка. Создавалось впечатление, что старик пьет из слушателей жизнь пристальным взглядом своих выпученных глаз.

Пока он говорил, мы сидели неподвижно, не решаясь на то, зачем пришли. Но вот, словно дурной сон, минул целый час - и Туранчокс смиростивился над нами. Он достал из кармана пачку “Примы”, объявил двадцатиминутный перерыв и вышел из зала. Когда за Батовым захлопнулась дверь, по комнате пронесся общий вздох облегчения, а нависшая было тишина сменилась разнузданной болтовней. Собравшийся народ принялся расхаживать по помещению и кучковаться, атмосфера разрядилась. Но тут посреди зала истошно закричала Алена Маклауд:

- Серёжа, Тайбо меня лапает! Да что же это такое!

Все взоры обратились к центру комнаты, где подпрыгивала и крутилась волчком взбешенная Алена. Перед ней, пунцовый от смущения, стоял Тайбо и нелепо шевелил толстенькими губами в тщетной попытке хоть что-нибудь возразить.

- Я не лапал, - жалко бормотал он. - Я здесь не причем...

Но договорить ему, ясный-красный, не дали.

- Пидор! - закричал Маклауд так, что мне показалось: заводская сирена завывала в помещении. - Ты что творишь?!

- Это не я! - завизжал Тайбо, понимая уже, что сейчас будет.

- А кто? - продолжал наседавать на него Маклауд, при этом стремительно пересекая комнату. - Хочешь сказать, моя жена сама себя лапала? А ну-ка, пойдем - выйдем с тобой в подворотною!

- Я... - попытался было оправдаться Тайбо, но было поздно - Маклауд схватил его за шиворот и потащил к выходу из помещения.

- Я сам пойду! - закричал Тайбо, весьма чуткий на людях к вопросам собственного достоинства. - Сам!

Пока все это творилось, мы тихонечко наблюдали за Лустбергом. Он сидел с весьма довольным лицом, ничуть не печалась о судьбе Юры Алимова - еще бы! По лицу Тони нетрудно было прочесть его мысли: "Повелись! Сейчас дадут Тайбо пизды, и появится отличный повод слить их из природоохраны! Получилось!"

Смакуя свою победу, Лустберг еще не знал, что в комитетском туалете уже лежит один такой повод - в лице инспектора "Гринхипп" Разуваева по прозвищу Злая Голова. Мы повстречали его на лестнице, за минуту перед тем, как отправились слушать лекцию Туранчокса. Но ради Никки мы решили задержаться. Ровно настолько, сколько потребовалось Маклауду на то, чтобы затащить Злую Голову в мужской туалет, запихать головой в унитаз и оглушить сильным ударом деревянного стульчака. После этого Маклауд спустил воду, вымыл руки и отправился вместе со всеми слушать положенное на сегодня Туранчоксовское "назидалово". Так что зря Тони пошел на такие жертвы - повод у него уже был, причем отличный повод.

Через несколько дней чиновники Комитета приняли от руководства "Гринхипп" следующую бумагу. Мы приведем её здесь выборочно, только самые интересные места:

"... разъяснения по поводу бывших инспекторов и дружинников (список фамилий), замеченных в воровстве со склада незаконно добытой лесопроductии с целью получения средств на употребление алкоголя и наркотических средств. Данные лица не соответствуют моральному облику общественного лесного инспектора, что выражается в систематическом совершении последними хулиганских действий и применении насилия к другим членам природоохранного патруля.

Такие действия были совершены 15.12.1997 в отношении действительных инспекторов и дружинников - членов "Гринхипп". Во время инспекторских курсов в здании Комитета по Лесу были зверски избиты инспектор Н. Разуваев и дружинник Ю. Алимов - первый в помещении туалета, а второй - на улице, неподалеку от входа в Комитет.

В связи с приведенными фактами руководство "Гринхипп" не может рекомендовать указанных выше лиц для участия в будущих кампаниях Комитета. Просим снять виновных (по приведенному списку) с участия в ЕК-97 и обязать их сдать имеющиеся у них на руках природоохранные удостоверения. С уважением, В.А Гушин и А. Э. Лустберг".

В четверг, восемнадцатого декабря, за четыре дня до начала старта кампании, нас вызвали к одному из чиновников Комитета. Это был полковник¹⁵⁶, который объявил нам, что мы обязаны сдать выданные нам при посредничестве Гушина и Лустберга двенадцать удостоверений старого

¹⁵⁶ Чиновники Комитета по Лесу, кроме должности, имеют воинские (офицерские) звания.

образца¹⁵⁷. Нам объяснили, что руководство “Дружины Гринхипп” отозвало рекомендацию, строго необходимую для прохождения инспекторских курсов. Фактически это означало: нас только что вышвырнули из Зеленого Движения.

- Что приуныли? - спросил у нас полковник, с улыбкой глядя на наши мрачные лица. - Я так понимаю, мужеложцы сами вас спровоцировали? Что же мне теперь с вами делать?

Сказано это было таким будничным тоном, что мы поначалу даже ничего и не поняли. Но через несколько секунд до нас начал доходить смысл услышанного.

- Так вы... - тихо спросил Крейзи, - вы тоже знаете, что они педики?

- Как не знать? - ответил полковник. - “Охрану природы в зелено-голубых тонах¹⁵⁸” читали? Я этих гомиков терпеть не могу, они мне уже вот где!

На этом месте полковник очень выразительно провел ладонью по горлу.

- Был случай, - спокойно продолжал он, - вывели они меня, и я разбил Гушину нос. Так он на меня тут же заявление подал!

- И как? - поинтересовался Крейзи. - Что из этого вышло?

- Ничего, отписался, - махнул рукой полковник. - Дескать, решил посмотреть на часы, согнул руку к лицу, а браслет часов зацепился за его паскудную рожу. Но, сами понимаете - этот случай не добавил тепла в наши отношения. А раз уж я сам совершил подобное, то вас и подавно ни в чем не виню. Работать хотите?

- Еще бы! - отозвались мы. - Ясное дело, хотим!

- А можете? - строго спросил полковник. - Сколько у вас народу, какой возьмете охват?

Тут слово взял Крейзи. Из кармана своей индейской куртки он вынул затасканный блокнот, раскрыл его и начал прикидывать:

- Всего народу будет около ста человек. Нам понадобится полсотни удостоверений и направления на Московский, Балтийский и Варшавский вокзалы.

- Остаются “Гринхипповский” Финбан и Витебский, вотчина Жука, - подытожил полковник. - Широко же вы размахнулись!

- Не так уж и широко! - вмешался я. - На Финляндский вокзал тоже выпишите направление!

- Зачем? - удивился полковник. - Там же эти...

- Именно за этим! - отозвался я. - За нами должок!

- Эх! - рассмеялся полковник. - А людей на четыре вокзала у вас хватит?

- У нас - не хватит, - отозвался Крейзи. - Но нам помогут друзья!

- Договорились, - ответил полковник. - Получите удостоверения нового образца и расширенные путевые листы с новыми полномочиями. Готовьте фотографии - и за работу!

В смятенных чувствах, еще не до конца уверовав в собственное счастье, мы гурьбой вывалились из кабинета.

- Уф, - выдохнул Крейзи. - Повезло. Попался нормальный мужик, за ним не пропадем. Подлинный благодетель!

С той поры в беседах с друг другом мы стали именовать этого полковника не иначе, чем “наш Благодетель”. Так и говорили:

- Опять у нас говно вышло! Ступай, Крейзи, отмазывай нас перед Благодетелем!

¹⁵⁷ В “Дружине Гринхипп” пользовались двумя типами удостоверений: выданными в Комитете (зеленого цвета) и ксивами Спб-отделения ВООП (Всероссийское Общество Охраны Природы), председателем которого не так давно стал В. А. Гушин. Это произошло в результате перевыборов руководства Спб-б отделения ВООП, которые прошли зимой 1996 года в холле одного ДК возле ст. м. “Технологический институт”. Перевыборы состоялись перед дверями офиса ВООП, на тот момент закрытого (так как никого из действительного руководства ВООП об этой акции не предупредили). Специально для этих “выборов” Гушин и Лустберг подписали большое количество молодежи (в том числе и нас) вступить в ряды ВООП. Затем они (мимо прошлого начальства) провели “внеочередной съезд” и назначили Гушина новым председателем филиала ВООП в Сп-б. После этого Гушин вскрыл дверь офиса ВООП и прибрал к рукам все необходимые документы.

¹⁵⁸ Публикация в газете “Смена”, характеризующая деятельность Гушина на природоохранном фронте, как направленную на растление несовершеннолетних и вовлечение последних в гомосексуализм.

Ватник, дающий все права.

*“Радиус жопы у Гущина
Больше, чем наша орбита.
Гущин - это опущенный
Педерастии арбитр”. “Веселые четверостишья”.*

Оперативный штаб кампании для нашего крыла решено было устроить на Московском вокзале, в помещении отдела транспортной милиции. Он располагается в подземном переходе, соединяющем ст.м. “Площадь Восстания” с выходами к перронам и в здание самого вокзала. Это полутемная и сырая, загибающаяся буквой “Г” бетонная труба, на изгибе которой находится трехслойная стальная дверь с электрическим замком. Если дежурный смилостивится и нажмет кнопку, то послышится характерный металлический стук, язычок замка втянется в паз - и массивная дверь откроется.

Прямо за дверью устроен небольшой тамбур, из которого открывается вид на бронированный “аквариум” дежурного по отделу, а у стены напротив установили небольшой стол - для нашего дежурного¹⁵⁹. В этом году, благодаря заботе нашего Благодетеля, мы работали автономно, подчиняясь только чиновникам Комитета, полностью выйдя из-под юрисдикции расположившегося на Витебском Жука¹⁶⁰. Штаб на Мосбане стал центром нашей экспансии, откуда мы разослали рабочие группы по остальным направлениям: основать пикеты на Балтийском и Варшавском вокзале, на узловых станциях (таких, как Сортировочная и Ленинский проспект) и в дальние челноки (на Мгу, Волховстрой, Любань, Тосно, Лугу, Сиверскую).

Мы сами ни за что бы не справились с таким объемом работ, но Крейзи несколько дней “не слезал с телефона” - и к началу кампании у нас появились помощники. Среди них оказалось немало наших старых знакомых из игровой тусовки, а кроме того, нам здорово помогли кадрами лидеры двух известных в Питере общественно-политических структур¹⁶¹. Их лидеры объявили охрану природы “задачей для патриотов”, и к старту кампании (22 декабря) у нас сложился полностью укомплектованный штат дружинников и инспекторов. Причем укомплектованный людьми, подготовленными к оперативной работе, в отличие от членов “Дружины Гринхипп” - составленной преимущественно из жирных хиппи и апатичных ролевиков. Именно поэтому Крейзи, планируя нынешнюю кампанию, основной упор сделал на выработку протоколов. Рассуждал он примерно следующим образом:

- У Лустберга, да не уподоблюсь ему вовек¹⁶² - только один вокзал и всего десять человек народу, плюс пикет в Девяткино и максимум два челнока в день. А мы возьмем три вокзала - на Варшавский и на Балты поставим мобильные группы, а на Московском сделаем оперативный штаб. Будем шмонать каждую электричку, на узловых станциях навряд Сортировочной поставим засады - так что мимо нас ни одна сука с елкой не проскользнет. Народу у нас - почти сотня, то есть в десять раз больше, чем у “Гринхипп”, значит, и протоколов должно быть соответственно. Так как, Петрович? Сядешь оперативником на Мосбан?

- Угу, только не сразу, - кивнул я. - Сначала хочу направление на Финляндский, чтобы пободаться с нашими недругами за их вотчину. Я так понимаю - у них тоже будут соответствующие бумаги?

¹⁵⁹ Эта должность полностью называется так: оперативный дежурный по направлению (ОДПН).

¹⁶⁰ Начальник организованных при СПбГУ молодежных “Зеленых Дружин”, вплоть до 1996 года координирующий работу городского штаба Елочной Кампании, располагавшегося на Витебском вокзале.

¹⁶¹ Мы не упоминаем прямо названия этих организаций, так как не связывались с их пресс-службой и не знаем, будет ли для них удобно сопоставить свои имена с “текстом подобного содержания”. Но факты остаются фактами: в проведении большинства акций они оказали нам неоценимую помощь, взяв на себя наиболее сложную часть оперативной работы. Поэтому мы снова хотим сказать их личному составу: “Уважаемые, огромное вам спасибо!”

¹⁶² Специальным решением Антон Эрикович Лустберг был зачислен в Список Неуподоблюсь; в масштабах карточной игры “Неуподоблюсь” Антону Эриковичу соответствует дама в пидорской масти (дама червей).

- Именно так, - подтвердил Крейзи. - Но и у тебя будут, так что все путем. Посидишь там дня три - и у них разбежится половина личного состава. Опять же, протоколы за эти три дня все будут наши. Кампания-то идет всего десять дней, так что минимум на треть испортим пидорюгам отчетность.

- И здоровье наполовину, и совсем - настроение, - обрадовался я. - Готовь документы!

Рано утром в понедельник, двадцать второго числа, я был на Финбане и стучался в двери директора вокзала.

- Доброе утро, - жизнерадостно поздоровался я. - Вас приветствует природоохранная инспекция, по вопросу предоставления помещения под штаб. Можно войти?

- Э... - неуверенно отозвался директор. - Обычно приходил другой мужчина, мы привыкли...

- В этом году правила изменились! - строго ответил я. - Теперь проведение кампании доверено нашей структуре! Вот, пожалуйста - направление из Комитета!

- А что случилось-то? - удивленно переспросил директор.

- Ведомственные перестановки, - важно ответил я. - Но вы не беспокойтесь, мы обычаи знаем. Пришлем вам елочек в лучшем виде, сколько прикажете!

- А, ну тогда ладно, - разулыбался директор. - Сейчас я насчет вас позвоню!

Через полчаса я с удобством расположился в помещении уже знакомого мне пикета ДНД. Вместе со мной приехали дежурить четыре тройки бойцов из состава дружественных организаций, которые еще до обеда заполнили весь пикет нарушителями, а помещение соседнего туалета - отнятыми елями. Я как раз корпел над очередным протоколом, когда двери пикета открылись, и в помещение ворвался Тони Лустберг, далеко опережаемый собственным воем:

- По какому праву?! Вы были отчислены из состава инспекторов! Немедленно вон отсюда!

Получилось так, что наше становление в новом качестве прошло мимо внимания руководства "Гринхипп". Так что когда я достал из кармана новое удостоверение¹⁶³, а из папки - соответствующие документы, у Лустберга от обиды чуть крыша не съехала.

- Что такое? - захрипел он, когда я сунул ему под нос бланк Комитетского направления. - Назначили ТЕБЯ старшим по Финляндскому направлению?

- Угу, назначили! - бодро отозвался я. - Так что я на своем месте. А вот что ты, пидор, здесь делаешь?

- Я буду жаловаться начальнику вокзала, - почерневшими губами произнес Лустберг, а затем быстро развернулся и вышел из помещения пикета.

Он действительно собирался нести свою жалобу, да не тут-то было. На его беду, вместе со мной колонизировать Финбан отправился старший сержант Эйв, под новый год получивший увольнение у себя в части. Именно он - покачивая запасенной за время службы внушительной ряхой - отправился по моей просьбе к директорским дверям, рассчитывая перехватить Лустберга возле них.

Совершив стремительный рывок по платформе, Эйв первым добрался до начальственного порога. Там он встал с самым безразличным и скучающим видом, исподлобья оглядывая вокзальную перспективу - вход в буфет и прохаживающихся туда-сюда пассажиров. Кутаясь в бушлат, он стоял перед директорскими дверями с таким будничным лицом, что появившемуся вскоре Лустбергу показалось - молодой военный спокойно ждет своей очереди.

- Вы последний к директору? - нервно осведомился Лустберг, совершенно не признавший в Эйве нынешнем прошлого Эйва.

Поэтому и к прозвучавшему ответу Тони оказался не готов.

- ИДИ НА ХУЙ! - рявкнул на него Эйв.

¹⁶³ Удостоверение общественного инспектора Комитета по Лесу Л.О. нового образца.

Браконьеров
ждет расстрел!

...обратить
...ехал с женой
22.10.1997.
...госпесфонда
...дать шесть)
вы... мне и моим
метро...
детям не... есть.
С моих слов записано верно, мною
прочитано.

нарушитель: Л.М.Баев
комиссар: AVE

- Что?! - отшатнулся Лустберг, не ожидавший от постороннего военного такого к себе отношения.
- Да как вы смее?

- Как я смею?! - рассвирепел Эйв. - Ну погоди!

С этими словами он отлип от стены, сделал шаг вперед и отвесил Лустбергу сытную плюху - кулаком по еблу.

- Надо еще объяснять? - приговаривал он. - Пошел на хуй! Чтобы тебя, пидор, здесь больше не видели!

С этим он отвесил Лустбергу еще несколько увесистых плюх. Удар у Эйва тяжелый, так что Тони не стал ждать продолжения - развернулся и побежал. Эйвовская наука пошла ему впрок, и в ближайшие два дня мы его на Финляндском не видели. Зато прочие члены "Гринхипп", неосведомленные еще о приключившихся "ведомственных перестановках", продолжали прибывать. Они засовывали свои немые головы в пикет, удивленно морщились, заведя меня - но все равно спрашивали:

- А Лустберг где?

- В пизде! - с ходу отвечал им я. - Валите отсюда на хуй, в этом году для вас не будет кампании! Вы уволены!

Так продолжалось два долгих дня. Двадцать четвертого числа на имя директора Финляндского вокзала поступила телефонограмма из Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, в которой один из депутатов (помощником которого являлся на то время Владимир Гущин) просил "разобраться со сложившейся ситуацией" и "дать возможность работать проверенным кадрам". Аналогичный депутатский запрос поступил в тот же день на имя начальника Комитета по Лесу Л.О., а к вечеру на Финляндском вокзале объявился Тони Лустберг со свитой - настроенный очень решительно и вооруженный целой кучей важных бумаг.

- Принято решение на высочайшем уровне! - разорвался он. - Вы обязаны свернуть свой штаб и передать нам все протоколы, а также ключи от склада незаконно добытой лесопроductии!

Увидев такое, я принялся названивать на Мосбан, где царствовал Крейзи.

- Проблемы, брат! - заявил я. - Тут приперся полупидор-полудракон¹⁶⁴ и требует обратно свой вокзал! Чего мне с ним делать?

Затем я буквально в двух словах обрисовал Крейзи сложившуюся ситуацию.

- Вали оттуда! - подумав несколько секунд, крикнул Крейзи прямо мне в ухо. - Протоколы возьмите с собой, а на склад повесьте новый замок. И ключи выкиньте!

- А Elbereth! - смеясь, отозвался я, а через секунду трубка донесла до меня далекое: - Gilthoniel!

В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое мы заседали у Стори - сам хозяин дома, я, Гоблин и Тень. Мы пили водку под гороховый суп и обменивались впечатлениями, благолепно и без всякого беспокойства. Но в половине первого ночи кто-то принялся настойчиво трезвонить во входную дверь. Это оказался незнакомый мужчина лет тридцати вместе со своей спутницей - невзрачной кривоногой бабенкой. Последняя прямо с порога обратилась к Стори вот с какой просьбой:

- Пустите нас погреться! - жалобно попросила она. - Мы знакомые ваших соседей, приехали в гости - а их дома не оказалось. Мы видим - вы не спите, разрешите посидеть с вами до утра?

- Говно вопрос, - кивнул Стори. - Заходите.

Он посторонился, а через несколько минут гости были уже на кухне и присоединились к трапезе. Сначала все было путем, но через пару часов мужчина (назвавшийся Алексеем) залил глаза, и начался карнавал.

- Моя женщина хочет спать, - громко заявил он, обращаясь к Стори. - Постелишь нам свежее бельё в большой комнате, а потом ступайте гулять. Не люблю, когда мне мешают!

¹⁶⁴ Синоним А. Э. Лустберга в нашей собственной языковой культуре.

- Чего? - поначалу не понял Строри, но Алексей тут же расставил все точки над i, поднявшись из-за стола и заорав во весь голос: - Стели бельё и убывай!

Дело не ограничилось одними словами - для пущей убедительности Алексей схватил в руки пилу-ножовку и принялся размахивать ею, подпрыгивать и угрожать. Тогда я взял любимую Строрину дубинку (метровую лыжную палку в оплетке из кабеля, внутрь которой просунут толстенный арматурный прут) - и замахнулся на охувшего от выпитой водки "гостя". Но ударить не успел - слишком скученно сидели мы на маленькой кухне, слишком мало места оставалось на замахах.

Бросив пилу, Алексей подскочил ко мне и вцепился в дубинку обеими руками. Мы принялись тянуть палку каждый на себя, бешено крича и пинаясь ногами, а затем повалились на пол и выкатились в коридор. Не помню, как мы оказались на лестнице - но там мне удалось завести под Алексея ноги и перекинуть его через себя. Так как он продолжал крепко держаться за дубинку, по лестничному пролету мы покатались вдвоем. Пересчитав все ступеньки, мы вывалились из парадной на недавно выпавший снег.

Пока мы катились, я успел заметить краешком глаза, как выбегает на площадку спутница Алексея. Сделала она это на свою беду: не успела она появиться в дверном проеме, как Строри оглушил её бутылкою из-под водки. Мгновенный взмах руки, вспыхивает в желтом свете пустая тара, слышится глухой удар - и лишь затем раздаётся звонкое пение рассыпающихся осколков.

На улице мы оказались с Алексеем лицом к лицу - сидя на земле и упершись друг в друга ногами. Алексей крепко держал палку обеими руками, одним концом к себе, а я намертво вцепился в загиб арматуры, торчащий из другого конца. Секунду мы отдыхали, а затем дернули изо всех сил - и арматурный прут с визгом покинул обрезиненные ножны. Начинка досталась мне - а вот лыжная палка в оплетке из кабеля осталась у Алексея. Почему-то это внушило ему неоправданные надежды.

- Тебе пиздец! - вскакивая на ноги заорал он. - Теперь тебе пиздец!

Лучше бы он не вставал. Первым же хлестким ударом арматурного прута я осушил ему по колену, потом заебенил по локтю, а потом принялся мордовать как попало - по локтю, по горбу, по колену и всяко еще.

- Брось палку! - страшным голосом кричал при этом я. - Немедленно брось палку, пидарас!

Сам не свой из-за полученных тумачков, Алексей растерялся и решил подчиниться моим требованиям. Как только он бросил свою палку на землю - я перехватил поудобнее прут и принялся мордовать его с удвоенной силой. Через пару минут я загнал его к кирпичной помойке, запихал в ПУХТО и закрыл массивной металлической крышкой. Заперев остальные дверцы, я принялся поджигать выпирающий на стыках мусор - желая насмерть удушить Алексея в едком и вонючем дыму. Так он меня разозлил!

Жизнь нашему "гостю" спас брат Гоблин - оттеснив меня в сторону, он отпер ПУХТО и уставился на Алексея.

- Возьмите все! - взмолился к нему Алексей, а когда рассмотрел как следует лицо Гоблина, нашел нужным добавить: - Только не убивайте!

С этими словами Алексей вынул из кармана и стал протягивать нам свой кошелек. Я почти поддался на эту провокацию, но Гоблин меня остановил - перехватил за руку.

- Э-э-э, маленький брат! - рассудительно произнес он. - Мы не в лесу! Нельзя его здесь грабить! Лучше мы нассым ему в кошелек!

Через пару секунд мы забрались на ПУХТО и, строгими окриками побуждая Алексея держать руку повыше, полностью обоссали ему бумажник и часть пальто. После этого Гоблин отпустил нашего гостя - и тот ушел, сильно хромя и волоча на горбу свою окровавленную супругу. Когда он совсем скрылся из глаз, меня вдруг посетили продиктованные жадностью сомнения:

- Все же надо было ограбить! А-а-а!

- Не надо! - остановил меня Гоблин. - Чует мое сердце, на этом дело не кончится!

Как всегда, прав оказался Гоблин. На следующий день Строри, пришедшего домой пообедать, прямо на кухне подстерегал участковый милиционер. Пользуясь служебными полномочиями, он проник в квартиру мимо Строриной мамы и теперь пил чай. Видимо, угощением он остался доволен - раз принялся настаивать, чтобы мы нанесли ему ответный визит. Отказать было неудобно, так что нынче же вечером мы отправились на разбор полетов в местный отдел.

Изначально дело складывалось не в нашу пользу. Достаточно было бросить взгляд на лицо Алексея и на голову его жены, чтобы все встало на свои места. Четверо подонков измордовали семейную чету! Не знаю, чем бы кончилось дело, но нас здорово выручил сам потерпевший. Это случилось, когда он взялся излагать свою версию происходящего, не стесняясь при этом никого - ни нас, ни присутствующих при разговоре сотрудников милиции.

- Этот урод, - брызжа слюной и тыкая в Строри пальцем кричал Алексей, - отказался постелить моей жене чистое белье! Ты, сука, еще за это ответишь!

Тогда милицейские чины принялись расспрашивать его об имевших место обстоятельствах - и Алексей не считал нужным что-либо скрывать. Без всяких обиняков он поведал органам следствия, как именно он попал к Строри в квартиру, какие предъявил требования и каким был наш ответ. У слушавших его ментов челюсти отвисли от такой наглости - так, что они поначалу даже не поверили словам Алексея.

- Что, так и сказал: “Стели белье и убывай?” - спросил один из них. - Прямо вот так и сказал?

- Да, так и сказал, - подтвердил Алексей.

Ментам таких “объяснений” показалось более, чем достаточно.

- Так, - сурово объявил дознаватель. - Выйдите все, кроме потерпевших!

Мы вышли в коридор - но через тонкую дверь нам хорошо было слышно, как дознаватель орет на Алексея:

- Врываешься пьяный в чужие квартиры и устраиваешь там хуй знает что! Чего же ты ждал, пидарас?! Какого к себе отношения?!

Короче, все обошлось.

На следующий день я прибыл на Мосбан и приступил к своим непосредственным обязанностям - сел на место оперативного дежурного по направлению. Как я уже говорил, мой стол располагался прямо напротив стола дежурного по отделу - что сидел за невысокой стенкой, переходящей на уровне пояса в лист толстого бронестекла. Из-за этого стекла дежурный не мог напрямую делегировать мне свою волю, в случае нужды подавая мне разнообразные знаки. А поводы к этому находились самые разные.

Однажды я увидел, как товарищ капитан машет мне из-за своей загородки. Я не ждал ничего необычного, поэтому только при входе в дежурку заметил, что капитан смотрит на меня как-то не так. Причина этого взгляда открылась мне в самом скором времени.

На столе у дежурного стоял небольшой черно-белый монитор, транслирующий изображение с камеры над входом в отдел. На экране монитора хорошо было видно нашего Крейзи (вид сверху и чуть сбоку), притулившегося перед самыми дверями, возле стены. Воровато оглядываясь по сторонам, Крейзи споро приколачивал косяк из здорового (примерно на полкружки¹⁶⁵) свертка - вовсе не замечая камеры, расположенной прямо у него над головой.

- Это кто? - строго спросил у меня капитан, и тут же добавил:

- Вы совсем охуели?

- Это наш старший инспектор, курирующий проведение кампании, - отчеканил я, одновременно с этим доставая из кармана фляжку трехзвездочного коньяка и протягивая её капитану. - И он вовсе не охуел, он просто не знает про камеру.

¹⁶⁵ Кружка, стакан (сленг.) - мера объема, применяющаяся наркоманами для измерения количества марихуаны; весовая кружка составляет около пятидесяти грамм;

- Так информируйте его! - нервно ответил дежурный, одним движением пальцев скручивая пробку. - А то безобразие получается! Старший инспектор - и не знает про камеру!

Следующий случай вышел далеко не таким безоблачным. На станции Сортировочная есть один шалман, что стоит прямо у спуска с платформы. У него две прозрачных стенки из оргстекла, через которое хорошо видны прибывающие электрички. Хозяин этого шалмана заключил с природоохранной инспекцией в лице наших товарищей следующий договор: кружка пива в обмен на любую ель. Понятно, что это место тут же получило в наших глазах статус ОПОПа (опорного пункта охраны природы), а назначение на это пост получали только самые привилегированные инспектора из ближайшего круга братьев.

Елок через Сортировочную везли очень много. Так что когда прошлая смена, с трудом держась на ногах, грузилась в электричку - свежие инспектора заходили в шалман и спрашивали у хозяина:

- Сколько?

- Сорок шесть кружек, - жизнерадостно отвечал хозяин, глядя в специальный блокнот. - Добро пожаловать на пост!

Однажды ночью инспектора Барин и Строри, не имеющие вследствие собственного распиздяйства не то что удостоверений, но даже значков¹⁶⁶, взялись осуществлять на станции Сортировочная “меры по пресечению ввоза незаконно добытой лесопродукции”. Оба плечистые, среднего роста, на время кампании они даже одевались практически одинаково: в черные джинсы, высоко закатанные над голенищами армейских ботинок и в камуфляжные ватники, которые выписал для нас Благодетель.

Как я уже говорил, никаких документов Строри с Кузьмичом не признавали, считая “всю эту канитель” совершенно ненужной. Работали они так: когда прибывала очередная электричка, братья отставляли в стороны пивные кружки, натягивали на лысые головы черные вязаные шапки и выходили на перрон. Разойдясь по сторонам, они выхватывали из потока пассажиров нарушителей природоохранного законодательства, после чего следовало немногословное:

- Елки на землю, суки! Работает Комитет!

Брошенные нарушителями елки братья стаскивали в шалман - и заколдованный круг повторялся. Но сегодняшней ночью все оказалось не так-то просто. Здоровенный мужик лет сорока, выгрузивший из тамбура омуденные стальные сани с привязанной к ним макушкой роскошной ели, бросать свою добычу не захотел.

- Да кто вы такие? - возмутился он. - Сопляки! У вас даже документов нет, а туда же! Съебите с дороги, ебал я ваш Комитет!

Таких слов наши товарищи спустить ну никак не могли. Завязалась нешуточная драка, в ходе которой нарушитель, действительно серьезный мужчина, проволоком повисших на нем Строри и Кузьмича под железнодорожным мостом и вытащил на другую стороны рельсов, к куче ларьков и к автобусной остановке. Там Строри, многоопытный в уличных потасовках, сумел опрокинуть мужика на землю подсечкой - и тогда они с Кузьмичом “сплясали джигу” у него на голове. За эти делом их и застал милицейский патруль, увидавший, как двое парней в камуфляжных ватниках смертным боем ебашат лежащего в луже крови мужика.

- Немедленно прекратить! - заорал сержант, старший наряда. - Что здесь происходит?

Он ожидал от ситуации чего угодно - но не подготовился к встрече с Кузьмичом. А Кузьмич выделяется меж всеми братьями редким талантом: даром самоуверенной наглости.

- Это кто тут вопросы нам задает? - развернулся Кузьмич в сторону подошедшего патруля. Быстро нащупав взглядом старшего, Кузьмич продолжал: - Ты все вопросы лучше сразу в себе задави! Природоохранная инспекция, работает Комитет! Давайте, показывайте свои ксивы!

Сказано все это было спокойно, без агрессии - и в то же время жестко и очень уверенным тоном.

¹⁶⁶ Выданные еще в ВООП нагрудные жетоны общественного инспектора.

- Что? - не понял сержант, по глазам которого было видно - манифестация Кузьмича произвела на него нужное впечатление. Еще бы - странные нарушители не только не пытались сбежать, но еще и потребовали от патруля предъявить ИХ ДОКУМЕНТЫ.

- Что это за Комитет? - наконец переспросил сержант, постепенно выкарабкиваясь из первоначального ступора. - Предъявите-ка сначала СВОИ удостоверения!

Не ожидал он, что Кузьмич ТАК ответит на это разумное требование. Сначала Барин прочертил ботинком в снегу жирную полосу - отделяющую его, Стори и поверженного мужика от милицейского наряда. И только затем взял себя за отвороты ватника и процедил, глядя прямо сержанту в глаза:

- Вот ватник, дающий все права! За этой чертой ваша территория - а с этой стороны наша, и переступать эту черту я вам не советую. Мы подчиняемся напрямую полковнику Комитета, так что вы вообще не имеете права у нас документы проверять! Если есть какие-то сомнения - звоните в линейное на Мосбан. Вопросы есть?

Подумав пару секунд, сержант плюнул и ушел вместе со своим нарядом - но в глубине души затаил на Кузьмича злобу. На следующий день милицейскому дежурному на Мосбан пришла телефонограмма - звонили из отдела неподалеку от Сортировочной. Я сидел на своем посту, когда капитан за бронестеклом взбудоражился - всплеснул руками и начал манить меня к себе в комнатенку.

- Это что такое? - спросил он, показывая мне бланк телефонограммы. - Как это понимать?

Вцепившись в листок, я принялся читать. Вот что там было написано:

"...Прошу дать разъяснения по поводу имевшего вчера ночью инцидента на ж. д. ст. Сортировочная. Там двое членов природоохранного патруля устроили разборку с нашим нарядом по поводу "раздела территории". Неизвестные представились сотрудниками "Природоохранного Комитета", но удостоверения предъявить отказались. На вопрос о мерах по подтверждению их полномочий они предложили обратиться по телефону в линейный ОМ на станции Санкт-Петербург Пассажирская, Московский вокзал. Прошу подтвердить или опровергнуть полномочия сотрудников "Комитета" и дать в телефонограмме соответствующие разъяснения".

Прочитав все это, я поначалу было решил - нам пиздец. А уж если не нам самим, так кампании с нашим участием. Но нас здорово выручили внутриведомственные разногласия.

- Ничего себе! - вмешался в мои невеселые размышления дежурный. - Так нелепо отшить "землю"¹⁶⁷! Охуеть надо!

Довольно потирая руки, капитан забрал у меня бланк телефонограммы.

- Бутылкой вы теперь не отделяетесь! - смеясь, произнес он. - Проставляйтесь, а уж я им телефонирую!

Машинально кивнув, я поскорее пошел к выходу из дежурки. Я пребывал по поводу случившегося в легком замешательстве, но все равно расслышал, как капитан снял трубку, прокрутил диск и принялся говорить:

- День добрый! Отдел транспортной милиции, Московский вокзал. Примите телефонограмму! Записываете? "Согласно поступившему запросу подтверждаю полномочия природоохранного патруля..."

¹⁶⁷ Земля (мил. жарг.) - отделы, раскиданные по районам, самая обычная милиция; кроме этого существует еще транспортная милиция и "кроты" (несущие свою службу внутри и "на радиусах" метрополитена), "ГЗ" и вневедомственная охрана. Сотрудники из разных структур зачастую пренебрежительно относятся друг к другу и рады случаю сделать своим товарищам "козу".

1998. Свет изнутри.

Кислотный удар.

“Есть распространенное заблуждение, связанное с грибами, которое мы призваны немедленно устранить. Многие полагают, будто бы видимое над почвой плодовое тело, составляющее основную славу гриба - это он весь. Но разве же это так?!”

Такой взгляд можно понять – ведь плодовое тело очень привлекательное! Оно виднеется над почвой, словно гордый бастион, а вокруг него - прячась в земле, словно пожар в торфянике - стремительно распространяются споры. Иногда ветер разносит их на невообразимые расстояния, где благодаря этому смогут вырасти новые, охуительные грибы.

*Это линия прямой передачи материала, которая распространяется на все виды почвы. Погружаясь в глубину, этот материал будет ждать наступления благоприятных условий для своего созревания. После первых же обильных дождей новая грибница пойдет в рост, а через некоторое время люди в окрестных деревнях про это заговорят, скажут: “Ой! И у нас в лесу эти грибы появились!”” **Новый микологический словарь.***

В начале этого года задул ветер перемен, могучий и неумолимый - а на его крыльях в нашу жизнь пришли новые веяния. Некие Наташа и Максим (героиновые барыги с Сенной) познакомили нашего Крейзи с удивительной субстанцией - желтоватым порошком, распространяемым между доверенными людьми по цене двести сорок баксов за грамм. Высокая на первый взгляд стоимость оказалась вполне оправданной - в грамме препарата содержится около ста некоммерческих доз, а его действие заслуживает отдельного разговора.

Попадая в организм, вещество замещает некоторые медиаторы¹⁶⁸, глубоко воздействуя тем самым на основу восприятия и мышления (таким же образом действует содержащийся в грибах псилоцибин¹⁶⁹). Но одно дело - найти и съесть немного грибов¹⁷⁰, и совсем другое - растворить в ложке несколько кристалликов злобучего порошка, чтобы употребить все это внутривенно. Любому ясно, что грибов можно сожрать лишь весьма ограниченное количество, а вот порошка в ложку помещается в соответствии со смелыми пожеланиями отважного путешественника.

Буквально через минуту после того, как поршень шприца ударит об доньшко - принявший вещество человек начинает стремительно меняться. Никакими словами этих изменений не передать, а появившаяся в последнее время мода описывать так называемые “кислотные трипы” - лишь отвратительная забава для самонадеянных бредунов. Верно только одно: для человека, впервые пробуящего кислоту, иглока шприца становится подобной перу, а кожа на сгибе локтя - пергаменту, на котором он собственной кровью подписывает договор. Словно молот, разбивающий солнца - кислота уничтожает привычное “я”, из пылающих обломков воссоздавая на его месте совершенно новую личность¹⁷¹.

На собственном опыте убедившись в могуществе нового препарата, Крейзи не стал терять времени даром. Споро запасшись всем необходимым (кислотой, инсулиновыми шприцами, бритвой-мойкой и старой чайною ложкой), он взялся за дело с присущей ему энергией и упорством. Начал Крейзи с того, что собрал всех у себя дома и выступил с речью:

¹⁶⁸ Химическими посредниками в процессе передачи нервного импульса являются биологически активные вещества, выделяемые нервными окончаниями. Эти вещества называются нейромедиаторы (син. нейротрансмиттеры).

¹⁶⁹ Псилоцибин; (4-фосфорилокси-*w*-N,N-диметил-триптамин; $\text{C}_{12}\text{H}_{12}\text{O}_4\text{N}_2\text{P}$), индольное производное триптамина, содержащееся в грибах из родов псилоцибе (*Psilocybe*), панэолус (*Panaeolus*), анеллярия (*Anellaria*). После попадания в организм большая часть псилоцибина, теряя O_2PO_3 группу, превращается в свой активный метаболит псилоцин, активность которого примерно на 50 % меньше.

¹⁷⁰ Только небезызвестный Мяфа (Мяфа & С: Курт, Парик и т.д.) жрал по двести пятьдесят штук, остальные обычно довольствуются более скромным количеством - от шестидесяти до ста двадцати.

¹⁷¹ Желаям ознакомиться с литературой по этому вопросу рекомендуем книгу Томаса Вулфа “Электропрохладительный кислотный тест”, повествующую о приключениях Кена Кизи и его друзей.

- Братья! - обратился он к нам. - Кислота - это совершенно особенная вещь, благодаря которой наше движение получит божественную поддержку! Скоро вы сами в этом убедитесь! Нечего попусту рассиживаться - живо за дело!

Под “делом” Крейзи понимал необходимость коллективного употребления кислоты - и к исполнению собственного плана подошел достаточно круто. Его квартира словно по волшебству превратилась в “процедурный кабинет” для всего нашего братства, а сам Крейзи взял на себя обязанности “врача”. Он разработал собственный метод воздействия на психику с помощью кислоты, который уже через небольшое время стал приносить ощутимые плоды нашей организации.

Для этого Крейзи задрапировал у себя в квартире окна плотными занавесками и стал приглашать товарищей по списку - как бы для того, чтобы “посмотреть вместе несколько фильмов”. Согласившихся прийти он немедленно инъецировал кислотой, а тех, кто по каким-то причинам отказывался - тихонько травил ею, щедро подмешивая “волшебный порошок” в выпивку и в коноплю.

Когда кислота “расплющивала” товарищей как следует, Крейзи тащил их в комнату и усаживал перед видеомagneтофоном, который непрерывно транслировал специально отобранные фильмы на телеэкран¹⁷². Сам Крейзи к этому моменту повторно “ставился” кислотой, а затем принимался доносить до нас своё видение мира, разъяснять и нашептывать - в чем, собственно, и заключается его “метод”.

Я хорошо помню атмосферу таких сессий - полутемное помещение, заполненное пряным дымом марихуаны, мерцающий телеэкран и несколько коптящих свечей. Товарищи лежат на диване вповалку с побелевшими лицами, не в силах понять, где проходит грань между происходящим на экране, объективной действительностью и вещами, про которые толкует нам Крейзи. Постепенно реальность таяла, а живые образы из другого времени и пространства проникали в нашу жизнь - с настойчивостью и остротой хорошо отточенного клинка.

Все смешивалось и переплеталось, окружающий мир приобретал новые качества - как будто полведа красок выплеснули поверх черно-белого полотна. Прошлые представления таяли, словно тьма в преддверии утра - а на горизонте сознания начинал разгораться неумолимый рассвет.

Применяемая Крейзи техника называется “мастерство сказок”¹⁷³. По воздействию на психику этот метод напоминает уже знакомые нам “вводные”¹⁷⁴, но с одним охуительным “НО”. Вспомните, что по этому поводу говорили у Эрика в его “Школе Игрока”:

“Вводная - словно магическая свеча, освещающая для игрока путь в другой мир. В ее свете россыпь гнилых бревен обернется кладкой замковых стен, а давно знакомые люди предстанут облаченными в другие тела...”

В этих поэтических строках есть резон, но опыт показывает - такую “свечку” слишком легко задуть. Особенно в Заходском, где ветер пропитался запахом гари и доносит с полигона рев гусеничного тягача. Мелькнут за деревьями пьяные рожи солдат, мучительно ударит по ушам

¹⁷² “Клан” (Kindred: the embrace), “Звездный десант” (Starship troopers), “Страх и ненависть в Лас-Вегасе” (Fear and loathing in Las Vegas), “Формула любви” и “Дом, который построил Свифт”.

¹⁷³ Мастерство Сказок - намерение и умение по собственной воле изменять коллективную реальность, привнесение необычного в обычный мир. Это великое зелье превращений, магическая кисть, которая одним мазком может переписать всю вселенную. Нужно только не забывать время от времени окунать эту кисть в кислоту.

¹⁷⁴ Вводная (вводная информация) - пакет сведений, применяющийся игроком для “перевоплощения” в персонажа. Разделяют общую вводную (данные о мире, описание местности и обычаев) и персональную вводную или “маску” (задачи персонажа, новое имя, присущие убеждения, специфические умения, сленг и психотип, круг общения, внешние признаки и т.д.) От игрока ждут, чтобы он силой воображения превратил окружающий мир в “чужие пространства” и примерил “маску”. То есть “перекинулся” - неожиданно став внутри себя совершенно другим существом.

грохот взрыпакета - и все, считай что свечка потухла. Волшебный мир рассыплется на глазах, оставляя вместо древних замков завалы из покореженных бревен.

Мастерство сказок изменяет мир по-другому - крепче и гораздо быстрее. Поршень шприца тихонько бьет в донышко, словно барабанная палочка в крошечный там-там - и по венам расходится неугасимое пламя. Его жар изменит реальность вокруг вас с такой стремительностью и полнотой, что создается впечатление, будто вы только что прошли вратами миров.

Это действует, словно ламповый усилитель на миллион ватт, который нельзя выключить, покада в крови присутствует кислота. Пьяные солдаты могут съехаться на своих танках и колесить вокруг вас, завывая и лязгая траками - пускай. Им не дано ничего “задуть” - разве что они попробуют задуть свечу вашей жизни. Целеустремленный человек в кислоте как нельзя лучше соответствует принципу: “Остановить невозможно, но можно убить!”

*“Острым кленовым листом
Открывает мне осень
Вены.
Красные брызги зари
Опрокинули кровь на
Стены.*

*Остановить невозможно, но можно убить,
Если надо.
Я теряю последнюю нить,
Проходя терминатор.*

*Бьет электрический ток,
За которым мы будем
Вместе.
Располосован восток
Запрещенной пылью
Созвездий.*

Остановить невозможно, но можно убить ...”¹⁷⁵

Так первоначальные установки и кислота создают обособленную реальность для целого коллектива. Для заинтересовавшихся привожу ниже чуть более подробный срез этой методологии:

“... эффект возникает только при правильном смешении составляющих, которых три:

1. правильно подобранный коллектив
2. зажигательная идея
3. психоактивные препараты

Эти составляющие не случайно расположены в таком порядке - по мере убывания значимости. Коллектив наиболее важен, так как без него не может возникнуть эффект разделяемой реальности, и тогда все, что было достигнуто или осознано человеком, становится похоже на накрытый праздничный стол, к которому никто не пришел. Нет ни малейшего сомнения, что это - проклятый путь.

Идея является следующей по своей важности. Если коллектив - это перчатка, то идея - рука, сообщающая перчатке движение. Она - словно нить, связующая бусины единого ожерелья, как душа, воплощенная одновременно во множестве тел. Именно идея окрашивает всё в присущие только ей цвета, разделяя *наших* и *ваших*, лишь она позволяет своим носителям начать отличаться от окружающих.

¹⁷⁵ Стихи из книги Ольги Славнейшевой “Нет Прощения”, повествующей о непростой судьбе членов природоохранной организации “Экотерра”. Если Вы хотите на время окунуться в атмосферу мира насилия, ментальных программ и экологического экстремизма - эта книга для Вас. Ищите книги автора - “Нет Прощения”, “Святая Грета” и “Кровь Демона” - на сайте [“Библиотека Грибных Эльфов”](#).

Психоактивные препараты - это инструменты изменения сознания, могущественные помощники идеи. Они не являются обязательной составляющей, но критически настроенному человеку трудно быть без них "облечься в плоть сказок". Это происходит потому, что большинство идей (если рассуждать о них на трезвую голову) не стоят выеденного яйца. Психоактивные препараты выступают здесь в роли кинопроектора, создающего фильм - прекрасный, движущийся и живой - из тощей бобины невзрачной пластиковой пленки.

Впрочем, увлекаться подобным без обдуманной подготовки я бы не посоветовал. Об издержках подобных методов разглагольствовала в 1994 году в Доме Природы Княжна, когда рассуждала про "дезадаптантов". Несчастные, пережеванные и выплюнутые "другими реальностями", кислотные наркоманы, превратившиеся в слабоумных ничтожеств, дискредитируют других практикующих, по ним ни в коем случае нельзя судить о достоинствах приведенного метода. Но они служат хорошим предостережением.

Чтобы не приключилось чего-нибудь подобного, коснемся основных ошибок, подстерегающих неопытного "путешественника по мирам". Их существует три типа:

1. изменение приоритетов
2. неправильный выбор коллектива
3. неправильное использование психоактивных веществ

Наиболее распространенной ошибкой является перераспределение приоритетов. В частности, на первое место в приведенной выше схеме может быть поставлена идея, а не коллектив (так формируется структура секты). Это редко доводит до добра, так как тогда идея перестает служить целям коллектива, и все происходит с точностью до наоборот. Следует помнить, что "тысяча идей не стоят жизни единственного из братьев".

Другой пример - когда на первое место ставятся психотропные вещества. Это еще хуже, как в случае с молотком, которым колотят просто ради того, чтобы колотить. Сторонникам этого метода следует порекомендовать не кислоту и грибы, а героин - он специально для этого создан. Это чистая "наркомания ради наркомании", путь в никуда.

Следующая типовая ошибка - неправильный выбор коллектива. Здесь трудно дать какие-либо рекомендации, кроме одной - сначала прикиньте, хотели бы вы оказаться с этими людьми на войне или на необитаемом острове? Хотели бы вы, чтобы они были с вами в час вашей смерти? Если чувствуете хоть малейшие сомнения - отправляться с такими пассажирами в иные миры ни в коем случае нельзя. Лучше оставайтесь здесь.

Неправильное использование психоактивных веществ само по себе бывает нескольких типов:

- (1) **"Употребляем не то"**. Современный рынок психоактивных препаратов чрезвычайно разнообразен, а их воздействие на психофизиологию человека сугубо индивидуально. То, что подходит вашим друзьям, может оказаться для вас неприемлимым. Что и говорить - дело вкуса. Еще одна проблема связана с тем, что не каждый раз удастся достать чистое вещество - вместо этого встречаются коктейли в различных формах, таких, как марки, таблетки и т.д. Там могут содержаться сопутствующие вещества, которые изменят всю картину воздействия препарата - метамфетамин, MDMA и прочие. Для нашего дела такие коктейли не годятся.
- (2) **"Не уделяем должного внимания окружающей обстановке"**. Психоактивные препараты обладают большой чуткостью к обстоятельствам, при которых происходит употребление, как и к предварительной психической установке. Не следует употреблять такие вещества в нервной атмосфере, стимулирующей возникновение подозрительности и паранойи - если не это является целью вашего путешествия. Общим правилом можно считать следующее: "Город и кислота несовместимы".
- (3) **"Ошибаемся с дозировкой или графиком приема"**. Зачастую бывает трудно определить дозу порошка на глаз. Наиболее мудрые и опытные практики размешивают весовой грамм (или любой точно установленный вес порошка) в воде, а затем делят раствор на соответствующее количество частей. Все остальные вынуждены пользоваться высокоточными электронными весами или сыпать на глаз - кому как больше нравится. После приема свыше 0,1 грамма PSP (десять стартовых доз) наступает коматозное состояние, бесполезное для достижения описанных выше целей. Существуют отдельные индивиды, которые полагают, что каждая порция кислоты, если она больше предыдущей, открывает в сознании человека новые горизонты. Это утверждение верно до тех пор, покуда не достигается потолок в 0,1 грамма, то есть в те же самые принятые одновременно десять доз. На вопрос "Открывает ли 11 и 12 доза следующие горизонты?" ответить крайне трудно, так как у неподготовленного человека описанный выше коматоз обычно наступает уже после трех-четырех доз. Героям-первопроходцам, рассчитывающим обнаружить во все большем количестве одновременно принятой кислоты некие "внутренние таинства" или "мистические ключи", стоит напомнить случай с

Лето Червём, потомком Пола Муад Дибя. (Лето обторчался меланжем до такой степени, что ради блага всего человечества решил утопиться¹⁷⁶). Отдельно стоит упомянуть о вреде систематического приема - при длительном употреблении кислота чрезвычайно опасна. Здесь выделяют следующие границы: три дня на то, чтобы “крепенько повело”, неделя на то, чтобы “пиздануться на голову” и месяц на то, чтобы на самом деле сойти с ума. Следует помнить - даже если вам кажется, что кислота вас уже “отпустила”, на самом деле она будет “отпускать” вас еще минимум три-четыре дня. Хорошим подспорьем для вас будет, если вы начнете воспринимать кислоту, как храмовую змею - со смесью уважения и страха. Практика показывает, что человек, который заявляет: “Я разобрался в её действии” или “Я научился управлять кислотой”, уже не понимает, какую хуйню говорит. На самом деле его слова нужно понимать так: “Меня разобрало от её действия” и “Кислота научилась мной управлять”. Если вам начинает казаться нечто подобное - немедленно бросайте торчать!

- (4) **“Принимаем препарат не по своей воле, а за компанию”.** Бывает так, что у кого-то есть кислота, и он сует её всем подряд, не интересуясь, нужна ли она окружающим. С этими целями кислоту часто подмешивают в марихуану, в алкоголь и в питье. Делать так хоть и не совсем правильно, но подчас необходимо - иначе многие люди никогда её не поробуют. Тем не менее, лучше все же определяться самому, а не жрать кислоту только потому, что ваши товарищи нынче вечером решили это сделать. Кислота - не наркотик для удовольствия хотя бы потому, что удовольствия от её приема получаешь до смешного мало. Она лишь гарантирует - скучно не будет, не больше того.
- (5) **“Забываем, с какой целью начали принимать препарат”.** Противоядие против этой ошибки очень простое. Иногда, когда вас как следует “отпустит” - спросите себя: “На хуй мне все это надо?”. И если собственные побуждения покажутся вам чересчур странными - бросайте торчать, чтобы не разделить судьбу пресловутого Лето.
- (6) **“Не слушаем окружающих”.** И последнее. Если доверенные люди говорят вам: “Послушай! Подвизывал бы ты торчать!” - не стоит воспринимать сказанное в штыки и бормотать: “Много вы понимаете, ебучие алкоголики!” Помните: алкоголики - очень прагматичные люди, а в их словах почти всегда содержится рациональное зерно.”

В начале февраля Крейзи объявил старт “Можжевельной кампании” (МК-98) - глобальной акции, призванной в масштабах города пресечь торговлю вениками из браконьерски заготовленного можжевельника. Опираясь на соответствующее распоряжение губернатора, Крейзи бросил клич, на который отозвалось великое множество экологически пробужденных людей. Среди них оказались наши верные боевые товарищи - Болгария и коллектив Эйва, а также полсотни бойцов из состава дружественных общественно-политических организаций.

Из имеющихся кадров было сформировано полтора десятка “инспекторских групп”, которые заняли боевые позиции во дворах неподалеку от самых “проблемных” городских бань. В это время около тридцати человек наиболее проверенных товарищей залезли в львовский автобус, который любезно предоставил для этой акции Биологический Отдел ДТЮ - и дело пошло.

Внутри инспекторских групп, укомплектованных представителями нашей собственной организации, Крейзи ввел следующие любопытные порядки. Старший инспектор (*т.н. комиссар*) получал утром в штабе, кроме маршрутного листа и бланков протоколов, запас кислоты, рассчитанный на всю свою группу. Некоторые подразделения получали кислоту, растворенную в коньяке, некоторые - в косяках, смешанную с марихуаной, а для собственной группы Крейзи определил метод внутривенных инъекций.

В “час X” вышедшая на позицию инспекторская группа появлялась из близлежащего двора и налетала на рассеянных у бани торговцев можжевельником. Пытавшихся убежать отрезал от путей к спасению вылетающий из-за угла автобус - и вот тут-то и начиналась самая потеха. Пока дружинники набивали нарушителей природоохранного законодательства внутрь нашего “мобильного штаба”, специально сбитые ударные группы врываются в баню и начинают “проверку по этажам”.

Это весьма непростое, а подчас и опасное дело. Всем известно, что основными распространителями можжевельных веников являются сами банщики - но что с того? Запас веников у них хитроумно спрятан где-нибудь в подсобке, проникнуть куда можно только с боем - на виду у

¹⁷⁶ Об этом печальном случае повествует нам Ф. Герберт в книге “Бог-Император Дюны”.

скопища голых, а от этого только еще более возмущенных людей. Второй аспект проблемы связан с тем, что половина отделений в общественных банях - женские, и можжевельный веник ценят там ничуть не меньше, нежели в мужских.

Намерение охранять популяцию можжевельника никому из моющихся в бане особенно важным не кажется, а вот желающих заступиться за “поруганную женскую честь” и за “несчастливого банщика” находится великое множество. А поскольку среди заступников встречаются люди немалой решительности и отваги - то вся акция превращается в противоправный кошмар, до которого даже “Елочной Кампании” далеко.

Из некоторых парных, где на защиту браконьеров поднялись народные массы, приходилось отступать с боем, волоча внутри сомкнутого строя извивающегося “распорядителя вод”. Конфликты повторялись с такой регулярностью, что мы всерьез начали подумывать над введением особого наградного значка - “За штурм общественной Бани”.

В этом же месяце Гоблин познакомил нас с пассажиром по прозвищу Наёмник. Это оказался ископаемый ролевик около тридцати лет, не так давно перебравшийся в наш город и поселившийся в районе станции метро “Пролетарская”. Я едва не охуел, когда увидел его в первый раз - до того мерзкое он производил впечатление.

Больше всего Наемник походил на сутулого, облезлого грифа - острые лопатки топорщатся под черной рубашкой, уродливая голова болтается на тонюсенькой шее меж костлявых плеч. Сходство дополнял огромный кадык - похоже было, что у Наемника на шее растет дрожащий кожаный мешок. Но не это главное - всё “великолепие” Наемника меркло по сравнению с его внутренней красотой.

Наемник позиционировал себя, как “проторолевика”. Утверждал, будто был на “самой первой¹⁷⁷” ролевой игре, из-за чего теперь “ходит во всесоюзном авторитете”. Со слов Наемника выходило, что по всей стране едва ли наберется “десять ролевиков такого же уровня”. Тут я с ним полностью согласен. Наемник, без сомнения, входит если и не в десятку - так в двадцатку самых отвратительных “неуподоблюсь”.

О своей жизни Наемник сообщил следующее. В раннем детстве у него открылись сверхъестественные способности (наморщив особенным образом лоб, Наемник мог подчинять своей воле недалеких сверстников), а к девятнадцати годам выяснилось еще кое-что. Наемник оказался носителем специфического набора генов - комплекса Ленина, позволяющего ему “править народами, словно послушной толпой”.

Из-за этого за Наемником принялось охотиться КГБ. По словам Наемника, комитетчики опасались свержения конституционного строя, которое Найк планировал осуществить, опираясь на целую армию вооруженных мечами ролевиков. Поэтому ему пришлось бежать из родного города и скрываться в Питере - на съемной квартире, которую он гордо именовал “Цитаделью Наемника”. Здесь КГБ наконец-то потеряло его след¹⁷⁸.

Скрывался Наемник в лишенной мебели однокомнатке на первом этаже. Мы решили форсировать события и сходу вписали хозяина квартиры в откровенный блудняк. После недолгих переговоров Наемник разрешил нам отметить у него дома день рождения Крейзи. Потом он очень жалел о принятом решении - но было уже слишком поздно. Железная дверь Цитадели распахнулась, пропуская гостей - и дело пошло.

Для этого праздника Крейзи определил сумасшедшее количество кислоты. Наташа и Максим с ног сбились, разыскивая для него порошок - но зато теперь кислота была повсюду. В книге Томаса

¹⁷⁷ Сейчас я уже и не вспомню, где и когда, по мнению Наемника, проходила такая игра.

¹⁷⁸ Ronald J. Comer в своем “Fundamentals of abnormal psychology” так характеризует носителей подобных взглядов: “... наличие систематизированного бреда о существовании особых способностей и выраженного бреда преследования являются важными признаками параноидной формы шизофрении ...”

Вулфа Крейзи вычитал про любопытное блюдо - “оленину под кислым соусом¹⁷⁹”, и задался целью повторить это великолепие. Но поскольку достать оленину оказалось проблематичным (по крайней мере, у нас это не вышло) - решено было ограничиться куриными окорочками.

- Оленина - это неправильно, - утешил нас Крейзи. - Не хуй мочить оленей, не дело это! А вот куриц мне совершенно не жалко! К тому же любому ясно, что главное в этом блюде - “кислый соус”. А он будет, не извольте сомневаться!

Крейзи не обманул - организовал такой “соус”, что оленина не понадобилась. Стало не до еды, а с братом Гоблином вышло и вовсе нелепое. Получилось это так.

Гоблин в свое время учился на нарколога и вынес из этой учебы целый комплекс предубеждений. Он был ярким противником инъекционной наркомании, полагая Крейзину затею с кислотой величайшей глупостью. Сам Гоблин ратовал больше за “синьку”, и Крейзи решил воспользоваться этой его страстью.

- Выпей коньячка, брат, - лукаво предложил Крейзи. - Вот бутылочка!

В эту “бутылочку” Крейзи напихал столько кислоты, что хватило бы пятерым. Так что Гоблина “накрыло” даже раньше, чем пузырь начал показывать дно. Сначала у него вытянулось и побелело лицо, враз ставшее похожим на погребальную маску - а затем эффект стал заметен и для самого Гоблина.

- Ох, братья, - произнес он севшим, неуверенным голосом, - что-то мне нехорошо!

- Это, брат, кислота тебя штырит! - попробовал было успокоить его Крейзи, да не тут-то было.

- Кислота?! - взволновался Гоблин. - Нужно немедленно чем-то сняться! Водки дайте!

- Алкоголь не снимает, - увещевал его Крейзи, но Гоблина было не остановить.

- Пошел ты на хуй! - через силу пробормотал он. - Меня снимет!

С этими словами Гоблин распечатал литр водки и принялся пить - жадно, прямо из горлышка. Водка текла у него по щекам, по шее и дальше - на футболку, но Гоблин все не унимался. Он пил водку, словно лошадь - воду.

- Ох и “снимет” же его сейчас, - забеспокоился я. - Ну держись!

- Да ты посмотри на него! - возразил мне Крейзи. - Какое там “снимет”? Он уже перекинулся!

Справедливости ради хочу сказать, что перекинулся в тот раз не только Гоблин. Я и сам пил из “бутылочки”, так что в какой-то момент реальность квартиры Наемника смазалась и поплыла перед моими глазами. Исчезли стены с заляпанными жиром обоями, пропал грязный пол с кучей одеял в углах и эмалированным ведром посередине (из-за отсутствия у Наемника подобающей посуды, закуску подавали “к столу” прямо в этом ведре).

Я поднимался вверх, невесомой пушинкой взлетая над полуночным городом. Сверкал молнией меж гудящими проводами, вместе с сумасшедшими порывами ветра бился в оконные стекла, комьями снега скатывался с обледенелых крыш. Я бы так и лежал - раскинув руки и уставшись в потолок остановившимся взглядом, если бы меня то и дело не беспокоили.

Сначала я услышал какой-то ритмичный хлюпающий звук, несущийся в комнату из коридора. Но сколько я не прислушивался, так и не смог понять - что же это такое? Тогда я встал и побрел в темноте к выходу из комнаты, с трудом переступая через развалившиеся тут и там человеческие тела. Горело несколько свечей, но я был настолько упоротый, что при их свете практически ничего не смог разглядеть.

В коридоре света было еще меньше. Когда я вышел из комнаты, хлюпающий звук на мгновение стих, а затем зазвучал, как мне показалось, с новой силой. Но теперь к нему примешивалось еще

¹⁷⁹ Основная трудность заключается в том, чтобы раздобыть и по-человечески приготовить оленину. Затем следует приготовить соус, в который кроме всего прочего нужно будет добавить кислоту. Вот, собственно, и все. Желающие ознакомиться с более подробным рецептом пусть обращаются к уже упомянутой книге Томаса Вулфа “Электропрохладительный кислотный тест”. Там вас еще не такому научат.

кое-что - какое-то высокое, пронзительное шипение. Не в силах установить природу этого звука, я чиркнул зажигалкой - да так и замер, не в силах поверить собственным глазам.

У Наемника в прихожей есть кладовка, в которую нынче сложили целую грудку обуви. Дверь кладовки была приоткрыта, стали видны двадцать пар берцев - вывалившиеся наружу, подобно языку длинной осыпи. На линолиуме виднелась лужа желто-коричневой жижи, образовавшейся из обвалившегося с ботинок грязного снега. Но не это было самое отвратительное.

Из кучи обуви торчала часть обнаженной женской спины, постепенно переходящая в невообразимых размеров жопу. Ног от этой жопы мне не было видно - они тянулись в кладовку и терялись в темноте. Поверх этой жопы в позе совокупления лежал брат Гоблин - таким образом, что из кладовки торчала только верхняя его половина. Зад Гоблина совершал постоянные ритмичные движения, из-за чего рождался мерзкий хлюпающий звук. А вот шипение имело несколько иную природу.

Этот звук издавал сам Гоблин. Вцепившись в вожденную жопу обеими руками, он держал собственный торс на весу параллельно полу, при этом раскачиваясь из стороны в сторону и шипя. Он легко мог дать фору крупной змее или матерому гусаку, а в совершаемых им движениях угадывалась некоторая система. Так ведет себя голодная собака над окровавленной костью: раздувая шею, прикрывает желанную добычу туловищем и головой.

- Ты что, брат? - у меня даже дыхание перехватило. - Ты думаешь, я её¹⁸⁰ у тебя отберу?

Ответом мне было только еще более ожесточенное шипение.

- Ладно, ладно... - я начал потихонечку пятиться назад. - Ты, главное, успокойся! Ты не шипи!

Но толку от моих уговоров было немного. Прошло несколько часов, прежде чем Гоблин выбрался из обувной кучи и показал следующий фокус. Облаченный в одну только футболку, он принялся расхаживать по квартире и трясти одеревеневшим членом. По ходу этого ему пришло в голову пройти на кухню и поздороваться с друзьями Наемника (мы оккупировали комнату, а они сгруппировались там - от греха подальше).

Так как никакой мебели на кухне у Наемника не было - гости расселись на матрасах, брошенных на полу вдоль стен. Гоблин, ворвавшись на кухню, принялся ходить от человека к человеку и "здороваться".

- Я врач! - категорически заявлял он. - Здравствуйте, я врач!

При этом его член топорщился на уровне лиц собравшихся в кухне людей. Это особенно сказалось, когда Гоблину вздумалось поглазеть на улицу через замерзшее стекло. Подойдя поближе, Гоблин тяжело оперся руками на подоконник - совершенно не замечая, что на полу перед окном расположилась молоденькая девушка.

Она сидела, прижавшись спиной к батарее, а с боков её подпирали двое других гостей. Поэтому у нее совершенно не осталось пространства для соответствующего маневра. Находясь в некотором смущении, она пропустила те несколько секунд, когда еще можно было что-нибудь сделать. А потом стало поздно - Гоблина припер ее к стене, не доставая членом до лица всего несколько сантиметров.

Если бы вы только видели, в какое затруднительное положение попала эта юная леди! Не зная, как тут быть, она инстинктивно вскинула руки, пытаясь отвести в сторону незнакомый член. И, разумеется, привлекла этим внимание Гоблина. Так что когда брат перевел взгляд вниз, он увидел молодую женщину, которая уперлась лицом ему в пах и тянет руки к "прибору". Гоблин понял это по-своему - у него даже выражение лица потеплело.

- В другой раз, - пробормотал он, отечески потрепав девушку по волосам, а потом подумал и добавил: - Но ты молодец!

¹⁸⁰ Её - это мисс Жабейку, толстую бабищу, страшную, как атомная война. "Мисс Жабейкой" мы сами её нарекли, а уж как она себя до этого называла - про это никто из братьев, на её счастье, не ведаёт. А не то сейчас её (предполагаемые) дети читали бы вместе с папой, как их маму выебли, закопав башкой в кучу грязных ботинок.

С этими словами Гоблин развернулся и вышел из кухни. Он прошел в комнату и улегся на пенке, а переходящее знамя бесчинства досталось мне. Взяв баллон с топливом для зажигалок, я обвел бензиновые круги вокруг спящих товарищей, соединил все это коротенькими отводками, плеснул на стены немного горючего и поджег.

Занятно наблюдать, как разбегаются по комнате призрачные язычки бензинового огня. Они безвредны, если вы не станете лить слишком много топлива. Без этого дух пламени не обретет своей подлинной мощи, у него не “прорежется голос”. Пока огонь не начал звучать - он не опасен, но Наемник этого не знал и не оценил моей шутки.

- А-А! - заорал он, увидав через проем веселые всполохи. - Помогите, ПОЖАР В ЦИТАДЕЛИ!

Но когда Наемник ворвался в комнату, пламя уже погасло. Его сбил одеялом брат Гоблин - недовольный, что вокруг его лежбища начинается пиршество огненных духов. Так что Наемнику оставалось только гадать - а было ли пламя? Мы, во всяком случае, этот факт полностью отрицали.

- Да какой пожар? - с деланным возмущением спросил Крейзи. - В своем ли ты уме?

Но наутро все стало на свои места. Проснувшись, я с трудом разлепил глаза и едва узнал помещение. Больше всего комната напоминала хлев - скомканные одеяла и перевернутое эмалированное ведро, битое стекло и целая куча объедков. Оконные стекла оказались выбиты, в помещении стоял лютый мороз. На обоях кое-где виднелись следы огня, но первыми бросались в глаза выполненные черным маркером корявые надписи.

Первая изображала нечто навроде восьмиугольника, вокруг которого было подписано - “РОО Единение¹⁸¹”. Это выглядело примерно так:

У выхода из комнаты красовался экологический лозунг:

Охраняйте
можжевелик!

ст. 168
КоАП РФ

¹⁸¹ Региональная Общественная Организация “Единение”, соучредителями которой выступали в то время наши товарищи. Вторая половина РОО принадлежала другим людям, предоставившим в качестве своего вклада в дело РОО полузатопленный подвал возле ст.м. “Лесная”.

Эта надпись соседствовала с другой, чуть менее информативной. Немного пониже “лозунга” кто-то подписал корявыми буквами:

жопа

На стене напротив дверей красовалась главная надпись. Она начиналась с одного края и заканчивалась у другого, пересекая обои подобно праздничному транспаранту. Вот что там было написано:

Здесь были Грибные Эльфы!

В калейдоскопе взглядов.

“Взгляды, исповедующие межрасовую рознь - недостаточны, так как подразумевают исключения для особей своей национальности или вида. Чего ради мы должны терпеть незнакомцев, пусть даже и похожих на нас?” *рр.*

Активное участие в природоохранных кампаниях тех лет принимали фашисты с Парка Победы, с которыми мы познакомились в прошлом году - Ефрейтор и Парафин¹⁸². Местом их дислокации была квартира Ефрейтора, расположенная неподалеку от обиталища Крейзи. Первым с ними сдружился Гуталин, благодаря которому я и познакомился по-настоящему с этими удивительными людьми.

Ефрейтор и Парафин держались самых что ни на есть “коричневых” взглядов. Проигрыватель сутки напролет крутил в ихнем штабе нацистские марши, а если музыка умолкала - то только затем, чтобы дать высказаться Адольфу Гитлеру. Воплощенный в виниле голос фюрера Ефрейтор держал на видном месте - на тумбочке возле “патефона”, вместе с огромным количеством аналогичных пластинок.

Кроме Ефрейтора и Парафина, в означенной национал-социалистической ячейке состояли Багер (тату-мастер и музыкант) и Череп¹⁸³, к национальной идее относившийся серьезнее всех. Одним из самых молодых в этой конторе был бритоголовый по прозвищу Кирпич, возглавивший позднее “Циклон Б¹⁸⁴” - бригаду скинов, своей лютостью снискавшую по Питеру немалую славу.

В отличие от жизнерадостных Ефрейтора и Парафина, Череп держался понятий чрезвычайно суровых. Он относился к “лысому делу” без разпиздайства, даже в мелочах придерживаясь раз и навсегда выбранных принципов. Я видел этого Черепа только один раз, но все равно успел познакомиться с его жизненной позицией.

Вышло так, что нам пришлось отправиться вдвоем в павильон на углу, чтобы пополнить запасы спиртного. Так как денег у нас не было - я сразу же вскочил на прилавок, дотянулся руками до полки, схватил пару литров и бросился бежать. Я предполагал, что Череп поступит аналогичным образом, но не тут-то было!

¹⁸² О том, как мы с ними познакомились, повествуется в главе “Черный капитан”.

¹⁸³ Сведущие товарищи сообщают мне, что Черепов в лысой тусовке не один и не два. Так что разъяснить, о каком Черепе идет речь, не сообщая имени и каких-либо примет, представляется немалой проблемой. Остается надеяться, что рядовому читателю не слишком важны такие подробности.

¹⁸⁴ Маркировка немецкого отравляющего вещества, которым фашисты в свое время удушили немало евреев.

Вместо этого Череп провел в ларьке около получаса. Я ждал его неподалеку и не мог понять - какого хрена он там делает? В конце концов Череп все-таки появился - здорово злой и всего с поллитрой в руках. Вместо объяснений он принялся отчитывать меня - дескать, я повел себя охуенно неподобающим образом!

Суть его манифестации сводилась к следующему. Воровство, заявил мне Череп - поступок крайне предосудительный, опускаться до такого нельзя. Вместо этого следует "убедить продавщицу" отдать водку, чего бы это ни стоило!

Я возразил на это так. Схватить водку на глазах у продавщицы - это никакое не воровство, а грабеж, часть первая (ст. 161, 1 УК РФ). И такой грабеж, на мой взгляд - быстрее и спокойнее, нежели организованное Черепом вымогательство. По такому поводу и заявлять-то никто не станет, а случись что - бей бутылки об асфальт, и дело с концом. Но Череп безоговорочно отменил все мои возражения.

- Лысые такой хуйней не занимаются, - объяснил он. - Можешь ты это понять?

Вынужден признать - осознать правоту слов Черепки полностью я так и не смог. Из-за этого я совсем было оставил надежду разобраться в националистических взглядах, но тут меня здорово выручил Ефрейтор. Когда он взялся толковать мне про суть "лысого дела", у меня глаза на лоб полезли. До того мне это напомнило Барина, который в 96-м объяснял своему товарищу Сиду подноготную "ролевых игр".

- Ты палку возьми и ебашь ею посильней! - заявил Барин. - А себя бить не давай! И все будет путем!

Ефрейтор объяснил мне все почти так же доступно:

- Тут, Петрович, - сказал он мне, - все дело вот в чем¹⁸⁵. Если кто станет тебе говорить, будто он лучше тебя знает, в чем заключается "лысое дело" - ты такому человеку не верь. Лучше самому поумекать и решить - в чем оно заключается. На эту тему уже достаточно было написано, национальная идея так разработана, что дальше некуда. Весь материал подан классиками в доступной форме. Так что ты ни за кем не ходи и не повторяй чужого туловища, а не то отбоя не будет от желающих тобой помыкать.

Кроме этого Ефрейтор сделал еще вот какое замечание:

- Отдельно хочу сказать насчет того, как становятся скинхедами. Могут тебе сказать - будто бы необходимы для этого хитрые посвящения, белые шнурки, убийства хачиков и еще чёрт-те что. Так ты и этому не верь. Не существует такой системы, которая "удостоверение скинхеда" выдает. Каждый сам должен решить, исследовав свои убеждения - скинхед он или нет. Ничья помощь для этого не нужна. А если человек думает, что впереди всего стоят подтяжки да лысая голова - это не скинхед вовсе, а переодетый долбоеб! Базара ноль, хорошо выйти "по форме" - но не это же главное!

Как-то раз Ефрейтор взялся отмечать у себя дома свой день рождения. Про это прознала ебнутая на голову соседка с нижнего этажа и тут же вызвала ментов. Она проделывала этот номер уже не в первый раз. Местный участковый, бывало, захаживал к Ефрейтору и читал ему что-нибудь из внушительной стопки накопившихся заявлений:

"В квартире надо мной регулярно происходят сходки фашиствующих молодчиков! Слышатся нацистские марши и речи Гитлера, доносятся выкрики "Зиг Хайль!" и "Слава России!". Срочно примите соответствующие меры!"

¹⁸⁵ Возможно, другие бритоголовые не согласятся со словами партайгеноссе Ефрейтора, или согласятся не целиком. Поэтому пускай незнакомый с проблемой читатель не судит по этим словам обо всем Движении в целом, а примет их как личное мнение конкретного человека. При этом следует помнить, что это не Ефрейтор обращается к вам с речью, а я пересказываю собственными словами - как я понял его позицию.

Меры приняли, так что около полуночи в дверь к Ефрейтору постучали. Но хозяин квартиры вышел к ментам не один. Прибывший наряд встретила в прихожей целая толпа сумрачных бритоголовых.

- Документы! - потребовал старшина, да так и замер с открытым ртом.

По толпе словно волна прошла, секунду - и у ментов перед глазами возник десяток внешне похожих удостоверений. Большинство из них было выдано Комитетом, но Парафин учился в школе милиции и щеголял с соответствующей ксивой.

- Так... - старший наряда несколько опешил. - Товарищи государственная лесная охрана! У нас к вам два вопроса: почему все лысые и зачем так шумим?

- Коже от лишних волос жарко, - заявил Парафин. - Потому и лысые. И мы не шумим, а отмечаем день рождения нашего товарища. Вас соседка снизу вызвала? Редкая сука - все претензии к ней!

- Ага... - кивнул старшина, обводя собравшуюся публику взглядом. Видно было, что он уже принял решение. - Вопросов больше не имеем.

- А если, - спросил Парафин, - она опять примется звонить? Чего тогда?

- Больше не поедет, - утешил нас старшина. - Отдыхайте спокойно!

- Доброй ночи, - попрощались мы, но на этом дело не кончилось.

Не прошло и десяти минут после отъезда патруля, как Череп принялся собирать в картонную коробку пустые бутылки.

- Зачем это? - спросил Ефрейтор. - А?

- Сейчас узнаешь, - ответил Череп.

С этими словами он взял коробку, открыл двери квартиры и спустился по лестнице на один этаж. Остальные высыпали за ним - посмотреть, что он затеял. Вырвав выходящие из-под дверного косяка телефонные провода, Череп принялся колотить ботинками в железную дверь.

- БУМ, БУМ, БУМ! - гулко разнеслось по лестничной площадке, а через этот стук прорвался надломленный женский голос: - Кто там?!

- Милицию вызвала? - осведомился Череп. - А?

- Так были уже! - ответили из-за двери. - И все равно шумят, как будто ...

Но Череп не дал её договорить. Он подтащил коробку поближе и принялся швырять бутылки в железную дверь.

- БУМ! БУМ! БУМ! - звук бьющегося стекла смешивался с металлическим грохотом, шум стоял такой, что собственного крика не было слышно, не то что воплей соседки.

- Вот теперь, - заявил Ефрейтор в установившейся через некоторое время тишине, - у неё будут основания заявлять: "Шумят, мешают мне спать!" Хотя что-то - а то привыкла, сука, на голом месте заявки писать!

В школе милиции Парафин задержался недолго. Как-то раз его вместе с другими курсантами выгнали на практику - вооружили дубинкой и заставили дежурить на улице. Все было хорошо, покуда возле станции метро "Электросила" Парафину не попался одинокий турок.

- А ну, СТОЯТЬ! - на особый манер произнес Парафин, и турок остановился - застыл, будто вкопанный.

Связано это вот с чем: Парафин умел издавать громогласную отрыжку, мог даже произносить таким образом некоторые слова. Сначала он глотал воздух, некоторое время готовился - а затем его чрево исторгало из себя чудовищный звук. Сам Парафин называл это безобразие "флейтой". Отступая в сторону, скажу: этот фокус имел особенный успех, когда Парафин изображал его по ночам в Парке Победы.

Для этого Парафин одевал форму, а Ефрейтор брал с собою мощный фонарь. Затем они отправлялись к горкам, где по ночам собираются влюбленные парочки. Особенной удачей считалось подстеречь тот момент, когда пьяная баба оформляет своему возлюбленному минет. Тогда Ефрейтор неожиданно включал свет, а из этого сияния несло звучное "СТОЯТЬ!" Парафина. А затем начиналась карусель:

- Нельзя в общественном месте сосать хуй! - возмущенно объяснял “задержанным” Парафин. - Вы закон нарушили!

- Что? - потерянно отвечали влюбленные, пытающиеся спешно привести себя в порядок. - И что теперь будет?

- Да ничего страшного! - утешал их Парафин, но тут же строго прикрикивал: - Погодите заправляться! Нужно сначала составить акт, пригласить понятых. А когда они придут, вы, девушка - должны будете взять хуй обратно в рот! Дружинник, бегите за понятыми!

Если же друзьям была удача поймать ебущихся людей, то они поступали вот как:

- Машину сюда не вызывать! - разорвался Парафин. - Так что до отдела пойдете пешком! Одежду кладите в пакеты - или несите в руках!

- Что же нам, - возмущались граждане, - голыми идти? Мы стесняемся!

- Ничего не знаю, - неумолимо возражал Парафин. - Такие правила!

После этого Парафин с Ефрейтором развлекались, сопровождая “задержанных” по всему парку и откровенно над ними глумясь. Они не стеснялись взимать с таких “нарушителей” штрафы, так что жили в общем и целом безбедно. До тех пор, покуда не вышла эта история с турком.

- А ну, СТОЯТЬ! - набросился на турка пьяный в говно Парафин, а потом решил ошарашить задержанного вот каким вопросом: - Ты Аджалана¹⁸⁶ мучил?

- Нэ, - замотал головой турок, которому сразу же не понравился тон начинающейся беседы. - Нэ мучил! Нэ знай я никакой Аджалан!

Но Парафин не унимался.

- Му-учил! - довольно произнес он. - Просто не хочешь сказать!

Слово за слово - дело дошло до рукоприкладства. За пару секунд Парафин сбил турка с ног и принялся охаживать дубинкой - но тут ему помешали. Из подлетевшего к краю тротуара такси вылез мужик, тоже порядком пьяный - и принялся на Парафина орать:

- Прекратить беспредел! - разорвался он. - Да ты же пьяный!

Понятно, что Парафина это здорово возмутило.

- Ты охуел? - крикнул он мужику. - Ты милицию не уважаешь?!

Но мужик не успокоился, скорее наоборот - попытался отобрать у Парафина дубинку.

- Ты знаешь, говно, кто я? - кричал он. - Тебе пиздец!

Но Парафина его крики не слишком обеспокоили. Он подгадал момент, сосредоточился - и несколькими точными ударами дубинки оглушил мужика. Но когда он начал осматривать его карманы, то обнаружил неприятный сюрприз. Среди прочего там нашлось удостоверение офицера МВД.

Кто именно это был, Парафин не сказал - но его карьере в милиции настал полный и безоговорочный пиздец. Настолько полный, что Парафину пришлось бежать прямо с дежурства и некоторое время жить у Ефрейтора, прячась от бывших сослуживцев.

Свою форму он выменял на штаны и куртку Ефрейтора, который открывал теперь дверь не иначе, как облаченный в обезображенную до неузнаваемости милицмейскую форму. Перепачканная кетчупом, прожженная во многих местах и облепленная собачей шерстью (Ефрейтор держал немецкую овчарку по кличке Адольф), эта форма верой и правдой служила Ефрейтору домашним халатом еще несколько лет.

Среди культурных интересов Ефрейтора и Парафина на особенном месте стоял фильм “Худеющий”, написанный по одноименному произведению С. Кинга. Бывало, что друзья за сутки обращались к этому “кладезю” до девяти раз. В остальное время они были заняты тем, что смотрели отрывки из старых советских фильмов про войну. Самый любимый их отрывок был про то, как жирный полицай забивает прикладом беременную еврейку, приговаривая при этом:

- Жидовка, жидовочка!

¹⁸⁶ Лидер курдских экстремистов Абдулла Аджалан, захваченный в плен турецкими спецслужбами.

Ефрейтор додумался переписать этот отрывок на другую кассету великое множество раз, получив таким образом полнометражный двухчасовой “фильм”, в качестве озвучки к которому использовались немецкие марши. Уже через полчаса такого зрелища кого хошь начало бы подташнивать да мутить, но только не Ефрейтора с Парафином. Наоборот, это зрелище приводило друзей в величайшую радость.

- Советский кинематограф, - любил рассуждать Ефрейтор, - подлинная услада для глаз истинного арийца!

Эта формулировка - “истинные арийцы” - стала своеобразной визитной карточкой Ефрейтора. Как-то раз Крейзи угостил его кислотой, но Ефрейтора это только расстроило. Выйдя на заплетающихся ногах на собственную кухню, Ефрейтор принялся озиаться по сторонам, водить руками по стенам и ожесточенно трясти головой.

- Что с тобой? - спросил у него я. - Ты чего?

- Недостойно истинного арийца, - хрипло ответил Ефрейтор, - ничего не понимать вокруг себя! Пиздец, как недостойно!

Ефрейтор и Парафин по поводу всего на свете имели собственное мнение. А особенно - по религиозным вопросам. Лучшее объяснение сущности распятия я получил от Ефрейтора.

- Что для истинного арийца обозначает распятие? - спросил у меня однажды Ефрейтор. - А, Петрович?

- С чего бы такие вопросы? - удивился я, но потом все же сознался: - Понятия не имею!

- А все просто, - разъяснил мне Ефрейтор. - Только надо быть реалистом! Распятие - это еврей, прибитый гвоздями к кресту. Так этот символ намного легче понять. Или ты предпочитаешь басню про еврейского мальчика, который стал богом?

- Вот уж нет! - возмутился я. - Ни во что подобное я уже давно не верю!

- А во что веришь? - спросил Ефрейтор. - Любопытно было бы послушать!

- Ну... - замялся я. - Так сразу не объяснишь!

Я не врал. Спроси меня Ефрейтор о том же самом лет пять назад, и я бы ему сразу же ответил:

- Верю, - сказал бы я, - что после конца мира займу место в строю демонов и мертвецов! Что наступит время, когда не будет больше церквей, а из тех, что останутся, Белого Бога выкинут взащей! Что вернуться из тьмы старые боги и начнется война, на которую я буду призван вместе с моими братьями! Вот во что я верю!

Но теперь все было далеко не так просто. За последние годы моя ненависть к богу христиан здорово поутихла. Так вышло потому, что я неожиданно понял - никакого бога за ними нет, а, значит, и ненавидеть мне некого. И не за что. В свете такого открытия сатанинские взгляды съезжились и поблекли, а на их место пришли совсем другие воззрения.

- Понимаешь, Ефрейтор, - начал я, - тут вот какое дело. Знаешь буддийский храм возле ЦПКиО?

- Ну, знаю, - кивнул Ефрейтор. - И что с того?

- А вот слушай...

С этим храмом связана прелюбопытнейшая история. Это здание старинной постройки, единственное в своем роде на всей европейской части России. Одно время в нем правили буряты - линия учения, известная как “Гелуг”. Но потом круг лет сменился и “настоятелем”¹⁸⁷ стал человек из Питера, приверженец школы Мадхьямика течения Прасангика - высшей школы буддийской мысли¹⁸⁸. Он обвинил бурят в хищении государственных средств, выданных на реконструкцию храма, и в кратчайшие сроки полностью очистил от них помещение.

¹⁸⁷ Слово “настоятель” употребляется здесь в кавычках потому, что ни этот человек, ни его последователи не были рукоположенными буддийскими монахами. Но у них были хорошие связи с тибетскими Ламаистами, благодаря чему в храме частенько проповедовали подлинные учителя - сторонники Мадхьямики Прасангики и учения Бон. Дважды на моей памяти в храм приезжали монахи из общины Шао Линь, являвшие перед накуренными в дымину братьями подлинные чудеса. Не такие, конечно, как кажут в кино - но все равно страшненькие.

¹⁸⁸ Мадхьямику - прасангику (bu ta thal 'gyur pa) я называю “высшей школой буддистской мысли” не зря. Так считает Его Святейшество Далай-Лама 14, который, несомненно, лучше всех разбирается в подобных вопросах.

Бурятам такая хуйня здорово не понравилась. Они повадились по ночам забираться в окна по оставшимся от “реконструкции” лесам и чинить в храме кровавые бесчинства¹⁸⁹. Так как бурят собиралось по несколько сот человек, то новый настоятель и его последователи не знали, что и делать. На их счастье, в храм повадился заходить Крейзи - привлеченный на удивление спокойной атмосферой дацана и протяжным звучанием старинных мантр.

Выслушав о приключившейся беде, Крейзи прикинул расклад и свел настоятеля с лидером одной из дружественных нам общественно-политических организаций. Так что однажды ночью бурят, привычно поднимающихся по стареньким лесам, подстерег пренеприятнейший сюрприз. Окна храма широко распахнулись, и на леса начали один за другим выходить защитники дацана, напоминающие бритоголовых буддийских монахов только издалека.

С помощью арматуры и бейсбольных бит они вразумили бурят больше не бесчинствовать на храмовой территории, после чего одно из помещений второго этажа долгие годы служило для членов этой организации “оперативным штабом”. Бойцы организации взяли храм на постоянную охрану, благодаря чему мы начали чувствовать себя там гораздо свободней. Мы стали проводить в дацане немало времени, причем настоятель разрешил нам пользоваться обширной храмовой библиотекой. С этого все и началось.

- “Пустота есть форма, а форма есть пустота. И вне пустоты нет никакой формы...” - читал я, а Крейзи тут же цитировал мне в ответ:

- “Все ошибочные воззрения можно излечить, не лечится только навязчивое восприятие пустоты. Лучше считать себя большой горой, чем питать привязанность к небытию¹⁹⁰”.

Поначалу мы мало что могли понять в этих дебрях, но постепенно ситуация начала проясняться. Этому немало послужили лекции буддийских и боновских учителей, с завидной регулярностью навещавших дацан. Такие встречи были окружены совершенно особенной атмосферой.

Представьте себе, что в понедельник вечером вы оказываетесь в районе ЦПКиО. На улице зима, ледяной ветер с залива пробирает до костей. Снег липнет на ботинки и куртку, мир вокруг холодный и неприветливый. Город крепко держит поводья вашего ума, сердце переполнено ядом повседневности, а душа насквозь пропиталась насилием и нечеловеческой злобой.

Но все это нужно оставить перед входом в центральный зал храма, снять с себя вместе с подкованными ботинками и поставить в угол, рядом с целой кучей похожей обуви. Тогда тяжелые двери распахнутся, пропуская тебя в совершенно другой мир - полный тепла, тонких запахов благовоний и мелодичного звучания мантр.

В мягком свете масляных ламп преобразаются самые жестокие лица, и уже не кажется удивительным, что послушать приезжих мастеров Дзогчена и Сутры раз за разом приходят одни и те же люди. Такие, что начинаешь по-новому относиться к известному афоризму: “О позднорожденные! Пуще всего храните себя от губительного намерения причинить вред буддийской общине!”

Учителя, которые время от времени навещали дацан, немало удивлялись - почему это на их лекции собирается столь странная публика? И хотя эти люди выросли в другой стране и не знают местных обычаев, им не откажешь в некоторой практической сметке. Любому трезвомыслящему человеку сразу же видно, что за публика набилась в зал: алкоголики и наркоманы, бритоголовые и хулиганье. Но буддийских учителей это не слишком-то смущало.

- Я удивлен и обрадован, что вы пришли послушать Учение Будды! - с этого приветствия начиналась любая встреча, и никто ни разу не сказал нам, хотя и следовало бы: - Эй вы, упыри! Кто пустил в храм людей с такими мерзкими рожами?

¹⁸⁹ Имеющаяся у меня информация получена от людей, весьма ненавидящих тех самых бурят. Также мне неизвестно: действительно ли бурятами расхищались средства на храмовое строительство? Или это была уловка нового руководства? Подтвержденный факт здесь только один - одно время от бурятских “рейдов” не было никакого спасения, пока у храма не появились толковые защитники. Судебная тяжба вокруг дацана (т.е. храма) длилась долгие годы, но в новом тысячелетии его снова вернули бурятам. Такие дела.

¹⁹⁰ Цитируется “Махаратнакута”.

Не нужно думать, однако, будто бы мы вдруг стали записными буддистами¹⁹¹. Просто нам приглянулись некоторые из буддийских концепций, часть из которых мы растащили по углам и приспособили как основу для своих будущих взглядов. Просветленные бхикшу и мудрецы пришли бы в ужас, узнав, что у нас получилось - но это судьба всех идей, которые когда-либо попадали к нам в руки. Это было выражено до такой степени, что лидер одной из дружественных нам ОПОРГ однажды заявил:

- Я тут послушал, что ваш Крейзи рассказывает про наши взгляды. Про то, как он понимает идеи Родобожия и традиционное русское язычество.

- И что? - спросил я. - Правильно понимает?

- Ты вот что! - ответил мне мой собеседник. - Когда слушаешь его, имей в виду - к нам это не имеет ни малейшего отношения! Ни к нам, ни к нашей вере, ни язычеству и ни к Родобожью! Это совсем из другой оперы!

То же самое вышло с буддизмом и с религиями вообще. Чтобы было понятно, о чем идет речь - приведу вот какое сравнение. Похожая хуйня происходит вокруг газовых пистолетов: какой ни возьми, все равно придется сначала растачивать и переделывать под себя. Иначе толку не будет.

Это началось, когда я был еще маленький и верил чарующему пению христиан. Уже тогда меня не устраивали некоторые формулировки (например, “раб божий”), а когда мы со Слоном взялись за сатанизм - дело “подгонки взглядов” приняло совершенно невиданный размах. По нашему скромному мнению, в сатанизме было кое-что лишнее - а именно сам Сатана. От него там нет ни малейшего проку. Ведь основная фигура, интересующая любого нормального сатаниста - это бог христиан.

Мы ненавидели Белого Бога и его церковь изо всех сил, черпая в этой ненависти огромные душевные силы. Обосновывали мы это так: “Христианский культ есть экспансионистская назойливая религия, с лютой злобой выступающая против всего волшебного мира. Бог христиан уничтожил культуру викингов и пантеон старых скандинавских богов, а его последователи объявили демонами великое множество милых нашему сердцу существ. Да и сами мы претерпели от святош немалое унижение - когда нас, совсем еще маленьких, насильно подстригли и голыми окунули в крестильный таз”.

Качество аргументации несколько нас не смущало, так как нам была нужна не историческая справедливость, а повод для возникновения огненно-жгучей ненависти. Мы не собирались перекладывать на Сатану ответственность за свое безобразное поведение - дескать, это он приказал нам плюнуть попу на рясу и написать на стене церкви слово “хуй”. Ну уж нет.

Нас очень веселили такие люди, которые надумали всерьез поклоняться Сатане. По нашему мнению, так поступают только слабоумные ничтожества, которые не могут придумать для себя затеи получше. Такие люди недалеко ушли в своих воззрениях от самих христиан - раз им все еще доставляет удовольствие бить поклоны и ползать на брюхе перед восковой фигуркой козла. Я так думаю, что для них было бы лучше оставаться в лоне церкви. Там сухо и тепло, вежливый поп угощает просвиркой - и не нужно пить кровь и ошиваться по кладбищам.

Крейзи держался относительно всего этого несколько иных взглядов:

¹⁹¹ Точно так же мы не стали фашистами, хотя среди наших знакомых было немало сторонников националистических взглядов. Из-за того, что большая часть братьев ходила в то время с лысой башкой, наши враги поспешили объявить нашу организацию “экофашистской”. Это полная хуйня, о чем вам скажет любой настоящий бритоголовый, если вы спросите у него: “Знаешь ли ты среди питерских скинов такую банду, как Грибные Эльфы?” Истинно реку вам - наши заслуги накоплены на другом фронте.

А вот информация к размышлению, чтобы вы представляли, какие “заслуги” мы накопили. В свое время лидер дружественной нам общественно-политической организации (известной в Питере как крупнейшее объединение бритоголовых) заявил Крейзи в приватной беседе: “Не будет вам никаких “показательных совместных акций”. У вас настолько хуевая репутация, что даже мы не можем себе позволить открыто признать отношения с вами!” Этим было многое сказано.

- Люцифер есть принцип света, побуждающий человека к движению по духовному пути. Как вектор, указывающий правильное направление - не более того. А персонифицированный принцип зла - это тотем дьяволопоклонников, черной сволочи. Такие люди ни хуя не правы! Мы должны стать чище и лучше любых христианских святых, а не бегать с дубьем и жрать водку по кладбищам!

Но как бы там ни было - детство прошло. Наша вера в существование Белого Бога лопнула, словно мыльный пузырь - не оставив за собой и следа от ненависти к церковникам. Стали ли мы чище и лучше христианских святых - вопрос сложный, но на место “сатанинских” взглядов пришли другие.

Впереди всех на ниве религий был Крейзин “комбайн” - работающий на ТГК, поганках и кислоте. Пять дней из семи он посвящал философским диспутам с заинтересованными в этом людьми, а в его комнату было не войти из-за невообразимого количества скопившейся там духовной литературы. Пользуясь своим положением учащегося библиотечного факультета Института Культуры, Крейзи раздобыл и проштудировал великое множество “редких” изданий.

- Синтез информации из независимых источников, брат, - любил повторять он, - основа правильного миропонимания. Собирая рассеянные крупички, мы ...

Занимался Крейзи тем, что конструировал из различных религий свою, чтобы применить её для “внутреннего пользования” в среде нашей организации. Ему немало помогала в этом его одноклассница Рыжая, с которой Крейзи любил посоветоваться по важным духовным вопросам. Он взял кое-какие положения известных культов, добавил туда “горсть праха” из накопившейся у нас “базы” по мистике и оккультизму, затем прибавил столько же от себя и крепенько замешал все это на химии и ряде специфических психотехник.

Совершенно неожиданно он выковал универсальный ключ, отмыкающий любые двери. Так нам стало доступно то, о чем только мечтают экзальтированные мистики и оторванные ролевики - другие миры, память прошлых жизней и много чего еще¹⁹². Я был одним из первых, на ком Крейзи испытывал получившиеся “духовные зелья”, и могу авторитетно свидетельствовать - он добился успеха. Но об этом у нас здесь речь не пойдет.

¹⁹² Кто верит в память прошлых жизней и другие миры, пусть примет мои слова буквально - как есть. А кто не верит, пусть думает так: мозг - штука хитрая, химия и психотехники могут вам Царя-Великомученика Николая Второго показать, а не то что “другие миры”.

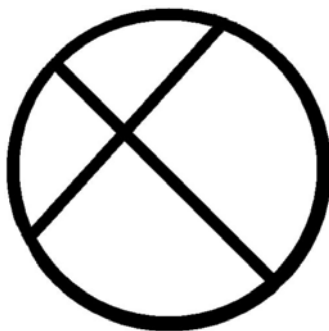
Другим известным практикующим среди наших друзей был Фери. Он держался в стороне от Крейзиных методов, предпочитая свои, которые обеспечили ему меж братьями недобрую славу. Фери был приверженцем Гарпианства¹⁹³ (т.е. культа Гарпа¹⁹⁴) - религии редкой и у нас в стране распространенной относительно мало. Чтобы у вас сложилось об этой вере правильное представление, приведу вам несколько строк из текста, известного как “Псалом для Гигхартар”.

*(Рая) ...нет ни для кого
Есть только боль и смерть
Только они вечны...*

Сущность этих взглядов пронизывает, как ночной ветер, и режет, словно стекло. Господь Гарп - это божественное чудовище, порождающее сонмы кошмарных тварей из капель жертвенной крови. Гарп обладает атрибутом искажения - изменяя сердца обратившихся к нему и наделяя их частичкой своей чудовищной сути. Поэтому незыблемая основа гарпианства - это истина о превращении человека в чудовище посредством практики преодоления боли и через употребление в пищу человеческой крови.

Понятно, что речь здесь идет не о том, чтобы отрастить себе когти или рога, а о глубоких внутренних изменениях. Коренные тексты гарпианства говорят об особой мимической форме, сопутствующей высоким ступеням реализации - “о лице и взгляде чудовища”.

Обрядовая часть гарпианства заключается в ритуальном жертвовании божееству части собственной крови. Для этого на земле чертят небольшой круг размером с ладонь, пересеченный двумя линиями - символ веры, “косой крест” Господа Гарпа.

В месте пересечения линий делают отверстие ножом, после чего практикующий разрезает себе нижнюю часть ладони и позволяет некоторому количеству крови стечь в получившуюся ямку. При этом употребляется следующая формула:

- Земля наполнена кровью, мир приветствует бога! Это кровь течет для Господа Гарпа!

Этот обряд называется “открывающий путь” или “первая жертва”, в гарпианстве он является первоосновой для любой практики. Это станет хорошо видно на примере “устрашающего созерцания”, во время которого практикующие удаляются для сна в уединенное мрачное место. Там они совершают описанный ритуал и наносят на виски и веки несколько капель жертвенной крови. После этого они ложатся на правый бок, подтянув колени к животу, и умоляют Гарпа предстать перед ними во сне.

¹⁹³ Гарпианство; Церковь Гарпа - религиозная система, построенная на принципе преобразования страданий в заслуги и эгрегорном централизме (жертвовании ради увеличения мощи божества).

¹⁹⁴ В имени Гарп тот же корень, что в слове “гарпия” - “жрать”; таким образом, Гарп означает “Пожиратель”.

Только те, кто добился успеха в практике “ужасающего созерцания”, могут считать себя настоящими гарпианцами. Для таких людей Господь Гарп становится живой реальностью, обучая их своему пути и открывая перед ними невообразимые тайны. Что это за тайны, я понятия не имею - между гарпианцами здорово не принято распространяться о подобных вещах.

Думаю, что этих знаний вам вполне хватит. Но не будет лишним напомнить, что таких взглядов в нашем коллективе придерживался один только Фери - от которого я и получил означенные культовые наставления. Мне неизвестно, выполнял ли Фери приведенные выше обряды - зато мне известны другие практики, которым он следовал неукоснительно. Еще бы - ведь мы порядочно из-за этого натерпелись!

Я сам был свидетелем одного случая, когда Фери посреди дружеского застолья впился зубами в вену у Костяна на руке. Он ухватил Строри за предплечье обеими руками, разорвал зубами кожу и принялся лакать кровь. При этом он удерживал жертву с такой силой, что у Костяна не было никакой возможности вырваться.

Только после того, как Строри свободной рукой разбил Фери об голову несколько бутылок - ему удалось освободиться. Это далеко не единственный подобный случай, так что имейте в виду: “Гарпианство - это очень сильная духовная практика!”

На почве теоретических построений больше всех отличился Слон, взявшийся изнутри атеистическо-материалистической концепции мира разрабатывать положения философии фатализма. Обычно он усаживался поудобней и разъяснял элементы своего учения, загибая по одному пальцу на каждый постулат. Обожаю его за то, что ему обычно хватало на все пять пальцев:

1. Явления, объекты или процессы внутри физической вселенной не возникают “сами по себе”, а представляют собой объединение факторов среды, повлекших за собой такое “существование”. В дальнейшем мы будем называть объединившиеся факторы “причинами”, а образованные ими явления, объекты или процессы - “следствиями” из этих “причин”. (Пример: пламя свечи существует только потому, что горючие пары и кислород воздуха объединились при достаточной температуре).
2. Явлений, объектов или процессов, не обусловленных какими-либо “причинами”, во вселенной не существует. Предопределенность (причинами) выступает в роли единственного гаранта, обеспечивающего саму возможность существования (любых явлений, объектов или процессов). (Сегодня не насрете - завтра не будет вонять).
3. “Следствия” возникают из “причин” не абы как, а по специальным правилам (известным обывателю как “законы природы”). Эти законы жестко предопределяют, к какому именно “следствию” (или следствиям) приведет в будущем та или иная “причина” (или группа причин). Таких нелепых “причин”, на которые бы не распространялись вообще никакие законы природы, во вселенной не существует. (Если не верите - попробуйте-ка сами подыскать такие “причины”).
4. Каждый миг существования физической вселенной - это полная сумма “причин” для возникновения следующего мига её существования. Все, что есть “сейчас”, существует только потому, что мгновение назад у этого были “причины”. А “следующий миг” возникнет из тех “причин”, что существуют сейчас. (Украл - выпил - в тюрьму).
5. Гипотетически, если бы мы знали “все причины” и все “правила взаимодействия”, то смогли бы рассчитать состояние вселенной на следующий момент времени. И на последующий, и на минуту, и даже на год вперед. А если бы потрудились как следует - то и на миллиард лет. Разница между этим предположением и настоящим положением вещей состоит в том, что мы и близко не знаем “всех причин” и “всех правил взаимодействия”. Это досадно, но принципиальной разницы здесь нет - несмотря на наше

неведение, каждый миг логически вытекает из предыдущего благодаря нерушимым и четким законам. То есть: предопределенность существует, просто мы являемся ее частным случаем и поэтому не можем сколько-нибудь широко ее охватить. (Здесь важно помнить, что явлений, не подчиняющихся закону причинности, во вселенной просто не может существовать. Насчет этого еще раз смотри пункты 2 и 3). В общих чертах, что и требовалось доказать - **будущее мира полностью предопределено.**

- Чтобы тебе было проще это понять, - прибавлял к этому Слон, - объясню на доступном примере. Как ты думаешь - кто виноват в том, что Грибные Эльфы отпиздили Красную Шапку? А?
- Ну ... - неуверенно произнес я, пытаюсь рассмотреть случай с Шапкой в свете открывшейся мне философской системы. - Может, сам Шапка?
- В академическом смысле это будет не совсем верно, - возразил Слон. - Хотя кое в чем ты все-таки прав. Ведь в каком-то смысле Шапка - одна из важнейших причин, благодаря которой вы его опиздюлили! Хотя бы потому, что без него вам это вряд ли бы удалось!
- Мне ли этого не знать! - усмехнулся я, но потом все же переспросил: - Я так понял, ты считаешь - на самом деле тут никто не виноват? Так, что ли?!
- А как мы можем быть виноваты, - удивился Слон, - если наше поведение подчиняется тем же самым законам причинности, что и все остальные явления? Оно строится по жестким схемам, а то, что мы обычно этого не замечаем - еще не значит, что мы обладаем "свободной волей". Ты только вдумайся, Петрович, в эти срамные слова!
- А что, - спросил я, - чего в них не так?
- Воля к чему? Свободная от чего? - набросился на меня Слон. - А ведь некоторые рассуждают про это говно на полном серьезе! Да, иногда нам кажется, будто бы мы что-то там выбираем, или что мы контролируем свои эмоции или поступки. Но на самом деле такой выбор и такой контроль - лишь игра нашего воображения. Прикинь, Петрович - перед тобой лежат два совершенно неизвестных тебе предмета, и нужно быстро решать - выбрать один из них, взять оба или вообще ничего не трогать?
- А ... - через какое-то время спросил я. - А как они выглядят?
- Уродливо, прекрасно, хуй знает как! - ответил Слон. - Я специально сказал "незнакомые тебе предметы", чтобы тебя не связывала формальная логика. Типа - это я возьму, потому что знаю, что это хорошая вещь. А вот это говно, этого я трогать не буду! Так как бы ты поступил?
- Возьмь бы то, что понравится, если оно выглядит неопасным, - ответил я, обмозговав все как следует. - Если оно не слишком тяжелое!
- Во, бля! - обрадовался Слон. - Говоря проще, ты позволишь своему мозгу решать - чего тебе теперь делать. Потому что не видишь "достаточных оснований" для принятия "осознанного решения". Всю эту шкалу (от "понравится" до "опасный") определяет еще догоминидный контур, управляющий в организме системой "приближения - избегания" применительно к различным внешним объектам. Некоторые вещи ты не сможешь заставить себя взять в руки, даже если очень сильно этого захочешь!
- Ты хочешь сказать, что когда я делаю случайный выбор ... - начал я, но на этом месте Слон достаточно грубо меня оборвал:
- Случайность есть непознанная закономерность, а применительно к человеку это будет звучать вот как: "Неосознаваемая закономерность". Какие-то винтики у тебя в башке в этот момент все равно крутятся, а случайностью это называется потому, что мы не знаем точно - какие. Ну-ка, брат, продолжи мою мысль!
- Мы биороботы, - улыбнулся я. - Существа, чье поведение биохимически обусловлено. Нас по рукам и ногам сковывают нейронные цепи. Мы несвободны в поступках, потому что ...
- Ты понял не до конца! - перебил меня Слон. - Что ты называешь "поступками", о какой свободе ты говоришь в мире, где причины определяют следствия, а случайностей нет?

Тут я перестал улыбаться, начиная потихоньку прикидывать - нет ли во всем этом какого-нибудь резону? И пропустил от Слона мощнейший “добивающий удар”:

- Нет поступков, нет воли, нет свободного разума! - продекламировал Слон так, словно в президиуме выступал. - Еб твою мать, мы обречены раз за разом пиздить этого несчастного Шапку! И его, и Торуна, и Паука! И ничего не можем с этим поделать!

Некоторое время я сидел, пораженный глубиной этой мысли. “Обречены пиздить Шапку, и Торуна, и Паука!” - я словно попробовал эти слова на вкус, и они мне здорово понравились!

- Ты что хочешь сказать? - наконец спросил я. - Что все это безобразие было predetermined еще миллион лет назад? Что это не мы их отпиздили, а “правда мира” обернулась и сделала им козу? Что мы, по сути, просто не могли их не пиздить?

- Понимай, как хочешь, - улыбнулся Слон. - В конце концов, это просто слова. Хочешь верить, что сам до такого дошел - пожалуйста. А не хочешь - так в мире фатума с биороботов взятки гладки!

За черной рекой.

*“Шапу пидоры поймали
Долго мучили, ебали,
Унижали, колотили,
Ни хуя не заплатили”. “Веселые четверостишья”.*

С сентября прошлого года у нас появилось новое развлечение: “ролевая общественность” повадилась по средам собираться у станции метро “Черная Речка”. Возле бетонного колпака станции расположен небольшой парк - деревянные скамейки, кусты и несколько рядов корявых деревьев. Стеклопакеты двери выходят на невысокий каменный парапет, на котором зависала половина собравшегося народа.

По поводу возникновения этой традиции есть два мнения. Некоторые считают, что первая встреча здесь была посвящена “стрелке” по какой-то игре, а другие полагают основателями этого обычая жадных до еженедельных сборищ сорокоманов. Не зная правды, я не возьмусь что-либо утверждать.

Регламент встреч на “Речке” был заведен такой: чуть позже пяти нарисовывались “первые ласточки”, к семи подтягивалась “основная группа”, а к девяти часам на парапете было не протолкнуться. Здесь собирались люди, объединенные общечеловеческим интересом, воплощенным в четырех словах с общим корнем “еб”. То есть *наебениться* спиртного, *повыебываться* перед посторонними, *отьебашить* кого-нибудь и *выебать* охочих до этого дела баб. Не следует думать, что таких взглядов придерживалось одно только хулиганье. Сделайте небольшие сноски, и все сразу же встанет на свои места.

“Наебениться” не зря стоит в этом списке на первом месте. Бухать нравилось всем, а среди основных “Чернореченских зелий” следует назвать водку, пиво и плодово-ягодное вина “Александровское” и “Осенний Сад” (получившее между нашими братьями прозвища “красное эсторское” и “дорогое ируканское”). Это пойло стоимостью 14 рублей 50 копеек продавалось разлитым в бутылки объемом 0,5 литра, заткнутые пробкой из белого целлофана.

“Дорогое ируканское” представляло собой жуткую смесь спирта, воды и чайных вторяков, использующихся в качестве красителя. Чем красили “эсторское” - боюсь даже представить. Уже с полутора бутылок эта смесь совершенно отключала голову, превращая в агрессивное животное даже опытного человека.

Насчет “повыебываться” складывалась похожая ситуация. Люди попроще приходили на Речку, чтобы приколоть товарищей приключившимися недавно историями. Фанатики тащили с собой игровое оружие, а вездесущие бабы приходили, чтобы расхаживать по парапету в пошитом

собственными руками тряпье. Те, кто таскал с собой военную снасть, только и ждали повода вступить в единоборство с себе подобными, а многочисленные колдуны искали случая унижить в публичной беседе не таких “сведущих” или менее языкастых коллег. А отсюда уже и до “отьебашить” недалеко.

Драки, во всех их бесчисленных проявлениях (от вялой сорокоманской возни с мечами до кровавых побоищ, где в ход шли ножики, колья и слезоточивый газ), составляли, без сомнения, основную славу этого места. Начиная с 1997 года не было ни единого случая, чтобы на Речке кого-нибудь не отпиздили. То мы кого-нибудь, то менты нас, то придут выяснять отношения с “нефорами” местные пацаны, а то сами ролевики разгуляются и так навешают друг другу, что страшно смотреть.

Все было расписано буквально по часам и напрямую завязано на употребление общественностью алкоголя. Я не знаю ни одного случая, чтобы драка случилась до шести часов вечера, с 18. 00 до 20.00 тянулось “спорное время”, в девятом часу люди делались словно порох, а ближе к десяти-одиннадцати мочиловое вспыхивало тут и там и длилось, не переставая.

Дрались по любому поводу и даже вовсе без него, одни и те же люди, из недели в неделю. Дрались далеко не со всеми - некоторых бросали в Неву, над другими глумились, а кое-кого пиздили просто так, не доводя дело до драки. Попадались и такие кадры, кто предпочитал унижения пиздюлям. Маклауд взял за обычай каждую среду подходить к одному хуиле, рядившемуся в черную морскую шинель, плевать тому на лоб и с размаху прилеплять поверх этого плевка десятикопеечную монету. Так продолжалось в течение нескольких месяцев - но никаких претензий так и не последовало.

С бабами на Речке тоже не было никаких проблем. Человеческое охуевание в этом вопросе лучше всего проиллюстрирует несколько более поздний случай с неким “Медведем” - невзрачным унылым толстячком, не снискавшим уважения даже между совершенно конченными людьми. Зато Медведя ценили местные малолетки, увивавшиеся около него целыми толпами. Это были не ахти какие подружки - но Медведю, с его-то еблом, было грех жаловаться.

Как-то по зиме Королева пошла погреться в “тамбур” между стеклянными дверями метро и увидела вот что. У стены напротив притулился Медведь, кутаясь в длинный плащ из кожзама, а на коленях перед ним стояла какая-то баба, до половины спрятавшаяся под топорщащуюся полу. Эта “подруга” трудолюбиво оформляла Медведю минет, ничуть не стесняясь целой толпы спешащих к выходу пассажиров. Так что нравы на Речке царили еще те. Не каждый день увидишь, как бабе выдают в рот прямо на выходе из метро!

После Черной Речки мы отправлялись на Петроградскую, где у Королевы была своя комната в коммуналке. Забившись в эту крошечную каморку, мы пили, бывало, со среды до воскресенья, а то и дольше. Атмосферу этих собраний хорошо иллюстрирует вот такая история.

Однажды Барин и Фери притащили к Королеве в гости какого-то незнакомого парня. Это оказался среднего роста молодой человек в новенькой пропитке, обладатель редкого по тем временам сотового телефона. На тех, у кого своего телефона не было, незнакомец смотрел как бы свысока, из-за чего к его лицу намертво прилипла брезгливая маска самодовольного выражения. Он был уже изрядно поддатый и явно рассчитывал найти дома у Королевы ночлег - да не тут-то было.

- Кто это? - спросила Королева, которая мало сказать “недолюбливала” посторонних.

- А хуй знает, - шепнул в ответ Фери. - Барин сказал, что разведет этого кренделя на бухло!

“Разводить на бухло” отправились к метро “Петроградская”, где был ночной магазин. Впечатленный посулами “спонсор” купил на свои деньги литр водки, после чего товарищи отправились обратно - срезав путь через парк больницы Эрисмана. По дороге пьяный Кузьмич запел:

Мусорный ветер, дым из трубы

Плач природы, смех Сатаны

А все оттого, что мы

Любили ловить ветра и разбрасывать камни... ¹⁹⁵

На этом месте Кузьмич начал шарить глазами по земле, разыскивая подходящий камень, которым он мог бы запустить в темнеющий посреди парка заброшенный ларек. А когда не нашел никакого снаряда, то подошел к ларьку и со всей силы заехал по стеклу кулаком. В результате стекло разбилось, а один из осколков вспорол Кузьмичу вены на тыльной стороне ладони. Но в тот момент этому не было придано вообще никакого значения.

Возле своего подъезда Королева посчитала миссию “спонсора” успешно выполненной.

- Этот пидор нам больше не нужен, - шепнула она Кузьмичу. - Избавьтесь от него!

- Как это - “избавьтесь”? - не сразу въехал Кузьмич. - Чего сделать-то?

- Ну... - задумалась Королева. - Отпиздите его, что ли!

- А! - обрадовался такому решению Кузьмич. - Это я мигом!

Идущий следом за Кузьмичом “спонсор” не успел опомниться, как Барин развернулся на месте и принялся пиздить его ногами. Окровавленную руку Кузьмич прижимал к груди, но “спонсору” это нисколько не помогло - несколькими сильными ударами Барин сбил его с ног. Вынув у поверженного “спонсора” из кармана литр водки, друзья нырнули в парадную и скрылись из глаз.

Уже дома, глядя на тянувшийся за Бариним кровавый след, Королева потребовала:

- А ну покажи, что с рукой?

- Хуйня! - отмахнулся Барин, но его не стали слушать. - Дай сюда!

- Вены перерезало, - осмотрев руку, заявила Королева. - Надо жгут накладывать или шить. Вот только жгута у меня нет!

- Тогда шей! - спокойно ответил Барин, к разного рода мучениям относившийся более чем спокойно. - Не люблю кровоточить!

Через пять минут Королева принесла таз, толстенную иглу и зеленые шелковые нитки. Фери за это время разлил водку по стопкам.

- Так, это Кузе для анестезии, вот это доктору, а это - мне! - заявил он. - Ну, вздрогнули!

Так повторялось еще несколько раз, так что когда дело дошло до шитья - кривые в доску были не только Барин и Фери. Королева тоже уже мало чего соображала. Впоследствии она рассказала об этом вот что:

- Хуй ли вы думаете, легко швейной иглой руку зашить? Когда кровь хлещет так, что почти ни хуя не видно! Фери едва успевал на рану воду из чайника лить. Целый таз кровищи бавленной натекло! Да и как тут шить? Я всю кожу в комок собрала и обметала по краю, как меня в детстве учили, еще на “мягкой игрушке”. Ниток извела чуть не полмотка, а получилось не очень. И, что обидно - крови меньше не стало, скорее наоборот!

Пришлось плюнуть на все и тащить Кузьмича в травму при “1-м Мединституте”, рискуя напороться там на недавнего “спонсора”. Местный врач, как только увидел руку Кузьмича, которую Королева в исступлении проколола иглой свыше тридцати раз - побледнел и вытаращил глаза.

- Что у вас с рукой? - спросил он, подцепляя пинцетом торчащие из стянутой в комок кожи концы некогда зеленых ниток. - ЧТО ЭТО ЗА ХУЙНЯ?

- Это мне друзья руку зашивали, - спокойно ответил Кузьмич. - А ниток другого цвета у них не нашлось.

¹⁹⁵ Текст группы “Крематорий” - “Мусорный ветер”.

- Не нашлось ниток, говорите? - спросил врач, удивленно качая головой. - А вы уверены, что эти люди ваши друзья?

Как-то по зиме мне позвонил один знакомый и заявил, что у него дома сидит какой-то москвич, вроде бы знакомый Дурмана. Этот тип только что дезертировал с военной службы, а из одежды у него есть только тапочки, футболка и спортивные штаны. Так вот, поинтересовался знакомый - не хочу ли я принять участие в судьбе этого человека?

- Ясное дело, хочу! - ответил я. - Мы его у тебя забираем!

Через пару часов Крыса Московский¹⁹⁶ уже сидел дома у Кримсона и пил чай. Это оказался человек среднего роста, плотной комплекции, с непримечательным круглым лицом. Он был обрит практически налысо и немало избит, что объяснил конфликтом с бывшими сослуживцами. Крыса рассказал нам печальную историю о том, как тяжело ему приходилось в части и как он бежал, отчаявшись выжить среди нескольких сотен озлобленных на весь мир дагестанцев.

Так как он сказался едва ли не братом Дурману, то мы вмиг раздобыли для него одежду, обувь и устроили к Крейзи на постой. Отправлять его в Москву "на собаках" мы побоялись, так как дезертира наверняка объявили в розыск. Поэтому Крыса завис у нас и за неделю неплохо прижился.

В воскресенье мы взяли его с собой в Удельный Парк, где собиралась охочая до драки палками ролевая общественность. Среди собравшихся оказался мой одноклассник Лан, давно отколовшийся от нашего коллектива и взявший моду тусоваться с какими-то совсем уже непонятными ролевиками. Завидев это сборище, Крыса решил немедленно до них доебаться.

- Эй, вы! - начал он. - Кто из вас будет со мной драться? Есть среди вас мужики?

В качестве комментария к своим словам Крыса сжимал в кулаке метровый обрезок выданной ему братьями железной трубы.

- Ну? - снова заорал Крыса. - Вы что, гондоны - не слышали, что я сказал?

Признаю, что тогда мы не уследили за ситуацией. Думали, что трезвомыслящий человек в незнакомом городе будет вести себя несколько сдержанней, и, прежде чем доебываться до людей, по крайней мере наведет о них справки. Но Крыса рассудил обо всем по своему.

- Что ты сказал? - услышал я голос Лана. - Кто гондон? Ну-ка, иди сюда!

Мы расположились неподалеку с водкой и бутербродами - но только и успели, что обернуться на голос. Самоуверенный Крыса бросился вперед, свирепо размахивая трубой, но Лан в считанные секунды оборвал это порыв. Сам Лан был вооружен обрезком трамвайного поручня длиной едва ли в полметра, но неравенство оружия несколько его не смутило.

Бах, бах! Куски железа сшиблись с оглушительным грохотом и звоном, мелькнули смазанные сумасшедшим движением руки - и Крыса выронил трубу и стал заваливаться на бок, со стоном прижимая руки к лицу. Между пальцами у него хлестала кровь, что неудивительно - обрезком поручня Лан насквозь пробил ему щеку. Получилась дыра, в которую можно было при желании просунуть три, а то и четыре пальца.

Пришлось тащить раненого Крысу домой к Кузьмичу, где я заделал ему щеку, наложив пластырем несколько кривых, уродливых швов. Получилось не очень, так что когда Крыса курил - сигаретный дым тонкими струйками выходил сквозь рану наружу, порождая отвратительные кровавые пузыри. В память об этом случае на лице у Крысы остался неизгладимый след, и поделом - "Бог шельму метит". Говорю же я так вот почему.

Через пару дней после этого случая мне позвонил Крейзи и сообщил, что у его матери пропало золото - обручальное кольцо, серьги и несколько цепочек. Произошло все это буквально вчера - в

¹⁹⁶ Этот человек представился нам иначе, но есть мнение, что он назвался не своим именем. Поэтому я буду называть его так, как мы сами его впоследствии окрестили.

тот самый день, когда Крыса Московский окончательно распрощался с Крейзи и переехал от него к Кузьмичу. Дальше события покатались, словно снежный ком.

Сначала к Кузьмичу домой ворвались работники военкомата, которые схватили Андрюху и уволокли его на городской сборный пункт, а оттуда - во Мгу, служить в железнодорожных войсках. Ночевавшего там же Крысу “вербовщики” не тронули, и наш гость не преминул воспользоваться удобным моментом.

Сославшись - дескать Андрюхе в части всяко понадобятся деньги, Крыса развел маму Барина на некоторую сумму и скрылся в неизвестном направлении. Узнали мы это, ясное дело, уже несколько позже, от матери Кузьмича.

Тут нам все стало более-менее ясно, непонятно было только одно - где искать эту мерзкую гниду. Мы полагали, что Крыса сгинул бесследно - но нет. С утра в среду “московский гость” позвонил Кримсону, и между ними состоялся вот какой диалог:

- Уезжаю я, - заявил Крыса, - домой, в Москву. Но раз уж вы мне так помогли, я хочу и для вас сделать что-нибудь хорошее! У меня есть связи по Москве, так что я могу пробить вам задешево партию компьютеров. Предоплата там...

Судя по всему, Крыса недооценил степень нашего общения - полагая, что грабит и разводит малознакомых людей. Или просто пожадничал. Потому что в ответ на столь “щедрое” предложение Кримсон тут же предложил встретиться вечером на Черной Речке и “все обсудить”. На том и порешили.

Около восьми Крыса нарисовался на Речке, где ему предложили проследовать в “одну квартиру” на Пионерской, где мы “сможем выпить”, “переночевать” и “решить финансовые вопросы”. На свою беду, Крыса не расслышал намека, сквозившего в этих словах.

К мифической “квартире” решили идти пешком. Сначала двинули по Савушкина, затем решили “срезать” через Серафимовское кладбище, а под конец вышли к огромному пустырю, посреди которого возвышалась заброшенная бетонная конструкция примерно сорока метров высотой.

Путь проходил меж почерневших от времени решеток и заснеженных могил, уличного освещения практически не было. Лишь при входе на кладбище колебался под ледяным ветром синий цветок вечного огня, на котором местные бомжи по ночам готовили картошку с бобами. По ходу Крейзи решил взбодрить Крысу вот какими историями:

- Приколись, места тут настолько глухие, что труп человека до весны найти практически невозможно. Понимаешь меня?

- Э-э... - от такого начала Крыса несколько опешил. - Ты это к чему?

- Как это к чему? - удивился Крейзи. - Я же говорю - если тут кого-нибудь ебнуть, труп до самой весны в снегу пролежит!

- И.. что? - вроде бы спокойно переспросил Крыса, но его выдал взгляд, нервно скользнувший по окружающим его братьям. - Куда мы идем?!

Немного ума у Крысы все-таки было, так что когда мы пролезли через дыру в заборе и начали подниматься по обледенелой лестнице на шестой этаж - его уже вовсю колотило. И, надо сказать, было с чего - до того правильно мы выбрали место для нашего разговора.

С шестого этажа местного “кричи-не-кричи” открывается чарующий, удивительный вид. В здании не успели построить стены, так что вся конструкция представляет собой исполинские бетонные столбы, разделенные на шесть этажей обледенелыми плитами перекрытий. Потолки здесь метров по шесть, поэтому с верхнего яруса виден едва ли не весь город.

С одной стороны к конструкции примыкает темный массив кладбища, а с трех других она окружена многокилометровыми заснеженными пустырями. Кругом навалены бетонные блоки, торчит ржавая арматура, а до окраины жилых районов отсюда не меньше получаса быстрой ходьбы. Ледяной ветер разве что не валил с ног, на улице стояло минус тридцать - или возле того.

- Где золото? - спросил я у Крысы. - А?

Стоя на обледенелом краю, лишенном элементарных перил, и глядя на чернеющие далеко внизу штыри арматуры, Крыса решил не отпираться и не искушать судьбу.

- Пощадите! - взмолился он, трясущимися руками открывая нагрудный карман. - Вот ваше золото! Заплетающимся языком он поведал нам свою подлинную историю. В армии Крыса никогда не служил, а с Дурманом его связывает не более, чем шапочное знакомство. В Питере он оказался случайно, а пизды ему дали люди, которых он попытался кинуть до нас. Крыса слышал в исполнении Дурмана истории о его питерских друзьях, и у него в голове созрел коварный план - втереться в доверие, надавить на жалость и “хватать, хватать, хватать”. Да не тут-то было!

- Не убивайте, - снова взмолился Крыса. - Пощадите меня!

Спасло Крысу то, что перед таким важным делом братья почти не пили. А по трезвости люди у нас вежливые да добрые - так что Крысу даже бить не стали. Противно было руки марать.

- Сымай одежду и обувь! - потребовал Кримсон. - Поносил - и будет!

Крыса спорить не стал, и через минуту стоял на “крыше мира” совершенно голый. Никаких “своих вещей” у него к тому времени уже не осталось. Ледяной ветер в миг выдул из Крысы тепло, за десять минут (пока мы решали, что с ним делать) вся кожа у него потрескалась и пошла какими-то пятнами.

- Надо ему хотя бы одну ногу сломать! - настаивал Маклауд. - Чтобы знал!

- Лучше сбросим его вниз! - предложил я. - Это милосердно - всяко лучше, чем от холода подыхать!

- Привяжем его проволокой, да так и оставим! - возразил Фери. - Здесь не до милосердия, а его потом все равно отвяжут!

- Кто? - удивился я. - Кто отвяжет?

- Менты отвяжут, - объяснил Фери. - Этой же весной!

От таких “переговоров” Крыса совсем загрустил. Зрачки у него неестественно расширились, поглотив почти всю радужку, а голова начала бессистемно подрагивать и болтаться туда-сюда. Увидев, что он “готов”, мы ушли, оставив Крысу наверху обдумывать свое поведение. Мы надеялись, что он сгинет на этих ледяных пустырях, но через несколько месяцев наши надежды развеял звонок из Москвы.

Сразу же после этих событий мы отписали Дурману, какие “друзья” приезжают в Питер, прикрываясь его именем. И ему это ни хуя не понравилось! Взбешенный Дурман настиг Крысу в Сабурово, когда тот вышел покурить на черную лестницу в панельной девятиэтажке.

В отличие от наших братьев, Дурмана даже трезвого нельзя упрекнуть в долготерпении или в мягкости нравов. Оpozнав Крысу благодаря нашему описанию, Дурман вычислил его по тусовке и подверг настоящей расправе. А последним фактором проверки оказалась “подпись” Лана, которую тот оставил у Крысы на левой щеке. После этого с ним было уже не о чем разговаривать.

Несколькими ударами в зубы Дурман сбил Крысу с ног, а затем пинками спустил с восьмого этажа по бетонной лестнице до самого выхода из подъезда. В ходе этой экзекуции кроссовки Дурмана пропитались кровью настолько, что их пришлось выбросить, а про Крысу я и говорить не хочу. В нашей истории для него больше нет места.

Как я уже говорил, не так давно “вербовщики” военкомата схватили и заточили подо Мгой нашего Кузьмича. Они полагали, что Барин будет два года горбатиться в железнодорожных войсках - но уже через неделю Кузьмич наебал стражу возле своего барака, перелез через забор части и был таков. Его возвращение совпало с днем рождения Маклауда, который мы решили отпраздновать на квартире у известного сорокомана по прозвищу Шапа.

С этим кадром нас познакомил Панаев, отрекомендовавший Шапу журналистом газеты “Сорока” - ненавидимой всеми нами до дрожи в зубах. За две недели перед описываемыми событиями я и

Панаев навестили Шапу у него дома, якобы с целью дать газете “Сорока” интервью от лица нашей “молодежной организации”.

Шапа проживал в двухкомнатной квартире на третьем этаже, в старой пятиэтажке неподалеку от станции метро “Елизаровская”, вместе со своими папой и мамой. Эта семейка заслуживает отдельного разговора. Мама Галя, дородная сорокалетняя тварь, до такой степени выжила из ума, что разделяла все увлечения своего блудного сына. То есть писала в “Сороку”, бухала и вовсю общалась с сорокоманами. Она производила впечатление потасканной привокзальной синявки, возле которой жался её муж, напоминающий высушенного алкоголем пожилого бомжа.

Сам Шапа (да не уподобимся ему вовек) производил еще более отталкивающее впечатление. Невысокого роста, с вечно бегающими крысиными глазками, Шапа оказался записным героинщиком и спидоносцем. У него были какие-то претензии к Маклауду из-за того, что тот полгода назад скинул его на Черной Речке с парашюта. Упав, Шапа здорово повредил себе спину и долго не мог ходить - на что и пожаловался нам своим дребезжащим, вечно ноющим голосом.

За время этой встречи мы с Панаевым успели придирчиво осмотреть Шапино жилище, договориться о “будущем празднике” (разумеется, не сообщая Шапе, чей день рождения мы задумали отмечать) и дать газете “Сорока” короткое интервью. Это оказалось совсем не трудно - Шапа задавал разные вопросы (типа - почему мы ненавидим сорокоманов и т.д.), а мы с Панаевым по очереди посылали его на хуй. Под конец Шапа отчаялся хоть что-нибудь узнать и поинтересовался - может, у нас найдутся пожелания для его читателей? Тут он был прав: в этом мы никак не могли ему отказать!

Так как мы с Панаевым пили тогда белый вермут пополам со спиртом - подробности этого “интервью” не задержались у меня в голове. “Чтоб вы лишаем голимым поросли!” - вот собственно и все, что мне оттуда запомнилось. Но Шапа старательно записал нашу ругань и пьяные выкрики, а через неделю все это безобразие появилось на страницах “Сороки” - насмешив нас и раздосадовав впечатлительных сорокоманов.

Сам праздник, получивший впоследствии название “Шапа-пати”, начался так. Около девяти часов вечера мы постучались в дверь Шапиной квартиры - только открыл нам вовсе не Шапа, а его мать.

- Шапы нет дома, - завила она. - И когда он будет, не знаю!

- Но мы договаривались... - начал было я, но старая сука была неумолима. - Не пуцу! Ждите на лестнице!

Только благодаря посулам и клятвенному обещанию “налить” нам удалось пробраться в квартиру и засесть в комнате у Шапы. Праздник был распланирован как состоящий из двух частей - сначала мы чинно-мирно отмечаем день рождения (то есть пьем, покуда не перекинемся), а в 4.30 начинаем в квартире у Шапы настоящий погром. Но первые конфликты начались гораздо раньше, чем подступил назначенный срок.

Сам Шапа (явившийся домой только в первом часу ночи) посерел лицом, как только увидел в коридоре Маклауда. От греха подальше Шапа спрятался в комнате отца и не выходил оттуда ни за какие коврижки. Он даже предпринял несколько попыток “выписать” нас из квартиры (через отца, разумеется) - но этому воспротивилась пьяная “в говно” мать. Поллитра водки и льстивые речи Маклаудовской жены сумели вовремя перетянуть ее на “нашу сторону”.

Водка лилась рекой, и постепенно стены в Шапиной комнате дрогнули и завертелись волчком, а на лицах товарищей появились первые признаки приближающейся перемены. Все чаще в ответ на замечания Шапиной матери доносилось не вежливое “извините”, а куда более естественное “пошла на хуй”, а кое-кто даже перестал бросать хабары на пол. Вместо этого дымящиеся окурки стали размазывать о стены комнаты.

Начало второй части праздника положил Кузьмич. Когда настенные часы в комнате у Шапы остановились¹⁹⁷ на отметке “полпятого”, Барин заорал “Поехали!”, сорвал часы со стены и молодецким ударом разломил ходики о стенной шкаф. Я тут же ухватился за ствол огромного, в человеческий рост, фикуса, поднял цветок с пола и размахнулся изо всех сил. Керамический горшок на большой скорости врезался в невысокий сервант, вдребезги разбив стекла и совершенно разбившись сам. Во все стороны брызнули стекла вперемешку с землей, оставив у меня в руках только мясистый ствол и лохматое корневище.

Остальные тоже не стояли без дела - кто-то опрокинул секретер, кто-то перевернул стол, а Панаев в это время кромсал ножом одеяла и поджигал занавески. Я недолго наблюдал за этим безобразием, так как неожиданно кто-то могущественный и жестокий вселился в меня, отключив сознание, словно пьяный электрик - свет. Остался лишь калейдоскоп вращающихся картинок: блевота на стенах, пьяные лица и громогласный немолкнущий крик.

Это кричала Шапина мама, которая увидела, как Строри вытащил из кладовки топор и несколькими удалыми взмахами развалил унитаз. Хлынула вода, но Строри это ни чуточки не беспокоило. С побелевшим от водки лицом он перешел в ванную комнату - и оттуда понеслись гулкие удары, по силе сравнимые разве что с ударами колокола. Приоткрыв дверь, я некоторое время наблюдал, как Строри с остервенением дырявит чугунную ванну обухом топора¹⁹⁸.

Оригинальнее всех развлекался Маклауд. Он выволок из дальней комнаты Шапиного отца, после чего развалился на стуле в начале длинного коридора, тянущегося из прихожей на кухню. В конце коридора Маклауд приказал расставить Шапин семейный сервиз, и теперь расстреливал его из принесенного с собой пневматического ружья.

Происходило это так. Сначала пьется стопка наливки, затем звучит сухой шелчок выстрела - и на кухне во все стороны брызжут фарфоровые осколки. После этого Маклауд лениво бросал ружье в сторону, а Шапин отец со всей поспешностью ловил его за ствол и перезаряжал. Наступало мгновение тишины, затем Маклауд опять глотал стопку наливки - и все повторялось опять.

Маклауд занял пост в коридоре не просто так. По совместительству он контролировал выход на лестничную площадку - чтобы Шапа и его родители не вздумали выбежать из дома и вызвать милицию. Доведенный до отчаяния Шапа попытался выброситься из окна, но братья это вовремя пресекли - схватили Шапу за руки и заперли в кладовке. Вызвать же милицию по телефону у Шапы и его родных не было ни малейшей возможности.

Телефон в Шапиной квартире мозолил мне глаза с самого вечера. Он располагался на тумбочке возле дверей, причем с ним постоянно происходили удивительные метаморфозы. По первости он стоял просто так, затем кто-то снял с него трубку - которая одиноко зудела, короткими гудками жалуясь на нелегкую жизнь. В следующий мой визит в коридор трубка лежала на том же месте - только вот витой шнур был уже перерезан.

Когда же мы уходили, в тумбочку, на которой стоял телефон, оказался воткнут топор. Строри вбил лезвие в податливое дерево едва ли не до половины - так что обух едва-едва виднелся сквозь искореженный аппарат. Эта картина накрепко засела у меня в голове - лопнувшие куски пластика, искореженные шестеренки и разноцветные провода.

Кураж отпустил меня только в метро, когда я прилег на лавку в практически пустом вагоне. За окном проносились перевитые кабелями стены тоннеля, а на лавке напротив пьяный Фери пытался “склеить” парочку утренних малолеток:

- Я тракторист, - Фери решил начать эту беседу с вранья, - работник далекого севера! Девушки, замерзая в ледяных пустошах - я думал о вас! Предлагаю теперь...

Уперев взгляд в плафоны на потолке, я слушал это пьяное бормотание и все думал: “Ну наконец-то! Вот оно - настоящее интервью!”

¹⁹⁷ Правильнее будет сказать - не “остановились”, а “перестали существовать”

¹⁹⁸ Это куда как проще делать кувалдой.

Патруль нравственности.

*“Вместо сытного обеда
С хлебом и салатом
Лустберг делает минет
Неграм и мулатам”. “Веселые четверостишья”.*

На Первомай в этом году приключилась вот такая история. Перед самым выездом Королева сшила черные повязки с буквами “П. Н.”, что расшифровывалось как “Патруль нравственности”. Идея патруля состояла в том, чтобы преследовать тех ролевиков, которые станут расхаживать голыми или примутся прилюдно ебстись.

Этот постыдную скверну принесли в тусовку Лустберг и его друзья - безобразный пережиток старой “системы хиппи”. Они всем показали, что такое настоящий “free love” - череда голых обмудков, прущих косолапых сук с отвислыми сиськами. Насмотревшись на совокупляющихся тут и там унылых чудовищ, наши товарищи взбеленились и решили положить конец этому безобразию.

Мы рассуждали так. Постороннему мужику нельзя позволять трясти яйцами на виду у женской части нашего коллектива. За это нужно наказывать, причем наказывать сразу! А наши девчонки пускай разберутся с теми бабищами, что привыкли ходить по лесу с неприкрытой пиздой. Путь “кукушки” и газ проведут черту, которая отделит честных женщин от сонмища вконец охуевших блядей!

Пока остальные товарищи пьянствовали на Холме - Барин, Королева и я решили навестить обитающих на побережье Болгар. Стремительно вечерело - темнота упала на мир, деревья по краям тропы превратились в едва различимые серые тени. Тьма скрадывала очертания предметов, лишь на фоне чуть более светлого неба можно было различить угловатое плетение нависающих над дорогой ветвей.

Наш путь пролегал через перекресток. Нимедийская тропа наискось перечеркивает здесь дорогу к озерам и уходит лесом по направлению к Фонтану. Неожиданно мы услышали топот и увидели меж деревьев стремительно движущийся желтый свет. Вскоре мы смогли различить фигуру человека с факелом в руках, несущуюся в нашу сторону по дороге. В другой руке человек сжимал “меч” из расплющенной лыжной палки. Так как никакой игры на эти выходные в Заходском не намечалось, то поведение незнакомца нас несколько насторожило. И не зря - уже через пару секунд он с пронзительным криком набросился на нас!

- Попались?! - свирепо орал он, угрожая нам факелом. - А-А-А!

Мы с Кузьмичом шли без оружия - только у Королевы оказалась “кукушка” в рукаве. Не знаю, как у нас это вышло - но я почти сразу же перехватил руку с факелом, а Барин намертво вцепился в “меч”. В ходе непродолжительной борьбы Кузьмичу удалось вырвать алюминиевую трубу из рук нападавшего, перехватить ее за концы и накинуть незнакомцу на шею.

Поднатужившись, Кузьмич сумел изогнуть трубку кольцом, скрестил концы и закрутил на полтора оборота. Получился ошейник из ролевого меча, судя по всему - вещь не очень удобная. Говорю так потому, что видел, как захрипел наш противник, судорожно разевая рот и шаря по сжавшей шею петле непослушными пальцами. Королева сумела полностью использовать этот момент. Подскочив сбоку, она несколько раз вытянула нашего противника “кукушкой” по почкам.

Тот рванулся изо всех сил - и тогда Барин неожиданно разжал руки и резко толкнул нападавшего в мою сторону. Отступив на шаг, я размахнулся и наотмашь врезал оставшимся у меня в руках бензиновым факелом. От удара пламя вспыхнуло еще ярче, разбрасывая по сторонам шипящие огненные брызги. Вот этого наш противник уже не выдержал - завыл дурным голосом и бросился наутек.

- Кто это был? - спросил у меня Кузьмич, едва мы отдышались. - Лицо вроде знакомое?

- Даня это! - уверенно заявила Королева. - Я рожу успела разглядеть!

- Даня? - переспросил Кузьмич. - Зачем же он так?

Ответа на этот вопрос мы не знаем и по сию пору. За Даней ходила слава алкоголика и истерички, но раньше между нами не возникало каких-либо трений. Даня жил возле озер, пересекались мы редко - так что мы полагали, что у нас нет повода к взаимной вражде.

- Так ведь он ебнутый! - припомнил я. - Может, хуй с ним?

- Ну... - задумался Кузьмич. - Ты прав! Простим дурака!

Легко прощать тех, кого только что опиздюлил. И наоборот - опиздюлившийся человек прощать совершенно не склонен. Так получилось и с Даней - ему показалось мало, так что он отважился на месть. Вот что у него из этого вышло.

Через три часа мы опять шли по той же самой дороге. Теперь нас было человек пятнадцать - пьяные в дым, мы перли по лесу под мелодии сборника "Союз 21". Они доносились из принадлежащего Королеве двухкассетного магнитофона, который Фери нес у себя на плече. Стояла середина ночи, на почерневшее небо выкатилась огромная майская луна.

Большинство братьев, памятуя о недавнем случае, вооружились пневматикой и дубьем, а кое-кто взялся за лопатки и топоры. Пятнадцать пар ботинок весело бухали по дороге в такт пронзительным нотам, от переполняющих душу чувств участники процессии подпрыгивали в воздух и крутились волчком. Почти все товарищи надели черные повязки на плечо, а возглавил шествие Кузьмич. Он шел впереди всех и ревел, словно бензопила:

*Тополинный пух - жара-июль
А братья такие пьяные!
Только теплый ветер - не за хуй
Ноздри мне щекочет, по ебалу хочет!*

- Ноздри мне щекочет! - тут же подхватили остальные. - ПО ЕБАЛУ ХОЧЕ-ЕТ!

Так что мы не удивились, нет - мы просто охуели, когда на том же самом месте на нас снова бросился человек с факелом в руках. Сначала пламя вспыхнуло в кустах - это Даня запалил приготовленный заранее факел, а затем на дорогу выскочил и он сам. Только на этот раз вместо меча Даня сжимал в руке открытую канистру с бензином.

- Ну что, суки! - заорал Даня. - ЧЬИ ПАЛАТКИ БУДУТ ГОРЕТЬ?!

С этими словами он плеснул бензином под ноги Кузьмичу и тут же ткнул факелом в разлитое топливо. Поднялось пламя, в ноздри ударила резкая бензиновая вонь, а Кузьмич так и вовсе едва успел отскочить. Возникла короткая заминка - те осколки мгновений, за которые человек решает, как ему лучше будет поступить. Вышло так, что в этот раз первым сориентировался Строри. Выиграл инициативу.

- Давай сюда канистру! - неожиданно предложил он. - Пускай все будет по-чеснаку!

Столько справедливой уверенности вложил Строри в эти слова, что их невысказанный подтекст мгновенно встал у меня перед глазами. "Даня, одумайся и прекрати беспредел! Нас больше, так что лучше отдай канистру и дерись один на один! По чеснаку - а как же иначе?"

И пока я, остальные братья и Даня размышляли над этими справедливыми словами - Строри шагнул вперед и ударом кулака разбил Дане нос. Наверняка он собирался ударить еще - но не пришлось. После первого же удара Даня схватился за лицо и побежал, выронив из рук канистру и факел. Следом за ним бросился разъяренный Кузьмич.

- Стой, аслица! - орал Барин. - Гоним мышь!

Все это произошло настолько быстро, что большинство из нас не успели разобраться в происходящем. Пока мы втыкали на пылающую проплешину - треск ветвей и бешеная ругань Кузьмича уже стихли вдали.

Мы настигли Барина только на стоянке Озерных Орков - недалеко от Фонтана. Хозяев лагеря звали Большой Грызб и Маленький Грызб. Большой весил далеко за центнер и был почти под два

метра ростом, а Маленький едва доставал ему до середины груди. В остальном Грызи были похожи - коренастые мужики со спокойными веселыми лицами. Они приезжали в Заходское, вооружившись парой деревянных мечей и охотничьей помпой-пятизарядкой.

Увидав, как Кузьмич настиг Даню на окраине их стоянки, Грызи даже не подумали вмешиваться. - Все по чесноку! - авторитетно заявил Большой Грызь, устраиваясь на бревне. - Один на один!

Драка - зрелище, которое от начала мира пользуется огромным спросом между людьми. Поглазеть на драку сбегаются пожилые и молодежь, трезвые и пьяные, смелые и не очень. Вокруг дерущихся мгновенно возникает тесный круг, взгляды ловят каждое движение - в зубы, по уху, об колено! Пальцы сжимаются в кулаки, а на лицах собравшихся моментально проступают самые горячие чувства!

Драка обладает колоссальным культурным значением. На спектаклях люди сидят кривясь да поплеывая, а вот дракой можно любую публику расшевелить. Как говорится: “В драке с ножом есть шанс тронуть сердце даже самого черствого человека”. Драка начинается знакомство и завершает переговоры, крепит дружеский круг и является предметом подвига.

Если бы не было драк - о делах сказочных героев было бы нечего рассказать. Представьте себе - Змей отказался драться с Муромцем и шипит: “Днесь на тоби, Лиюша, челобитную понесу! Посвящу царя, як ты на треглавого залупавшись! Нас трое свидетелей - в остроге сгниешь!” Правильно ответить на такое сумеет только опытный витязь, для которого не новость драконьи повадки: “Не дерзило бы ты, чудище, светлому богатырю! Хоть на три стороны доноси - не пугает меня твоя челобитная! Бумагами, что царю шлешь, околоточный себе все стены оклеил. Чую - быть тебе днесь в уездной управе терпилою!”

В этот раз круг получился диаметром метра три - на земле ковер из мха, кое-где пробивается вереск и невысокие кустики черники. Прикурив сигарету, Барин вышел в круг и двинулся в сторону Дани. Тот, видно, совсем уже избесился - дыхание прерывистое, взгляд бегающий, глаза налились дурной кровью. Противники встретились на середине круга - сначала сцепились руками, а затем упали и покатались по земле.

Секунд через десять напряженной борьбы Кузьмич сумел перевернуть своего противника на спину, сесть сверху и заблокировать его руки своими коленями. Зажав помятую сигарету в зубах, Кузьмич неторопливо прицелился и нанес несколько точных, сильных ударов. Раздался глухой стук, с которым кость ударяется о кость, затем послышался тихий стон - и все. Победа досталась Кузьмичу.

Пример Дани являет нам образец человеческой смелости, лишившейся поддержки ума в ходе трагических жизненных обстоятельств. А на следующий день мы стали свидетелями обратной картины - когда человек двадцать сторонних “умов” надумали срезать путь на Грачиное мимо принадлежащей болгарам Утехи. Вышло это так.

Турнирная поляна - словно небольшое футбольное поле, затерявшееся в лесу. Она раскинулась на узком перешейке между двух озер, на котором сходятся основные дороги и тропы. Пути на Грачиное и на танковый полигон проходят через этот перешеек, а по другому туда попасть можно, только заложив многокилометровый круг - вдоль побережья одного из озер.

Взрослых деревьев на Турнирной Поляне нет, березы и сосны выросли только над бункером и поверх старого фундамента на дальней стороне. Эта кipa деревьев скрывает от посторонних глаз самую Утеху - традиционное Болгарское обиталище. Дорога на Грачиное проходит с противоположной стороны поляны, поэтому наблюдать за ней удобнее с верхушки бункера, на вершине которого укоренилось Колокольное Дерево¹⁹⁹. Нынче по лесу поползли тревожные слухи о колоннах хиппи, втихаря пробирающихся к Грачиному по “системной нужде” - так что Болгаре уже с полудня были начеку.

¹⁹⁹ Про это дерево идет речь в рассказе “Цепной Отец и собачья печень”.

Сторожить дорогу отправились Вик и Гуталин, а помогать им вызвался я. Распив втроем пару котелков²⁰⁰, мы быстро пришли в необходимое расположение духа.

Ведь в свете грядущего “патрулирования” нам может понадобиться обозвать “пидорами” группу незнакомых людей. А в таком деле очень важной становится уверенность в собственных словах.

Не должно быть такого: “Да я не имел в виду, что ты пидор! Я тебя вообще случайно пидором назвал!” Недаром народная мудрость советует называть постороннего человека “пидором” только хорошенько подумав! Лишь когда вы ПОЛНОСТЬЮ УВЕРЕНЫ, что перед вами реальный пидор.

Другой способ заполучить такую уверенность заключается в том, чтобы перед встречей с “потенциальными пидорами” выпить водки. То есть вырвать свой разум из паутины условностей и подняться вверх на широких крыльях демона алкоголя. Тогда уверенности хватит и на сорок человек. “Хуй ли расселись? Одни пидоры кругом!”

Теперь фокус нашего рассказа сместится на противоположный край Турнирной поляны, на участок дороги в тридцати метрах от бункера. Рядом с этим местом мы положили в траву три увесистых палки, а прямо посередине дороги “разместили” целую кучу “свежего” говна. Этой куче отводилось важное место в наших будущих планах.

“Детей цветов” мы заметили, лишь когда те уже вывернули из лесу на дорогу. Это произошло не более чем в пятнадцати метрах от нашего “пикета”. Хиппи скучковались на дороге, поджидая остальных и настороженно поглядывая в нашу сторону. Так что медлить было ни в коем случае нельзя:

- Пипл! - высоким голосом возгласил Вик. - Хелп! Плиз гоу ту ми!

Хиппи о чем-то пошептались друг с другом, но тем не менее подошли. Дорога была одна, так что деваться им было особо некуда. За полтора метра до нас хиппи образовали полукруг - цветные рубашки и пестрая вязь бисера, гривы нечесаных волос, нервно сжатые пальцы в плену дешевых колец. Здесь было примерно поровну парней и девок, доверху нагруженных самым непритязательным скарбом - горелыми одеялами, жестяными чанами и старенькими рюкзаками.

- Смотрите внимательно! - предупредил собравшихся Гуталин. - Видите говно у вас под ногами? Теперь мы берем самые обычные палки и погружаем их одной стороной в говно. После этого...

Я бля буду, но хиппи до самого последнего момента так ничего и не поняли! Иначе не стояли бы так спокойно и не ждали, пока мы ткнем кому-нибудь из них в рожу такой палкой. Мы успели измазать троих, прежде чем хиппи поняли - здесь творится что-то не то!

- А, блин! - закричал один из них, с отвращением трогая себя за лицо. - Пипл! Вы чего делаете?! Что за тема?!

Но его возмущение так и осталось на словах - несмотря ни на что, хиппи так и не предприняли попыток к отмщению. Возмущались, кричали - но даже не двинулись с места. Витю-Орка такая позиция совершенно вывела из себя. Ведь он рассчитывал, что после такой “залупы” в драку кинется даже самый миролюбивый человек! Мы заранее приготовились к отражению коллективной атаки - думали отбиваться припасенными палками, а в случае неудачи решили выкликать на помощь отдыхающих в Утехе братьев. Но проклятые хиппи разрушили наши планы!

Увидав по нашим лицам, что еще чуть-чуть - и мы сами на них набросимся, хиппи решили времени зря не терять. Часть из них пропустила мимо нас по дороге, а часть ломанулась в лес - в направлении военного полигона. Кое-кого мы еще успели перетянуть палками, но немногих. Азарт быстро прошел.

- Пацифисты, еб твою мать! - с отвращением заявил Гуталин, глядя вслед удаляющимся пестрым фигурам. - Никак на драку не развести! Слышали ихние песни?

Не нужна нам война

А пошла она на-а...

²⁰⁰ Если послушать Сокола, то “коньяк и его суррогаты следует пить из посуды с широким горлышком”. Болгаре последовательны и для распития коньячного спирта пользуются котелком.

- Ага! - кивнул Вик, швыряя палку на землю и поворачиваясь в сторону Утехи. - Таких пидоров еще поискать! Не люди, а скоты - такую шутку испортили!

Следующее происшествие имело место во время затеянной Маклаудом грандиозной стройки. Решено было выкопать посреди нашей стоянки зиндан - яму два на два на четыре для пленных, закрывающуюся сверху массивной деревянной решеткой. В зиндане можно будет без всякого опасения содержать случайных “постояльцев”, в то же время используя его как отхожее место и как яму для мусора.

Два на два на четыре - это шестнадцать кубометров, то есть примерно три полных самосвала породы. Не могло быть и речи о том, чтобы перелопатить самим такую прорву земли, поэтому постройку зиндана было решено возложить на пленных ролевиков.

Каждое утро Маклауд вставал едва ли не с солнышком и уходил с Холма. Через пару часов он возвращался, волоча на удавке то одного, а то и двоих неосторожных путешественников. Пленных Маклауд поручал бдительному присмотру Жертвы, после чего завтракал и отправлялся спать.

Терпеливый Жертва искренне полагал, что “безопасность труда важнее производительности”. Поэтому он избегал снабжать пленных каким-либо инструментом - предпочитая, чтобы они копали зиндан руками, в самом крайнем случае помогая себе короткими палками. В свете этого факта строительство зиндана растянулось на невообразимое количество наполненных криками пленных и злобным свистом капроновых плетей “человекочасов”.

Жертва до того усердствовал на вверенном ему “объекте”, что некоторые братья начали всерьез сетовать на стоны и вой, доносящиеся из будущего зиндана. Крики истязаемых Жертвой рабов здорово мешали спокойному отдыху, но главная проблема строительства оказалось не в этом. На глубине полутора метров пальцы рабов принялись царапать о сплошной гранитный валун, расколоть который без отбойного молотка не представлялось возможным.

Зная, что за задержку строительства его постигнет самая суровая кара, Жертва проявил недюжинную смекалку и инициативу. Он отправился на танковый полигон и принес оттуда неразорвавшийся ПТУРС²⁰¹, пулеметную гильзу калибра 12,7 мм и горсть трассирующих патронов. Расстелив на земле полиэтилен, Жертва развинтил ПТУРС и выковырял из него всю взрывающуюся начинку. Часть взрывчатки Жертва запихал в пулеметную гильзу, после чего вставил в горлышко трассер пульей вниз и аккуратно обстучал края обухом топора. Он рассчитывал, что при воспламенении капсюля энергии трассера хватит, чтобы заставить сдетонировать спрессованный внутри гильзы тротил.

После этого Жертва выгнал из раскопа рабов, расковырял арматуриной какую-то щель и принялся закладывать под валун самодельное взрывное устройство. Он надеялся, что камень лопнет от взрыва и его можно будет вытащить из воронки по частям. Жертва уже прилаживал к своей бомбе огнепровод из сухих щепок и бересты, когда это заметил Строри. Высунув голову из стоящей неподалеку палатки²⁰², Костян нашел нужным поинтересоваться:

- Жертва! Что это за возня со щепками?!

- Бомбу закладываем! - бодро доложил Жертва. - Будем валун взрывами проходить!

- Бомбу? - меланхолично переспросил Костян, еще не до конца въехавший в расклад. - А что за бомбу?

- Сто пятьдесят грамм тротила в латунной оболочке, в качестве детонатора трассирующий патрон калибра 7, 62, - отрапортовал Жертва, которого Маклауд пиздюлями приучил отвечать старшим товарищам ТОЛЬКО быстро и по существу. - Готовность две минуты!

²⁰¹ Противотанковый управляемый ракетный снаряд.

²⁰² У Костяна была собственная палатка из парашютной ткани, которую он изредка брал с собой - пять или шесть раз за десять лет.

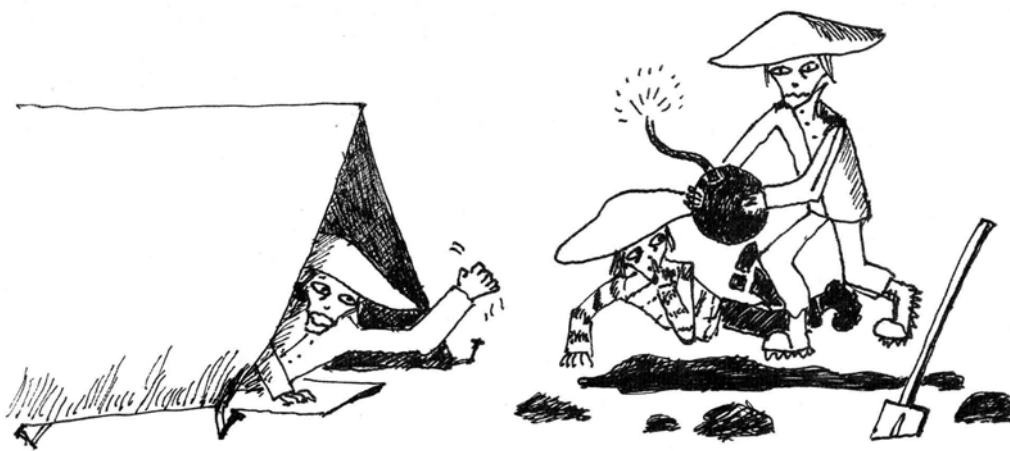

Не знаю, какой реакции ожидал Жертва в ответ на свои слова - может быть, даже похвалы. Но дождался он совсем другого. Как только Строри представил себе, как в трех метрах от его палатки взрывается эквивалент двух противопехотных гранат - он выкатился из палатки, разметал огнепровод и захватил приготовленную Жертвой "бомбу".

- Идите на хуй, - орал Строри, - подрывники ебанные! Бомбисты, блядь!

Договориться с ним не было ни малейшей возможности. Хотите взрывать - пожалуйста! Только не ближе, чем в двухстах метрах от Холма! А иначе вам и зиндан будет не в радость - такой пизды получите! Вот к чему, если говорить вкратце, сводилась его манифестация.

- Любого, кто станет закладывать рядом со мной свои ебучие бомбы, - в заключение добавил Костян, - ждут ужаснейшие пиздюли!

Костян считал, что от взрывчатки бывают одни только неприятности. И был по-своему прав. СВУ²⁰³, которое Строри отнял у Жертвы, тут же пошло по рукам. Пьяные братья забавлялись с ним до тех пор, пока я случайно не выронил устройство в костер. Долго ли надо капсюлю патрона пролежать на углях, прежде чем он вспыхнет и все изделие пизданет? Трудный вопрос.

Нам удалось выкатить "бомбу" из огня раньше, чем это случилось. Но произошедшее навело нас на тревожные размышления. Было решено избавиться от опасной игрушки, подорвав ее где угодно - лишь бы не нашей стоянке. Согласитесь, это была достаточно разумная мысль. А случай исполнить задуманное подвернулся нам этим же вечером - на стоянке царя Трандуила. Причиной для такого выбора места послужило вот что.

Прогуливаясь ночью по лесу с означенной целью, мы обнаружили на берегу Малого Красноперского упомянутого "царя". Транд лежал на спине возле костра и храпел, привольно раскинув руки. Могло показаться, что он просто спит (так на самом деле и было) - если бы верхом на нем не прыгала голая баба, яростно совокупающаяся с Трандуилом в позе "наездницы". Поскольку наше присутствие несколько её не смутило, мы подошли и легкими пинками привели "царя" в чувство. Транд перестал храпеть и открыл глаза.

- А? Что? - видно было, что окружающую действительность он воспринимает с превеликим трудом. - Хуй ли надо?

- Ну и ну! - пожурили его мы. - Как мы видим, перерывов на сон ты больше не делаешь? Спишь - и в то же время ебешься?! Охуеть!

- И что? - спросил Трандуил, недовольный тем, что его разбудили. - Вам-то какое дело?

- А как же нравственность? - спросили мы. - Смотри, чего у нас есть!

С этими словами мы сунули изготовленное Жертвой устройство Транду под нос.

²⁰³ Самодельное взрывное устройство.

- Прикидываешь, - объяснили мы, как только зрочки Транда должным образом сфокусировались, - здесь сто пятьдесят грамм тротила и детонатор из трассера! Пизданет так, что закачаешься! Имей в виду!

С этими словами мы бросили бомбу в костер и бросились бежать. Понятное дело, что мчался я ОЧЕНЬ быстро - но все же не удержался и разочек обернулся на бегу. Увиденная картина до сих пор стоит у меня перед глазами: голое женское тело, распластавшееся над землей в невообразимом прыжке и обнаженный Трандуил, со всех ног несущийся к спасительному лесу. За несколько отпущенных ему мгновений Транд покрыл приличное расстояние, подтвердив этим старинную поговорку: “Жить захочешь - еще не так побежишь!” Не все же ебаться, надо и о здоровье подумать!

Индийские истории (часть1) - Стоящий Медведь.

“Для мирного времени характерен эмоциональный упадок, спокойная жизнь приглушает сильные чувства. Весь спектр ощущений, от искр душевного тепла до огнедышащих глубин ненависти, полнее воспринимается в смутное время и в связи с беспокойными обстоятельствами”. Этель Альтазафар.

Этой же весной Крейзи объявил старт городской кампании “Первоцвет”. Эта акция направлена против торговцев охраняемыми родами дикорастущих цветов - *Leucojum*, *Ruscus*, *Cyclamen*, *Crocus*, *Galanthus*. Перед инспекторами была поставлена задача пресекать торговлю “с рук” крымскими первоцветами, многие виды которых занесены в Красную Книгу. До полумиллиона единиц этих растений каждую весну ввозятся в наш город браконьерскими “челноками” и реализуются через сеть розничной торговли.

“Цветочная Кампания” - одна из самых беспокойных. Торговля первоцветами обычно осуществляется “с рук”, но немало растений уходит и через официально установленные цветочные ларьки. В любом случае, продавцы первоцветов (в большинстве своем это женщины “кавказской” национальности) нехуево отстегивают местным сборщикам подати. Так что деятельность по пресечению подобной торговли с самого начала натывается на “недопонимание”, а подчас и на открытую агрессию удельных ментов.

- Вы охуели? - орал на нас один из сотрудников пикета милиции на станции “Купчино”. - Какой еще Комитет? Вы чего себе позволяете?!

Недовольство этого господина было вызвано тем, что сводная инспекторская группа из двенадцати человек задержала в подземном переходе гражданку Украины, Асанову Мерзие Мургазаевну, при которой было обнаружено семьсот двадцать единиц *Galanthus nivalis* L. Вместе с Мургазаевной попалось еще девять человек, у каждого из которых имелось с собой от пятисот до тысячи упакованных в пластиковые ведра стеблей. Но местную милицию такая “акция” только взбесила.

- Хуйней занимаетесь! - разорвался местный пикетчик. - Это ПРОТИВОПРАВНО! Шли бы вы отсюда подобру-поздорову!

Из-за “столкновения интересов” некоторые мероприятия превращалась в черт знает что. В тот раз “недопонимание” дошло до того, что старшему инспектору из числа наших коллег²⁰⁴ попытались при обыске подбросить “палево на карман”. Сделали это под предлогом досмотра, вызванного “сомнениями в подлинности предоставленных удостоверений”. Такая хуйня кого хочешь взбесит - так что мы отбросили в сторону приличия и начали строчить жалобы на имя Комитетского начальства. Навроде вот этой:

²⁰⁴ Инспектора из состава дружественных нам общественно-политических организаций.

"Группой в составе двенадцати человек проводилась оперативная проверка мест предполагаемой торговли первоцветами на территории, прилегающей к жд. ст. "Купчино". В ходе рейда за торговлю *Galanthus nivalis* L. была задержана гражданка Украины, Асанова Мерзие Мургазаевна. В пикете милиции на Балканской площади на нее был составлен соответствующий протокол, семьсот двадцать единиц *Galanthus nivalis* L. были подготовлены к изъятию.

Между тем гражданка Асанова М. М. предложила одному из находившихся в пикете сотрудников милиции "договориться", после чего они вышли и отсутствовали около пяти минут. После этого указанный сотрудник милиции подверг сомнению правомочность работы инспекторской группы и начал проверку удостоверений, протоколов и сопутствующих документов, продлившуюся около часа.

В ходе этой проверки основная часть инспекторской группы была помещена в зарешеченное помещение и подвергнута наружному досмотру. Сотрудник милиции, отказавшийся назваться, пытался подбросить в карман инспектору два боевых патрона от пистолета "ПМ". Тот же сотрудник милиции выпустил из помещения пикета гражданку Асанову М. М. и вернул ей приготовленный к изъятию *Galanthus nivalis* L."

Хотя проблем подобного толка встречалось немало, работа все-таки шла. В результате у Крейзи весь балкон оказался забит всевозможными подснежниками - доходящей аж до пояса пестрой кучей гниющих цветов. Это были остатки - то, что мы не сумели всучить в качестве подарка случайным прохожим и распахать в близлежащие школы и детские сады.

Судьба цветов, по большому счету, никого не интересовала. Результаты кампании оценивались по выработанным протоколам, сдавать которые в Комитет обычно ездили Крейзи и я. Подчас такая поездка превращалась в сущий кошмар.

Однажды Крейзи потерял бритву-мойку, так что утреннюю порцию кислоты ему пришлось отмерять охотничьим ножом. Из-за этого он попутался с дозировкой, что в случае с кислотой часто приводит к совершенно непредсказуемым результатам. Так вышло и на этот раз.

- По чуть-чуть вкислимся, - заявил Крейзи, - и сразу же руки в ноги! Нам через сорок минут надо быть в Комитете!

- Ага! - пробормотал я, вынимая из кармана ручку и специальный блокнот. - Быть в Комитете через сорок минут...

Из-за систематического употребления кислоты нам приходилось идти на крайние меры. Например, я вел для Крейзи своеобразный ежедневник, в котором отражал все наши намерения на несколько суток вперед. В нем было три графы: "где нам надо быть", "во сколько", и "кого мы должны будем там встретить". А после ряда прискорбных случаев мы ввели еще две - "о чем нам следует говорить" и "зачем нам все это нужно".

Без такого подспорья совершенно невозможно вести под кислотой какую-либо “общественную работу”. Волшебный порошок стирает границы времени, превращая реальность в калейдоскоп обрывочных видений. Практически нереально в таком состоянии сохранить целостность побуждений на хоть сколько-нибудь продолжительный срок. Незатронутым остается только самый глубокий уровень мотивации, который Крейзи однажды сумел выразить всего в двух словах: “Нам НАДО!”

Но ни что именно “надо”, ни “где”, ни тем более “зачем” - этого даже Крейзи не знал. Как только поршень шприца бился о доньшко - все эти вопросы переходили для нас в разряд величайших загадок. Именно поэтому нам был так необходим “специальный блокнот”. Указаниям из этой тетради мы следовали фактически беспрекословно, так как в прямом смысле слова “верили ей больше, нежели самим себе”.

- Давай руку! - потребовал Крейзи, когда шприцы были готовы. - Живо!

Кислоту Крейзи предпочитал употреблять в специальной комнате, оборудованной “зеркальным коридором”. Укрепленные на противоположных стенах зеркала раздвигали границы видимого пространства, порождая перед глазами бесконечную череду сменяющих друг друга картин.

Я любил блуждать по этим призрачным чертогам. Непослушное тело мертвым грузом лежало посреди комнаты, по венам вместо крови текла чистая кислота, дыхание истончалось и практически сходило на нет. Зато мой дух мог легко преодолеть зыбкую границу и оказаться в комнате “по ту сторону зеркала”.

Там все то же самое - только нет тела на полу, а за оконными стеклами расстилаются совсем другие пейзажи. Вокруг раскинулась бесконечность отражений, в которой легко заблудиться - похожие зеркала, похожие комнаты, и только пейзажи за окном пугающе разнообразны. Зеркала прихотливы, каждому путешественнику они показывают свое - и далеко не каждый решится на путешествие во тьму, что притаилась в конце зеркального коридора.

В таком странствии легко потерять мир, из которого пришел - лишиться тела, исчезнуть среди холодного марева миражей. Тогда оборвутся тонкие связи, прекратится дыхание и остановится сердце - а врачи скорой помощи только руками разведут. И будут правы - спасать заблудившихся среди отражений не их работа. Не до того.

Но на этот раз мы с Крейзи таращились в зеркало совсем с другой целью. “Быть в Комитете через сорок минут...” - эти слова огненной прописью были выжжены у меня в голове. Но Крейзи здорово переборщил с порошком - так что проблемы у нас начались не то что по вопросу “куда нам ехать”, а уже на уровне “кто мы такие”. А на этот вопрос в нашем блокноте ответа не оказалось!

Чтобы хоть как-то позиционировать себя в окружающем мире, мы с Крейзи уцепились за единственные оставшиеся у нас ориентиры - инспекторские удостоверения Комитета. Руки тряслись, крошечное фото расплывалось у меня пред глазами. Вцепившись в ксиву, я пытался решить: похожа ли персона на фотокарточке на мое отражение? Рядом со мной пытался решить ту же проблему Крейзи - только вот нашей беде это не сильно помогло.

Скорее наоборот - в суматохе мы перепутали удостоверения. Так что под конец я почти уверился, что меня зовут “Антон”, а Крейзи не менее искренне полагал себя “Ваней”. Люди на играх частенько путали нас с Крейзи между собой, но описанный выше случай - единственный, когда мы сами себя перепутали. Так что можете себе представить, в каком мы были состоянии, когда в конце концов прибыли в Комитет.

Вышло так, что до кабинета нашего Благодетеля мы не дошли. Как только Крейзи и я вошли на этаж и двинулись по коридору, нам навстречу вырулил пожилой человек в форме чиновника Комитета. (Как выяснилось впоследствии, это был еще один наш “куратор” - товарищ Беспалько). Его отделяли от нас всего несколько метров, когда Крейзи коротко глянул на него из-под поля своей шляпы, повелительно вскинул руку и приказал:

- Стоп!

Беспалько остановился. Его взгляд за толстыми линзами очков только начал фокусироваться на дерзких посетителях, как Крейзи открыл рот и изверг из себя вопрос. Своей постановкой он напомнил мне чаньский коан²⁰⁵ - испепеляющая извилина молния, к которой далеко не каждый чиновник окажется внутренне готов.

- Кто вы такой и что нам от вас нужно?! - поинтересовался Крейзи.

Со второй частью этого вопроса Крейзи следовало обращаться ко мне. Я бы живо нашел ответ в нашем "блокноте", а вот у несчастного Беспалько такого подспорья не было. Поэтому он разинул рот и почти минуту простоял неподвижно, не в силах сообразить, чего хотят от него эти странные посетители.

В середине мая мы с Панаевым отправились в леса под Лугой, а вместе с нами поехала Леночка по прозвищу "Бухгалтер" - девушка, заведовавшая большей частью бумаг в нашей организации. Нас познакомил с нею Панаев, увидавший ее под Навесом в Заходском, на дне рождения Пыха. Леночка отдыхала там в компании Фаруха и Папы Хаерсона - но Панаев не мог оставить "сидеть без дела" такие ценные кадры.

Леночка Бухгалтер оказалась для нашей организации бесценной находкой. Она обладала сверхъестественным даром урегулировать правовые вопросы, решать бюрократические неурядицы и работать с бумагами. Её харизме подчинялись чиновники и представители власти, любые задачи, за которые бралась Леночка, можно было считать заранее решенными.

Ужаснувшись царившему в нашей "бухгалтерии" распиздяйству, Леночка в кратчайшие сроки навела среди этой "кухни" строгий порядок. С её помощью были приведены в порядок и систематизированы данные последних Кампаний, подшиты в общие папки оставшиеся у нас копии протоколов и составлена электронная адресная база нарушителей природоохранного законодательства²⁰⁶.

Чиновники Комитета, привыкшие общаться с упоротыми кислотой зомби из нашего "комиссариата", едва ли не молились на Леночку, имевшую обыкновение приходить на такие встречи трезвой. Бухгалтер взяла на себя добрую половину "деловых связей" и практически всю документацию, изо всех сил поддерживая для нашей секты стойкий имидж "Природоохранной Организации".

На место мы прибыли под вечер. Расположившись на прибрежном склоне, мы во все глаза втыкали на невиданное доселе диво - штук пятьдесят типи, в несколько рядов установленные на пологом берегу. Над диковинными шатрами поднимался вверх тонкий дымок, мужчины и женщины в индейской одежде расхаживали по лагерю и сидели на земле, в зарослях на берегу возились полуголые дети. Ветер доносил от реки человеческий гомон и запах стряпни, короткий майский день неторопливо клонился к закату.

На секунду мне показалось, что еще миг - и ландшафт вокруг индейского лагеря изменится, уступая место традиционным североамериканским пейзажам. Встанут по берегам реки стволы вековых кедров, донесется с полей протяжный голос бизона, а в проем между деревьями станет видна серебристая поверхность озера Мичиган.

- На что смотришь? - спросил у меня Панаев. - Никогда индеанистов не видел?

Его голос разрушил сгустившиеся чары, так что меня немножечко "отпустило". Действительно, один или два подобных шатра и раньше стояли на поляне "по ту сторону реки". Мы с Крейзи даже

²⁰⁵ Коан в чаньском буддизме (дзен-буддизме) - это умственная задача, призванная разрушить формальную логику и освободить разум ученика.

²⁰⁶ АБН (адресная база нарушителей природоохранного законодательства) - сводные данные по гражданам, задержанным с поличным во время проведения Елочных, Можжевельных и Цветочных Кампаний. Включает в себя данные по мелкооптовым браконьерам, нелегальным базарам, точкам реализации незаконно добытой лесопродукции с рук, а также основным районам браконьерской заготовки. Так, к примеру - в одном многоквартирном деревенском доме под Лугой оказалось прописано двадцать восемь нарушителей природоохранного законодательства, шестнадцать из которых - известные оптовики.

пару раз ночевали в одном из них - у одной “скво” по прозвищу Наташа-Медведь. Просто до сих пор мне не доводилось видеть одновременно СТОЛЬКО шатров.

- Индеанисты - это навроде реконструкторов²⁰⁷, - объяснял мне Панаев, покуда мы спускались по тропинке к реке и разыскивали переправу. - Только реконструкция у них не “военная”, а культурно-бытовая - в первую очередь обычаи, а затем жилища, костюмы и утварь. По своей сути они ближе к ролевикам - выбирают какое-нибудь индейское племя, “перевоплощаются” в него и так и живут.

- Здоровые же у них племена! - кивнул я, еще раз окидывая взглядом раскинувшийся на берегу лагерь. - Ничего не скажешь!

- Не, - рассмеялся Панаев, - не настолько! Сейчас у них “Пау-Вай” - что-то типа нашей “союзки”²⁰⁸, куда съезжается множество различных племен. Живут индейцы мирно, массовые побоища у них не приветствуются - так что все имеющееся в наличии оружие самое настоящее. В ходу охотничьи ножи и небольшие топорики, а вот другой военной снасти практически нет. Луки есть охуенные - но не очень много. Но это все ерунда, интересно другое. Слышал, чего про обычаи ихние говорят?

- Ну-ка! - заинтересовался я. - Давай, приколи!

- Есть у них один ритуал, - через плечо сообщил Панаев, перебираясь по хлипким бревнам на ту сторону реки, - не знаю только, у каких племен он в ходу. Слышал, чего лысые на Кампании толковали про “тему с мешком”?

- Припоминаю, - кивнул я. - Было что-то такое!

В самом деле, ходили слухи - будто наши коллеги по природоохране используют для первичного “отбора кандидатов” жуткие методы. На испытуемого одевают плотный мешок, после чего четверо “будущих товарищей” пиздят его великим множеством способов. Не берусь судить, по какому принципу “приемная комиссия” различает между собой кандидатов - то ли берут тех, кто устоял на ногах, то ли еще как. Какой-то способ наверняка есть.

- Так вот, - продолжал Тень, - у индейцев есть похожая хуйня, только обычаи этот не для новичков! Для начала испытуемому нельзя ни есть, ни пить несколько дней. После этого он должен оттянуть пальцами кожу у себя на груди и проколоть ножом получившуюся складку. В дырку продевают метровый кожаный ремешок и завязывают на узел, а другой конец привязывают к деревянному столбу. Возле него испытуемый будет корчиться в танце аж целые сутки. Под конец такого “праздника” танцор пляшет уже не у столба, а “одной ногой в мире духов”. В конце ритуала человек падает на спину - чтобы ремешок мог разорвать удерживающую его кожу. Получается приметный шрам в виде буквы “Н” - отметка, которая немало значит между индейцами. Во всем ихнем Движении по пальцам можно пересчитать тех, у кого она есть.

- Не удивительно! - цинично отозвался я, хотя рассказанная Панаевым история меня здорово впечатлила. - При таких-то обычаях!

Неожиданно для самого себя я посмотрел на индейский лагерь совсем другими глазами. Чтобы вот такое проделать, нужен дух, который есть далеко не у каждого. Вслед за Панаевым я перебрался на другую сторону, так что от основного индейского лагеря нас отделял теперь десяток метров стремительно бегущей воды.

На другой стороне раскинулись густые заросли кустов, а начинающаяся у самой переправы тропинка сворачивала налево и терялась в лесу. Метров через пятьдесят тропка обрывалась на

²⁰⁷ Сводный термин для обозначения сразу четырех Движений: реконструкции Средневековья и раннего Средневековья, реконструкции “Наполеоники” и реконструкции вооруженных сил Второй Мировой Войны.

Участники этих движений восстанавливают оружие и костюмы соответствующих эпох - но на этом их сходство заканчивается. Реконструкция Средневековья отличается от реконструкции раннего Средневековья как день и ночь, а про “Наполеонику” я даже говорить не хочу. Это совсем другая хуйня.

²⁰⁸ “Союзка” (сленг.) - ХИ, Всесоюзные Хоббитские Игры; традиционное ежегодное мероприятие ролевиков; одна из немногих игр, которую до сих пор делают только по “мотивам” произведений Толкиена.

широкой поляне, образованной изгибом речного русла. Здесь стояло еще несколько типи, одно из которых принадлежало Наташе-Медведю - индейской “скво”, у которой мы уже не раз останавливались на ночлег.

Типи внутри - это огороженный камнями очаг, кругом которого расположены невысокие лежанки из бревен и одеял. Над огнем царит плотная задымленность, только внизу остается небольшая прослойка “чистого” воздуха. Место хозяина в типи - через костер от входа, еще пара лежанок располагается по бокам, а вот прямо перед “дверью” оставлено свободное место. На эту сторону открывается круг из камней, которыми огорожен очаг - что имеет под собой сразу два назначения. Во-первых, остается “проход” для почитаемых индейцами духов, а во-вторых, будет тяга, что тоже весьма существенно.

От хорошей тяги жизнь в типи зависит, можно сказать, напрямую. Отверстие в крыше образуют матерчатые “клапана”, каждый из которых крепится на собственной жерди. Стоит только несведущему человеку взяться за их регулировку, как тяга исчезнет, а во всем жилище поселится удушливый чад. Едкий дым положит людей на землю, дышать станет нечем - разве что вы отдерете от земли полотняную “юбку” и высунете наружу перекошенное, со слезящимися глазами лицо.

Но такое случается только у юных, совсем еще неумелых индейцев. У достойных хозяев вместо дыма стоит легкий смолистый аромат - а тяга такая, что можно свободно сидеть и даже выпрямиться почти во весь рост. Блики огня играют на матерчатых стенках, звучит протяжная индейская музыка - флейта, бонги и алтайский комус²⁰⁹. Звуки поднимаются вверх вместе с потоками невесомого дыма, чарующие вибрации проникают в самые потаенные закоулки души.

Часы и дни в типи проносятся незаметно - алкоголь и трава превращают любую поездку в череду смазанных, расплывающихся картин. В этот раз мы ели поганки, которая Леночка собрала прошлой осенью, запивая их крепчайшим, примерно пятидесятиградусным “ершом”.²¹⁰

К полпятого утра мы с Панаевым уже почти ни хуя не соображали, и Наташа-Медведь поспешила этим воспользоваться. Полночи она травила нам про то, “какие придурки съехались и встали на том берегу”, а под утро так и вообще разошлась.

- Есть на том берегу один вождь, - вещала Наташа, приподнявшись на своей лежанке и вороша угли специальной палочкой, - Мато Нажин, Стоящий Медведь. Он уже много кого здесь достал своими придирками. Почитает себя, видите ли, ревнителем “индейских законов”. Одному моему знакомому разбил об голову трехлитровую банку, другого унизил. Может, проучите его?

- Мато Нажин? - я открыл глаза и приподнял голову с лежанки. - А он кто?

- Да никто, - отмахнулась Наташа, - пустое место. Вы его вчера наверняка видели - шоркался по всему лагерю в красных трусах и лез со своими “советами”. Показать вам, где стоит его типи? Это совсем недалеко, метров на сто ниже по течению реки. Приметный шатер, с нашего берега его хорошо будет видно!

- Через реку? - оживился Панаев. - Из пращи можно будет достать!

- Вот и хорошо! - обрадовалась Наташа, подливая нам в кружки ерша. - Давайте - пейте и пойдем!

Натянув на ноги ботинки (у индейцев не принято сидеть в типи в уличной обуви), мы откинули полог и вылезли на улицу. Было холодно, над рекой и поляной стоял белесый туман. Он клубился и перетекал, скрадывая видимость и принимая странные недолговечные формы. Он был таким плотным, что я далеко не сразу понял, в каком направлении находится река.

Нагрузив Наташу деревянным подносом с парой десятков камней, мы вошли в туман и двинулись по прибрежной тропинке вниз по течению реки. Поначалу мы двигались словно в молоке, но как

²⁰⁹ Может, это и не самые “индейские” инструменты, но питерские индеанисты “жарят” на них так, что пиджак заворачивается.

²¹⁰ Это традиционный напиток Болгар - “Болгарский Черный”. Делают его так: берут портер “Балтика № 6” и вливают в него равную долю этилового спирта.

только поле осталось позади - туман исчез, уступая место мокрым кустам и тусклому предрассветному лесу. Только над руслом реки еще висело несколько тонких, вытянутых языков.

- Вон там, - шепнула Наташа. - Видите?

Мы стояли на низком берегу, в окружении спускающихся к воде кустов и невысоких деревьев. Под ногами у нас струилась черная вода, а чуть дальше выплывал из тумана противоположный берег, на котором виднелись стоящие в ряд несколько типи.

- Второе слева, - слышался голос Наташи. - Не перепутайте!

- Да видим мы, - огрызнулся я, забирая у Наташи поднос. - Спасибо, дальше мы сами как-нибудь разберемся!

Наташа кивнула и пошла по тропинке назад, а я расстегнул ватник и принялся разматывать с пояса брезентовую пращу. Наложив камень, я взмахнул рукой - и гудящий снаряд пронесся над водой и скрылся в тумане, чуть в стороне от намеченного мной типа.

- В молоко, - хмуро констатировал Тень, а затем поднял с подноса камень и наложил его на ремень. - А теперь я!

Запущенный им булыжник в считанные мгновения перелетел реку и с глухим стуком врезался в обтянутые материей жерди. Мы успели выстрелить еще пару раз, когда из типи слышались недовольные голоса, а на прибрежную полосу вылезли человек десять **КРАЙНЕ НЕДОВОЛЬНЫХ** людей. Они повылазили из стоящих поблизости типи и сгруппировались на берегу, пристально глядя на нас.

Момент был хороший, поэтому мы с Панаевым отложили пращи, подбочились и хором зачитали сочиненные по дороге стихи. Короткое четверостишие было посвящено лично Мато Нажину - крайне оскорбительный и чрезвычайно нецензурный куплет²¹¹. Он имел успех, так как после непродолжительного затишья с того берега к нам донеслись вот какие слова:

- Пидоры, вам пиздец! Поймаем - в жопу выебем!

Кабы мы не были такие синие, то заметили бы, что половина собравшихся на том берегу вовсе не наши сверстники (как мы наивно полагали), а взрослые уже мужики. И вовсе не "пустое место", как нам обозначила их Наташа Медведь, а люди физически развитые и, как оказалось, вооруженные.

Но на тот момент мы с Панаевым прочно пребывали в плену алкогольных иллюзий. Фигуры на том берегу казались нам размытыми пятнами - больше того, нас немало возмутило, что эти "пятна" смеют нам угрожать!

- Что у вас за кураж - в жопу ебать?! - пронзительно крикнул Панаев. - Сами вы пидоры!

Мы добавили к этому и еще кое-чего, что задело собравшихся за живое. Один из мужиков выхватил из наплечной кобуры ствол, направил его в нашу сторону и несколько раз нажал на курок. Раздался грохот, что-то зацелкало по окрестным кустам - но нас Панаевым это только развеселило.

- Вильгельм Телль хуев! - заорал Панаев. - Научись сначала стрелять!

Это переполнило меру терпения собравшихся на том берегу людей. Сорвавшись с места, они бросились в сторону переправы, которую мы по пьяни и не подумали разобрать. Тогда мы с Панаевым взяли на плечо по коротенькому бревну и совершенно спокойно отправились лесом в сторону нашего лагеря. Мы ничего не боялись, так как искренне полагали, что имеем дело с кем-то навроде апатичных ролевиков. Так пристало ли нам таиться от них по лесу?

Первые четверо поимщиков вылетели на нас совершенно неожиданно. Это были крепкие молодые парни с увесистым дубьем - но сегодня был не их день. Этанол и волшебные грибы надежно хранили меня и Панаева от любых бед.

²¹¹ Мы знаем, чего мы ему сказали, и Мато - тоже знает. А так как наша война с индейцами закончилась в конце концов пусть худым, но все-таки миром - не станем начинать все по-новой, и уж тем более - ругаться издалека. Стоящий Медведь показал себя стоящим противником - таким, что мне больше не хочется на него обзывать.

- Парни, - дружелюбно начал я, - вы не двоих ли обмудков ловите? Они вон туда, к станции побежали!

Туман и предзвездные сумерки сделали свое дело - коротко поблагодарив нас, поимщики бросились в указанном направлении. А с двумя их коллегами, выскочившими на нас буквально через тридцать секунд, Панаев разобрался еще проще:

- Ваши только что пробежали! - крикнул он, одновременно показывая рукой в спину первой четверке. - Похоже, гонят кого-то!

Так бы мы и ушли без боя, если бы у самой переправы на нас не выскочил совсем уже взрослый мужик, вооруженный пистолетом²¹² и огромным охотничьим ножом.

- Стоять! - заорал он, в упор глядя на меня. - Пойдешь со мной!

На это мы с Панаевым синхронным движением вырвали из карманов и развернули инспекторские "ксивы".

- Государственная лесная охрана, Комитет по Лесу Л.О. - объявил я, а Тень уверенно добавил: - Убери пику и ствол, будем говорить!

Не знаю уж почему, но мужик начал запихивать нож в ножны, а ствол в кобуру. Это было ошибкой, так как только он скрестил руки, Панаев резко ударил его по яйцам ногой. Толкнув мужика в прибрежные кусты, мы пошли дальше - не придав случившемуся большого значения и премного довольные собой.

Вернувшись в Наташино типи, мы разулись, разлили по кружкам "ерша" и принялись взахлеб пересказывать истории своих походов. Нам и в голову не пришло, что полтора десятка взбешенных "поимщиков" уже собрались кругом нашего типи и слушают, как я рассказываю Леночке и Медведю:

- Тут он и говорит: "Пойдешь со мной!", а Тень ка-ак даст ему по яйцам! Мы его...

Мой рассказ прервало неожиданное явление самого Мато Нажина. Это оказался крепкий мужик лет тридцати пяти - сорока, который откинул на сторону закрывающий вход полог, вошел и первым делом оглушил сидящего у входа Панаева ударом короткой дубинки. В дверном проеме видны были остальные поимщики - так что я не стал ждать своей участи, вместо этого обратившись к Мато так:

- Тут женщины, - усаживаясь на лежанке заявил я, показывая на Леночку и Наташу Медведя. - Так что лучше я сам к тебе выйду!

Единственное, чего я не сказал - для кого это "будет лучше". И как только Мато отодвинулся в сторону, я рванул в проем с самого низкого старта, как был - босиком. Окружающие выход индейцы сориентироваться не успели, а когда разобрались - нас отделяло друг от друга уже метра три.

А о большем и не должен мечтать тот, кто всю силу своей жизни умеет вложить в один мощный, разрывающий легкие рывок. Все бы хорошо - только вот утренний ветер сорвал с поля туманный покров, обнажив передо мной угрожающую перспективу. Река здесь петляет, и мои преследователи загнали меня прямо в излучину.

Пришлось бы прыгать в воду, но тут меня выручил газ. Я стравил за спину целый баллон "Перцового Шока", что является одним из эффективнейших средств предотвращения погони. Влетев в облако, преследователи глотают газ и теряют дыхание, что дает беглецу необходимые секунды и метры.

Я достаточно опередил преследователей, чтобы успеть спрятаться в прибрежной полосе. Сбросив камуфляжный ватник, я залез под него и вжался в землю. Уловка имела успех, мои преследователи посповали кругом, побегали - но так ничего и не нашли. Приподняв край ватника, я мог наблюдать, как допрашивают Панаева столпившиеся на другом конце поляны индейцы. И

²¹² Хуй знает, какой именно у него был ствол. Обстоятельства не позволили нам определиться даже с моделью, не то что рассуждать - газовый это был ствол или боевой. Мне он показался похожим на ТТ, но я не взялся бы "присягнуть об этом на Библии". С пьяных глаз да под поганками что хочешь могло показаться.

хотя сердце у меня бешено колотилось, а пальцы сводило от выброшенного в кровь адреналина, я едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. История повторялась²¹³!

- Кто такой? - неслись через всю поляну гневные голоса. - Фамилия, сука! Кто твой друг?!

Но индейцы старались напрасно - тело Панаева было словно мешок. Некоторое время индейцы еще продолжали попытки - тыкали Панаеву в лицо пистолетом, пинали его ботинками и матерились. Но увидав, что толку не будет, поимщики оставили Панаева лежать, а сами встали тесной гурьбой и принялись за горячее обсуждение. В конце концов они удалились - предварительно еще раз осмотрев поляну и прилегающий лес. Убедившись окончательно, что они покинули наш берег, я вылез из прибрежной полосы и приблизился к неподвижно лежащему Панаеву.

- Quia!²¹⁴ - предложил ему я. - Не устал еще симулировать?

- А я не симулирую, - тихо отозвался Панаев, открывая глаза. - Нет нужды. По башке так дали, что до сих пор перед глазами круги. Да по ребрам выхватил пару раз. Еще пистолетом угрожали, но не очень страшно. Тобой здорово интересовались - кто такой, где живешь... Проводил их?

- С берега переправу видать, - ответил я. - Видел, как на тот берег перешли.

- Это они зря, - ответил Панаев, с трудом поднимаясь с земли. - Эльфов нужно воспринимать всерьез. А Elbereth!

- Gilthoniel! - отозвался я, глядя как Панаев ощупывает окровавленную голову руками. - Ты как?

- Мутит меня, Петрович, - пожаловался Тень, - и голова кружится. Похоже, глушанул меня Мато своею дубинкою! Глянь, как там у меня башка?

- Путем, - успокоила его выбравшаяся из типи Леночка Бухгалтер. - Шить не надо. Так что руки в ноги, лечиться будем потом. Выше нос, за твою башку мы еще отомстим!

С наслаждением натянув на ноги ботинки²¹⁵ мы подхватили рюкзаки и двинулись в сторону станции. Шли мы небыстро: Панаева шатало, да и сам я еле тащился. Грибы отпустили, алкогольный раж начал понемногу отступать - так что на подходах к перрону произошедшее малопомалу встало на свои места.

- Пустое место, значит, - припомнил я, - люди нестоящие?! Да ведь эта сука Медведь вписала нас в самый настоящий блудняк! Взрослые мужики, плюс волына, плюс у каждого второго пика! Ни хуя себе - "идите проучите"! Полный пиздец!

- И что теперь? - спросил Панаев, поднимаясь по бетонным ступенькам на платформу. - Хуйня выходит! Гоняли нас по лесу, словно псов, стволом в рожу тыкали - так все и оставим? Доебались-то мы сами, это да - только теперь это дело десятое! Что люди-то скажут: "Индейцы эльфов щемят"!

- Ну уж нет, - возразил я. - Так это оставлять нельзя!

- Значит - отомстим?! - спросил Тень. - Развяжем войну с индейцами?

Вопрос прозвучал, так что мне оставалось только определиться с ответом. Бросив рюкзак на бетон, я уселся на деревянную лавку и принялся рассеянно наблюдать, не появится ли из-за поворота железнодорожного полотна металлический червь электрички. Дорога здесь идет понизу, рассекая пополам тело пологого холма, из-за чего по сторонам от путей вздымаются почерневшие от весеннего пала пятнадцатиметровые насыпи. Свет утреннего солнца под углом падает в эту сумрачную долину, порождая на отполированной поверхности рельс короткие, злые отсветы.

- Отомстим, - решил я наконец. - Пусть будет война!

²¹³ Кто по каким-то причинам пропустил историю о том, как Тень умеет симулировать эпилептический припадок и смерть - пусть читает об этом в рассказе "В погоне за Оукеншильдом".

²¹⁴ Quia (эльф.) - пробуждайся, оживай.

²¹⁵ Между нашими друзьями существует правило: устраиваясь на отдых в лесу, оставлять на ногах обувь. В этот раз я снял ее из уважения к индейским обычаям - и совершенно напрасно. Это едва не довело меня до беды. Чудо, что индейцам не пришло в голову захватить или уничтожить наши вещи - а не то пришлось бы тащиться на станцию босиком.

Индейские истории (часть 2) - Пламенный посланник.

“Если в воду бросить камень, то появятся круги. С событиями похожая ситуация. И вот что важно запомнить: наше дело кидать камни, а круги - не наша забота”. **рр.**

- Война, брат! - с порога заявил я, как только сонный Крейзи отворил нам двери своего жилища. - Ты слышал - ВОЙНА!

- Какая еще война? - недовольству Крейзи не было предела. - С кем?

- С индейцами, - ответил я. - У нас с ними вот такая хуйня вышла...

Оттолкнув Крейзи в сторону, мы прошли в комнату и расселись в глубоких креслах. Большая комната в доме Крейзи отведена под оранжерею - стены и потолок увиты вьюнком, в углу высится декоративный клен, на подоконнике выстроились в ряд крохотные орхидеи. Откинувшись на мягкие спинки, мы с Панаевым принялись наперебой рассказывать Крейзи историю ночных походов.

- Имеет место нападение на инспекторскую группу, - суммировал я, - по крайней мере, так это можно будет представить. Напишем донос в Комитет, пусть они направят копию в Лужское лесничество и местным ментам. Это прикроет нас на тот случай, если индейцы после нашей “ответки” вздумают сами подавать заявление²¹⁶. После этого можно будет собирать братьев и думать, как нам взгреть Мато за его выходку.

- Сегодня среда, - нахмурился Крейзи, - вряд ли мы соберем до вечера много народу. А индейцев, ты говоришь - человек двести, и из них не меньше половины мужиков. При таких обстоятельствах дать грамотную “ответку” будет ой как непросто!

- Что же теперь? - отмахнулся я. - Попробовать-то надо! Давай бумагу, будем донос писать!

Усевшись поудобнее, я взял ручку и начал строчить. Вот что у меня в конце концов получилось:

Исполняющему обязанности начальника
Комитета по Лесу Ленинградской области
Г.В. Великанову.

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕННОМ МЕРОПРИЯТИИ В РАМКАХ КАМПАНИИ “ПЕРВОЦВЕТ”.

20.05.1998 г., инспекторской группой в составе, проводилось патрулирование поймы реки Ящеры (участка, примыкающего к станции “Толмачево” Октябрьской железной дороги). Поводом для патрулирования послужило несанкционированное массовое мероприятие (численность участников до 250 человек), которое проводят в этом районе неустановленные лица (с их слов - реконструкторы индеанизма).

Самовольно заняв участок поймы под свои нужды, данные лица ведут рубку сухостоя на корню, разводят костры и загрязняют прибрежную полосу мусором и отходами человеческой жизнедеятельности. При этом участниками мероприятия вытаптываются и разоряются места произрастания редких видов дикорастущих цветов.

При попытке выявить организаторов мероприятия инспекторская группа подверглась нападению неизвестных лиц из числа участников. Последние несколько раз выстрелили в

²¹⁶ Мы рассуждали так - если пожаловаться первыми, будет больше шансов оказаться правыми в случае чего. Мы полагали, что вмешательство Комитета и тот контекст, в котором мы представили проблему, поставят возможных “заявителей” от лица индейцев в неудобное положение. На каждую поездку мы выписывали в Комитете маршрутный лист, что позволяло нам трактовать действия индейцев как “вооруженное нападение на членов природоохранного патруля”. А в таком свете даже обоснованные жалобы противоположной стороны будут выглядеть просто отговорками в рамках состряпанного ими “встречного заявления”. Правда, оставалась возможность, что индейцы окажутся приличными людьми и в милицию не побегут. Мы решили дожидаться их решения, направив в Комитет “предупреждающую жалобу” - а вот обязательного в таких случаях заявления в местный отдел решили не подавать. Если после нашей “ответки” от индейцев не поступит заявы - отмолчимся и мы, ну а если все же придет донос - впишем организаторов “Пау” в блудняк с незаконным природопользованием и нападением на инспекторскую группу.

сторону членов патруля из пистолета системы ТТ, сопровождая свои действия грубыми угрозами и нецензурной бранью. После этого те же лица напали на инспектора Панаева, в ходе чего один из них нанес последнему несколько сильных ударов деревянной дубинкой по голове.

В связи с этим просим руководство Комитета направить данный материал в соответствующие службы и обеспечить для наших инспекторов контакт с представителями власти и лесничества на местах.

Старший группы,
общественный лесной инспектор
число, подпись.

В полдень эта бумага легла на стол к товарищу Беспалько, а к середине дня копии этого документа достигли (с помощью факса) Лужского ГОВД. Оттуда в Толмачевский ОМ была послана телефонограмма, обязующая местную милицию предоставить для урегулирования вопроса автомобиль и четверых автоматчиков.

После этого Беспалько направил запрос в Толмачевский феод Комитета, подключив к акции обуздания местного лесника. Ему было предписано ждать нас завтра в полдень возле отдела, заодно с местными ментами. Подготовив таким образом “почву для отступления”, мы покинули Комитет и принялись за подготовку собственной акции, назначенной на эту ночь. Мы не хотели полагаться на других и вовсе не собирались доверять сторонним ментам осуществление мести.

Около шести часов вечера братья собрались на парапете станции метро “Черная Речка” и принялись обсуждать готовящееся мероприятие.

- Прямая атака при нынешних обстоятельствах - это очевидная утопия! - категорично заявил Строри. - Мы не успеем собрать столько людей, а ждать в нынешней ситуации было бы совершенно неправильно! Я думаю, пять - семь человек будет вполне достаточно.

- Какой план? - спросил Барин. - Что работаем?

- Воду они берут из реки, - начал прикидывать я, - значит, притравить лагерь у нас не получится. Вылавливать в ночи одиночек и отдельные группы опасно и ненадежно, а ...

- У Антона есть помповое ружье, - вспомнил Строри. - Так почему бы нам...

- Идите на хуй! - тут же возразил Крейзи. - Это уже чересчур!

- Им, значит, можно по нам стрелять, - возмутился Панаев, - а нам нет?

- А если вписать в погром местных? - предложил Барин. - Представиться индеанистами, навыебываться и кого-нибудь отпиздить?

- Закопать им под кострище газовый баллон! - вскинулся Панаев. - Полный, чтобы он как следует ебнул! Они, небось, щупом кострища не проверяют? Тут им и...

- Нереально все это! - перебил его Строри. - Баллон хорошо класть, пока люди еще не заехали, а как с местными выйдет - тоже неведомо наперед. Отпиздим кого-нибудь в поселке - и чего? Где гарантии, что люди из-за этого поднимутся? И если поднимутся, то что? Индейцев больно уж дохуя!

- Остаётся поджог! - резюмировал я. - Подберемся поближе, обольем типи Мато бензином, подожжем - и руки в ноги! Ничего другого нам просто не остается! Как вам такое предложение?

- Дельно, - кивнул Строри. - Хороший план!

- В самом деле, - поддержал его Барин. - Давайте так и поступим!

В полтретьего ночи мы заняли позицию на краю поля. Там, где начинается поросший травой склон, спускающийся на “нижний луг”, почти к самой воде. В прибрежной полосе лежал слой плотного тумана, из которого торчали только верхушки типи - матерчатые конусы с острыми венчиками торчащих в разные стороны жердей. Туман лежал чуть выше уровня поля, так что нам казалось - у нас под ногами разлили целое озеро молока. Ветер утих, было сумрачно и почти совсем тихо.

Спрятавшись в траве на краю поля, мы откупорили бутылку конька и принялись совещаться. Нас было семеро - я, Крейзи, Строри, Барин, Панаев, какой-то приبلудный ролевик с Черной Речки (имени его никто из нас не запомнил, так как мы вписали его в этот блудняк, что называется, “с ровного” - чтобы нам было веселей ехать) и Крейзин знакомый “копатель” из Петергофа по прозвищу Башмак. Последний был младше нас лет на пять, но уже не раз ездил с нами, заслужив между нашими товарищами еще одно прозвище - Сережа-Тоже.

За время пути Башмак рассказал нам несколько весьма поучительных историй из жизни “черных следопытов”. Одна из них произошла лично с ним, а вот остальные ему принесла на крыльях всеведущая народная молва (то есть читателю не следует воспринимать последние две истории Башмака слишком серьезно). И сейчас мы как бы предоставим Башмаку возможность рассказать нам все это еще раз.

- Прикиньте, - толковал нам Башмак, - повадились мы с корешами ездить копать. Наберем с собой спирту, обожремся до беспамятства - и давай чудить. То взорвем чего-нибудь, а то возьмем каждый по две мины-лепешки заместо литавр. Идешь пьяный и хуяришь одна об одну, словно в оркестре каком-нибудь. Как-то раз набрали мы всего этого просто немерено и поехали домой. И такие были при этом пьяные, что я ебнулся при входе в вагон, а все наше “добро” у меня из рюкзака прямо на пол посыпалось. Поднимаю я глаза - и что же вижу?

На этом месте Башмак очень убедительно демонстрировал, какое у него на тот момент было лицо. Ничего не скажешь - видать, здорово удивительно ему было.

- В первом же “купе”, - продолжал Башмак свою историю, - сидят шестеро ментов и таращатся на меня во все глаза. И не на меня даже, а на мое снаряжение. Взяли нас тогда и оттащили в отдел, а на хате у предков обыск устроили. Родичи поначалу не верили ментам, сердились и кричали. Но когда увидели, как менты достают у меня из-под кровати пяток ржавых снарядов - враз кричать перестали. Это даже их проняло.

Вторая история Башмака была такая.

- Подо Мгой это произошло. Там много кто копает, так что люд ходит разный. Вот едут как-то менты на своем “козелке” по Мурманской трассе, и видят - прет по обочине человек, а к рюкзаку у него подозрительная труба присобачена. Хуй ли там - остановились, высыпали из машины. Стой, кричат ему, ни с места, милиция! Человек их увидел и в лес бросился, а они за ним. Все побежали, даже водитель из машины вылез и давай скакать по обочине - дескать, чего там? Эх, блядь, совсем ничего не видно! Это-то его и спасло. Когда из лесу прилетело, он даже дернуться не успел. Вз-зш-рых-быбых-пиздых! Хуяк - и лобовое стекло выбито, а на месте водителя балда от панцершрека²¹⁷ дымит. Старая оказалась, так что ему еще повезло.

Третья история Башмака была совсем дикая.

- В самой Мге это случилось, возле сберкассы. Один чел выкопал противотанковое ружье и решил из него обрез себе сделать, чтобы ограбить с этим обрезом инкассаторский автомобиль. Он неподалеку от сберкассы жил, так что эти пидоры здорово ему глаза намозолили. Ну, все сделал как надо, а испытывать нечем - патронов к ружью оказалось всего два. Тут не до испытаний - так может и на грабеж не остаться. Вышел он в нужное время из дома - смотрит, а от сберкассы машина инкассаторская отъезжает. Вынул из по куртки обрез, да как врежет от пуза - и прямо ей в передок. Одного он не рассчитал - что ему этот выстрел сложным переломом (кисть да локоть) аукнется. Больно уж у ружья отдача оказалась велика. Инкассаторы, когда из машины вышли, не то что стрелять, а даже бить его поначалу не стали. Они и так пересрались, когда им какая-то хуйня наискось салон продырявила. А потом выяснилось, что эта хуйня сначала блок цилиндров

²¹⁷ [комментарий Слона]: “Полный пиздеж, так как на тот момент, когда немцы находились в районе Мги (1943 г.), в войсках Вермахта еще не были приняты на вооружение противотанковые средства этого типа”.

прошла, а на вылете из салона задний мост изуродовала и в землю ушла²¹⁸. Так что все там просто с этого охуели, а особенно - сам стрелок. Ему потом семь лет дали, за смелость.

Выпив как следует и раздавив косяка, мы принялись за непростое дело - “выбор цели”. Шаря взглядом по прибрежному лугу, мы пытались вычислить среди нескольких десятков типи нужное. Для опытного индейца это не проблема - а вот нам все типи казались “на одно лицо”!

- Которое из них Мато Нажина? - поинтересовался Крейзи, оглядывая открывающуюся с холма туманную перспективу. - А, Петрович?

- Да как тут поймешь? Одни верхушки торчат! - огрызнулся я, по пояс высываясь из травы и вглядываясь в плотный, как будто осязаемый туман. - Утром его типи у реки стояло, почти с самого краю. Но сейчас я его там не вижу!

- А он не мог его снять? - шепнул Панаев. - Сложил, запихал в другое типи и теперь сидит и в ус не дует...

- Не хуй мозги ебать! - возмутился Барин. - Подожжем ближайшее! А иначе куда мы потом будем съезжать? Представляете, сколько их оттуда повылазит?!

- Хм... - скривился Крейзи. - Мы вроде как с Мато воюем!

- Ответку дать один хуй надо! - возразил я. - Так что давайте хоть что-нибудь подожжем. Почти наверняка Мато здесь прячется - не такой это человек, чтобы съезжать из-за всякой ерунды. Свое типи он снял, но остальные-то никуда не делись. Наведем на них огонь, хау?

- Хау! - поддержал меня Строри, вскидывая ладонь вверх. - Нечего нюни разводить. Подожжем что сможем и валим отсюда! Кто пойдет?

Следующие несколько минут прошли в спорах о том, на чьи плечи ляжет эта почетная обязанность. Поначалу мы думали послать на это дело “приблудного ролевика”, но потом передумали. Спрос с него был невелик, к тому же он уже и так немало нас сегодня развлекал.

По его словам, он только что вернулся из армии, где его два года учили “ну просто охуять каким опасным вещам”. Он то и дело порывался упасть на живот и начать ползти, так что нам приходилось его то и дело одергивать.

- Ну куда ты поползешь?! - увещевал его Крейзи. - Ты же не улитка и не змея. Хочешь подобраться тихонько - возьми и подойди, зачем ползать-то? Нешто червяк какой-то!

Понятное дело, нашего “нового друга” все это здорово злило.

- Боевое перемещение... - пытался втолковать он, но его не слушали. Видно было, что ситуацию он понимает по-своему, и что положиться на него в таком деле нельзя. Хочешь сделать что-нибудь хорошо - сделай это сам, поэтому я не стал спорить, когда Строри неожиданно заявил:

- В этот блудняк нас втравили Джонни и Тень, так что им и идти! - при этом он поднял открытую ладонь вверх и веско добавил: - Хау, вожди!

Он был совершенно прав, так что я встал из травы и принялся собираться.

- Панаев, пошли мстить! - позвал я, напоследок прикладываясь к горлышку коньячной бутылки. - Пора!

- Уже иду, - кивнул Тень, еще раз ощупывая пальцами пластырь у себя на башке. - И так заждался!

Он вынул из кармана полуторалитровую бутылку с бензином, встал и мягкой, крадущейся походкой начал спускаться с холма. Я пошел следом за ним, нервно крутя между пальцами теплый столбик пьезоэлектрической зажигалки. Крейзи считает (и тут я с ним полностью согласен), что у кремневой зажигалки пламя не так хорошо²¹⁹.

²¹⁸ [комментарий Слона]: “Даже “необрезанные” противотанковые ружья наибольшего калибра, такие, как отечественные ПТРД (противотанковое ружье системы Дегтярева калибром 14,5 мм) и ПТРС (противотанковое ружье системы Симонова калибром 14,5 мм, имеющее ряд конструктивных особенностей, делающих его непригодным для изготовления рабочего “обреза”) вряд ли способны произвести описанный выше эффект”.

²¹⁹ Имеется в виду следующее суеверие - когда люди прошлого разжигали огонь для бытовых целей, они пользовались кресалом и кремнем. А когда хотели использовать огонь для чего-то более важного, то добывали его трением - или искали огонь, который возник от удара молнии. Мы считаем, что в пьезоэлектрической зажигалке горит именно такое пламя.

Когда мы с Панаевым один за другим вошли в полосу тумана, предметы вокруг смазались и исчезли, зато звуков стало больше как будто бы в несколько раз. Плотная, как молоко, субстанция опустилась на мир, каплями оседая на одежду и сужая кругозор до нескольких шагов. Так что я едва различал фигуру Панаева, который шел по склону всего в паре метров впереди.

Постепенно глинистая почва склона сменилась молодой травой, местность выравнилась - а из тумана показались матерчатые стенки первого типа. Откуда-то со стороны до нас доносились музыка и приглушенные голоса, но в остальном лагерь индейцев был сумрачен и тих. Сколько мы с Панаевым ни вглядывались в туман - но не смогли обнаружить и следа часовых. Похоже, их просто не было.

Аккуратно облив типичным бензином из пластиковой бутылки, мы с Панаевым сделали длинный отводок и бросили пустую тару на землю. Бутылку решено было оставить - чтобы у индейцев не осталось сомнений в причинах ночного пожара. (Типичный, насколько мне известно, иногда вспыхивают и сами по себе.) Проверив все еще раз, я чиркнул зажигалкой, поднес огонь и бросился бежать.

Ломиться по склону вверх - дело небыстрое, но на этот раз мы с Панаевым решили поспешить. Пронесаясь сквозь туман, я услышал громкий хлопок - это занялся бензин, в изобилии пропитавший полотняные стенки. А уже в следующую секунду мир за моей спиной вспыхнул, сбрасывая покров темноты и стремительно наливаясь новыми красками.

Вырвавшись из полосы тумана, мы с Панаевым на секунду обернулись. Над молочно-белым морем вставал исполинский пламенный вихрь, неистовая и ревущая огненная стихия. Туман испуганно жался, расходясь вокруг горящего типа широким кольцом. Он словно бежал, напуганный одним женским и несколькими детскими криками, рвущимися наружу из самого средоточия пламени.

Эти крики мгновенно разбудили весь лагерь. Тут и там вспыхивали фонари, между укрытыми туманом типичными замелькали фигурки высыпающих на улицу людей. Сначала слышались только крики "Пожар!", но постепенно вопли и шум полностью заполнили собою долину.

- Исполнено, - выдохнул я, показывая рукой на поднявшийся переполох. - Надо срочно отсюда уходить!

Уходить решили лесом, вдоль края поля, чтобы не выходить на открытое пространство и не мозолить глаза взбешенным индейцам. Есть в жизни мгновения, когда надо улепетывать не рассуждая - и сегодняшний случай показался мне как раз из таких. Попасться индейцам в руки после такого начала обещало увечья и смерть. Бешеное пламя еще играло на обуглившись жердях, будя в сердцах обитателей лагеря немеркнущие гневные отсветы.

В таких случаях не принято рассуждать о последствиях - сначала бьют насмерть, а думать начинают потом. Мы предполагали со стороны индейцев активные меры по поиску поджигателей, и на милость поимщиков особенно не рассчитывали. Мы надеялись, что еще в самом начале успеем оторваться от преследователей и уйти к станции, но индейские боги сыграли с нами недобрую шутку. Пропустив нужный поворот, мы полчаса проплутали по лесу, выйдя под конец на то же самое место - к индейскому лагерю.

- Ошибка вышла, - удивился я, глядя в просвет между деревьями. - Эк заморочило!

Языки пламени больше не плясали в холодном утреннем воздухе, но спокойнее от этого на берегу не стало. На краю поля виднелись крошечные фигурки дозорных, похоже было, что они заметили, как кто-то ломится по лесу. Часть из них принялась кричать и размахивать руками, а человек десять сорвались с места и припустили по полю в нашу сторону. Пришлось разворачиваться и опять уходить в лес.

Странная это была беготня - деревья проносились мимо, менялись тропинки, под ноги лезли овраги и бурелом. Предраассветные сумерки сделали знакомый ландшафт совершенно неузнаваемым - уже через сто метров стало невозможно определить, где мы находимся. Мне казалось, что я знаю маршрут, но нас опять закружило по лесу и через полчаса вынесло на то же

самое место. Лично со мной такое было впервые - учитывая тот факт, что находились мы в родном, еще с детства знакомом лесу.

- Еб твою мать, Петрович, - взбеленился Крейзи. - Куда же ты прешь?

- Да причем тут я? - усевшись на корточки, я пытался отдышаться. - Я не за собой веду, я просто бегу первым!

- Добегаемся так! - недобро сощурился Кузьмич. - Гляди, нас опять заметили!

И действительно - на краю лагеря возникла какая-то суета. Дистанция была приличная, время отступить у нас было - но так не могло продолжаться вечно.

- Крутимся тут, словно белки в колесе! - выругался Строри. - Я бы на месте индейцев решил, будто мы еще чего-нибудь решили поджечь! Гляди, как бы они не принялись за нас всерьез!

Плюнув в сердцах, я опять вскочил на ноги и бросился в лес. Деревья укрыли нас от преследователей, направление я держал более чем четко и так до сих пор и не понял, каким образом лесные тропинки снова вывели нас к индейскому лагерю. Теперь мы выскочили чуть дальше, со стороны поля - аккуратно на группу поимщиков из полутора десятков мужиков. Они заметили нас и припустили в нашу сторону, но расстояние было слишком велико. Пока они телепенились, мы успели пересечь поле в направлении деревни "Болото", свернуть в чащу и скрыться из глаз.

- Как бы они не решили, что мы над ними глумимся! - крикнул Строри, пока мы огибали деревню и искали выходы к железнодорожным путям. - Часа полтора здесь крутимся, никак не меньше! А отбежали-то всего на два километра!

- Твоя правда, - поддержал его Кузьмич. - Пора отсюда валить!

В качестве направления движения мы выбрали соседнюю с Толмачево станцию - "Разъезд Антонины Петровой". (Мы опасались, что в направлении Толмачево индейцы вышлют свои патрули.) До нее пешим ходом пилить и пилить - так что можно было не опасаться, что индейцы опередят нас и сумеют обустроить в районе станции толковую засаду. Мы рассуждали так - целым лагерем они вряд ли поднимутся в поход, а от десятка поимщиков мы уж как-нибудь отобьемся.

Часа через полтора-два мы оставили деревню далеко позади и решили сделать привал на железнодорожной насыпи, возвышающейся из раскинувшегося по обе стороны бескрайнего болота. Ряска и холодная вода со всех сторон подступали к ржавому полотну, тут и там поднимались из пучины корявые, сухие деревья. Болотистое мертвое раскинулось до самого горизонта, оставляя железную дорогу единственной ниточкой, связывающей разные берега этого топкого царства.

Примостившись на шпалах, мы пили коньяк и закусывали его единственной имеющейся в нашем распоряжение пищей - банкой минтаевой икры. Ноги гудели от долгого пути, небо светлело - еще час, и над горизонтом появится неумолимое солнце. От погони мы оторвались, так что единственный вопрос, который нас по-настоящему беспокоил: догадаться ли индейцы сесть в Толмачево на первую электричку и "проверить" соседние станции?

- Дело сделано, - констатировал Строри. - Чего теперь?

- Как это чего? - удивился я. - Возвращаемся в город, где я беру Леночку с документами и Ефрейтора с собакой - и снова сюда. В полдень возле Толмачевского отдела меня будет ждать "луноход" с четырьмя автоматчиками и местным лесником. Будет тема глянуть на наши ночные дела и определиться, что мы сделали ночью и с кем теперь воевать. Как, добро?

- Скорее уж зло, - отозвался Крейзи, качая головой с самым пасмурным видом. - Судя по крикам, вы с Панаевым подожгли вовсе не Мато Нажина, а постороннее типичи с женщиной и детьми внутри! Что это за война такая, вы мне не скажете?

- Видит бог, мы этого не хотели! - возразил Строри и добавил: - Меч возмездия оказался кривоват!

- Нас в этот блудень втравила Наташа-Медведь, - заявил Панаев. - Пускай ей и будет стыдно за эту хуйню! Мы что - сами поссорились с этими мужиками? Я бы теперь, может, и помирился, но ...

- Ну ты дал! - перебил его я. - Да они нас после нынешней ночи рады будут по жилам раздернуть, а ты говоришь - “помирился”! Куда уж теперь!

- Разговорчики! - одернул нас Барин. - Давай, встали, до платформы еще пилить и пилить!

Спешно допив коньяк, мы сбросили в болото банку из-под икры и двинулись в путь. Стремительно светлело, над топкими пустошами поднимался холодный утренний ветер.

- Кого же мы сожгли? - Панаев догнал меня и пошел рядом. - Как ты думаешь, Петрович?

- Да никак я не думаю, - отозвался я. - Съезжу сегодня с Ефрейтором и все узнаю. Чего зря гадать?

- Как съездили? - осведомился у меня Ефрейтор, когда около девяти утра того же дня я встретил его и Леночку на перроне станции “Ленинский проспект”. - Удалось?

Оделся Ефрейтор, по своему обыкновению, в черный “бомбер” и джинсы, круто подвернутые над до блеска начищенными ботинками. Возле его ноги сидел пес Адольф - здоровенная тварь, с хорошими знакомыми достаточно дружелюбная. Рядом с Адольфом примостилась на лавке Леночка Бухгалтер, положив на коленки папку с “необходимыми документами”.

- И да, и нет, - ответил я. - Сжечь сожгли, но по ходу дела - не тех. Так что лучше не стало, скорее наоборот!

- На войне все бывает, - успокоил меня Ефрейтор. - Нас точно ждут?

- Лесник и несколько автоматчиков, - ответил я. - Бухгалтер, как наши дела?

- Менты заяву могут потребовать, но навряд ли станут... - ответила Леночка. - Многое от индейцев зависит - что скажут, как себя поведут. Будут ли жаловаться на поджог?

- Мы к этому готовы? - спросил я.

- Разумеется, - ответила Леночка. - Слушай сюда! После своего вчерашнего визита в Комитет ты отправился проводить своего товарища Панаева, тяжело страдающего из-за перенесенного им сотрясения мозга. Так как он нуждается в постоянном уходе, то болеет не у себя дома, где о нем некому позаботится, а у меня на квартире. Там ты пробыл до восьми утра нынешнего дня, о чем в случае чего будут свидетельствовать мои родители и старшая сестра. Занимались мы точно тем же, что и третьего дня, когда на самом деле у меня собирались. Уяснил свое алиби?

- Угу, - ответил я. - А когда Панаев пойдет “снимать побои”?

- Не раньше, чем менты выпишут ему направление. То есть только в том случае, если дело доведут до “пристального рассмотрения”. Но задача у нас в корне иная - если от индейцев не будет заявы, необходимо спустить дело на тормозах. Скажешь: дескать, никого не узнал, кто угрожал пистолетом - не помнишь, ни к кому из присутствующих претензий нет. Все понял?

- Так точно! - кивнул я и повернулся к Ефрейтору. - А вы, камрад - как понимаете стоящую перед вами задачу?

В ответ на это Ефрейтор улыбнулся и потрепал Адольфа по голове.

- Посредством присущего истинному арийцу несомненного превосходства, - мягко произнес он, - намерен гасить агрессивные настроения в среде местных аборигенов. Собираюсь выступить на этой встрече в роли “призрака фашизма” - буду стращать индейцев лысой башкой и собакой запугивать!

К часу дня мы уже тряслись по знакомым дорогам в кузове старой милицейской “буханки”. Больше других трясся местный лесник, которого Леночке удалось запугать “пристальным вниманием Комитета”, якобы направленным на это “сложное дело”.

- Да я же не знал, - всю дорогу божился этот тип, - что они там собираются! А если бы знал ...

Толмачевские менты, в отличие от лесника, показались нам людьми несколько более адекватными. По крайней мере, так мы полагали вначале - покуда один из автоматчиков не обратился к нам за разъяснениями по поводу вот какой истории:

- Вы все равно что лесники, - заявил он. - И должны знать, какая хуйня у нас тут творится! Раз ходили мы с братьями на охоту - и знаете, чего видели? Странное дело - куст малины, а на ветках словно маленькие мыши сидят. Весь буквально облеплен, так что и места свободного нет!

Подхожу я, беру одну такую мышку за хвост, а она - бац, и из собственной шкурки на землю выпадает! Шкурка-то у меня в руках осталась, а мышь проползла еще чуть-чуть и издохла! Я другую беру - то же самое! Не скажете мне, что это такое?

Мы с Ефрейтором замерли, не в силах осмыслить услышанное - так что пришлось Бухгалтеру отдуваться вместо нас.

- Редкое природное явление, судя по всему, - заметила Леночка. - Вам об этом надо в газету написать, пусть пришлют сюда фотокорреспондента. Шкурки вы наверняка сохранили?

- А... - замялся было старшина, но потом добавил гораздо увереннее. - Выкинул, блин! Да и на что они мне?

Леночка в ответ вежливо промолчала, так что к "теме с мышами" мы больше не возвращались. В маленькое окошко "буханки" видны были проплывающие мимо деревенские дома, затем машина одолела крутой подъем и раскачиваясь покатила по полю. А еще через несколько минут водитель остановил машину и заглушил двигатель.

- Вылезьте, - предложил нам старшина. - Приехали!

Индийский лагерь встретил нас недоброй тишиной и молчаливым кругом настороженных глаз. Людей было немного, причем большинство столпилось вокруг горелой проплешины на месте сгоревшего типи. И если бы я не расстрелял свою совесть еще в детстве, то мог бы принять охватившие меня чувства за внезапный приступ стыда. На самом же деле я чувствовал нечто иное - гнет чужой злобы, нацеленные на меня копыта человеческой ненависти. В воздухе вокруг нас было разлитое столько желчи, что даже Адольф это почувствовал - вздыбил шерсть, ощерился и зарычал. Так что разговор с самого начала не задался.

- Где ствол? - без обиняков спросил старший наряда, беседовать с которым вызвался сам Мато Нажин, который своим ответом задал тон всему будущему разговору:

- Какой ствол? - удивленно просил Мато. - О чем это вы говорите?

Именно так протекала вся недолгая, зато крайне эмоционально насыщенная беседа. Если вкратце, то суть сказанного индейцами сводилась к следующему: "Ничего мы не знаем, ствола у нас нет, этих людей мы видим впервые! Нас самих этой ночью подожгли, причем пострадала женщина и малолетние дети. Нет, поджигателей мы не видели, от них осталась только пустая бутылка из-под бензина. Нет, подавать заявление мы не будем - не видим в этом смысла. Это все!"

Так как главные слова были сказаны, мы тоже не стали медлить с ответом: "Мы прибыли сюда в поисках лиц, осуществивших вооруженное нападение на нашу инспекторскую группу. Но среди присутствующих ни таких лиц, ни соответствующего оружия нет. Поэтому мы не видим смысла в дальнейших объяснениях, от подачи заявления отказываемся и данный вопрос с этого момента считаем закрытым".

Такая покладистость весьма обрадовала местных ментов, разом избавившихся сразу от двух потенциальных "глухарей". Они тут же утратили всякий интерес к ситуации и засобирались назад, а мы решили отправиться вместе с ними. Рассчитывать на милость индейцев особенно не приходилось: кабы взглядом можно было резать или колоть, мы с Ефрейтором были бы уже с ног до головы в дырках.

На обратном пути, развалившись на лавках в электричке, мы решили обменяться впечатлениями, полученными за время этой поездки. Ефрейтор, успевший за время нашей "беседы с индейцами" вдоволь насмотреться по сторонам, сказал вот что:

- Знаешь, Петрович - к ментам далеко не все вышли. Там такие лица мелькали на заднем плане! Одно из двух: или "сиженьные", или сотрудники "охранных структур". Лично мое мнение - зря вы до них доебались. С чего вы вообще взяли, что это индейцы?

- Да не знаю я, - посетовал я, - пьяные были! Вот и ...

- Людей надо собирать, Петрович! - совершенно серьезно заметил Ефрейтор. - Причем много людей! В следующий раз бензином дело не кончится, тут пахнет настоящей войной!

- Настоящей - это как? - спросил я, рассеянно уставившись на мелькающие за грязным стеклом пейзажи. - Что ты имеешь в виду?

В ответ Ефрейтор только головой покачал.

- Настоящая война, Петрович, тогда начинается, когда на ненастоящей кого-нибудь убьют! А тут, похоже, все к этому и идет! Думай теперь - готов ли ты к такому раскладу?

- Хуй ли думать, камрад, - бодро ответил я, хотя на душе у меня стало от этих слов ой как беспокойно. - Приеду домой, посплю, переоденусь - и сразу буду готов! Наше дело правое, а Elbereth Gilthoniel!

- Слава России! - вскинул руку Ефрейтор. - Мы победим!

По приезду в город нас ожидал шок. Оказалось, что Крейзи взял с собой кружку дури и на вечерней электричке уехал в Толмачево, якобы на “переговоры с индейцами”. Уехал, так и не дождавшись нашего возвращения.

- Как уехал? - потрясенно переспросил я. - Один? Не верю!

- Как есть, - ответила мне Иришка. - Сказал - поедет мириться, покуда дело до худого не дошло.

- Уже дошло! - заорал я. - Его на куски там порежут!

- Почему ты так решил? - спросила Иришка. - Ты уверен?

- Я там был! - ответил я. - И знаю, что говорю! Надо срочно ехать за ним!

Я тут же принялся звонить братьям, но желающих отправиться в Толмачево сегодня не нашлось.

- Крейзи сам уехал? - спросил меня Кримсон. - Ну и дурак! Будет ему наука!

- Спасти его мы уже все равно не успеем, - резонно возразил Строри. - А месть может и подождать! Ложись спать, Петрович - утро вечера мудреней!

В чем-то он был прав - после двухдневной беготни по лесу ноги меня уже не держали. Боец из меня был практически никакой, так что я послушался Костяна - кое-как доплелся до дома, разделся и залез под горячий душ. Стоя под обжигающими струями, я все думал - как бы индейцы и в самом деле не прирезали моего брата! Не начали “настоящую войну”, как правильно заметил сегодня партайгеноссе Ефрейтор. Но постепенно усталость вытеснила все мысли, так что я прямо в душе выпил водки, выключил воду и отправился спать.

Утро пришло вместе со звонком телефона - ворвалось в мой сон долгими протяжными трелями. Продрав глаза, я зашлепал в прихожую и снял трубку. Звонил Крейзи - он не просто вернулся из Толмачево живым, а привез с собой “мирный договор” с тамошними индейцами. За одну ночь он добился своею дипломатией того, о чем никто из братьев уже не смел и мечтать.

- Договорились, - сообщил мне Крейзи, совершенно не обращая внимания на ту ругань, которую я на него обрушил. - Да будет мир!

Оказалось, что ему довелось поучаствовать в индейском военном совете - собранном как раз по нашему поводу. На этот совет Крейзи пришел безоружный и совсем один - но индейцы не разорвали его на части (в чем лично я был более чем уверен), а приняли обстоятельно и даже с некоторым уважением. Их вождям оказалось не чуждо высокое благородство, да и как люди они оказались намного лучше, чем мы с Панаевым думали поначалу.

- Охуенные люди, - прямо заявил Крейзи. - Не то чтобы добрые, но уж точно не злые. Природу любят, с духами знают, все фишки верно секут. Какого хуя вы с ними не поделили?

- Да эта баба... - начал я, но тут Крейзи меня перебил: - А я так сразу им и сказал! Что братьев моих с пьяных глаз бесы попутали, а хитрая баба взяла и воспользовалась этим! Сначала науськала вас на ихнего вождя, а потом пошло-поехало!

- Ну а с поджогом-то как? - спросил я. - Узнал, чье мы типи сожгли?

- Одинокого Волка, - ответил Крейзи. - Помнишь такого?

Понятное дело, Одинокого Волка я помнил. Это был крепкий мужик с ирокезом на голове, который временами появлялся со своим типи в районе станции Каннельярви. Мы видели его там

не раз и не два - но не припомню, чтобы хоть раз заговорили. Его типичные мы хотели сжечь меньше всего, но ночь и туман распорядились иначе. До сих пор жалею, что целясь в Мато Нажина, мы попали именно в этого человека.

- А когда выяснилось, что во всем виновата Наташа-Медведь, - продолжал Крейзи, - решено было изгнать ее из Толмачево! Ходили разговоры о том, чтобы отнять у нее типичные и отдать Одинокому Волку, а самой Наташе взвесить пизды. Но как вышло на деле - не ведаю, так как уехал я раньше, чем все это завертелось. Но до чего же хитрая баба!

- Не говори, - кивнул я. - В такой блудняк сумела вписать, что...

- Что едва выписались, - в тон мне ответил Крейзи, а через секунду добавил. - Ладно, Петрович - ну ее на хуй! Да будет мир!

Жители Гааги.

*“Слово “эльфы” - словно авоська, в которую каждый кладет что-нибудь своё”. **Elvenpath***

В начале июля нам со страшной силой захотелось на ролевою игру. На этот раз мы решили уехать подальше - под Москву, где нас почти никто не знает в лицо. Для этого мы созвонились с Дурманом, который присоветовал нам игру “Буржуа-1998”, заявленную в будущие выходные на Яхромском полигоне.

- Ее проводят редкие долбоебы, - доверительно сообщил нам Дурман. - Так что вам наверняка понравится! В пятницу жду вас у себя!

Предложение было услышано - так что вскоре мы похватали свои нехитрые пожитки и двинули в Москву. В путь отправились вчетвером - я, Барин, Доцент и Королева. Ехать было решено на “собаках”, так как денег у нашей компании на этот раз оказалось “с гулькиным носом”. Нам едва хватило средств, чтобы купить на станции Бологое фуфурь разведенного спирта - причем посредником в этом оказался какой-то местный синяк. Он так высоко оценил оказанную нам услугу, что ни за что не хотел уходить - несмотря на то, что мы уже два раза ему “честно налили”.

- Хочу посидеть с вами, ребята, - хитрил мужик. - Ехать вместе гораздо веселей!

К этому времени мы давно уже забились в вагон, следовавший в направлении Твери. Назойливость мужика нас здорово разозлила, так что на ближайшем полустанке мы с Бариним пригласили нашего спутника в тамбур - как бы на “перекур”. И как только он миновал раздвижные двери, схватили его под руки, оторвали от пола и выкинули из вагона на улицу.

Платформы здесь нет, в проеме дверей виднеется только круто уходящая вниз насыпь, по которой кубарем покатился выброшенный нами мужик. Видать, для него это было не впервой, так как он миглом вскочил на ноги, пробежал несколько десятков метров и успел до закрытия дверей запрыгнуть в соседний вагон.

После этого инцидента на Барина нашел раж. В дорогу он собирался пьяный в говно, что здорово сказалось на его внешнем виде. На Кузьмиче были надеты (снизу вверх) - берцы, рваные камуфляжные штаны, расстегнутая косуха (на голое тело) и солнцезащитные очки. Выглядел он еще как, а занимался вот чем: выхватил из поясных ножен тесак и принялся потрошить сиденья, кромсая обивку и расшвыривая наполнитель по сторонам.

Так как замечаний от окружающих пассажиров не последовало, Кузьмичу все это быстро надоело. Тогда мы опять уселись на лавки и принялись за военный совет. На повестке дня стоял вот какой вопрос: “Как нам представиться ролевикам, чтобы сразу же не начался кипеж? А иначе какой смысл тащиться в Москву?”

Вопрос был далеко не праздный. За прошлый (1997) игровой сезон мы провели большую работу, отвоевав у ролевиков оба “исконных” Питерских полигона - Старое Заходское и Каннельярви. Полигон в Петярви наши акции затронули значительно меньше, еще меньше пострадал полигон в Шапках - но такая избирательность успокоила далеко не всех. Скорее уж наоборот.

Пламя ненависти, которое согревало наш коллектив все прошлое лето, опалило слишком многих. А еще больше было таких, кто полной грудью вдохнул его отравленный дым. Поползли уже не то чтобы слухи - поднялся крик, немолкнущий вой стоял до самого неба, досужие языки наперебой пересказывали друг другу жуткие истории наших “ночных походов”.

Часть из них была придумана недобросовестными рассказчиками, часть произошла на самом деле, а в остальных горькая правда жизни тесно переплелась с туманной истиной сказок. Далеко не каждый читатель способен оценить недобрый юмор этих историй, из-за чего на ладью нашего повествования вошли только некоторые из них. Самые мрачные истории остались за бортом - те, про которые нам пока что не хочется вспоминать.

Но как бы там ни было - необходимо, чтобы у читателя сложилось о “проведенной работе” правильное впечатление. Лучше всего имевшие место обстоятельства отражаются в письме, которое мы отправили “в армию Слоны”. Чтобы он не скучал на своем военном аэродроме, мы кратко изложили ему о “своих успехах за прошлый год”. Ознакомьтесь с этим “списком” и вы:

“... Дорогой брат, за прошедший игровой сезон мы нанесли нашим врагам сокрушительное поражение! За период с мая по октябрь наши братья совершили одиннадцать боевых выездов, в результате которых:

1. Разогнано 7 (семь) крупных мероприятий наших оппонентов, среди которых 6 (шесть) ролевых игр и 1 (один) фестиваль (Толкиеновский фестиваль Торина Оукеншильда).
2. Были пойманы 74 (семьдесят четыре) лица из “числящихся в особых списках”.
3. Из них 53 (пятьдесят три) пропущены через различные Круги Игр, причем 7 (семеро) - через игры Штрафного Круга.
4. Уничтожено имущества на сумму рублей.
5. Захвачено имущества на сумму рублей.
6. Расширен Список Неуподоблюсь, в который на настоящий момент вошли 128 (сто двадцать восемь) особей.

От лица Партии и Коалиции поздравляем тебя с присвоением сержантского звания и желаем...”

Наш “труд” не остался незамеченным - некоторых ролевики удалось запугать до такой степени, что они от страха совсем перестали соображать. Был один случай, когда Крейзи приехал в Каннельярви со своей девушкой, и в мыслях не имея ни малейшего зла. Но как только его фигура показалась из-за барханов, оказавшиеся на месте ролевики побросали свои дела, спешно собрали пожитки и тут же уехали.

- С какого хуя, спрашивается? - возмущался Крейзи. - Ну и паникеры!

Как показал опыт, таких “паникеров” хватало и в других городах - так что на этот раз мы придумали вот какой план. Его подсказал Доцент, а мы всемерно его поддержали.

- Скажем, что мы - ролевики из Лодейного Поля²²⁰! - предложил Доцент. - Про игру мы узнали случайно, да и вообще это только четвертая наша игра! Ну кто обратит внимание на пионеров?

Идея понравилась, и мы решили поскорее выбрать себе новые, “лодейнопольские” имена. После некоторых размышлений (как-никак, нам нужны были настоящие “пионерские прозвища”) у нас получилось вот что:

1. Грибные Эльфы = Лодейнопольские ролевики
2. Джонни - Ваня-Горлум
3. Барин - Гимли
4. Доцент - Арагорн
5. Королева - Йовин

²²⁰ Городок в трехстах километрах от Питера - неплохое место, если ты там родился и вырос.

Поступило и еще одно предложение. Ради детализации нашего плана Барин придумал еще двоих представителей Лодейнопольской тусовки, местных “ролевых авторитетов” - Петрика и Шнягу. Этим господам решено было выставить “отцами” тамошнего Движения - личностями, популярными от Лодейного поля и до Тихвина, от Алеховщины и до самих Винниц. Описывая этих персонажей, Кузьмич заявил вот что:

- Пускай Петрик будет военный, недавно вернувшийся из “горячей точки”, а Шняга - местный врач. Типа, они оба старше нас лет на пять. Скажем, что отмороженный на всю голову Петрик - единственный в нашем городе, кто на самом деле читал Толкиена. Дескать, он лежал в госпитале вместе с сапером из Питера, который и подсадил его на всю эту хуйню. И когда Петрик демобилизовался, они вместе со Шнягой устроили в Лодейном Поле первую ролевую игру. Для этого Петрик вкратце пересказал нам “Властелина Колец” - в нашем городе эту книгу просто нереально достать. Ходили слухи, будто у Петрика есть собственный экземпляр - но либо это пиздеж, либо он никому его не дает.

- Будем “лечить”, что в ЛП игры бывают только по Толкиену, - обрадовался я, - дескать, про другие игры у нас и не слышали! Как не слышали и про “взносы”!

- Джонни прав ... - начал Барин, но тут его перебил Доцент: - Друг Гимли, не лучше ли будет использовать для общения наши новые имена? Пора к ним привыкать - может быть, начнем прямо сейчас?!

- Не нагружай мозг, Ара! - мигом “втянулся” Барин. - Мы квенту сечем! Так, Горлум?

- Угу, - отозвался я, копаясь в мешке в поисках хоть какой-нибудь закуски. - Все именно так!

Решение было принято - теперь в сторону Яхромы ехали вовсе не шевбутные и беспокойные “Грибные Эльфы”. Подтянув ноги к животу и подложив куртки под голову, в полупустом вагоне дремала новая Лодейнопольская команда - в высшей степени спокойные и рассудительные ролевики. Поезд мерно раскачивался, баюкая нас стуком колес, с грохотом проносились мимо встречные составы, неслышно появлялись и исчезали за окном незнакомые полустанки. Но нас это нисколько не беспокоило - мы мирно спали и не видели всех этих красот.

На месте мы оказались только через сутки, примерно в середине дня. За это время мы успели переночевать в Москве, встретить Дурмана и снова отправиться в путь. От железнодорожной станции до полигона ехали на львовском автобусе, в котором тоже не обошлось без приключений.

- Билетики покупаем! - привязалась к нам старуха-кондукторша. - Билетики, молодые люди!

- Нету денег, бабушка! - честно ответили мы. - Можно, мы так поедем?

Но старуху такая просьба только взбесила.

- Развалились тут, отребье! - заорала она. - Пошли вон из автобуса! Миша, останови!

Автобус остановился и призывно распахнул двери - да вот только мы не спешили выходить. Сгрудившись на задней площадке, мы пили взятую Дурманом из дома водку и закусывали свежими помидорами.

- Хуй ли встал, - крикнул Дурман водителю. - Давай, поезжай!

- ВЫХОДИТЕ! - завизжала старуха. - А то никто никуда не поедет!

- Справедливо, - заметил я. - Или все едут, или никто!

Понятное дело, среди пассажиров автобуса нашлись такие, кто решил “залупиться”.

- Эй вы! - начал было один мужик-садовод. - Хватайте свое пойло и проваливайте из автобуса!

В ответ на это я достал из мешка топор, а Дурман вынул из-за пазухи саперную лопатку. Увидев такое дело, мужик сразу же замолчал, и даже склочная старуха заметно успокоилась и приутихла. Она даже перешла на другой конец салона - на всякий случай.

- Или мы едем дальше, иди водитель получит пизды! - подвел Барин итоги кратких переговоров. - А если нам все-таки придется выйти, в этом автобусе не останется ни одного целого стекла. Решайте живо!

Водитель недолго размышлял над этим предложением - двери закрылись, и автобус покати далъше. Мелькали за окнами привольные луга и застроенные аккуратными домиками всхолмья - пестрая мешанина оттенков, живая радуга сменяющих друг друга теплых цветов. Автобус пер по шоссе, пожирая колесами километры, с каждой минутой приближая нас к заветной цели - к реке Яхроме и к раскинувшейся на ее берегах ролевой игре.

Первая, кого мы повстречали по дороге на полигон, оказалась девушка-ролевичка, приставленная “мастерами” встречать приехавший на игру народ. Несмотря на лютую жару, держалась она с достоинством, лишь иногда промокая выступивший на лбу пот рукавом короткого платья.

- Привет, ребята! - обратилась к нам она. - Откуда будете?

- Из Лодейного поля, это от Питера километров триста! - представился Барин. - Меня зовут Гимли, а вот это мои друзья - Ваня-Горлум, Йовин и Арагорн. А вот это Дурман - он ваш, местный.

- А что, в Лодейном Поле - большая тусовка? - спросила девушка, с интересом разглядывая наши рожи. - Много народу?

- Двенадцать человек, - важно ответила Королева. - Как раз столько было на последней игре!

- Двенадцать? - рассмеялась наша провожатая. - И это все ваше Движение?

- Нет, - сурово ответил я. - Вы забыли про Петрика и Шнягу! Это наши “мастера”, только они на всю голову ебнутые! Хуже даже, чем хулиганье из Питера!

- Которые нас в прошлом году отпиздили, на Питерских “РХИ”! - подхватил Барин. - Был такой случай, мы тогда ...

- Что еще за хулиганье? - вмиг насторожилась девушка. - Уж не Грибные ли Эльфы?!

- Откуда ты знаешь? - удивился Барин. - Мы про них немало наслышаны, но ...

Тут наша провожатая остановилась и выдала такое, что я едва не поперхнулся. Во всяком случае, мне стоило большого труда “сохранить лицо”.

- Я их хорошо знаю, - заявила девушка. - Я у Крейзи неделю жила, когда была в Питере!

Она говорила настолько уверенно, что у меня появились некоторые сомнения. Всмотревшись пристальнее, я еще раз убедился, что лицо девушки мне совершенно незнакомо. К тому же она была чуть полная и невысокого роста - совершенно не в Крейзином вкусе. Вот если бы она сказала, что жила дома у Гоблина! Пока я над этим размышлял, наша провожатая выдала еще одну порцию “информации для размышлений”:

- Еще я Джонни знаю! - сообщила наша провожатая, а потом добавила как бы с намеком:

- Причем лично знаю, можно даже сказать - близко!

Тут я не выдержал - думал прямо сказать этой пизде, чего я про нее думаю. Но Доцент положил мне руку на плечо и мягко подтолкнул вперед, дескать - “Иди, давай!”. Вот я и пошел - отвернувшись в сторону и повторяя про себя любимую присказку Маклауда: “Пусть ебет тебя собака злая - а не такой орел, как я!”

Постепенно поля закончились, и мы вошли в лес. Первое, что бросилось мне в глаза - это невообразимое количество упаковочной веревки, растянутой между деревьями. Казалось, что ее тут километры и километры - натянутые параллельно веревки выходили из-за стволов, тянулись, на сколько хватает глаз, и снова скрывались между деревьями.

- Это границы каналов и рек, - объяснила наша провожатая, - между веревками будет вода, а за веревками - суша. Дело происходит в средневековой Голландии, игра рассчитана на отыгрыш экономики и мореходства. На игре будет “реальный” кабак, в который сегодня завезли пиво и водку, так что ...

- Да ты что? - оживились мы. - Отличная новость!

Вскорости лесная тропинка вывела нас на просторную поляну, целиком заполненную палатками и снующим туда-сюда игровым народом.

- Сюда! - заявила девушка, показывая пальцем на одного из обитателей стоянки. - Все вопросы к нему!

Следующие полчаса мы “включали дурака” перед местными “мастерами”.

- Что еще за взносы? - кричал Барин. - У нас в ЛП отродясь не слыхивали ни о каких взносах! И почему у вас игра не по Толкиену? Разве так можно?!

За небольшое время мы убедили “мастеров” в том, что перед ними - кучка выживших из ума периферийных “толчков”. Свихнувшихся на “Властелине Колец” и весьма ограниченно понимающих ролевые игры. В конце концов “мастера” решили пустить нас на игру “без взносов” - как только услышали, что в Лодейном Поле только и разговоров, что про их сраную игру. Так что постепенно разговор сместился к обсуждению наших будущих ролей:

- У нас в ЛП файтеров совсем нет! - разорвался Барин. - Ребята заточены на отыгрыш экономики, и хотя у нас мало опыта ...

Поначалу мы даже не заметили, что за нашей беседой с “мастером” наблюдает еще один человек. Это оказался Золото из московского Города Мастеров - человек, который неплохо знает меня и Барина в лицо. Он сидел на бревне, выпучив глаза и зажав рот руками - наблюдая, как Барин жалуется “мастерам”:

- Мы драться не можем, у нас даже оружия нет!

Заметив Золото, я ткнул Барина локтем - “смотри, дескать, кто там сидит!” Тогда Барин, ни на секунду не переставая жаловаться и ныть, принялся из-за спины “мастера” грозить Голдовому кулаком. “Не выдавай нас, будь человеком!” - было написано у Барина на лице. Золото посмотрел на нас еще с минуту, а потом встал и ушел за палатку - видно было, что ему трудно сдерживать смех.

- Ну что же, ребята! - принял решение “мастер”. - Мы поставим вас в город Гаагу, а чтобы вам было легче втянуться, дадим вам с собою опытного игрока! Эй, там, позовите мне ...

Мы не стали спорить, так что через несколько минут наш отряд доукомплектовали “старшим” - невысоким толстячком, державшимся с необычайной серьезностью. Как выяснилось, в своей жизни он посетил целых пять игр - на одну меньше, чем наши товарищи разогнали в прошлом году. Так что это был тот еще “опытный игрок”.

К поставленной перед ним задаче толстячок подошел с невиданным рвением. Когда он только открыл рот, мы долго не могли сообразить - серьезно он говорит или шутит? Но толстячок вовсе не шутил!

- Игроки должны слушаться “мастеров”! - твердил толстяк. - На игре это самое главное! Нужно вовремя платить взносы и выполнять данные тебе поручения! Нельзя нарушать правила, нельзя пить, нельзя ругаться матом!

Похоже, толстячок говорил все это всерьез - сам верил в эту чушь и старался убедить нас.

- Иначе - удаление с полигона, - испуганно шептал толстячок, - “черный список” и недопуск на игры!

По его лицу видно было: такого “недопуска” толстячок боится больше всего.

- А взносы? - решил уточнить я. - Если кого-нибудь выгонят с игры, ему вернут взносы?

- Что вы, - удивился толстяк, - конечно же, нет! Ведь это значит, что человек нарушил правила, ослушался “мастеров”! Его имя внесут в “черный список”, и он уже никогда ...

Тут я услышал, как Барин принялся тихонько напевать себе под нос:

Преданы анафеме с тобою мы давно

Наше имя в черный список занесено ... ²²¹

²²¹ Текст группы “Сектор Газа” - “Вальпургиева Ночь”.

Вечерело, так что мы разожгли костер и принялись решать одну из самых насущных проблем - где нам достать водки на сегодняшнюю ночь? Тут мы припомнили, как по пути к стоянке заглядывали в местный “кабак”. Там нашим глазам открылась волнующая картина: какие-то господа укладывали в специальную яму не меньше тридцати поллитровых бутылок водки.

Игровые деньги нам уже выдали (ими оказались старые советские монеты - очень распространенная “игровая валюта” в те времена), кроме того, Строри дал нам в дорогу литровый пакет из-под кефира, доверху набитый точно такими же монетами. Так что мы могли позволить себе скупить весь кабак, да вот проблема - официально он начинал функционировать только с десяти утра следующего дня. А ждать до утра нам, понятное дело, не хотелось.

Тогда мы с Доцентом отправились в кабак, а Дурман вырезал себе деревянный костыль и ушел с Бариним на “мастерскую”. Не так давно он купался в парке “Кузьминки” и попал ногой на кусок ржавой трубы. Острый край срезал ему с голени шмат мяса вместе с надкостницей, из-за чего нога у Дурмана превратилась в сплошную незаживающую язву. На эту игру Дурман сбежал прямо из больницы - и теперь решил обратиться к нашей общей выгоде эту досадную неприятность.

- Смотрите, чего у меня с ногой! - причитал Дурман перед “мастерами”, а ему вторил Барин. - Парню просто пиздец! Его нужно в город везти!

Понятно, что вести Дурмана в город никому не хотелось, так что собравшиеся принялись вместе “искать решение”.

- Может, ему водки дать? - предложил Барин. - Тогда бы он смог потерпеть до утра! Мы могли бы купить ее за игровые деньги, если бы вы нам разрешили! Тогда бы не пришлось ...

В это время мы с Доцентом подошли к кабатчику и заявили:

- Уважаемый, бери рацию и звони на “мастерскую”! Спроси, можно ли нам получить водку сегодня, не дожидаясь утра? Мы из Гааги, гонец от нашей стоянки уже на “мастерской” - договаривается!

- Святая наивность! - смеясь, ответил кабатчик, но рацию все-таки взял и принялся вызывать:

- Валинор, ответьте Таверне! Валинор - Таверне! Тут пришли из Гааги, просят им водку продать! Что им сказать?!

Повисло секундное затишье, а затем рация прохрипела ответ:

- Продавайте, как слышите?! Поняли меня?!

- Подтверждаю, - удивленно ответил кабатчик, а затем положил рацию на стойку и повернулся к нам: - Сколько?

- Четыре бутылки, - ответил я, а когда кабатчик открыл рот, чтобы возразить, выложил на стол перед ним несколько “крупных” монет. - Не беспокойся, деньги у нас есть! Так что будь любезен, сделай нам еще два хлеба и пять баночек шпрот!

По возвращении в лагерь у нас назрела еще одна проблема - наш “новый главный” был категорически против употребления водки.

- Алкоголь на игре НЕЛЬЗЯ! - визжал он. - За это вы можете быть удалены с полигона!

К счастью, Кузьмич сумел найти доводы против этой “несокрушимой” позиции:

- Как же нельзя? - удивился он. - Когда водкой весь кабак забит? Да и вообще, купить водку нам разрешили мастера! Мастера, ты слышишь?!

Это повлияло на толстяка, так что уже через несколько минут мы расселись у костра и раскупорили первую бутылку.

- За приезд, друзья! - поднял Барин первый тост, после чего попросил:

- Горлум, передай мне пожалуйста бутерброд!

- Держи, друг Гимли, - отозвался я. - Арагорн, а тебе сделать?

Начиналось все просто божественно - текли неторопливые “ролевые” истории, причем большую часть времени говорил толстячок. Пить с нами он отказался, зато усиленно налегал на шпроты и чай. Постепенно огненная влага пропитала наши тела, окружающие деревья пустились в пляс - и в тот же миг кто-то заворочался в темных глубинах моего существа.

Этот момент каждый раз подступает незаметно. Вроде только что сели пить - и вот уже нет трех бутылок, в голове шумит, а окружающий мир приобретает новые свойства. Кто-то надевает твое тело, словно перчатку - и ты с изумлением оглядываешься, как будто в первый раз видишь вроде бы уже знакомые места.

Усилием воли прорвав эту пелену, я с удивлением прислушался к ритму нашей “застольной беседы”. Толстячок давно молчал, сидя под деревом с побелевшим лицом - что в нынешних обстоятельствах было совершенно неудивительно. Припоминаю, что весь прошедший час мы посвятили воспоминаниям из прошлого (1997) года, не жалея красок расписывая толстяку наши “самые любимые истории”.

Рассказывали мы как бы не про себя - дескать, наслушались этих историй, пока гостили в Питере. Мы продолжали называть друг друга вымышленными именами - вот только по пьяни это оказалось гораздо трудней. В конце концов всю нашу “конспирацию” подстерегал чудовищный провал. Вышло это так.

Пытаясь в очередной раз прикурить от костра, Барин пошатнулся, оперся рукой о землю и раздавил мой бутерброд. Мало того - с отвращением оглядев испачканную шпротами руку, он подался вперед и вытер ее об мои штаны.

- Барин, сука! - заорал я, вмиг забыв про “гнома Гимли и Лодейнопольских ролевиков”. - Ты совсем охуел!

- Сам ты охуел! - отозвался Барин, к этому моменту уже завершивший собственное “превращение”. - Пидор грибноэльфийский!

При этих словах лицо у Кузьмича вытянулось и потемнело, а в глазах появился недобрый масляный блеск. Залпом допив остаток водки, Барин отбросил бутылку в сторону, набрал полную грудь воздуха и заорал:

- ДОЛОЙ ЛИЧИНЫ! - получившийся звук был такой силы, что гулкое эхо раскатилось по всему окрестному лесу. - Песню запевай!

Тут Кузьмич схватил толстячка за плечи, подтащил его к себе и принялся “петь”. Кто ни разу не слышал, как Кузьмич это делает, тот потом долго не может избавиться от “первого впечатления”. Голос Кузьмича поднялся над местностью, закладывая уши и распугивая ночных птиц - пронзительный и надсадный, словно вой вертолетной турбины.

Кто изучил искусство драк?

Кто может выкурить косяк?

Кто крепко вмазать не дурак и водку пьет из банки?

Грибные Эльфы – черный флаг!

Грибные Эльфы – черный флаг!

Грибные Эльфы – черный флаг и белые поганки!

Кому покой не по нутру?

Кто хлещет водку поутру?

Кто рад походному костру и выпивке желанной?

Грибные Эльфы – я сорву!

Грибные Эльфы – я сорву!

Грибные Эльфы – я сорву листок марихуаны!

Чей грозный клич звучит везде -

Как кочергою по пизде?

Чей щит спасет в бою везде – атака лобовая?

Грибные Эльфы – LSD!

Грибные Эльфы – PSP!

Грибные Эльфы – DMT и поручень трамвая!

Эту песню (известную как “Гимн Грибных Эльфов”) сочинил специально для нас искуснейший менестрель эльфийского толка – сам царь Трандуил. Ею все сказано – так что после первого же куплета у толстячка не осталось относительно нас ни малейших сомнений. Тем не менее (надо отдать толстяку должное), его опасения были связаны вовсе не с собственной судьбой.

- Что же теперь будет? – заламывая руки скулил он. – Что же скажут “мастера”?

- Не ссы! – успокоил его Барин. – Мы тебя не выдадим! Давай, выпей с нами!

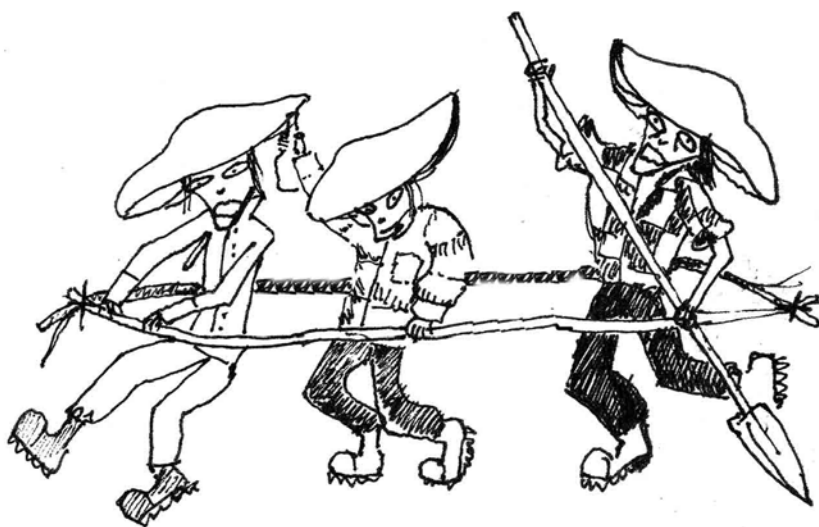
Толстячок не посмел отказаться – и вскорости мирно засопел под разлапистой елью. У нас же появилась новая забота: снова закончилась водка. Необходимо было добраться до кабака в Антверпене – а по правилам игры сделать это можно было только на “корабле”. По замыслу мастеров, такой “корабль” представляет собой связанные треугольником палки, внутрь которых встают несколько человек. Причем один из них держит “мачту”, другой “весла”, а еще один – “руль”.

По счастью, мимо нашей стоянки “проплывало” какое-то хуйло, которое за несколько мелких монет согласилось “перевезти” нас в Антверпен. От Гааги до Антверпена – чуть меньше километра, но этот путь занял у нас никак не меньше нескольких часов. Из этой поездки мне мало что запомнилось – вокруг раскинулся незнакомый лес, под ноги лезли какие-то коряги, мы то и дело падали, запутавшись в вездесущих веревках.

- Куда вы плывете? – причитал наш “рулевой”. – Это же не море, это же земля!

- Да как тут поймешь? – возмущался Барин, обдирая намотавшуюся на шею веревку. – Какой пидор все это придумал?

За полчаса наш “корабль” оборвал половину веревок на участке “Гаага – Антверпен”, полностью перекроив “береговую линию”, задуманную устроителями игры. Наш “рулевой” поначалу возмущался, но когда мы в очередной раз покатались по земле вместе со всем “кораблем” – плюнул на это дело, выпутался из деревянного треугольника и скрылся в лесу. Так у нас появился собственный корабль.

Дальнейшие события этой ночи представляются мне смазанной чередой каких-то странных событий. Сначала мы подкрались к чьей-то стоянке, где незнакомые нам люди делили при свете костра целую палку твердокопченной колбасы. Ноги сами бросили меня вперед, следом за мной прыгнул Барин – а в следующую секунду нам на спины приземлился Дурман.

В один миг у костра возникла жуткая свалка, в ходе которой мне удалось вырвать из рук у товарищей и проглотить примерно 1/4 имеющейся колбасы. Примерно столько же досталось Дурману, а остальное сожрал Кузьмич. Который, кроме всего прочего, успел несколько раз огреть меня и Дурмана доставшейся ему половинкой.

После этого началось какое-то нелепое разбиралово - ссыкливые хозяева стоянки взяли и нажаловались мастерам. Обстоятельств этого я не запомнил, единственное, что осталось в моей памяти - это следующий удивительный факт. Пришлый “мастер по безопасности” был наряжен в смешные зеленые панталоны, из-за чего беседовать с ним пожелал не кто-нибудь, а сам Кузьмич. Ухватив несчастного за рукав куртки, Барин взялся объяснять ему про “лодейнопольских авторитетов” Петрика и Шнягу, по ходу этого рассказа открывая все новые и новые удивительные подробности.

- Однажды Петрик копал в лесу оружейный склад времен Великой Отечественной Войны, - увлеченно врал Барин, - и подорвался на mine. Взрывом Петрика отбросило в болото, причем в голове у него застрял неразорвавшийся пятидесятимиллиметровый снаряд. Когда Шняга нашел его в лесу, Петрик уже умирал. Тогда Шняга взял свои инструменты и попробовал достать снаряд - ни в какую! Пришлось ему приспособить Петрику к башке водяную баню, чтобы вытопить из снаряда взрывчатку! Петрик до сих пор носит в башке этот снаряд, так что ...

Все попытки “мастера” перевести разговор в более предметное русло Барин игнорировал - нынче ночью с ним можно было говорить только “про Петрика и Шнягу”. Под конец все плюнули и разошлись, а мы стали богаче на семьдесят рублей, которые под шумок спиздила у кого-то из собравшихся Королева

Потом мы снова оказались в кабаке, где Барин сорил монетами, громко требуя для команды нашего корабля “еще водки”. Он делал это, не вылезая из “корабля”, который подтащил прямо к стойке - чем вызвал искренне возмущение кабатчика. И пока хозяин таверны пытался разъяснить Барину разницу между “морем и сушей”, Королева подобралась к “водочной яме” и умыкнула из нее еще несколько бутылок. Так что в Гаагу мы вернулись только под утро - на том же самом “корабле”, во весь голос распевая только что сочиненную песню:

- Жители Гааги! Жители Гааги! - начинал тянуть Барин на мотив “Ах, мой милый Августин”, а мы дружно подхватывали: - Хуй на-нэ! Хуй на-нэ²²²!

Так рождалась песня - Барин запевал, а мы отвечали молодецким припевом. Вот что у нас в конце концов получилось:

*Жители Гааги! Жители Гааги!
Хуй на-нэ! Хуй на-нэ!
Славали в Антверпен! Славали в Антверпен!
Хуй на-нэ! Хуй на-нэ!
Вытили всю водку! Спиздили все деньги!
Хуй на-нэ! Хуй на-нэ!
Видели гондона - в зеленых панталонах!
Хуй на-нэ! Хуй на-нэ!
Жители Гааги! Жители Гааги!
Хуй на-нэ! Хуй на-нэ!*

Когда мы прибыли на свою стоянку, только-только начало светать. Мы подкинули в костер дров и почти что собирались лечь спать, когда из ближайших кустов до нас донеслось шипение рации и тихий, прерывистый голос:

²²² Если верить “Энциклопедии русского мата”, выражение “хуй на-нэ” означает отказ в грубой форме. (- Дай сигарету! - Хуй на-нэ!)

- Валинор - Мордору! Ответьте! На полигоне ЧП! Повторяю - на полигоне ЧП!

Похватав что попало под руку, мы бросились в кусты и через несколько секунд выволокли оттуда какого-то хуилу в новеньком камуфляже. Он был с ног до головы покрыт разными “военными” нашивками - “Special Forse”, “Special Team”, “группа крови” и другими, аналогичного содержания.

- Кто пасет, тот хуй сосет! - прямо заявил Барин этому типу. - Хуй ли ты здесь делаешь?

Я был такой пьяный, что теперь уже и не вспомню, чем закончилась эта история. Помню только, что мы по очереди орали в рацию всякие гадости, но какие именно - сказать уже не могу. Постепенно ноги перестали меня держать, перед глазами поплыли круги, а контуры окружающих предметов стали нечеткими. Некоторое время я еще водил глазами по сторонам, но потом и это стало мне не по силам. Тогда я закрыл глаза и тут же уснул.

Утро ворвалось в мой разум вместе с шумом деревьев и надсадным гомоном лесных птиц. Ругань сорок перемежалась пронзительными криками соек, иногда доносился тихий посвист теньковки - а из глубины леса прямо мне в мозг били барабанные трели дятла-желны. В горле пересохло, башка была словно квадратная, руки и ноги повиновались только с превеликим трудом. Разлепив глаза, я приподнялся на локте и принялся оглядываться по сторонам.

За ночь пейзаж вокруг нашей стоянки претерпел существенные изменения. Пока мы спали, кто-то обнес весь наш лагерь белой пластиковой лентой, к которой через равные расстояния были привешены бумажные таблички. Подойдя поближе, я увидел, что на их обращенной к лесу стороне большими красными буквами выведено предупреждение “DANGER ZONE”.

- Ни хуя себе, - пробормотал я, хотя язык у меня почти не ворочался. - Похоже, что наша тайна раскрыта!

Я оказался прав. Покуда мы спали, местные “мастера” провели по нашему поводу “экстренное совещание”. Как мы впоследствии узнали от Золота, к ним на стоянку приходили гонцы от мастеров вот с каким вопросом: “Следует ли пробовать выгнать Грибных с полигона, и не желают ли уважаемые хозяева стоянки принять в этом участие?”

И поскольку на оба этих вопроса гонцы получили категорическое “Нет!”, “мастера” решили разобраться с нами иначе - обтянули наш лагерь веревкой и объявили его территорию “неигровой”. Нам на это было глубоко похуй, если бы не следующий факт: обитателям нашей стоянки могли теперь отказать в обслуживании в кабаке! А вот этого мы допустить ну никак не могли!

Поэтому еще до завтрака Барин вымутил у наших соседей (ими оказались Золото и его друзья) красный маркер и немного подправил надписи на табличках. Так что путешествующие мимо нашей стоянки ролевики вместо предыдущей надписи видели теперь следующее объявление: “DUNGEONS ZONE²²³”. Тех, кого это заинтересовало, встречали я и Доцент, с ходу вовлекая жадных до “закопушек” ролевиков в следующий “квест”.

- Перед вами - затонувший город Гаага и его могущественный бургомистр! - вещал я, указывая на расположившегося посередине поляны Кузьмича. - Узрите сокровища Подводной Гааги!

Я не врал: у нас было на что посмотреть. Мы вывалили на землю кулек старых советских монет, которыми нас спонсировал Строри - в представлении местных ролевиков это была целая куча золота. Впечатленные нашим богатством посетители почтительно кланялись “бургомистру”, с интересом ожидая продолжения многообещающей беседы.

²²³ Для ролевика такая вывеска обозначает прежде всего “закопушку” - дополнительную игровую локацию, где игра течет по несколько другим правилам. (“Пещера с сокровищами”, “склеп приключений” - все, что угодно. В подобном месте игрок может получить “квест”, разжиться артефактами и материальными ценностями, повысить собственный “уровень” и т.д.). Вывеска происходит от названия игры “Dungeons&Dragons” - одной из первых в жанре настольных РПГ.

- Вы можете получить кое-что для себя, - важно заявлял Кузьмич, - если выполните мое поручение! Вы должны будете пойти в кабак и купить водки, закуски и сигарет на те деньги, которые я вам дам. После этого вы принесете все это сюда, и тогда я щедро вознагражу вас! Только вы не должны никому рассказывать, что были в подводной Гааге - иначе на вас ляжет проклятье! И так?!

Многие из пришедших соглашались с предложенным “квестом”, так что вскорости жизнь на нашей стоянке вошла в привычную колею. Еще до обеда наши “посыльные” доставили для “господина бургомистра” девять бутылок водки²²⁴, четыре баллона пива и без малого два блока сигарет.

Не знаю, к чести московских ролевиков, или же к их бесчестию, но ни один из “посыльных” так и не догадался присвоить выданные ему деньги. И хотя мы очень этого ждали, за полдня нас так ни разу и не “кинули”. К обеду спиртное на полигоне стало заканчиваться, и кабатчик взвинтил цены на него почти до небес.

Нам это было на руку - среди местных игроков не было почти никого, кто мог бы позволить себе купить целую бутылку. А мы, благодаря Строриной щедрости, могли себе хоть ящик позволить. Пока что мы потратили из нашего запаса старых советских денег чуть меньше трех рублей, а всего там было в районе восьмидесяти.

Ближе к вечеру мы снова “вышли в мир”, что не преминуло закончиться скандалом и дракой. Началось с того, что Королева выманила у одного из ролевиков черную рясу, надела ее и отправилась “проповедовать” в местный кабак.

- Покайтесь, люди! - обратилась она к собравшимся. - Покайтесь, и я отпущу ваши грехи!

- А ты правда это можешь? - спросил ее один из притулившихся у стойки “генуэзских купцов”. - На самом деле?

- Налей, - предложила ему Королева. - И будешь спасен!

За полчаса Королева отпустила великое множество грехов. По ходу этого она так напилась и обнаглела, что очередному “клиенту” заявила вот что:

- Ты ужасный грешник! - произнесла Королева, залпом опрокидывая предложенную ей стопку. - У тебя накопилось столько грехов, что придется налить еще!

У собравшихся в кабаке это заявление вызвало бурное веселье - и Королева не преминула этим воспользоваться. Забравшись на стол, она обратилась к публике с пламенной речью - причем орала так, что на столах едва посуда не лопалась. Большинство собравшихся встретили эту речь восторженными криками, но нашлись и недовольные. Некто Колобаев (истеричный мужчина средних лет, имевший к проведению этой игры некоторое отношение) вылез из стоящей неподалеку палатки и принялся “быковать”:

- Что за шум? - кричал он. - У меня голова болит, а вы тут орете! Все идите на хуй, а особенно ты!

С этими словами он ухватил Королеву за край рясы и принялся стаскивать со стола. Это заметил “подплывавший” к кабаку Кузьмич, который тут же подскочил к Колобаеву и изо всех сил огрел его своим “кораблем”. Разлетелись в стороны сухие жерди - а в следующую секунду Кузьмич набросился на Колобаева, и они вместе покатались по земле.

Драка оказалась недолгой. Кузьмич только и успел, что пару раз огреть Колобаева по башке, как подбежали окружающие и растащили их в разные стороны. Зато Кузьмич сумел отстоять наши позиции, так что мы провели за стойкой полночи. Жаль, но из этих посиделок мне мало что запомнилось - пить сегодня мы начали еще до полудня.

²²⁴ Если учитывать стоимость советских монет по номиналу, то водка на “Буржуа” стоила ровно 11 копеек, что на 2 руб. 89 коп. дешевле стоимости водки во времена СССР. Мне кажется, что устроители зря назвали свое мероприятие “Буржуа” - цены на их игре были даже ниже, чем социалистические.

В середине ночи звезды на небе подернулись легкой дымкой и начали “кружить”, звуки замедлились, а в теле появилось ощущение стремительного падения. Я хотел собрать силы и добрести до нашей стоянки, но тут земля около стойки встала на дыбы и в один миг вышибла из меня остатки сознания.

По-настоящему я пришел в себя только на пути домой - в помещении вокзала на станции Вышний Волочек. Я лежал на скамье, подложив под голову вместо подушки новенькую палатку в длинном фиолетовом чехле. Открыв глаза, я уставился на нее в немом изумлении, так как первое время никак не мог вспомнить - откуда она взялась?

Только через несколько минут я сообразил, что по пути у нас вышла еще одна история - на ближайшей к полигону автобусной остановке. Доцент подметил, что на лавочке рядом с нами сидит какой-то мужик, возле которого лежит охуительная палатка. Она была явно новая и на вид довольно дорогая - не обычная брезентовая, а новомодная, “на дугах”. Судя по внешнему виду, хозяин палатки был из числа “цигунистов” - сектантского сборища, регулярно проводящего на берегах Яхромы свои мерзостные сходняки.

Вышло так, что этот мужик и двое его друзей не стали дожидаться автобуса вместе с нами. Вместо этого они ухали на наемной “ГАЗели”, в кузов которой им пришлось запихать великое множество разнообразных вещей. И пока они бегали к машине и обратно, Королева с Доцентом сумели задвинуть палатку за край остановки. Из-за этого уезжавшие “цигунисты” совсем про нее позабыли. И хотя через пятнадцать минут они вернулись к остановке на той же самой “ГАЗели”, разыскивать пропажу было уже слишком поздно.

- Только что здесь была наша палатка! - набросился на нас один из этих господ. - Где она?! Вы же тут оставались!

- Что ты хочешь этим сказать? - возмутился Кузьмич. - Что мы ее спиздили?!

- Нет, но ... - задумался “цигунист”, спешно прикидывая свои шансы в случае возможного конфликта. - Мы могли бы подбросить вас до станции - в том случае, если бы палатка нашлась!

- За кого ты нас принимаешь? - возмутился Дурман, поднимаясь с лавки и делая несколько шагов навстречу нашему собеседнику. - Ты охуел?

Все эти воспоминания вихрем пронеслись у меня в голове. Мелькнуло перед глазами обеспокоенное лицо “цигуниста”, появилось и исчезло улыбающееся лицо местного старика. Дед сидел вместе с нами на одной остановке, все видел - но так ничего и не сказал. Все эти образы возникли словно бы из ниоткуда - когда что-то в окружающем меня мире пробудило соответствующие ассоциации. Спусковым крючком послужил пожилой мужчина, который метался по залу ожидания и орал во весь голос:

- Только что здесь висел мой зонт! И где он теперь?! ВОРЬЕ!

Истошные крики вывели меня из состояния забытья. Оглядев зал, я увидел: наши товарищи спят на своих рюкзаках, а не хватает одного только Кузьмича. Подчиняясь внезапному наитию, я встал и пошел через весь зал к выходу из вокзала. И когда я с усилием распахнул тяжелые двери, моему взору открылась удивительная картина. Она до сих пор стоит у меня перед глазами - неизгладимое впечатление, оставшееся мне на память от этой поездки.

Было около полседьмого утра - время, в которое на привокзальной площади можно увидеть только редких прохожих да одинокую поливальную машину. Летела во все стороны мелкая водяная пыль, мокрый асфальт блестел в лучах утреннего солнца, а напротив выхода из вокзала стоял Барин, высоко подняв над головою новенький автоматический зонт. При этом над площадью, над кипой окрестных деревьев и над примостившейся у стены чередой продовольственных ларьков неся его хриплый, пронзительный голос:

- Не проходите мимо! - призывно кричал Кузьмич. - Поучаствуйте в распродаже автоматических зонтов! Твою мать, остался последний экземпляр!

Страна болот (часть 1): В начале пути.

*“Осталось два ящичка водки
И темный от туч небосвод.
Сквозь тонкий расколотый лед
Мы на моторной лодке
Въезжаем в страну болот”.*

В августе этого года в Питере объявился некто Остроумов - крепкий веселый мужик, близкий друг нашего Благодетеля. Остроумов числился заместителем начальника охраны заповедника “Полистовский”²²⁵, и от лица тамошней администрации передал нашей экологической организации предложение поучаствовать в беспрецедентной акции (речь шла об организации вооруженного патрулирования территории заповедника силами общественных лесных инспекторов). На встрече, которую наш Благодетель устроил по этому поводу в кафе, расположенном на первом этаже здания Комитета, Остроумов представил нам это дело вот как:

- Наш заповедник представляет собой участок самого большого болота на всем Европейском Северо-западе России, вот только охрана в нем налажена из рук вон плохо. Здорово не хватает государственных инспекторов, в сезон сбора клюквы от браконьеров просто спасу нет. Местные до заготовок сами не свои, каждый божий день прут на болото с комбайнами, а незаконно добытую клюкву сдают потом перекупщикам. Вреда от этого немерено - не заповедник получается, а сплошная голая плешь. Ваша помощь нужна будет на месяц-два, пока идет сезон заготовки, а потом станет полегче, и мы уже сами управимся. Ну так как?

- Не знаю... - честно ответил Крейзи. - Скажите хотя бы, где он находится, этот ваш заповедник?

- Чем вы слушали? - удивился Остроумов. - Я ведь уже сказал: посреди большого болота! Ну а если без шуток - Псковская область, Бежаницкий район, окрестности озера “Полисто”. И если вы согласитесь помочь, то мы обеспечим вашим инспекторам очень даже приличные условия!

- Это какие же? - спросил Крейзи. - Что еще за условия?

- Во-первых, - тут Остроумов оперся руками на стол и принялся загибать пальцы, перечисляя разнообразные блага, - бесплатный проезд из Питера до самого места, два базовых лагеря, питание, форму, оружие и транспорт. Под последним имею в виду ГТС²²⁶ с запасом топлива и некоторое количество лошадей. Умеете ездить верхом?

- Ага, - машинально кивнул Крейзи, который до верховой езды был сам не свой. - Ясное дело, умеем!

Удивительно, но Крейзи не врал. По его настоянию часть наших товарищей регулярно выбиралась в район станции Пелла, осваивая на лоне первозданной природы нелегкое искусство верховой езды. Не стану утверждать, будто кто-нибудь, кроме Крейзи, освоил его целиком, но забраться в седло и кое-как ехать были способны многие. И хотя Крейзи не устраивали такие наши успехи (он-то мечтал о чем-то навроде легендарной конницы атамана Махно), большего никто из братьев добиться не смог. Барин, так тот и вовсе проклял все это дело, и, пока братья скакали по заснеженным полям на лошадях, разъезжал по дороге через поля на детских санках, прицепленных к автомобилю одного местного мужика.

- Не хочу я лезть на эту скотину! - декламировал Барин, порядком недолюбливавший лошадей. - Вон она какая здоровенная, а тупая - так просто жуть! Никакой веры ей нет!

²²⁵ Полистовский заповедник создан 25 мая 1994 года по Постановлению Правительства РФ № 527 на базе охотничьего заказника, существовавшего с 1977 г. Заповедник расположен на западе Валдайской возвышенности, на водоразделе рр. Полисть и Ловать, в подзоне южной тайги; в Локнянском и Бежаницком р-нах Псковской области. Заповедник создан для охраны одной из крупнейших в Европе Полисто-Ловатской системы верховых болот, совместно с заповедником “Рдейский” в Новгородской области. (Фактически это единая ООПТ, разделенная только административной границей).

²²⁶ Аббревиатура: “гусеничный тягач средний”.

Так что и всей правды Крейзи тоже не сказал.

- Умеете ездить, значит? - переспросил Остроумов. - Вот и хорошо! Будет у нас в заповеднике конный патруль!

Тут он довольно хлопнул рукой по столу, но вскоре опять посерьезнел и достаточно строго произнес:

- Ну, ближе к делу. Сколько народу вы сможете выставить? И что это будут за люди? Проверенные товарищи или как? Все ли бойцы опытные?

- А как же! - важно отозвался Крейзи. - Кадры первый сорт, ветераны не одной и не двух кампаний. Сознательные, работоспособные, отличный инспекторский коллектив! Второго такого вы нигде не найдете!

- Ну да, ну да ... - закивал Остроумов. - Разумеется, так я и думал!

Короче, это были те еще переговоры. Как потом выяснилось, обе участвовавшие в них высокие стороны изрядно покривили душой, но вот кто наврал больше - читателю предстоит определить по ходу повествования самому. Пока же собеседники расстались премного довольные собой, даже не подозревая, что только что вписали друг друга в грандиозный блудняк.

Вернувшись с собрания, Крейзи собрал у себя на квартире экстренное совещание нашего комиссариата и выступил на нем вот с какой пылкой речью (приведу здесь лишь часть из неё):

- Наконец-то нам доверили по-настоящему серьезное дело! Теперь у нас есть шанс вывести природоохрану с нашим участием на качественно новый уровень! Чтобы в беспощадной борьбе с нарушителями природоохранного законодательства доказать...

В тот день Крейзи говорил долго, а с единственным важным уточнением к его словам выступил брат Кримсон:

- Как, ты говоришь, фамилия того мужика? Остроумов? Я бы человеку с такой фамилией не особенно доверял!

Но на Кримсона тут же зашикали со всех сторон, так что его замечание прошло мимо ушей большинства. Привлеченные несказанными перспективами, мы практически не колебались, и решение ехать в заповедник было немедленно принято большинством голосов. В предстоящей акции вызвались участвовать десять наших собственных инспекторов (Крейзи, я, Строри, Кримсон, Барин, Фери, Гоблин, Тень, Королева и Ирка), пятеро представителей Эйвовского коллектива (Сэр Влад, Макута, Родик со своей подругой Ирой и одноклассник Влада Сержант), Максим Браво и давний знакомый Кримсона Рома по прозвищу "Сарделечка". Это было уже семнадцать человек, а еще пятеро присоединились к нам немного попозже.

- Атае! - резюмировал Крейзи. - Времени на сборы осталось не так уж и много, через две недели пора будет выезжать. Так что шевелитесь!

Любая грандиозная задача встречает на своем пути неожиданные препятствия, и именно так получилось и на этот раз. До отъезда оставался всего один день, когда Барин убедил меня отправиться на прогулку по городу вместе с Федей Дружининым из Берриного коллектива, которого он пригласил нынче вечером "пройтись по Питеру, подышать свежим воздухом и распить вместе пару бутылок сухого вина". Кроме него нам решили составить компанию Строри и Фери.

Тут надо заметить, что (в отличие от многих наших товарищей) Федя Дружинин - человек культурный, и от пьяного бесчинства очень и очень далек. Поэтому все мероприятие намечалось как светский раут, элегантный променад в районе станции метро "Сенная Площадь", неподалеку от обиталища Бариновской девушки Ирки. Никто не думал, что решение "пить портвейн вместо сухого вина" приведет к таким печальным последствиям.

Получилось так, что до Иркиного дома мы добрались только глубокой ночью, порядком обессмыслившиеся, держась на ногах уже не без некоторого труда. Тут-то Барин и заметил

закрытую по ночному времени “арбузную точку”, которую охранял незнакомый нам молодой человек “кавказской наружности” (то есть какой-то хачик, попросту говоря). Именно к нему-то Барин и обратился с бестактным вопросом:

- Эй, аслица! Где ты прячешь мой арбуз?

Хачик оказался не промах: продолжения ждать не стал, вместо этого выхватив из-под козырька своей “точки” здоровенный арматурный прут. Размахивая им, он бросился к Барину, но по пути его перехватил Федя Дружинин, неожиданно ловко бросившийся наперерез и сумевший с ходу вцепиться в арматурный прут обеими руками. Следом за ним за прут ухватился я, а за мною и Барин со Строри.

Получилась нелепая куча-мала, когда за одну железку уцепились разом шесть человек. С полминуты мы дергали прут в разные стороны, но отобрать его у хачика так и не смогли - тот висел на арматуре, словно приклеенный. Первому это надоело мне - я догадался высвободить одну руку, сунуть ее в карман и нащупать там газовый баллон.

Секунда, и мощная струя газа ударила хачику прямо в лицо. Он тут же разжал руки, пробежал несколько метров по кривой, словно таракан по сковороде, но вскоре упал, скорчился и затих. Гнаться за ним мы не стали. Вместо этого мы отогнули защищающую “точку” металлическую рабицу, выбрали крепкий арбуз и направились в сторону Иркиного дома. Но спокойно дойти дотуда нам не было суждено.

У поворота в Иркину подворотню нас настигли вооруженные палками хачики, числом то ли шесть, то ли восемь человек. Мы слишком поздно сориентировались, а когда обернулись на топот - удары последовали практически мгновенно. Первый же удар палкой в ключья разнес арбуз, которым прикрылся Барин, а затем удары стали сыпаться один за другим.

Я был такой пьяный, что мне едва запомнились обстоятельства этой драки: пустая улица, желтый свет фонарей, мельтешение рук и ног и раскиданные по асфальту куски красной арбузной плоти. Минуту всего несколько секунд, и к “арбузной крови” добавилась настоящая: Федя Дружинин уличил момент, прорвался в ближнюю зону и хлестким ударом кулака размозжил одному из хачиков нос. Больше он ничего сделать не успел, так как в следующий миг сам оказался на асфальте с разбитой башкой - другой хачик зашел сбоку и изо всех сил ударил Дружинина палкой.

Федя упал, и тут еще один хачик навалился на него сверху и принялся лупцевать. Первым же ударом он сбил с Феди очки, но тут Дружинину на помощь пришел Строри. Бегаая кругами около упавшего Феди, преследуемый сразу двумя вооруженными палками хачиками, Строри успел дважды засветить Федину обидчику обутой в лыжный ботинок ногой - один раз в корпус, а другой раз по затылку. Причем так, что чуть позже ментам пришлось отправлять этого хачика в больницу на пару с Дружининым.

В это время другие трое хачиков загнали меня и Кузьмича сначала в подворотню, а затем и в Иркин подъезд. Сначала я бросился по лестнице вверх, рассчитывая подхватить у Ирки дома плотницкий топор, но совершенно не нашел понимания у Иркиной матери. На мое “Уважаемая, дайте топор!” она отреагировала неадекватно - вместо того, чтобы дать мне топор, принялась орать во весь голос.

Тогда я сбежал обратно по лестнице и в куче хлама, сваленного возле подвала, раскопал полутораметровую чугунную трубу с приделанным к ней пластиковым сливным бачком. Кое-как подхватив ее наперевес, я выскочил из подъезда и бросился сквозь заполняющую двор тьму в мерцающий электрическим светом проем арки.

Поначалу я был недоволен своим новым оружием (здорово мешал бачок), но уже через несколько секунд изменил свое мнение. Когда я пробежал сквозь арку, притаившийся во тьме хачик перетянул меня доской по спине, но немного не рассчитал и с оглушительным грохотом попал по бачку. Останавливаться я не стал, и так с бачком наперевес и вылетел на улицу, прямо под грозные очи прибывшего на место милицейского патруля.

Повязали всех - меня, выскочившего следом за мной Кузьмича (по счастью, он сумел скинуть прихваченную дома у Ирки монтировку еще в подворотне), Фери, Строри и нескольких хачиков. Пару из них пришлось отправить в больницу вместе с Дружининым (одного со сломанным носом, а другого с разбитой башкой), а остальных менты отпустили, так как их старшему хватило ума откупиться деньгами. У нас денег уже не было, так что пришлось нам ехать в “двойку” (2-й отдел милиции) и сидеть там в ожидании своей участи до утра. Наутро нас должны были направить в суд и впаять по пятнадцать суток аресту: за пьяное бесчинство, за погром и самое главное - за преступную бедность.

Наутро (до старта кампании “Заповедник” оставались всего сутки) Крейзи узнал, что лучшие люди из нашего комиссариата томятся в застенках второго отдела, без гроша в кармане и каких-либо надежд на избавление. Тогда Крейзи взял сколько-то денег из своей личной казны, вручил их Иришке²²⁷ и велел ей ехать в “двойку” и вызволять нас оттуда. Так что к десяти утра нас вместо суда вышвырнули из отдела взащей - невыспавшихся, злых и мающихся похмельем. До отъезда оставалось всего ничего: летний день пролетит быстро, а вечер и ночь Крейзи планировал провести вместе с нами у Иришки, чтобы наутро двинуть оттуда на Витебский вокзал.

Иришкин дворик расположен в районе станции Пушкинская, неподалеку от ТЮЗа, и хорошо известен большинству старожилов Питерской игровой тусовки. Такую популярность обеспечила маленькому дворику квартира, где жил в те времена Брендизайк, и в которой располагался известный на весь Питер “подпольный клуб настольных ролевых игр”. Там собирались такие люди, как Берри и Трифид, Олюшка и Глеб, Кот (тот Кот, который мент), Федя Дружинин, Воеводский-младший, Юра Орк и другие известные мастера и любители этого дела.

Квартира Иришки была расположена в соседнем подъезде, а этажом выше жил еще один деятельный участник означенного коллектива - Тимка Левицкий, муж нашей со Строри и Слоном одноклассницы по имени Кся. Как и везде в Центре, дворик был построен “колодцем” - уютный и небольшой, с кипой сочной зелени посередине. От прочего мира дворик был отгорожен кирпичными стенами близлежащих домов, так что попасть внутрь можно было только через две маленькие подворотни.

Окна Иришкиной комнаты находятся на первом этаже, и сегодня вечером их пришлось открыть нараспашку, отодвинув в сторону многочисленные цветы. Это было сделано, чтобы можно было курить, усевшись на подоконник и свесив вниз ноги. Вскоре Крейзи раздал товарищам кислоту, так что прошло совсем немного времени, как окружающее меня пространство замерцало, завертелось и подернулось легкой серебряной дымкой. Контуры предметов потеряли четкость, стены поплыли и как будто раздвинулись в стороны, и моему внутреннему взору открылся огромный и удивительный мир.

Кое-что я, правда, еще замечал: как Строри, свесившись с кровати, неудержимо блюет, и как потерянно глядит на окружающих непривычный к кислоте Фери. Ему было нелегко, так что я взял его под ручку и потихоньку, маленькими шажочками, вывел во двор.

Солнце уже село, лиловые сумерки упали на мир, превратив маленький дворик в озеро темноты, чуть подсвеченное желтым светом из множества занавешенных окон. Шелестела листва, обволакивая пространство вокруг мягким, чарующим шепотом, неторопливо скользили по небу темные громады облаков.

Мы расселись на деревянной скамейке с бутылкой вина и неторопливо прихлебывали терпкий напиток, глядя на окружающий мир сияющими, полными внутреннего света глазами. Постепенно совсем стемнело, небо стало низким и как будто надвинулось на нас, все звуки стихли, и наступила августовская ночь. И хотя скамейка, на которой мы сидели, мало сказать - выросла в землю, у меня было стойкое чувство, будто путешествие наше уже началось.

²²⁷ Крейзина подруга Иришка, которую не следует путать с Ирккой из коллектива “постпанков”, подругой нашего Кузьмича.

Полностью пришел в себя я только на станции Дно, километров за двести от Питера. Уронив голову на руки, я сидел за пластиковым столом в помещении кафе, расположенного прямо в здании вокзала. Меня мутило, я осознавал реальность с превеликим трудом. Вроде бы мы стартовали из Питера сегодня утром, на электричке добрались до Волховстроя, где пересели на “подкидыш”, который доставил нашу компанию на станцию Дно.

Теперь нам нужно было дожидаться еще одного “подкидыша”, следующего в направлении Локни. Мы рассчитывали, что он довезет нас до еще одной “промежуточной цели” нашего путешествия - станции Сущево. Там мы собирались сесть на автобус до поселка заводского типа под названием Цевло, где располагается дирекция Полистовского заповедника. Но не тут-то было!

Поначалу нас подвел “подкидыш”, который все никак не хотел приходить. В ожидании его братья оккупировали местный шалман, расселись за белыми пластиковыми столами и на полную катушку включили принадлежащий Королеве магнитофон. Звуки бессмертного “Союз-21” бились об обшарпанные стены, выкрашенные в муторный зеленый цвет, с грохотом отражаясь от высявшейся в углу зала цилиндрической печи.

- Танго белого мотылька... - неся из магнитофона медовый голос товарища Меладзе, а Барин хрипло ему подпевал:

- Возле водочного ларька! - выл Кузьмич, разливая теплое сорокаградусное пойло по пластиковым стаканам. - Налетай, братья! В добрый путь!

Но покинуть Дно оказалось не так-то легко.

- Ты что, лесная охрана, совсем охуел?! - заорал кондуктор “подкидыша”, как только Крейзи сунул ему вместо билетов выписанные Остроумовым “путевые листы”. - Это что за хуйня?

- Ну... - от такого подхода Крейзи поначалу опешил. - Это маршрутные листы, дающие общественной лесной инспекции право ...

- Иди-ка ты на хуй! - пуще прежнего взбеленился кондуктор. - Какое такое право? Смотри сюда, это что за печать?

- Это печать Полистовского заповедника! - резко ответил Крейзи, постепенно все более раздражаясь. - А вон та, сбоку, печать Комитета по Лесу! И не надо на меня...

- А должна быть печать Министерства Путей Сообщения! - брызжа слюной, перебил Крейзи кондуктор. - Или хотя бы Октябрьской Железной Дороги! На кой хуй мне твой заповедник? Лесоводы нам не указ!

- Так ведь... - начал было Крейзи, но кондуктор был неумолим:

- Все равно не пушу!

Пришлось нам пойти на компромисс: собрать для кондуктора небольшую мзду, за которую он пустил нашу банду (в составе двадцати двух человек) временно ехать в углу вагона и в двух тамбурах. Открыв двери нараспашку, мы с братьями наблюдали, как проносятся мимо заболоченные леса, изредка сменяющиеся унылой панорамой полуразрушенных кирпичных домов и покосившихся от времени сараев. Встречный ветер нес запах болот, к которому иногда добавлялся стойкий привкус солярочной гари - когда ветер менялся и на нас падал шлейф дыма от тянущего “подкидыш” локомотива.

Стремительно вечерело, так что когда мы прибыли в Сущево, небо уже успело сменить свой цвет: из ослепительно-синего стало сначала бледно-розовым, а затем лиловым. Августовские сумерки недолги, так что когда припозднившийся автобус принял нас на борт и направился в Цевло, вокруг уже царила глухая ночь.

Прилипнув к стеклам, мы силились хоть что-нибудь разглядеть в окружающей тьме, но напрасно. Лишь мелькнули вдали огни железнодорожного переезда, да пару раз полыхнули над пустынной трассой фары встречных машин. И больше ничего: над болотами лежал покров темноты, скрывая от нас таинственный город Цевло и его обитателей.

Первый фонарь, который мы увидели на выходе из автобуса, горел над парадной блочной пятиэтажки - дома, где расположен офис дирекции заповедника. Эта квартира находится в угловой парадной на первом этаже и состоит из двух комнат (побольше и поменьше), причем значимую часть большей комнаты занимает принадлежащий директору заповедника огромный Т-образный стол. Возле него стоит металлический сейф и старенький диван, а больше в комнате ничего особенного нет.

Встретил нас один из государственных инспекторов по фамилии Капралов - дюжий дядька самого свирепого вида. Он объяснил нам, что Остроумова на месте нет, так что придется нам пока что обойтись без него. Капралов предложил нам устраиваться на ночлег в помещение дирекции, предупредив, что назавтра нам предстоит прослушать инструктаж,делиться на группы и отбыть в подготовленные для нас "базовые лагеря". Но на вопрос, что же это за лагеря, Капралов отвечать отказался.

- Утро вечера мудренее, - сказал он, как отрезал. - Завтра все узнаете! А пока что доброй ночи, пойду я. Отдыхайте.

Основная часть нашего инспекторского коллектива расположилась в большой комнате на диване и на полу, а маленькую комнату занял под свои нужды Крейзи. С ним вместе поселились Наташа и Максим (героиновые барыги с Сенной, отправившиеся с нами в надежде на лоне природы избавиться от поразившей их опиатной зависимости и за это спонсировавшие нашу экспедицию кислотой и коноплей), а также неведомо как вписавшиеся в этот блудняк юноша и девушка, дальние знакомые нашего Крейзи.

В нашей компании они производили до крайности неуместное впечатление - слишком цивилизованные, чересчур культурные, с ног до головы изнеженные горожане. Кроме них в той же комнате поселилась Кристина - молодая и довольно-таки страшная девка, обитавшая в дворах неподалеку от Крейзи и сумевшая каким-то образом прибиться к нашему коллективу.

Устроившись в своем логове, Крейзи развел в ложке кислоту и принялся выкликать товарищей к себе. Так что когда я решил выйти из офиса на улицу, в моей крови, словно весенний снег, таяли крохотные белесые кристаллы. Зажимая локтевой сгиб левой рукой, я вывалился из подъезда под качающийся свет электрического фонаря и принялся озираться по сторонам. И то, что я увидел, мне здорово не понравилось.

Половина окон в нашей пятиэтажке оказалась выбита, кое-где проемы заделали фанерой, да и то не везде. Свету почти нигде не было, большинство квартир выглядели нежилыми. Соседний дом по той же улице стоял совсем темный, а дальше мгла размывала все очертания - покосившейся трансформаторной будки, ржавых цистерн и приземистых бетонных гаражей.

Сумрачное небо тяжело нависало над этой мрачной перспективой, далекий собачий вой сверлил уши, словно тупой бурав. Было во всем этом что-то от маленьких городков, где традиционно происходит действие романов Стивена Кинга - атмосфера упадка и запустения, привкус ржавчины в воздухе и дурманящий голову запах сфагновых болот.

Нечто впереди привлекло мое внимание, и я прошел несколько десятков шагов, чтобы получше это рассмотреть. По мере того, как я удалялся от подъезда, моему взору открывалась картина бетонированной детской площадки и старых качелей, грубо сваренных из двухдюймовых металлических труб. Их П-образная конструкция сиротливо торчала из растрескавшегося бетона, кое-что в ней манило меня, цепко удерживая взгляд.

Подвижная часть качелей была набрана из железной трубы потоньше (диаметром сантиметра три), но покачаться на ней больше не представлялось возможным. Какая-то немыслимая сила в два с половиной оборота намотала сварные качели на одну из опорных стоек, зверски искорежив и погнув крепкие стальные трубы. Некоторое время я стоял, размышляя, каким образом это удалось сделать, а потом отправился назад, накрепко запечатлев в памяти это первое и одно из самых сильных впечатлений о Цевле.

В скором времени мы выяснили, что город не так пуст, как кажется поначалу. За нашей пятиэтажкой начинается бетонный забор, вдоль которого тянутся выведенные на поверхность трубы центрального отопления. Кримсон с Гоблином, отправившись на прогулку, обнаружили на асфальтовой дорожке возле забора группу местной молодежи, тесно сгрудившуюся возле старенького мотоцикла.

Местные тихо беседовали между собой, время от времени бросая в сторону наших товарищей настороженные, недобрые взгляды. Рдели в темноте багровые огоньки сигарет, но больше ничего было не разглядеть – вместо людей виднелись лишь темные, расплывающиеся силуэты.

Топ, топ, топ – звуки шагов гулко разносились в ночной тишине, пока наши друзья потихонечку сокращали дистанцию. По мере того, как таяло расстояние, фигуры стали более четкими, вскоре стало возможным рассмотреть даже одежду и обувь: спортивные штаны, куртки от рабочих спецовок и вездесущие кирзовые сапоги. Местные стояли тесно, а в их позах явно читался невысказанный вопрос. Впрочем, невысказанным он оставался недолго.

- Эй, братва, - подал голос один из местных парней, - откуда такие будете?

- С Питеру, - отозвался Кримсон и тут же переспросил:

- А что?

Так завязался разговор, который (вопреки ожиданиям) стартовал без агрессии и каких-либо взаимных недоразумений. Напротив, после фляжки спирту и пары косяков между сторонами установилось нечто, отдаленно напоминающее взаимопонимание.

- Послали нас охранять это ебучее болото, - толковал Кримсон, а Гоблин кивал и поддакивал:

- А оно нам надо? Просто пиздец! До сих пор в полном ахуе!

По здравому размышлению, местному населению было решено представить ситуацию так, будто в охрану заповедника мы вписались не по своей воле, а “условно-добровольно”, как в случае с военными сборами. Мы рассчитывали таким образом заронить в души местных селян крупицы сочувствия, переложив ответственность за свои будущие действия на третьих лиц. Это было не так уж и глупо, учитывая тот факт, что в поселке Цевло проживает около восьмиста человек (из которых охотничьего оружия нет разве что у пятилетних), а наших приехало всего два десятка (вооруженных пятизарядным помповиком, представляющим весь огнестрельный арсенал нашей природоохранной организации).

Постепенно разговор сместился на менее глобальные темы, а еще через полчаса крепко подпившему Кримсону захотелось покататься на мотоцикле. Он, видите ли, не катался уже несколько лет - с тех пор, как хорошенько разогнался на своей “Jawa 350” по проспекту Космонавтов, неподалеку от Крейзинового дома.

В этом месте проспект Космонавтов пересекает Бассейную, разделяя на две части огромный пустырь, на котором располагается СКК²²⁸. Вышло так, что на перекрестке путь мотоциклу Кримсона преградил автомобиль BMW неожиданно вылетевший на дорогу со стороны Бассейной. Черные полированные борта приближались с чудовищной скоростью, за тонированным боковым стеклом смутной тенью мелькнуло перекошенное лицо.

Тормозить было поздно, поэтому Кримсон начал заваливать мотоцикл на бок, уводя его сторону, так что в следующую секунду его машина миновала перекресток и вылетела на газон. Какое-то время Кримсону казалось, что он сумеет удержать мотоцикл, но тут переднее колесо подвело его и провалилось в открытый люк. Передняя вилка лопнула, самого Кримсона выкинуло вперед, а через миг на него приземлился изувеченный мотоцикл.

Это приключение не только лишило Кримсона мотоцикла, но и добавило к его обширной коллекции еще несколько шрамов. И если бы местные в Цевле, хозяева мотоцикла (оказавшегося, как по волшебству, точно такой же “Jawa 350”), знали эту историю, они вряд ли доверили бы его Кримсону. И были бы полностью правы.

²²⁸ Спортивно-Концертный Комплекс им. В.И. Ленина.

Взобравшись на мотоцикл, Кримсон положил руки на руль, завел двигатель и с наслаждением потянулся. Затем он чуточку поиграл ручкой газа, с видом знатока вслушиваясь в звучание мотора, а затем кивнул и дал полные обороты.

Окружающие пикнуть не успели, как он поставил мотоцикл на дыбы, пролетел по асфальту с десятков метров и на полном ходу врезался в бетонный забор. Раздался грохот, сопровождаемый надсадным скрежетом металла, взметнулось густое облако каменной крошки – и все. Наступила полная тишина.

- Еб твою мать, - прошептал один из местных парней, - глазам своим не верю! Как вы думаете, он жив?

Единственный источник освещения - фара на мотоцикле - разбилась вдребезги, так что стало совсем темно. Еле виднелись обернутые в стекловату контуры труб, а вот мотоцикла (вернее того, что от него осталось) совсем не было видно. Так что когда местные со всех ног подбежали к месту ДТП, им не удалось сразу же обнаружить Кримсона.

- Где он? - недоумевали они. - Куда делся? Может, его на сторону отбросило? Ищите на земле!

Забегая вперед, скажу, что этим поискам не было суждено увенчаться успехом. Когда мотоцикл ударился в стену, Кримсона отбросило назад, по счастливой случайности он не получил ни царапины. Чтобы избежать ненужных вопросов, Кримсон потихонечку встал, прошел в тени забора до угла нашей пятиэтажки и был таков. Местные еще какое-то время крутились вокруг, разыскивая его, но так ничего и не добились: подняться в дирекцию и задать свои вопросы всему коллективу они не решились. А Гоблина к тому времени и след простыл.

Утро застало меня на директорском столе. Приоткрыв глаза, я заметил, что укрыт вместо одеяла знаменем нашей организации: отрезом черного полотна с расположенным в центре тонким белым кругом, в который вписаны три растущие из одной точки псилоцибиновые поганки. Это знамя вышила Королева, а привез в заповедник Гоблин, который укрыл меня им перед тем, как с первым автобусом уехать домой. Он с самого начала собирался только проводить нас до места, а потом двигать в обратный путь - в городе его ждали дела. Нас же ожидал утренний инструктаж.

Через час, кое-как приведя себя в порядок, мы расселись по местам и принялись внимать словам Капралова, взявшегося в красках расписывать нам прелести здешнего края.

- Здешняя система верховых болот, - толковал он, - самая крупная на Европейском Северо-Западе России. Она состоит из 15 слившихся болотных массивов, а также из множества мелких речек и озер. Преобладают беслесные сфагновые топи, грядово-мочажинные и грядово-озерковые комплексы. Это типичная система верховых болот Северо-Запада, отличающаяся огромными размерами и высокой обводненностью, участвующая в питании рек Полнеть, Ловать, Редья, Порусья, а также ряда других. Местность здесь неоднородная, кое-где посреди болота имеются возвышения - гряды и озы, а также курганообразные песчаные холмы, густо покрытые лесом. На них...

Рассказ Капралова струился размеренно и неторопливо, открывая перед нашим мысленным взором картины бескрайних топей и дремучих, пропитавшихся влагой лесов. Его голос то появлялся на краю моего сознания, то исчезал, вытесняемый навеванными образами.

- Здешний край изобилует птицами и зверьем, - твердил Капралов. - Тут обитает крупнейшая локальная популяция большого кроншнепа, насчитывающая чуть ли не полторы тысячи гнездящихся пар. На гнездовье есть золотистая ржанка (около 250 пар) и средний кроншнеп (не менее 150 пар), кряква, гоголь, хохлатая черныш. Гнездятся 8 видов и подвидов птиц, занесенных в Красную книгу России: беркут (4 гнездовых участка), черный аист (не менее 2 пар), скопа, европейская чернозобая гагара (не менее 10 пар), большой подорлик, малый подорлик, среднерусская белая куропатка, обыкновенный серый сорокопут.

Как бывший орнитолог, я выслушал перечень птиц не без некоторого интереса. Но вот братья принялись недовольно ворочаться и с унылым видом озираться по сторонам. Видно было, что

такие подробности их не интересуют, и что серый сорокопут им глубоко до пизды. Подметив такое дело, Капралов переложил у себя на столе какие-то бумаги и принялся “резать по существу”.

- Площадь заповедника составляет тридцать восемь тысяч гектар, а еще восемнадцать тысяч приходится на охранную зону. Восемьдесят процентов этой площади представлены непроходимыми болотами...

Тут Барин, до этого момента спокойно дремавший в углу, открыл глаза, привстал со своего места и поднял руку.

- Разрешите спросить, - поинтересовался он, - а чем представлены оставшиеся двадцать процентов?

- Водными пространствами, - в упор глядя на Кузьмича, отрезал Капралов. - Еще вопросы есть?

Вопросов не было, так что Капралов перевел разговор к другим темам, таким, как правильное заполнение бланков соответствующих протоколов. Ради примера Капралов достал из сейфа несколько таких документов и пустил их по рукам. Но уже первый из них вызвал у наших товарищей столь живой интерес, что заседание пришлось на время приостановить.

- Сходи, посмотри, - толкнул меня в бок Кримсон, - на этот шедевр! Эта бумага достойна занять место в нашей коллекции!

Поднявшись с дивана, я подошел к столу и заглянул через спины столпившихся возле него друзей. Протокол был посвящен случаю браконьерства, совершенного одним из местных мужиков в отношении матерого лося. Документ лежал обратной стороной вверх, так что мне хорошо была видна последняя графа - “объяснения нарушителя”. Написанное там поражало своей непосредственностью, очаровывало гибельной четкостью и простотой. “Увидел лося – тихонько убил (число, подпись)”. Вот собственно и все, что было сказано в этой графе.

- Тихонько убил, - одними губами повторил я, перекаывая эти слова во рту и как будто пробуя их на вкус. - Хорошее объяснение, нечего сказать! Немало говорит и о самом человеке!

Еще через пару часов мы разделились на две группы и стали готовиться к отправке в “базовые лагеря”. Крейзи, я, Кузьмич с Ирккой, Влад, Макута, Сержант, Родик со своей женщиной, а также Наташа и Максим должны были на машине отправиться в деревню Сосново Локнянского района, а остальным нашим товарищам предстояло переплыть на лодке озеро Полисто, чтобы заступить на боевое дежурство в деревеньке Ручьи.

Перед отправкой Крейзи отсыпал в отдельный мешок целую кружку дури и торжественно вручил ее отплывающим.

- Сухой паек, - пояснил он. - Удачи вам, братья!

- Принято, - кивнул Панаев, пряча коноплю в карман. - Пока!

Дело происходило на лодочном пирсе, причем большинство наших уже погрузилось в лодку, когда на причал вышли те самые юноша и девушка, дальние знакомые нашего Крейзи. Впереди с оранжевой сумочкой в руках шла девица, а за ней плелся её парень, волоча на горбу оба ихних рюкзака. (Оказалось, что этим двоим тоже выпало плыть на лодке в Ручьи.) Тут надо заметить, что указанные пассажиры и так не слишком вписывались в общую канву, а на пирсе это стало еще более очевидно.

Девушка садилась последней, но неожиданно поскользнулась и довольно-таки сильно качнула лодку.

- Еб твою мать! - рявкнул на неё устроившийся на носу Максим Браво. - Ты могла бы быть поосторожнее!

Никто не ожидал, что эти простые слова возымеют столь грандиозный эффект. Девушка резко вскинула голову, в упор посмотрела на Браво и заявила:

- При мне ругаться матом нельзя! Чтобы больше такого не было! Вы все, имейте это в виду!

После этого она бросила сумочку с фотоаппаратом своему кавалеру, уселась на скамью и принялась с важным видом разглядывать облака. За это время лодку успели оттолкнуть от берега,

так что между ее бортом и пирсом появилась и принялась стремительно увеличиваться прослойка темной, неторопливо струящейся воды. И пока кашлял, заводясь, лодочный мотор, можно было расслышать, как смеется в ответ на эту манифестацию Максим Браво.

- Вы даже не представляете себе, девушка, - сквозь смех произнес он, - как тяжело вам здесь придется!

Страна болот (часть 2): Танцы с ножами.

*“Подумаешь, что за горе -
Болото непроходимо.
Но с нами инспектор Строри
И с нами инспектор Дима!
Откройте скорее двери
Приехал инспектор Фери!”*

Наша группа выдвинулась в путь в полдень, кое-как погрузившись в любезно предоставленный администрацией заповедника автомобиль. Это оказался старенький УАЗ, поместиться в который сумели далеко не все: Влад, Макута и Роман остались в Цевле дожидаться следующего рейса. И пока машина, раскачиваясь на ухабах и дребезжа, отъезжала от здания дирекции, мы видели в приоткрытые окна постепенно удаляющиеся фигуры наших друзей.

Вскоре бетонные постройки по сторонам от дороги закончились, и вокруг трассы снова раскинулся лес. Стояла жара, солнечные лучи падали практически отвесно, пронзая густые кроны и глубоко впиваясь в пропитанную сыростью землю. Кое-где лес отступал, открывая нашему взгляду панораму заброшенных колхозных полей - густое разнотравье, скрывающее фундаменты разрушенных барачных корпусов и проржавевшие части заброшенных металлических ферм.

Примерно через час мы въехали в крупную (домов на триста) деревню Гоголево, от которой всего семь километров оставалось до цели нашего пути - деревеньки Сосново, примостившейся возле самого края болот. Так что мы не стали задерживаться: мелькнула перед глазами длинная вереница домов, появилось и уплыло назад кирпичное здание сельского клуба, а еще через несколько минут по правую руку возникло полуразрушенное здание старой пилорамы. Оно высилось на выезде из деревни, уставившись на дорогу темными провалами окон.

Ближе к Сосново дорога закладывала петлю и чуть поднималась вверх, огибая невысокий холм с расположенными на нем остатками свинофермы. Сразу же за нею начинались дома - невысокие, покосившиеся от времени бревенчатые срубы, крытые рубероидом и потемневшей от времени дранкой. Народу на улицах почти не было, лишь на лавочке возле дороги сидело несколько сморщенных, болезненного вида старух.

Водитель остановил машину возле дома одного из местных инспекторов. Сам хозяин - похмельного вида мужичок с бегающими глазками - встретил нас у крыльца, с подозрением косясь на прибывшее вместе с нами большое начальство. И пока Крейзи и остальные занимались вопросом вселения, я успел разглядеть кое-кого из жителей этой чудесной деревни.

Первым, кого я заметил, оказался местный браконьер по прозвищу Крючок, судя по виду - законченный алкаш. Подволакивая одну ногу, он вышел из-за угла соседнего дома и застыл, уставившись на нас своими тусклыми, слезящимися глазами. У него был опухшее лицо и взгляд, словно пересохший колодец - бессмысленный и пустой. Некоторое время он стоял неподвижно, а затем неторопливо двинулся дальше по улице, то и дело останавливаясь и с интересом оглядываясь назад.

Сказать, что Крючок мне не понравился - значит ничего не сказать. Самое жуткое, что он не был исключением: прочие обитатели деревни выглядели немногим лучше. Складывалось такое впечатление, будто бы мы оказались посреди резервации для генетических вырожденцев - скособоченные фигуры, глубоко запавшие глаза и лица, несущие явные следы перекрестного скрещивания. Впечатление нормальных людей производили разве что хозяин дома да его сосед по фамилии Александров - веселый молодой парень, обитавший чуть дальше по улице вместе с женою и парой малолетних детей.

Пока я рассматривал Крючка, решился "квартирный вопрос". Хозяин выделил нам одну из комнат - ту, что неподалеку от кухни. Это было узкая бревенчатая щель с двумя окнами, один из углов которой отгораживал огромный шкаф. Всего в комнате было четыре кровати - две располагались за шкафом, одна напротив двери, и еще одна возле окна. Мы принялись устраиваться и распаковывать вещи, но тут с улицы до нас донеслись тревожные вести: водитель УАЗа заявил, что ему нужно срочно ехать в Локню, и поэтому прямо сейчас он не сможет забрать наших товарищей из Цевла.

- На обратном пути! - крикнул водила в приоткрытое окно машины, а потом до отказа выкрутил руль и добавил с сомнением: - Хотя это и вряд ли...

- Как так вряд ли? - крикнул Крейзи, но было поздно.

Подняв целую тучу пыли, УАЗ сорвался с места, обогнул по дуге заброшенную свиноферму и скрылся из глаз.

- Е-моё! - выругался Антон, вынимая из металлического портсигара косяк и качая головой. - Парни прилипли!

Вот так Макута с Владом и застряли в Цевле, за компанию с соседом Кримсона Ромой по прозвищу "Сарделечка". Столь необычное Ромино прозвище связано вот с чем.

Как-то раз, отдыхая на Холме, Кримсон заметил Рому, уединившегося от коллектива с мешком, полным свежих сарделек. В тот раз Рому подвели габариты - его жирная туша хорошо виднелась из-за поставленной неподалеку палатки.

- Мое молчание будет стоить тебе половины сарделек, - объявил Роме Кримсон, оглядываясь через плечо на сидящих возле костра братьев. - Думай быстрее!

Но Рома делиться едою не захотел.

- Сардельки привез я, - пробубнил он, торопливо развязывая мешок. - Почему это я должен...

Это было непростительной ошибкой.

- Братя! - обернувшись к костру, во весь голос заорал Кримсон. - Рома сардельки привез!

Когда закончилась драка, на Ромину долю не досталось ничего. Поэтому он принялся ходить кругами и кланяться, а в качестве объекта своих домогательств выбрал Кримсона, в руках у которого было аж четыре сардельки.

- Не будь сволочью, - ныл Рома. - Дай хотя бы одну!

- Был бы ты поумнее, - ответил Кримсон, здорово злой на Рому за то, что тот отказался мудро разделить мешок сарделек пополам, - и у тебя бы их было полмешка! А раз ты такой жадный, то иди-ка ты на хуй!

С этими словами Кримсон взял одну из сарделек, сунул Роме под нос, а затем откусил от нее и блаженно зажмурился.

- Мм... - чувственно прошептал он, - до чего же она охуенная! Прямо слюнки текут!

Этого Рома вынести уже не смог. Почернев лицом, он подхватил свои вещи и быстрым шагом удалился с холма. Прошло совсем немного времени, и его пухлая фигура потерялась между деревьями.

- Смотрите-ка, - рассмеялся ему вслед Гоблин. - Сарделечка обиделся!

- Что-то их не видать, - в который раз сообщил Рома, выглядывая в окно. - Куда они запропастились?

- Ничего, - утешал его Влад. - Времени у нас вагон. Зачем торопиться?

Торопиться и вправду было незачем: обыскав директорский шкаф, Макута и Влад нашли там спрятанную от посторонних глаз полуторалитровую бутылку местного самогона. И, так как офис дирекции оказался на время в их полном распоряжении, предавались в нем размеренному, скрашивающему любое ожидание пьянству.

- Нельзя этого делать! - пытался увещевать их чуточку трусоватый Сарделечка, но друзья даже и не думали его слушать.

- Что еще за “нельзя” такое? - рассмеялся Макута, разливая по кружкам ароматную жидкость. - Лучше выпей с нами!

Но Рома пить ворованный самогон отказался. Вместо этого он принялся нервно расхаживать из стороны в сторону, постепенно (по мере того, как самогона в бутылке становилось все меньше) приходя во все большее возбуждение.

- А если узнают? - беспокойно спрашивал он, то и дело выглядывая в окно. - Что тогда?

Так Рома метался по комнате до тех пор, пока друзья не выпили весь самогон. Тогда он схватил опустевшую тару, долил воды до прежнего уровня и аккуратно поставил бутылку на место. Притворив дверцы шкафчика, Рома думал маленько расслабиться, как на него тут же навалилась очередная проблема.

- Засиделись мы! - неожиданно объявил Макута. - Может, пройдемся? Поищем магазин, пивока выпьем?

- Дельно! - обрадовался Влад. - Пошли!

В хорошей компании время течет быстро: на половине бутылки часы пробили четыре. А когда Макута разливал по кружкам последние капли, над миром распростер крылья августовский вечер - жара спала, а тени домов заметно удлинились. По пустынным сельским улочкам гулял теплый ветер, разбрасывая по сторонам окурки и мусор, песок и белесые куски штукатурки.

На выходе из дирекции друзьям повстречался местный мальчуган, игравший “в ножички” возле трансформаторной будки. На вопрос Макуты насчет магазина он ответил вот как:

- Это вон туда идти надо, прямо между домами. Здание напротив дискотеки!

- А скажи-ка, малец, - поинтересовался Влад, - дискотека у вас по каким дням?

- Сегодня, например, - хитро прищурившись, отозвался мальчуган, - начало ровно в десять.

- Ага! - обрадовался Влад, а Рома, наоборот, заметно обеспокоился:

- Нечего там делать, - запричитал он. - Что еще там будут за люди?

- Не ссы, - оборвал его Макута. - Люди как люди. Пошли в магазин.

Мальчик не обманул - в пыльной витрине магазина отчетливо отражалось приземистое здание Цевлинского сельского клуба. Это оказалась массивная одноэтажная постройка, где по субботним дням крутят музыку и устраивают танцульки. Даже сейчас, за пару часов до дискотеки, перед клубом толпилось десятка два местной молодежи - курили, плевали да раздраженно поглядывали по сторонам.

Как выяснилось много позже (примерно через месяц, во время очередного посещения Цевла), на этой дискотеке с нашими товарищами могли приключиться прескверные истории. Но по счастью, за полчаса до её начала в Цевло пришла принадлежащая дирекции заповедника машина, и Макуту, Влада и Рому погрузили на борт и доставили в Сосново, к остальным. Так что к добру али к худу, но на Цевлинской дискотеке они так и не побывали.

Через несколько дней мы отдохнули, обжились и отправились на свой первый маршрут. Ради этого дела я выпросил у нашего соседа Александрова курковую двустволку шестнадцатого калибра, а Крейзи вооружился пистолетом-пулеметом. По задумке, местные инспектора должны были проводить нас до самого края топей - километров за десять, к месту, где стояла сгинувшая ныне деревенька Свиная.

Там по сию пору сохранилась охотничья сторожка, где должны были занять боевой пост Владик, Сержант и я. Мы должны были провести в Свиной ближайшую пару дней, а остальные намечались нынче же вернуться в Сосново.

В путь вышли на рассвете, по холодку, покуда солнце не начало как следует припекать. Сначала проселочная дорога шла через поля, но у кромки леса нырнула в тень между деревьями. Постепенно местность понижалась, под ногами захлюпало, так что мы на собственном опыте познакомились с принятой между коренными жителями "классификацией местности".

- Вот это называется "посух", - вещал наш проводник, пока мы шли через заболоченный лес, в котором воды было по щиколотку. - Так будет еще километра три, а затем "сос" начнется.

"Сос" - это редкие елки и сосны, торчащие вразнобой из отвратительной жидкой грязи. Воды здесь самое малое по колено, каждый шаг сопровождается мерзким чавкающим звуком, создается впечатление, будто кто-то все время хватается за сапоги. Посреди этого безобразия нам попался брошенный остов автобуса, с неведомой целью втащенный сюда по "зимнику" и здесь опочивший.

- Ну все, ребята, - сказал наш проводник. - Глядите в оба, дальше "мох" начинается!

Он был прав: через полкилометра хилая растительность по сторонам от тропы расступилась. Горизонт открылся нашему взору многоцветным покрывалом из мха, в разрывах которого матово блестела неподвижная черная вода. Утренний туман почти рассеялся, местность просматривалась настолько это только возможно - от края леса до самого сердца болот.

Смутное чувство охватило меня: странная смесь удивления и опустошенности. Взгляд блуждал по раскинувшимся впереди просторам, но ему было не за что там уцепиться. Местность была ровная, словно доска, и лишь у самого горизонта виднелись смазанные очертания покрытых лесом холмов.

- Скажите, уважаемый, - обратился я к нашему проводнику, - а что это там виднеется?

- Не знаю, - буркнул в ответ провожатый. - Я там не бывал!

- А... - опешил я, но потом все же нашелся. - А вы давно здесь живете?

- С рождения, - был мне ответ. - Местный я, родом из Подберезья.

- Как же так? - еще больше удивился я. - Столько здесь живете, а нигде не были?

Тут наш проводник обернулся и посмотрел на меня, словно на законченного кретина.

- Ты вот что, малец, - спокойно произнес он. - Не спеши судить, коли не разумеешь. Возле того урочища топи шестнадцати метров в глубину, а под землею ключи, так что болото даже зимою не схватывает. Нету туда толкового пути, а по бестолковому я не ходок. Коли тебе туда надо - ступай, тут я тебе не указчик. Только ружье отдай, а то Александров по нему скучать будет.

Емко сказал мужик, так что и ответить-то нечего. Видя, что вопросы закончились, наш проводник показал рукою направо, вдоль кромки болот. Местность в этом направлении повышалась, так что целый язык леса выдавался вперед и наподобие клина врезался в раскинувшиеся вокруг топи.

- Вон там была раньше деревенька Свиная, - пояснил наш проводник, - да потом, на беду, совсем запустела. Сторожка только осталась, мы в ней ночуем, бывает. Сейчас по краю пройдем, там старое поле будет, а потом...

Под эти неторопливые объяснения мы дошли до самой сторожки - небольшой скособооченной постройки, примостившейся на давно некошеном лугу. В сторожке была только одна комната два на четыре метра, большую часть которой занимали дощатые нары. Перед ними стояла печка-буржуйка, фанерный столик и табурет, а больше в комнате не было ничего.

- Ну вот, ребята, располагайтесь, - предложил мне, Владу и Сержанту наш проводник. - Жить будете здесь. В случае чего дорогу обратно найдете?

- Обязательно найдем, - ответил Влад, - не сомневайтесь.

- Вот и хорошо. И еще - если из местных кто забредет, вы с ними особенно не церемоньтесь. Не давайте им здесь браконьерничать!

На этом разговоры закончились, и наш проводник ушел, забрав с собой Крейзи и остальных. Постепенно их фигуры скрылись за кустами, а затем смолкли и долетавшие до нас приглушенные голоса. Стало очень тихо: едва шелестел ветер в траве, да тихонько потрескивала растопленная Сержем буржуйка. Так мы остались одни.

Из нашего бдения в Свиной мне запомнилась история местного браконьера по прозвищу "Филин". Мы познакомились с ним утром следующего дня, когда Филин приоткрыл дверь нашей хибары и с порога впился в нас цепким, внимательным взглядом. Вот что он увидел: трое парней вроде как спят, расположившись на нарах ногами к двери и укутавшись одним одеялом. Тогда Филин распахнул дверь до конца, подошел к столу и принялся насмехаться:

- Эй, молодежь, - ехидно толковал он, - а вот если я примусь браконьерничать? Как вы тогда будете меня ловить? Вы же городские, в сельской жизни ничего не смыслите! Ни ружья с собой не взяли, ни...

Так Филин продолжал ерничать до тех пор, пока я не пошевелил под одеялом правой рукой. Из-за этого краешек одеяла у меня в ногах отодвинулся в сторону, и Филину стали видны направленные ему в грудь два черные дула. Ружье я еще с вечера положил вдоль тела, приспособив в ногах валик из куртки таким образом, чтобы стволы были приподняты вверх и смотрели в направлении двери.

Этого оказалось более чем достаточно: Филин свои издевательства тут же прекратил, достал из сумки флягу с молоком и принялся нахваливать нас и угощать сигаретами. Человек он оказался скользкий, зато приятный в общении - такой может зарезать, продолжая улыбаться и травя нехитрые истории из своей жизни.

- Ай-яй-яй! - причитал Филин, разглядывая единственный в сторожке табурет. - Что же это с ним приключилось? Третьего дня совсем целый был, а сейчас...

С табуретом действительно получилось нехорошо: вчера Влад, стреляя из двустволки, начисто отстрелил ему одну из ножек. Решение стрелять в табурет было принято спонтанно, после того, как мы расстреляли половину патронташа в подвешенный на шесте скворечник, но по крайней нажратости так и не смогли попасть.

История с Филином приключилась с утра, а к середине дня мы с Владом выбрались на болота с ружьем, ручкой и стопкою протоколов. Никогда еще я не ощущал своей ненужности так остро, как в этом походе. Вокруг раскинулась голая топь, в которой не было ничего, кроме мха и воды - ни деревца, ни зверя, ни человека.

А и был бы кто, то поймать его все равно не представлялось возможным. Местные знали болота как свои пять пальцев и перемещались по ним с уму непостижимой, сверхъестественной скоростью. А если даже кого и догонишь, так что? Добром тебе здесь никто не сдастся, а угрожать ружьем мне не шибко хотелось. Мы и в скворечник-то не смогли попасть, а местные мужики очень даже неплохо стреляют.

Примером этому мог послужить недавний случай, когда я только-только выпросил у Александрова ружье, и товарищи решили его "опробовать". Для этого мы вышли на край деревни, приладили на сарай картонную мишень и принялись стрелять, да только не шибко-то попадали. Тут мы заметили, как от угла соседнего дома к нам движется какой-то скособоченный, хромоногий старик. Оба глаза у него закрывали мутные бельма, его часто трясло, а из уголка рта вязкой струйкой сочилась слюна.

- Ре-ре-бятки! - заикаясь, прошамкал старик. - Да-дайте стрельнуть!

- Да куда тебе, дед! - удивились мы, но ружье старику все-таки дали.

А в следующую секунду застыли, как вкопанные. Едва старик прикоснулся к оружию, как его руки перестали дрожать, спина выпрямилась, а из глаз исчезла мутная белизна. На секунду взгляд старца полыхнул чистым сапфировым огнем, черты лица разгладились - и два выстрела ударили, как один.

- Спасибо, ребятки, - прошамкал старик, разворачиваясь и уходя обратно по улице. - Повеселили.

Подойдя к мишени, мы увидели, что оба жакана старик положил так кучно, что и пальца не всунешь. Позже мы узнали, что этот старик приходится дедом Крючку, и в бытность свою молодым слыл первейшим стрелком на всю область. Так что стоит пять раз подумать, прежде чем угрожать такому деду ружьем.

Из Свиной мы вернулись только к вечеру следующего дня. Вышло так, что возвращались мы впятером - нынче ночью к нам пришли Родик и Ирка, которые принесли нам еще самогону и коноплю. На обратном пути мне удалось собрать на окрестных лугах пригоршню псилоцибиновых поганок, так что домой я шел в отличном настроении, премного довольный собой.

Оказалось что пока нас не было, пришли известия из базового лагеря "Ручьи", от остальных наших товарищей. Пришли, разумеется, не сами по себе: их принесли в Сосново Кримсон, Королева и Фери, а вместе с ними притащилась еще и Кристина. Давайте же выслушаем историю их путешествия в Ручьи и обратно в исполнении Королевы:

"Выплывали мы в кислоте, так что я не очень-то это помню. Карцев нас вез, здоровый такой местный мужик. Первое, что мы увидели, когда до места доплыли - остров на болоте, а на нем какие-то деревянные строения. Причем наиболее приличное - местный инспекторский дом. Там

внутри даже холодильник был, а еще там была русская печь, на которую Стори и Браво залезли. Сказали, что больше никого туда жить не пустят.

Потом мы с Фери пошли клюкву собирать и накурились перед входом на болото, а там береза здоровая стояла, прямо на краю леса. У Фери с собой топор был, он обтесал половину березы, а у меня оказался маркер. Вот я и написала там крупными буквами: “Здесь была природоохранная инспекция!”

Затем собирали клюкву и видели, между прочим, урочище “остров Темненький”. Там вокруг мох красный от клюквы и корявые березки, а далеко-далеко, словно в тумане, видно что-то такое непонятное, маленькое совсем. Тут этот мужик, который с нами был, и говорит: “Это остров Темненький виднеется”. Вот мы и подумали - ага, блядь, остров Темненький, самый край мира!

Потом с овцами вышла история. Они у нас возле самого дома паслись, и я решила - будет хорошей шуткой, если накрошить на ступеньки маленькие кусочки хлеба. Там крутые такие ступеньки перед входом в дом, вот я и накидала на них хлеба аж до самой комнаты. Понятное дело, овцы всей толпой поперлись прямо туда. А я захожу перед ними и говорю: “Пацаны, к вам овцы пришли”. Наши сначала не поняли, а тут действительно - овцы прямо в комнату входят.

Затем мы поплыли на рыбалку - я, Кримсон, Фери и Тень. А весел не было, так что отталкивались шестом. Но Фери упустил шест, так что мы посреди протоки на лодке встали - вообще никак, хоть кричи “помогите”. Хорошо, там топор лежал, вот Кримсон и говорит: “Ты, Фери, шест упустил - тебе и грести”. И Фери греб обратно топором.

Тут мы узнали, что у мальчика и девочки, которые с нами были, есть фотоаппарат. Мы им говорим: “Дайте его нам, мы хотим фотографироваться!”, а они: “Нет, ни хуя, у нас мало пленки осталось”. Тут мы и замыслили недоброе. У Панаева оказалось с собой семьдесят колес паркопана, вот и мы и решили: когда эти гады сядут пить чай, мы его растолчем и подсыпшем им в сахар. А потом заведем их подальше на болото и бросим. Спрячемся от них, и пускай они пиздуют под паркопаном куда хотят. А мы вернемся, и все их вещи себе заберем.

Спас их Карцев, который приплыл на лодке и говорит: “Так и так, я сюда только через неделю приплыву, так что если кто хочет, валяйте со мной”. Ну а мне надо было в институт, и эти мальчик с девочкой тоже уезжали, и Кримсон, и Фери, и Кристина эта несчастная. На нее уже всюю Браво посматривал, все думал, как будет ее ебать.

Кристина это просекла и все за Кримсона пряталась, чтобы он ее от Браво спас. Браво со Стори уже специальную занавеску приспособили на печи, но Кристина узнала про это и от Кримсона ни на шаг. До того перепугалась, что когда уезжала, половину своих вещей оставила в Ручьях.

Карцев сказал, что ему на бензин нужно семьдесят рублей. Тогда я пошла к этим хуилам с фотоаппаратом и говорю: “Отсюда на лодке плыть стоит семьдесят рублей с человека”. Взяла с них денег, половину отдала Карцеву, а половину оставила себе. Помню, что неплохо на них нажилась - яблочный самогон в Цевле стоил тогда за поллитра пятнадцать рублей.

Между прочим, первое, что мы увидели по возвращению в Цевло - это местных, которые чинили разбитый Кримсоном мотоцикл. И как-то очень недобро на нас поглядывали. Видно, они его всю прошлую неделю ковыряли. Мы мимо них просочились втихую, пошли в магазин и закупили там бухла, а потом завалились в дирекцию и начали там “зажигать”.

Помню, как я монолог Гамлета на столе читала, а потом упала и перевернула стол. Наутро мы решили, что в город ни хуя не поедem, а лучше навестим товарищей. Тут как раз в контору Капралов пришел, вот мы его и спрашиваем: “Как идти до Сосново?” А он нам в ответ: “До Сосново шестьдесят километров идти, причем первые сорок пиздовать, а еще двадцать - хуярить”.

Так что мы весь следующий день шли - то по шоссе, а то проселками, вдоль каких-то ебаных деревень. На середине пути у Фери подрыв начался, он вырвался вперед и бежит. Мы уже его и за лямки сзади дергали, и кричали: “Фери, не гони!”. А он нам: “Не мешайте, у меня открылось второе дыхание!”

Под вечер, когда солнце стало садиться, мы основательно заеблись. Никакая машина нас не подвозила, вот мы и легли на обочину. Странное у нас было состояние - не знаем, ни куда идем, ни сколько еще идти осталось. Легли прямо не снимая рюкзаков, и вдруг видим - едет мимо нас бензовоз. А до этого мы голосовали и так, и этак - и никто не останавливался. А тут Фери поднимает руку, легонько так, едва-едва - и бензовоз остановился!

Мы с Кристиной забрались в кабину, а Кримсон и Фери влезли на подножки и ехали так. Водилой оказался некто Гена Баранов, который из Гоголево. Он-то нас сюда и привез”.

С указанным Геней Барановым связана презанятнейшая история, хорошо показывающая царящие в Псковской области нравы. У этого Гены был младший брат, который проживал в Гоголево в собственном доме с женою и двумя детьми. Раз между братьями вышел разлад, который Гена урегулировал следующим образом: подпер дверь в дом брата доской, облил стены керосином и поджег. Брат сгорел вместе со всей семьей, но Гене никто даже слова поперек не сказал. С чего бы, спрашивается, ведь это был его брат!

- Сгоревший-то брат был младшенький! - прокомментировал это дело охочий до сплетен Крючок.
- А отца у них нет, так что Гена полностью в своем праве. Виданное ли дело, поперек старшего выступать? Вот если бы наоборот вышло, тогда бы люди этого сильно не поняли!

Историю Баранова мы узнали вечером в субботу, в день нашего возвращения из Свиной. А когда свечерело, Макута припомнил, что в местных селах есть обыкновение крутить по выходным дискотеку, и что неплохо было бы ее посетить. Дескать, они с Владом одну дискотеку уже пропустили, и нехорошо было бы облажаться и со второй.

По ходу расспросов выяснилось, что в Сосново своего клуба нет, и что танцулек здесь не проводят. Местным культурным центром считается деревня Гоголево. По слухам, тамошняя дискотека пользуется огромной популярностью, туда едут за пиздюлями люди со всего края, некоторые аж с самого Подберезья. Решили посетить эту всенародную Мекку и мы.

В путь выдвинулись почти всем коллективом, на всякий случай взяв с собой длинные, остро отточенные ножи. По сторонам от дороги лежал стылый сумрак, над асфальтом плотной стеной высился вечерний туман. Его липкие языки поднимались с окрестных полей, скрадывая звуки и превращая окружающее в череду смутных, постоянно меняющихся картин.

Минут через сорок впереди замаячило пятно желтого света, и в тумане начали материализовываться очертания заборов и смутные контуры деревенских домов. Вскоре световое пятно распалось на отдельные составляющие - превратилось в стоящие у дороги фонари, туман схлынул, и мы оказались в деревне.

По сторонам от дороги потянулась длинная череда домов, кое-где горел свет, в приоткрытые окна доносились звуки работающих телевизоров. Вскоре впереди замаячило здание Гоголевского сельского клуба - одноэтажная кирпичная постройка, подсвеченная лучами нескольких фонарей.

При входе в клуб перед нами встал выбор: комната налево от входа и небольшой зал, вид на который открывается по правую руку. В зале никакой мебели нет, на стене напротив дверей повешена елочная гирлянда, а всю музыку создает обычный двухкассетный магнитофон. Здесь пляшет целая толпа томящихся от похоти пьяных баб, а вот комната слева служит совсем иным целям.

В прямоугольном помещении установлены обычные школьные парты, за которыми здешние молодцы пьют самогон, обмениваются мнениями и играют в “козла”²²⁹. Воздух в помещении

²²⁹ Здесь: карточная игра в двух номинациях: “пара на пару” и втроем, то есть “на мизер”. Любопытно, что при парной игре партнеры используют так называемые “мигалки”, посредством особой жестикуляции показывая друг другу розданные карты и сговариваясь о будущей стратегии игры. Для этого применяются специальные жесты, обозначающие старшинство карт и значение мастей, причем игроки стараются не только скрыть собственные “переговоры”, но и подметить и правильно расшифровать “переговоры” противника. Все это делает “козла” одной из

словно наэлектризован, здесь царит предгрозовая атмосфера, способная в любой момент разразиться молниеносными пиздюлями. Чужаков здесь не любят, но для гостей из Питера местные сделали исключение. Трудно сказать, как так вышло, но через полчаса после нашего прибытия мы уже сидели за партами и вовсю квасили самогон.

Жаль, но с этой дискотеки мне запомнилось совсем немного. А спросить-то не у кого - остальные помнят едва ли больше меня. Помню, как крутились в сумасшедшем танце выкрашенные в желтый цвет стены, когда мы всей толпой направились плясать в общий зал. Музыка била в уши, будоража кровь, ноги сами собой пустились в пляс, а в следующую секунду у товарищей в руках появились ножи. В переменчивом свете елочной гирлянды тускло вспыхнула отточенная сталь, местные девки бросились в стороны, и на середину зала выскочил Фери.

Подпрыгивая и кружась, Фери исполнил самый удивительный танец с ножом, который я когда-либо видел. Доски пола скрипели и содрогались, когда Фери приземлялся на них своими пятнадцатью килограммами, а в руках у него блестел крошечный ножик-брелок, с лезвием всего в пять сантиметров. Фери держал его двумя пальцами, чуточку приподняв над головой, а вокруг прыгали остальные, размахивая жуткого вида финками и тесаками.

Как мы вышли с этой дискотеки - не помню, но до дому мы добирались в кузове старенького “ЗИЛа”, принадлежащего одному из местных парней. Вместе с нами ехали человек пятнадцать гоголевских, а по дороге вышла вот такая история. Виновником её оказался водитель, пьяный в такое “говно”, что это трудно представить.

По дороге до Сосново водила мчал, будто его черти гнали: где девяносто, а где и все сто. Все это время я ехал на крыше кабины, свесив ноги на лобовое стекло, и орал песни. По ходу дела я с удовольствием наблюдал, как стремительно появляются и исчезают в свете фар различные придорожные объекты: мокрые кусты, холмы да овраги. За моей спиной три десятка глоток выводили пьяные песни, слитный вой разносился далеко окрест, будоража крошечные придорожные села.

Так мы и ехали, покуда я не заметил, что водитель на скорости высунулся в окно и блюет на дорогу. Для этого он вылез в окно едва ли не по пояс, согнулся пополам и оперся обеими руками о дверцу. Желая убедиться, что кто-то из находящихся в кабине в это время держит руль, я заглянул в окно и увидел, что второй пассажир кабины крепко спит. Тогда я принялся изо всех сил колотить по крыше кабины, но понимания не нашел. Скорее уж наоборот. Вместо того, что бы вернуться к управлению автомобилем, водитель прекратил блевать, извернулся в окне и заорал:

- Хуй ли колотишь, сука? - с этими словами он попытался ухватить меня за ногу и стащить вниз. - Всю крышу помял!

Так он разорвался, покуда из кузова не высунулись его товарищи и не порекомендовали ему в самой настоятельной форме:

- Миша, пидор, спрячься внутрь и веди машину!

И хотя водитель еще не раз высовывался в окно и орал, что я помял ему крышу и что мне следует дать пизды, общественность его не поддержала. Под его крики мы прибыли в Сосново, причем увлеченный спором водила не рассчитал, снес ЗИЛом забор и въехал прямо на огород.

В это время оставшийся дома Крейзи приготовил все для спокойной наркоманской вечеринки: зажег свечи, поставил по углам комнаты благовонные палочки и развел в ложке кислоту. Ему грезилась ночь, полная видений, но вместо этого в комнату ворвалось два с половиной десятка пьяных в уматину человек.

Расположившись на кроватях и на полу, мы принялись обмениваться с местными различными историями (нам было о чем им рассказать), попутно играя в нашу любимую командную игру - “пиздуна перекатного”.

Суть этого мероприятия заключается вот в чем: сначала люди рассаживаются в круг, а затем один (номер первый) легонько толкает своего товарища (номера второго) в плечо. Тот толкает третьего, но уже сильнее, третий бьет в плечо четвертому, тот лупит пятого, пятый передает этот пиздюль шестому, и так далее. Понятное дело, что играть в эту игру следует только по пьяни, сочетая указанные правила с вот какой нехитрой придумкой.

Наши товарищи расселись рядком, друг возле друга, и гоголевские поступили точно также. Поэтому у круга получились две очевидные “половины”. Начал игру Кримсон, который легонько толкнул Фери в плечо и попросил:

- Передай дальше!

Фери просьбу исполнил, ткнув в плечо сидящего справа от него Кузьмича, тот стукнул меня - и понеслось. Вскоре, покинув нашу половину круга, “пиздун” покатился по гоголевским парням. Учитывая тот факт, что от нас от ушел “уже вполне взрослым”, приходилось им нелегко. Некоторые после очередного “тычка” не удерживались на стульях и с грохотом валились на пол.

Вскоре круг кончился, и “пиздун” докатился до соседа Кримсона слева. Тогда Кримсон, желая избежать незавидной участи, выждал момент, когда его сосед только-только получит увесистую плюху, и тут же ударил сам.

- В обратную сторону! - громко объявил он. - Задний ход!

Так “пиздун” покатился обратно, под оглушительный хохот собравшихся сшибая со стульев пьяных в доску людей. Этой ночью “пиздун” катался по комнате еще множество раз, пугая шумом соседей и не давая деревне заснуть. Лишь под утро местные погрузились в кузов грузовика и разъехались по домам, пьяные крики смолкли, и в деревеньке Сосново наступил мир и покой. Впрочем, совсем ненадолго.

Страна болот (часть 3): Черное знамя.

*“Товарищ, верь и надейся
Наше дело - правое!
Забивает траву Крейзи,
Варит кокнар Bravo!”*

Я проснулся от оглушительной ружейной пальбы. Кое-как продрал глаза, я вышел на крыльцо и увидел пьяных “в дымину” Кримсона и Кузьмича, вооружившихся помповиком и двустволкой. Веселясь и посмеиваясь, братья постреливали по стоящему на краю огорода дощатому сараю. Похоже было, что они куда-то собрались: нацепили патронташи и рассовывали по карманам закуску и бухло.

- Утро доброе! - поприветствовал их я. - Вы куда?

- На озеро, - шатаясь, ответил Кузьмич. - Уток бить!

Судя по всему, братья со вчерашнего еще не ложились - раз уж собрались охотиться на уток с патронташами, полными картечи и пуль. Я-то точно это знал: патронташи у них были Крейзин и Александрова, ни в одном из них ни крупинки дробы не было. Но когда я указал им на эту несущую, Барин резко развернулся на месте и навел на меня ружье:

- У тебя ружье есть? - хрипло спросил он. - А?

- Нет, - как можно мягче ответил я, начиная понемногу нервничать (так как заметил, что взгляд у Кузьмича стал белесый, а лицо подозрительно вытянулось). - Ты успокойся, Кузя, ведь это же я...

- Головка от хуя! - перебил меня Барин. - Без ружья, а туда же! Советы мне подает!

С этими словами Кузьмич спустился с крыльца и пошел по направлению к калитке, а следом за ним отправился Кримсон. Повернув за угол, братья скрылись из глаз, но их путь сквозь деревню все равно можно было проследить. Ветер то и дело доносил до нас звуки беспорядочной стрельбы - сухой бой двустволки и гулкое уханье помповика.

Вернулись "охотники" только к обеду. Уток они не принесли, зато притащили рубаху Кримсона, в клочья изодранную картечью. Когда-то это была прекрасная цветная рубаха, но теперь от нее остались лишь разноцветные лоскуты. Вышло это так.

Забравшись на холм у окраины деревни, товарищи некоторое время пили самогон, разглядывая ленту дороги, пролегающую возле самого подножья. Наконец они заметили фургон скупщиков клюквы, движущийся по шоссе со стороны Гоголево в направлении Сосново.

- Ну и пидоры! - возмутился Кузьмич. - Вот мы им сейчас!

Частные скупщики являются важным звеном "незаконного оборота клюквы", выполняя роль посредников между крупными заготконторами и населением. В те годы за килограмм "некатаной" клюквы перекупщики платили 4 руб 30 коп., а за "катаную"²³⁰ давали аж 6 руб. Для сравнения, тот же килограмм перекупщики сдают финским заготовителям по цене 1USD, что, согласитесь, составляет очень нехуевую разницу.

Подпустив фургончик поближе, Кузьмич и Кримсон залегли в траве и принялись обстреливать барыжную машину из двустволки и из помповика. Про уток к этому моменту братья и думать забыли. Дистанция была великовата, картечь дотуда не доставала, но пара жаканов, похоже, все-таки долетела и попала в крышу фургона. Во всяком случае водитель резко остановил машину, развернулся и на полном ходу заспешил обратно.

- Эх! - довольно произнес Кримсон. - Лепота!

Разойдясь по полю метров на двадцать, братья затеяли новую потеху, которая называется "пятнашки с дробовиком". Для этого они спрятались в траве и принялись выцеливать друг друга, сопровождая все это ожесточенной пальбой.

Кримсон, желая использовать преимущество своего оружия (он был вооружен пятизарядной помпой), снарядил полный магазин патронов. Затем он парой выстрелов вынудил Кузьмича прижаться к земле и только тогда побежал в атаку. Ружье Кримсон держал у пояса и время от времени стрелял, чтобы Кузьмич не вздумал поднять голову.

План Кримсона был хорош, и если бы у него в руках оказалась, скажем, восьмизарядная помпа - Кузьмичу бы не поздоровилось. Но когда Кримсон почти добежал до того бугорка, за которым укрылся Барин - он вдруг понял, что патроны у него кончились. На его беду, понял это и Кузьмич, который тут же высунулся из своего укрытия и выстрелил в направлении Кримсона оглушительным дуплетом.

Жизнь Кримсону спасло то, что он вовремя бросился на землю. Но его прекрасная цветная рубашка была растегнута, и пока Кримсон падал - порыв ветра горбом задрал ее у него на спине. Именно туда и пришились выпущенные Кузьмичом два заряда картечи.

Вечером этого дня у нас стало заканчиваться спиртное, и мы принялись спешно снаряжаться на его розыски. В Сосново самогона не продают, так что пришлось нам отправляться за бухлом в местный культурный центр - деревню Гоголево. Туда было отправлено сразу несколько экспедиций, из которых мне запомнились две.

Первыми в путь отправились Макута и Влад, собрав со своих товарищей (то есть с Сержа, Родика и Ирки) известную сумму и пообещав вскоре вернуться назад с двумя литрами самогона. Вместо этого они отсутствовали часов пять, а самогона принесли едва ли двести грамм, на донышке полуторалитровой бутылки.

²³⁰ Клюква, очищенная ото мха и посторонних примесей посредством прокатывания по наклонной столешнице или широкой доске, установленной на ветру, либо же методом "пересыпания".

Следом за ними в путь отправились Королева и я. Своих денег у нас уже не было, но Королева нашла пятьдесят рублей, шаря по карманам одетой на неё Фериной разгрузки. Так что самогон мы все-таки купили, а обратно в Сосново нас вез на мотоцикле один из гоголевских парней.

Так как я взял с собой в дорогу двустволку, мне пришла в голову вот такая мысль: выстрелить на ходу в знак, отмечающий начало охранной зоны заповедника “Полистовский”. И поскольку ради этого я перестал цепляться за водителя, а сидящая позади Королева держалась только за меня - отдачей нас обоих опрокинуло на дорогу.

Покуда мы ездили в Гоголево, товарищи истопили у нас на участке баню. Королева и Кримсон решили раскуриться, для чего взяли подаренный Крейзи индеанистами в знак примирения глиняный чилим²³¹. Уединившись за домом, они собирались пыхнуть, но тут, как назло, появился Фери.

- Что это вы делаете? - лукаво спросил он. - Никак курить собрались?

- Ага, - ответил Кримсон, незаметно убирая чилим в карман. - Вот только папирос у нас нет. Вот если бы ты нашел папироску, мы бы тут же раскурились.

- Сейчас найду, - обрадовался Фери. - Я мигом!

Фери убежал за дом, и тогда Кримсон достал из кармана чилим, забил в него оставшийся план, поднес огонь и с наслаждением затянулся. Ночь была ясной, товарищи лежали в густой траве, глядя на раскинувшийся над их головами купол осенних звезд. Неторопливо потрескивали в чилиме конопляные семечки, ароматный кумар поднимался вверх, смешиваясь с пряным запахом сена и смолистым дымком от растопленной бани.

Когда вся шала прогорела, Кримсон наклонил чилим и легонько, едва-едва постучал по нему указательным пальцем. Он хотел вытрясти оставшийся пепел, но духи чилима рассудили иначе. Устыдившись лицемерного обмана, невольным участником которого он нечаянно стал, чилим с треском раскололся на две половины.

Одна из них осталась в руках у Кримсона, а другая упала в траву - и в ту же секунду из-за угла дома выскочил Фери. Он бежал, сжимая в высоко поднятой руке папиросу, и радостно кричал:

- Друзья, я нашел! - издалека звал он. - Я нашел папиросу!

Наутро выяснилось, что наши бесчинства переполнили чашу терпения хозяина дома. Выйдя на крыльцо, он с ужасом осмотрел раздавленный ЗИЛом забор, разоренные грядки, расстрелянный сарай и все остальное. А затем заявил, что нам придется съезжать.

В качестве новой базы нам предоставили давным-давно заброшенный дом, принадлежащий семейству Крючка: стоящую на отшибе халупу с видом на старую скотобойню. Во всем доме была только одна комната с дощатым столом и покосившейся русской печью, оклеенная старыми обоями, превратившимися в лохмотья и повсеместно отслаивающимися от стен. Как вскоре выяснилось, этот дом облюбовали еще одни постояльцы.

Оказалось, что в щелях под обоями гнездится чудовищное, невообразимое количество мух. Никто не взялся бы их пересчитать, но когда кто-нибудь входил в комнату, на стенах тут же начинала шевелиться и жужжать отвратительная черная туча.

Глянув на это впервые, мы едва не охуели - но делать было нечего. Запасшись в местном магазине баллонами с дешевым дезодорантом, мы взяли зажигалки и за несколько часов выжгли всех мух до единой, чудом не спалив при этом сам дом. Без шуток, после этой экзекуции мы вывели из комнаты не меньше полутора ведер обугленных мушиных трупов.

Расправившись с мухами, мы как могли прибрались в доме, а затем водрузили над коньком крыши наш флаг. Дом отлично просматривался с дороги, и теперь любой, кто въезжал в деревню, первым делом видел развевающееся черное полотнище с поганками.

²³¹ Чилим - прямая трубка для курения лежа.

Но, хотя обустроивались мы надолго, оставаться в заповеднике собирались далеко не все. Наступила осень, у многих предвиделись дела в городе - так что товарищи побыли с нами еще пару дней, а потом сели на автобус до Локни и разъехались по домам.

Уехали Макута и Влад, Сержант, Родик и его Ира, укатил истомленный пьянством Кузьмич (забрав с собой свою Ирку), уехали Кримсон, Фери, Сарделечка и Королева. Даже Кристина погрузилась в автобус и уехала.

Двери-гармошки закрылись, автобус съехал с холма и плавно покатил в направлении Гоголево, оставив в Сосново меня, Крейзи и вялых от нехватки героина Наташу с Максимом.

Впрочем, в стратегическом плане мы были не так уж и одиноки. Где-то мыкали судьбу еще трое наших товарищей, затерянные в самом центре великих болот. Этими героями были оставшиеся в Ручьях Строри, Браво и Тень. И, поскольку никакой связи с ними не было, мы решили предпринять вот что.

По слухам, в инспекторском доме в Ручьях работал радиоприемник, ловивший единственную станцию - псковское областное радио "Пилот". У Александра в доме был телефон, поэтому мы позвонили на студию и попросили передать сообщение для наших товарищей. Но наши голоса, обратившись в волны ультракороткого диапазона, лишь напрасно ионизировали воздух над исполинскими топиями. Ни весточки ни пришло в ответ, связи не было, так что мы не знали уже, что и думать.

Так продолжалось еще примерно с неделю. Мы по целым дням пропадали в патрулировании, осваиваясь с местностью и помаленечку обучаясь стрелять. На третьей неделе нашего пребывания в заповеднике я вполне мог подстрелить с полста метров пустое ведро, а проклятый скворечник в Свиной висел на шесту совершенно изрешеченный.

Вечерами мы с Крейзи садились возле печи и вели степенные разговоры, слушая, как мечутся в абстинентном бреду несчастные Наташа и Максим. Им было нехорошо: они не то что на болота, а и к колодцу-то выйти не могли. Они вели разрушительную войну с собственными демонами, когда из Ручьев прибыл видный демоноборец, блистательный специалист, чье появление в один момент поставило Наташу и Максима на ноги.

Это произошло вечером. Мы как раз расположились у печи и глядели в огонь, когда на крыльце послышались шаги, дверь приоткрылась, и в комнату вошел Браво. Оказалось, что с утра он выехал на лодке из Ручьев, днем был в Цевле, а затем прошел больше тридцати километров по болоту и лесными дорогами. В конце концов он пересек границу штатов (Бежаницкого и Локнянских районов) и оказался тут.

На Наташу и Максима появление Браво подействовало, словно ушат холодной воды. Надо заметить, что у них были к этому веские причины. Наташа и Максим были профессиональные барыги, а основной работой Браво в то время было "выставлять хаты" мелкооптовых торговцев героинами. У него сложился стойкий "профессиональный имидж", имя "Браво" немало весило в определенных кругах. А Наташа и Максим были барыги известные, так что Браво тоже их знал, хотя и заочно. Так что пришлось им немножко понервничать.

Чуток отдохнув с дороги, Браво принялся рассказывать нам о непростой жизни в Ручьях. Рассказ его лился медленно и неторопливо, рисуя перед нашими глазами особенности быта затерянного в болотах браконьерского села. По его словам выходило вот что.

Ручьи - примостившаяся на острове деревенька, которую с трех сторон окружают болота, а с четвертой примыкает здоровенное озеро Полисто. Населяют деревню охотники и рыбаки, которые в 1994 г. (год основания заповедника) были переквалифицированы и низведены до статуса "браконьеров". Впрочем, брэками считаются далеко не все - некоторые (порасторопнее да поумнее) успели нацепить зеленые куртки с надписью "Полисто" и теперь числятся в заповеднике "государственными инспекторами".

Особенной разницы, впрочем, между ними нет. И те, и другие занимаются тем же, чем занимались - охотой, сбором клюквы и ловлей рыбы сетями. Что и неудивительно: больше в Ручьях заниматься нечем. И если Гоголево и Сосново больше напоминают о временах совхозов и коллективизации, то Ручьи все еще не вышли из “временного пояса” гражданской войны.

Обычаи там царят до того жуткие, что удивлялся даже привыкший ко всякому Браво. Указанные обстоятельства неплохо иллюстрирует история молодого участкового, на прошлой неделе прибывшего в Ручьи посмотреть “на свою новую вотчину”.

- Он в среду приехал, - объяснял нам Браво, - вместе с местными инспекторами. Молоденький еще мент, скромный да вежливый. Мы как раз пить усаживались, когда к нам в дом местные потянулись - Старый, Карцев, да еще братья Чакушкины. Это, значит, самые конкретные местные пацаны.

Тут Браво подумал немного и поправился:

- Не совсем, чтобы местные - Цевлянские они. Чакушкины, например, самогонный бизнес держат. Без пизды, их самогон самый лучший в округе. Карцева вы уже видели - у него кулак, что моя голова, мужик здоровья редкого. А заправляет там Старый - ему уже за тридцак, он вроде как мент бывший. Прочие-то будут заметно его помоложе.

Браво притормозил на секундочку, опрокинул стопку самогона и продолжал:

- Так вот, приезжает к нам участковый, а они собрались вокруг него, словно стервятники - и все об одном. Помнишь, говорят, до тебя тут был мент? Эх, так жаль мужика - в сетях запутался, утонул. А какой работник был! Помнишь его? Так они его и донимали, они, да еще рыбак местный, дядя Коля. Тот больше всех разорялся, что и неудивительно: бывший участковый у него две лимонки отнял, когда дядя Коля их вместо гирек на ходики приспособил. Не дам, говорит, сволочи, гранатами рыбу глушить! А потом утонул, в сетях запутался, до того жаль мужика! Участковый сначала все это как шутку воспринимал, а потом смекнул, в чем дело. Посидел, водки выпил, а с утра только его и видели. Не понравилась ему новая вотчина.

- В Ручьях основное время, - толковал нам Браво, - проходит за игрою в “козла”. Мы поначалу здорово местным просирали, но потом сработались, “мигалки” выучили и теперь ни хуя им спуска не даем. Строри при сдаче ловко жулить приноровился, так что зауважали нас, теперь каждый вечер ходят играть. А вот работы почти никакой: за все время только и захватили, что болотоход да двенадцать мешков клюквы.

- Да ну? - враз встрепнулись мы. - Расскажи!

- Не кипишитесь, - степенно ответил Браво, неторопливо намазывая бутерброд. - Дело было так...

Оказалось, что Ручьи богаты не только на браконьеров, но и на изобретателей. Так, в этой скромной деревеньке прописан человек, которому принадлежит государственный патент Российской Федерации на особый тип четырехколесного болотохода. Это устройство на легкой дюралюминиевой раме, оснащенное вместительной корзиной и мощным мотоциклетным мотором. Оно способно передвигаться даже по непроходимым топям, опираясь на невероятно перекачанные камеры от ЗИЛа, туго обмотанные прочной транспортной лентой. Эти “подушки” не дают болотоходу проваливаться и имеют такую плавучесть, что устройство можно спокойно транспортировать даже по открытой воде.

Добро бы только изобретать, так хозяин болотохода принялся вовсю на нем браконьерничать. Его машина способна ехать по топям на скорости около тридцати километров в час, так что за полдня коварный изобретатель способен пересечь чуть ли не все болото, совершая браконьерства не только в Псковской, но (буде он того захочет) и в Новгородской области, в районе заповедника “Рдейский”.

По счастью, груженный болотоход оставляет за собой приметный след из примятого мха и травы, по которому его и выследили наши товарищи. Честь обнаружения болотохода принадлежит инспектору Строри, вставшему на след этого устройства во время своего одинокого путешествия в окрестности затерянной в болотах нежилой деревеньки под названием “Ратча”.

Ходу до туда несколько часов, причем большую часть пути нужно идти по проложенным в болоте гатям. Гнилые бревна давно скрылись под водой, которая доходит кое-где до колена, а местами так и до пояса. По сторонам раскинулась бескрайняя голая топь, лишь у самой Ратчи местность повышается, и становятся видны одинокие деревья и обветшалые деревянные строения.

В этот раз в самой Ратче Стори побывать не удалось. Напрасны были его надежды передохнуть в расположенной там охотничьей сторожке, погреться у печки и испить горячего чайку. Когда он подошел к избушке метров на сто, потемневшие от времени ставни приоткрылись, из окна высунулось ружье и прогремел выстрел.

Стреляли явно не в него (иначе подпустили бы ближе и не промахнулись), а ради предупреждения. Дескать, дом занят, и тебе, инспекторская рожа, тут делать нечего! Нечего так нечего - Стори, плюнув в сердцах, развернулся и поплелся назад.

Так бы это путешествие и пропало впустую, если бы Стори не заметил неподалеку от "тропы" характерный вдавленный след. Про болотоход тогда уже все знали, так что долго раздумывать Стори не стал.

Утром следующего дня общественные лесные инспектора Стори, Браво и Тень вместе с государственным инспектором Капраловым вышли к Ратче и захватили спрятанный неподалеку болотоход аж с двенадцатью мешками "некатаной" клюквы. Хозяина болотохода захватить не удалось, так что они просто конфисковали машину и перегнали ее на постой в Ручьи, прямо под окна инспекторского дома. Там, полагали они, им будет легче за ним уследить.

В чем-то они оказались правы: теперь следить за болотоходом было нетрудно. А вот за инспекторской лодкой товарищи не уследили, и коварный враг нанес удар в ту же самую ночь. Пока друзья обмывали "поимку" болотохода, местные брэки угнали моторку от пирса и где-то тихонечко притопили. Так что на время связь Ручьев с "большим миром" прервалась.

- Одичали мы там, - рассказывал Браво, - а от конопли и водки совсем обезумели. Странные мысли начали в голову лезть. Недавно Стори пришиб точильным кругом мышь, так мы сделали для нее нечто навряд подвесной платформы. В центр прямоугольной доски воткнули гвоздь, а к нему приделали цепь из скрепок. Когда мышь оклемалась, мы подвесили эту конструкцию к потолку, так что у нас теперь живет собственная "цепная мышь". А про бабочек-людоедов вы что-нибудь слышали?

- Про что? - удивился я.

- Про бабочек-людоедов, - спокойно ответил Браво. - Ночью они прилетают с болот и стучатся в окна нашего дома. Размером они с крупный чемодан, а крылья у них синие, словно армейское одеяло. Между прочим, вы знаете, что на планете Венера есть такие же болота и такие же бабочки?

Тему с Венерой Браво творчески развил следующим же вечером, когда к нам в дом приперся охочий до бесплатного угощения Крючок. В этот раз он притащил с собой полбутылки ацетона, и принялся поучать нас, рассказывая, каким именно способом его следует пить.

- Чтобы не было беды, - толковал Крючок, - нужно в одну стопку лить ацетону не больше, чем двадцать грамм. Затем мы доливаем туда холодной кипяченой воды до пятидесяти граммов, пьем и тут же запиваем все это большим стаканом холодного кипятка. Выпьешь так несколько стопок - и никакой водки не надо!

Свою науку Крючок сопровождал живейшими примерами, так что через полчаса его было уже не узнать - до того он "наацетонился". Тогда Браво решил воспользоваться его состоянием с тем, чтобы кое-чего внушить впечатлительному Крючку. Для этого он присел рядом с ним за стол и повел вот какой разговор:

- Слушай, Крючок, а ты где служил?

- Под Саратовом, в пехоте, - тут же отозвался Крючок. - Только давно это было. А что?

- Да, теперь-то люди не так служат, - многозначительно проронил Браво. - Ты, поди, и не знаешь об этом ничего!

- Да о чем не знаю-то? - заинтересовался Крючок. - Ты скажи, может и знаю!
- Я бы рассказал, - гнул свою линию Браво, - да не могу. Я же подписку давал! Секретное это, брат, дело!
- Да не скажу я... - прошептал потрясенный таким поворотом Крючок. - Мне и говорить-то некому!
- Видно было, что ему здорово хочется узнать, о чем идет речь. Тогда Браво выждал еще немного и говорит со всей возможной значительностью:
- Вот ты сидишь тут и не знаешь, что война началась!
- Столько уверенности, столько внутренней силы вложил Максим в эти слова, что Крючок чуть со стула не упал.
- Во.. во... - захрипел он, не в силах выговорить страшное слово, но потом все же собрался с духом и спросил: - А с кем?
- Угроза из космоса, - сухо ответил Максим, и, не давая Крючку опомниться, напористо продолжал: - Планету Венера знаешь? Оказалось, там есть разумная жизнь! От народа это скрывают, но ты, Крючок, этим сказкам не верь! Ты же умный мужик! Знай - шесть лет назад на Венеру высадились наши первые корабли. И летели на них обычные парни, срочники-космодесантники, гордость страны...
- Тут Браво склонился к Крючку и зашептал ему в самое ухо. Рассказывал он жуткие вещи: про населяющую Венеру свирепую расу "проксов", про худые скафандры, про режимы секретности и про суровый и безрадостный космический быт. Поначалу я не понял, к чему Браво клонит, но затем въехал: мы и есть те самые космодесантники.
- Скорее всего, к этому вранью Браво подвиг фильм "Звездный Десант", но Крючку-то неоткуда было про это знать. К его чести замечу, что поверил Крючок далеко не сразу, а лишь после того, как Браво показал ему свои "десантные ботинки" (оказавшиеся неведомыми Крючку туристическими вибрамами) и довольно-таки странный поясной ремень.
- Вынужден признать, что такого ремня не то что Крючок, но даже я ни разу раньше не видел. На вид это была обычная офицерская португеза, только вот шпенок на ней было не два (как положено), а целых три. Соответственно и застегивалась она не на две, а на три дырочки.
- Видишь? - спросил Браво у потрясенного Крючка. - Знаешь, зачем это? Чтобы при повышенной гравитации штаны не спадали!
- При кажущейся простоте довода, Крючку показалось его более чем достаточно. Он до того проникся идеей межпланетной войны, что принес к нам в дом собственную бутылку самогона (чего раньше за ним не водилось) и предложил помянуть погибших на Венере российских космодесантников. С тех пор на Крючка стало не налюбоваться: он прекратил выпрашивать подачки, перестал дерзить, а вместо этого принялся бродить по деревне с просветленным лицом, размышляя над сказанными ему напоследок Максимом словами:
- Ты только подумай, Крючок: пока ты у себя на болоте ацетон пьешь, кто-то защищает нашу планету от угрозы из космоса!

На этом неожиданные визиты не кончились. Через пару дней после Браво в Сосново приехала его подруга Светка Иванова, ради любимого пустившаяся в путешествие едва ли ни через всю Псковскую область.

Это была невысокая хрупкая девушка, сильно злоупотреблявшая героином. У нее были острые черты лица, жесткие светлые волосы и непримиримый, вспыльчивый нрав. В Цевле Иванова оказалась всего на сутки позже Максима, но сумела быстро выяснить нужную информацию и на следующий день уже стучалась в двери нашего дома.

Следующим же вечером Светка и Наташа ушли в Гоголево за самогоном. Их долго не было, а ближе к середине ночи к нашему дому подкатил УАЗ, за рулем которого сидел племянник видного Гоголевского землевладельца, старейшины местной дагестанской общины по имени Муса. Племянника звали Заур, и он всего четыре дня как откинулся с кичи, где мотал за изнасилование

долгие восемь лет. Из машины он вынул бесчувственную Наташу и пьяную “в дугу” Иванову, а рассказал вот что:

- Еду, - сказал Заур, - и что вижу? Идет одна баба, вторую на плечах тащит. Думаю - нет, не дело это. Вот и подъехал помочь!

Оказалось, что на ломающуюся с героина Наташу самогон оказывает неблагоприятное, даже вредное действие. После двухсот грамм лицо у нее побелело, глаза закатились - и Наташа упала, не подавая почти никаких признаков жизни. А поскольку приключилось все это на темной ночной дороге, да еще под первые заморозки - Ивановой пришлось несколько километров тащить Наташу на себе.

По ходу дела Светка пыталась привести Наташу в чувство, вследствие чего та оказалось довольно-таки сильно избита. Пьяная Светка меры не знает, так что Наташе пришлось несладко. Нос у нее оказался сломан, губы разбиты, под обоими глазами расплывались огромные синяки. Но это, как говорится, дело десятое. Не замерзла насмерть, и то хорошо.

Наутро Браво влез в соседский огород, срезал пук садового мака и заварил целый чайник кокаину. Напившись ароматного настоя, мы ушли на болота, где провели весь долгий день. Солнце растопило тонкий ледок на многочисленных лужах, было довольно-таки тепло, но глаз уже различал в окружающем мире первые признаки подступающей перемены. Золото и багрянец тронули кроны деревьев, сменили свой цвет пышные болотные травы, в воздухе витало холодное дыхание осени.

Возвращались мы под вечер, и на подходах к дому увидели странную картину. В темноте возле сарая жалась серая приبلудная лошадь (их немало было на свободном выпасе возле Сосново), а перед ней стоял Крейзи с зубной щеткой в руках. Ухватив лошадь за подбородок, он с остервенением тер ее щеткой по морде, а несчастное животное фыркало, трясло головой и пятилось назад. Но Антон держал крепко - так, что не вырвешься.

- Ты что делаешь? - спросил я, но тут Крейзи повернулся ко мне, и все вопросы сразу же отпали.

Лицо у Крейзи было белое от кислоты, взгляд туманился, а из глаз текли слезы. Выглядел он до того страшно, что мне враз стало не по себе. Силуэт его лица в темноте напоминал абрис вампира - отрешенный, пустой, утративший все человеческое. Некоторое время он пристально смотрел на нас, а потом отвернулся и вновь занялся своим делом.

На следующий день в Сосново прибыл ЗИЛ, груженный сборщиками клюквы из Локни - вперемешку бабами и мужиками. Машина с водителем осталась неподалеку от шоссе, а сборщики ушли в охранную зону и дальше, по дороге к Свиной.

Вооружившись помповиком (дробовик к тому времени пришлось отдать обратно Александрову), мы решили организовать на дороге засаду - Крейзи, Браво и я. Поначалу все шло хорошо: мы поджидали возвращающихся с заготовок людей, отнимали у них набитые клюквой мешки, а на самих нарушителей на месте составляли надлежащие протоколы. Но через полчаса дела у нас пошли наперекосяк, когда из придорожных кустов на нас выскочили восемь разъяренных мужиков.

Предводительствовал ими участковый из Локни по имени Семен - приземистый, широкоплечий мужик. Взбешенные тем, что мы вздумали чинить помехи их бизнесу, мужики сбились в кучу и перли, что называется, напролом.

- Антон, стреляй! - заорал Браво, но Крейзи подумал немного и стрелять не стал.

В следующую секунду наши противники сорвали дистанцию и набросились на нас. Думаю, нам бы здорово досталось - но тут Браво вышел вперед и ударом в челюсть опрокинул участкового Семена на землю. Это несколько притушило начинающийся конфликт, но все равно мужики сохранили в нем явно лидирующие позиции.

- Похуй нам на ваш заповедник! - орали они, размахивая у нас перед лицами набитыми кулаками. - Устроили тут разбой! Найдется и на вас управа! Ночью приедем и дом вам сожжем, всех поубиваем на хуй!

- Засужу! - выл участковый Семен. - Пиздец тебе!

Тем не менее, пиздить нас мужики все-таки постеснялись. Так что Семен оказался единственным, кто пострадал во всей этой заварухе. Но отнятую нами клюкву мужики отжали обратно, и несколько конфискованных “грабилки” тоже пришлось отдать.

- Смотрите, блядь, - прошипел на прощание участковый. - Я вам этого не забуду!

С этого дня наш дом перешел на осадное положение. Наташу, Максима и Иванову мы отправили на автобусе в город, окна в комнате задвинули шкафами, а на чердак посадили наблюдателя с дробовиком. От администрации заповедника вести перестали приходить еще неделю назад, местные инспектора от знакомства с нами открещивались, так что мы оказались словно подвешены в пустоте.

Из обещанных нам Остроумовым “бесплатного проезда, двух базовых лагерей, питания, формы, оружия и транспорта” мы видели пока что только дом с мухами, но ни еды, ни каких-либо субсидий на питание нам не перечисляли. Про транспорт, оружие и форму я даже не говорю: у нас были только выданные Благодетелем бушлаты да одинокий Крейзин помповик.

Пуще того, оказалось, что Остроумов, сосватавший нам эти чудные каникулы, уже две недели как уволился с должности заместителя начальника охраны. Со своего прошлого места жительства он уже съехал, и где он теперь - в администрации заповедника ни слухом, ни духом. Так что мы остались одни не только в финансовом, но и в морально-юридическом плане. Выходило, что никто нас сюда вроде как и не звал.

Постепенно припасы у нас стали подходить к концу, все чаще приходилось продавать перекупщикам в Гоголево что-нибудь из личных вещей. За спальник давали два литра самогона или четыре ведра картошки, резиновые сапоги ценились несколько ниже. За Крейзин рюкзак предлагали просто-таки баснословную цену: ведро самогону и столько картошки, сколько унесем. В Ручьях дела с едой обстояли несколько лучше, вот только администрация заповедника тут ни при чем: пищу нашим инспекторам носили тамошние браконьеры.

Так мы и жили, спиваясь и стремительно нищая, покуда к нам неожиданно не вернулся брат Кримсон. Он приехал на машине вместе с парой своих друзей, лелея надежды организовать в Гоголево скупку парной говядины. Но скупкой говядины в Гоголево занимался Муса, так что пришлось Кримсону вместо этого скупить все пиво в обоих деревенских магазинах.

Жить в осажденном доме Кримсон отказался, вместо этого поселившись у одной девицы из Гоголево. Звали ее Ирка, родом она была из Сертолово (это такое местечко под Питером), а в Гоголево оказалась по настоянию родителей. Проще говоря - была сослана на лето за наркоманию, распутство и непробудный алкоголизм.

Это была мировая девка, быстро получившая между нами трогательное прозвище Ира Ангел. Благодаря ее заботе (ее сводный брат держал в Гоголево самогонную лавку) мы быстро отъелись, отпились и повеселели. Вместе с ней и ее братом мы еще пару раз ходили в Свиную, где вышел в том числе и вот какой случай.

Сидя на крыльце ветхой охотничьей сторожки и слушая, как Кримсон с Иркой в порыве страсти раскачивают ветхие стены, мне пришла в голову вот такая мысль. Браво принес с собой из Ручьев немало паркопану, так что я решил истолочь его в порошок и смешать с местными запасами сахара - чтобы охуели испившие чаю местные браконьеры и инспектора.

Несколько таблеток паркопана оказывают сокрушительное действие даже на подготовленного человека, а уж с непривычки может вообще черт знает что показаться. Пузырящиеся стены, появляющиеся и пропадающие предметы, смутные видения и потусторонние голоса - вот далеко

не полный перечень “чудес”, на которые способен содержащийся в паркопане жуткий тригексифенидила гидрохлорид.

Местное население и без этого чересчур суеверно. Крючок, например, утверждал, что два года назад за ним гонялся по болотам полутораметровый огненный шар, и что вся здешняя область просто-таки набита ведьмами и колдунами. Так что когда к решившим заночевать в сторожке охотникам станут являться странные бесплотные гости, таких историй здорово прибавится. Да, скажут люди - недоброе там стало место!

Впрочем, в других местах тоже не видать было особенного добра. Иллюстрирующий это утверждение случай вышел на очередной гоголевской дискотеке, а причиной конфликта на этот раз послужили так называемые “понятия”.

Благодаря Ирке мы стали в Гоголево едва ли не своими, никаких проблем с местным населением у нас не было. Так было до тех пор, пока из армии не вернулся видный гоголевский гопник по имени Андрей. Войдя в зал для игры в карты, Андрей уселся за отдельный столик и принялся пристально оглядывать собравшихся.

Это был высокий, ладно сложенный парень, отслуживший два года в разведке и только теперь вернувшийся в родную деревню. Человек он был суровый, быковатого нрава, вспыльчивый характер был прямо-таки написан у него на лице. Не заметить его было просто невозможно, поэтому Браво взял бутылку самогона и два стакана, подошел к Андрею и присел напротив него за стол.

- Дембель гуляешь? - с уважением спросил Браво. - Слышь, меня Максимом зовут!

С этого начался их разговор. Поначалу собеседники только приглядывались друг к другу, но потом меж ними вроде как проскользнула искорка взаимной симпатии. Оба они были гордые, склонные к насилию люди, так что каждый почувствовал в другом родственную душу. Они могли бы стать друзьями, если бы дьявол не вбил между ними свое самое главное оружие - слова.

- Правильный ты пацан! - заявил своему собеседнику Браво, что было в его устах наивысшей похвалой.

Но Андрей в этих речах усмотрел нечто совсем иное. По деревням “пацанами” называют детей в возрасте до восьми лет, так что Андрей решил - более взрослый Браво называет его малолеткой. Но сразу в драку лезть не стал, а просто поправил Максима:

- Я не пацан!

- Что? - удивился Браво, воспитанный в духе бандитской культуры и термин “пацаны” понимавший вполне однозначно. - Ты пацан, я пацан, мы оба правильные пацаны!

Кабы Браво знал, что в Гоголево для обозначения мужчин соответствующего возраста и убеждений служит формулировка “правильный малец” - он, возможно, не стал бы настаивать. А то Андрея его настойчивость уже начинала бесить:

- Пацаны дома на горшках сидят, - резко заявил он. - Так что я не пацан, да и ты тоже!

Такого оскорбления Браво вынести не мог. И как только Андрей закончил свою речь (пацаны, значит, на горшках дома сидят), Браво встал, отодвинул в сторону стул и спросил:

- Значит ты, не пацан, предъявляешь мне, пацану, что я не пацан? Ты что, сука, драться со мной хочешь?

Дальнейшее произошло практически мгновенно: Андрей пинком опрокинул стол, вскочил и бросился на Максима. Их бой занял считанные секунды: противники схлестнулись и разошлись, а вернее сказать, развалились по сторонам. В ходе этой стычки у Браво появился синяк во весь бок и треснули ребра, а у Андрея оказалась выбита челюсть. Этим все и закончилось: типичная “понятийная ничья”.

Страна Болот (часть 4): Mortal Combat.

*“Вчера нам крупно повезло -
Спалили мы дотла
Не как всегда, одно Цевло,
А целых три Цевла”.*

Пришло время, и мы с Браво стали готовить “спасательную экспедицию” в Ручьи, за нашими товарищами. Сначала мы должны были добраться до Цевла (по шоссе до туда шестьдесят километров, а лесными тропами - всего около тридцати), а там попробовать договориться насчет лодки или найти себе толкового проводника.

Для этого мы организовали в Гоголево грандиозный обмен, в результате которого в наших руках оказалось почти полведра самогону. Разлив его в пластиковые бутылки, мы упаковали их в наш единственный рюкзак (Браво вместо рюкзака досталась мягкая перевязка во весь бок) и отправились в путь.

Первое время дорога шла по насыпи, оставшейся от разрушенной узкоколейки. Песчаный вал тонкой серой линией тянулся через заболоченный лес, утопая в подступающем с обеих сторон багряном море. Впрочем, кое-где уже виднелись темные пятна - ночью всю подмораживало, с некоторых деревьев листва почти полностью облетела. Ветра не было, лес по краям насыпи стоял неподвижной стеной - ни одна веточка не шелохнется, лишь иногда еле слышно прошуршит падающий на землю листок.

Примерно посредине пути нам попалась на глаза деревенька Макарино, где мы решили остановиться, испить воды и немного перекусить. А поскольку еды у нас с собой было немного (лишь краюха хлеба да два сваренных вкрутую яйца), я осмотрительно предложил съесть не все, а оставить половину на будущее. Но Максим Браво меня в этом не поддержал:

- Господь не оставит в своем промысле правильных пацанов! - пророчески заявил он. - Съедем-ка мы лучше все!

Тут надо заметить, что, в отличие от прочих участников нашего коллектива (атеистов-материалистов, безбожников, бывших сатанистов, альбигойцев, последователей Асатру, буддистов, гарпианцев, азешистов, а также сторонников таких взглядов, у которых и названий-то нет) Максим Браво, хоть и по-своему, но все же веровал в Бога. Его Господь был суров, не терпел слабости и нытья, зато помогал в битвах и не заставлял своего паладина попусту голодать.

В тот раз вышло по словам Браво. Когда мы в подступающей темноте добрались до Цевла и устроились на ночлег в дирекции заповедника, на столе нас поджидала латка чудесных фаршированных перцев. Рядом с ней лежало полбуханки свежего хлеба, а на подоконнике стояла банка свежего молока.

- Ешьте, ребятки, - предложил снабдивший нас ключами Капралов. - Сиживали мы тут давеча, вот от праздника и осталось. Угощайтесь!

Когда Капралов ушел, мы расположились на диване и принялись ужинать, попутно изучая кое-какую документацию, которую хитроумный Максим выудил из директорского сейфа. Сейф Максим открыл с помощью гнущей стальной проволоки, а из бумаг мы узнали вот что.

За четыре года существования заповедника на его счет были переведены многомиллионные средства. Эти деньги расходовались на разные благолепные вещи: капитальное строительство, коммунальные платежи, оплату труда и много еще на что. Всего так сразу и не перечислишь.

В заповедник были выписаны: тяжелая техника (трактора и гусеничные тягачи), несколько автомобилей и едва ли не десяток моторных лодок. Эти транспортные средства расходовали такую уйму топлива, что мы с Браво удивлялись - почему это к Цевлу до сих пор не протянут отдельный трубопровод?

Если верить документам, в заповеднике был штат едва ли не из пятидесяти государственных инспекторов, которым регулярно выплачивались зарплаты и начислялись ежеквартальные премии. Эти инспектора были в изобилии снабжены питанием, оружием и формой, социальными пакетами и медицинским страхованием.

На самом же деле все обстояло не так хорошо. Из всех благ до местных инспекторов дошли лишь зеленые форменные куртки, а вот техники и автомобилей никто так и не увидел. На весь заповедник народу было дай бог десять человек, и на всех - один старенький УАЗ и две моторные лодки. Премиями не пахло, а про капитальное строительство я и говорить не хочу. Деньги на заповедник пришли и ушли - сгинули, затерялись в местном административном болоте.

- Прибыльное это дело - природоохрана, - философски заметил Максим Браво, - коли заниматься ею с умом.

- И не говори! - кивнул я, аккуратно укладывая бумаги обратно в сейф. - Закрой-ка ты все это обратно, покуда нас не пристрелили за излишнее любопытство.

- Твоя правда, - согласился Максим. - Не нашего ума дело.

С этими словами он запер сейф, а потом мы выключили свет и отправились спать. Но, как говорится - осадок все же остался, в недалеком будущем обернувшись для дирекции заповедника немалыми бедами. Так что им, вероятно, все же пришлось раскошелиться на "капитальное строительство".

С утра проживающий в соседней парадной Механик согласился подвезти нас на мотоцикле с коляской до половины пути, а потом спрятать мотоцикл и сопровождать нас дальше пешком. Механик принял это решение, как только узнал, что мы несем с собой в Ручьи полведра отличного самогону.

Он выкатил из гаража старенький "Урал", завел его, и мы тут же отправились в путь. Из Цевла выехали в районе одиннадцати, двигаясь по сельской дороге в направлении деревни Плавница.

Дорога была неровная, так что "Урал" Механика то и дело влетал на скорости в заполненные водой глубокие ямы. Коляска на этом мотоцикле была только в названии, вместо нее была приспособлена узкая дощатая платформа. Доски в ней были набиты редко, и через здоровенные щели то и дело хлестала грязная вода. Но Механика это несколько не беспокоило - он вел мотоцикл с отрешенным лицом, глубоко надвинув на лоб промасленную старую кепку.

Через полчаса дорога настолько испортилась, что мотоцикл пришлось спрятать в кустах, укрыв от непогоды широким куском брезента. Дальше нужно было двигать на своих двоих. Сначала наш путь пролегал через березовую рощу, потом тропа вышла на затопленные поля и начала петлять - то поднимаясь на горки, то ныряя в заболоченные низины.

Часа через три мы вышли к мосту через речку, неподалеку отсюда впадающую в озеро Полисто. Деревня Ручьи была всего в часе пути, вот только добираться до нее предстояло по бездорожью, берегом озера. А здешний берег здорово напоминает фильмы про Вьетнам - сплошное болото, рассеченное на части множеством узких протоков. Все вокруг заросло осокой и камышом, кругом вода, так что передвигаться тут сподручнее всего не пешком, а на моторной лодке.

Через час, с матюгами вылив набравшуюся в сапоги воду, мы вступили в деревню. Инспекторский дом стоял на самом берегу, неподалеку от череды обветшалых от времени лодочных сараев. Прямо за ними расстилалась озерная гладь - серебряное зеркало с серыми росчерками камышей, все в мареве от рассеянных по поверхности воды переменчивых бликов.

На деревянном крыльце сидел Строри, лениво почесывая отросшую лопатой рыжую бороду. В его голубых глазах не было ни единой суетной мысли - там отражались только озеро, небо да далекая гряда перистых облаков. К моменту нашего прибытия в Ручьи Строри провел на болотах ровно двадцать один день.

- А, приехали, - безразлично произнес он. - Ну, привет.

Панаев сохранил чуточку больше инициативы. Увидев, что мы пришли, он высунулся в окно и закричал:

- Вы вовремя: чайник почти вскипел, сейчас картошку поставим! Подождите секундочку, я только мышь покормлю!

Через полчаса мы вместе сидели за широким столом, распивая самогон и закусывая его рассыпчатой картошкой и отварной рыбой. Обстановка в Ручьях была не в пример лучше Сосновской - уютная комната, опрятные кровати, чистый стол и русская печь с занавесочкой. Вместе с нами за столом сидели Механик и дядя Коля - тот самый, у которого лимонки были вместо гирек на настенных часах.

Этот дядя Коля отличался заметными талантами - с одного удара мог пробить зажатый в кулаке гвоздем дюймовую доску. Сначала он оборачивал ладонь чистой тряпочкой в один слой, затем брал длинный кованый гвоздь и вливал в себя полстакана самогона. На этом подготовительная часть заканчивалась, и дядя Коля коротко, без замаха бил гвоздем в доску - как правило, насквозь.

Постепенно, по мере того, как самогону становилось все меньше в бутылках и все больше в нас, сознание начало меня оставлять. К середине ночи мне вздумалось забраться на печь, но тут я повстречался с неожиданным для себя (и весьма мучительным) сопротивлением.

Оказывается, Строри вбил себе в голову, что ему необходимо защищать принадлежащее ему место на печи. Дескать - любой, кто захочет залезть на печь, унижает таким образом его человеческое достоинство. А объяснить мне все эти тонкости Костя придумал так.

- Иди сюда, - позвал он меня, как только увидел, что я приготовился карабкаться на печь. - Выйдем на крыльцо, у меня есть к тебе разговор!

Недоумевая, я отправился следом за ним на крыльцо, о чем тут же пожалел. Как только я вышел за дверь, Строри подошел ко мне вплотную, стремительно ухватил за большие пальцы рук и начал выкручивать. Невероятно, но в один миг он вывихнул мне оба пальца. Больно было настолько, что меня проняло даже сквозь алкоголь. Я заорал, и тогда Строри отпустил мои руки и ударил меня головой в лицо.

Из-за этого я скатился с крыльца, пересчитав едва ли не все ступеньки, и какое-то время молча лежал во дворе. Сто пудов, я бы это так не оставил (я видел в сених отличную кованую кочергу), но Костян знал, что делал, когда выкручивал мне пальцы. В ближайшие несколько часов я едва мог держать сигарету, не говоря уже про что-нибудь более тяжелое.

Вечером следующего дня мы были уже в Цевле. В этом нам здорово помог дядя Коля, подбросивший нас на лодке до моста. Прямо как в песне²³²:

*Но рыбак дядя Коля наш верный друг,
И руки его сильны...*

На дворе стоял вечер субботы, так что жители Цевла всю готовились к очередной дискотеке. Вспоминая Сосновский сельский клуб - грязный дощатый пол, хрипящий двухкассетный магнитофон, ряды потертых парт да старенькую елочную гирлянду - мы не ждали от Цевлинской дискотеки чего-то особенного. И очень зря.

Примерно в полдевятого я, Стори, Браво и Тень подошли к невзрачному кирпичному зданию. Одеты мы были в то же, во что и раньше - переодеваться нам было особенно не во что. Я был в шинели и порвавшихся на коленях штанах от "афганки", Стори щеголял в кителе от той же "афганки" (она перешла ему от нашего наставника из "Эфы" Лексеича, который когда-то служил в этой "афганке" на югах, в окрестностях г. Заравшан) и широких замшевых шароварах. На Браво были джинсы и ватник, а Тень расхаживал в серых портках ХБ и форменном камуфляжном бушлате. Вернее будет сказать, в бесформенном: за месяц без малого наши костюмы превратилась в набор живописных лохмотьев.

На ногах у всех были лихо подвернутые резиновые сапоги, на поясах болтались ножи, в зубах зажата дымящаяся "Прима". От беспробудного пьянства лица товарищей осунулись, глаза запали, а во взглядах появился подозрительный блеск. Взявшись за металлическую ручку, Стори потянул тяжелые двери на себя, заявив при этом:

- Пошли, посмотрим на местных гопников!

Двери отворились - и мне в лицо ударил яркий свет, заставляющий глаза болезненно щуриться. Следом за ним пришла музыка: пронзительные ноты рвали пространство на части, мощности установленных здесь динамиков хватило бы на вдвое большее помещение. Пара стробоскопов напротив дверей осыпала пространством серей ослепительных вспышек, из подвешенного к потолку зеркального шара по комнате разбегались мерцающие цветные лучи.

Весь зал был наполнен танцующими людьми. Темные брюки изящно гармонировали с белоснежными рубашками, кожаные туфли выбивали по каменному полу легкую, звенящую дробь. Девушки щеголяли в ярких открытых платьях, в топиках и прозрачных коротеньких юбках. В помещении явственно ощущался дух праздника - аромат хороших сигарет, мешающийся с тонкими запахами парфюма.

Жители Цевла словно преобразились: куда-то подевалась щетина и кирзовые сапоги, исчезли ватники и уродливые промасленные комбинезоны. Ошарашенные этой переменой, мы смотрели на них во все глаза, а собравшиеся, в свою очередь, точно также смотрели на нас.

Неожиданно музыка смолкла. Мы заметили, что стоим в кругу настороженных лиц, выражающих, мягко говоря, некоторое недопонимание. Девчонки смотрели на нас, как на странных животных, а кое-кому из парней все это уже начало надоедать:

- Откуда такие будете? - послышался голос из толпы, причем слово "такие" говоривший весьма явственно подчеркнул. - А?

- С Питеру, - ответил Тень, и в толпе тут же послышались обидные смешки.

- Здесь че надо? - беседа явно переходила в агрессивное русло, но тут из угла зала, где стояли в ряд несколько круглых столов, послышался голос Старого:

- Остынь, Птица. Это из Ручьев парни, я тебе про них говорил. Друзья наши.

- А че они... - спросил кто-то, но тут в разговор вмешался сидящий за соседним столиком Карцев:

- Я тебя, блядь, Тимоша, конкретно не понял! Ты не слышал разве: это наши друзья!

²³² Песня эта не совсем так поется. Называется она "Мы покинем эту страну", а вот автор ее мне неизвестен. Так пускай уж он не сердится, что мы ее чутка переделали.

- Да я ничего, я просто... - ответил Тимоша, и на этом претензии к нам кончилось.

Собравшиеся отвернулись, включили музыку - и праздник пошел своим чередом. Впрочем, как оказалось, на улице нас подстерегала парочка сюрпризов. Проблемы начались, как только мы с Браво вышли покурить на крыльцо дискотеки.

Было довольно-таки темно, единственный фонарь освещал пространство перед входом едва ли на несколько метров. И пока мы с Браво курили, из темноты к нам вышел невысокий, плечистый парнишка. Сунув руки в карманы, он несколько секунд оценивающе глядел на нас, а потом сплюнул и спросил:

- Сигаретой угостите?

Как выяснилось позже, это был Чакушкин-младший (третий из братьев Чакушкиных), предводитель Цевлинской гопоты среднего и младшего возраста. Под ним ходило человек сорок парней от четырнадцати до двадцати лет, так что в районных масштабах он был серьезной фигурой. Понятное дело, что против взрослого (Старого, Карцева, старших Чакушкиных и остальных) они бы не поперли - но те остались на дискотеке, а мы с Браво были во дворе.

- Держи, - предложил Браво, протягивая нашему собеседнику "Приму". - Угощайся!

В это время я старательно вглядывался в окружающую нас темноту. Ни малейших сомнений насчет того, что я там увижу, у меня не было. Нас уже окружило минимум пятнадцать человек, и, судя по всему, сзади подходили еще.

- Че ты мне даешь? - возмутился Чакушкин, выбивая у Браво из рук протянутую сигарету. - Нормальную дай!

- Сука, ты драться со мной хочешь? - мгновенно зверея, спросил Браво и сделал шаг вперед. - Давай!

Бля буду, нас бы там замесили. Браво был на этот счет другого мнения, но проверить это не удалось - двери дискотеки открылись, и на крыльцо выскочил Карцев. Мешкать он не стал: сразу же схватил Чакушкина за голову своею огромною лапой, прижал к стенке и принялся трясти.

- Я чего сказал насчет парней? - рычал он. - Был такой разговор?

- Говорил, - не стал отпираться Чакушкин. - Типа, друзья это твои.

- А тебе, значит, похуй? - возмутился Карцев. - Ну, пойдем!

С этими словами он вздернул Чакушкина вверх, поднял над землею и потащил в темноту. Собравшихся вокруг друзей Чакушкина он совершенно игнорировал, да по правде сказать - не много-то их и осталось. Разошлись от греха.

Что было дальше - не знаю. Последнее, что долетело до нас из темноты, был жалобный вопль Чакушкина:

- Прости, Карц! Карц, прости-и-и!

Потом все стихло.

С утра мы развернули крупнейшую в истории нашего путешествия "алкогольную кампанию". Мы притащили из Ручьев немало брошенных нашими товарищами вещей, и теперь намеревались обменять это имущество на самогон. К полудню мы успешно справились со взятыми на себя обязательствами, совершив бартер по следующему списку:

1. Одежда армейское	0,5 л
2. Спальник	2 л
3. Бушлат ментовской	1 л
4. Плащ-палатка	1 л
5. Гитара	4 л
6. Резиновые сапоги	0,5 л
7. Паспорт Кристины	(не удалось обменять)

Итого: 9 литров

Самогон мы брали у Чакушкина-старшего (отца братьев Чакушкиных), славного в Цевле тем, что он на спор выходил с рогатиной на медведя. Дважды ему была в этом удача, но третий медведь обломил рогатину и подмял Чакушкина под себя. Медведя пристрелили наблюдавшие за пари мужики - так что Чакушкин выжил, хоть и ходит теперь хромой.

После совершения сделки мы думали выдвигаться на базу в Сосново, но по нескольким причинам не сумели вовремя этого сделать. Вчера Стори и Тень сняли на дискотеке баб, увлекших их на ночную эротико-романтическую прогулку в местный центр досуга под названием Липки. А жадные до питерских женихов родители девочек вздумали устроить для наших товарищей званый обед.

На самих “подружек” мы с Максимом насмотрелись еще вчера, когда Панаев подвалил к нам и говорит:

- Мы тут четырех баб сняли. Двух получше - для себя, и двух похуже, для вас. Вон, смотрите, две уже идут!

Тогда Браво посмотрел в ту сторону и спрашивает:

- Слышь, Панаев, а это которые две? Получше или похуже?

- Получше, - отвечает Панаев.

- Тогда, - говорит Браво, - я тех, что похуже, видеть не хочу!

Званый обед назначили на три часа дня. Мы с Браво идти на это позорище отказались, а зря: зрелище оказалось недурственное. Вышло так потому, что в оставшееся до мероприятия время мы усиленно налегали на самогон, и когда Стори с Панаевым пришло время выходить, они оба уже полностью “перекинулись”.

Карнавал начался сразу же по приходу наших товарищей в дом одной из девиц. Почтенные члены двух семейств даже не успели толком посидеть за праздничным столом. На котором, между прочим, было все самое лучшее, что только можно раздобыть в середине осени на селе: румяные помидоры, крепкие соленые огурчики, отварное мясо, копченая рыба и обжаренная с грибами картошка.

Для наших товарищей приготовили наиболее почетные места, девчонок (разодетых, как невест на выданье) усадили рядышком, а напротив расселись их уважаемые матери и отцы. Все с интересом ждали - что же скажут дорогие питерские гости?

Никто из собравшихся не дал себе труда отметить тот факт, что у каждого из них уже сидит во лбу по восемьсот граммов самогона. Любому, кто хорошо знает наших друзей, сразу стали бы заметны характерные признаки: налитые кровью глаза, потемневшие лица и жесткие, затвердевшие взгляды. Я, например, когда вижу, что мои товарищи схожим образом изменились - стараюсь тут же покинуть занимаемое ими помещение.

Видя, что “гости из Питера” сидят недвижимо, ровно пни, хозяин дома сделал знак жене (чтобы она подавала горячее), а сам поднял вверх стопку водки. Увидев знакомый жест, Стори отреагировал мгновенно - нашарил собственную стопку рукой и выпил, не дожидаясь тоста. Но, видать, местная водка после самогона легла как-то не так.

И когда улыбающаяся хозяйка подскочила к Костяну со сковородой, полной горячей “жаренки” - Стори благодарно улыбнулся в ответ, а затем наклонился и выблевал выпитое на сковороду. Этого ему показалось мало: повернувшись к столу, он сблевал еще раз, в это раз на поднос с мясом. После этого он шумно высморкался, взял со стола бутылку водки, сунул ее во внутренний карман и вышел из помещения. Панаев вышел сразу за ним, причем за все время оба не проронили ни одного слова.

Понятное дело - были крики и ругань, девичьи слезы и громкоголосый ор матерей. Но помочь делу было уже нельзя: выйдя из дома, оба “питерских гостя” взяли четкий курс на здание дирекции. В конце концов, нам пора было выдвигаться в Сосново.

Легко сказать, да трудно сделать. Время близилось к семи, а мы все никак не могли тронуться в путь: сидели в дирекции заповедника и нажирались. К какому-то моменту я уже почти ничего не

соображал - отличный самогон гонят братья Чакушкины! Разум уже ушел, а вот руки-ноги все еще слушаются, не ясно только, кого.

Посредине застолья между Браво и Строри неожиданно вышел разлад. К этому уже давно дело шло - оба наших приятеля люди в общении мягкие, словно наждак. От их разговорчиков и так искры сыпали по сторонам, а под водочку пламя вспыхнуло еще пуще прежнего.

Оба уже извелись, выискивая хоть какой-нибудь повод для ссоры (Максим, например, совершенно безосновательно утверждал, что это из-за Строри мы до сих пор не можем тронуться в путь). А тут Строри выкатил такой повод, что залюбуешься.

В это время Максим стоял в одном конце комнаты, а Строри сидел в кресле напротив, с другой стороны длинного директорского стола. Уронив голову на руки, Строри с мрачным видом слушал, как Максим толкует про свою службу в армии. (По словам Браво выходило, что служил он где-то на севере, в морской пехоте). Вот тут Строри и говорит:

- Слышь, Максим! Пидор ты, а не морской пехотинец!

Услышав это, Браво прямо-таки взвился вверх. В несколько прыжков достигнув края стола, он бросился вперед, проехался по столешнице животом и изо всей силы зарядил Строри кулаком по еблу. От удара Строрино кресло опрокинулось, а сам он упал и перевернул стоящий за креслом короб с директорской клюквой. Но на этом, понятно, дело не кончилось.

Бывают драки и драки. Есть мгновенные стычки, в которых исход боя решается всего за пару секунд. Связка из нескольких ударов, хриплый стон - и все. Кто-то уже лежит. Бывает, что противникам приходится повозиться с друг другом - такое часто можно видеть в профессиональном боксе. И лишь иногда случаются настоящие затяжные бои, навроде сечи на Калиновом Мосту, где “бились они три дня и три ночи”.

Битва Строри с Максимом продолжалась пять часов - то полыхая, как французская революция, то затихая, как коммунизм в период Брежневского застоя. В первые же несколько минут оппоненты разбили друг другу все, что только можно, а потом лишь добавляли к этому понемножечку. Весь в пол в дирекции был щедро залит юшкой, с первого взгляда и не отличить было - где кровь, а где раздавленная ботинками директорская клюква. Попутно поединщики слегка перепланировали помещение: опрокинули стол, выбили стекла в серванте и отломили с петель дверцы настенного шкафа.

Поначалу я еще пытался их унять, всовывая между противниками подушку от дивана, но напрасно. Из-за этого я пропустил пару таких тумачков, что разнимать дерущихся передумал - наоборот, принялся сам их подзуживать.

- Давай, давай! - орал я. - Бейте друг друга, хуярьте безо всякой пощады!

Вот они и били. Рожи у обоих были окровавлены, кулаки сбиты чуть ли не до костей, а они все никак не могли успокоиться. Явного перевеса не было, и когда становилось совсем уже неважно, Строри и Браво рассаживались по разные стороны комнаты и отдыхали, глядя друг на друга с плохо скрываемой злобой. Во время одной из таких передышек вышел вот какой случай.

Браво подошел к окну, взял со стола железную кружку и налил в нее самогона из стоящей на подоконнике бутылки (там была примерно половина), а затем выпил. Тогда Строри полез в рюкзак, достал оттуда другую бутылку, отвинтил колпачок и нацедил себе около половины стакана.

- Чего бы тебе не пить из вон той бутылки, - спросил я. - Там же еще полно! Зачем новую-то открывать?

- Не хочу пить из одной бутылки с пидором! - громко заявил Костян. - Так-то!

Тут все началось заново - только на этот раз Строри был наготове. Когда Браво бросился на него, он отступил в сторону, схватил Максима за куртку и с разгону вышвырнул его через входную дверь на лестничную площадку. После этого Строри мгновенно наложил засов и со счастливым лицом вернулся к столу.

Но счастье его продолжалось недолго. В несколько сильных ударов высадив хлипкую дверь, Браво попытался снова ворваться в помещение. Строри встретил его в проеме, они сцепились, и вскоре драка переместилась на лестничную площадку, а затем и во двор.

Крик при этом стоял такой, что из домов повыскакивали почти все соседи. Надо отдать им должное - вмешиваться никто не стал, просто стояли и смотрели, хотя времени был уже одиннадцатый час. По правде сказать, им было на что поглазеть - швыряя друг друга, Строри с Максимом умудрились погнуть набранный из железных труб газонный заборчик.

В конце концов явился Капралов (его вытащили из дома, рассказав, что в дирекции творится черт знает что), увидел учиненный в помещении погром и пришел в страшную ярость.

- Убирайтесь отсюда, нелюди! - орал он, размахивая пудовыми кулаками. - Одних оставить нельзя! Давайте сюда ключи!

Но Строри с Максимом пиздюлями было не запугать - на угрозы Капралова они не обратили вообще никакого внимания. Поэтому Капралов сам выволок из дирекции наши вещи, повесил на искореженную дверь амбарный замок и пошел спать, костеря нас самыми последними словами. Ночь в этот раз выдалась дюже холодная, идти по темноте через болота нам здорово не хотелось, поэтому мы составили вот какой план.

В пятиэтажке, в которой располагается здание дирекции заповедника, далеко не все квартиры жилые. Некоторые стоят запертые, с заколоченными фанерой окнами, так что мы решили вскрыть какую-нибудь из них и там заночевать. Чтобы долго не выбирать, мы решили взломать ближайшую - то есть соседнюю с той, в которой располагается офис дирекции заповедника.

С двух ударов выломав фанерную дверь, Браво первым вошел в темное, запыленное помещение. В квартире было две комнаты с паркетным полом, причем стены в обеих были заботливо отделаны лакированной вагонкой. Мебели не было, поэтому мы просто прошли в одну из комнат и расположились на полу.

Батареи не работали, свету тоже не было (вернее будет сказать, нигде не было лампочек). Окна в квартире были забиты фанерой, в помещении стояла чернильная тьма, которую мы сумели чуточку рассеять, подсвечивая себе зажигалкой. Холодно было так, что аж скулы сводило.

Чтобы не околеть от холоду и хоть что-нибудь видеть, Строри решил развести на полу костер. Для этого он взял куски сорванной со стен вагонки, поломал их на части, положил на паркет и поджег. Через пару минут костер разгорелся: помещение наполнилось густым дымом, а на стенах заплясали веселые отсветы пламени. Впрочем, отсветами дело не ограничилось - вскоре костер разгорелся как следует, и тогда вспыхнул покрывающий паркет лак.

Как замороженный, я смотрел на стремительно расширяющееся огненное кольцо. Казалось, оно только что появилось - но вот пламя уже на стенах, на потолке, везде. В этот момент Тень (ему показалось, что в помещение стало трудно дышать) выбил закрывающую оконный проем фанеру, и в комнату с улицы проник свежий воздух.

- У-у-у, - загудело вокруг. - У-У-У-У!

Этот звук я узнаю из тысячи: голос нарождающегося Большого Огня. Получив доступ к кислороду, пламя мгновенно окрепло. Огненный язык уже не помещался в комнате, теперь он на несколько метров высывался в окно, жадно облизывая верхние этажи.

Удивительно, но Строри отнесся к этому чрезвычайно легкомысленно. Сидя на корточках возле своего "костра" (основное пламя шло поверху), Строри пил самогон и смотрел в огонь бессмысленными глазами. В этот момент в комнату зашел привлеченный шумом пожараща Максим Браво.

- Ну что, пидор, - мгновенно отреагировал Строри, - пришел погреться у моего костра?

Тут Максим шагнул вперед и ударил Строри ногою в лицо. Так начался последний раунд их схватки: беспощадная дуэль в самом средоточии пламени. Температура в комнате стремительно повышалась, у меня уже волосы начали трещать - а Браво и Строри все никак не унимались. Первым опомнился Панаев:

- Пожар! - одними губами прошептал он, глядя на беснующееся в комнате огненные языки, а потом вдруг заорал во весь голос:

- Атас, братья! Пожар!

Это имело успех: Стори и Браво услышали. Мы попробовали кое-как сбить пламя, но куда там - в комнате прогорела перегородка, и огонь перекинулся на соседнее помещение. Пока мы бегали туда-сюда, вся квартира уже горела.

Единственную серьезную попытку тушения пожара предпринял Тень. Он нашел где-то жестяное ведро, сбегав в подвал и набрал в него стоячей воды. Сунув это ведро в руки Браво, Тень показал на стену и проорал:

- Максим, лей!

Максим вылил, и в следующую секунду какая-то невидимая сила вырвала ведро у него из рук, а самого Максима отшвырнула к дальней стене. Он упал прямо в огонь, причем так неудачно, что на нем загорелась одежда. Оказалось, что Браво плеснул из ведра на подключенную к сети розетку, и его крепенько оприходовало электрическим током.

Это было последней каплей. Вытащив Браво из угла и кое-как поставив его на ноги, мы похватили свои вещи и гурьбой выбежали на улицу. Из окон подъезда уже всюду валил дым, видно было яркое зарево, с верхних этажей слышались испуганные крики жильцов. Кое-где в окнах уже вспыхнул электрический свет, так что теперь нам оставалось только одно - бежать.

Бежать из Цевла, где за поджог жилой пятиэтажки местные жители распнут нас без суда и следствия. Бежать, в прямом смысле слова спасая свою жизнь, прочь из города, в котором у нас нет больше ни покровителей, ни друзей. Бежать, так как за эту хуйню на нас ополчатся не только население и инспектора заповедника, но и местные менты. Нужно бежать, ведь неизвестно еще - не возьмет ли этот пожар чьи-нибудь жизни?

По правде говоря, было сильно на то похоже. Пламя у нас за спиной разгорелось пуще прежнего и успокаиваться не собиралось. Если кто-нибудь из местных сгорит, охота на нас развернется нешуточная. Влипши, ебись оно конем!

Мы в один миг утратили все наработанные позиции: из ловцов превратились в дичь, лишились инспекторских полномочий и перешли в диверсионный режим. Надо было срочно рвать когти - что мы и сделали, на максимальной скорости удаляясь от Цевла по заброшенному проселку в направлении деревни Макарино.

Я думал, что (в свете горящей пятиэтажки) давешний инцидент между нашими товарищами исчерпан - да не тут-то было. Оказалось, что дела обстоят с точностью до наоборот. Вид пламени зародил в сердца Стори и Браво нехорошие мысли - одной драки им теперь было недостаточно, им захотелось пустить друг другу кровь. Мгла воцарилась в их сердцах, словно лоскутья нашего истинного знамени - черного, как ночь, стяга кровавого блудняка.

Они больше не разговаривали: достали ножи и следили друг за другом, стараясь не показывать противнику спину. Лица у обоих были черные от запекшейся крови, в бледном свете луны они выглядели до невозможности жутко. Благо еще, что сразу не сцепились - может, и обойдется еще.

Так мы и шли: в темноте, по подмерзающим лужам, между высящимися по сторонам черными громадами деревьев. Я был такой пьяный, что еле держался на ногах - если бы не очищающий мозги холод, я бы и шагу сделать не смог. Будь ночь потеплее, и мы бы далеко не ушли.

А так мы понемножечку продвигались вперед, напоминая группу из четырех зомби - пошатываясь, оступаясь и кровоточа. Одно зомби у нас было музыкальное - Панаев на ходу переделал пару строчек и теперь во весь голос их распевал:

*Вчера нам крупно повезло
Спалили мы дотла
Не как всегда - одно Цевло
А целых три Цевла...*

Страна болот (часть 5): Повсюду только кровь.

*“Товарищ, опять в пизде мы!
Да в такой, что не каждый влезет.
На хуй такие темы,
Где с нами инспектор Крейзи!”*

Утро застало нас в деревне Макарино, на сеновале. Солнечные лучи, словно золотые кинжалы, отвесно падали сквозь прохудившуюся крышу, в проемы между гнилыми досками проникал свежий ветер. Я лежал на спине, закопавшись по шею в душистую траву, а неподалеку от меня торчали из сена головы остальных.

Мне было дурно. Потолок раскачивался и как будто куда-то плыл, во рту царил стойкий привкус жженой резины, глотка растрескалась и пересохла. Голову словно проволокой стянули, руки-ноги не слушались, все тело покрывал липкий пот, отдающий сивухой. Мысли путались, словно клубок гнилых ниток, тело рвала на части нестерпимая жажда.

- Аа-аа, - донесся до меня исполненный муки стон. - А-а-а...

Я с трудом повернулся на бок и увидел Панаева. Он лежал поодаль, смутно напоминая Люцифера наутро после падения: черты лица еще хранят следы бывшего величия, но в остановившемся взгляде уже виднеется ад.

- Петрович... - еле шевеля губами, произнес он. - У тебя вода есть?

- Не... - прохрипел я. - Ни капли. Надо за нею идти!

Впрочем, сделать это было не просто: мы попали в осаду. Возле нашего сарая собрались едва ли не все деревенские псы, сквозь дощатые двери доносились рычание и визг целой своры. И кабы мы не притворили за собой дверь, макаринские киноиды еще ночью выкопали бы нас из сена и попытались сожрать.

Разумение и честь призывали нас подняться на ноги и надавать наглым тварям по зубам, если бы не одно “но”. Вчера мы бы сами с удовольствием перекусили в этой деревне половину собак, но сегодня и пару кроликов не смогли бы одолеть. Еле ворочая головой, я лежал в сене и с чувством нарастающего ужаса пытался припомнить вчерашние обстоятельства.

Прежде всего следовало определить наши убытки. Наиболее существенной потерей казалась планшетка с документами, в которой, помимо прочего, хранились мое удостоверение и выписанные Остроумовым “путевые листы”. Скорее всего, она осталась в горящем доме вместе с курткой Браво и Сториной ксивой.

Хорошо еще, коли наши документы сгорели, а не обнаружены на пожарище разъяренными жильцами. По уму, нам следовало срочно уносить из Макарино ноги, но из-за бодуна и собак это оказалось непросто. Не знаю, что бы мы делали, если бы не Максим Браво.

Собрав волю в кулак, Браво выкопался из сена, открыл дверь и пинками разогнал собачью стаю по сторонам. Затем Максим прошел вдоль забора до колодца, напился, набрал полное ведро, снял его с цепи и принес нам. Его метания разбудили Стори - он открыл глаза и принялся с интересом оглядываться.

Вынужден признать, что насчет Браво и Костяна я испытывал некоторые опасения. Но, как оказалось, напрасно. Маленько придя в себя, Стори посмотрел на Браво прояснившимся взглядом, придирчиво осмотрел руки (в одной из которых все еще был зажат нож), ощупал лицо и произнес:

- Напарник, как же это мы так?

Максим некоторое время смотрел на Строри с сомнением, а затем подошел и молча протянул ему руку. Строри ответил тем же, ладонь ударила о ладонь - и мир в коллективе был полностью восстановлен.

Мы столпились возле принесенного Максимом ведра, спеша притушить огонь мучившей нас жажды. Вскоре в мир вернулись краски, сознание прояснилось, руки и ноги налились новой силой. Даже наглые псы разбежались и больше не показывались на глаза. Мы были свободны и могли снова двигаться в путь.

Когда мы прибыли в Сосново, дом Крючка оказался пуст. Ни Кримсона, ни Крейзи там не было, а на столе лежала вот такая записка:

"Братья! Кримсон уехал вчера, сегодня я тоже собираюсь в город. Обрато вернусь только через неделю. Обязательно дождитесь меня, я получу в Комитете проездные документы для всех нас. Поедем домой вместе. До встречи!

Крейзи" .

По своему обычаю, даты под документом Крейзи не поставил, так что нам оставалось только гадать - когда именно он уехал? Мы ни за что не стали бы его ждать, но у нас не было особого выбора. Мы лишились документов, пропили все деньги, а из одежды у нас остались только рваные (а у некоторых еще и горелые) обноски. В таком виде непросто было добраться до Питера: на трассе ради таких пассажиров никто не остановится, а в поезд нас и подавно не пустят.

Ситуацию усложнял тот факт, что в доме Крючка совершенно не было еды, а гоголевская Ира-Ангел уехала на зиму к себе домой в Сертолово. Из более-менее ценных вещей в доме оставался только магнитофон Королевы, за который продавщица местного магазина предложила нам аж сто двадцать рублей. Магнитофона нам было жаль (он через многое с нами прошел), но делать было нечего.

На шестьдесят рублей мы купили картошки, хлеба и колбасы, а остальное потратили на приобретение пары литров самогона. И как только над тарелками за клубился горячий пар, а в руки легли массивные бутерброды, мы разлили по металлическим кружкам спиртное. И хотя местный сэм по сравнению с напитком братьев-Чакушкиных - просто сивуха, крепости ему не занимать. Мы поздравляли друг друга, отмечая завершение Цевлянского анабазиса, но, как оказалось - несколько преждевременно.

На вторые сутки нашего пребывания в Сосново к нам в дом ворвались двое Цевлянских государственных инспекторов. Судя по всему, разговор с нами они собирались начать с пиздюлей, но немного не рассчитали свои силы. Как только они появились в дверях, мы похватили то, что подвернулось под руку, и со всех сторон обступили незваных гостей.

Увидав, что легких пиздюлей раздать не получится, мужики начали потихонечку переосмысливать ситуацию. Им было над чем поразмыслить - дело пахло нешуточной дракой.

- Ладно, мать вашу! - сказал в конце концов один из них. - Не с пустыми же руками нам уезжать, напишите хотя бы объяснительную! Должны же мы хоть что-нибудь привезти директору!

Сказано это было таким тоном, будто говоривший собирался привезти директору наши головы, и только сейчас передумал.

- Хорошо, - кивнул Максим, ни на секунду не отрывая от наших собеседников настороженного взгляда. - Объяснительную мы напишем. Петрович?!

- Угу, - отозвался я. - Сейчас сделаю!

Положив топор, я взял с подоконника лист бумаги и шариковую ручку, подсел к столу и написал вот что:

“Директору заповедника “Полистовский”
от старшего группы общественных лесных
инспекторов

Объяснение.

Инспекторской группой в составе четырех человек (список группы прилагается), находящейся в ночь с субботы на воскресенье неподалеку от офиса дирекции заповедника, были обнаружены признаки сильного задымления. Дым шел из-под дверей соседней с офисом квартиры. Вскрыв дверь, мы обнаружили очаг самопроизвольного возгорания и приняли ряд мер для его устранения.

Локализовать пожар не удалось из-за отсутствия в нашем распоряжении адекватных противопожарных средств. В ходе тушения пожара инспектор Огурцов был поражен электрическим током (вода попала на оголенный участок электросети). Увидев, что в тушении пожара стали принимать активное участие другие люди (жильцы дома и т.д.), мы немедленно покинули место происшествия, так как нам было необходимо создать для инспектора Огурцова приемлемые условия и оказать ему посильную медицинскую помощь.

Число, подпись”.

- Мы требуем, - процедил сквозь зубы один из инспекторов, как только прочитал составленный мной “документ”, - чтобы вы свернули свою деятельность и убились. В заповеднике вам больше делать нечего, с этого дня вам запрещается заходить даже в охранную зону. Это приказ директора, вы меня поняли?

Меня вдруг разобрала злость. Я неожиданно припомнил все обстоятельства нашей поездки: и “ГТС с запасом топлива”, и “питание и форму”, и дом с мухами. Вспомнил, как мы охраняли эти ебучие болота, как ссорились с местными, как сидели с помповым ружьем у слухового окошечка на чердаке. И так мне стало от всего этого досадно, что я вышел вперед и заявил:

- Нам ваш директор не указ! Мы подчиняемся только нашему куратору из Комитета, так что идите куда подальше со своими требованиями!

Мужики от такой наглости только рты пооткрывали, и тогда я говорю:

- Могу написать вам бумагу, что вашу *рекомендацию* насчет прекращения нашей деятельности мы слышали. Идет?

- Ах ты... - взбеленился поначалу мой собеседник, но затем подумал немного и махнул рукой: - Хер с вами, пишите что хотите!

На том и порешили.

На четвертый день подошли к концу запасы “Примы”, так что мы были вынуждены перейти на самокрутки из махорки местного производства. Ее у нас было еще преизрядно: в привезенном Костяном из Ручьев пакете оставалось не менее половины. К сожалению, кончилось не только сигареты - в закромах осталось лишь двести граммов уксуса да полкило слежавшейся соли.

По счастью, на поле возле нашего дома принялись резать коров, так что мы упросили местных мужиков слить несколько ведер крови в сорокалитровый бидон. Поставив бидон на печь, мы сварили кровь с солью, получив около двадцати килограммов рассыпчатой коричневатой субстанции, отдаленно напоминающей по вкусу говяжью печеньку.

Теперь наш рацион выглядел так: сдобренный брусничными листьями кипятком и вареная кровь с уксусом (половина чайной ложки на брата, ответственный за выдачу - Максим Bravo) на завтрак, морс из клюквы и обжаренная кровь с уксусом на обед, отвар из еловых лап и запеченная на сковороде кровь на ужин.

Зарядили проливные дожди, так что мы целыми днями только и делали, что курили махорку да играли в “козла”. Летели дни, наполненные воем ветра и барабанными ударами дождя по крыше - треснувшая печь дымила, потолок потихонечку протекал.

Весь мир как будто сжался до размеров закопченной, оклеенной подмокшими обоями комнаты: грязная печь, груды тряпок в углу, провалившийся местами пол и бидон с кровью. Последняя вскоре приелась до такой степени, что даже уксус не помогал. Я не мог без содрогания смотреть себе в миску и во время еды закрывал глаза, но через пять дней вареная кровь начала тухнуть, и от этого способа стало мало толку.

Не знаю, пробовал ли кто-нибудь из вас тухлую кровь? Никакие слова не в силах описать это сложное, затрагивающее все системы восприятия чувство. Передать её мерзкий вид, напоминающий комья коричневой слизи, ее трупный запах и ни с чем не сравнимый гнилостный вкус. Уксус по сравнению с этим кажется небывалым нектаром, а аромат махорки возносит человека до самых небес.

Однажды утром Строри, получивший от стоящего у плиты Панаева свою миску, вцепился руками в волосы и принялся раскачиваться на стуле с выражением непереносимого страдания на лице. Так он провел с десятков секунд, а затем встал и решительно отодвинул миску подальше от себя.

- Что с тобой? - спросил у него я. - Что-то не так?

- Я... - начал Костян голосом ветерана, только что вернувшегося домой с долгой и опустошительной войны. - Я устал от крови!

Шел девятый день нашего пребывания в Сосново, а от Крейзи не было ни слуху, ни духу. Все чаще можно было услышать осторожные и как бы шутливые разговоры о том, как мы будем здесь зимовать, вот только смешно уже не было. Так что когда вареная кровь окончательно протухла, мы решили из Сосново бежать.

Для этого Строри пошел в дом к проживающей неподалеку еврейской семье и стал набиваться в работники - за малую плату и за кое-какие харчи.

- Кровлю можем перекрыть, - авторитетно заявил он, - или забор поправить. Ваш-то совсем прохудился! Много не возьмем: нам бы поесть, да денег на автобус до Локни.

Спрошено - отвечено, только вот условия найма показались нам несколько тяжеловаты. За стоимость четырех автобусных билетов до Локни, ведро картошки, поллитру самогона и буханку хлеба хитрые евреи потребовали от нас вот что.

Нужно было отправиться в лес (то есть в охранную зону заповедника), срубить там около двухсот лесин (толщиной в самой тонкой части не менее чем в руку), ошкурить их и положить в штабель сушиться. Затем следовало выкопать по периметру участка тридцать восемь ям глубиной самое меньшее по полтора метра. В них надо было установить столбы (их тоже надо принести из лесу), низ которых предполагалось укрепить принесенными с другого конца деревни камнями. Затем мы должны были повывокыривать из кучи гнилых досок все гвозди, распрямить и с их помощью сделать вокруг еврейского участка настоящий часткол.

Но Строри даже бровью не повел, когда выслушал эти условия.

- Все сделаем в лучшем виде, - заявил он. - Только еду и выпивку пожалуйста вперед, а то мы работать не сможем: не ели очень давно! Давайте харчи, и завтра с утра мы примемся за работу!

Но наши наниматели не хотели ничего давать вперед, и тогда Строри говорит:

- Не хотите - как хотите. Придется нам к Мусе на работу проситься. Он хозяин видный, с ним голодным наверняка не останешься!

Угроза подействовала, и к обеду у нас в доме появились самогон, картошка и хлеб. Кроме того, нам достались две луковицы, три морковки и несколько соленых огурцов. Так что мы наелись как следует, выпили самогону и разомлели. Мы со Строри сидели на лавке, а Браво с Панаевым расположились на лежаках по разные стороны стола. Вскоре между ними вышла вот такая история.

- Эй, Тень! - крикнул Браво. - Хочешь огурцов?

- Хочу, - отозвался Панаев, которому из-за стола не видно было хитрое выражение лица Браво. - Давай!

Тогда Браво взял миску с нарезанными огурцами и запустил ее по дуге, целясь на голос. Миска взмыла вверх и через секунду приземлилась Панаеву на лицо, залив ему глаза крепким огуречным рассолом. И пока Тень промаргивался, Браво отправил в полет массивную металлическую кружку. Взлетев к потолку, кружка на какое-то время зависла в верхней точке своей траектории, а затем стремительно спикировала вниз. Бросок вышел, что надо: Максим умело подкрутил кружку, и она ребром сломала Панаеву нос.

Вечером того же дня мы договорились с водителем автобуса (который бывает тут всего раз в неделю), чтобы он совершенно бесплатно подкинул нас в Подберезье. Оттуда (как я тогда думал) останется всего тридцать километров до Новгорода, из которого до Питера можно доехать на электричке. Почему я в это верил - остается загадкой, но за небольшое время я сумел заразить своей уверенностью Панаева и Браво.

- От Подберезья до Новгорода ровно тридцать километров! - декламировал я. - Пройдем их за ночь и на утренней электричке двинем домой!

Мне поверили, и только Стори (чуждый топографического кретинизма) оставался непреклонен. Но ему пришлось согласиться с мнением большинства: мы уложили свои нехитрые пожитки и сели в автобус. Расположившись на потертых сиденьях, мы провожали взглядом деревню Сосново - череду деревянных домов, покосившиеся от времени заборы и старую свиноферму.

Автобус, урча мотором и мерно покачиваясь, мчал по шоссе через заболоченный лес. Стремительно темнело, вскоре пейзаж за окном стал практически неразличим. Тьма упала на мир, скрадывая очертания предметов, так что вместо окружающего пейзажа мы видели в стеклах лишь свои размытые отражения. Смотреть стало не на что, и я прикорнул у окна, положив голову на руки. Как мне показалось, всего на секундочку.

- Петрович, проснись! - голос Панаева ворвался в мой сон. - Приехали!

Подхватив рюкзак, я поднялся с сиденья и вылез из автобуса. Стояла жуткая темень, после освещенного салона на улице почти ни черта было не разглядеть. Кое-как виднелись лишь бетонная громада автобусной остановки, темная череда двухэтажных домов и далекий электрический фонарь.

- Подберезье, - сухо констатировал Стори. - Что теперь?

- Шпарим дальше по шоссе, - с легким сердцем заявил я. - Отсюда до Новгорода должно быть совсем недалеко!

- Да с какого хуя?! - взбеленился Стори. - Мы же в Псковской области!

Но мы не стали его слушать. Похватав рюкзаки, мы двинулись по ночной трассе сквозь Подберезье, за какие-нибудь двадцать минут оставив поселок далеко позади. Вышла луна, в ее бледном, мертвенном свете стали видны раскинувшиеся вдоль дороги колхозные поля. Шоссе серебристой лентой струилось сквозь эту бескрайнюю перспективу, каждый наш шаг эхом разносился в установившемся относительном безмолвии.

Было очень холодно. Казалось, что лунный свет стал вдруг ледяным, что его прикосновения обжигают. Мы шли молча, постепенно все ускоряя шаг, покуда на нашем пути не повстречалась ржавая вывеска, едва различимая в сгустившемся тумане: "Новгород - 330 км".

- Ну что? - издевательски осведомился Стори. - Как по-вашему, дойдем мы дотуда к утру?

- А... - я на время утратил дар речи. - Так ведь...

- Что я вам говорил? - продолжал Стори, в голосе которого явственно были слышны характерные победные нотки. - Это Псковская область!

- Чему ты радуешься? - разозлился Браво. - Вот попадалово!

- И где мы теперь будем ночевать? - вступил в разговор Тень. - Может, поищем какой-нибудь сеновал?

- А с утра что? - спросил Браво. - Нет, ночевать придется в Подберезье. А там как-нибудь впишемся на утренний автобус и доберемся до Локни. Другой мазы тут нет.

Пришлось нам поворачивать назад. Ночевать в поле не хотелось, но и Подберезье вызывало у меня определенные опасения. Местная гопота славится едва ли не на всю область, а у нас не было ни времени, ни средств на то, чтобы налаживать с ними отношения.

- Блудняк это! - высказался я. - Неизвестно еще, что из этого выйдет!

- Я там церковь видел, вроде, - заявил Браво. - Попросимся к попу на постой, авось господь не оставит нас в своем промысле!

Через полчаса мы отворили калитку в дощатом заборе и гурьбой вошли на полутемный церковный двор. Впереди виднелась невысокая деревянная часовенка, окна в которой были забраны частой металлической решеткой, с аккуратной пристройкой - жилищем местного попа.

- Во имя Господа! - кулак Браво гулко ударил в церковную дверь. - Отче, будь милосердным, отвори бедным путникам!

Ответом были мгновения напряженной тишины. Затем послышался скрип половиц, тихий шорох, и в окне на мгновение мелькнуло чье-то бородастое лицо. Затем все опять смолкло.

- Святой отец! - снова заколотил в двери Максим. - Пустите переночевать!

Но все без толку: поп, видать, успел разглядеть за окном наши лица и почел за лучшее затихариться.

- Кончай колотить, Максим, - попросил я. - А тот как бы он за ружьем не сходил. Пошли отсюда.

Следующий час мы провели, прячась от ледяного ветра внутри бетонного короба автобусной остановки. По ходу этих посиделок мы раззнакомились с припозднившимся местным мужиком (он представился дядей Толей), который угостил нас куревом, а заодно повел с нами вот какой разговор:

- Вы, парни, случаем не та молодежь, которую пригнали наше болото охранять?

- Ну... - начали мы, не зная еще, что выйдет из этой беседы. - Может, и так. А ты почему спрашиваешь?

- Хочу, парни, чтобы вы знали... - тут дядя Толя вынул изо рта "Приму" и смачно сплюнул прямо себе под ноги. - Знали, что тут на самом деле творится! Вы что себе думаете - вы заповедник приехали охранять?

- А... - от такого захода мы поначалу несколько прихуели. - А разве нет?

- Нет, - спокойно и немного печально ответил дядя Толя. - Нету тут никакого заповедника! Раньше ведь как было? Выйдешь на болото - вот тебе и зверь, и рыба, и ягода, и грибы. А сейчас что? Отравили нашу землю, под корень все извели!

- Кто отравил? - не поняли мы. - Дядя Толя, ты о чем?

- Заповедник этот - сплошная фикция! Каждый четверг с Псковского военного аэродрома летают самолеты и бросают в топь бочки, в которые налито неизвестно что. А охранную зону сделали, чтобы людям на болото ходить запретить. Наши до туда добирались, говорят - там в озерах вода с серебристым отливом, а вся рыба, какая есть - с синими глазами и сплошь в гнойниках. Химия это, точно вам говорю! Смерть на болотах!

Дядя Толя говорил размеренно и тихо, но бетонный купол остановки усиливал его слова - они падали, словно бетонные глыбы. Иногда наш собеседник на секунду прерывался, чтобы сделать пару затяжек, и тогда багровый огонек сигареты подсвечивал его лицо - бледное, с иссиня-черными кругами вокруг глаз.

- Обманули вас, - твердил дядя Толя. - Свалку химических отходов направили охранять! Так что будьте осторожнее, местные вашу контору и все с нею связанное здорово ненавидят. Если узнают,

что вы здесь - добра не жди. Так что я вас предупредил, а дальше своим умом действуйте. Я все сказал, а теперь бывайте²³³.

После такого напутствия мы почувствовали себя в Подберезье совсем уже неудобно. Поэтому я пошел в местную больницу и стал просить пустить нас на ночлег, а свою просьбу мотивировал так:

- Девушка, - обратился я к дежурной сестре, - я фельдшер из Питера. Мы тут с товарищами подрядились болота охранять, только до добра нас это не довело. Может, пустите нас переночевать в коридоре? А не то поутру нас все равно к вам доставят!

- Это почему же? - удивилась сестра.

- Мы местным не нравимся, - ответил я. - Так что лучше пустите нас сейчас, пока вам лишней работы не сделали.

Честно сказать, я не особенно верил в успех. Но нам повезло - милосердная сестра не только пустила нас под защиту больничных стен, но и выделила нам палату на четверых, два таза горячей воды, мыло и четыре комплекта чистого постельного белья. Кое-как умывшись и сбрав щетину, мы вытянулись на белоснежных простынях и некоторое время просто лежали, не в силах поверить своему счастью.

Я не лежал на нормальной кровати больше месяца, так что мне не пришлось особенно себя уговаривать - не прошло и десяти минут, как я уже спал. Мне снились бескрайние топи, шум винтов и рыба с синими глазами.

К полудню мы были в Локне. Здесь наши пути разошлись - Браво и Тень решили двигать в Питер по трассе, а мы со Стори задумали распродать остатки формы и попробовать добраться до дому на поезде. Стоя неподалеку от автобусного вокзала, мы заключили между собой пари: кто из нас доберется до Питера первым?

Пожав на прощание руки, мы разошлись в разные стороны - мы со Стори двинули к железнодорожным кассам, а Браво и Тень направились к посту ГАИ, расположенному на выезде из города.

Поначалу дело у нас не заладилось: нам удалось вписаться только в поезд до Сущево (станции, с которой мы месяц назад начали свой путь). Здесь нам предстояло продать оставшийся у нас единственный комитетский бушлат и Сторины болотные сапоги - с тем, чтобы выручить деньги на билеты до Питера. В расписании поездов было здоровенное "окно" (ближайший поезд на Питер был в девять вечера), так что времени у нас хватало. И пока мы решали насущные вопросы, с нами приключились две прелюбопытнейшие истории.

Первая из них случилась со мной. Снарядившись вырученными за проданные вещи деньгами, я направился в местный шалман, чтобы купить поллитру самогона и пару буханок хлеба. Одет я был примечательно: короткие резиновые сапоги, штаны от "афганки" (порванные на бедрах "в клочки" и кое-как прихваченные белыми шнурками), клетчатая рубаша и поверх нее местами прогоревшая офицерская шинель. Так что пятеро мужиков, обосновавшихся за столиком в том заведении, куда я зашел, сделали насчет меня вполне однозначные, хоть и не совсем верные выводы.

- Эй, военный! - услышал я из-за спины, хотя по первости и не принял оклик на свой счет. - Военный, кому говорю!

Я повернулся и увидел: говоривший, крепкий мужик лет тридцати, обращается ко мне.

- Какой я тебе военный? - удивился я. - Я и в армии-то не служил!

- Харе гнать! - был мне ответ. - Знаем мы вас, солдатиков беглых. Ты лучше приведи себя в порядок, не то тебя первый же патруль заметет. Иди сюда, водки с нами выпей!

И как я ни пытался объяснить про свои обстоятельства, слушать меня никто не захотел.

²³³ Наша природоохранная организация не располагает информацией, подтверждающей мнение дяди Толи насчет использования ООПТ "Полистовский заповедник" для захоронения химических (или иных) активных отходов.

- Болота послали охранять? - удивился один из мужиков. - Совсем уже, пидоры, избесились! До чего довели, на тебе же нитки целой нет! Неудивительно, что ты подался в бега. Да ты пей, солдатик, пей!

Когда я наконец избавился от их назойливой заботы и вернулся на вокзал, моим глазам открылась душераздирающая картина. В полупустом зале ожидания примостился на лавочке Строри - наряженный в китель от "афганки" и Крейзины замшевые штаны, лихо подвернутые над высокими строительными ботинками. Рядом с ним сидела девочка-бородяжка лет десяти и вела вот какой разговор:

- Солдатик, - толковала девочка, теребя в руках замызганного плющевого медвежонка, - ну подумай, зачем тебе отсюда бежать? У меня неподалеку есть сухой подвал, мы там живем с моим маленьким братиком. Там тепло, можно будет с удобством перезимовать. Насчет еды не беспокойся - тут люди добрые, так что с голоду не умрем. Только зимой страшно: братик-то еще совсем маленький! Солдатик, а давай зимовать вместе!

- Нет, девочка, - лаконично отвечал Строри, - не хочу я здесь зимовать. Да и не солдатик я!

- Ладно тебе врать, - гнула свою линию девочка. - Я же вижу, что ты беглый! А если здесь боишься оставаться, то возьми нас с братиком с собой. А то зимой тут так страшно!

- Эх, девочка, - покачал головой Строри, протягивая ей пару кусков хлеба из наших нехитрых припасов, - не могу я тебя с собой взять. Мама меня не поймет!

Когда свечерело, мы влезли в плацкартный вагон, расположились на полках и прильнули к грязному стеклу. Медленно уплывало назад серое здание вокзала, прячущееся за двумя рядами облетевших тополей, пустой перрон и панорама станционных огней. Поезд потихоньку набирал ход, навсегда унося нас из заповедной Страны Болот. Мы лежали на полках вповалку, и даже если бы узнали, что Браво с Панаевым успели в город раньше нас, то не стали бы горевать. Мы ехали домой, и больше нам ни до чего не было дела.

Елочный Террор (часть 1): "Мы - Ёлкинские!"

*"Даже у простого листа есть две стороны. Насколько же все оказывается сложнее, когда речь заходит об эльфах?" **Elvenpath.***

В декабре этого года зашла речь о подготовке очередной елочной кампании, получившей типовое название "ЕК-98". В этот раз курировать акцию должен был не Комитет по Лесу, а смежное ведомство - "Госкомэкология". Их чиновникам поручили предварительную подготовку и контроль, а проведение самой акции доверили нам.

Для этих целей помещение городского штаба кампании на Витебском вокзале отобрали у возглавляемой Жуком "Зеленой Дружины" и передали в наше полное распоряжение. Мы получили карт-бланш на подбор и привлечение соответствующих кадров, взяв под свое крыло большинство городских вокзалов и значимую часть "перспективных" направлений движения электропоездов.

Для участия в этой акции Крейзи привлек невообразимое количество народу, немалую часть которого составили бойцы двух дружественных нам общественно-политических организаций (далее по тексту - ОПОРГ). Остальное заполнили наши собственные кадры: действительные инспектора и дружинники числом около пятидесяти человек.

Основными опорными пунктами кампании стали городской штаб на Витебском (где должности оперативных дежурных разделили Кримсон и я) и наше старое помещение на Московском вокзале

(там правила Королева). К этим точкам были приписано большинство мобильных инспекторских групп, таких как “Елkinsкая”, “Crimsonmobile”, “Болгарская”, “истинно арийская группа им. Ефрейтора и Парафина”, “бригада Водопроводчика”, “Панаевская” и некоторые другие. Каждая из них внесла в проведение кампании неоценимый вклад, а какой именно - я вам сейчас обрисую.

Для начала перенесемся на Витебский вокзал, в городской штаб Елочной Кампании - небольшое помещение на первом этаже, вход в которое расположен посреди обширного зала ожидания. В этом же зале находится отгороженный ширмой шалман, оборудованный барной стойкой и несколькими бильярдными столами. Посреди зала уходит вверх (к платформам и отделу транспортной милиции) здоровенная лестница, в теле которой расположено помещение штаба.

Это вытянутая комната с длинным столом и ржавым распределительным щитком, косо прикрученным на стену в дальнем от входа углу. Вдоль стола поставлены низенькие деревянные лавки, на пол брошен изъеденный временем линолеум, стены выкрашены в тошнотворный желтушечный цвет. Под самым потолком закреплены две пыльные лампы дневного освещения, распространяющие по комнате ритмичное жужжание и потоки холодного искусственного света.

С дальнего, противоположного к входу торца стола располагается место оперативного дежурного: массивный стул, телефон и несколько глубоких ящичков для документов. В одном из них мы хранили так называемый “инспекторский чемодан”²³⁴: скопившиеся за несколько кампаний кипы приказов губернатора и комитетских постановлений, пачки заполненных протоколов, чистые бланки с Комитетскими печатями, отчеты инспекторских групп, жалобы граждан, доносы и многое другое.

Там же хранились ручки, карандаши, копирки и сверкающая россыпь латунных скрепок. Если порыться в чемодане хорошенько, можно было отыскать завернутую в обрывок бумаги пятку плана или старый шприц со следами высохшей крови.

Изначально план кампании был распланирован так: наши дружинники, инспектора и личный состав бойцов ОПОРГ распределятся по соответствующему количеству вокзалов, чтобы работать под жестким контролем проверяющих из числа наших старших инспекторов. Именно такую схему Крейзи обрисовал нашему руководству, со свойственной ему решительностью скинув со счетов самое важное: человеческий фактор. Давайте посмотрим, к чему это привело.

Во время этой кампании с нами рука об руку работала пара ОПОРГ, которые уже неоднократно упоминались по ходу нашего повествования. Ради сохранения доброго имени этих коллективов мы не станем прямо упоминать их в этой (хулиганской, наркотической, аморальной и т.д.) книге, а лишь дадим намеки, по которым участники этих организаций смогут узнать себя и отличить друг от друга. Стоило бы, конечно, прямо написать о делах этих людей, но у меня нет на то их разрешения. Так что вместо открытого признания заслуг в сегодняшнем меню будет малая толика конспирации.

По ходу текста мы будем использовать такие формулировки, как ОПОРГ№1 и ОПОРГ№2 (нумерация дается в порядке нашего знакомства с представителями этих организаций). ОПОРГ№1 в достаточной степени описана в главе “Солнце у ворот”, а в отношении ОПОРГ№2 мы находим возможным обозначить фамилию их тогдашнего руководителя (им был некто А. Гребнев).

Надо сказать, что у представителей этих организаций был немного разный подход к нашему общему делу. Например, представители ОПОРГ№1 редко предоставляли своих бойцов для работы в штабах или для перронного пикетирования. Вместо этого в штаб каждое утро являлись руководители нескольких “боевых троек” (трезвые, несмотря на близящийся Новый Год) и объявляли:

- Сегодня мы берем направление на Вырицу!

²³⁴ Это не просто название. Указанные документы ездили с нами “с кампании на кампанию” в старом, издававшем виды чемодане, по праву считавшемся одной из наиболее драгоценных реликвий нашей природоохранной организации.

- Хорошо, уважаемые, - кивал я, делая у себя в журнале специальную пометку: “маршрутов на Вырицу на сегодня нет”.

Это было оправданной мерой, так как вечером в штабе появлялись те же самые люди (все еще трезвые, чего мы были просто не в силах понять), чтобы сообщить:

- По направлению на Вырицу все чисто!

- Спасибо, уважаемые, - отвечал я, при этом помечая в уме, что теперь на всем протяжении от Питера до Вырицы нет ни одного нелегального елочного базара. Только полные сломанных елок покосившиеся клетки, до смерти перепуганные хачики и трясущиеся от ужаса цыгане. “Протоколов” об этом нам, разумеется, не перепало, но это было и не нужно - здесь соблюдался дух, а вовсе не буква закона.

Представители ОПОРГ№2 занимали принципиально иную позицию. Товарищ Гребнев выделил для обеспечения безопасности штабов и оперативной работы около двух десятков своих бойцов, позволив нам высвободить значимую часть собственных инспекторов для участия в так называемых “мобильных группах”. Кадрам Гребнева следует отдать должное: это были исполнительные, дисциплинированные, малопьющие и чуждые употреблению наркотиков люди.

Увидав, что руководство кампании в нашем лице синячит, как проклятое, приданные нам бойцы даже глазом не повели. “Раз пьете, значит, вам можно!” - констатировали они, и больше мы к этому вопросу не возвращались. Работали эти парни четко и слаженно, словно хорошо отрегулированные часы. Всего один раз из-за людей Гребнева возникли проблемы, когда им вдруг пришло в голову устроить “инициативную акцию”. Вышло это так.

- Мы хорошо работаем? - обратился ко мне один из ихних бойцов. - Вы нами довольны?

- Нет слов! - ответил я. - А почему вы спрашиваете?

- Нам положено раз в неделю устраивать самостоятельные акции, - был мне ответ. - Мы наметили на сегодня одну, а вы должны будете подписать рапорт о ее проведении. Это возможно?

Такой подход меня несколько не удивил. Правила в Гребневской конторе были самые строгие, так что нашим старшим инспекторам изредка приходилось подписывать для бойцов их внутреннюю отчетность. Чтобы руководство видело, как работают кадры, приписанные к нашим штабам.

- За два часа уложитесь? - разрешил я. - А то потом у меня пересменок. Если не успеете, подписывать буду не я, а мой сменщик. Идет?

В качестве самостоятельной акции люди Гребнева затеяли вот что. Неподдалеку от Витебского вокзала расположен шикарный елочный базар, где торговал елками какой-то сумрачный хачик. Ворвавшись на территорию базара, бойцы Гребнева надавали хачику оплеух, собрали все елки и в спешном порядке доставили их в штаб. Лепет хачика про “документы в порядке” и про какие-то там “проблемы” они даже слушать не стали. Как оказалось впоследствии - зря. Проблемы действительно были, причем не абы какие, а самые настоящие ПРОБЛЕМЫ.

К счастью, не у меня. Подписав рапорт об успешном проведении акции, я сдал пост Кримсону, выпил водки и отправился спать. Не ведая, что через пару часов после моего ухода к зданию вокзала подъедет автоколонна из четырех охуительных иномарок. В них сидели вполне себе взрослые мужики (хотя в данном случае уместнее было бы сказать “пацаны”). С виду - бывшие спортсмены, причем в таких шмотках, которых мы даже в магазинах не видели. Двое из них тут же прошли в помещение штаба и на удивление вежливо поинтересовались: что тут такое и кто в этом заведении главный?

Бывшие в штабе дружинники без всякой задней мысли указали на Кримсона, так что пришлось ему идти на улицу и разгребать возникший вопрос. У приехавших людей было всего два вопроса: “Кто вы такие?” и “Вы что, совсем охуели?”. Оказалось, что разграбленный базар был чуть ли не единственным в городе, где все документы были в абсолютно полном порядке. Кроме того, он частично или полностью (тут мы не совсем поняли, а переспрашивать было неудобно) принадлежал этим уважаемым людям.

Вот что сам Кримсон рассказывал впоследствии об этом разговоре:

- Выхожу на улицу и вижу - мне пиздец. Непонятно - то ли говорить будут, то ли прямо на месте голову отрежут. Сука, думаю - ну зачем я сегодня вышел на смену? А самое досадное, что те елки, о которых шла речь, были уже проданы мною на другой елочный базар. Ну и как тут прикажете быть?

Собравшись с духом, на поставленные вопросы Кримсон ответил так:

- Мы - природоохранная инспекция, действующая исключительно в рамках приказа губернатора СПб. О произошедшем с вашим базаром мы сожалеем, но вина тут вовсе не наша. Там работала молодежь (вон те вон лысые, в камуфляжных куртках), у них национальное самосознание идет прежде всего. А на базаре стояла чурка тупая, которая даже насчет документов не может нормально объяснить. А уж тем более насчет вас! Как нам его понять, если он по-русски нормально не говорит?

- А елки где? - спросил у Кримсона один из его собеседников.

- Часть отправили для передачи в детские дома, часть ментам ушла, часть сами продали, - более-менее честно ответил Кримсон. - Короче, нету их. Если хотите, мы можем еще изъять и отдать вам.

После этих его слов люди у машин чуточку посовещались между собой, а потом один из них заявил:

- Молодежи вашей вмените про вежливость. Чтобы они не слишком охуевали! Базары наши находятся по таким-то адресам, хорошо это запомни и своим расскажи. Чтобы таких косяков больше не было. Все, свободен!

- А елки? - спросил Кримсон.

- На хуй мне елки? - был ему ответ. - Пусть хачик сам парится, где их взять. Мне такие гроши без интереса!

Хочу сразу отметить, что подобным образом думали далеко не все. Многим нашим товарищам суммы, проявляющиеся в результате оборота незаконно добытой лесопродукции, вовсе не казались грошами. Иномарку на них, конечно, не купишь, но тогда нам столько было и не надо.

Так что среди ветров, что наполняли собой черные паруса нашей природоохранной организации, неожиданно задул еще один. Неукротимый ветер, о котором сложено немало песен:

*За ветер добычи,
За ветер удачи,
Чтоб зажили мы
Веселей и богаче!*

Этот ветер наполнил сердца подобно жаркому урагану, в одночасье круто изменив курс нашего корабля. Он неразрывно слился с остальными ветрами, о которых как раз пришло время рассказать. Поведать о могущественных силах, которые формировали наш мир и до настоящего момента были практически полностью скрыты от пытливого взора читателя.

Если говорить образно, наше братство напоминает корабль, дерзко вышедший в море под своим собственным флагом. И команда на нем подобралась далеко не сразу. Кто-то взошел на борт раньше, кто-то позже - нынче это уже не имеет особенного значения. Кто-то ходил до этого под другими парусами, а кое-кто даже принес свои знамена с собой²³⁵. Но посторонние люди склонны видеть над нашим кораблем только один флаг - черный, как ночь, с тремя белыми поганками в центре.

²³⁵ Так было, когда наша банда впитала в себя часть "Арнорской Дружины" и "Синих Гномов", а чуть позже - объединилась с людьми из Эйвовского коллектива. Невзирая на это, подавляющее большинство окружающих называет нас "Грибными Эльфами", что (думается мне) на данный момент является абсолютной и совершенно законченной исторической правдой.

Плавая по океану жизни, мы избородили немало разной воды. Видели сияющие неземным светом моря ролевых игр, в которых волны шепчут на незнакомых языках и навевают чарующие сны. Дрейфовали в пропитавшихся мазутом заливах огромных городов, полных барахтающихся в отравленной воде уголовников и опустившихся на самое дно наркоманов. Пересекали пустынные плесы далеких земель, боролись с диким ветром в штормовом море оперативной природоохраны, бросив весла и руль, плыли по размывающим границы сознания медленным рекам кислоты.

Разные ветра, разные принципы, намерения и побуждения двигали нами на этом пути. Мне хотелось бы сказать о них хотя бы пару слов, чтобы вам стало ясно, что связывает этих странных и непохожих друг на друга людей. Чтобы вы на секундочку приблизились и смогли сами заглянуть в самые дальние, потаенные трюмы нашего корабля.

В начале пути (1994-1995 г.) наша первичная ячейка отталкивалась от принципов так называемого “Коалиционного Соглашения”, текст которого приводится ниже. Эти принципы, пусть с некоторыми изменениями, всегда оставались актуальными для нас. Вот этот потрясающий в своей простоте документ, который может послужить отличным руководством для всех, кто хочет построить справедливое общество только для себя и для своих близких товарищей:

“Коалиция представляет собой Соглашение, которое участники (Коалиционеры) заключают с целью ограничения физического и имущественного насилия по отношению друг к другу. Это Соглашение подразумевает следующие пункты:

- ✓ Участники Коалиционного Соглашения заключают его между собой устно, каждый с каждым, при личной встрече.
- ✓ Данное Соглашение длится бессрочно.
- ✓ Новый участник может примкнуть к Соглашению только с согласия всех Коалиционеров.
- ✓ Участники Соглашения обязуются не причинять физический вред другому Коалиционеру.
- ✓ Имущество Коалиционера неприкосновенно для прочих участников Соглашения.
- ✓ Коалиционер обладает правом протекции в отношении близких ему людей. В случае объявленной протекции прочие Коалиционеры воздерживаются от причинения этим лицам физического и имущественного ущерба.
- ✓ В случае угрозы для жизни, здоровья, имущества или достоинства Коалиционера по вине обстоятельств или третьих лиц прочие Коалиционеры обязаны немедленно оказать ему Коалиционную Поддержку.
- ✓ Если третьи лица нанесли ущерб здоровью, имуществу или достоинству Коалиционера, остальные Коалиционеры помогут ему в осуществлении мести, либо осуществят её за него.
- ✓ Высшим правящим органом Коалиции, уполномоченным принимать любые решения, является Коалиционное Собрание.
- ✓ Коалиционное Собрание принимает решения большинством голосов, при минимальном кворуме в два голоса.
- ✓ Коалиционер обладает правом вето в отношении любых решений Коалиционного Собрания, имеющих к нему, его имуществу или статусу непосредственное отношение”.

Фундаментальная мощь этих строк стала той основой, над которой впоследствии поднялся монолит нашего будущего братства. Его кладка была замешана на нашей собственной крови: наступил тот день, когда мы смешали её и назвали друг друга братьями. Ритуал оставил на наших руках шрамы, которые с годами стерлись и побелели - чего не скажешь об отметинах, которые он запечатлел в наших сердцах.

Значимой частью нашей “коллективной идеологии” мы обязаны Крейзи. Нельзя сказать, чтобы ему верило большинство братьев, но с помощью своих любимых методов (кислоты и бесконечного повторения одних и тех же вещей) Крейзи все же сумел добиться кое-каких результатов.

В основе излагаемых им взглядов лежали анархические принципы времен махновского движения 1918 - 1921 годов²³⁶. У возглавляемой Нестором Ивановичем революционно-повстанческой армии Украины Крейзи позаимствовал черное поле для нашего флага, а ряд идей Махно нашли отражение в структуре нашей собственной организации. Аналогичное влияние на наши взгляды оказала популяризируемая Крейзи книга Эрнесто “Че” Гевары “Эпизоды революционной войны”. Оттуда в нашу речь пришло слово “команданте”, которым мы обозначали формального лидера, ответственного за организацию масштабных кампаний и акций²³⁷.

Наравне с этим Крейзи выступал с идеями “психоделической” (за легализацию психоделических средств) и экологической (за создание новых ООПТ, охрану которых будут осуществлять бойцы “зеленых” организаций, за тотальный контроль над осуществлением вырубок, запрет охоты и т.д.) направленности. Именно он придал слову “эльфы” новую окраску, смешав в “идеологической палитре” черный, кислотный и зеленый цвета. Влияние Крейзи было значимым фактором формирования нашего имиджа, но было и еще кое-что, о чем стоит рассказать.

Начиная с 1997 года в среде наших товарищей начали набирать силу идеи, с леденящей четкостью сформулированные в приводящейся в одной из глав песне “Я - отморозок!”. Пальма первенства на этом фронте принадлежит Маклауду, но (честно будет об этом сказать) в те времена подобными взглядами увлекся не только он.

Тяга к грабегам и погромам, неутоленная ненависть и огненно-кровавый кураж охватили практически весь коллектив. Тьма опустилась на мир, дух насилия будоражил сердца, наполняя копилку человеческих слухов жуткими прецедентами. По самым скромным подсчетам, хуевые истории происходили в те годы с частотой не менее раза в неделю, а в особенно удачные седмицы таких случаев выходило до десяти.

Эти побуждения коснулись и глубоко изменили многих из нас. Идеология ненависти заставляла умы пылать подобно знойному дыханию ада, не оставляя нашим врагам ни единственной минуты покоя. Некоторые из этих историй нашли свое отражение на страницах этой книги, а прочие мы пока что прибережем. Нам и без них будет о чем рассказать.

Зима 1998 года стала для нашей организации переломным моментом. Совершенно неожиданно наши товарищи поняли, что скапливающиеся в наших руках сотни (вернее, тысячи) единиц незаконно добытой лесопродукции могут быть обращены в немалые деньги. Это откровение сулило нам очень и очень многое: столы в кабаках, заполненные разнообразной снедью (вместо подсохших от времени “штабных” бутербродов), ледяную водку и прохладное пиво (заместо портвейна и спирта), карманы, приятно оттопыривающиеся от плотно набитых купюр.

Как только это стало понятно, между товарищами разгорелось самое настоящее соревнование. Действуя группами и поодиночке, братья принялись самозабвенно “стричь бабло” на вверенной им территории, не считаясь при этом не то что с нормами морали и права, но даже друг с другом. Демон наживы проник в душу каждого, превратив Елочную Кампанию этого года в совершенно невообразимый, поразивший даже опытных товарищей “раздербан”. Давайте насладимся этими историями по порядку, на живописных примерах “работы” Городского Штаба и нескольких “инспекторских групп”.

²³⁶ В свое время Крейзи написал об этом монографию, озаглавленную им “Н.И. Махно. История анархического движения на Украине”.

²³⁷ Команданте (исп. comandante). [1] - воинское звание майора в испаноязычных странах (в ряде случаев означает «комендант», «командир»). [2] - высшее звание среди повстанцев в период революции на Кубе в 1956-1959 годах. [3] - (грибноэльф.) - организатор и координатор масштабных акций, исполняющий функции официального лидера организации; в период с 1997 г. по 2000 г. эту должность занимал Крейзи.

В районе станции Купчино действовала “инициативная” группа, получившая кодовое название “бригада Водопроводчика” (по имени основателя этой удивительной ячейки). “Инициативной” я называю эту группу потому, что её члены действовали без удостоверений, исключительно по собственной инициативе. Получив у Крейзи устное разрешение на участие в кампании, Водопроводчик и его друзья принялись методично грабить окрестные елочные базары, стараясь ни одного мимо себя не пропустить.

И поскольку у них самих не было документов, то они не особенно интересовались наличием разрешений на продажу елей. То есть грабили даже те базары, у которых с бумагами все было в полном порядке. В таких (надо сказать, редких) случаях они отнимали у продавцов вместе с елками и означенные документы. Причем бланки последних они добросовестно передавали в городской штаб вместо протоколов, которых они принципиально не составляли.

За небольшое время “бригада Водопроводчика” парализовала в районе станции Купчино всю торговлю елями. Телефон в городском штабе разрывался от тревожных сообщений о “летучих отрядах”, которые разоряли по несколько елочных базаров каждую ночь. И каждый раз успевали скрыться с “места зачистки” за несколько минут до приезда удельных ментов, не оставив по себе памяти, кроме расплывчатых ориентировок: “молодые люди в черных шапочках и камуфляжных бушлатах”.

К штабу на Московском вокзале была приписана группа инспекторов под кодовым названием “Елкинская”, лидирующая по числу совершенных ее членами должностных преступлений. В эту ячейку (состав которой менялся почти каждый день) входили такие видные оперативники, как Строри, Барин, Эйв, Трейс, Альбо и Гурт.

За основу своей работы они взяли рэкети́рские методы, обложив торговцев елями в районе Московского вокзала значительной данью. “Елкинские” считали, что унести деньги проще, чем утащить елки, и что в этом присутствует гораздо больше смысла. Характер их действий столь полно описан в статье №163 УК РФ (вымогательство), что к этому почти что нечего добавить. Название же самой группы связано вот с чем.

Вечером, объехав намеченные с утра торговые точки, товарищи собирались в баре “Диадор”, чтобы разделить дневную выручку между собой. Бар “Диадор” расположен на цокольном этаже углового дома №13 по Большому Казачьему переулку, в месте его пересечения с Загородным проспектом. И поскольку этот бар находился практически напротив Городского Штаба Кампании, он пользовался огромной популярностью между “наиболее продвинутыми” нашими инспекторами.

Цены в “Диадоре” были отнюдь не низкие, так что позволить себе отдыхать здесь могли только члены нашей партийной элиты, закореневшие во зле и запятнавшие себя множеством должностных преступлений. Сидя на ажурных стульях за стеклянными столиками, они вкушали салаты “Французский” и “Клеопатра”, селедочку по-русски и мясное ассорти, куриный крэш и свинину с яблоками по-польски.

Текли реки водки и пива, искрилось озорными брызгами ледяное шампанское, а из камуфляжных бушлатов и армейских штанов, из бездонных карманов разгрузок и курток на стол сыпались для дележки промокшие, мятые, а иногда и окровавленные купюры. Некоторые инспектора вынимали на свет целые комья слипшихся “разнокалиберных” банкнот, вокруг которых тут же поднимался многоголосый крик озверевших от “оперативной работы” товарищей:

- Мало, мало мы с них взяли! Надо было...
- Эти пидоры с Бакунина опять ни хуя платят! Может...
- Мне треть причитается, на базар-то я вас навел! Давай сюда...
- Убери грабли, сука! Какая еще треть? Ты что, опух?

Бар “Диадор” - заведение достаточно популярное, так что туда заглядывали не только наши товарищи. Расположенный напротив Витебский вокзал - очень хлебное место, поэтому в “Диадоре” можно было встретить людей самых разнообразных профессий: гопстопщиков, мошенников, ломщиков и бандитов. Как-то раз двое отдыхавших за соседним столиком “пацанов” подошли к нашим товарищам во время “дележаки” и поинтересовались:

- Парни, а вы чьи будете?

В ответ на это Альбо, под мышкой у которого болталась кобура с новеньким “газовиком”, поднял от стола взгляд, оценивающе посмотрел на собеседника, а затем спокойно ответил:

- Елкинские мы...

Шутка понравилась, так что теперь эту “инспекторскую группу” у нас стали называть не иначе, как “Елкинская”. Она навсегда вошла в историю оперативной природоохраны, отложившись в памяти нарушителей, как “Елкинская преступная группировка²³⁸”.

Вскоре район Московского вокзала показался “Елкинским” недостаточно перспективным, так что они принялись ездить на нашу с Кримсоном территорию и бесчинствовать там. В качестве одного из пунктов для своего вымогательства они выбрали нелегальный елочный базар в районе станции “Проспект Славы”. Он располагается в подземном переходе, соединяющем две стороны железной дороги (Московский и Фрунзенский районы) и пару железнодорожных платформ.

Это сырая и холодная бетонная труба, которую цыгане в предновогодний период приспособливают для массовой торговли елями. Часть из них рубят елки в лесу и доставляют на место электричками, а прочие продают с рук в указанном переходе. Торговля здесь идет бойко, так что в “запасниках” под платформой цыгане держат фантастическое количество елей.

Дважды в день мы посылали из Городского Штаба наряды бойцов, которые блокировали переход и набивали в электрички цыган вместе с их елками (включая те, что были спрятаны под платформой). После канители с оформлением я или Кримсон (в зависимости от того, кто из нас сегодня дежурил) перепродавали эти елки на пару частных базаров, которые были расположены на площади прямо перед нашим вокзалом. По всеобщей договоренности наши инспектора не трогали эти точки, чтобы у нас оставалась возможность “не отходя от кассы” реализовывать незаконно добытую нами лесопroduкцию.

Каково же было мое удивление, когда в один из дней в штаб приволокли целую толпу истошно голосящих цыган, размахивающих над головой какими-то мятыми бумажными листиками.

- За все заплачено! - выли они. - Начальник, нам разрешили торговать! Отдайте товар!

Взяв один из листков, я бегло пробежал его взглядом и аж похолодел. Вот что там было написано:

Елками торговать разрешаю.

150 рублей.

(Фамилия, число, подпись)

Фамилия и подпись на листке принадлежали Эйву, а сумму он проставил, чтобы не забыть порядок получаемой с цыган мзды. Это было просто невероятное “палево”, наши недоброжелатели многое бы отдали за подобный листок. Подобный компромат мог нам очень дорого стоить: неудивительно, что я разнервничался и пришел в некоторое беспокойство.

Спешно отобрав у цыган выданные Эйвом “документы”, я отправил задержанных на оформление, а сам принялся думать свою невеселую думу. И пока Леночка Бухгалтер, Партизанка и Эльхи (передовые бойцы нашего “бумажного фронта”) составляли на цыган протоколы, я размышлял о

²³⁸ Впоследствии наши враги даже написали об этом статью: “В этом году защита леса проводится без бандитов”; Информационная служба “Эко-Согласие”, 24 декабря 1999;

том, что “Елкинские” перешли границу и вторглись в наш с Кримсоном феод. А приключившийся вечером того же дня визит Строри подтвердил мои мысли.

- Эй ты, гондон! - с порога заорал он. - Ты зачем портишь наш бизнес?!

- Сам ты гондон! - возразил я. - Какой такой “ваш” бизнес на Оредежском направлении? Уж не проспект ли Славы ты имеешь в виду?

- Это наша точка! - заявил Строри, стремительно пересекая комнату. - А твои обмороки у наших цыган елки воруют! Кто теперь будет нам платить?

- Сами вы обмороки, - возмутился я. - Посмотри-ка сюда!

Я выложил на стол отобранные у цыган “документы” и принялся орать:

- Это что за хуйня? С таким палевом не надо никакого Гущина, нас Госкомэкология и так с потрохами сожрет! Кто вас надоумил левые малявы подписывать своими фамилиями?! Вы бы еще номер ксивы снизу поставили! Чтобы ноги вашей больше не было на Славе. Вы к Мосбану приписаны, вот там и бесчинствуйте!

С кем-нибудь другим это могло бы иметь успех, но Строри на мякине не проведешь.

- Ты что, совсем охуел? - тихо спросил он, пододвигаясь ко мне вплотную. - Тебе власть ударила в голову? Ты кому втираешь про “палево” и про “приписан к Мосбану”? Я что, не знаю, сколько елок вы с Кримсоном снимаете со Славы? И почему их скидываете? А с братьями делиться, значит, уже не надо?

Тут Строри уселся на лавку и принялся с чувством рассуждать о принципах братства, из которых следовало вот что. Половину денег за проданные елки мы с Кримсоном должны будем отдавать ему, а уж он сумеет справедливо разделить их между остальными. Говорил Строри красиво и проникновенно, но я знал его слишком хорошо, чтобы хоть на секунду прислушаться.

- У меня другое предложение, - сразу же заявил я. - Лучше будет, если мы создадим общак, в который станем класть все деньги, собранные за день. Общак будем хранить прямо здесь, в штабе, так что вам всего-то добавится дел, что вечером сдать деньги. Затем мы с Кримсоном посчитаем вашу долю и...

- Достаточно, - оборвал меня Строри, резко поднимаясь из-за стола. - Вижу, что мы друг друга не поняли. Уверен, что товарищи этого не оценят, и что в конце концов вы с Кримсоном получите за свои фокусы пизды. Учти, я тебя предупредил!

- Давай, давай, - кивнул я, отметив у себя в уме завтра же утром направить на Славу бойцов ОПОРГ №2 с указанием разогнать всех цыган и до основания разорить этот проклятый базар. - Валяй, угрожай мне. То-то ваш бизнес от этого лучше пойдет!

Страсти кипели не только во время работы, но и на отдыхе. Однажды, когда человек пятнадцать наших товарищей сидели в “Диадоре”, я решил подшутить над Владом и предложил ему вот что:

- Слышь, Влад, скажи Браво, что он не морской пехотинец.

- Зачем? - спросил Влад.

- Прикольно будет, - пообещал я. - Вот увидишь!

Пьяный, а от того чуть более доверчивый, чем обычно, Влад не стал особенно рассуждать.

- Эй, Максим, - обратился он к сидящему напротив него Браво. - А ведь ты ни хуя не морской пехотинец!

Драка в заповеднике между Строри и Браво началась примерно с этих же слов, а ведь с той поры прошло всего несколько месяцев. Я едва успел подхватить свою тарелку и пиво, как Браво ударом ноги опрокинул стол и набросился на Влада. В ходе этой бучи были разбиты двенадцать пивных кружек, три пепельницы и два стеклянных стола. Некоторое время после этого местная охрана не хотела пускать нас в “Диадор”, но потом все-таки передумала.

Другой занятный случай приключился с нами в районе Пяти Углов. Вечером была метель, но к ночи снегопад стих, оставив на тротуарах тонкий слой чистейшего белого снега. В ледяном

воздухе со скрипом раскачивались уличные фонари, витрины ночных магазинов мерцали призрачным неоновым огнем. Мы прогуливались тесной кампанией - я, Строри, Панаев и Королева - но неожиданно были атакованы выскочившим из-за угла незнакомым мужиком.

Это был видный мужчина почти двух метров ростом, наряженный в черные джинсы, дубленку и зимние сапоги на меху. У него была похожая на бочку грудь, а размах плеч такой, что он казался поперек себя шире. Его голову (размером с пивной бидон) украшала огромная меховая шапка, из-под которой виднелся массивный лоб и грубое, невыразительное лицо.

Впрочем, разглядеть его как следует нам не представилось возможности. Как только мужик нас заметил, он тут же сорвал дистанцию, размахнулся и со всей одури влепил идущему впереди Строри кулаком по башке. Удар был нанесен мастерски - быстро и сильно, так что Строри не успел прикрыться, упал и кубарем покатился по земле.

Все это заняло не больше нескольких секунд, а в следующий миг из-за угла появились еще четверо: лысый мужчина лет сорока, одетый в светлые брюки и коричневую "пропитку", и какой-то ханурик полубомжовского вида, неизвестно как оказавшийся в этой компании. В двух метрах за ними виднелись силуэты двух шикарно прикинутых (дорогие шубы, норковые шапки, элегантные сумочки и манто) теток средних лет, которые курили сигареты и смотрели на происходящее с выражением брезгливой скуки. Им все это было неинтересно, а вот мужики (как только увидели, что их товарищ дерется) мгновенно сориентировались и тут же бросились к нам.

Впрочем, мы с Панаевым сориентировались еще быстрее. Взяв из сложенного на краю тротуара штабеля кусок брусчатки и удерживая его обеими руками, я бросился к лысому и нанес ему два сильных удара по голове. Мощь этих ударов болезненно отозвалась у меня в пальцах, на перчатки мне брызнула кровь, а лысый упал и больше не поднимался.

В это время Панаев сумел прорваться к своему противнику за спину и обхватить его руками за шею. После этого он протащил его пару метров до ближайшей стены, где несколькими мощными ударами разбил ему голову о выступающий угол. Это не заняло много времени: пока мы дрались, Строри только-только успел встать.

Поднявшись на ноги, он сразу же бросился к напавшему на него мужику. Следует отдать Строриному противнику должное: он не препятствовал Костяну, пока тот вставал, ожидая своего оппонента с саркастической ухмылкой на лице. И когда Строри подошел вплотную и замахнулся, мужик не предпринял никаких попыток закрыться, скорее наоборот: убрал руки за спину и подался вперед, подставляя скулу под Строрин удар.

Бах! Удар у моего друга тяжелый, но сейчас он пришелся как будто в кирпичную стену. А в следующую секунду мужик ударил в ответ - ногой, причем с такой силой, что я решил, что от удара у Костяна лопнут позвоночник и ребра. Падая, Строри отлетел назад и ударился головой о стену - но вскоре опять встал, покачиваясь и сплевывая себе под ноги красным.

Во всем этом было нечто иррациональное. Пустынные улицы, ослепительно белый снег, равнодушно курящие женщины, а рядом на тротуаре - два окровавленных тела. Строрин противник стоял, сжимая пудовые кулаки, и нечто в его лице убедило меня бросить брусчатку, схватить Строри за плечо и развернуть его по направлению к уходящей в сторону Невского улице Рубинштейна.

- Бежим, - заорал я. - Бежим, брат, ну его в пизду!

Уговорить Строри отступить обычно не так-то просто, но из-за полученных ударов он уже почти ничего не соображал, так что нам с Панаевым это удалось. Мы бросились бежать, вот только уйти нам не дали - не прошло и минуты, как нас настигла милицейская машина. А еще через несколько секунд нас всех положили на землю под автомат. Без долгих разговоров нас (меня, Панаева и Строри) доставили в ближайший отдел, а вот Королевы с нами не оказалось. Когда начался милицкий кипеш, она сумела куда-то потеряться.

Больше всего я не люблю попадать в милицию вместе с пьяным Стори. Потому что он тут же начинает бредить, будто бы он “в отрицалове”, а вокруг сгрудились “волки позорные”, “бляди в погонах” и “пидоры-мусора”. Ведет он себя при этом соответственно: орет матом, беснуется, лезет в драку и называет дежурного по отделу “пидорской шлюхой”. Вот классический образец Сториной речи, адресованной к сотрудникам правоохранительных органов, имевшим несчастье его задержать:

- Эй ты, - орет Стори, повиснув всем телом на прутьях решетки. - Пидор-дежурный, я тебе это говорю! Тебя завтра будут в жопу ебать! Слышите меня, мусора?! Пиздец вам! У-у-у, суки!

В таком духе Стори может продолжать бесконечно, стойко перенося самые жестокие побои. Как-то раз его били (с небольшими перерывами) почти двадцать часов. В тот раз нас задержали по подозрению в том, что мы с целью наживы забили одиннадцать старух арматурными прутьями, а по меньшей мере странное поведение Костяна лишь укрепило эти подозрения. Я сидел запертый в комнате, где по утрам происходит выдача оружия, и слушал доносящийся сквозь стены Сторин вой:

- Пидоры-мусора! Суки! Ничего не скажу...

Его нисколько не смущало, что говорить ему было особенно нечего: никаких старух мы не убивали, а взяли нас только потому, что я имел в те годы привычку носить вместо зимней шапки штурмовую маску, закатанную надо лбом. Каждое свое пребывание в милиции Стори начинает с одного и того же: превращается в чрезвычайно агрессивного кретина, ориентированного на стойкое перенесение побоев и на бесконечный конфликт. Хуже того, он стремительно вписывает в это дело всех, кого задерживают вместе с ним, элегантно фехтуя местоимениями множественного числа:

- Эй, дежурный! Заходи сюда, получишь ОТ НАС С БРАТЬЯМИ такой пизды, что мама родная не узнает! Чё вылупился, сейчас МЫ тебе глаза на жопу натянем. Эй, пидор, иди к НАМ!

Множество раз мы терпели из-за этого великие беды: изнывали под ударами дубинок, сидели с почерневшими от туги затянутых наручников руками, рыдали в три ручья в едком облаке слезоточивого газа. Но Стори от всего этого лишь укреплялся в собственных взглядах: мусора - “позорные волки”, а он пострадал ни за что. Это было словно замкнутый круг, вечное колесо, которое в это раз опять наехало на нас и только чудом не раздавило.

Оказалось, что сотрудникам правоохранительных органов недавнюю историю представили вот как. Трое пьяных подонков напали на двух женщин и попытались отобрать у них сумочки и шубы. Двое их кавалеров стали их защищать, но потерпели неудачу и с тяжелыми травмами были доставлены в дежурную больницу. Этому есть свидетель, тот самый здоровенный мужик. Менты сейчас как раз принимают от женщин “заяву”, содержащую признаки преступления, предусмотренного статьей № 162.2 УК РФ²³⁹. А Стори, невзирая на прискорбные обстоятельства, висит на решетке и орет:

- Пидор-дежурный, тебе пиздец! Сейчас мы...

На самом же деле пиздец наступал нам. Я, словно во сне, наблюдал через решетку, как суетятся возле столика “заявители” и как довольно потирают руки менты, только что задержавшие целую “разбойничью банду”. Еще немного, и дежурный сделает запись в книге учета происшествий, после чего дороги назад уже не будет. А учитывая характер вменяемого нам преступления и идиотское поведение Стори, “на подписку” нас могут и не выпустить. Так что этот Новый Год мы будем встречать в тюрьме, и вполне возможно, не только этот: нам светило от пяти таких “Новых Годов” и до десяти. Именно это и называется - “прилипнуть с ровного места”.

²³⁹ Ст. 162 часть 2 УК РФ. “Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия... наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового”.

В самый разгар “праздника” дверь в отдел приоткрылась, и в помещение вошла Королева. Выглядела она так, что поначалу я её даже не узнал. Все лицо и часть куртки у неё были в крови, она шаталась, с трудом обводя помещение сильно расфокусированным взглядом. Войдя, она оперлась о стену рукой и некоторое время стояла, не в силах сделать следующий шаг.

- Что с вами, девушка? - бросились к ней на помощь сразу несколько ментов. - Что случилось?

Кое-как ее подвели к стене и усадили на лавку, заставили выпить воды. Уставившись в одну точку, Королева принялась рассказывать свою историю - мертвым, безжизненным тоном, цедя информацию едва ли не по слову в минуту. Однако по ходу рассказа она стала постепенно “оттаивать”, плечи её задрожали, в голосе появились истерические, визгливые нотки. Под конец то, что она говорила, стало почти невозможно понять из-за рыданий, сотрясающего буквально все её тело.

- На углу Загородного и Разъездной стояла, ждала друзей... Тут выходят из-за угла три мужика и две бабы: один здоровый в меховой шапке, один лысый и с ними еще один... Ни слова ни говоря схватили меня за руки, попытались затащить в подъезд. Я сопротивлялась, и тогда они меня начали бить. Ногами били, а бабы ихние смеялись, говорили: “Лежи, сука! Сейчас мы тебе покажем!” Зуб мне почти выбили, он у меня шатается теперь! Если бы друзья не подросли, они бы меня убили...

В этот момент Королева подняла заплаканное лицо, скользнула взглядом по помещению и неожиданно застыла, глядя на присевших у стола “заявителей”.

- Вот они! - закричала она, стряхивая с себя руку милиционера и делая вид, будто собирается забиться под лавку. - Уберите их отсюда-а-а!

После этого надо было видеть, какими глазами смотрели на так называемых “заявителей” менты. Началось глобальное “разбиралово”, в ходе которого сотрудники милиции допросили мужика и обеих баб отдельно, рассадив их по разным комнатам. Не знаю уж, на чем прокололись наши недоброжелатели, но принимать у них заявление менты отказались, едва не закрыв их самих по встречному заявлению Королевы.

Приняв в расчет Строрино поведение и вскрывшуюся связь между Королевой и нами, менты выгнали из отдела всех - охуевших “заявителей”, Королеву, меня, Панаева и хрипящего от ярости Строри. Ничего еще толком не понимая, мы высыпали на улицу и принялись выяснять: что случилось с Королевой, откуда кровь, и как ей удалось нас вызволить?

Оказалось, что когда нас забрали, Королева сразу же догадалась, что в милиции дело обернется не в нашу пользу. Тогда она прокусила губу, наредила полные ладони крови и измазала ею лицо и часть куртки. После этого она сочинила приводящуюся выше жуткую историю, немного порепетировала в скверике возле ТЮЗа, растрепала волосы и отправилась в местный отдел. Благодаря её беспримерному подвигу мы вчистую соскочили с “разбоя группой лиц” и встречали Новый Год не с цириками и урлой, а со своими товарищами.

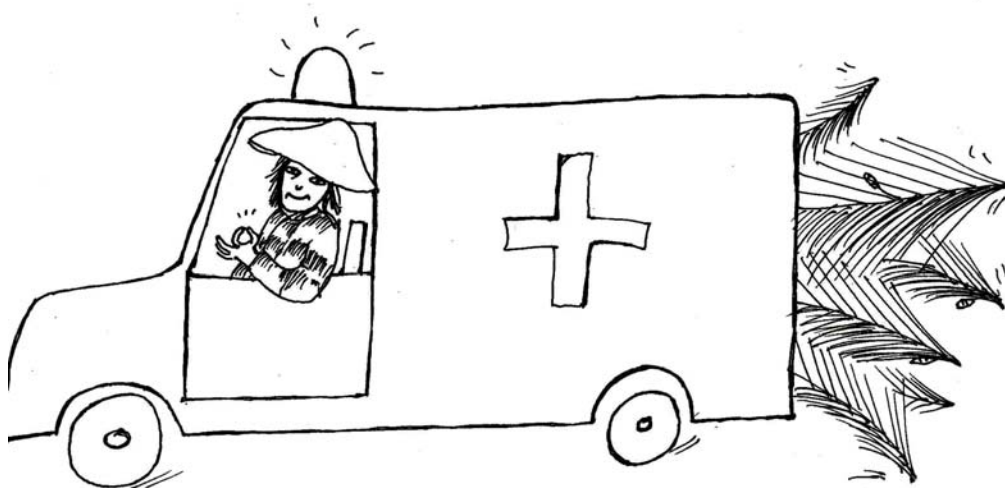
Елочный Террор (часть 2): Чемоданчик Кримсона.

*“Кто срубил сосну?
Кто насрал в лесу?
Запрещает этот грех
Навсегда - КОАП РФ!”*

Если кто-то и мог сравниться с “Елкинскими” по размаху своей преступной деятельности, так это брат Кримсон. Отработав половину кампании на должности дежурного оперативника, Кримсон посвятил оставшееся время созданию собственной моторизированной группы, получившей в народе броское название “Crimsonmobile”.

В эту группу входили: сам Кримсон, временно расквартированный в Питере боец Кировско-Апатитского ОМОНа по имени Олег (ему принадлежала “главная” автомашина группы, ВАЗ 21-06 темно-красного цвета), и давние знакомые Кримсона - два Андрея, в то время работавшие участковыми. Один из них сумел раздобыть для группы машину “скорой помощи” с действующей “мигалкой”, на которой друзья без всякого риска вывозили “конфискованные” ели. У этой машины было еще одно назначение: временами она превращалась в передвижной елочный базар.

Начал Кримсон с того, что купил великолепный кожаный дипломат и продублировал в нем содержимое “инспекторского чемодана”, создав “альтернативный центр Кампании” прямо у себя в руках. После этого он заказал печати, аналогичные печатям Госкомэкологии и Комитета по Лесу, и принялся в массовом порядке штамповать собственные “приказы” и “постановления”.

Приказывал Кримсон, в основном, одно и то же: “изъять с нелегального базара по адресу такому-то весь товар и немедленно доставить его на перевалочный пункт в Городском Штабе Кампании для последующей передачи в детские дома и медицинские учреждения...” Для наилучшей транспортировки груза Кримсон выписывал от лица Комитета всевозможные ведомости и накладные, по которым груз “елей новогодних” можно было не только беспрепятственно перевозить, но и без всякого “палева” сдавать на реализацию на другие елочные базары.

Эта его деятельность оказалась настолько успешной, что подчас к городскому штабу подъезжали грузовики с елями, водители которых (запуганные чудовищными “постановлениями” Кримсона и удостоверениями его друзей) сами доставляли в штаб “незаконно добытую лесопродукцию”. Они делали этот в надежде избежать “огромных штрафов” и якобы наступающей за их проступки “уголовной ответственности”. В один из таких разов проверяющий от Госкомэкологии, волею судеб оказавшийся перед зданием вокзала, поинтересовался:

- Почему мне ничего не доложили о задержании целого грузовика? И почему елки из него перегружают не на склад, а в машину скорой помощи? Кто мне это объяснит?

И поскольку он упорствовал со своими вопросами, объяснить ему настоящее положение вещей взялся один из знакомых Кримсона, участковый милиционер по имени Андрей. Представившись “сотрудником уголовной милиции”, он принялся тыкать проверяющему удостоверением в лицо и орать:

- Ты что, не видишь, кто тут работает?! Пошел отсюда на хуй, пока тебя самого не закрыли! Уебывай давай!

Пока он развлекался подобным образом, все елки перегрузили, а обе автомашины спокойно “отчалили” от здания вокзала. Охуевшему от всего этого проверяющему подошедший Кримсон объяснил ситуацию так:

- Ментам приходится отстегивать, как ни крути. Иначе они нам работать не дадут!

- Но это же беспредел! - заорал проверяющий. - Вы должны были их остановить! Какое они...
 - Но что я могу сделать?! - перебил его Кримсон. - Я всего лишь общественный инспектор, а тут целая уголовная милиция!
 - Ну и что? - не унимался проверяющий. - Это еще не повод идти у них на поводу. В конце концов, это ваши елки, и вы должны их защищать!
 - Все правильно, - кивнул Кримсон. - Но тогда почему вы, государственный инспектор, сами их не остановили? Ведь все происходило на ваших глазах? Легко критиковать подчиненных, а когда доходит до дела...
 На такие "доводы" проверяющий не нашелся, что возразить.

Увидав, что "работать" на базе Городского Штаба становится беспокойно, Кримсон разработал другой план. Вступив в преступный сговор с представителями военного лесничества (поселок Каменка в окрестностях станции Каннельярви), Кримсон арендовал у местных жителей дом и поселил туда целую бригаду бомжей, мобилизованных на территории одного из дружественных участков.

Этим бомжам была поставлена вот такая задача: вырубить под контролем лесника (как бы в рамках плановых рубок ухода²⁴⁰) около четырех тысяч "отобранных вручную" новогодних елей. Эти елки должны были въехать в город на арендованных Кримсоном фурах и поступить на елочные базары, организованные одним из участков на своей территории. Излишек елей товарищи планировали реализовать оптом.

Помогать Кримсону в реализации грандиозного замысла (то есть сопровождать из Каменки набитые елками фуры) вызвались Строри, Барин и я. По дьявольскому плану Кримсона, на водителя фуры (в тайне от него) составляется протокол задержания, и все елки въезжают в город как "конфискат". Любопытно, что пару таких протоколов Кримсон не постеснялся передать Крейзи, пребывающему в заблуждении, будто моторизованная группа вместе с ГАИшниками ловит оптовых нарушителей на въезде в город. От него эти протоколы ушли наверх - в Госкомэкологию и Комитет, разразившихся в адрес "доблестных инспекторов" целыми кипами оваций и поздравлений.

Надо заметить, что мы не спешили сообщать Крейзи (страдающему излишней мягкостью взглядов и чересчур высокими моральными принципами) пикантные подробности акций по извлечению прибыли. И пока братья грызлись друг с другом за груды окровавленных банкнот, Крейзи продолжал изо всех сил сражаться за абстрактные ценности, такие как "охрана природы", "гармоничное сосуществование" и "освященный законом путь бескомпромиссной борьбы".

Понятное дело, он видел, что его товарищи поднимают где-то уйму денег. Но ему и в голову не могло прийти, что природоохранная инспекция под его началом соревнуется по параметрам заготовки и поставки новогодних елей с крупнооптовыми браконьерами. Да что там соревнуется - "делает" их по всем фронтам!

Надо отдать Крейзи должное: неисправимый идеалист, он твердо придерживался раз и навсегда выбранных принципов. Как и положено настоящему команданте, он являл собой средоточие чистых помыслов и возвышенных идеалов, сияя на нашем идеологическом небосклоне подобно нестерпимо яркой звезде.

В его присутствии мне казалось, что все, что мы делаем, облечено в доспехи высочайшего смысла, что нас ведет в бой какая-то невообразимо важная цель. Эта цель искрилась и плясала перед моим внутренним взором, в едином порыве организуя всю мою жизнь. Но я - скверное зомби, и стоило Крейзи отойти в сторону, как зажженное им пламя тухло в ледяной пустоте моего собственного разума.

²⁴⁰ Рубки ухода: дополнительные рубки, направленные на удаление отставших в росте, больных, ненужных (не имеющих перспектив для дальнейшего выращивания) деревьев. Выражение, синонимичное "рубкам промежуточного пользования" (санитарным рубкам, рубкам реконструкции и переформирования, рубкам обновления).

Тогда все те вещи, о которых толковал Крейзи, таяли, словно невесомое облако конопляного дыма. Бескорыстное “служение идеалам” представлялось делом безвыгодным, “гармоничное сосуществование с природой” - сомнительной и малопонятной хуйней, а “освященный законом путь борьбы” - пустыми словами.

Впрочем, Крейзи был на этот счет иного мнения. И среди нас не нашлось никого, кто решился бы указать ему на некоторые погрешности, допущенные им при оценке господствующих в коллективе умонастроений. Крейзи пребывал в прискорбном неведении (полагая, что товарищи героически захватывают “браконьерские” фуры при въезде в город) до того самого дня, когда Кримсон с присущей ему широтой решил отметить успешную реализацию очередной партии елок. Во время этого застолья наружу выплыло сразу несколько “любопытных историй”.

- Прикиньте, - толковал Кузьмич, вместе со Строри ездивший в боевое охранение самого последнего груза, - какая хуйня вышла! Пригнали мы фуру из Каменки к Звездному рынку, а покупатели наши оказались хачи. Встали мы...

При словах “пригнали из Каменки” Крейзи недоуменно поднял бровь, но перебивать Кузьмича не стал: тот говорил увлеченно.

- Стали они ебать нам мозг, дескать, старшего сейчас нет, он приедет позже, а все деньги находятся у него. Пускай мы пока что выгружаем елки в загон, и когда старший придет, он все пересчитает и решит, сколько это стоит. Только будет это не скоро, так что они пока что пойдут, а мы пускай дожидаемся старшего. Тут Кримсон и говорит: “Как же мы его узнаем?”, а они отвечают: “Это такой высокий мужчина, большой, с красивым пузи!”

- Короче, заебали они нас, - перебил Барина Строри. - Тогда мы отобрали у них паспорта и отправили будить ихнего “старшего”. А пока они за ним ездили, к нам менты подвалили. Спрашивают нас: “Кто вы такие?” Мы им: “Лесная охрана, на боевом, блядь, посту!” Тогда они посмотрели на нас с подозрением и говорят: “А вы Гущина, случаем, не знаете?” Мы им: “Кто же этого пидора не знает! А вы почему спрашиваете?” И тут они нам такое выдали...

Оказывается, подвалившим ментам Володя Гущин оказался отлично известен. Его слили втихую из детской комнаты милиции за связь с поднадзорным подростком, не желая доводить дело до суда и предавать этот случай широкой огласке. Порадовавшись этой истории, мы продолжали застолье, но тут Кримсон, увлекшись выпивкой, “сболтнул лишнего”:

- Кто со мной поедет за следующей фурой? - спросил он. - А то лесник звонит, говорит, что они уже все нарубили! Нужно двое...

- В каком смысле “нарубили”? - переспросил Крейзи. - Это как?

- Да очень просто! - решил “просветить” его Строри. - Кримсон договорился с лесником в Каменке и нанял бомжей, а они...

Надо было видеть Крейзино лицо в тот момент, когда он это услышал. Он побелел, словно полотно, и только и мог, что сипеть:

- Предатели... Предатели!

Возможно, он сердится на нас и по сей день, забыв, что для нашего поступка существует железобетонное оправдание. Ведь к этому делу приложили руку четверо братьев, а один никогда не должен выступать поперек четверых.

Описанные выше случаи скапливались в чаше человеческого терпения подобно маслянистым каплям сильнейшего яда. В начале кампании яду было разве что на дне, а вот ближе к концу чаша переполнилась, и отравленная жидкость щедрым потоком выплеснулась в мир. Произошло это так.

В один из дней телефон в нашем штабе принялся разрываться от странных, с завидной регулярностью повторяющихся звонков. Было похоже, что мы стали мишенью для группы телефонных хулиганов, которые каким-то образом вычислили наш номер. Первый звонок был такой:

- Здравствуйте, - донесся из динамика сильный, чистый мужской голос, - это ОБЭП?

- Нет, - ответил я, - вы не туда попали. Это штаб Елочной Кампании!

И тут же повесил трубку. Но через пару секунд телефонный звонок раздался опять.

- Вы не так меня поняли, - слышалось из трубки. - “Это ОБЭП” значит, что вам звонят из ОБЭПа. Мне нужно срочно поговорить с вашим старшим!

- А больше вам ничего не нужно? - возмутился я. - У нас тут не фирма, денег нету, на кой нам ОБЭП? Кончайте свои шуточки!

И снова повесил трубку. Но не прошло и минуты, как телефон выдал очередную порцию трелей.

- Алло, - теперь коварный хулиган говорил голосом молодой женщины. - Из Главка вас беспокоят, у нас к вам будет вот какой вопрос...

- Телефон справочного - 09! - сурово ответил я. - Обращайтесь туда со своими вопросами!

Подобные звонки сыпались, не переставая. Бывало, что к телефону подходил не я, а еще кто-нибудь, и тогда по проводам неслись целые потоки живописнейшей ругани.

- Хуебэп! - орал в трубку Панаев. - Больше никогда сюда не звони! Иначе мы твой адрес вычислим, и тогда тебе пиздец! Ты меня понял?

Он был не так уж неправ. Недавно мы уже наказали одного телефонного грубияна: им оказался сожитель Иришкиной матери, который взял за привычку хамить Крейзи во время разговоров по телефону. Крейзи эту проблему представил нам так: наглый алкаш терроризирует бедную девочку (Иришку), а когда он (Крейзи) звонит к ней домой, вместо голоса любимой его встречают нецензурная брань и пьяные выкрики. Это хуйло, толковал нам Крейзи, воцарилось у Иришки дома словно дракон, вместе с целой сворой таких же отвратительных змеев. Так найдутся ли среди нас рыцари, которые...

Результатом этой проникновенной беседы стало то, что мы (Крейзи, я, Гуталин и Эйв) ворвались прямо к Иришке в квартиру. “Дракона” Гуталин и Эйв выволокли за шкурку из комнаты, затащили в ванну и вкатили ему преотменнейшей “пизды”, а его “друзей-змеев” я запер в комнате и придушил с помощью слезоточивого газа. К сожалению, вместе с ними я “придушил” Иришкину маму, Иришку, самого себя и всех наших товарищей. Получилось так себе, но, как говорится - “победы не бывает без падших”, а того “дракона” мы все-таки победили.

Так что Панаев был не так уж и неправ, угрожая телефонному хулигану - кабы не одно охуительное “но”. Этим же вечером в штаб пришел Крейзи, который начал беседу со мной вот с какого вопроса:

- Слушай, Петрович, сегодня никто не звонил?

- Да нет, - ответил я, вспомнив, каким образом мы сегодня отвечали на звонки. - Никто!

- А... - Крейзи с облегчением вздохнул. - А то Благодетель говорит, что у ментов на вас лежит целая кипа жалоб. Дескать, звонить будут чуть ли не из самого Главка!

Тут Крейзи уселся на лавку, пододвинулся ко мне поближе и зашептал:

- Есть сведения, что завтра нас придут проверять. Будет собрана комиссия: представитель ОБЭПа, кто-то из Главка, начальник местных ментов и куратор из Госкомэкологии. Назначено все это на девять утра...

- Прикольно, что ты мне сказал! - обрадовался я. - Завтра ноги моей здесь не будет...

- То есть? - удивился Крейзи. - А кто будет встречать комиссию? У меня дела в Комитете, Леночка тоже занята, остаешься только ты. Немедленно отправляйся домой спать и приходи завтра ровно к половине девятого. Ночными дежурными останутся Браво и Тень, а с утра...

- Да ни за что, - рассмеялся я. - Мне это на хуй не надо. Если хочешь тереться с мусорами, бросай свои дела и иди сам их встречать. Или попроси Кримсона - увидишь, что он тебе ответит.

- Очень надо, брат, - умоляюще произнес Крейзи. - Это дело больше некому доверить! В конце концов, это твой вокзал, ты тут старший оперативник. Встреть их, ну что тебе стоит?

- Ладно, - кивнул я. - Черт с тобой, уболтал!

С утра я проснулся свежим и отдохнувшим, полным оптимизма и жизненных сил. Налил себе сто пятьдесят водки, съел тарелку борща и пару бутербродов, выпил полчайника крепчайшего кофе. Я не видел особенного смысла ошиваться в штабе, ожидая встречи с “комиссией”, поэтому для начала встретился возле метро с Эйвом. Мы немного покурили на улице, обсуждая готовящееся мероприятие, и к дверям штаба прибыли не “в половину”, а где-то “без пяти”. И сразу же заметили неладное.

Двери штаба (обычно плотно закрытые, чтобы не выпускать драгоценное тепло) теперь были приоткрыты примерно на треть. Взявшись за ручку, я потянул ее на себя, и сквозь открывшийся проем почти сразу же увидел Максима Браво. Он скорчился на гряде елок и блевал, сунув голову и плечи в огромный пластиковый мешок.

Несколько удивленный таким делом, я сделал пару шагов внутрь помещения. Следующим, что я увидел, было тело Панаева, мертвым грузом лежащее на инспекторском столе. Голый по пояс Тень (он был только в ботинках и джинсах) лежал на спине, широко раскинув руки. В его обращенном к потолку лице не было ни кровинки, грудная клетка не двигалась, а левую руку обвивала приспущенная перетяжка, сделанная из брючного ремня. А из вены, словно воткнутый в мишень дротик, торчал двухкубовый шприц со следами выбранного “контроля”.

На столе возле Панаева лежала картонка, на которой были сложены: зажигалка, закопченная стальная ложка, пустые упаковки из-под шприцов и два “гаража”²⁴¹. Рядом с ними виднелись распотрошенная обертка от сигаретной пачки и горка грязно-белого порошка, в котором наметанный взгляд без труда бы узнал героин.

Когда я это увидел, мой взгляд, словно молния, метнулся налево, к круглым настенным часам. До прихода комиссии оставалось меньше трех минут, так что самые первые мои мысли были такими:

1. Немедленно выйти из помещения.
2. Тщательно протереть дверную ручку.
3. Подняться по лестнице к платформам пригородных поездов.
4. Покинуть территорию вокзала.
5. Приехать домой, позвонить Крейзи и сказать, что я, похоже, проспал.

По счастью, я нашел в себе силы остаться. Вдвоем с Эйвом мы вытащили из помещения Панаева (который хоть и дознулся, но был все-таки жив) и неудержимо блюющего Браво. Кое-как взвалив Теня на плечи, Эйв схватил Браво под руку и потащил обоих наших “ночных дежурных” в направлении местного шалмана. Там он положил Теня на бильярдный стол, заказал кофе и принялся допытывать Браво насчет истории их с Панаевым “ночных походов”. Узнал он вот что.

В середине ночи Панаеву и Браво пришла в голову мысль зайти “на чай” к проживающей неподалеку Иришке. Причем “чай” был только предлогом: на самом деле товарищам нужна была чайная ложка. Получив желаемое, товарищи на трамвае (который Тень “застопил” с помощью природоохранного удостоверения) отправились в район Некрасовского рынка, где функционировала ночная “точка” по реализации героина.

Притаившись возле подъезда, друзья некоторое время ждали, пока не объявится хоть какой-нибудь покупатель. Через полчаса в подъезд вошел незнакомый молодой человек, и Браво, выждав положенное время, двинулся следом за ним.

- Жди меня тут, - напутствовал он Теня перед тем, как скрыться в подъезде.

Долго ждать не пришлось: не прошло и пяти минут, как Браво выбежал из подъезда и с криком “Панаев, ноги!” ринулся в ближайшую подворотню. Вволю побегав по заснеженным дворам,

²⁴¹ Гараж (сленг. нарк.) - пластиковый колпачок, надевающийся на иглоу шприца.

друзья спрятались в каком-то парадняке, чтобы раскатать на обледенелом подоконнике “пару дорожек”. Со шприцами и ложкой было решено покамест подождать.

После этого наши товарищи направились в сторону Московского вокзала, где пост ночного дежурного занимал человек из “Шестисотого Драக்கара” по прозвищу Якудза. Выдав себя за проверяющих Городского Штаба, Панаев и Браво проникли в помещение милицейского пикета, и покуда Якудза спал, сделали в журнале дежурств следующие записи:

“Приходнулся - отошел. Огурцов”.

“Приходнулся - не отошел. Панаев”.

Как выяснилось позже, надписи эти оказались пророческими. Покинув Московский вокзал, наши “дежурные” заложили по городу приличный крюк и только под самое утро вернулись в Городской Штаб. Устроившись в тепле, они высыпали героин на картонку, положили рядом Иришкину ложку, зажигалку и припасенные на такой случай двухкубовые шприцы. Тщательная подготовка не прошла даром, буквально через пару минут Браво с Панаевым “дознулись” едва ли не до смерти - один на куче елок, а другой прямо на инспекторском столе.

Выставив “дежурных” вон, я принялся с лихорадочной поспешностью приводить в порядок помещение. Полетели в мусорный мешок пустые водочные бутылки, обьедки и грязная пластиковая посуда. В едином порыве исчезли полные хабариков пепельницы, смятые упаковки из-под сосисок и разбросанные тут и там номера газет “Грибная Правда”, “Русский порядок”, “Лимонка” и “Штурмовик”. Я носился по комнате, словно вихрь, замечая наиболее очевидные следы вчерашнего пиршества.

Я почти успел: когда я впрыгнул в кресло и еще раз окинул помещение критическим взглядом, за дверью как раз послышался звуки шагов и чьи-то приглушенные голоса. Но боже мой! В суете мгновенной уборки я совсем забыл про лежащую на столе картонку с героином. Причем лежала она так, что с моего места до нее было ну никак не дотянуться!

Дверная ручка уже начала поворачиваться, когда я запрыгнул на стол, схватил картонку и стремительным движением переложил ее на подвешенный в углу комнаты электрощиток. А в следующую секунду я был уже на своем “рабочем месте”: сидел в кресле и с сосредоточенным видом перебирал кипу ничего не значащих бумаг.

Для меня так и осталось загадкой: кто были все эти люди, которые нынче утром пришли нас проверять? Я смог опознать только нашего куратора из Госкомэкологии, остальных я видел впервые. Черт знает, из каких министерств и ведомств их сюда принесло, могу сказать одно: мне они сразу же не понравились.

Один за другим проверяющие вошли в помещение. В такт шагам покачивались меховые шапки и тяжелые драповые пальто, в желтом свете ламп матово блестели холеные лица. Цепкие взгляды, подобно бритвенно-острым наконечникам копий, грозно сверкали из-под сурово сдвинутых бровей. Куратор из Госкомэкологии выглядел на фоне остальных затесавшейся в волчью стаю болонкой - заискивающе улыбающийся толстяк, украдкой вытирающий вспотевшие от волнения руки.

Не прошло и двух секунд, как взгляды проверяющих перестали обшаривать помещение и сошлись на моей персоне. Один из комиссии уже разомкнул губы, чтобы извергнуть из себя первый вопрос, как пришедший из глубины моего существа порыв подкинул мое тело вверх, словно распрямившуюся пружину.

- Здравствуйте! - решительно начал я, выкладывая на стол “инспекторский чемодан” и распаивая крышку. - Как вы сейчас увидите, мы подготовили для вас некоторые документы!

С этими словами я зачерпнул из чемодана несколько стопок протоколов и широким шагом двинулся к собравшимся. Каждая стопка относилась к какой-нибудь из ранее проведенных нашей

организацией кампаний и была скреплена собственной скрепкой - с тем, чтобы каждому проверяющему досталась своя часть документов.

- Перед вами, - толковал я, распахивая документы по рукам, - данные за пять организованных при нашем участии кампаний: одну "цветочную", две "елочных", и две "можжевельных". Как вы можете видеть, материалы сопровождаются сводными отчетами о числе задержанных нарушителей, сумме составленных протоколов и количестве изъятой лесопроductии. Например, для первой цветочной кампании такие данные составляют двести двадцать восемь человек и сто шестьдесят тысяч стеблей, для можжевельной - сто тридцать пять человек и двадцать семь тысяч стволов можжевельника, а для елочной кампании прошлого года...

Меня понесло. В голове образовалась звенящая пустота, а язык все сыпал и сыпал трескучими цифрами. Да так, что если бы они в самом деле вылетали у меня изо рта, то в скором времени заполнили бы собой все помещение. Говорил я очень быстро, то и дело обращаясь к кому-нибудь из присутствующих с просьбой обратить внимание на те или иные места в имеющихся у них документах. Попутно я пересыпал свою речь миллионами различных подробностей, постоянно "перескакивая" с одной природоохранной кампании на другую.

- В период с 21.12.97 по 31.12. 97 в районе станции "Сортировочная" нашими инспекторами было задержано сто восемнадцать нарушителей, тридцать шесть из которых оказались оптовиками, провозящими от двадцати и до пятидесяти метровых елей. Любопытно, что девять человек из этого числа - Анисимов, Асанова, Баев, Богданова, Горленков, Дивисенко, Кичук, Ульбашева, Фесько - были задержаны весной 1998 года при проведении патрулирования на радиусах общественных бань в рамках "можжевельной кампании". К сожалению, из двадцати семи тысяч семьсот двадцати восьми стволов можжевельника, изъятых за время этой акции, на рекультивацию были направлены только сто пятьдесят. Остальные двадцать восемь тысяч пятьсот семьдесят восемь стволов были уничтожены, как и девяносто пять тысяч стеблей *Leucojum*, *Ruscus*, *Cyclamen*, *Crocus* и *Galanthus*, изъятых за время цветочной кампании того же года. Оставшиеся шестьдесят пять тысяч были переданы в учреждения здравоохранения, школы и детские дома. Таким образом...

Через минуту я уже и сам не понимал, о чем говорю, а проверяющие и подавно. Большинство из них просто стояли, с трудом водя взглядами по страницам бумаг, а наиболее решительных я то и дело одергивал, поднимая ладонь и "выстреливая" в их сторону новые сведения. Минут через пять я прошелся по комнате и собрал документы обратно, а затем резко сбросил темп речи и совершенно обычным голосом произнес:

- Ну что же, спасибо. Надеюсь, что на ваши вопросы я смог ответить как можно более полно. К сожалению, в ближайшие несколько минут сюда приведут нарушителей, так что позвольте мне закончить с этим и приступить к своим непосредственным обязанностям. До свидания, уважаемые, с Новым Годом!

Ошалевшие от свалившихся на них сведений, проверяющие развернулись и потянулись из комнаты вон. За все время "проверки" ни один из них не проронил ни слова - ни "здрасьте", ни "до свидания", даже с Новым годом меня не поздравили. Сунув документы в чемодан, я присел на свое место и нацелился было достать из ящика стола пузырь водки, как двери открылись и в комнату заглянул куратор из Госкомэкологии.

- Молодой человек! - мерзкий толстяк явно перестал нервничать и теперь аж лоснился от удовольствия. - Нужно подготовить двадцать пять елочек для передачи в детские дома! А я загляну сюда часикам к шести и как раз их заберу...

Тут мне показалось, что куратор подмигнул, показывая, кому на самом деле пойдут эти двадцать пять елочек. Так что я тут же встал со своего места и как мог более почтительно произнес:

- Не извольте беспокоиться, все сделаем в лучшем виде. К шести часам будет готово, я лично за этим прослежу. Будьте насчет этого совершенно спокойны!

- Вот и хорошо! - расплылся в улыбке толстяк, стремительно выплывая за дверь. - Я очень на вас надеюсь!

Когда все закончилось, я запер дверь, снял с электрощитка картонку с героином и бросил её в мусорное ведро. После этого я сел на свое место и вынул из ящика стола бутылку водки и пластиковый стакан. В голове у меня, словно хоровод сухих листьев, кружились протоколы пяти кампаний, роились какие-то фамилии и цифры, во рту ощущался резкий привкус ничем не разбавленного вранья. Черт с вами, подумалось мне, работа-то сделана: с проверкой я разобрался! Осталось отложить для этой жирной крысы двадцать пять елок, и дело с концом!

К полудню нужное количество елок, отобранные вручную и перевязанные синенькой подарочной лентой, гордо стояло в дальнем углу нашего штаба. Они бы так и уехали вместе с толстяком в “детские дома”, кабы их не увели у него из-под носа другие посетители. А произошло это так.

Было примерно полвторого, когда двери штаба открылись, и в дверной проем по очереди протиснулись двое атлетически сложенных мужчин невообразимых размеров. Они были “раскачаны” до такой степени, что рельеф мускулатуры можно было разглядеть даже сквозь толстые зимние “пропитки”. При этом оба посетителя выглядели так, словно собирались прямо отсюда идти на дипломатическую встречу, были коротко стрижены и по сумме признаков производили крайне пугающее впечатление.

Пару раз они уже приходили сюда, чтобы прикупить несколько десятков елок попримечнее, и каждый раз платили втрое против установленной на базарах цены. Не знаю уж, для кого они брали эти елки, но от одного вида этих мужчин мне тут же делалось нехорошо. И хотя они были со мной предельно вежливы, я не слишком этим обольщался: если бы они неожиданно передумали платить, я и не подумал бы возражать. Но они платили, всякий раз определяя цену по собственному разумению - причем так, что я еще ни разу об этом не пожалел.

На этот раз один из них заглянул в помещение, увидел приготовленные мной елки и расплылся в широкой улыбке.

- Для нас приготовил? - спросил он.

- Ага, - ответил я, не решаясь расстроить отказом ТАКИХ покупателей. - Ровно двадцать пять штук!

- Грузите! - кивнул мой собеседник и потянулся за кошельком. - Вот, держи.

Через полчаса я сидел со своей одноклассницей Кенди в баре “Диадор”, а на столе перед нами стояли графин водки, тарелки с мясом “по-французски” и крохотные пиалки с салатом “Оливье”. Я успокаивал себя тем, что успею раздобыть для куратора из Госкомэкологии еще елок, но, похоже, немного не рассчитал. Не учел, что с двух графинов водки, сдобренных парой бутылок шампанского и несколькими кружками ледяного пива я могу “перекинуться”, и тогда мне не будет до этих елок ни малейшего дела.

Постепенно, вместе с тем, как в моей крови повышался уровень алкоголя, дикая, неумная радость начала охватывать меня. Музыка стала громче, окружающие цвета вспыхнули ослепительной радугой, в груди поднялась и стала стремительно нарастать будоражащая чувства волна. Кенди я видел как будто сквозь пелену, которая постепенно смыкалась, поглощая мои сознание и память - до тех пор, пока не накрыла меня целиком. Тогда я исчез, а тот, кто дремлет в глубинах моего разума, открыл глаза и взял руль в свои руки.

Я проснулся на куче елок, каждой клеточкой измученного тела ощущая, что черное безумие отступило, и я снова могу что-то чувствовать и осознавать мир. На дворе стоял полдень следующего дня, Елочная Кампания подходила к концу, а я лежал и все никак не мог припомнить: вроде как вчера я должен был сделать что-то очень важное? Только вот что? Память работала с трудом, сознание двигалось вслепую сквозь смутную паутину ассоциаций, и вот, наконец...

- Комиссия, - одними губами прошептал я, - я должен был встретить какую-то комиссию!

Обстоятельства вчерашнего дня полыхнули в моем сознании подобно серии ослепительных вспышек. Ага, сообразил я, комиссию я встретил - тут все в полном порядке. Двигаемся дальше: проданные елки, бар “Диадор”, смутные очертания Кенди. Начиная с этого момента в моих воспоминаниях открывалась пропасть, заполненная лишь какими-то обрывочными видениями. Заглянув в неё, я содрогнулся от ужаса - до такой степени жутко все это выглядело.

Первое, что я увидел, было лицо какого-то мужика с заломленными за спину руками. Его держали двое приписанных к нашему штабу бойцов ОПОРГ №2, а я сидел на столе и хлестал ему по роже свернутым в трубку протоколом.

- Будешь еще рубить елки, сука? - орал я. - У, браконьерская рожа!

Судя по всему, вернувшись в штаб, я разошелся не на шутку. Нарушителей я приказал подтаскивать ко мне не иначе, чем с завернутыми за спину руками, после чего орал на них и лупил поперек рожи протоколами. Об одного мужика я излохматил целую пачку бумаг, прежде чем выяснил: это не нарушитель, а работник елочного базара, пришедший узнать - не продадим ли мы ему немного елей?

Понятно, что одному мне не удалось бы устроить подобный террор - так или иначе, а людей ко мне должен был кто-то подтаскивать. Тут мне здорово помогли бойцы ОПОРГ №2, которые (невзирая на мое скотское состояние) продолжали беспрекословно выполнять любые мои приказы. В какой-то момент любой посторонний человек, который оказывался у нас в штабе, рисковал оказаться перед моим столом лицом вниз и с закрученными за спину руками.

На беду, посередине очередной экзекуции в пикет заглянул куратор из Госкомэкологии. Он показал себя человеком недалеким - вместо того, чтобы “взять ноги в руки” и бежать, он ворвался в помещение и принялся орать, будто его резали:

- Что здесь происходит? - визжал он. - Ну-ка, вы, немедленно прекратить! Я кому сказал?!

Я смотрел на него и не мог понять: откуда взялся нарушитель такой невиданной наглости? Амнезийные барьеры надежно отделяют “меня трезвого” от “меня пьяного”, с куратором из Госкомэкологии моё “альтерэго” оказалось совершенно незнакомо. Так что не успел он еще закончить орать, как его руки оказались вывернуты, а лицо низведено до уровня моего стола. Тогда я взял очередной протокол, размахнулся как следует и от души врезал по этому лицу скатанной в трубку бумагой.

- Ну что, сука?! - спросил я. - Будешь еще рубить елки? А?

Потом было много чего еще: шум, крики, пиздюли и куратор из Госкомэкологии, который сначала что-то орал, а потом со страху едва не спрятался под стол. Это случилось, когда он по глупости решил напомнить мне про свои двадцать пять елок.

- Вы меня не так поняли! - прохрипел он из угла, в который мы его загнали. - Я просто пришел забрать свои елки!

Это взбесило меня до такой степени, что я отбросил в сторону протокол, схватил со стола лампу и попробовал задушить куратора шнуром. В этот момент кто-то напал на меня сзади, так что мне пришлось оставить свою затею и дать противнику решительный отпор. Здесь моя память давала сбой, я никак не мог вспомнить - кто был мой противник, как он смог миновать мою “охрану”, и почему его самого не подтащили ко мне с заломленными за спину руками?

На этом месте завеса тьмы становилась особенно плотной: дальше не было ничего, кроме холодного снега, медленно раскачивающихся фонарей и горького привкуса рвоты. Воспоминания плыли перед моими глазами, превращаясь в череду бессвязных образов - плыли, покуда не утонули во мраке беспомысленности.

Вот черт, подумал я, что же я скажу Крейзи? На всякий случай я быстренько прокрутил в башке несколько “приемлемых вариантов”. Случай опробовать это вранье представился очень скоро: не прошло и пяти минут, как я услышал в коридоре голоса, а затем дверь открылась и в комнату вошел Крейзи.

- Говорят, ты проснулся? - участливо спросил он, но что-то в его голосе навело меня на нехорошие мысли. - Ну, рассказывай!

- А что тут рассказывать? - начал я, на всякий случай усаживаясь на елках. - Комиссию встретил в лучшем виде, все прошло просто отлично. Мы просмотрели данные по пяти кампаниям, я сообщил проверяющим, что за период с 1997 по 1998 год нами было...

- Выключи эту шарманку! - оборвал меня Крейзи. - Говори по существу: больше ничего не произошло?

“Неужели он что-то знает?” - мелькнуло у меня в голове, но я тут же оборвал себя: “Да нет, откуда? Разве что слухи какие-нибудь дошли!” Поэтому я принял обеспокоенный вид и принялся врать как следует, вдумчиво и с расстановкой:

- На вверенном мне участке, Антон, произошло ЧП. Кто-то из дружинников - к сожалению, я не знаю кто - напился и грубил проверяющему из Госкомэкологии. К счастью, ничего страшного не случилось, все обошлось. Так что...

Пока я это говорил, Крейзи смотрел прямо на меня. И по его взгляду я догадался - знает он куда больше, чем мне показалось вначале. Такой взгляд ни с чем не спутаешь: презрительный и кислый, словно свернувшееся молоко. Дескать, давай, ври - я все про тебя знаю и другого не ожидал! Но на это раз я даже договорить не успел - Крейзи изменила выдержка.

- Значит, все обошлось? - вдруг заорал он. - Не случилось ничего страшного?! Кто-то ИЗ ДРУЖИННИКОВ, ты говоришь, ГРУБИЛ проверяющему?! Сука, да я же сам тебя от него оттаскивал! Обмудок, кретин!

Тут я присмотрелся к Крейзи повнимательнее и заметил на нем несколько характерных ссадин - следы вчерашней драки. А затем моя память наконец заработала, и я вспомнил: да, действительно, от проверяющего меня оттаскивал Крейзи.

- Ну а если ты все знаешь, - не на шутку разозлился я, - то какого хуя спрашиваешь?!

- Ладно, ладно, - успокоил меня Крейзи, на всякий случай отодвигаясь в сторону. - Не кипишуй, авось как-нибудь обойдется! В первый раз, что ли? Давай, вставай!

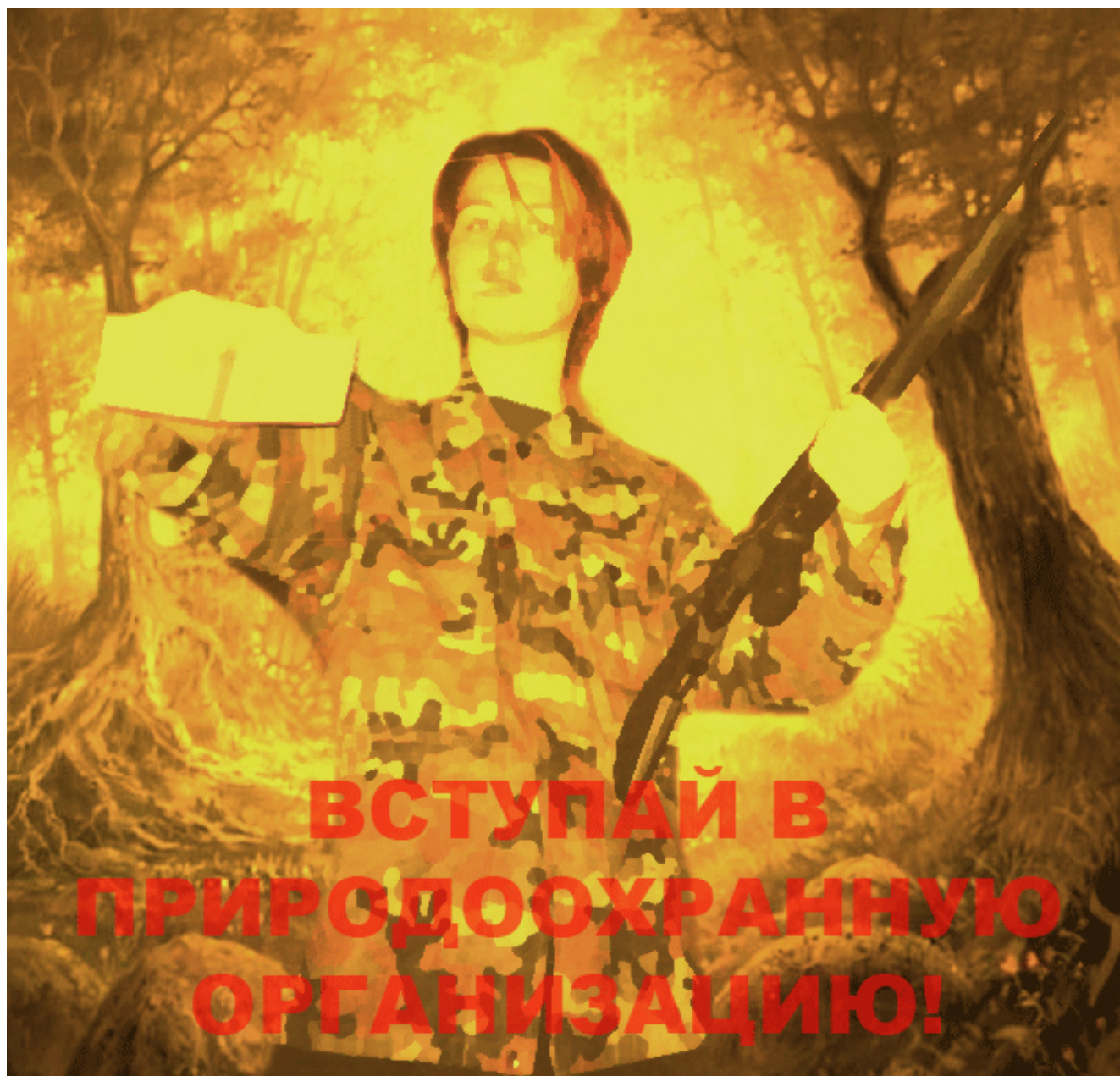
Как я уже говорил, кампания подходила к концу, последняя наша кампания. Нам неоткуда было знать, что время прекращения наших полномочий уже не за горами, и что в Новом Году общественная инспекция будет полностью расформирована. Впрочем, даже если бы это стало известно, мы бы не слишком расстроились. Мы свято верили: если одна дверь закроется, другая откроется, и на наш век с избытком хватит интересных вещей.

Вечером тридцатого числа мы покинули Городской Штаб, навсегда оставив позади оперативную природоохрану - преступную и справедливую, необходимую и в то же время бессмысленную - непростое дело, в течение последних лет заставлявшее быстрее колотиться наши сердца. Но мы не могли уйти, не попрощавшись - так что в конце этой мелодии прозвучал завершающий аккорд.

На площади возле Витебского вокзала расположено сразу два елочных базара - один справа, а второй слева от центрального входа. В течение кампании мы скидывали на эти базары огромное количество елок, куда нам не пришла в голову оригинальная мысль: забрать все елки с одного базара и продать на другой.

Так мы и сделали: под пронзительные крики хозяина базара перетаскивали елки через площадь и покидали их в сетчатый загон. Хозяин второго базара не посмел нам отказать, и через несколько минут мы уже садились в метро, довольно шурша “свежезаработанными” деньгами. Это стало последним нашим деянием на ниве природоохраны - мимолетным росчерком, маленьким, но приятным штрихом.

1999-2000. Искры уходящей эпохи.

**ВСТУПАЙ В
ПРИРОДООХРАННУЮ
ОРГАНИЗАЦИЮ!**

Вейся, наше знамя!

*“Кто людям помогает, тот тратит время зря.
Хорошими делами прославиться нельзя!” С. Шапокляк*

Время нашего повествования подходит к концу, так что пришла пора отставить в сторону утомительные подробности, сменить объектив и взглянуть на события с точки зрения расширенной перспективы. Ради этого мы немного изменим устоявшийся порядок подачи материала: сначала дадим общую оценку событий вокруг нашей организации за последующие несколько лет, и лишь после этого откроем читателю те несколько историй, которые мы специально приберегли на потом.

Начнем с того, что наш праведный труд, о котором вы читали в предыдущей паре глав (1997, 1998), не остался незамеченным. Наши недоброжелатели из “СПб Института подростка” (В. А. Гущин и А. Э. Лустберг) составили и распространили несколько “информационных справок”, подкрепленных их положением социальных педагогов и кипой горячих “депутатских запросов”.

Половина из этих бумаг предназначалась Комитету по Лесу и Госкомэкологии, треть ушла к ментам, а остатком Гущин с Лустбергом бомбардировали всевозможные службы - от муниципальных управлений до ФСБ. Речь в таких “документах” шла вот о чем:

“На территории Санкт-Петербурга и области действует группа экофашистской направленности “Грибные Эльфы”, члены которой борются за “очищение леса от людей” и легализацию наркотических средств. Группа занимается избиениями, поджогами туристических палаток и уничтожением лесозаготовительной техники.

Группа возникла в 1994 году на базе Движения ролевых игр. Самоназвание “грибные” связано с грибами, содержащими наркотические вещества (псилоцибин), употребляемых членами группы. В 1996-м году социальные работники Санкт-Петербургского Института подростка предприняли неудачную попытку социализировать “грибных” посредством привлечения их к природоохранной деятельности в качестве общественных лесных инспекторов. К сожалению, такой метод (в начале 90-х успешно сработавший с панками и металлистами) в случае с “грибными” не дал желаемых результатов.

Такая форма “воспитательной” работы привела к усилению молодежной хулиганской группировки и формированию на ее базе организации экологических экстремистов - формирования, пропагандирующего решение экологических вопросов неправыми методами и легализацию наркотиков.

В природоохранной работе (в период работы в качестве общественных инспекторов по охране леса) группа ориентировалась на силовые методы воздействия на экологических нарушителей в ущерб правовым. Впоследствии в группе началось интенсивное злоупотребление правами общественных инспекторов для оказания давления на участников ролевых игр.

Один из лидеров “Грибных эльфов” (кличка Крейзи) в интервью газете “Стрела” в 1998 году заявил о том, что его группа является экотеррористами. Из состава общественной лесной инспекции хулиганов и экотеррористов удалось вывести только в 1999 году, за счет роспуска самой общественной инспекции после депутатских запросов из Законодательного собрания Санкт-Петербурга...”.

Все эти доносы были сплошь нелепость и болезненный бред - особенно рассуждения про экофашизм и “поджог и уничтожение техники”. Что такое “экофашизм” нам так до сих пор и не ясно, а вместо “поджога и уничтожения техники” в багаже нашей экологической организации лежало пять масштабных (причем легальных) природоохранных кампаний.

За последний (1998) год мы вышли на лидирующие позиции среди питерских экологических организаций: по оперативному “охвату” и численности инспекторов, по количеству задержанных

нарушителей, составленных протоколов и объему изъятой лесопродукции. А также по числу жалоб, поступающих на членов нашего патруля.

И хотя нами было допущено немало безобразия, актов коррупции и должностных преступлений - хорошего было сделано по меньшей мере столько же, если не больше. Составленными при нашем участии протоколами можно было оклеить средних размеров дом, и коли это и есть “экоотерроризм”, то мы на весь город первейшие “экологические террористы”.

В своем доносе Гущин и Лустберг упоминают публикацию в газете “Стрела”, в которой Крейзи якобы “заявил о том, что его группа является экологическими экстремистами”. Скорее всего, они имеют в виду заметку, принадлежащую перу журналиста А. Щербакова, который по Крейзиной просьбе взялся “написать о нашей конторе что-нибудь приличное”. Некоторое время после этого Щербаков размышлял, а затем выдал вот что (ниже я привожу наиболее впечатляющие выдержки из этой статьи):

“В северной пальмире экстремизм набирает силу. Психология сторонников крайних взглядов примерно одинакова, а потому экстремисты разных толков очень хорошо понимают друг друга.

Справка “Стрелы”: “Грибные Эльфы” - экстремистская экологическая организация, члены которой полагают, что природу необходимо защищать от человека любыми методами, включая насилие, уничтожение техники и т.д. Среди акций “эльфов” - облавы на браконьеров и торговцев растениями, занесенными в Красную Книгу, охрана заповедников...

После этого в статье приводятся аналогичные справки по двум ОПОРГ, с которыми мы имели дело во время природоохранных кампаний, и дается весьма угрожающая оценка проведенной ими “работы”. Затем Щербаков вновь возвращается к нам, продолжая свои рассуждения о “смычке экстремистов самого разного толка”.

... ему вторят “Грибные Эльфы”: “Мы ненавидим всех!” - говорится в одном из их манифестов. Их слова не расходятся с делом. В комитете по экологии лежат уже несколько десятков заявлений на “крайне зеленых”, обвиняемых в избиениях, поджоге туристических палаток и прочих “подвигах”. Так, прошлым летом группа “грибных” обстреляла из помпового ружья лагерь так называемых “индеанистов”. Другой пример: во время работы в заповеднике в Псковской области группа “эльфов” полностью разнесла внутренность здания местного совета...”

Нечего сказать - этой публикацией Щербаков здорово нам удружил. Мягко говоря, его просили несколько не о том, но Щербаков решил, что “острая” статья сделает нашей конторе хорошую рекламу. С его легкой руки “экстремистское клеймо” накрепко прилипло к нашей организации и лишь через много лет сменилось (так как в смысле экстремизма предъявить нам было нечего) на еще более абсурдные ярлыки типа “псевдоэкоотеррористы” и “деструктивные мимикранты”²⁴².

Впрочем, до этого было еще далеко, а пока на конференции “Greenpeace” в Москве было зачитано послание лидеров “Дружины Гринхипп”, сообщавшее о якобы имевшем место внесении группы “Грибные Эльфы” в международный список экологических экстремистских организаций. Это сообщение сопровождало воззвание к другим экологическим организациям с просьбой бойкотировать наши акции и отказывать нам в какой-либо поддержке.

Невзирая на это, конференция “Greenpeace” не стала бойкотировать выступление Егора Панаева, который выступил на этом собрании с обращением от нашей организации по поводу вот какой проблемы. По словам Благодетеля, наглые финны пробили постановление о передаче значимой части лесов Карельского перешейка в долгосрочную аренду для целевого использования - рубок генерального назначения, иначе называемых “сплошные рубки”.

²⁴² Эти, с позволения сказать, “термины” (made in Gushin&Lustberg) обозначают “криминализированное сообщество, мимикрирующее под экстремистскую организацию”.

Финны сумели сделать это достаточно тихо, не привлекая к факту аренды ненужного внимания, но выступление Панаева подняло вокруг этого события просто невообразимую вонь. Гринписовцы принялись “бить в барабан” из всех сил, общественность всколыхнулась, и для пересмотра “вопросов аренды” была собрана специальная комиссия (возглавить которую поручили нашему Благодетелю).

В итоге финнам в аренде отказали, леса Карельского перешейка были (хотя бы на время) спасены, а мы вернули природе долг за те две фуры елок, которые вырубил в прошлом году в районе поселка Каменка. Этим мы как бы “подвели итоги”, после чего собрали собственное заседание и принялись рассуждать: что достигнуто, чего мы лишились и каким образом наша организация станет действовать дальше?

Как мы уже говорили, инспирированные Гушином депутатские запросы уничтожили общественную инспекцию на корню²⁴³. Но мы не собирались сдаваться: кроме “оперативной природоохраны” у нас были в запасе и другие методы. Поэтому мы повесили камуфляжные ватники в шкаф и решили попробовать свои силы на новом поприще.

Им оказалась общественно-политическая арена: наша организация приобрела достаточную известность, чтобы во весь голос заявить о себе. Справедливости ради заметим, что до своей статьи про экстремистов А. Щербаков сработал про нас еще одну, несколько более “лояльную” публикацию. Она была озаглавлена “Особенности национальной охоты на браконьеров” и примечательна картинкой на обложке напечатавшей её газеты “Стрела” (№51-1):

²⁴³ Уничтожение института общественной инспекции - основной вклад членов “Дружины Гринхипп” в дело охраны природы. Теперь оперативной природоохраны в нашем городе нет, и рвать дикорастущие цветы, резать можжевельник и рубить елки могут все, кому это угодно. Были слухи, что “зеленый контроль” передали МВД, но у них и так хватает работы - до елок, цветов и можжевельника им нет дела.

В статье шла речь о работе одного из наших штабов (Московский вокзал) и о суровых буднях общественного лесного инспектора. Понятное дело, Щербаков и тут не преминул сгустить краски (“с оптовыми нарушителями «эльфы» разговаривают с суровостью сталинских троек...”), но в целом статья производила вполне благоприятное впечатление.

Другой материал выпустил в свет журналист “Вечернего Петербурга” А. Дмитриев, под броской шапкой “Молодые Грибные Эльфы”(№2'2000). Это было развернутое интервью, которое дал “Вечернему Петербургу” Крейзи, выступивший перед читателями в качестве “лидера молодежного экологического движения «Грибные Эльфы»”.

Начал Крейзи неплохо, рассуждая “о росте числа молодых людей с активной жизненной позицией, охране заповедников и важности рекультивации можжевельника”, но затем его интервью стало приобретать все более тревожную окраску. Это произошло, когда Крейзи повел речь о политических взглядах:

“Мы принимаем помощь людей независимо от их политических убеждений, нам достаточно их желания помочь делу сохранения природы. Я считаю положительным фактом, что с нами сотрудничают политические радикалы: люди часто через какие-то радикальные убеждения приходят к пониманию подлинных истин, которые оказываются потерянными в современном цивилизованном обществе...”

Затем политика утомила нашего команданте, и он заговорил о проблемах наркоманов и о необходимости легализации марихуаны. Некоторое время он рассуждал на эту тему, а потом перекинулся на глобальные вопросы.

“Древние языческие заповеди учили, что природа - это храм, и что нужно жить в гармонии с ней. Со временем человек решил, что может спокойно эксплуатировать природу, как ему хочется. Плоды такого отношения мы сейчас пожинаем в виде загубленных рек, озер и лесов”, - заявил Крейзи совершенно охуевшему от таких речей журналисту. А потом подумал еще немного и закончил интервью вот какими словами: “Нас всех ждет неминуемая смерть в техногенном аду!”

Впрочем, это интервью - ничто по сравнению с тем, которое втрескавшийся кислотой Крейзи дал однажды питерскому телевидению. Это произошло во время масштабного митинга, устроенного молодежным общественно-политическим движением “Единый Антинаркотический Фронт”, в которое “Грибные Эльфы” входили в качестве одного из учредителей.

В тот раз мы подъехали к зданию Законодательного Собрания на микроавтобусе “Ford Transit”, на боках и капоте которого красовались полуметровые эмблемы с символом нашей организации - кругом, в который вписаны три псилоцибиновые поганки. Вся площадь была заполнена людьми: здесь собралось человек четыреста, причем половина собравшихся была представлена бойцами ОПОРГ товарища Гребнева.

- Наркотикам - нет! - хрипло кричал в мегафон один из организаторов митинга. - Наркоторговцам...
- СМЕРТЬ! - разрывами фугасов отзывались Гребневские бойцы, в едином порыве скандируя свой партийный лозунг: - ДА, СМЕРТЬ!

Любопытная картина, должно быть, открывалась в тот день из ЗАКСовских окон. “Зазывалу” и его лозунги про наркотики было практически не слышно, так что единственный клич - который вихрем метался над площадью, бился о стекла и заставлял глухо вибрировать толстые каменные стены - был партийный клич соратников Гребнева.

В это время к нашему микроавтобусу подошел один из присутствующих на мероприятии тележурналистов, постучался в окно и принялся расспрашивать: что это за символика у нас на бортах, правда ли, что наша организация называется “Грибные Эльфы”, и как контора с таким названием оказалась на митинге “Единого Антинаркотического Фронта”? Не может быть, чтобы мы и в самом деле являлись учредителями...

Тогда из машины вылез Крейзи - с лицом, совершенно белым от кислоты. (Надо заметить, что из четырехсот митингующих не менее сотни были наркоманами всевозможных мастей, ради такой потехи съехавшихся к зданию ЗАКСа едва ли не со всего города. Они размахивали руками, подпрыгивали и кричали “Наркотикам - нет!”, как мне показалось, с особым остервенением). Спрыгнув на землю, Крейзи уставился прямоком в телекамеру, прищурился и спросил:

- Вы хотели что-то узнать?

- Да, - обрадовался журналист, делая знак оператору. - Я хотел узнать, почему ваша организация называется “Грибные Эльфы”? Откуда пошло такое название и что оно означает?

Вопрос был, право слово, непростой. Успевшее на крыльях человеческой молвы облететь не один регион название нашего братства было выбрано совершенно без расчета на участие в подобных “антинаркотических акциях”. Мы уже объявляли меж братьями конкурс на “лучшую отмазку”, но так до сих пор ничего убедительного и не придумали. Наше старое объяснение, типа “мы - эльфы, которые едят грибы” выглядело теперь, мягко говоря, недостаточно политкорректным. Но Крейзи это, оказывается, вовсе не смущало.

- Вы знаете, - указывая пальцем прямо в объектив, заявил Крейзи, - что государство денег на охрану природы не дает?!

- Что?! - спросил журналист, несколько сбитый с толку такой постановкой вопроса. - Причем тут...

- Притом, что кто-то должен этим заниматься, пусть даже без всякого финансирования! - гнул свою линию Крейзи. - А поскольку денег нет, то в далеких походах члены нашей организации часто остаются без пищи. И чтобы не умереть с голоду, мы вынуждены собирать и есть грибы. Поэтому мы и называемся - “Грибные Эльфы”. Потому что едим грибы!

Через пару дней по питерскому телевидению показали ролик, в котором совершенно упоротый Крейзи, снятый на фоне микроавтобуса с поганками, во всеуслышание заявлял: “Поэтому мы и называемся - “Грибные Эльфы”. Потому что едим грибы!” Все остальное журналисты благополучно вырезали, оставив от Крейзино “объяснения” только самую суть. Получилось весьма убедительно, хотя несколько не в том ключе, на который мы изначально рассчитывали. Зато достаточно честно.

Это был не единственный случай, когда Крейзи проявил свое искусство по части “высказаться перед народом”. Как-то по весне он, Королева и я баллотировались в Московском районе в депутаты местного самоуправления. В своей предвыборной листовке Крейзи, помимо прочего, написал вот что: “Долой кровососущую плодильню в наших подвалах!”. Крейзи имел в виду комаров, но поскольку в листовке он никак этого не объяснил, далеко не всеми гражданами было правильно понято это его заявление.

Кроме этих историй, было много чего еще, в чем мы приняли самое деятельное участие - общественно-политическое движение “Новый Город”, пара предвыборных кампаний, пикеты, съезды и митинги. Были успешные акции и внимание прессы, была ругань и вонь, хулиганские выходки и обвинения в экстремизме. Это целая история, но она не для этой книги - не вышли еще положенные сроки, да и не про все тут стоит писать.

Канва этого произведения лежит в стороне от мира людей, от журналистов и прессы, от партийных разборок и политических дрызг. Так что мы развернем коней нашего повествования, обратив их бег несколько в другую сторону - так, чтобы в заключительных главах вновь пошла речь про хоббитские игры, про сорокоманов и ролевиков.

Мы обещали приберечь кое-что напоследок - несколько ярких фрагментов, дающих представление о беспокойных событиях тех далеких лет. И хотя это время почти не оставило отражения в зеркале нашей летописи - не беда. В своем повествовании мы уже достигли того места, откуда берет начало совсем другая история. Сказка почти рассказана, осталось добавить лишь несколько мелких, завершающих картину штрихов.

Пролетарская дискотека.

“Иногда наступает засушливый год, и тогда грибов на поверхности земли совершенно не видно. Некоторые могут поторопиться с выводами и решить, будто бы грибов больше не будет - но так думать неправильно. Грибы не лисы и не хорьки: если уж они появились в лесу, их ни за что оттуда не выведешь”. Новый микологический словарь.

Трудной была зима 99-го - пьяной и скользкой, ветреной и ледяной. Холод сковал бесчисленные реки, неподвижными громадами застыли обледенелые мосты. Улицы превратились в сплошной каток, на обочинах дорог громоздились серые от грязи шапки исполинских сугробов. На морозных просторах бесчинствовал лютый северный ветер: рвал с домов кровлю, гудел в проводах, швырял в воздух целые тучи белесой снежной крупы.

В первых числах января судьба занесла меня в район станции метро “Московская”, на квартиру, доставшуюся Вите Орку в наследство от его бабушки. Кроме квартиры, Вите достался целый шкаф бабушкиных вещей: пальто, юбок, сарафанов и прочего добра. А поскольку пьяные мы были мало сказать - “в умат”, то никак не могли оставить без внимания такое “богатство”.

К тому времени мы с Витей остались одни - все товарищи разбрелись, оставив нас наедине со стылой разрухой, недоеденными салатами и поллитрой насквозь паленой водки. Делать было нечего: мы потерянно сидели на полу, меланхолично поднося ко рту стопку за стопкой. На дворе стояла ночь со второго на третье, суббота уже закончилась, через несколько часов в мире должно было наступить утро воскресенья.

Тут мы вспомнили, что недавно до нас дошли любопытные слухи: всего в нескольких троллейбусных остановках от Витино дома (в парке Авиаторов) повадились устраивать “ролевые тренировки” какие-то вырожденцы. Проводились такие встречи по воскресеньям, в районе двух часов дня. Так почему бы нам, предложил Витя, не навестить этих наглых пидоров? Переоденемся двумя старухами-синявками, спрячем под пальто эбонитовые дубинки и таким образом легко подберемся вплотную к доверчивым ролевикам.

Предложение было принято “на ура” - мы бросились к бабушкиному шкафу и вывалили на пол пеструю кучу всевозможного тряпья. В конце концов мы остановили свой выбор на двух стареньких пальто, паре длинных шерстяных юбок и на двух допотопного вида вязаных цветастых платках. После этого мы взяли из цветочных горшков немного земли, влили туда полстакана растительного масла и за небольшое время привели выбранную нами одежду в совершенно непотребный, абсолютно “бомжовский” вид.

Довольные сделанным, мы поспешили примерить наши новые костюмы. Нам пришлось изрядно повозиться, обматывая друг друга тряпками (чтобы при надетом пальто возникал эффект кажущейся полноты), но вскоре и с этим было покончено. Получилось недурно, но нас здорово выдавала обувь: на мне были необычные для бомжихи ботинки с высокими берцами, а наряд Виконта выглядел и того хуже. Из-под его грязной, с масляными разводами юбки торчали лакированные туфли с модными квадратными носами.

Посоветовавшись с минутой, мы разорвали на части старое одеяло и сделали обмотки на ноги - на манер тех, в которых в Великую Отечественную Войну разгуливали полуобмороженные фашисты. Теперь дело было за малым: обмотать руки и лицо смоченными в камфоре бинтами (из-за этого они приобретают отвратительный гнойно-желтый цвет), наклеить побольше пластыря и надеть квадратные очки. После этого достаточно по-старушечьи укутать голову и плечи вязаным платком - и все. Создание образа завершено.

Теперь нам предстояло научиться во всем этом правильно двигаться. Во мне росту один метр семьдесят пять сантиметров, а ходить я привык размашисто, широко ставя ноги. Понятное дело, что на улице не каждый день встретишь старуху такого роста и с такою походкою! Поэтому мне пришлось согнуться почти вдвое, после чего Витя запихал мне под пальто скомканную

спортивную сумку, долженствующую изображать горб. Теперь я вынужден был передвигаться на полусогнутых, пряча колени под юбкой - из-за чего мой действительный рост потерялся, а я в самом деле стал похож на жирную, скособоченную горбунью.

Вите перекинуться оказалось немного попроще - он меньше ростом, и вместо обличья горбуни выбрал внешность безобразной хромой. Для этого он взял бабушкину клюку, обмотал левую ногу грязно-белыми тряпками, и уже через пару минут добился вполне сносной “приволакивающей” походки. Любо-дорого было смотреть как он, кряхтя и покачиваясь, переносит тяжесть со “здоровой” ноги на клюку, делает неуверенный шаг и застывает, ненадолго обретая хлипкое равновесие. Впрочем, минут через десять Витя научился “хромать” достаточно ловко, так что мы решились выйти из дома и предпринять небольшую “пробную вылазку”.

Для этих целей я сунул за пазуху эбонитовую дубинку, а Витя - кошелек и сотовый телефон. Мы решили прогуляться в сторону ларька, купить выпивки поприличнее, а заодно проверить на случайных путниках силу и убедительность наших новых амплуа. А самая первая наша “проверка” вышла такая.

Возле дома № 121 по Краснопутиловской улице нам попался сумрачный мужчина средних лет. Он курил, прислонившись к стене, а у его ног стояла сумка-тележка, доверху забитая какой-то сомнительной рухлядью. Он даже не пошевелился, когда две пьяных бомжихи вышли из-за угла и двинулись в его направлении. Состояние алкогольного опьянения - единственное, чего нам с Виконтом не было нужды симулировать, изрядное подпитие лишь добавляло правдоподобия нашим костюмам.

Первый раз мужчина посмотрел на нас, когда до него оставалось всего три метра. Резанул взглядом по заношенным юбкам и грязным пальто, по промокшим от снега обмоткам, мельком заглянул под нахлобученные наподобие капюшонов платки - и отвернулся, не вынеся вида сочащихся желтым, расползающихся бинтов.

Второй раз он глянул на нас, когда мы подошли уже практически вплотную - быстрый, исполненный брезгливого отвращения взгляд, каким смотрят на сифилитиков или на прокаженных. На всякий случай он отлепился от стены и сделал пару шагов в сторону, освобождая нам дорогу и давая возможность пройти. Так что он мало сказать “охуел” - у него чуть глаза не лопнули - когда увидел, что мы никуда не пошли, а склонились над его сумкой и принялись копать в ней самым вольным и независимым образом.

Несколько секунд он просто стоял и смотрел на это безобразие, а затем пересилил отвращение, бросился к нам, ухватил за отвороты пальто и начал орать:

- Вы что, суки старые, совсем охуели? Я вам сейчас...

Именно “начал орать”, не больше. Потому что в следующую секунды мы с Виконтом распрямились, схватили мужика за грудки, приподняли над землей и со всей дури шарахнули об обшарпанную каменную стену. А в следующую секунду ему в горло уперлась эбонитовая дубинка.

- Ты что, старость не уважаешь?! - сурово спросил Виконт. - Зря! Ты кто такой?

- А... - мужик от удивления только и мог, что хрипеть и вращать глазами по сторонам. - Я...

- Тебе пиздец! - оборвал его излияния Виктор, доставая из кармана сотовый телефон и наугад тыкая в клавиши, отзывавшиеся на его прикосновения тихим мелодичным пиликаньем. - Ты сорвал нам спецоперацию, теперь тебя...

Жаль, но закончить Витя не успел: вид бомжихи с сотовым телефоном в руках враз вывел мужика из состояния ступора. Извернувшись немыслимым образом, он вырвался у нас из рук и припустил вдоль дома, бросив свою сумку на произвол судьбы. Какое-то время мы еще смотрели ему вслед, а затем двинулись дальше: возле ларька нас ждали дела.

К одиннадцати утра мы окончательно утратили человеческий облик. Весь район стоял на ушах из-за бесчинства двух “новогодних старух”, которые повадились врывать в торговые павильоны и скандалить с продавцами и посетителями. Впрочем, нам это быстро надоело, и последние два часа мы провели, разъезжая на троллейбусах вдоль всего Ленинского проспекта. Неправда, будто народ у нас невежливый да грубый: стоило положить кому-нибудь из пассажиров на плечо обмотанную бинтами руку, как двум “бабушкам” сразу же уступали место.

Из последнего троллейбуса, в котором мы ехали, сбежали почти все пассажиры: “новогодних старух” укачало на колдобинах и стало со страшной силой тошнить. Дошло до того, что водитель остановил вагон посреди площади Конституции и велел нам убираться вон - ну а мы, понятное дело, не спешили выходить.

В конце концов мы все-таки вышли и, поскольку приключения нас уже порядком утомили, решили добираться до дома Виконта без личин, сложив части “костюмов” в имеющуюся у нас спортивную сумку. “Разоблачаться” мы принялись прямо на выходе из троллейбуса, вольготно расположившись под рекламным щитом, установленным на заснеженном газоне посреди площади Конституции.

Теперь попробуйте себе представить удивление бойцов наряда УВО, припарковавших свою машину на другой стороне площади. Сидят они в машине и видят: из остановившегося посреди площади троллейбуса водитель матюгами гонит двух пьяных бомжих самого безобразного вида. Видят, как эти бомжихи хромают в направлении рекламного щита, как начинают разматывать обмотки и кошмарные желтые бинты, стаскивать через голову грязные пальто, высвобождаться из юбок... И как в конце концов превращаются в двух подозрительного вида молодых людей, которые спешно грузят все это добро в спортивную сумку и чешут через площадь в направлении улицы Краснопутиловской. Тут бы и ленивый забеспокоился!

Впрочем, пока менты заводили свой тарантас и объезжали площадь по кругу (а движение на площади Конституции весьма оживленное), мы успели “нырнуть” во дворы. Через час, забежав в магазин за бухлом, сигаретами и снедью, мы созвонились с товарищами и уселись дожидаться ихнего визита на лавочке перед парадной Виконта. Ради этого мы с Орком облачились в наряды “новогодних старух” еще раз - с тем, чтобы испытать их силу на наших друзьях.

Поначалу все шло как нельзя лучше. Дэд, Сокол и Гор прошли мимо двух бомжих глазом не моргнув, даже не глянули. Дэд и Сокол уже скрылись в подъезде, Гор шагнул следом за ними, но вот Гаврилу нам провести не удалось. Он вдруг остановился как будто в задумчивости, медленно развернулся и в упор посмотрел на нас. Секунду его взгляд цепко обшаривал окружающее - меня, Виктора, скамейку и все остальное - а затем Гаврила подошел ближе и произнес:

- Петрович, Витя! Вы чего?

Мы с Виконтом недоуменно переглянулись, после чего я повернулся к Гавриле и задал резонный вопрос:

- Гаврила, как?! Как ты нас узнал?

- Ну вы даете! - рассмеялся Гаврила. - Конспираторы! Сидят две бомжихи на лавочке, курят “Camel”, пьют коньяк, шоколадом закусывают. Пива стоит ящик, оливки, сыр... Напомните, кого вы хотели наебать?!

Наш обман был раскрыт, и с расстройства, а, может, из-за крайней степени утомленности, но охотиться на ролевиков в парк Авиаторов мы не пошли. Впрочем, мы не остались в накладе: через пару дней щедрая судьба подарила нам вместо этого чудную “охоту на сорокомана”. Она стала одной из лучших наших “акций возмездия”, вровень с достопамятной “Видессой” (о которой еще пойдет речь) и семинаром Торина Оукеншильда (о котором речь уже была). Вышло это так.

Четвертого января в доме культуры “Пролетарский” проходило масштабное мероприятие сорокоманов, включавшее в себя дискотеку, КВН, ряд конкурсов и прочие никуда не годные вещи.

Теперь трудно сказать, кто были организаторы этого праздника, да это, пожалуй что, уже и неважно. Главное, что мы вовремя узнали о нем.

Около шести часов вечера мы встретились на выходе с эскалатора метро “Ломоносовская” и выдвинулись в сторону ДК. Путь наш пролегал через дворы к проспекту Обуховской обороны, который в этом месте проходит почти по самому берегу Невы. Отсюда открывается живописный вид на замерзшую реку и на мост Володарского, поднятый надо льдом на двух исполинских бетонных “быках”.

Впрочем, нас интересовал не мост, а дом № 125, расположенный на набережной через квартал от парка им. Бабушкина. И хотя идти до места было недалеко, мы еще по пути увидели знаки, обещающие нам вполне успешное мероприятие.

- Смотрите! - привлек наше внимание Барин. - Кто это там ковыляет?!

Присмотревшись как следует (уличное освещение не работало, и на набережной было довольно-таки темно), мы разглядели впереди пару смутно знакомых фигур. Одной из них оказалась горбатая карлица по прозвищу Ханна, а второй был её муж, имени которого нам так и не довелось узнать. Я попробую передать вам представление об этом человеке с помощью слов Барина, которыми он живописал не попавшим на “дискотеку” товарищам про эту чудную встречу:

- Все знают, какая Ханна страшная, - толковал Кузьмич, морща лицо и беспомощно разводя руками. - Бабы уродливее, наверное, во всем Питере нет! Но когда я увидел её мужика, то здорово удивился: как же это Ханна согласилась выйти за него замуж? Такая парочка, что просто охуеть! В средние века их держали бы в клетке при каком-нибудь богатом дворе, а гулять выпускали только по праздникам!

Что-то похожее получилось и на этот раз: намечался грандиозный праздник, в свете которого мы посчитали встречу с Ханной добрым предзнаменованием. И если вначале у нас еще были кое-какие сомнения, то теперь стало ясно - мы не зря собирались в путь. Дискотека будет, а те, кто нам нужен, по собственной воле набьются в ловушку, расставленную беспечными устроителями мероприятия. Все было сделано за нас, оставалось лишь войти в здание и захлопнуть дверь изнутри.

ДК “Пролетарский” - огромный домик, в котором есть собственный гардероб, актовый зал, танцпол, буфет и множество подсобных помещений. Вот только за вход на дискотеку взималась кое-какая плата, и местная охрана (состоявшая сплошь из сорокоманов) уперлась и ни в какую не хотела нас бесплатно пускать.

Это не довело их до добра: к этому времени перед входом столпилось аж девятнадцать человек наших. Здесь было с десятков представителей нашего братства, несколько человек из “Моргилья”²⁴⁴, а также “свободные художники” вроде Видгри и его брата Юры. Пять мест в этом списке занимали девушки (Партизанка, Королева, Ярославна, Ирка и Стерх), но охране от этого легче не стало.

- Они что, совсем охуели? - удивился один из представителей Моргильской братии, Ильюша по прозвищу “Бабанияз”. - Ждут, пока мы заплатим им денег?! Ну пиздец!

Открыв входные двери, Бабанияз, Юра и Эйв ухватили троих (столько их всего было) представителей сорокоманской стражи за куртки и рывком вытащили на улицу. Затем друзья отволокли так называемых “охранников” за угол и надавали им горячих “вразумляющих”

³ Моргиль; эльф. ᄡᄢᄢᄢᄢ (чёрная звезда) - команда, организованная в 1996 году в Питере Шагратором и его товарищами. Через несколько лет Шаграт уехал в Москву, и “трон” Моргиль достался Гортауру, впоследствии (в районе 2002 г.) уступившему его новому лидеру по прозвищу Бабанияз. Несмотря на все эти “перестановки”, Моргиль завоевал среди Питерских (и не только) ролевиков громкую и недобрую славу, благодаря целой череде погромов и несметному количеству щедро раздаваемых пиздюлей. Моргильцы заслужили, чтобы в этой книге о них было сказано больше, но Гортаур (которому было в свое время предложено поделиться историями) оказался чересчур скрытен или (что больше похоже на правду) слишком ленив. Так что мы будем вынуждены ограничиться этой маленькой сноской, оставляя Гортауру (или еще кому) возможность самому написать про наиболее любопытные происхождения Моргилья.

пиздюлей. После этого сорокоманы были изгнаны в стылые просторы, раскинувшиеся возле парка им. Бабушкина, с наказом “идти и никогда сюда больше не возвращаться”.

Все это удалось провернуть настолько ловко, что никто из собравшихся в ДК даже не заметил, что охрана на входе сменилась. Потому что свято место пусто не бывает: теперь деньги за вход на дискотеку собирали Юра и я. Некоторые сорокоманы вздумали возмущаться, когда мы вдвое подняли оговоренную плату, но нас их вопли не особенно интересовали.

- Приказ администрации! - категорично заявлял я, а Юра кивал: - Хочешь на дискотеку - плати! Никто тебя сюда насильно не тащит!

От прошлой охраны нам достались в наследство стол, два стула и отпечатанные на принтере “списки приглашенных”, среди которых оказалось немало известнейших “неуподоблюсь”. Поэтому мы отнеслись к своему дежурству чрезвычайно серьезно: заказали в местном кабаке два чайничка водки (по каким-то причинам водку здесь подавали разлитой в небольшие керамические чайники), взяли красный маркер и принялись отмечать “особо опасных неуподоблюсь”, замеченных при входе в ДК.

К половине восьмого через наш с Юрой “пост” прошло около ста пятидесяти человек. У меня рябило в глазах от невообразимого количества плащей-занавесок, обилия бисерных “фенечек” и нелепых деревянных мечей. Повсюду, куда не кинь взгляд, толпились сорокоманы, перумисты, “неуподоблюсь” и прочая сволочь. Доставшиеся нам “списки” были как будто в огне от многочисленных красных пометок, но были и такие “неуподоблюсь”, которых мы видели сегодня впервые.

Почти нигде не было видно нормальных лиц, на которых бы отдыхал взгляд. Жирные бабищи и кривые, субтильные юноши, сведенные судорогой надменности скулы и маслянисто блестящие, бегающие глаза. Мне редко доводилось видеть в одном месте такое количество вырожденцев - разве что в Москве, на сборище под названием “Эгладор”. Для Санкт-Петербурга же это был своеобразный “рекорд”.

Разумеется, мы не сидели без дела: как только в дверь протискивался кто-нибудь из “числящихся в особых списках”, мы с Юрой подавали засевшим в кабаке товарищам условный сигнал. Тогда двое наших брали новоприбывшего под руки, аккуратно разворачивали и без лишнего шума сопровождали до расположенного неподалеку входа в туалет. Его двери распахивались всего на секунду, чтобы тут же захлопнуться - словно окровавленная пасть, одного за другим пожиравшая наиболее безобразных гостей этой дискотеки.

Отлаженный механизм работал, словно часы - до тех пор, пока в ДК не начали ломиться бывшие охранники-сорокоманы. Один из них оказался местным и сумел разжиться подмогой в лице четверых здешних гопников, которые ворвались в помещение и принялись “гнуть пальцы” и угрожать. По-видимому, “охранники” не успели толком сосчитать, сколько именно наших успело проникнуть в помещение, а с опиздюлившими их Юрой, Бабаниязом и Эйвом думали разобраться с помощью своих новых друзей. Да не тут-то было!

По древнему обычаю, драку внутри ДК местные гопники устраивать не захотели, требуя, чтобы Юра, Эйв и Бабанияз вышли на улицу “поговорить”. Компанию “переговорщикам” решили составить Кримсон и Строри, так что в конце концов наши товарищи оказались впятером против семерых.

Местная гопота оказалась не в пример сноровистей убогих сорокоманов, так что когда друзья вернулись в помещение, кулаки у них оказались сбиты едва ли не до костей. Тем не менее победа осталась за ними, так как местные “охранники” сделали в этом бою не многим больше, чем в первый раз. А с четырьмя гопниками наши товарищи справились, хоть и не без некоторого труда.

- Дельные, судя по всему, люди! - охарактеризовал недавних противников Эйв. - Только вписались не за тех! Впрочем, парни это местные, так что после дискотеки мы наверняка их еще увидим!

Обмывали победу в баре, тесно сдвинув столы, на которых было расставлено пиво, орешки и вездесущие чайнички с водкой. Братья поздравляли друг друга, высоко поднимая вверх тонкие

фужеры из-под шампанского, которые в местном кабаке выполняли функцию стопок. Крепкий алкоголь мешался с горячей кровью, рождая всесокрушающий дух праздника - непередаваемое ощущение веселого буйства.

Из-за невероятного количества выпитого панорама ДК и лица собравшихся запомнились мне не чётко, а как будто бы по кускам. Вот стайка сорокоманов возле туалета, вот заполненное танцующими парами обширное помещение, а вот актовый зал, в котором устроители мероприятия собирались проводить КВН. К восьми часам вечера я с трудом различал отдельные предметы, а к половине девятого уже полностью “перекинулся”.

В моей памяти, словно сквозь толщу воды, проступали очертания незнакомого человека, наряженного в розовую кофту с многочисленными бантами, держащего в руках здоровенный коричневый бокен. Этот человек высился посреди моих воспоминаний, словно скала, вокруг которой бушевало черное море беспамятства. Залы и коридоры ДК кружились вокруг меня, как будто охваченные штормом, мир подернулся темной пеленой и исчез. Когда это произошло, нечто огромное, извиваясь и крича, поднялось из глубин моего существа, и тогда мое привычное “я” забилося в уголок, сжалось в комочек и перестало существовать.

Я пришел в себя от лютого холода, раздиравшего на части все мое тело. Казалось, что в меня разом впились тысячи ледяных крючьев, терзавших мою кожу губительным холодным огнем. Я открыл глаза и увидел, что лежу под слоем снега, а в полуметре надо мной простирается днище речного катера, поднятого на деревянные стапеля.

Я лежал в этом странном “убежище” и размышлял - как же, твою мать, я здесь оказался? В просвет под днищем виднелась застывшая поверхность Невы и гранитная облицовка набережной, возвышающаяся на несколько метров над вмерзшей в речной лед стоянкой для катеров. Пробиравший до костей холод немного отрезвил меня, сквозь ватную пелену забвенья начала проступать жуткая панорама недавних событий.

Первое, что поднялось на поверхность из глубин моей памяти - это тяжеленный бокен, которым я с остервенением “рубил” собравшихся на танцполе людей. Бах! Вот, нелепо размахивая руками, валится на пол дородный молодой человек в плаще-занавеске. Бах! Схватившись руками за голову, ныряет в толпу другой. Бах! Люди вокруг начинают разбегаться, словно круги по воде. Бах! Бах! Бах!

Какое-то время я бесновался подобным образом, а потом упал прямо посреди танцпола и крепко заснул. Я спал, а мой сон охраняли товарищи, жестоко избивавшие всякого, кто приближался ко мне и заступал в “опасную зону”. И хотя проспал я едва ли полчаса, последующие эпизоды отложились у меня в памяти едва ли лучше, чем этот беспокойный, полный мерного топота ног и постоянного грохота музыки сон.

- Вставай, Петрович! - голос Королевы ворвался в мой сон. - Петрович, вставай! Дискотеку закрывают!

Когда я открыл глаза, сел и огляделся по сторонам, то увидел, что дискотека вокруг меня превратилась в театр военных действий. Все смешалось в единой круговерти - кровь на полу, блевота на стенах и истошные крики старой мегеры из администрации ДК. Она во весь голос проклинала устроителей мероприятия и требовала, чтобы собравшиеся немедленно покинули помещение.

У нее были на это причины: пока я спал, Барин подобрал мой бокен и пошел бить развешанные вдоль стен исполинские зеркала. Весь пол был густо засыпан битым стеклом, а из-за угла продолжали доноситься мощные удары и разрывающий уши оглушительный звон.

Кое-как поднявшись на ноги, я поплелся вдоль стены к выходу, но в фойе меня скрутило не на шутку. Мне стало до того нехорошо, что я вынужден был согнуться пополам, опереться руками о банкетку и извергнуть из себя часть выпитого накануне. К несчастью, то, как я блую на банкетку, заметила “мегера из администрации”, с выпученными глазами и побелевшим лицом взиравшая на

картину причиненных её ведомству разрушений. Видно было, что она просто не в силах поверить своим глазам, но вид изгаженной банкетки живо вывел её из состояния ступора.

- Ах ты, мразь! - заорала она, стремительно приближаясь и рывком вздергивая меня на ноги. - Урод вонючий!

Это была мощная, дородная женщина, а мне было слишком худо, чтобы я мог сопротивляться как следует.

- Пошла на хуй, - произнес я заплетающимся языком, делая слабую попытку вырваться. - Что тебе надо?!

- Что мне надо, козел? - заорала схватившая меня баба. - Ну, сволочь!

С этими словами она отпустила мой ворот и сделала попытку вцепиться ногтями мне в лицо. Это могло бы у нее получиться, но тут в поле моего зрения неожиданно возникла Королева. В руках у нее была пивная бутылка, которой она наотмашь ударила схватившую меня бабу.

Удар был что надо: край доньшка с хрустом вошел в переносицу, свалив женщину с ног и вмиг лишив ее всей стремительности и напора. Она упала на жопу прямо посреди коридора и так и сидела, вращая глазами и размазывая по лицу хлынувшую из разбитого носа кровь.

В этом она была не одинока: еще один сокрушительный удар по носу нанес Эйв. Его оппонентом оказался высокий молодой парень, который сначала залупался, а потом стал ускользать от конфликта, прячась за спинами парочки знакомых баб. Причем те ему в этом всячески потворствовали - растопылив руки, отталкивали Эйва в сторону, царапались и орали:

- Отойди! Чего тебе от него надо? Вали отсюда!

- Вижу я, что сейчас он от меня ускользнет! - рассказывал впоследствии Эйв. - И так бы и вышло, кабы он не расслабился. Ему бы валить, пока была такая возможность - а он, видать, решил "сохранить лицо". Встал он у девок за спинами и говорит: "Мы с тобой потом разберемся!". А башка его аккурат между ними виднеется! Собрался я с силами, да как врежу! Здорово получилось: у него нос так на щеку и лег. Так что лица он все же не сохранил!

В конце концов мы высыпали на улицу, где к тому моменту столпилось уже около тридцати человек. Среди них были как гости этой дискотеки, так и грядка местных гопников, решивших расквитаться с нами за свою давешнюю неудачу. По счастью, к этому времени я сумел немного прийти в себя: умыться снежком, продышаться и набить полные карманы разномастной стеклянной посуды. Протрезветь я не протрезвел, но своих от чужих отличал, а это в нашем деле самое главное.

Справедливости ради скажу, что первый раунд в последовавшей за этим драке остался за одним из приготовивших нам такую любезную встречу парней. Это был крепкий молодой человек в дубленке и цветастой "рэперской" шапке, который шагнул навстречу нашему Кузьмичу и оприходовал его по голове завернутым в газету обрезком бейсбольной биты.

Время как будто остановилось: застыли машины на набережной, стих ледяной ветер, неподвижно зависли в воздухе одинокие снежинки. Картина людей, собравшихся перед входом в ДК, запечатлелась в моей памяти подобно мгновенному черно-белому снимку. Два полукруга - они и мы - а в центре Кузьмич и незнакомый парень с обрезком биты в поднятой кверху руке.

Затем бита опустилась, придавая картинке динамику и цвет: плеснуло красным, Кузьмич упал, зажимая руками голову, а вокруг парня с битой сомкнулись наши товарищи. Это произошло практически мгновенно: так схлопывается воздух после слепящей вспышки вакуумного взрыва. Секунду назад противник Кузьмича еще стоял на ногах, и вот на этом месте уже беснуется тугой комок человеческих тел.

И хотя я думал, что так бывает только в дешевых фильмах, парень с битой сумел каким-то образом выползти из этой кучи-малы. Я видел, как он на четвереньках, едва ли не ползком, выкарабкивается из-под навалившихся на него братьев и начинает вставать. Тогда я вынул из кармана бутылку из-под шампанского, шагнул вперед и прицелился, словно в гольфе или в

крокете. В следующую секунду я нанес сокрушительный удар - бутылка лопнула, а парень с битой упал и больше не поднимался.

Как это ни странно, но до этого момента никто из собравшихся не предпринял никаких попыток нам помешать. Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока с земли не поднялся окровавленный, ошалело мотающий головою Кузьмич. Но как только он встал, из задних рядов сорокоманов вылетела бутылка, попавшая Кузьмичу в лоб и вновь опрокинувшая его на землю. Это было той каплей, что опрокинула и без того уже полную чашу: увидав это, братья как будто взбесились.

Вспыхнула драка, теперь уже общая. Мелькали руки и лица, события сменяли друг друга с пугающей быстротой. Впрочем, мне приходилось в них ориентироваться: в этой драке я был “вторым номером”, и мне ни в коем случае нельзя было зевать.

“Вторые номера” - термин с ролевых игр, слово, применяющееся для описания групповых боев с применением “обходного маневрирования”. Оно обозначает людей, которые в бою заходят противнику за спину и наносят удары с тыла, а также тех, кто защищает собственный строй от подобных вылазок. У наших противников “вторых номеров” не оказалось, так что мне оченьгодились запасенные заранее бутылки.

Везде, где бы я ни видел дерущихся братьев - я заходил сзади и бил их противников бутылками по головам. Наших врагов никто не прикрывал, так что работать было сущее удовольствие: я носился позади вражеского строя, нанося удары пивными, водочными, винными и другими бутылками. Дважды я отбегал к ближайшей урне за пополнением “боеприпасов”, и лишь однажды от моих действий вышел некоторый вред. Произошло это так.

Моим напарником в этом бою был брат Кримсон: он прикрывал меня, я - его. Мы понемногу присматривали друг за другом, и если Кримсон ввязывался в бой, я тут же оказывался рядом и разбивал об его оппонента парочку подходящих бутылок. В один из таких разов я привычно скользнул его противнику за спину, размахнулся и со всей одури врезал ему бутылками по ушам.

Бах! Стекло лопнуло, противник Кримсона упал, а сам Кримсон заорал дурным голосом и схватился за лицо. Оказалось, что отлетевшие куски стекла воткнулись ему под кожу и только чудом не повредили глаза. Так мы узнали, что при драке бутылками “второй номер” должен наносить удар не сзади, а сбоку, чтобы осколки стекла не попали его товарищу в лицо.

Впрочем, как бы там ни было - сегодня я был слишком пьян и не мог следить за ВСЕЙ ситуацией. Израсходовав очередную бутылку, я отпрыгнул назад, но споткнулся и врезался в кого-то спиной. Тут меня схватили под руки и принялись “винтить” - в горячке я не заметил, как ко мне подобрался бойцы милицейского патруля. Оказывается, пока мы дрались, к ДК прибыли две “кареты” скорой помощи и три милицейских машины.

Меня засунули в одну из них - УАЗ “буханку”, оборудованную под перевозку хулиганья. Я оказался один в полной темноте, в гулком, холодном металлическом кузове. Вынув из кармана перочинный нож (меня не успели обыскать), я принялся ковыряться в запоре, но все без толку. С этой стороны был сплошной металлический лист - ни щели, ни даже самой маленькой дырочки.

Так бы я и уехал в местный отдел, если бы не Королева. Во время драки она была сильно занята: собирала брошенные нашими противниками вещи и досматривала их на предмет материальных ценностей, валяющихся без дела. В результате этого ей достался чей-то рюкзак, синяя шапка с помпонами и набор кассет с музыкой для сорокоманского КВН. Рюкзак Королева выбросила, а вот кассеты сунула в шапку и запихала поглубже в карман.

Пока она этим занималась, драка практически закончилась, а на площадке перед входом в ДК появились сотрудники милиции и врачи. Они принялись растаскивать по машинам продолжавших бесчинствовать и наиболее тяжело пострадавших. Из всех наших в милицию попал один только я, а в скорую - никто, так как Кузьмич к середине драки пришел в себя, поднялся на ноги и орудовал кулаками с завидными упорством и силой.

Увидав, что меня нигде нет, Королева пошла вдоль ряда милицейских машин и вдруг услышала, как у одной из них в кузове кто-то скребется. Ни секунды не медля, она обошла машину сзади,

повернула ручку (на мое счастье, там оказалось не заперто) и открыла дверь. Стоящий в пяти шагах мент только-только начал поворачиваться на звук, как я уже выскочил из машины, в два прыжка пересек проспект Обуховской Обороны и припустил улепетывать по набережной.

Мент, конечно же, бросился за мной. Но у меня был отрыв примерно в десять метров, который я постепенно сумел увеличить почти до пятидесяти. В конце концов я добежал до неосвещенной стоянки для катеров, перепрыгнул через парапет, пролетел пару метров по воздуху и приземлился в обледенелый сугроб.

Затем я пробежал метров двадцать по промерзшей земле, закатился под одну из едва различимых в темноте лодок и как мог забросал себя снегом. Невероятное количество выпитого, драка и сумасшедший бег подкосили мои силы: я натянул поглубже капюшон куртки, сунул руки в рукава, поджал под себя ноги и выключился, как свет.

Лежа под лодкой, я не знал, что наши товарищи сумели благополучно спастись от милиции и давным-давно покинули пространство возле ДК. Я пробыл в забытьи не более получаса, но этого хватило, чтобы задубеть чуть ли не до смерти и забыть половину из того, что со мною произошло. Так что последние события, связанные с этой дискотекой, дошли до меня значительно позже: финальную историю рассказал мне при встрече Эйв.

- Когда Королева выпустила тебя из милицейской машины, ты повел себя как полный кретин! - для начала обрадовал меня Эйв. - Это тебе спяну грезится, что ты сразу же по набережной побежал: на самом деле ты сначала повернулся к ментам, кривлялся и орал, словно пьяная обезьяна. И только когда за тобой ломанулись - только тогда ты с хохотом и воем умчался по набережной. К этому моменту все наши уже разбрелись, так что я тоже решил делать оттуда ноги. Направлялся я в “Сетеборец”²⁴⁵, но не знал, что за мной увязался хвост - двое из тех гопников, с которыми мы на сцепились дискотеке.

- Да ну на хуй! - удивился я. - Им что, мало? До чего же упорные пидоры!

- Ну! - продолжал Эйв. - Слов нет! А вход в “Сетеборец” сделан в подъезде жилого дома, и от обычной парадной внешне ничем не отличается. Вот они и решили, наверное, что я домой иду. Думали настигнуть меня возле квартиры и как следует “прессануть”. Захожу я, значит, в подъезд, поднимаюсь на один пролет, и тут за мной эти двое влетают. Кричат: “Стоять, сука, теперь тебе пиздец!” А там лестница на четыре пролета, и на верхней площадке наших человек восемь тусуется: Боря и Скив, Трейс и Альбо, Гурт, Фуфа и еще кое-кто. Поимщики мои увидели это и встали, как вкопанные, а потом назад ломанулись. Посмотрели мы на них, плюнули и даже гнаться не стали. Незачем - и без того хороший был день!

Будда мирового света.

Была одна ночь, когда Солнцеликий сказал своим ученикам: “Вот вино, которое вы пьете и гашиш, который вы курите. Любой из вас знает эти вещи весьма хорошо. Но если вы попытаете поведать о них человеку несведущему, то столкнетесь из-за этого с немалой проблемой. Можно будет только надеяться, что вопрошающий пережил в своей жизни нечто подобное. Иначе ему будет не с чем сопоставить ваши слова”. “Honey of Tales”.

В марте 99-го мы с Крейзи неожиданно “попали в расклад”, до которого довели Крейзины мутки с наркотиками. Много лет подряд все было тихо, но теперь у меня сложилось впечатление, что за нашу маленькую секту принялись всерьез. Злые энергии, чудовищные и недобрые силы появились на периферии нашего мира, вмиг опутав нас скользкими, холодными щупальцами. Никто из нас не

²⁴⁵ Расположенный возле метро “Ломоносовская” компьютерный клуб “Сетеборец” пользовался в те далекие времена неизменной популярностью у большинства наших товарищей.

верил, что подобное может произойти, но это все-таки случилось, не оставив нам ни свободы выбора, ни времени на раздумья. Поначалу я не знал о возникших у Крейзи проблемах, а когда узнал, было уже слишком поздно. Можно сказать, что проблемы сами нашли нас и постучали к нам в дверь.

- Смотри, брат, вон он! - Крейзи отнял от глаз бинокль и передал его мне. - Вон на том доме, в слуховом окне!

Аккуратно отодвинув краешек прикрывающего оконный проем одеяла, я слегка раздвинул многочисленные цветы, навел бинокль и принялся сосредоточенно наблюдать. Солнце еще не село, так что мне была отлично видна девятиэтажная “точка”, возвышающаяся по ту сторону проспекта Космонавтов, проходящего прямо у Крейзи под окнами. Девятиэтажка была отгорожена от нашего дома внушительной дубовой аллеей, самим проспектом и линией электропередачи, чьи решетчатые опоры выросли в землю по ту сторону асфальтированной полосы. “Точка” возвышалась надо всем этим унылой серой громадой, и лишь в окнах верхних этажей все еще полыхали багровые отсветы заходящего солнца.

Я немного подкрутил колесико бинокля. Ага. В замеченном Крейзи отверстии на самом деле виднелась какая-то тень, еще секунду - и она вроде как шевельнулась. А еще через пару минут я заметил в бинокль слабый, еле заметный блик - что-то блестящее было тщательно скрыто от посторонних глаз в темной глубине слухового отверстия.

Если бы не закат, мы бы вообще ничего не заметили. А так (спасибо солнечному свету, бьющему прямо в слуховое окно) я сумел разглядеть фигуру человека с винтовкой, снаряженной достаточно внушительной оптикой. Силуэт стрелка и очертания оружия продолжали угадываться в проеме окошка до тех пор, пока в него не перестали падать последние закатные лучи. После этого наступили сумерки, и в чердачном окне стало вообще невозможно что-либо различить.

- Он не один, - мрачно заявил Крейзи, усаживаясь на расположенный возле холодильника стул. - Шестой этаж видишь? Второе окно слева. Присмотрись, там шторы раздвинуты, а в комнате стоит телескоп. Куда он сейчас направлен?

И действительно: в указанном окне виднелся установленный на треноге телескоп. Куда именно он направлен, определить было достаточно трудно, могу сказать одно: смотрел он вовсе не в небо.

- Машина через дорогу, у ларька, белый фургон, - продолжал монотонно перечислять Крейзи. - Вон тот, у которого стекла прикрыты занавесочками. Вторые сутки тут стоит, и я вроде как видел внутри какое-то шевеление. Обложили, брат!

С этими словами Крейзи взял со стола помповое ружье и принялся запихивать в магазин снаряженные картечью патроны. Свет в квартире был выключен, так что на кухне было достаточно темно. Фигура полностью одетого (индейская куртка “с висюльками”, высокие ботинки и плотные кожаные штаны) и готового в любой момент сорваться с места Крейзи едва виднелась на фоне чуть более светлой стены. К поясу у моего брата был приторочен длинный охотничий нож, а под мышкой болталась желтая кобура с “газовиком”.

- Твоя правда, - заметил я, согнувшись в три погибели возле окна. - Действительно, на крыше стрелок. Выходит, они мочить нас надумали?! Да кто же это такие?

Уже несколько дней мы сидели в осаде на квартире у Крейзи. А вокруг нашей обители творилась шпионская чертовщина: во дворе сутки напролет маячили непонятные люди, под окнами дежурили машины с ОЧЕНЬ подозрительными пассажирами, на крышах расположенных через дорогу домов мелькали силуэты людей с мощной оптикой в руках. А теперь объявился еще и снайпер на чердаке!

Скажу по чести, поначалу я не очень-то во все это верил. Но теперь, глядя сквозь хитросплетения орхидей на темнеющий провал чердачного окна, я чувствовал себя совсем по-другому. “Игры кончились...”, - настойчиво твердил чей-то голос у меня в голове. “Там, на чердаке, сидит мужик с винтовкой, название которой тебе, бестолочь, скорее всего ничего не скажет. Он сейчас, наверное,

жует бутерброд и смотрит на наши окна сквозь оптический прицел... Или, может быть, курит. Кой черт, раз он притащил туда пушку, значит, собирается стрелять! Блядь, а вдруг он меня увидит?!"

"Ну, сука, влип!" - думал я, потихоньку сползая вниз и усаживаясь на пол возле батареи. "Ведь недавно еще все было спокойно! Но кто же это такие? Ни хуя себе проблемы у нашего Крейзи!" Я пригнул голову, раскурил сигарету и сделал попытку рассуждать более здраво, но впустую: меня здорово колотило. Привычные стены Крейзиной берлоги вдруг стали невыносимо тяжелыми, сдвинулись и принялись раскачиваться и вполне ощутимо давить.

"Тебя хотят убить, убить, убить!" - твердил назойливый голос у меня в голове. "Они ждут, они наблюдают, они пришли за тобой! Беги, беги, спасайся! Не сиди на месте, немедленно начинай спасать свою жизнь!" И другой голос, безжалостный и ледяной, вторил ему, врываясь в сознание мертвящим воем мартовской вьюги: "Дом уже два дня как окружен, тебе ни за что отсюда не вырваться. Жаль, друг, но шансов у тебя нет! Вас загнали в ловушку, из которой не может быть выхода. Они подождут немного, а потом..."

- ... будут штурмовать! - сам того не ожидая, озвучил я мысли, крутящиеся у меня в голове. - Тоша, как хочешь, но отсюда надо валить! Мы на втором этаже, причем дверь деревянная, закрывается на один сраный ригель! Нас тут...

- Куда валить?! - взорвался вдруг Крейзи. - Как? Хочешь, чтобы в тебе дырок наделали? Я тебе второй день твержу:ждемся настоящего снегопада, и только тогда ломанем! Ночь, снег - будет совсем ни хуя не видно. Авось, проскочим!

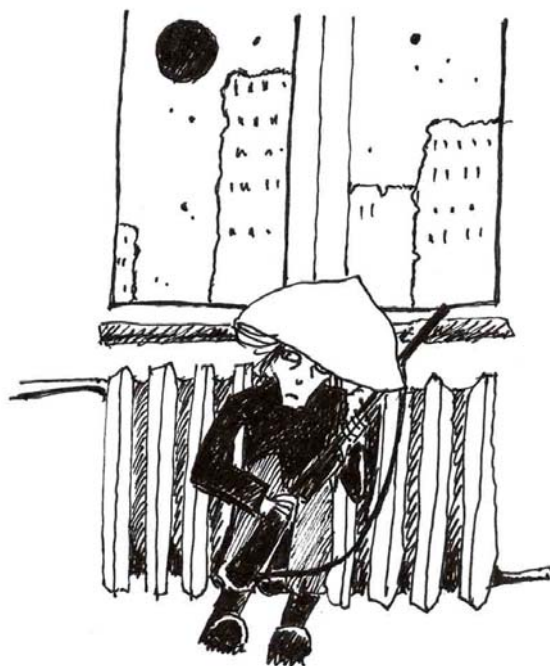
- А если они ждут на лестнице? - спросил я. - Что тогда?!

- Тогда им пиздец! - решительно ответил Крейзи, одним движением взводя помповик. - Живым я не сдамся! У тебя оружие есть?

- Есть, - нерешительно ответил я.

Нерешительно потому, что найденный в кладовке топор, который я прицепил на вшитую под куртку матерчатую петлю, не внушал мне больше уверенности. Впервые я боялся выйти из дому с топором, что при обычных раскладах мне совершенно не свойственно. Но сегодня топор казался мне чем-то совсем незначительным - и я остро, по-настоящему пожалел, что в свое время не завел себе хоть какой-нибудь ствол.

- Будем ждать, - еще раз повторил Крейзи, неподвижно замирая на стуле. - Сиди тихо!

Снегопад ударил около трех часов ночи - белесый шквал, настоящая мартовская метель. Видимость упала чуть ли не до нуля, пейзаж за окнами потерялся в изменчивой снежной круговерти. Сияние уличных фонарей едва пробивалось сквозь эту завесу, вокруг установленных вдоль аллеи столбов виднелись лишь размытые пятна призрачного желтого света.

- Пора, - сказал Крейзи, рассовывая по карманам патроны и кое-что из припасов. - Двинули!

Лестница встретила нас дыханием холода и гулким звуком нашим собственным шагам. Протяжно скрипнула входная дверь, и мы оказались на улице, в самом средоточии разразившейся вьюги. Пригнувшись к земле, мы побежали вдоль стены дома, изо всех сил стараясь слиться с темной, обледеневшей стеной.

Через двадцать минут мы перелезли через бетонный забор заброшенной стройки и оказались на огромном пустыре, расположенном неподалеку от СКК им. В.И. Ленина. Здесь, меж затянутых льдом крошечных озер, таяться прогнившие остовы гаражей и старая свалка. Но большая часть пустыря все еще хранит свой первозданный вид - густо поросшие сухим тростником невысокие бугорки, поднимающиеся из замерзшего болота.

Спрятавшись от снега среди остатков ржавой цистерны, Крейзи зажег свечу и достал из кармана два шприца, чайную ложку и крошечный сверток с кислотой. Еще минута, и меня в руку ужалила игла: по телу пробежала будоражащая волна, мышцы расслабились, а во рту неизвестно откуда появился невыразимо знакомый привкус. Затем пространство как будто схлопнулось, и обстоятельства последних дней начали раскручиваться перед моим внутренним взором, словно сжатая до поры сверкающая спираль. Я словно перенесся на пару суток назад, и смог еще раз пережить обрушившиеся на нас удивительные и жуткие события.

Началось все вечером в среду, когда я, на свою беду, решил заглянуть в гости к Крейзи. Вбежав по лестнице, я постучал в дверь (как всегда, звонок у Крейзи не работал), и принялся ждать. Какое-то время никто мне не открывал, но затем за дверью послышался осторожный скрип и какое-то тихое шебуршение.

Недоумевая, в чем там может быть дело, я постучал еще раз и еще. Скрип прекратился, и я услышал, как ригель замка начинает потихонечку отодвигаться. Я насторожился было, но слишком поздно: в следующую секунду дверь распахнулась, и в проеме возник Крейзи.

Он двигался с уму непостижимой скоростью - так, как может только очень привычный к кислоте человек. Изменяя проводимость нервного волокна, это зелье дарует некоторым невиданную пластику и быстроту - но лишь немногим, а вовсе не каждому. Большинство людей неспособны в кислоте и шагу ступить, но только не Крейзи. Я и дернуться не успел, как он выскочил из проема, словно черт из коробочки, ухватил меня за куртку, втащил в комнату и прижал к стене. Крепко прижал, так что не дернешься: для верности Крейзи упер мне в подбородок ствол помпового ружья.

После этого Крейзи отпустил мою куртку и захлопнул входную дверь. Скосив глаза, я увидел, что оружие снято с предохранителя, а когда я снова перевел взгляд на Крейзи, мне стало и вовсе нехорошо. Лицо у моего брата побелело, а глаза стали подобны двум бездонным озерам, в которых плескалось безумие - он явно "перекинулся" с кислоты, так что моя жизнь в тот миг не стоила и ломаного цента.

- Ваня, - глядя мне прямо в глаза, спросил Крейзи, - ты уверен, что это ты?

Я стоял, мучительно выбирая: попробовать выбить ружье у него из рук или рискнуть что-нибудь ответить? Очевидно было, что в случае неудачи моя башка превратится в кровавое пятно на обоях, как и в случае "неправильного" ответа. Но Крейзи был словно взведенная пружина, и я почел за лучшее не дергаться.

- Уверен, - как можно тверже ответил я, усилием воли подавляя предательскую дрожь в голосе. - Конечно же, это я. Я твой брат, который во всех протоколах пишет слово "вынужден" через два "ы", это я предложил тебе в Карабаново спрыгнуть в кольчуге с плота, я придумал притчу про медвежонка. Ты ее помнишь?

Я был уверен, что Крейзи помнит. Это случилось недавно, когда мы целой толпой сидели у Крейзи на квартире, а я вошел в комнату и говорю:

- Послушай, брат, вот какую я слышал притчу! Издал лев указ: в лесу куда попало не ссать. Раз шел по лесу медвежонок, и вдруг ему так ссать захотелось! Смотрит, а поссать-то и некуда. Видит - навстречу ему лягушонок скачет. Подходит медвежонок к нему и говорит: “Лягушонок, открой рот!” Лягушонок послушался было, но когда увидел, что медведь собирается туда нассать, тут же закрыл. Тогда медвежонок опять говорит, но уже настойчивее: “Лягушонок, открывай рот!” Лягушонок открыл, а как только медведь ссать пристроился, хоп - и снова захлопнул! Тогда медведь разозлился и орет: “Открывай пасть, лягушонок!”. А лягушонок опять за свое: откроет и тут же закроет. Тогда взял медведь лягушонка за верхнюю челюсть и полбашки напрочь оторвал, чтобы она ему ссать не мешала!

Надо отдать Крейзи должное: не успел я еще закончить притчу, как он вскочил и со всех ног бросился в туалет. Понял, видать, содержащийся в моих словах прозрачный намек. Дело в том, что в сортире у Крейзи крышка на унитаза была устроена так, что поссать мог лишь очень стремительный человек: она имела привычку захлопываться в самый неподходящий момент. И когда за один заход она захлопнулась аж три раза подряд, я оторвал её с хилых креплений вместе со стульчаком и выбросил в коридор. А для оправдания своих действий придумал озвученную выше “притчу”.

Я был абсолютно уверен, что Крейзи ее не забыл - лишь сомневался немного, хороший ли я выбрал момент, чтобы ему про это напомнить. Кто его знает, вдруг пристрелит меня чисто из мстительности? Но нет - Крейзи меня признал, опустил ружье, развернулся и пошел в направлении кухни.

- Эй, - позвал его я, - у тебя что, свет отключили? И почему одеяла на окнах? У тебя тут что - фотостудия?

- Проходи и садись, - оборвал меня Крейзи. - Слушай и не перебивай...

Он подождал, пока я пройду на кухню, а затем уселся напротив и начал говорить. Я слушал его с чувством нарастающего ужаса: говорил он вроде как складно, только вот я ни слова не мог разобрать. Вернее, отдельные слова я понимал, но в общую картину они почему-то не складывались. Поток хаотичных, совершенно иррациональных высказываний обрушился на мой мозг, затопил сознание, с первых же секунд ввергнув меня в крайнюю степень замешательства. Мне стало до того не по себе, что уже через несколько минут я был вынужден схватиться за голову и заорать:

- Хватит! Да подожди же ты! О чем ты, мать твою, говоришь?

Тогда Крейзи вздохнул, посмотрел на меня с тяжелой укоризной во взоре и взялся объяснять по новой. Его голос гипнотизировал и подавлял, играя паузами и интонациями: то звенел, как весенняя капель, то тупым буравом вкручивался мне в голову. Он требовал и призывал, объяснял и разжевывал, он был просто необычайно серьезен, да вот беда: я опять не понял ни слова. О чем тут же ему заявил:

- Да что же это такое?! Ни хуя не пойму!

Тогда Крейзи встал и ненадолго вышел из комнаты. Когда он вернулся, в руках у него был стеклянный фужер с жидкостью, который он мне тут же вручил.

- Выпей воды, брат, - вполне понятно произнес Крейзи.

- Зачем это? - насторожился я, но Крейзи проявил настойчивость. - Надо, брат, - заявил он, положив ладонь на рукоятку помповика. - Чтобы лучше друг друга понимать!

Под его пристальным взглядом я выпил всю воду, ощущая на языке горький привкус кристалликов кислоты. После этого мы прошли в комнату, уселись на полу и стали курить, слушая, как разносятся по комнате тяжелые аккорды “Theatre of Tragedy”. Мелодичный голос

солистки падал и взлетал, звуки фортепиано перекликались с тихим рыданием скрипки, а затем в дело вступал второй голос, барабаны и бас. Музыка лилась - небесная симфония в самом средоточии тьмы - и не успел еще отзвучать альбом, как меня полностью “перекрыла” кислота.

Трудно сказать, сколько “волшебного порошка” Крейзи подсыпал в бокальчик. Я ощутил, как проваливаюсь в темный, бездонный колодец - невообразимое пространство без верха и низа, направлений и сторон. Разум таял, размываемый этой пустотой, и единственное, что окружало и поддерживало меня - накатывающая волнами музыка и голос Крейзи, который со всевозрастающей настойчивостью твердил какие-то невообразимые вещи.

То, о чем он говорил, тяжелыми пластами оседало в глубинах моего разума, постепенно превращаясь в слова и образы, чувства и мысли, в прочный фундамент уверенности в Крейзиной правоте. Так я провел в его комнате около двух суток, лишь иногда выплывая на поверхность, чтобы покурить дури и сделать очередную инъекцию. Мир вращался и плавился, кислота была повсюду - в пище и воде, в конопле, в разбросанных по комнате шприцах, во мне и в Крейзи.

И все это время звучал Крейзин голос: нашептывал и убеждал, призывал и советовал, агитировал и утверждал. Постепенно у меня в голове налилось отравленное яблоко галлюцинаторного бреда - прямиком “с яблоньки” нашего Крейзи. Тень его безумия упала на меня, и я вмиг все понял и принял, поверил и осознал. То есть взял и сам полностью “перекинулся с кислоты”.

Когда это произошло, мир неожиданно изменился: критика сознания совершенно покинула меня. Например, я ни на секунду не сомневался, что в моего брата воплотился Будда Мирового Света, что грядет новая юга, и что огромное количество людей хотят нас за это убить. Я не знал, кто именно все эти люди, зато повсюду их видел - в окнах домов, в проезжающих по аллее машинах, на крышах и чердаках. Мне везде мерещились наблюдатели и снайпера, люди на аллее превратились в замаскированные группы захвата, прочно встал “на прослушку” телефон, все пространство Крейзиной квартиры вибрировало от невидимых лучей приборов радиоэлектронного обнаружения.

А пропитанный кислотой разум продолжал ткать черное полотно паранойи: любое событие находило свое место в этой жуткой схеме, превращаясь в ступеньку для очередного шага леденящего ужаса. К дому подъехала машина? Ох, неспроста! Шаги на лестнице? Друг, готовься к худшему! В телефоне какие-то щелчки? Не иначе, как нас прослушивают! Все это прыгало и плясало, постепенно затягиваясь на шее, словно волосяной аркан.

В конце концов мы решили из Крейзино дома бежать. Поначалу нам казалось, что на обледенелом, продуваемом всеми ветрами пустыре мы будем в относительной безопасности, но затем снегопад кончился, и в проемах туч показалось звездное небо. Но сегодня его вид не вселял в нас обычной уверенности, не ласкал взор бесчисленными ликами звезд. Ведь среди этого сонмища таились коварные звезды-предатели: те, что ползали по небу, следя и вынюхивая, стремясь рассмотреть нечто, сокрытое на земле.

- Боевые спутники, - прохрипел Крейзи, поднимая кверху остановившийся взгляд. - И спутники шпионы! Черно-белые объективы, способные рассмотреть надпись на спичечном коробке, миллиметровые радары и инфракрасные тепловизоры! Химические лазеры и лазеры с ядерной накачкой, управляемые фугасы и ракеты “воздух-земля”. Мы здесь как на ладони!

Поэтому мы решили перебазироваться в район студенческого городка, неподалеку от которого расположена квартира Леночки Бухгалтера. До ее парадной мы пробирались украдкой, вжав головы в плечи, прячась под деревьями и в угольно-черной тени домов. Я бежал, каждую секунду ожидая услышать вой приближающегося фугаса или (пускай на долю секунды) ощутить слепящую вспышку лазерного луча.

Войдя в подъезд, мы поднялись по лестнице (сесть в лифт нас ничто не могло заставить) и позвонили в дверь. Прошло несколько минут, прежде чем нам открыла заспанная Леночка: глянула на наши побелевшие лица, сделала необходимые выводы и молча поманила нас за собой.

Через пять минут мы сидели в тепле на уютной кухне Бухгалтера и пили горячий чай - растопивший (пусть ненадолго) сковавший наши души лед черного ужаса. Мелодичный голос Леночки и ее неторопливые, спокойные жесты приглушили на время нашу тревогу. Я словно переместился из ледяного ада на солнечный пляж - и только и мог, что молча сидеть на стуле, бессмысленно поглаживая спрятанную под курткой рукоять топора.

- Что вы говорите? - спросила Леночка, не допустившая в своем голосе ни единой нотки сомнений.

- Следят за вами со спутника, оснащенного ракетами и лазерным лучом?! Безобразие какое! Ну, с этим-то я могу вам помочь! Сидите тут тихо, а я пойду и решу эту вашу проблему!

С этими словами Леночка вышла из кухни и отсутствовала несколько долгих минут, которые мы с Крейзи провели в абсолютном молчании. Затем в коридоре вновь послышались шаги, и в дверях появилась Леночка, всем своим видом излучающая непоколебимую уверенность и оптимизм:

- Значит, так. У меня есть связи в аэрокосмическом бюро, и я только что туда позвонила. Парни, это было непросто, но я вас отмазала: за вами больше не будут следить из космоса! Не знаю, как с остальным, но насчет этого будьте совершенно спокойны!

Её слова были подобны чистому, целительному бальзаму. Они зачеркнули небо, полное свирепых лучей и беспощадных ракет, если не исцелив нас, то вернув хотя бы толику уверенности в дальнейшей судьбе. И хотя земля продолжала оставаться такой же опасной - небо, благодаря волшебству Бухгалтера, больше не было враждебным для нас.

Я плохо помню события последующих дней: как будто я очутился посреди скверного сна. В нем мелькали лица людей и картины никак не связанных между собою событий: подъезды и улицы, автобусы и электропоезда. Каким-то образом мы с Крейзи оказались на станции Пелла - там расположена конюшня, куда Крейзи имел обыкновение приезжать кататься на лошадях.

Был яркий солнечный день, ослепительно белый снег скрыл под собой поля, тянущиеся вдаль до самой кромки леса, на пронзительно-синем небе не было видно ни облачка. Мы оседлали коней и пропустили про протоптанной в снегу дороге - Крейзи впереди, а я следом за ним. Мой конь шел упругой рысью, подбрасывая меня вверх и вниз, словно мешок с отрубями. Проклинаю все на свете, а особенно лошадей, я вцепился в луку строевого седла и беспомощно следил, как перебирает ногами волочащая меня гнедая скотина.

Я не люблю и боюсь лошадей, с неохотой доверяя свою жизнь этим волосатым чудовищам. Поэтому перед поездкой я стараюсь как следует "залить глаза". Тогда мне становится искренне похуй на лошадь, и я могу с грехом пополам выдержать небольшую прогулку. Вот и на этот раз, прежде чем сесть в седло, я высосал целую бутылку трехзвездочного коньяка, несмотря на строгое предупреждение Крейзи - дескать, "лошади не любят пьяных".

- Я не ищу лошадиной любви, - огрызнулся я. - Хватит и того, что я согласился вскарабкаться на эту скотину!

- Настоящие эльфы должны больше доверять лошадям, - рассмеялся Крейзи, глядя, как я вцепился в луку (сам он, по обыкновению, ездил без седла). - А ты себя как ведешь?

- Эльфов влечет море, - отозвался я. - А ты сосредоточен только на гужевом транспорте! Поверь мне, нестоящее это дело!

Я и правда держусь подобного мнения. Меня манит простор открытой воды и тяжелый голос волн, фьорды и заливы, бескрайние просторы севера Ладожского побережья. Выплывающие из тумана острова и исполинские скальные стены, кривые сосны, притулившиеся на потемневших от времени гранитных утесах. Свирепые шквалы и темная вода, рев прибоя и вой холодного ветра.

А в штиль - неподвижное зеркало вод и небо, в необозримой дали сливающееся с собственным перевернутым отражением. Синее внизу, синее наверху и мы с братьями, почти такие же “синие”. Разве может быть что-нибудь лучше?

Бултыхаясь на дырявой байдарке в десяти километрах от берега и глядя, как несется над водой черная полоса шквала, потерявшись в тумане меж безликих ночных островов - я никогда не испытывал такого ужаса, какой ощущал, сидя верхом на трехсоткилограммовой горе движущейся лошадиной плоти. Я мог выдержать это, лишь как следует залив глаза - и сегодня это сослужило мне добрую службу, неожиданно вырвав из-под власти Крейзиных чар.

К тому времени мы мчались через заснеженные поля, и слежавшийся снег комьями летел из-под копыт наших коней. В какой-то момент Крейзи обернулся на полном скаку и что-то мне прокричал. Сначала я не понял - что, но потом звуки сложились в слова, и я сумел разобрать:

- Наши дети продолжают наше дело!

- Что? - проорал я, изо всех сил стараясь понять смысл этого утверждения.

- Наши дети продолжают наше дело! - вновь проорал Крейзи, после чего пришпорил коня и на полном скаку умчался вперед.

Тут меня осенило. Демон алкоголя, мой верный защитник, порвал путы кислоты, и я смог расслышать его голос, шепчущий мне в левое ухо.

- Дегенерат, кретин! Какие еще дети? Ни у тебя, ни у него детей и в помине нет! И какое такое “дело” они смогут продолжить? Неужели тоже станут торчать, гоняя на конях по заснеженным пустошам? Беги отсюда, пока он опять за тебя не взялся! Поезжай домой и проспись, пока у тебя башка на место не встанет!

- Но... - пытался возразить я. - Наступает новая юга, межмировые слои кипят, готовятся произойти страшные, неизъяснимые вещи...

- Здесь только одно неизъяснимое, - прошептал голос у меня в голове. - Это ты - неизъяснимый долбоеб! Немедленно поезжай домой и ложись спать, иначе опять попадешь в дурку! Только косить тебе уже не понадобится!

Я сидел в седле, буквально раздираемый на части муками выбора. Алкоголь прояснил мой разум, но до конца все же не исцелил - я замер в нерешительности, борясь против целого войска сомнений. Не знаю, решился бы я развернуть коня, но тут тварь, что спит в глубинах моего разума, на секунду пробудилась и сжала поводья недрогнувшей рукой.

- Пошел, сука, пошел! - услышал я собственный голос, зазвучавший, как будто труба. - Давай, поворачивай к дому!

Когда я добрался до дому, солнце моего разума вновь заволокли тяжелые облака паранойи. Демон алкоголя, мой друг и защитник, умолк - оставив меня в пустой квартире наедине с тревожными мыслями. Просветление, охватившее меня посреди заснеженного поля, отступило, причиной чему была подмешанная в коньяк кислота.

Я занавесил одеялами окна, забрался в ванну, выключил свет и так и сидел: до скрипа сжав зубы и до побеления пальцев - рукоятки двух здоровенных разделочных ножей. Я больше не знал, где вымысел, а где правда, совершенно не понимал, в каком мире, месте и времени я нахожусь. Темнота всколыхнула мои прошлые страхи, и сквозь звук падающей воды стал пробиваться тихий, угрожающий голос: “Тебя хотят убить, убить, убить! Они наблюдают, они придут за тобой! Ты в западне!”

Не знаю, сколько я так просидел - полчаса, час или больше. В какой-то момент меня вывели из транса посторонние звуки - вернее, один единственный звук. Кто-то ломился во входную дверь моей квартиры - гулкие удары звучали не переставая, отдаваясь в моем воспаленном рассудке панической мыслью: “Они пришли! Они ломают мне дверь!”

Странно, но я почувствовал нечто сродни облегчению: значит, все правда, я не сошел с ума, и на дворе действительно наступает новая юга. А коли так, я приму свою последнюю битву, вооруженный парой разделочных ножей. Когда я это понял, сомнения совершенно покинули меня - я прошел по коридору, встал поудобнее и сбросил запирающий дверь крюк. А когда она распахнулась, я...

- Ты охуел? - спросил меня появившийся в проеме Слон, сжимавший в руках тряпочную авоську с закуской и водкой. - Час целый колочу, а ты словно пидор глухой! Подожди-ка, что это с тобой? Голый, да еще и с ножом...

Тут Слон сделал попытку войти, но я остановил его, вытянув вперед руку.

- Брат, - как можно решительнее произнес я. - Иди домой! Тебе здесь находиться опасно!

- С хуя ли? - возмутился Слон, вмиг выдавливая меня из дверного проема. - Ты что, опух?

- Да пойми же ты! - заорал я. - Посланник света уже воплотился, наступает новая юга! Но они все знают, они за нами следят! Я видел, как...

- Ты у Крейзи был? - неожиданно спросил Слон, ставя авоськи на пол и пододвигаясь поближе ко мне. - Торчал у него кислоту?

- Да причем тут... - начал было я, но больше сказать ничего не успел: удар у Слона тяжелый.

У меня в глазах как будто вспыхнуло маленькое солнце, а затем я выронил ножи, пошатнулся и сел на мокрый от собственных следов пол. Аккуратно притворив дверь, Слон подхватил одной рукой меня, другой авоську и потащил нас на кухню.

- Е-мое, - пробормотал он, увидев занавешенные одеялами окна. - Противоснайперское?

- Ну... - пробормотал я. - Думал, что...

- Кто за тобой следит? - поинтересовался Слон. - Мафия, инопланетяне, спецслужбы? За таким дебилом, как ты, может гоняться разве что участковый! А оно ему надо? Ты же его с детства знаешь!

С этими словами Слон поднял с пола авоську и достал О,7 "можжевеловой".

- Так, - заявил он, - сейчас мы тебя будем лечить! Ну-ка, открой рот!

Под бдительным присмотром Слона я выпил целый стакан, а затем еще и еще. Постепенно мир вокруг меня начал кружиться, изображение смазалось, и сознание оставило меня. Я словно тонул, слыша сквозь толщу воды звонкую перебранку:

- Наступает новая юга, новая юга! - кричал кто-то голосом Крейзи. - Белый конь Калки уже оседлан! Посланец света взойдет на северный трон!

И тогда голос Слона, близкий и живой, возражал ему:

- Ваня, если хочешь торчать вместе с Антоном, торчи. Но как только он откроет рот, тут же посылай его на хуй. Посылай на хуй, ты понял меня?!

Я пришел в себя лишь через пару суток, в квартире нашей преподавательницы английского на Черной Речке. Мне было плохо - похмелье выворачивало меня наизнанку, руки и ноги не слушались, голова и шея мелко тряслись. На полусогнутых я вышел на кухню, взял с подоконника банку с водой и принялся пить, глядя на мир за окном шальными глазами.

Было около полчетвертого утра, на пустынных улицах почти совсем не было пешеходов. Я смотрел из окна девятого этажа на засыпанные снегом крыши и тротуары, на темные окна домов и в тусклое, бескрайнее небо. Все было обыденным и серым - так, словно из мира разом вычерпали все краски. Но вместе с ними исчезли наблюдатели и снайпера, растворились в морозной ночи группы захвата, улетели домой спутники и навсегда умолкли хитрые приборы радиоэлектронной войны. Я шарил взором по раскинувшемуся под окнами пейзажу, но моему взору там было не за что зацепиться.

- Отпустила, родимая, - прошептал я. - Все-таки отпустила!

- С возвращением, путешественник по мирам, - услышал я у себя за спиной голос Строри. - Приятно вновь очутиться дома? Ты как?

Я повернулся. Строри стоял в проеме кухонных дверей и дымил сигаретой.

- Здравствуй, брат, - повторил он. - Вторые сутки, как Слон тебя приволок. Поначалу ты все бредил - что-то про новую югу и про то, что тебя хотят убить. Но потом успокоился. Где успел побывать?

- В аду, как мне сейчас кажется, - хмуро ответил я. - Там все так же, как у нас, с единственной разницей: повсюду глобальное палево. Крейзи, сука, опять меня вписал...

Тут я замолчал, пораженный неожиданной мыслью.

- Эй, - крикнул я. - А где Крейзи? С ним-то как?

Сам того не ведая, я задал весьма серьезный вопрос. И ответ на него мы получили лишь по прошествии многих часов, когда покинули обиталище нашей училки и перебрались в район Казанского, на квартиру Влада. С удобством расположившись на кухне, мы смотрели сквозь выходящее на “двадцатку” (небезызвестный меж питерскими неформалами дворик) окно и нюхали амфетамин.

К этому времени я сумел дозвониться до Иришки и узнать, что Крейзи жив-здоров, хотя за время моего отсутствия успел порядочно начудить. Начал он с того, что пожаловался на странные щелчки, раздающиеся у него в телефоне, а когда Иришка, думая его успокоить, принесла ему другой аппарат, он заподозрил ее в намерении пронести в дом замаскированную бомбу. Затем Иришка попыталась его отравить (Крейзи заметил, как она стоит у плиты и солит суп), чем порядком укрепила Крейзи в его подозрениях.

В конце концов он вытолкнул Иришку за дверь, а предательский телефон вышвырнул в окно. К этому времени неладное заметили не только Иришка, но и Крейзины родственники: мать и любимая тетя. Полагая, что Антон повредился в уме, они усадили его в машину и повезли сдавать в районную “дурку”, но хитрый Крейзи разгадал их коварное намерение. На ходу выбросившись из машины, он вернулся домой, взял ружье, сунул в карман пару сотен долларов, надел свою любимую ковбойскую шляпу и направился к троллейбусной остановке ловить “попутный автомобиль”.

- У меня есть двести долларов, - заявил Крейзи первому попавшемуся “частнику”. - И мне надо уехать из страны!

К тому времени, когда мы с Владом добрались до его квартиры, Крейзи уже сутки как вернулся домой. Его наконец-то отпустила “кислотная лихорадка”, так что он успел чуточку одуматься и малость прийти в себя. Не то чтобы это была полностью его заслуга - просто у моего брата неожиданно закончилась кислота.

Теперь он лежал на диване посреди зарослей гибискуса и орхидей, с усталым видом разглядывая увитый вьюнком потолок. На коленях у него лежали “Сказания о Титанах” Голосовкера, а в изголовье дымилась чашка горячего молока. Когда мы вошли, Крейзи повернулся, и по его прояснившемуся взгляду я понял: Будда Мирового Света исчез, и передо мной вновь находится мой собственный брат.

- Ну ты даешь, - похвалил его я. - Весь мозг мне вывернул наизнанку! Я с тобой такого натерпелся, что можно враз охуеть! Не стыдно тебе зомбировать товарищей?

- Не-а, - зевнул Крейзи. - Ни капельки не стыдно. Тебе как, понравилось?

- Понравилось? - задумался я. - Нет. Но было здорово интересно!

- Это кислота, - улыбнулся Крейзи. - Мало кому нравится, но и скучно тоже не бывает. А ведь это самое главное!

Видесские дневники (часть 1): Гномы из Нарготронда.

“Ты обманешь умного, полагающего тебя глупцом, и глупца, полагающего тебя сильно шибко умным”.
Сказки Змеиного Языка.

В июле 2000-го произошла история, которой суждено было стать одной из лучших наших “акций обуздания” - приключившейся, правда, несколько супротив нашей воли. Случилось это в подмосковном лесу, неподалеку от Чехова, где некто А. Ленский (г. Москва) вздумал провести игру по эпопее Гарри Тертлдава “Хроники пропавшего легиона”. Поскольку игры все равно не вышло, читателю достаточно будет знать, что сюжет этой книги разворачивается вокруг вымышленной автором империи со звучным названием “Видесс”.

В тот раз нашим товарищам (Кузьмичу, Соколу, Боре и Эйву) взбрела в голову мысль во что бы то ни стало посетить ролевую игру. Дескать, мы давно не были на подобных мероприятиях, и неплохо было бы наконец-то выбраться поиграть. А поскольку питерские ролевики шарахались от нас, как от огня - решено было ехать в Москву, где наши друзья рассчитывали почему-то на более теплую встречу.

Ради этого Боря с Кузьмичом подняли целую волну пропаганды, направленной на подготовку “правильных настроений” среди нашего коллектива. В течение двух недель они компостировали нам мозг, уговаривая “даже не помышлять о всевозможных бесчинствах” и настаивая, чтобы “на игре все вели себя хорошо”.

- Сколько можно бороться с ролевиками?! - толковал Боря. - Вы не притомились еще, за три-то года войны? Из-за вас в Питере игр почти не осталось - всех разогнали! А те, что все же идут, спрятаны так, что и за полгода не сыщешь! Кто кричал: дескать, разгоним плохие игры, и останутся только хорошие! Ну и где же они? Давайте хоть в Москву съездим по-человечески! Прислушайтесь, братья!

- Надо пошить себе ролевые костюмы, - вторил ему Кузьмич. - А то странное выходит дело: мы уже семь лет в Движении, а костюмов как не было, так и нет! И надо новое оружие завести, из текстолита: водопроводные трубы и ручки от лопат нынче уже не в чести! Такая уважаемая команда, как наша, должна выглядеть на игре соответствующим образом! И не хуй на меня смотреть, как будто я спятил: мы просто хотим спокойно поиграть! Это всем ясно?!

Всем было ясно. В кратчайшие сроки братья собрали денег и дали питерскому умельцу по имени Асандр заказ на некоторое количество текстолитовых сабель. Параллельно они упросили одного из Соколовских родственников пошить шелковые костюмы на восточный манер: черные рубахи и шаровары, свободные халаты и широкие алые пояса. Братья собирались ехать на Видессу хаморскими наемниками, которым по вводным предписывались именно такие костюмы.

После этого на повестку дня встал следующий вопрос: как нам, собственно, попасть на эту игру? Ведь Ленский ни за что нас к себе не пустит! Данных по месту проведения игры у нас не было, так что пришлось нам снова выкручиваться и хитрить. Ради этого Кузьмич разыскал на черной речке некоего Гэса - старого Питерского ролевика, который неплохо нас знает. Увидав его, Барин подошел к нему и принялся жаловаться:

- Меня, понимаешь, - проникновенно врал он, - выгнали из Грибных. За что? Не могу больше торчать, и бухать по-прежнему у меня тоже нет сил. Так что пришлось мне уйти. Вот я и подался к молодежи - нормальные парни, не гопники и не хулиганье. Молодая команда, вот, кстати, ее фотография...

С этими словами Барин протянул Гэсу фото, отобранное нами по случаю у приبلудных “младоролевикув”: семь человек в доспехах и шлемах стоят гурьбой на фоне вечернего лесопарка. Люди на фотографии держали в руках щиты, забрала шлемов были опущены - так что ни одежды, ни лиц было особенно не разглядеть.

- Это моя новая команда, - заявил Кузьмич. - Узнаешь меня - во втором ряду, третий слева? Понимаешь, какое дело: парни хотят на игру, а связей у них нет. Вот я и подумал, а не съездить ли им на Видессу? А у тебя наверняка телефон питерского посредника есть!

- Ну, - смутился Гэс, крепко подозревавший Барина во всевозможного рода грехах, - я даже не знаю...

- Да ладно тебе, - махнул рукой Барин, - я же тебя не дорогу на полигон прошу рассказать, а всего лишь сказать телефон! Гэс, ну не будь букой!

В конце концов Барин Гэса уломал, и так мы вышли на питерского посредника по имени Фил. Повстречавшись с ним, Барин снова показал ему фотографию, настаивая на том, чтобы Фил принял от него "командную заявку". Не зная, как быть в такой ситуации, Фил позволил Барину позвонить со своей трубки находившемуся в Питере по делам игры представителю мастерского коллектива "Видессы" (им оказался человек, подписывающийся в соответствующих эхах ФИДО как "George Kantor").

Барин сообщил ему, что команда из семи человек собирается заявиться хаморами, и что он хотел бы встретиться и сдать приготовленные для этого взносы. Кантор заявку принял и назначил Барину встречу, на которую почему-то не пришел. Может, опоздал, а может - выяснил, что в составе "хаморов" едет Барин из числа страшных всему ролевому миру "Грибных".

Рыбка сорвалась, так что пришлось Барину задействовать нечто, напоминающее фокусы "социальной инженерии"²⁴⁶. Позвонив Филу, Барин узнал, что после срыва "стрелки" команду хаморов велели переадресовать Ленскому, и попросил у Фила его московский телефон. Вот только звонить Ленскому Барин не стал. Вместо этого он выждал пятнадцать минут, перезвонил Филу и радостным голосом сообщил, что Ленский заявку принял, но поскольку разговор шел по междугороду, объяснять дорогу до полигона не стал.

- Велел у тебя узнать, - объявил Барин, - да еще здорово удивлялся, что с нашей заявкой возникли какие-то проблемы! Он же меня еще с 95-го знает, с первого Кринна! Сказал, что на слухи про нас ему похуй, и что рад будет видеть меня на Видессе! Так что рассказывай, как нам дотуда добраться! Погоди только, я ручку с бумагой возьму...

- Ну, коли так... - вздохнул Фил и стал ждать, пока Барин нашарит какой-нибудь листок. - Пиши. От Москвы едете на электричке в направлении Чехова, там садитесь на автобус до Новоселок...

- От Москвы в направлении Чехова... - повторял за ним Кузьмич, спешно водя по бумаге огрызком карандаша. А когда закончил писать, произнес:

- Ага, Фил, огромное тебе спасибо! Ну все, бывай, до встречи на игре!

После этого Кузьмич аккуратно опустил трубку на рычаги и повернулся к нам:

- Готово! Игра начинается шестого числа, в четверг. Думаю, что на полигоне будет лучше оказаться вечером пятого, в среду. Отдохнем с дороги, выспимся и со свежими силами примемся за игру. Я предлагаю стартовать в ночь с четвертого на пятое, вы как? Если все согласны, вот еще вопрос: кто едет и что мы с собой возьмем?

- Как это "кто"? - удивился Боря. - Ты да я, Сокол, Джонни, Влад, Фери и Эйв. Плюс твоя Ирка и Машка, которая "наша красивая". Итого девять человек! А насчет того, что с собой взять...

- Имеет смысл, - перебил его Сокол, - брать коньячный спирт в пятилитровых канистрах. Возьмем две, этого должно хватить на первое время...

²⁴⁶ Метод получения конфиденциальной информации, основанный на злоупотреблении доверием. Наиболее прославленным "социальным инженером" является американский хакер Кэвин Митник, приносившийся обманывать служащих различных компаний, представляясь в телефонном разговоре нуждающимся в консультации сотрудником другого отдела. Таким образом он без всякого "взлома" выведал кучу секретной информации, украл сотни баз данных и десятки тысяч "ужасно секретных паролей". Он доказал, что человеческий фактор делает режим секретности бессмысленным, и что там, где работают люди, никаким тайнам места нет.

- Надо взять хотя бы одну канистру обычного, - возразил Барин. - Коньячный спирт быстро приедается, да и “буренку”²⁴⁷ из него не сделать.

- Решено! - резюмировал Эйв. - Берем две канистры коньячного и одну простого. Три канистры будет в самый раз!

Днем во вторник мы двинулись в путь: Фери и я. Мы выехали раньше остальных, так как вздумали добираться до Москвы электричками. Прочие же наши товарищи взяли билеты на поезд, который стартует из Питера за два часа до полуночи. Ранним утром этот поезд должен быть уже в Москве, где Кузьмич договорился встретиться с Ирккой и Машкой. (Те как раз возвращались из Крыма, поэтому должны были прибыть в столичный град немного с другой стороны).

Заночевали мы в Твери, рассчитывая встретить там московский поезд, на котором должны были ехать наши товарищи. Но тут нашему делу вышла неожиданная помеха: проводник нужного нам вагона встал в дверях, что называется, “намертво”.

- А, так это ваши друзья? - заорал он, едва разобрав суть нашей просьбы. - Да они только что улеглись! И будить их я не позволю, сколько не просите! Давайте, валите отсюда, а то я милицию вызову!

С этими словами проводник захлопнул дверь, так что мы вынуждены были двинуться вдоль вагона, старательно заглядывая во все окна подряд. Да вот беда: по ночному времени все они оказались плотно занавешены. И пока мы метались по перрону, разыскивая нужное окно - поезд тронулся с места и укатил в ночь, пронзительно гудя и ритмично гроыхая вагонами.

- Что-то тут не то, - задумчиво пробормотал Фери. - Проводник неспроста так разошелся. Видать, наши там начудили!

- Доберемся на место и все узнаем, - махнул рукой я. - А пока черт с ним, пошли лучше спать...

- Пошли, - кивнул Фери. - До утренней электрички еще полтора часа.

Когда мы прибыли в столицу и добрались на метро до станции “Парк Культуры”, где находится офис московского клуба “Варяг”²⁴⁸, остальные наши товарищи были уже там. Они расположились на детской площадке перед входом в клуб и пили водку с нашими тамошними друзьями: Яковлевым, Боцманом, Тролленышем и Анархистом. Сиденьем им служила вкопанная в землю решетчатая полусфера, а закуской - привезенный девчонками с юга исполинский арбуз.

- Что вы устроили в поезде? - поинтересовались мы. - Проводник словно взбесился, едва мы про вас напомнили - тут же принялся орать! Как вам это удалось?

- Да это все Крейзина кислота, - махнул рукою Кузьмич. - Опять он ее повсюду напихал...

Оказалось, что в дорогу наших товарищей собирал Крейзи. Который, помимо прочего, всучил им якобы “освященную в буддийском храме” бутылку вина, на деле крепко начиненную кислотой. Эйв с Соколом вина пить не стали, в результате чего вся кислота досталась Боре с Кузьмичом. Что не преминуло на них сказаться.

Началось с того, что Боре вздумалось сходить в туалет. Он ушел и как будто исчез, а когда товарищи отправились за ним, то увидели вот что. Дверь туалета оказалась открыта нараспашку, а сам Боря раскорячился на подоконнике возле окна и на полном ходу ссал в открытую форточку.

- Ух ты! - орал при этом он. - Эге-гей!

Затем Боря спустился вниз, встал напротив зеркала и принялся беседовать с собственным отражением. В течение получаса он что-то доказывал зеркалу на повышенных тонах, подпрыгивая на месте и ожесточенно размахивая руками. Унять его не было никакой возможности: это не

²⁴⁷ “Буренка”, она же “молоко бешеной коровы” - крепкий молочный ликер, приготовляемый из спирта, воды и некоторого количества сгущенного молока. Для этих целей указанные ингредиенты помешают в пластиковую бутылку, которую затем подбрасывают, швыряют о землю и даже пинают ногами. Так продолжают делать до тех пор, пока в спиртовом растворе не разойдется полностью сгущенное молоко. Эта процедура является важной частью ритуала приготовления и носит собственное название: “бесить буренку”.

²⁴⁸ Это те же самые люди, что и небезызвестный в ролевой среде “Город Мастеров”.

получилось даже у наших товарищей, не говоря уже о взволнованном таким оборотом дела проводнике.

В конце концов проводник убедил наших товарищей перебраться в тамбур, чтобы они не мешали спать остальным пассажирам. Там Боря вновь принялся за свое: нашел взглядом окошечко междвагонной двери, уткнулся в него и принялся что-то бубнить.

Вот только Кузьмичу все это уже надоело. Подойдя сзади, Барин со всей дури врезал по стеклу кулаком - и оно лопнуло, распавшись на великое множество сверкающих осколков. При этом с десяток тонких, прозрачных игл попали прямоком Боре в рот.

- В-ы-ы, - замычал Боря, до предела раздвинув зубы и изо всех сил выпучив глаза. - В-ы-ды!

- Что? - участливо спросил Кузьмич. - Ты хочешь воды?

- А-а, - просипел Боря, распахнув рот и с остервенением тряс головой. - Айте во-ыы!

Через десять минут, когда инцидент был исчерпан, товарищи уселись вдоль стен и принялись исполнять хором различные песни. Мощные, проникающие пластик облицовки и металл стен звуки будоражили сонный вагон, и ничто - ни стук колес, ни грохот встречных составов - не в силах было их заглушить.

Крутится-вертится старая мельница,

Бьет о камни вода! ЛА-ЛА-ЛА!

Старая мельница, все перемелется,

Кромка щита - никогда!

Песни падали на мир, словно взбесившийся водопад - час за часом, пока наши товарищи не притомились и не отправились на свои места. Все, кроме Бори, которому “спать в одном одеяле показалось недостаточно уютным”. Он пошел по вагону, сдергивая со спящих пассажиров одеяла, намереваясь использовать их для постройки задуманного им грандиозного “гнезда”.

Набрав десятка полтора одеял, Боря свалил их на полку, влез в середину этой кучи и довольно захрапел, игнорируя все попытки проводника вернуть награбленное. Так что неудивительно, что в Твери проводник отказался будить наших товарищей. Пожалуй, его вполне можно было понять.

К середине дня мы оказались на Курском вокзале, откуда стартуют электрички до Чехова. Там мы должны были встретиться с нашим московским товарищем Дурманом и с гостившим у него по случаю Маклаудом. Те который день сидели у Дурмана на хате, предаваясь пьяному безделью, но как только Барин им позвонил, вмиг похватили свои вещички и через час были уже на вокзале. Так нас стало одиннадцать: двое девчонок и девять парней, столпившихся возле кучи сваленных как попало рюкзаков.

Стоял погожий июльский денек, солнце жарило вовсю. Над асфальтом поднималось раскаленное марево, причудливо менявшее силуэты одуревших от зноя людей, нескончаемыми толпами набивавшихся в стоящие у перронов электрички. Воздух был черен от смога, в котором угадывался запах разогретого пластика и густой смрад вездесущей шавермы.

Мы спасались от жары ледяным пивом, я как раз приканчивал бутылочку, когда к нам протолкался сквозь толпу незнакомый молодой человек - в квадратных очках на пол-лица и с кучей, бомжовского вида бородкой. Он был похож на обнищавшего студента, но шагал гордо, сжимая в правой руке тонкий деревянный посох. Приблизившись, он в течение нескольких секунд разглядывал замотанные тряпками рукоятки сабель, торчащие из наших рюкзаков, а затем произнес:

- На Видессу едете?

Мы переглянулись, решая, как лучше будет поступить, и незнакомец приметил эту заминку. Но истолковал ее по своему:

- Стесняетесь? А, так вы пионеры! То-то я думаю, чего это я лиц ваших не узнаю?

Это его заявление навело меня на нужную мысль.

- Ты не узнаешь нас, потому что мы не местные, - принялся объяснять я. - Мы толкиенисты из Алеховщины²⁴⁹, это от Питера на восток еще километров триста. Меня зовут Нагишок, а это мои друзья: Кусака, Флакон, Куксик, Плохоежка... и остальные. И мы не пионеры, мы уже на трех играх были - на двух в Лодейном Поле и на одной в Питере.
- Хм... - усмехнулся наш собеседник, которого явно не впечатлило перечисление наших “заслуг”.
- А здесь вы что делаете?
- Едем на игру командой гномов, - начал было я, но развить свою мысль не успел.
- Гномами на Видесс? - вскинулся незнакомец. - Да ты хоть знаешь, пионер, что в произведении Тертлдава никаких гномов нет?
- Я не пионер, - вновь поправил его я. - Да и причем тут какой-то Тертлдав? Все знают, что ролевые игры придумал Толкиен, и что на каждой игре есть эльфы, люди и гномы. Я был уже на трех играх, и знаю, что говорю! Мы едем на Видессу гномами Нарготронда²⁵⁰, и я не хочу...
- Что ты несешь?! - похоже, упорство периферийных “пионеров” начало всерьез раздражать моего столичного собеседника. - Ни Нарготронда вашего, ни гномов на Видессе нет! А такие идиоты, как вы, будут только мешать остальным игрокам! Поезжайте лучше домой и прочитайте Гарри Тертлдава, книгу “Пропавший Легион”! И тогда увидите, что никаких гномов там нет!
- Не Тертлдава неведомого надо читать, а профессора Толкиена, - вмешался в нашу беседу Кузьмич. - Из его книг явственно следует, что раса гномов существует! Ты, наверное, слишком мало на играх был, и совсем еще ничего не знаешь!
- Да как ты смеешь! - вскинулся мой собеседник. - Моя фамилия Прудковский, меня вся Москва знает! Я на играх уже много лет, и не позволю каким-то пионерам...
- Мы не пионеры, - в третий раз поправил его я. - Мы были уже на трех играх, и везде, между прочим, гномами! Кто поверит, что будет игра по Толкиену, на которой нет гномов? Что это за ересь? Может, там и эльфов нет?
- На Видессе нет эльфов! - на повышенных тонах произнес Прудковский. - Эта игра не по Толкиену!
- Ты, видно, заболел, - испуганным голосом произнес я. - Игр не по Толкиену не бывает!
- Так и вилась наша беседа, безнадежная и извилистая, словно путь в лабиринте. Поворот, чуточку по прямой, еще поворот - и снова тупик. Все аргументы, все доводы, которые обрушивал на нас Прудковский, мы сводили к единому логическому завершению: гномы, Толкиен, Нарготронд. Эти три темы, словно сверкающие наконечники копий, венчали любые наши словесные построения, заточая Прудковского внутри замкнутого, порочного круга.
- Послушайте, вы! - из последних сил пытался объяснить он. - Это игра по книге Гарри Тертлдава, где рассказывается о римском легионе, попавшем в другой мир...
- Это в Средиземье, что ли? - спросил Влад. - Круто, да... Толкиен оставил множество неоконченных книг, но я не знал...
- Да причем тут Толкиен! - взвился Прудковский. - Дело происходит в империи Видесс, где правит...
- Такие подробности нас не интересуют, - осадил его Фери. - Гномам Нарготронда нет дела до императора людей, у нас совсем другой строй: общинно-племенной, с девятью выборными старейшинами...
- В Видессе не живут гномы! - неожиданно заорал Прудковский. - ИХ! ТАМ! НЕТ!
- Мы это и сами знаем! - кивнул Сокол. - В Видессе нет гномов, потому что все гномы живут в Нарготронде. Интересно, правда, где находится эта Видесса, это Кханд или Харад? Ты нам не скажешь?

²⁴⁹ Название населенного пункта неподалеку от Лодейного Поля, нашей традиционной “ролевой родины”.

²⁵⁰ Вообще-то, Нарготронд (эльф. “могучая подземная крепость на реке Нарог”) - это эльфийское поселение, а вовсе не гномье [Дж. Р. Р. Толкиен. “Сильмариллион”]. Вот только Прудковский, как видно, ничего об этом не знал, иначе непременно сделал бы нам замечание.

Как мы и предполагали, реакция не заставила себя ждать. Увидав, что возле него располагаются лагерем ряженные в камуфляж “периферийные пионеры”, Прудковский словно взбесился:

- Какого черта вы здесь делаете, - заорал он. - Я вам что говорил?

- Здесь будет Нарготронд, - важно объявил я, даже не глядя в его сторону. - Вон тут будет вход, а там - главная дворцовая зала. Эй, ну-ка, подвинься...

- Тут собор Фроса! - пуще прежнего заорал Прудковский, взбешенный тем, что его игнорируют. - Убирайтесь отсюда вон!

Но мы демонстративно не обращали на него никакого внимания, чем в кратчайшие сроки совершенно вывели его из себя. Видя, что нам насрать на его крики и ругань, Прудковский подобрал полы своей рясы и потрусил вдоль края поля в направлении “мастерятника”.

- Жаловаться побежал, - удовлетворенно произнес Боря. - Скоро вернется со свитой! А ну, айда превращаться!

Похватав рюкзаки, мы вынули оттуда наши новые костюмы, и через какие-нибудь пять минут “периферийные пионеры” исчезли. Пропали тельняшки и драный камуфляж, нырнули в глубину рюкзаков военные куртки, коротко остриженные головы скрыла мягкая ткань угольно-черных “арафаток”. А когда из рюкзаков появились изящные сабли и широкие алые пояса, даже мы сами перестали себя узнавать.

То же самое Прудковский, который вернулся через десять минут, волоча за собой еще четверых: Куковлева, Ульдора, Гэса и того самого Кантора, который как бы принял у нас “хаморскую заявку”. Подойдя поближе, Прудковский с недоумением уставился на нас, не в силах проникнуть в суть произошедшей перемены. По его лицу видно было, что он не может решить: те ли перед ним люди? Молчание затянулось, и первым его нарушил Барин.

- Кто из вас мастер? - выйдя вперед, спросил он. - С кем тут можно поговорить?

- Я, - ответил Кантор, недоуменно озирающийся по сторонам. - А это вы... гномы?

- Нет, - удивился Барин. - Мы команда хаморов из Питера!

И пристально посмотрев на Кантора, добавил:

- Разве не с вами я разговаривал по телефону? Вы еще на встречу не пришли...

- А... - смутился Кантор. - Я опоздал, потому что...

- Ладно, проехали, - махнул рукой Барин. - Лучше покажите нам, где встать, а с остальными вопросами разберемся потом. Правда, у нас есть к вам одна просьба...

Тут Барин подошел к Кантору вплотную, понизил голос и довольно тихо (впрочем, не так тихо, чтобы не слышал Прудковский) произнес:

- Мы только что с дороги, устали очень, весь день по жаре ехали... Все на нервах! А вон тот парень прохода нам не дает, все бредит каким-то гномами! Он, небось, и вас уже начал напрягать! В Москве прицепился к нам, на вокзале: сначала пиво кланчил, а потом взялся нас пионерами обзывать. Вы бы попросили его прекратить, пока с ним худого не вышло. Можете нам помочь?

Надо было видеть лицо Прудковского, когда он это услышал. Здравомыслящий человек на его месте врубился бы, что его развели, но Прудковского, похоже, замкнуло:

- Не верьте им, никакие они не хаморы! - заорал он. - Они даже книгу не читали! Гномы это, гномы из Нарготронда!

- Видите? - прошептал Барин. - Человек свихнулся на почве Толкиена! Повлияете на него?

- Ну, - пробормотал Кантор, к этому моменту утративший всякий контроль и даже понимание ситуации. - Тут какая-то ошибка...

Впрочем, было видно, что думает он вовсе не о том. Кантор здорово подозревал в нас “тех самых Грибных”, но его связывала по рукам и ногам заявка, которую он вроде как сам же и принял. А тут еще эта нелепица с гномами, выбившая его из колеи и сделавшая невозможными любые осмысленные переговоры! Не найдя другого выхода, Кантор решил сделать вид, будто с нашей заявкой все в полном порядке.

- Значит, вы хаморы? - через силу произнес он. - Тогда ваша стоянка в пятидесяти метрах отсюда, на самом краю поля. Располагайтесь пока что там, а я попозже к вам подойду. Есть вопросы, насчет которых я должен посоветоваться с остальными мастерами... Хорошо?

- Как скажете! - покладисто кивнул Барин. - Значит, вон там?

Через пять минут мастерская процессия потянулась обратно, предварительно со всей строгостью отчитав несчастного Прудковского. Не знаю, что они ему сказали, но он враз перестал орать, сел у костра с видом побитой собаки и косился оттуда на нас печальными и злыми глазами. Разобравшись с Прудковским, Кантор и его приспешники двинулись вдоль кромки леса, яростно жестикулируя и то и дело оглядываясь назад.

- Ну, вот и все! - глядя им в спину, удовлетворенно произнес Кузьмич. - Теперь наша заявка принята по всем правилам. После такого не выгонят, даже если очень захотят! Поздравляю, парни, мы в игре!

Мы расположились на краю поля, а нашими соседями оказались Паша Оружейник и наш старый знакомый из Хирда по прозвищу Ааз. Они встали лагерем в пятидесяти метрах от нас, возле собора Фроса - в Видессе, в самом сердце империи. Прочие стоянки располагались в лесу, а где именно - про то мы пока что не знали.

Так же было совершенно неизвестно, где брать воду - не в загаженном же ручье, в котором тут и там валяются коровьи лепешки? Ходили слухи о каком-то роднике, но то ли он был слишком хорошо спрятан, то ли располагался чересчур далеко, но мы так его и не нашли (правильнее будет сказать - и не искали).

Поэтому, когда закончились утомительные переговоры с мастерами (в ходе которых мы получили роли хаморских наемников, а также нового "члена команды" по имени Агасфер Лукич, который был от лица мастерского коллектива приставлен следить за нашим поведением²⁵²), мы решили оставить лагерь и прогуляться до расположенной в нескольких километрах деревни, где были колодец и магазин.

К тому времени свечерело - солнце клонилось к горизонту, а небо стало багровым. Подул сильный ветер, пригнавший с севера фронт тяжелых туч, стало темней и гораздо прохладнее. В подступающих сумерках мы двинулись через поле, где паслось целое стадо здоровенных быков. Часть из них развалилась на земле, а часть - бродила поодаль, настороженно глядя на нас злыми, бессмысленными глазами.

- Что-то боязно мне, братья, - вздохнул Кузьмич. - Сколь же жуткие твари! Если что, как будем отбиваться от такого бычья?

Он был не одинок в этом мнении: вид быков пробуждал во мне нехорошие предчувствия. У меня сердце уходило в пятки всякий раз, когда я бросал взгляд на огромные копыта и кривые рога, а если бык поворачивал голову, мне приходилось прилагать огромное усилие, чтобы не побежать. Так что когда мы пришли в магазин, я был весь мокрый от пота - хотя на улице было вовсе не жарко.

- Что за хуйня? - выругался я, потянув на себя железную дверь. - Какого хуя они их на ночь не запирают? Как же мы обратно пойдем?

К счастью, до обратной дороги было еще далеко. Время до темноты мы провели перед входом в местный лабаз, вытащив оттуда пластиковые стулья и воткнув их в высышающуюся неподалеку кучу песка. Мы ели пряники, запивая их водкой и вином, попутно наполнив несколько бутылок из расположенного за магазином заброшенного колодца. Где не было, между прочим, ни ведра, ни ворота, ни даже завалящейся цепи, а воды было разве что на самом дне.

²⁵² Вернее будет сказать - мы решили, что он приставлен за нами следить. Скорее всего, так оно и было, но если это не так - прости нам наши подозрения, честный и чистый Агасфер Лукич.

Пришлось Эйву и Боре, цепляясь за выступы бетонных колец, спускаться в колодец и подавать воду наверх. А когда они набрали достаточно, Эйв вскарабкался наверх и закрыл колодец массивной деревянной крышкой. После этого он сел сверху и с довольным лицом слушал Борин вой, доносящийся сквозь оструганные доски.

Постепенно долгий день, водка и вино сделали свое дело: лица друзей вытянулись, жесты стали порывистыми, а в голосах прорезались резкие, взлаивающие нотки. Минуло совсем немного времени, и их взгляды стали бессмысленными и пустыми, как у столпившихся на поле быков, только гораздо более злыми. А когда последние лучи солнца растворились в пустоте почерневшего неба, разум полностью оставил нас, и мы “перекинулись”.

- Кто мне тут? - заорал Барин, когда на обратном пути ему заступил дорогу здоровенный бык. - Убывай отсюда, аслица!

А когда испуганное чудовище отступило в сторону и скрылось в темноте, Барин удовлетворенно вздохнул, расправил плечи и скомандовал:

- Песню запевай!

И начал сам - так, словно над полем неожиданно завывла сирена:

Кто изучил искусство драк?

Кто может выкурить косяк?

Кто крепко вмазать не дурак и водку пьет из банки?

И мы подхватили, вторя его голосу целым ансамблем визжащих волюнок и прохуdivшихся труб:

Грибные Эльфы - черный флаг!

Грибные Эльфы - черный флаг!

Грибные Эльфы - черный флаг и белые поганки!

Нет ничего, что бы действовало на перекинувшегося человека столь же сильно, как хоровое пение. Я чувствовал себя так, словно огромная волна подняла меня и, то и дело опрокидывая, потащила по полю. Моё горло едва не лопалась под напором бешеных, разрывающих глотку и легкие звуков. Я орал и сам себя не слышал, постепенно проваливаясь в некое подобие транса - черный сон без сновидений, где царят немолчный крик и мерный, гипнотизирующий топот множества ног. Так я и шел, и вскоре все человеческое совершенно оставило меня.

Видесские дневники (часть 2): Все лики зла.

“А вообще был именно кровавый погром. Просто били всех подряд, громили лагерь, жгли палатки...”

Ролёвки - трён (2:5030/1016.33) RU.RPG.BAZAR

Сооб: 513 из 1000

От: Michael Voskoboinikov 2:5030/1171 20 Июл 2000 00:16

Кому: Yuri Alimov

Тема: Видеес

Солнце взорвалось у меня под веками ослепительной вспышкой, вмиг наполнившей нестерпимой болью всю мою голову. Я с трудом сел, глядя, как тошнотворно колышется перед моим глазами поле, и как извивается в мучительном танце стоящий поодаль лес. Правда, через пару минут зрение нормализовалось, так что я стал видеть окружающие предметы немного почетче.

Оглядевшись, я не сразу понял, где нахожусь. Местность вокруг напоминала пейзаж после бомбежки: дымило выжженное в траве пятно костровища, возле которого были разбросаны неподвижные тела в одежде на арабский манер. Хотя в халаты и арафатки были одеты далеко не

все: возле самого костра лежал человек, при взгляде на которого я не мог вспомнить ничего, кроме донельзя странного прозвища - Агасфер Лукич.

Вцепившись в это имя, словно в путеводную нить, я принялся тянуть изо всех сил, постепенно разматывая спутанный клубок вчерашних воспоминаний. Агасфер Лукич, значит... Вскоре память поддалась, и передо мной начали разворачиваться смутные сцены вчерашнего пиршества.

Первое, что мне вспомнилось - как я сижу у костра, а ветер с полей швыряет мне в лицо едкие клубы раскаленного дыма. В руках у меня была полная бутылка "буренки", а рядом со мной сидел пьяный "в стельку" Агасфер Лукич.

- Выпей со мной! - изредка тормошил его я. - Или ты меня не уважаешь?

Невысокий, с обширными залысинами и топорщащейся бородой, Агасфер Лукич производил на нашей стоянке до крайности неуместное впечатление. Но мы люди гостеприимные, и каждый из нас полагал святым долгом выпить вместе с "самим Агасфером Лукичом". Из-за этого ему приходилось пить до девяти стопок за то же самое время, пока все остальные принимали "по одной".

Вскоре Агасфер Лукич совершенно утратил человеческий облик. А поскольку мы то и дело будили его, чтобы снова налить, ближайšie двое суток он оставался в точно таком же плачевном состоянии. Агасфер Лукич валялся посреди нашей стоянки, словно куль с мукой, ословело вращая налитыми глазами и лишь иногда протягивая руку за очередной порцией водки. Для этого достаточно было толкнуть его в плечо и строго произнести:

- Агасфер Лукич, ты меня уважаешь?! Ну, тогда выпей со мной!

Очередной раз мы поили Агасфера Лукича аккуратно перед тем, как на четвереньках погнаться по полю за женой Ленского. Это произошло из-за того, что оказавшаяся возле нашей стоянки Нина Ленская неожиданно остановилась, подбоченилась и принялась во весь голос орать:

- Вам что было сказано про спиртное? - надрывалась она. - На этой игре запрещен алкоголь крепче двенадцати градусов! А вы тут спирт пьете, да еще материтесь на весь полигон! А ну, быстро заткнулись!

Не то, чтобы мы совсем не уважали жену Ленского, пусть даже она выжила из ума и кличет собственную дочку "Колобкой"²⁵³. Но к себе мы не собирались терпеть подобного отношения, а то дождешься - и Колобкой назовут тебя самого. Хотя в начале Кузьмич честно попытался разрешить миром этот конфликт.

- Кажи спиртометр! - дружелюбно попросил он. - Ах, у тебя его нет?! Тогда с чего ты взяла, что наш спирт крепче двенадцати градусов? Мы правила знаем: сначала разбавляем до положенного, а только потом пьем!

Но Ленскую это только больше взбесило.

- Что? - истерично завизжала она. - Ты еще глумиться будешь? Сейчас вы все отсюда уедете, стоит только мне...

Если бы она была повнимательней, то увидела бы, что выбрала не то место, где стоит орать. Её крики и так уже порядком нас разозлили, а когда она принялась угрожать - кое-кто из нас не выдержал. Перекинувшись людям свойственна некоторая синхронность, так что не успела Ленская договорить, как мы с Эйвом упали на четвереньки и с воем бросились по полю в ее направлении.

Какое-то время Ленская смотрела на нас выпученными глазами, но когда мы подбежали поближе (а двигались мы стремительно, передвигаясь по полю огромными скачками), ей изменила ее бесноватая смелость. Видать, она сумела разглядеть в неверном свете костра перекошенные лица,

²⁵³ Не совсем ясно, как можно называть ребенка таким уродливым именем. Мы видим этому единственное объяснение: Ленский сам круглый, как колобок, и хочет, чтобы дочка была на него похожа. Потому они с женой и называют её "Колобка".

пустые глаза и обильно капающую из оскаленных пастей слюну. Как-то раз в Новгороде Дурман страшно искушал одну нерасторопную женщину, и по нашим лицам Ленская поняла, какая участь ее ждет.

Повернувшись, она бросилась бежать - а мы гнались за ней с хриплым воем, преследуя ее практически по пятам. Остановились мы только метров через сто пятьдесят - у края неглубокого овражка, который по каким-то причинам не отважились пересечь. Спрыгнув в овраг, Ленская кое-как выкарабкалась на тот берег и пропала в темноте, а мы с Эйвом повыли еще немного, развернулись и потрусили назад.

Потом было много чего еще: звездное небо, пьяные крики и незнакомый сумеречный лес. Сначала мы повздорили с какими-то москвичами (им вздумалось обозвать нас козлами, за что один из них выхватил плоскостью саперной лопатки по лицу), а потом ушли в Гарсарву, где Дурман полночи исполнял под гитару всевозможные песни.

Поет Дурман хорошо, так что оставшиеся до рассвета несколько часов пролетели совсем незаметно. Я лежал на земле, слушая, как у Дурмана под пальцами рождаются тихие, печальные звуки, которым вторит его голос - глубокий и злой:

*Ты задремлешь у костра,
Эта ночь за тобой.
И опять, как вчера,
Ты успеешь согреть искру
Сладкого сна.
Но там, где ты есть, воцарилась она...
Э-хэй, тьма-пелена...*²⁵⁴

Это воспоминание стояло в моем списке последним. Дальше память отказывалась мне служить, выдавая череду смутных, никак не связанных между собою картин. Хотя теперь, с утра, мне казалось, будто бы вчера кто-то сообщил нам, что на игровом полигоне объявился Лустберг. Вспомнить бы только, кто это был: Даир, что ли? Да, точно Даир.

Это была добрая весть: к Лустбергу у нас накопилось немало вопросов. Они начинались с распространяемых СП-б Институтом Подростка “информационных справок” и заканчивались материалами уголовного дела, которое областные (Ленобласть) менты возбудили в отношении нашего братства и команды “Моргиль”. А поскольку произошло это благодаря “неусыпной заботе” Гущина и Лустберга, мне пришла в голову мысль воспользоваться случаем и как следует отблагодарить Тони за эту хуйню. Придя к такому решению, я прекратил копать у себя в башке, выпил чашку теплой воды и принялся будить братьев.

Через пару часов свыше двухсот человек собрались на поле неподалеку от нашей стоянки. Сегодня был четверг, шестое июля - день, заявленный мастерами как начало игры. Образовав исполинский квадрат, собравшиеся приготовились слушать речь Ленского, специально для этого притащившего с мастерской свою невообразимо жирную тушу.

Пока все готовились к параду, ясное доселе небо взгорбилось громадами дождевых облаков. Жара спала, сменившись моросящим дождем, принесшим с собой атмосферу сырости и едва уловимый запах прелой травы. Смешавшись с толпой, мы глядели на пеструю вереницу нарядов, к которой примешивался тяжелый блеск шлемов и быстрая радуга кольчужных колец.

Сегодня на поле собрались люди из множества городов (Москвы, Питера, Воронежа, Твери и других), так что нельзя было придумать лучшего времени для реализации нашего плана мести. Тем более что Лустберг был тут как тут: стоял на противоположной от нас стороне поля в

²⁵⁴ Песня “Тьма-пелена”; авторы - Маугли, Рязаныч.

выцветших синих джинсах и черной меховой безрукавке, повязав длинные волосы полосой грязно-белого меха.

Его лицо выражало равнодушную скуку, тонкий рот кривился над аккуратно постриженной бородой. Взгляд блуждал, лишь мельком касаясь движущегося через центр поля человека в багровой рясе, отороченной по краю синей полосой с белыми звездами²⁵⁵. Человек нес перед собой круглый щит, капюшон был надвинут - так что ни рук, ни лица человека Лустбергу было не разглядеть. Да вроде и незачем: мало ли тут ходит людей, наряженных еще и не так?

Момент был, что надо: внимание присутствующих было приковано к центру поля, посреди которого Ленский произносил вступительную речь. Так что многие невольно провожали взглядом фигуру в красном, дерзко пересекавшую поле неподалеку от жирной туши “главного мастера”. А значит - видели, как я вплотную подошел к стоящему в первом ряду Лустбергу и рывком отвел в сторону щит, освобождая спрятанную под ним саперную лопатку.

Не знаю, успел ли Лустберг заметить одетый на лезвие шанцевого инструмента полиэтиленовый пакет, поверх которого лежала целая куча говна²⁵⁶. У него было не так уж много времени: в следующую секунду я бросил говно с лопаты прямо ему в лицо. Раздался звучный шлепок, после которого я принялся пятиться назад, выставив вперед лопатку и прикрываясь щитом. Дело было сделано, и я не собирался задерживаться на этой стороне поля.

- Да что же это творится? - послышался крик из стана приятелей Лустберга, не успевших еще толком разобраться в ситуации. - Он его лопатой ударил! А ну, стой!

Но броситься в погоню так никто и не решился: саперная лопатка и кулачный щит оказались весомыми аргументами. А еще через пару секунд все поняли, в чем тут дело: собравшиеся бросились в стороны, зажимая руками носы, образовав вокруг Лустберга широкую полосу отчуждения. К этому моменту широкая общественность заприметила, что на этой стороне поля что-то не так: Ленский умолк, и большинство глаз повернулось в нашу сторону. Медлить было нельзя, так что я сорвал с башки капюшон и заорал во весь голос:

- Люди! Будьте свидетелями! Тони Лустбергу из Питера бросили в лицо говном за то, что он мусорской стукач! Теперь он чуха! Люди, будьте свидетелями...

По толпе пронесся гомон, многие подошли поближе, чтобы все как следует рассмотреть. Я продолжал орать, наблюдая краешком глаза, как мои братья разошлись по полю и разьясняют те же самые подробности представителям других регионов:

- Вы спросите, за что с ним так поступили? - авторитетно толковал Барин, пользовавшийся некоторой популярностью меж иногородними ролевиками. - Тогда я должен буду сначала спросить: а у вас в городе есть стукачи? Подумайте, как бы вы поступили на нашем месте?!

Через десять минут не было на поле такого человека, который бы не знал, чем бросили в лицо Лустбергу, а также кто и почему это сделал. Стоит отметить и то, что Лустберг даже не попытался нам отомстить. Он постоял немного, размазывая по лицу говно, а затем не выдержал и удалился по направлению к своей стоянке.

- Сделано! - поздравляли друг друга мы, глядя вслед удаляющемуся Лустбергу. - Пусть теперь жалуется, сколько душе угодно! Интересно, что он напишет: “Помогите! Грибные Эльфы намазали меня говном!” Вот смеху-то будет! Что же, месть наша свершилась: пейберда исполнена!

Мы были настолько довольны, что по возвращении в город поручили Королеве увековечить этот случай в стихах. Так родилась элегия “Король Говно”, первые пару четверостиший которой я с удовольствием здесь приведу:

²⁵⁵ Эту рясу заказал в свое время брат Кримсон, заплатив за нее в специальном ателье немалые деньги. Она сшита из чистой шерсти и являет собой точную копию костюма Рейстлина, чей портрет можно разглядеть на обложке одной из книг серии “Dragon Lance”.

²⁵⁶ Возможно (хотя и маловероятно), что кому-то будет интересно узнать следующую подробность: говно для этой акции предоставили Маклауд и Эйв.

*Ждет Лустберга престол, но он
Построен в форме унитаза
Что делать, ведь на этот трон
Был он в Москве говном помазан*

*На шее - стульчака кольцо
Быть королем - его призвание
Говном с лопаты на лицо
Так совершилось помазание...*

Прошел час, и ругань и вой, связанные с этим случаем, немного утихли. Это произошло, когда большинство людей пришли к выводу: случай с Лустбергом - питерское дело, остальных это не касается. Желающих вписаться за стукача не нашлось, и постепенно всё устаканилось: мастера закончили парад, и публика разбрелась по своим стоянкам. Посидев маленько на пригорке, направились к дому и мы.

Следующие несколько часов мы с Эйвом наблюдали, как наши товарищи помогают Паше Оружейнику строить деревянную крепость. Паша известен своими постройками на весь Северо-Западный регион, но мы и подумать не смели, что ему удастся впутать в это дело наших товарищей. Для большинства из нас участвовать в “стройка” является своеобразным табу, и лишь безмерным уважением к Паше я могу объяснить тот факт, что наши товарищи согласились ему помогать.

Но даже те, кто трудился на постройке крепости, ускоренными темпами отмечали удачное завершение многолетней пейберды. Коньячный спирт лился рекой, и спустя пару часов кое-кого из наших было уже не узнать. Больше других отличился Фери: от неимоверного количества выпитого его склонило, и теперь он сидел у костра с почерневшим лицом, в который раз рассказывая одну и ту же историю. Едва замолкнув, он тут же забывал, о чем вел речь, и достаточно было малейшей подначки, чтобы он взялся пересказывать то же самое опять:

- Фери, - просили его мы. - Расскажи еще что-нибудь!

- Охо.. тно, - заплетающимся языком начинал рассказывать Фери. - В училище вышла история, где мы с Кузей учились на краснодеревщиков. Стою я, значит, у верстака, цикольку точу. Так наточил, что просто охуеть можно: острее уже некуда! Тут подходит ко мне со спины один наш сокурсник и как хлопнет меня по плечу! Он, как потом выяснилось, хотел у меня сигарету попросить. Я подпрыгнул от неожиданности и назад развернулся, а циколька была зажата в руке. Вот сокурснику фалангу большого пальца и отрезало, да! Раз, и как будто и не было ее! Крови, помню, тогда порядочно натекло...

- Класс! - смеялись мы, глядя, как довольный Фери раскуривает сигарету. - А еще что-нибудь?

- Еще что-нибудь? - переспрашивал Фери, причем видно было, что память о сказанном покидает его вместе с этим вопросом. - Есть любопытная история про цикольку. В училище дело было, где мы с Кузей учились на краснодеревщиков...

Можете мне не верить, но в тот раз Фери рассказал историю про цикольку четырнадцать раз. Возможно, он рассказал бы ее и в пятнадцатый, но этому вышла помеха: на поле неподалеку обозначилась какое-то подозрительное движение. Примерно полсотни человек, снаряженных броней и оружием на старинный манер, в боевых порядках выдвинулись из леса и направились в нашу сторону. Около половины из них несли перед собою щиты, а впереди войска виднелась фигура одного из мастеров - в квадратных очках и синем спортивном костюме.

- Смотри-ка, игра началась! - толкнул меня в бок Эйв. - Встречай их, Петрович, раз уж тебе это положено по должности!

Вышло так, что на этой игре мне досталась роль начальника стражи - лица, ответственного за оборону Видесских границ. Вздыхнув, я напялил на себя рясу, сунул за пояс мечи и двинулся по полю в сторону приближающегося войска. Вместе со мной отправился Эйв, а остальные наши товарищи вернулись к работе, с топорами в руках окружив недостроенную Пашину крепость.

Я шел, прикидывая в уме слова приветствия, подходящее для такого важного случая. Что лучше сказать: “Воины, приветствую вас на границах славной Видессы!” или “Чье это войско стоит возле границ великого города?!” Как себя держать: вежливо или надменно, разливаться соловьем или просто спросить: “Парни, чего вы хотите?”

Но по мере приближения слова замерли у меня на устах. Что-то было не так с этим войском: слишком молчаливы были собравшиеся, чересчур серьезны и сосредоточены были их лица. На некоторых из них читалась решимость, на других - злоба, но было и порядочное количество таких, кто прятал за показной удалью липкий, расходящийся почти ощутимыми волнами страх.

Он читался в лихорадочном блеске глаз, в напряженных плечах, в повисшем в воздухе кислом запахе адреналина. И вот это не укладывалось уже ни в какие схемы, это было словно удар колокола, настойчиво трезвонящего: “Здесь что-то случилось!”.

А потом я увидел в первых рядах людей с заточенными топорами в руках, и все разом встало на свои места. Более того, дополнилось новыми подробностями. Вон там виднеется из под щита обрезок железной трубы, а вон там - тяжелый молоток на длинной металлической ручке. Пятьдесят стоят перед двумя, сбившись в кучу и тесно сдвинув щиты, ноги уперлись в землю, руки из всех сил сжимают оружие. Чего же тут не понять?

А когда я бросил взгляд на предводителя этого войска, у меня отпали всякие сомнения. Я смотрел на него и как будто бы знал, чего он мне скажет. Знал настолько четко, словно пронзил взглядом череп и заглянул прямо в обнажившийся мозг.

- Грибные Эльфы! - послышался знакомый голос. - Я приказываю вам немедленно собрать свои вещи и в течение часа покинуть территорию полигона! Это распоряжение мастеров, в случае невыполнения которого мы применим к вам силу!

Я глазам своим не верил - это был тот самый Дан, которому мы четыре года назад нассали в сумку. То самый, что попал себе по голове топором. Он ничуть не изменился: ежик русых волос перехватывала узкая шерстяная полоска, блестели на солнце квадратные очки, и, похоже, на нем был все тот же спортивный костюм. И голос - легко узнаваемое карканье, глухая помесь скрежета, шипения и свиста.

- Итак, - повторил Дан, - вы меня слышали! Так что вы имеете на это сказать?!

Его слова пробудили во мне целую бурю чувств. Мне не раз доводилось получать пизды, да и угрожали мне тоже немало. И я вовсе не собирался терпеть угрозы от такого, как Дан. Одним движением сорвав с себя перевязь с мечами и рясу, я потянул из-за пояса спрятанную там саперную лопатку.

- Что я могу на это сказать? - переспросил я, глядя прямо Дану в лицо. - Да то, что ты пидор! Не про тебя ли в песне поется?

*Дан Московский понтовался мудростью и силой,
Весь в прыщах пришел пиздеть к нашему костру.
Вещи гниде обоссать, и с улыбкой милой
На хуй тыщу раз послать!
Вот оно - кун-фу!²⁵⁷*

И пока Дан переваривал это, в беседу вмешался начавший потихонечку звереть Эйв:

- Ты тут говорил про какую-то силу, - сказал он, делая шаг в сторону Дана. - А она у тебя есть?

- Войско, к бою! - закричал Дан, поспешно отступая назад. - Щитники!

²⁵⁷ Куплет из песни “Грибное кун-фу”, автор - Строри.

По его знаку собравшиеся теснее сдвинули щиты и сделали два шага вперед. Выглядело это внушительно, тем более что в “стенке” стояло некоторое количество нормальных людей. (Например - парни из Воронежа, которым я ни за что не стал бы грубить просто так). И если бы водка не плескалась прямо у меня за глазами, я бы наверняка испугался. Но в нашу сторону уже бежали товарищи, и через несколько секунд перед строем пришедших возник наш собственный строй - десяток человек, вооруженных штыковыми лопатами и тяжелыми плотницкими топорами.

Кроме наших братьев, в этот строй встали Паша Оружейник и Ааз, а из-за спин собравшихся нам подавал знаки бывший хирдмен из Питера по прозвищу Берегонд²⁵⁸. Так что наше дело неожиданно перестало казаться совсем уж безнадежным. Ведь среди ополченцев было не так уж много тех, кто готов был драться всерьез, кто действительно хотел испытать судьбу в смертельной пляске топоров и точеных лопаток.

Не было в сердцах собравшихся будоражащей злобы, пламя боевого азарта не горело в их тусклых, испуганных глазах. Даже те, кто не допустил страх в свое сердце, пришли сюда не по собственной воле - их притащили за собой мастера, а это, согласитесь, не самая лучшая мотивация.

У наших же товарищей с мотивацией все было в полном порядке. Ни хуя себе, нас пришли ебашить! И кто?! Дан со своими сподвижниками - червелюди, прихвостни жирного мудака Ленского! Которые впутали в это дело приличных людей и хотят их руками сделать то, на что сами не отважились бы никогда в жизни. Да как бы не так!

Боевое бешенство закипало во мне жаркой волной, и я видел краем глаза, как рядом со мной начинают перекидываться остальные. Взгляд Дурмана стал напоминать прищур матерого секача, криво ухмыльнулся вооруженный лопатой Маклауд. Будя в душе злобу, с размаху ударил себя кулаками в лоб Эйв. Но и в строю напротив стояли не только нытики и паникеры: казалось, воздух над полем трещит от незримого электричества, в любую секунду готовый разразиться ослепительной грозой. Еще миг и...

Но тут словно сама судьба вмешалась в неизбежный, казалось, кровавый расклад. Фери, сжимая в руках тонюсенькую вицу из ольхи, вышел из наших рядов и, словно зомби, двинулся по направлению к вражескому строю. Его взгляд бессмысленно блуждал, а лицо было темным и страшным. Приблизившись, он принялся, словно слепой, трогать людей за одежду и лица, совершенно игнорируя занесенные над ним дубинки и топоры.

Кое-кто, не выдержав, начал отстраняться от Фериных рук, но ударить его так никто и не решился. В конце концов Фери погрузился внутрь вражеского строя и принялся бродить там, что-то невнятно бормоча, а вокруг него крутились люди, выставив оружие и прикрываясь щитами. Фери, словно миксером, перемешивал вражеский строй, внося в ряды врага сумятицу и губительный беспорядок.

- Войско... - попробовал было закричать Дан, но я сразу же его оборвал.

- Заткнись, пидор, - прошипел я, - а не то я голову тебе снесу! Встань в сторону, соска, и не отвечивай!

Видя замешательство войска, Дан почел за лучшее не залупаться и на самом деле отошел в сторону. В это время Барин, Маклауд и Эйв выступили вперед и обратились каждый к своей группе собравшихся:

²⁵⁸ Тогда мы полагали, что эти знаки означают “Эй, парни, я с вами!”, и немало хвалили меж собой Берегонда за оказанную вовремя помощь. И только семь лет спустя (когда нам представился случай обсудить это с самим Берегондом) мы неожиданно узнали, что эти знаки означали совсем другое. В тот момент Берегонд еще не решил, кому он собирается помогать: нам или ополчению, прибывшему по нашу душу. Поэтому его жесты могли означать все, что угодно: от “Привет, парни, какая встреча!” до “Ну что, грибомордии, наконец-то вам пиздец!”. Но мы все равно ему благодарны: ведь в тот миг мы полагали, что враги наши надежно окружены! За это Берегонд попал в нашу книгу под именем “Берегонд”, а не под тем, каким мы обычно его называем.

- Парни, вы откуда - из Воронежа? - приветливо начал Барин. - Какие у нас могут быть счеты?! Зачем нам драться, ведь крови между нами нет! Или мы вас настолько расстроили?

- Хочу знать, чье это решение! - уверенно “резал” Маклауд. - Ваше или чье-то еще? Посмотрите на того, кто называл себя вашим предводителем! Его в лицо называли пидором, а он только утерся! И этот человек стравливает нас между собой?!

- Добром мы не уйдем, - спокойно объяснял Эйв. - Так что крови будет много, и с нашей, и с вашей стороны. Не тешьте себя иллюзией, что бой будет легким! А если кого-нибудь убьют, вы же окажетесь виноваты! Или вы и в ментовке будете объяснять, что “мастера приказали вам вооружиться топорами и хуярить людей”? Вас в блудняк вписывают, а вы и рады! Своей башкой нужно думать, уважаемые! Оставьте разборки тем, кто это устроил!

Через десять минут таких переговоров большая часть собравшихся развернулась и пошла по полю назад, а кое с кем мы договорились встретиться вечерком и как следует выпить водки. На месте остались только Дан и кучка его приближенных - да и то лишь потому, что им не разрешили уйти.

- Куда, сука? - осадил Дана Барин, когда тот собирался скрыться вместе с остальными. - Подожди!

Утратив большую часть войска, Дан выглядел жалко. И хотя теперь нас было примерно поровну, Дан растерял задор и предпочитал прятаться за спинами своих приближенных. По правде говоря, это имело смысл - у меня руки чесались раскроить ему башку, да и не у меня одного.

- Вы предьяву нам сделали: на хуй с полигона! - сделав над собой усилие, начал я. - Так иди и передай Ленскому наши условия, раз этот ссыкливый пидор предпочитает прятаться под юбкой у жены! Что ты там бубнишь - он сидит с дочкой?! Тогда передай сиделке наше слово: мы приехали играть, и пусть он даже не думает сворачивать мероприятие. Если он это сделает, нынешняя ночь покажется вам адом! Игра должна продолжаться! Иди!

И Дан ушел, премного довольный тем, что дешево отделался. Его прихвостни потянулись за ним, а мы отправились к себе на стоянку пить коньячный спирт и “снимать возникшее напряжение”. Драки не вышло, но никто из нас об этом особенно не жалел: моральная победа, как говорится, тоже идет в зачет.

Мы расположились кружочком возле костра, усиленно налегая на спиртное и не ведая, что на игровом полигоне в это время творятся жуткие вещи. Сами мы узнали о них намного позже, из рассказов очевидцев и сообщений в ФИДО, с помощью которых попробуем реконструировать для вас эти далекие события. Мы начнем с сообщения Кантора, который довольно внятно изложил произошедшее - только, разумеется, со своей колокольни:

“... в среду они объявились на полигоне. Их приезду предшествовал рассказ о том, что в Чехове встречена команда из Лодейного Поля, которая едет на Видесс гномами. К сожалению, завернуть их по ложному маршруту опоздали, да и как грибные они опознаны не были...”

Далее Кантор в двух словах пересказывает случай с Прудковским, а затем пишет вот что:

“... они получили загруз на хаморских наемников (изящный штрих - в процессе беседы они поинтересовались “А не приехали ли гнусные вонючки грибные эльфы?”). К вечеру стало понятно, что это именно грибные. По полигону пошел первый легкий стрём. Альдор (Баан Ономагул, кто понимает) забил на всё и переставил палатку на мастерятник...”

Затем Кантор живописует, как мы ночью посещали Гарсарву, добавляя в конце:

“... к сожалению, спать грибные не пошли, а отправились к Лустбергу устраивать пожизненную²⁵⁹ разборку. Стрем по полигону пошел уже весьма серьезный...”

²⁵⁹ Пожизненную (рол. сленг; от противопоставления выражений “по жизни” и “по игре”) - настоящую, не игровую.

Как видите, Кантор несколько раз упоминает в своем сообщении о царящей на полигоне атмосфере неуверенности и страха. Он даже рисует некую прогрессию - легкий стрем, серьезный стрем, а затем уже и паника:

"...следующие серьезные проблемы начались после парада. Сначала (хотя об этом я лично узнал сильно позже) грибные бросили дерьмом в лицо Лустбергу. Пока я сидел в Видессе и успокаивал народ, было, собственно, начато совещание в мастерятнике. По его итогам было принято наше великое ошибочное решение собирать толпу и выдворять грибных. Паника, однако, при этом была серьезнейшая..."

Проще говоря - пока мы пили, немалое количество игроков расплзлось по своим стоянкам и предались там самой настоящей истерике. Как нам доложили, на мастерской выступил с речью Дан, толковавший примерно о следующем:

- Теперь грибные так просто не успокоятся, - трясясь всем телом, рассказывал он. - Сейчас они пошли пить, а когда нажгутся - примутся жечь палатки и избивать игроков. Девушек будут насиловать, а нас самих - резать! Клянусь, я их видел - они ни перед чем не остановятся!

Я уверен, что даже если бы мы обезглавили Дана и бросили его вонючую тушу посреди мастерятника - это не вызвало бы и половины того ужаса, что породила его сбивчивая, тревожная речь. Многие (а особенно те, кто сам ничего не видел) начали перешептываться между собой, и вскоре послышались первые взволнованные голоса:

- В Питере такое уже было! - толковали они. - На Артуре-6, на Ведьмаке, на РХИ и на Тамриеле... Помяните наше слово, ночью наверняка будет погром! И без жертв на этот раз точно не обойдется! Нельзя было их трогать, а теперь все! Пиздец всем, кто останется ночью на полигоне!

- Погасите костры и сидите у себя на стоянках! - кричали другие. - Никуда не ходите, держитесь друг у друга на виду! Слышали, как они часовых удавками похищают?! С ними шутки плохи!

Были, правда, и те, кто пытался урегулировать ситуацию:

- Да не тряситесь вы так, - толковал собравшимся Джулиан. - Ну что вы мечетесь? Это все ерунда!

Но его, конечно же, не стали слушать. Вместо этого забившийся в палатку Ленский объявил об окончании игры, а некто Куковлев передал в эфир сообщение, которому суждено было вызвать на полигоне целую волну неоправданной истерии:

- Говорит мастерская! - передал Куковлев. - Попытка выдворить грибных провалилась, ситуация на полигоне **ОЧЕНЬ СЛОЖНАЯ**. Рекомендуется не зажигать костры и не ложиться спать, по возможности уходить с полигона на первых электричках. Это все, больше сообщений не будет. Бегите, и да хранит вас бог!

А множество раций - в Гарсарве и Йезде, в Машизе и в многострадальной Видессе - приняли и озвучили это удивительное сообщение. К тому времени на поле и в лесу успело стемнеть, так что сообщение Куковлева о тотальном бегстве вызвало волну самого настоящего ужаса. Разумеется, не все оказались такими дебилами, чтобы залить водой собственные костры - но, говорят, что нашлись и такие.

Теперь в лесу было полным-полно смертельно напуганных людей. Половина из них с ножами в руках сидела в темноте возле своих палаток, гадая: откуда выйдет зло и каким оно будет? И только на стоянке питерцев, у парней из Воронежа и еще кое-где (речь о тех игроках, которые в результате остались на полигоне) все было спокойно.

Даже Радор О' Гиф, прибывший под Чехов во главе своего Угорта, был совершенно спокоен - мы давно уже с ним не воевали, да и войско его с тех пор заметно окрепло. Скорее всего, он с презрительной улыбкой глядел на царящую вокруг суету - как, впрочем, и большинство питерских игроков. Мол, пусть москали мечутся, а мы у себя дома еще и не такое видали!

А вот у нас на стоянке было не очень спокойно: напившийся коньячного спирту Ааз решил, что Эйву пора ложиться спать. На самом деле пришла пора спать ему самому, но чтоб его уложить, нужно было очень и очень постараться.

Ааз из тех редких людей, на которых страшно нападать даже с бейсбольной битой в руках. Массивный и коренастый, полжизни прозанимавшийся спортом - Ааз, кабы захотел, мог бы опиздюлить любого на нашей стоянке. Мы искренне благодарили господ (каждый своего), что Ааз от природы уравновешенный человек, а не такое же быдло и гопота, как мы сами.

Но коньячный спирт сделал свое дело, и Ааз неожиданно перекинулся. Правда, сделал он это по своему - его "альтерэго" оказалось вовсе не злобным. Зато очень настойчивым.

- Саше пора спать, - в упор глядя на Эйва, заявил Ааз. - И сейчас я его уложу!

- С хуя ли? - справедливо возмутился Эйв. - На себя посмотри!

Но не тут-то было: если Ааз сказал, что уложит, значит, так тому и быть. Схватив Эйва за плечо, Ааз подсечкой опрокинул его на землю, ухватил за ремень и потащил ко входу в расположенную неподалеку палатку. Поначалу Эйв пытался сопротивляться, но Ааз мгновенно подавлял любые попытки бунта - спасибо хоть, что без особой жестокости.

Он и сам был порядочно пьян, из-за чего постоянно падал. Тогда ремень вырывался у него из рук, а Эйв получал свободу и пытался скрыться от Ааза на четвереньках. Но Ааз ловил его за ремень, подтягивал к себе и снова вставал. В конце концов Эйв догадался расстегнуть ремень, благодаря чему смог вывернуться у Ааза из рук.

- Тебе пора спать! - заорал Ааз, бросаясь в погоню. - А ну, иди сюда!

Пока они бегали, у костра решался очень важный вопрос. На дворе была ночь, а игры все еще не было. И не похоже было, чтобы ее собирались когда-нибудь начинать. Тогда обпившиеся спирта Боря с Кузьмичом вздумали обвинить нас с Эйвом в провале "великой миссии". Они утверждали, что мы слишком грубо говорили с прибывшим ополчением, из-за чего мастера и свернули всю игру. И теперь все - костюмы, сабли и крепость - оказались совершенно бессмысленными.

Они не хотели слушать никаких возражений, более того, за короткое время убедили в своей “правоте” остальных. Результатом этого стало беспрецедентное требование, с которым обратились ко мне и к Эйву наши товарищи:

- Вы пойдете к мастерам и договоритесь, - заявил Барин, - чтобы завтра была игра! Вы все испортили, так теперь идите и поправляйте!

И, обернувшись к коллективу, спросил:

- Хау, вожди?!

- Хау, - кивнули остальные. - Пускай проваливают! Хотим игру!

Пришлось нам идти.

- Это, что ли? - спросил меня Эйв, когда мы едва ли не на ощупь выбрались на лесную поляну. - Тут?

- Не так я представлял себе мастерскую, - признался я. - А где же костер?

Костра не было, вместо него дымила куча какой-то трухи, от которой поднималось вверх густое облако едкого дыма. В темноте едва виднелись контуры нескольких палаток, но людей было не видеть.

- Здесь мастерская? - спросил я. - Ау!

Мой вопрос остался без ответа. Тогда мы принялись проверять палатку за палаткой, покуда не вытащили из одной испуганного, трясущегося человека. Его фамилия была Карасев, и сначала он больше молчал. Но после небольшой встряски все же признался, что является одним из мастеров.

Тогда я усадил его на пенёк, разжег принесенный с собой кусок плексигласа и воткнул его в землю. Неверный свет горящего пластика вырвал из темноты участок почвы, покрытой толстым слоем мха, трухлявый пенёк и осунувшееся лицо моего собеседника. Он смотрел на меня широко открытыми глазами, напряженно следя, как я опускаюсь на колени, хватаюсь руками за голову и начинаю выть:

- Господин, произошла трагическая ошибка! - причитал я, то и дело хватая Карасева за штаны. - Только ты способен нам помочь! Выслушай меня, владыка...

Сказать, что Карасев от этого охуел, значит ничего не сказать. Его словно приморозило к пню, а меня наоборот - с неудержимой силой понесло. Я был близок к перекидке, из-за чего искренне полагал: если я буду кататься по земле, выть и симулировать юродивового, мастера простят нас и наутро пустят на ролевою игру. Рассуждая подобным образом, я быстро пришел в состояние совершеннейшего иступления - рыдал, бился в конвульсиях и все время хватал Карасева за штаны, то и дело норовя поцеловать краешек его одеяний.

Я не называл его иначе, чем “владыка” и “господин”, каялся в грехах и обещал невообразимые вещи. Я клялся еще до утра исправить все, что мы испортили, совал Карасеву под нос наши костюмы и напоминал, что мастера сами приняли нашу заявку. Просил я при этом об одном - не бросать начатого и наутро все же сделать игру.

Мои смиренный вид, рыдания и вой постепенно сделали свое дело. Правда, не совсем то, на которое я рассчитывал. Они стали подобны воздуху, постепенно наполнявшему пустой мешок: чем больше я унижался, тем уверенней чувствовал себя расправивший плечи Карасев. Когда мы вытащили его из палатки, он напоминал трясущегося сморчка, но сейчас сидел гордо - так, словно у его ног я был на своем месте.

- Так как же, господин, мы можем рассчитывать на прощение? - уже в который раз спросил я. - И на то, что завтра будет игра?

- Посмотрим на ваше поведение, - ответил Карасев таким тоном, что мне сразу же стало ясно: говорить не о чем, никакой игры не будет. - Я подумаю!

До этого момента я полагал, что мы с Эйвом отправились в дорогу одни. И поскольку Эйв сидел неподалеку и был все время у меня на виду, я порядком удивился, когда кто-то вышел у меня из-за спины и ударил Карасева ботинком в лицо. Послышался глухой удар подошвы о кость, Карасев повалился назад, а тихий голос Дурмана отчетливо произнес:

- Полежи, подумай!

Увидев такое, Эйв поднялся со своего места и объявил:

- Высокие стороны не договорились! Петрович, кончай кривляться - пора отсюда валить!

- Погоди, - попросил я. - Хочу кое-что сказать напоследок! Эй, господин!

Вытащив Карасева на свет, я встряхнул его за шиворот и сказал:

- Или завтра в полдень вы начнете игру, или сегодня в четыре утра мы вас всех здесь перехуярим! Решайте сами - это наше последнее слово!

После этого я удалился, весьма гордый предъявленным ультиматумом. И если бы Эйв не обратил мое внимание на некоторую странность, я бы так ничего и не заметил.

- Значит, если завтра в полдень они не начнут игру, - задумчиво произнес он, - мы придем сегодня в четыре утра и как следует их взгреем? Такой ультиматум кого хочешь заставит задуматься! Друг мой, да ведь это настоящий коан! Дзен ультиматума!

- Вообще-то, я не то хотел сказать, - признался я. - Просто...

- Хорошо сказал, - оборвал меня Эйв. - Ставлю что хочешь: теперь они побегут!

- Ты думаешь? - спросил я.

- Я в этом абсолютно уверен! - отозвался Эйв.

Эйв не ошибся: в предрассветный час множество ролевиков вышли из леса и потянулись через поле по направлению к шоссе. Они бежали группами и поодиночке, спеша изо всех сил и то и дело воровато оглядываясь. Многие из них собирались в такой спешке, что даже не успели толком уложить свои вещи. Некоторые тащили свой скарб, завернув его в палатку и взяв ее за углы, кто-то нес свои шмотки в руках, другие бежали, уложив барахло в спальные мешки или в полиэтиленовые пакеты.

Вскоре очередная скорбная процессия появилась на поле неподалеку от нашей стоянки, в районе коровьего брода. Выйдя на пригорок, мы наблюдали, как они идут: серые тени на фоне светлых утренних сумерек. Небо на востоке начинало потихоньку светлеть, над полями стоял холодный туман - липкий, как паутина. Ветра не было, и звуки далеко разносились по полю: топот множества ног и приглушенные расстоянием испуганные голоса.

Правда, через несколько минут они сменились истошными воплями: Маклауд и Дурман устроили в районе брода засаду. Спрятавшись за кустами, они подкараулили переходящих ручей беглецов и с улюлюканьем погнали их по полю, громко крича и размахивая лопатками.

От полноты чувств они рубили притороченные к спинам отступающих мешки, и оттуда сыпались на землю консервы и чай, бланки заявок и скомканные одеяла. Поднялся многоголосый вой, отголоски которого еще долго звучали над полем: сначала он ширился и рос, а затем стал постепенно затихать, дрейфуя в тумане по направлению к Новоселкам.

Через полчаса - когда встало солнце, а туман осел на землю сверкающей росой - нашим глазам открылась удивительная картина. Весь берег ручья возле коровьего брода был завален втоптаннми в землю вещами: брошенными рюкзаками и спальниками, какими-то сумками и сделанными из тряпок тюками. Одних только консервов удалось собрать два с половиной мешка, чего уж говорить об остальном!

Покончив с мародерством, мы вернулись на нашу стоянку. Постепенно утро все больше вступало в свои права: солнечные лучи разогнали промозглую сырость, над полем и лесом разнеслись звучные трели проснувшихся птиц. Легкий ветерок едва колыхал тонкие ветви деревьев, перебирая полупрозрачные листики невидимым гребешком. Неторопливо кружила над полем пустельга: то взлетала вверх в потоках теплого воздуха, то стремительно ныряла почти к самой земле.

Расположившись на траве, мы слушали речи проснувшегося Фери. Ему мало что запомнилось из событий вчерашнего дня - да и насчет того, что он все-таки помнил, Фери имел искаженное представление. Например, он хорошо запомнил пришедшее по нашу душу ополчение, но совсем не помнил, чтобы в его “обуздании” участвовал кто-нибудь, кроме него самого.

Естественно, что Фери хотел поведать товарищам о своем подвиге. А поскольку проснулся он еще порядочно пьяным, то все, что он нес, казалось ему совершенно естественным. Похоже было, что он без всякой критики пересказывает нам, как он чувствовал себя вчера, когда под стены Видессы подошло “то самое войско”.

- Секите, пацаны, - толковал Фери, с важным видом расположившись возле костра, - какая вчера была тема! Пока вы хуй знает где были, мастера прислали против нас целую армию. Там была куча людей, и все с дубинами и топорами!

- Да ну? - в притворном ужасе вскричали мы. - И что же?!

- Я пошел их встречать, - при этих словах Фери встал и двинулся по стоянке, показывая, как смело он шел, - и говорю им: “Козлы и пидоры, убирайтесь отсюда вон!” И вот так вот на них посмотрел!

Тут Фери глянул на нас, и на секунду лицо его сделалось таким же, что и вчера - темным и страшным. Убедившись, что мы поняли, как именно “он на них посмотрел”, Фери со значением продолжал:

- И знаете что?! Никто из них не выдержал моего взгляда!

- Да ну? - пуще прежнего “удивились” мы. - Так уж и никто?

- Они под взглядом моим прогибались! - авторитетно заверил нас Фери. - Так я один всех и разогнал!

Разубеждать его мы не стали. Теперь, когда наши дела здесь были закончены, пришла пора потихонечку собираться в путь: часть наших товарищей уезжала сегодня в Питер, Маклауд с Дурманом намеревались отправиться во Псков, а остальных ждал подмосковный игровой полигон в районе Хотьково.

По слухам, нынче вечером там должна была стартовать игра “Ангмарские Войны”, которую делают люди, совсем непохожие на ссыкливую свору Ленского. И мы верили, что несколько парней из Лодейного Поля найдут там понимание и смогут наконец-то хоть во что-нибудь поиграть.

Поэтому мы с легким сердцем собирались в дорогу: день еще не перевалил за середину, как мы закинули на плечи рюкзаки, перешли вброд ручей и двинулись через бескрайние, простирающиеся в солнечную даль поля. И если чьи-то глаза провожали нас настороженным взглядом, то не слишком долго. Вскоре наши фигуры скрылись в переменчивом мареве, едва заметными точками мигнули у самого горизонта, а затем и вовсе исчезли - из виду, со страниц книги и из этой истории.

Послесловие.

“Мёд сказок - словно багровое зелье из виноградников Ада. Ты пьешь его взглядом, но огонь его струй не утолит твоей жажды. Оно дарит чарующие сны, но наутро - ты проснешься другим”. “Honey of Tales”.

На востоке верят, что сказки подобны звездам, а люди - драгоценным камням, обладающим свойством долгие годы сохранять в себе их возвышенный свет. Запечатленные в зеркале памяти, сказки становятся постоянными спутниками человека - столь же привычными, как и его собственная тень.

Среди других книг сказки занимают особенное положение. Они - та самая влага, что орошает в юности росток еще неокрепшего разума, они - почва, в которой укореняется рвущееся вверх древо человеческих представлений. Они разносятся по ветру, подобно пылице или семенам, и расцветают в умах людей сияющими огненными лепестками.

У каждого народа и времени свои сказки. В славянских катятся с плахи отсеченные топорами головы, в румынских людей весело водружают на колья, в арабских топят, в монгольских - разрывают на части лошадьми. Кровь течет рекой, и даже детские сказки несвободны от седого призрака смерти. Щелкунчик рубит в капусту Мышиного Короля, Балда щелчком убивает Попа, Золотой Петушок клюет до смерти узурпатора Додона. А бывают и такие сказки, где гора трупов громоздится прямо-таки над каждым абзацем:

“...налетел тут на них Илья Муромец и давай мечом рубить, копьём колоть да конем топтать. С утра и до ночи бил поганых - порубил многие сотни, а еще больше в реке утопил. Вышла та река из берегов от крови поганой, запрудили тела вражьи бег быстрых вод...”

Оттого особенно ценятся сказки добрые и веселые, где если и течет кровь - то в меру, а бьют хоть и больно, но все же не до смерти. И пусть водка разливается в них бушующим морем, а с пахнущих дымом страниц зубоскалят наркотики - не велика беда. Ведь наркотики и водка - это зло, а злу в сказках всегда отводится видное место. Без него, если на то пошло, и сказок бы не было.

Представьте, что кто-нибудь станет укорять сказителя - для чего же ты, падла, толкуешь про монголо-татарское иго? Не знаешь разве, что это - великое зло?! Ты про добро говори, паскуда, про одно только добро! Если послушаться, сказка выйдет навроде вот этой:

“Растил Микула Селянинович хлеб... Дело это было доброе, хорошее дело. Ты то, сынок, наверно и не знаешь, как это здорово - хлебушек растить? Чтобы его всем, сынуля, хватило... Так вот растил Микула Селянинович хлеб, растил... покуда весь этим хлебом не зарос!”

Ну хорошо, скажут люди, уговорили - никак без зла. А без добра, значит, можно? Где в ваших сказках добро-то?! Что на это сказать: упрямого не переспоришь, немого не разговоришь, до глухого не докричишься. А черствого не развеселишь!

Проверьте себя: если смех был вашим спутником, когда вы путешествовали по страницам этой книги - значит, вы сумели прочесть ее правильно, не допустив ни одной трагической ошибки. Не представляли себя на месте “обиженных”, не терзались чужой болью и страхом, не травили душу ядом сочувствия к недостойным. Не отворачивались, не морщили нос и не искали зла там, где его никогда не было.

Впрочем, по первости далеко не все наши истории могли показаться вам достаточно смешными. Ничего. Водку тоже бывает трудно пить в первый раз, кажется - какая жуткая гадость, и зачем только ее пьют? Но она согревает сердца, и во второй раз на неё смотрят уже благосклоннее. А через некоторое время кое-кого от нее и за уши не оторвать. Со сказками то же: если вы вернетесь на эти страницы еще раз, то почувствуете, что ваша оценка ситуации несколько изменилась.

Это и есть подлинное эльфийское волшебство - разлитая меж страниц незримая краска, которая проникает под кожу, потихоньку окрашивая наши помыслы в самый лучший, в самый восхитительный цвет. Каждому нужна своя доза этого вещества: кому-то хватит одного раза, кто-то перекроется с половинки, а кому-то и трех раз покажется мало.

В конце концов сказки сделают свою работу - исподволь и незаметно, но все-таки сделают. Они - словно расходящаяся в воде соль, придающая раствору совершенно новые свойства. Кто знает, какими кристаллами она выпадет, какой осадок впоследствии даст? Но это - в будущем, а пока выслушайте одну поучительную историю.

Однажды зимой я повстречал одноклассника из моей старой школы. Низко надвинув на глаза вязаную шапочку, он шел по Авиационной, сунув руки в карманы и рассеянно поглядывая по сторонам. Увидев мое лицо, он некоторое время присматривался, как будто начисто забыл мое имя и все с этим связанное, а потом неуверенно предложил:

- Э, братан, привет... Как твои дела? Давай посидим где-нибудь, покалякаем за жизнь. Может, ты мне что-нибудь интересное расскажешь?

Устроились мы с ним в одном заведении неподалеку от Чесменской церкви, открыл я рот - да как понес! А о чем я говорил, про то целая книга написана. Два часа говорил, а и двадцатой части не успел рассказать.

- Давай теперь ты! - маленько притомившись, попросил я. - Валяй, рассказывай!

- Так а что рассказывать-то... - растерялся мой одноклассник. - Ну - учился, работал. Женился вот. Дети у меня... А так, вроде, больше и рассказать-то нечего...

- Э, братан, - огорчился я. - Это за десять-то лет?!

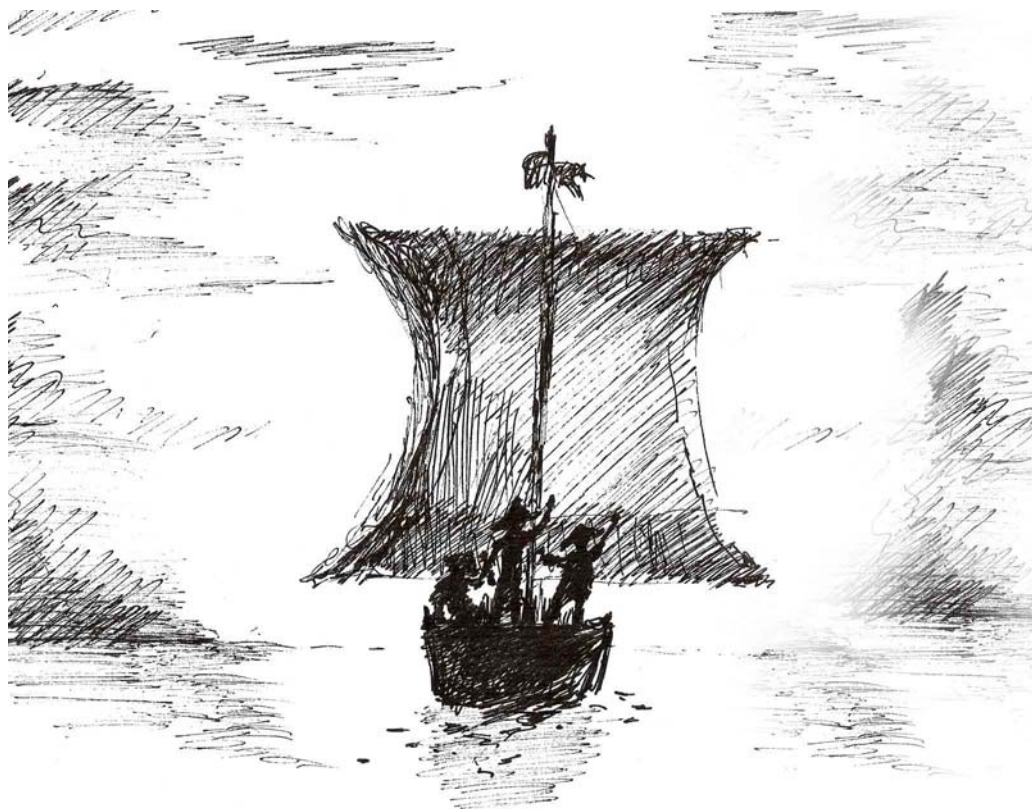
- Ну, - разом погрузнев, протянул он. - Вроде как и не жил...

Так вот, чтобы и с вами не вышло точно такого же говна, скорей оглянитесь по сторонам: не ускользает ли от вас ваша собственная сказка? Где же она?! Мир тесен, и если ветер донесет до нас молву о ваших похождениях - значит, не перевелись еще те, чьи души рождены из вечного пламени, а не слеплены неумелым горшечником из глины! Тогда высока будет ваша судьба, и навсегда отделена от судьбы остальных - тех, что от начала мира ни холодны, ни горячи!

Может быть, именно вам удастся нащупать дорогу и пройти сквозь врата сказок в волшебный и удивительный мир. Распрощаться с судьбой людей и кочевать со страницы на страницу, из истории в историю, обретя неуязвимую и вечную плоть сказочного существа. Конечно, для этого вам придется потрудиться, но ведь дело этого стоит!

Ну а те, кто твердо решил остаться - заплывшие жиром нытики, плюгавые моралисты, паникеры и трясуны - на всякий случай учтите! Средний гриб разбрасывает миллионы спор, и хотя прорастают они медленно и не все, но все-таки прорастают! И как бы вы ни мечтали об обратном - волшебство не переведется, а эльфы будут ходить по этой земле. И когда кто-нибудь крикнет “A Elbereth!”, найдутся те, кто отзовется: “Gilthoniel!”.

р.